

С.С. ДЗЕРЖИНСКАЯ

**В ГОДЫ
ВЕЛИКИХ
БОЕВ**

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Институт славяноведения и балканистики АН СССР

С.С. ДЗЕРЖИНСКАЯ

**В ГОДЫ
ВЕЛИКИХ
БОЕВ**

Издание второе, исправленное
и дополненное

Издательство «Мысль»
Москва · 1975

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Под редакцией И. А. ХРЕНОВА

Перевод разделов 1—42 п 44—48
с польской рукописи
М. Ф. РОЗВАДОВСКОЙ

Д $\frac{10303-340}{004(01)-75}$ —36-75

© Издательство «Мысль». 1975

Предисловие

Изданная в 1964 году книга воспоминаний ветерана польского и русского революционного движения, активного участника строительства социализма в СССР С. С. Держинской «В годы великих боев» вызвала большой интерес советского читателя. Главное место в книге посвящено рассказу о жизни и революционной деятельности Ф. Э. Держинского, показу его неспясаемой воли и мужества в борьбе за осуществление идеалов пролетариата — построение социалистического общества. Наряду с этим автор повествует о борьбе польского пролетариата и его революционного авангарда — Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы, рассказывает о своем участии в польском революционном движении. Богатый документальный материал, положенный в основу книги, четкость и обоснованность принципиальных выводов и обобщений придают воспоминаниям С. С. Держинской большое научно-познавательное и политико-воспитательное значение.

Вскоре после выхода в свет первого издания С. С. Держинская по просьбе польских друзей провела дополнительную работу над своей книгой для издания ее на польском языке. В польское издание автором были внесены некоторые поправки и уточнения, что придало книге лучшую композиционную стройность. Почти заново была написана глава «Феликс Держинский и Коммунистическая партия Польши».

При подготовке настоящего, второго издания были полностью учтены все поправки, уточнения и дополнения, сделанные автором в польском издании, осуществленном в 1968 году.

Софья Спигзундова Держинская прожила долгую и замечательную жизнь (1882—1968). Труден и сложен

был путь профессиональной революционерки — аресты, судебные процессы, ссылка в далекую Сибирь, скитания по чужим краям вдали от родины. Но ничто не могло сломить воли стойкого борца, закаленного в огне классовых битв. Неутомимая труженица, С. С. Дзержинская до конца своей жизни оставалась преданной делу рабочего класса, идеям марксизма-ленинизма.

Большой вклад она внесла в дело коммунистического воспитания советской молодежи. Свыше 700 школ, пионерских и комсомольских организаций Советского Союза вели переписку с С. С. Дзержинской. Ее частыми посетителями были делегации студентов, юных красных следопытов, представители комсомольских организаций, и со всеми она тепло и проникновенно делилась опытом своей революционной работы, оказывала помощь добрыми советами.

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством С. С. Дзержинская была награждена тремя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. Польское правительство наградило ее орденом «Штандар працы» («Знамя труда») I степени.

Скончалась С. С. Дзержинская 27 февраля 1968 года. Прах ее покоится на Ново-Девичьем кладбище в Москве.

Воспоминания С. С. Дзержинской — это ценный памятник о жизни и деятельности двух замечательных революционеров — Ф. Э. Дзержинского и его верного друга, жены и соратника по борьбе С. С. Дзержинской. В книге также ярко показана деятельность польских революционеров, которые совместно и под руководством Ф. Э. Дзержинского прокладывали путь к национальному и социальному освобождению польских трудящихся.

В то же время книга «В годы великих боев» содержит богатый фактический материал по истории революционной борьбы польского пролетариата, который вместе с русскими братьями выступал против царского самодержавия и гнета капитала, за свободу всех трудящихся, за торжество победы идей марксизма-ленинизма.

И. Хренов

Детство и юность

Родилась я в декабре 1882 года в Варшаве. Мой отец Сигизмунд Мушкат, сын эконома небольшого поместья под Варшавой, начал работать с десятилетнего возраста мальчиком в одном из варшавских книжных магазинов. Тринадцатилетним подростком он принимал участие в восстании 1863 года, доставляя боеприпасы и еду скрывавшимся в лесах повстанцам.

Он рассказывал нам потом об этом восстании, о его подавлении и о тяжелой судьбе многих сотен повстанцев, сосланных в Сибирь. После подавления восстания отец продолжал работать мальчиком, а затем приказчиком в книжном магазине в Варшаве. Это дало ему возможность познакомиться с произведениями польской литературы.

У отца не было систематического образования (в детстве он в школу не ходил, только юношей стал посещать воскресную школу), но был он начитан, сам научился читать, писать и неплохо говорить по-немецки, изучил также бухгалтерское дело, что позднее дало ему возможность работать счетоводом, бухгалтером и корреспондентом в торговых заведениях и на промышленных предприятиях.

Мы с братом Станиславом воспитывались в семье в атмосфере глубокого польского патриотизма.

От детства у меня осталось воспоминание необычайной душевной гармонии, настоящей любви и дружбы в семье, не нарушаемой ни одним резким словом, ни одной ссорой. В родительском доме не было лицемерия и лжи. Я никогда не слышала сплетен о ком-нибудь.

Моя мать Саломея Станислава, урожденная Либкивд, была воплощением доброты. Она заботилась не только о муже и детях, но и о своих сестрах и братьях, которые были старше ее, а также и об их семьях. Мать была чутка и отзывчива к нуждам других. Она не только хорошо

относилась к домашним работницам, но помогала чем только могла и их семьям. Старушка няня Юзефа Вилтер, которая вынянчила брата и меня, продолжала жить у нас, хотя ослепла и ничего уже не могла делать.

Мать научила меня читать и писать. Она часто пела нам, детям. От нее я впервые услышала запрещенные царскими властями песни польского народа «Боже, ты, что Польшу...», «С дымом пожаров...», теперешний государственный гимн Народной Польши «Еще Польша не погибла...» и другие песни, которые я запомнила на всю жизнь. Любила она также петь народные песни «Эй, ты Висла», «Стась мне с ярмарки привез колечко», «Эй, ребята, сплавички» и арию Йонтека из оперы Монюшко «Галька». Она никогда не училась пению, но голос у нее был приятный. Возможно, что именно ее пение еще в детстве зародило у меня горячее желание учиться музыке. Когда мне исполнилось 7 лет, я начала брать уроки игры на рояле.

Одним из первых произведений, которые я тогда играла, была специально обработанная для детей прелюдия Шопена (opus 28, № 7A-dur). Эту прелюдию позднее, уже в польской школе, я пела с подругами в хоре:

Наклонив головку,
Загрустил вьюнок,
И журчит, и шепчет
Чистый ручеек.
Светит месяц в небе,
Звездочки горят,
Над водой склонившись,
Розы тихо спят.

Семь лет меня отдали в только что открытый, второй по счету в Варшаве частный детский сад, организованный моей двоюродной сестрой Юлией Уншлихт.

В 1891 году кончилось мое счастливое детство. Неожиданно на 37-м году жизни в расцвете сил умерла моя мать во время родов. Это был страшный удар, внезапно обрушившийся на нашу семью. Через несколько дней после смерти матери мы покинули нашу квартиру на Краковском предместье около Дворцовой площади с чудесным видом на Вислу, мост Кербедзя и Прагу и поселились в маленькой комнате на Маршалковской улице (дом № 148) в квартире моей тетки Дороты, которая за год до этого овдовела. Оставшись одна с семьей детьми, она открыла в своей квартире небольшую белошвейную мастерскую.

По воскресеньям к тете часто приходили гости, и тогда ее старший сын Бенедикт Герц (позднее известный баснеписец), прекрасно игравший на скрипке, под аккомпанемент фортепиано исполнял разные классические произведения. Чаще всего он играл траурный марш Шопена. Кто-нибудь из гостей проникновенно декламировал под звуки этой музыки волнующие стихи Корнелия Уейского¹, специально написанные им для шопеновского марша. До сих пор помню некоторые строфы:

Сколько звона! Где так звонят?
Шум в ушах ужасный!..
И куда ксендзы шагают с этой песней страшной?
Предо мною как в тумане очень близко дроги..
Как темно мне!.. и как больно..
О, как черны дроги!..

.

Я иду, плыву, как спящий,
Двигаюсь безвольно,
Только в сердце так щемяще,
Так ужасно больно.
В мозг впились и в сердце клещи,
Острые, кривые..
Звонят, звонят все зловещей,
Воронье крикливо..
А, и музыка!.. я слышу, хорошо играют..
Слезы жгут, потом скупые по лицу стекают..

Каждый раз, когда я слышала эту изумительную музыку Шопена и эти трагические слова Уейского, мне казалось, что я иду за гробом матери, и, притаившись за тяжелой оконной портьерой, заливалась горячими слезами.

Через год после смерти матери отец женился вторично и мы уехали от тетки. Женился отец на художнице Каролине Шмурло, дочери известного (в то время уже покойного) проф. Аугустина Шмурло, специалиста по древнегреческому и латинскому языкам, переводчика «Илиады» и «Одиссеи» Гомера на польский язык.

Мачеха моя была очень красивая. Мы с братом встретили ее с открытым сердцем, ожидая ласки и любви, которой нам не хватало. Была она женщина неплохая, но клерикалка, полная захолустных шляхетских предрасудков. Она заставляла нас с братом молиться по утрам и вечерам, ходить в костел по воскресеньям на мессу.

¹ Корнель Уейский (1823—1897) — польский поэт-демократ, в творчестве которого были сильны национально-освободительные мотивы.

По-своему она любила нас, но нашей родной матери заменить нам не могла.

Семейная обстановка резко изменилась. Не стало в доме прежней слаженности и дружбы. Между отцом и мачехой часто вспыхивали ссоры, возникали недоразумения на почве расхождения во взглядах. Отец был демократом, а мачеха считала себя аристократкой и презирала всех, у кого не было «голубой крови». Все это чрезвычайно угнетало меня.

Через несколько лет родился брат Чеслав. Мачеха души в нем не чаяла и баловала его невероятно, потакая всем прихотям и капризам. В детстве я его очень любила.

Долгие годы я с ним не виделась и только после второй мировой войны узнала, что он погиб в лагере смерти в Освенциме во время гитлеровской оккупации Польши.

В сентябре 1891 года меня приняли в подготовительный класс польской частной шестиклассной женской школы Ядвиги Сикорской (на углу Маршалковской и Крулевской улиц), где я училась шесть лет.

В Варшаве, насчитывавшей тогда около полумиллиона жителей, были только три частные шестиклассные женские школы и четыре казенные женские гимназии.

Царские власти проводили в Польше русификаторскую политику и даже в частных школах требовали вести преподавание всех предметов на русском языке. Но это не выполнялось. В частной школе Сикорской, где я училась, преподавание велось на польском языке нелегально. Когда приходил инспектор, поднималась невероятная паника. Начальница, учителя, а также ученики боялись, что, заметив что-нибудь недозволенное, он закроет школу. Мы торопливо собирали все польские учебники и тетради и бежали их прятать в спальни. Несколько десятков учениц, главным образом дочерей помещиков из так называемых тогда кресов (окраин), т. е. Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии, жили в школьном пансионе на том же этаже, где размещались классы. Вот к ним подальше от глаз инспекторов и другого «начальства» мы поспешно прятали все «недозволенное», все польское.

Учебников по таким предметам, как зоология, ботаника, всеобщая история, география, на польском языке не было. Преподавание тайком велось по-польски, а учебники были русские. Ими мы почти не пользовались. Помню, что уже во 2-м классе на уроке зоологии мы записывали

вали объяснение педагога, а потом по этим записям учились. Географию и историю Польши вообще не изучали. С историей Польши, вернее, с историей польских королей нас нелегально знакомила начальница Ядвига Сикорская на уроках рукоделия. В 5-м классе нелегально в 8 часов утра, за час до начала уроков, мы приходили в школу для прослушивания цикла лекций проф. Владислава Смоленского о разделах Польши, о положении Польши после разделов. Иногда эти лекции читались нам по вечерам после уроков, когда внезапное появление инспектора уже не предполагалось. На всякий случай мы все же брали с собой рукоделие.

В том же 5-м классе мы приходили к 8 часам утра также на нелегальные уроки грамматики польского языка (и древнепольского). Этот предмет очень интересно преподавался проф. Мечинским. К тому времени он вернулся из Сибири, куда был сослан за участие в восстании 1863 года. Его уроки я тщательно и подробно записывала и долго хранила у себя эти записи.

Но наибольшим уважением у учениц пользовался А. Бем, преподававший польский язык и польскую литературу начиная с 3-го класса. Это был человек прогрессивных взглядов, демократ и, как поговаривали в ученической среде, атеист. Был он, кажется, родственником генерала Юзефа Бема, прославленного героя освободительной борьбы 1848 года в Венгрии.

Начальница, опасаясь, как бы Бем не выступил перед нами со своими вольнодумными взглядами, почти всегда присутствовала на его уроках. Мы любили Бема за то, что он прекрасно, почти артистически читал нам произведения классической польской литературы. До сих пор помню, как замечательно он читал «Оду к молодости» или «Импровизацию» из III части «Дзядов» Адама Мицкевича. Для чтения этого произведения он выбрал день, когда начальницы не было в классе.

Недюжинной фигурой был преподаватель закона божьего ксендз Ян Гралевский, иезуит, человек очень образованный, прекрасный оратор. Его уроки по истории церкви в 5-м классе были интересны тем, что он иллюстрировал их репродукциями выдающихся произведений искусства на религиозные темы. Но именно благодаря своему красноречию, умению увлечь своих слушателей этот человек оказывал пагубное влияние на девичьи умы. Он доводил учениц, особенно в дни говения, прямо-таки до религиоз-

ного экстаза. Этому способствовали специально создаваемая в эти дни почти театральная обстановка и особая атмосфера в школе. В одном из самых просторных классов устанавливался алтарь, утопающий в цветах. Одурачивающий запах цветов и ладана, полумрак, тишина и в этой тишине проникновенный голос проповедника, гремящего всеми ужасами ада за грехи, страстный шепот молитв, а затем церковное песнопение — все это вызывало необычное настроение. Нелишне будет упомянуть, что этот же ксендз Гралевский сыграл немалую контрреволюционную роль во время революции 1905—1907 годов, а затем в буржуазной Польше выслуживался перед самой черной реакцией. Но в те времена, когда я была в 5-м классе, ни одна из более или менее впечатлительных школьниц, в том числе и я, не могли устоять перед вредным влиянием его красноречивых проповедей.

Окончив 5-й класс школы Сикорской с похвальной грамотой, я перешла по желанию отца во 2-ю женскую гимназию, которая находилась на Вильчей улице. (Частные учебные заведения не давали никаких прав, даже права преподавать в частных домах.) Из-за недостаточного по гимназическим требованиям знания русского языка меня приняли не в 6-й, а в 5-й класс, причем пришлось сдавать экзамены по русскому языку, арифметике, алгебре, геометрии, а также, что было самым трудным, по церковнославянскому языку, который в гимназии изучали в 4-м классе и о котором я не имела ни малейшего понятия. На подготовку по церковнославянскому языку у меня был всего лишь один день. Весь этот день и всю ночь напролет я зубрила церковнославянскую грамматику. Поняла я ее без особого труда, так как в ней было много общего с древнепольской грамматикой. Но читать библейские тексты на церковнославянском языке и переводить их на русский язык — этому научиться за один день было невозможно.

Шла я на этот экзамен как на казнь. Однако случаю было угодно, чтобы после ответа на вопросы, касавшиеся грамматических правил, меня не заставили читать библейские тексты, а предложили прочесть какой-то отрывок по-русски и разобрать его этимологически и синтаксически, что не представляло для меня ни малейшей трудности. Я сдала экзамен, о чудо! Этот экзамен — на пятерку!

В гимназии строго запрещалось говорить по-польски не только в классе, но и вне его — в коридорах, на лестнице, в небольшом дворике. За этим неотступно следила немолодая классная наставница Вишнякова. Поэтому во время перемен мы или молчали совсем, или говорили между собой шепотом. Насильственная русификация вела к тому, что гимназия дала нам знания не живого русского языка, а только книжного, и то лишь в весьма ограниченных размерах.

Не получали мы знаний и по русской классической литературе. Пушкин преподавался казенно, скучно. О его прогрессивном, демократическом творчестве мы ничего не знали, так же как и о большой дружбе Пушкина с Мицкевичем. Гораздо больше я любила поэзию М. Ю. Лермонтова. С увлечением я перечитывала поэму «Мцыри» и охотно учила ее наизусть.

В старших классах одна из гимназисток дала мне почитать Л. Н. Толстого. С поэзией поэта-гражданина Н. А. Некрасова я познакомилась, уже будучи революционеркой, и читала ее с великим наслаждением.

Самыми яркими поляконенавистниками были Коялович, учитель русского языка и логики в 5-м и 6-м классах, хорошо знавший польский язык, по-видимому поляк по происхождению (в период реакции он был кандидатом в депутаты от черносотенцев Королевства Польского в одну из Дум), и начальница гимназии баронесса Бойе, старая дева, ненавистная ученицам и прозванная ими Крокодилом.

Уроки польского языка в гимназии (только для полек) кончались в 5-м классе. Но это были уроки не изучения польского языка, а издевательства над ним. Состояла эта учеба в том, что переводились на русский язык тексты учебника, составленного на корявом польском языке каким-то Дубровским.

Преподавательница польского языка Гуминская, очень, впрочем, трусливая, пыталась нелегально познакомиться учениц с Мицкевичем и Словацким и стала жертвой провокации со стороны Кояловича. Однажды на уроке русской стилистики, объясняя разные стихотворные формы, Коялович стал утверждать, что поэзия Пушкина и Лермонтова богаче поэзии Мицкевича и Словацкого. Это потому, доказывал он, что ударения в польском языке бывают всегда только на предпоследнем слоге, в то время

как в русском языке нет постоянного места для ударения. Он обратился к нам со словами:

— У вас, наверно, имеется при себе какое-нибудь произведение Словацкого? Дайте мне его, и я продемонстрирую вам превосходство русской поэзии.

В этот день у нас как раз был урок польского языка и в партах лежало несколько экземпляров «Отца зачумленных» Юлпуша Словацкого. Одна из учениц, не подозревая провокации, передала эту книгу Кояловичу, и он продемонстрировал разницу между польским и русским стихом.

Но через несколько дней после этого Гуминская была уволена с преподавательской работы в гимназии.

А с Крокодилом у меня было такое столкновение. За несколько дней до выпускных экзаменов, будучи уже кандидаткой на золотую медаль, я после уроков спускалась вниз по лестнице с 3-го этажа, где помещался наш класс. Кто-то снизу окликнул меня и спросил по-польски, нет ли наверху такой-то (следовала фамилия) ученицы. Я оглянулась назад, не обнаружила за собой девочку, про которую спрашивали, и ответила тоже по-польски: «Нет».

В ту же секунду меня схватила за руку Крокодил, как раз поднимавшаяся вверх по лестнице и не замеченная мной вовремя. С грозным окриком начальница потащила меня на третий этаж и приказала классной даме Вишняковой запереть меня в карцер на три часа. За одно только слово, сказанное по-польски! Я просидела три часа без обеда, голодная, запертая в пустом классе. Хорошо еще, что не в подвале, куда нередко сажали провинившихся.

Эти три часа, проведенные в карцере, значили, что в конце недели мне запишут в дневник двойку по поведению, а это в свою очередь повлияет на снижение годовой отметки до четверки; следовательно, золотая медаль исключается.

Когда на следующее утро я пришла в школу, Вишнякова заявила мне, что баронесса готова простить меня и не поставит двойки по поведению, если я попрошу у нее прощения. Я, разумеется, с возмущением отказалась и мысленно уже попрощалась с медалью.

Но руководству гимназии, по-видимому, неудобно было перед высшим начальством, в последний момент отказываться от одной из двух золотых медалей, которые в тот год полагалось получить на всю гимназию.

Отказ от медали бросил бы тень на работу руководства и педагогического персонала 2-й гимназии. Поэтому столкновение мое с Крокодиллом не нашло отражения ни в моем школьном дневнике, ни в годовом табеле, и золотая медаль была мне вручена. Много лет спустя, когда я в третий раз была арестована и понадобились деньги на оплату места в детских яслях для моего сына, брат Станислав по моей просьбе заложил эту золотую медаль в ломбард, получив за нее 50 рублей. Потом брат выкупил медаль и хранил ее для меня. Во время войны гитлеровцы в Варшаве разрушили дом, в котором жил брат с семьей, и медаль погибла в развалинах вместе со всеми вещами брата.

* * *

Слово «социализм» я впервые услышала в 1898 году, будучи в 6-м классе гимназии в Варшаве, от своей школьной подруги Софьи Смоларской. Ее зять Людвиг Кульчицкий находился в то время в ссылке в Сибири. Зоя Смоларская не смогла мне тогда толком объяснить, что значит «социализм», но из ее рассказа я все же поняла, что социалисты — это люди, борющиеся за свободу и лучшее будущее, за справедливый социальный строй, а царское правительство за это их преследует.

К нам домой иногда приходил, навещая мою маму, ксендз каноник Матушевский. Мне вдруг пришлось в голову в разговоре с каноником спросить, что значит «социализм». Помню, какое «священное» возмущение вызвал у него этот вопрос. Он осенил себя и меня крестным знаменем.

— Откуда у тебя, дитя мое, такие мысли? — в ужасе спросил он почти шепотом.

— Социалисты, — сказал он, — это выродки общества, это дети сатаны.

Но я не поверила ему. Социалисты, которых царское правительство ссылает в Сибирь, как ссылало польских повстанцев 1863 года, не могут быть плохими людьми, думала я, скорее всего, это люди благородные, заслуживающие уважения. Однако с социалистами я столкнулась лишь осенью 1904 года.

Весной 1900 года я окончила гимназию и провела так называемый пробный урок, что давало право преподавать в частных домах и частных учебных заведениях. Но продолжить образование мне не удалось, так как женщинам

в бывшем Королевстве Польском был совершенно закрыт доступ в университет. А средств на то, чтобы поехать учиться за границу или на Бестужевские курсы в Петербург, у меня не было. Я занялась музыкой.

После смерти матери мне пришлось прекратить уроки музыки из-за отсутствия в доме инструмента. Только когда я была уже в 5-м классе и начала зарабатывать как репетитор в частных домах (за урок по 1 часу в день я получала 6 рублей в месяц) и когда брат Станислав, бывший на полтора года старше меня, студент математического факультета, также немного стал зарабатывать уроками, мы взяли напрокат пианино и возобновили занятия музыкой. У нас был очень хороший преподаватель — студент последнего курса Варшавской консерватории литовец Игнас Прелгаускас. Он подготовил меня в консерваторию. В конце лета того же 1900 года я сдала экзамен в консерваторию и была принята на средний курс по классу проф. Ружицкого (отца известного композитора). Проучившись в консерватории всего лишь два года, за отсутствием средств мне пришлось уйти, не закончив даже второго курса. Плата за учебу в консерватории составляла 100 рублей в год.

В течение последующих двух лет я работала учительницей в частной начальной школе госпожи Генш, а потом зарабатывала на жизнь частными уроками музыки для начинающих.

По воскресеньям или по вечерам я посещала так называемый летучий университет. Это был цикл лекций по отдельным предметам. Занятия проходили нелегально один или два раза в неделю, каждый раз в новом месте, на квартире у одной из немногочисленных слушательниц (6—10 человек). Лекции оплачивались слушательницами в складчину.

Слушали мы лекции по истории Польши. Фамилию преподавательницы не помню. Лекции по геологии читал проф. Вацлав Налковский, по психологии — проф. Марбург, по географии Польши — Суйковский. Помню, с каким возмущением говорил он нам о хищническом способе добычи угля в Домбровском бассейне иностранными капиталистами. Лекции Марбурга были очень интересными, но самыми ценными были лекции Вацлава Налковского, умело включавшего в геологию социальные темы.

Группы слушательниц часто распались, и занятия прекращались, не исчерпав программы. Стоило отсеяться

нескольким слушательницам, посещавшим «летучий университет» ради моды, как оставшиеся были уже не в состоянии оплачивать преподавателя.

Одно лето мы с Зосей Смоларской самостоятельно и чрезвычайно усердно изучали «Эмбриологию» Нусбаума, экзаменуя друг друга.

Занимаясь в консерватории, я вступила в певческое общество «Лютня», которым руководил проф. Машинский, и уговорила Смоларскую тоже вступить. «Лютня» принимала участие в концертах филармонии, в том числе в концерте, где, кажется впервые в Варшаве, исполнялась Девятая симфония Бетховена под управлением какого-то иностранного дирижера. Участие в «Лютне» давало возможность посещать концерты в филармонии, знакомиться с классической музыкой. Я старалась широко пользоваться этой возможностью.

Зося Смоларская в свою очередь вовлекла меня в нелегальное учительское общество. Деятельность его носила сугубо культурнический, просветительный характер, впрочем в весьма ограниченных размерах. Собрания общества проводились тайно один раз в несколько недель где-то на улице Новы-Свят, постоянно в одной и той же квартире какой-то зажиточной семьи, если не ошибаюсь, в квартире адвоката Гляса. На собраниях бывало человек 30 преподавательниц частных школ и домашних учительниц.

Большую роль на этих собраниях играла Стефания Семполовская, которая пользовалась огромным авторитетом.

С двумя участницами общества, Михалиной Файнштейн и Барбарой Шпиро, позднее, в 1905—1907 годах, мне пришлось встретиться на партийной работе в Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПнЛ)¹. Среди прогрессивных учительниц помню также Рихтер, посещавшую эти нелегальные собрания.

Общество выработало программу по самообразованию для своих членов. Каждая из нас выбирала для изучения

¹ Марксистская интернационалистическая партия польского пролетариата, образованная в 1893 году Розой Люксембург, Юлианом Мархлевским, Адольфом Варским, Яном Тышкой, Брониславом Весоловским и др. СДКП (после присоединения к ней Союза литовских рабочих и интернационалистических элементов Литовской с.-д. — СДКПнЛ) вела решительную борьбу против националистических позиций ППС, выступала за интернациональный союз с российским революционным пролетариатом.

и разработки определенную тему и могла пользоваться при надобности библиотекой общества. Библиотека эта возникла, вероятно, на средства, собранные в складчину.

На каждом собрании одна или несколько участниц выступали с рецензией на вновь изданные книги для детей и юношества. Помню, мне пришлось рецензировать какую-то книжку для юношества, где описывались жестокая эксплуатация и ужасные условия труда рабочих на золотых приисках в Клондайке.

Летом 1902 года мы вместе с Зосей Смоларской поехали на месяц отдыхать в Ойцов — живописное местечко в Келецкой губернии. Из Ойцова мы заехали на несколько дней к одному из братьев Зоси, который работал штейгером на шахте «Немцы» в Домбровском угольном бассейне. С его помощью мы получили разрешение посетить шахту. Спустились сначала на глубину 200, а затем 400 метров. Я никогда не забуду того тяжелого впечатления, какое произвела на меня работа шахтеров под землей.

Было жарко и невероятно душно. Полуголые шахтеры вырубали кайлом в породе шнуры для закладки динамита. Когда поджигался фитиль, они торопливо разбегались, чтобы при взрыве не попасть под обвал. Во время взрыва мы стояли в другом конце штольни, но и на наши головы сыпались куски угля.

Местами проход был так узок и низок, что продвигаться можно было только ползком. Каждый держал в руке фонарь с кусочком свечи. Со стен ручьями стекала вода, под ногами тоже была вода. Но ужаснее всего мучил недостаток воздуха. Из-за плохой вентиляции местами совершенно нечем было дышать. Когда мы вернулись «на гора» и сняли шахтерскую спецовку, я подумала, что ни за что на свете не спустилась бы в шахту вторично. Всей душой сочувствовала я шахтерам.

В тот период (1902—1904 годы) меня очень волновал вопрос о положении женщин.

Поэтому из тем, предложенных для разработки в учительском обществе, я выбрала тему «Мужчина и женщина». Жадно набросилась я на рекомендованную литературу, надеясь найти в книгах ответ на вопрос, как преодолеть такое социальное зло, как бесправие женщин и проституция.

Но во всей прочитанной литературе я не нашла ничего, что могло бы зародить хоть какую-нибудь искру на-

дежды на подлинное уничтожение этого зла. Только позднее, познакомившись с социал-демократами, прочитав известную книжку Августа Бебеля «Женщина и социализм», я поняла, что подлинное равноправие женщин наступит лишь после свержения капиталистического строя, в обществе, свободном от эксплуатации человека человеком, свободном от нужды и безработицы.

Моя первая встреча с социал-демократами и начало революционного пути

Начавшаяся в 1904 году русско-японская война вызвала значительное оживление рабочего движения в Варшаве и других промышленных центрах Королевства Польского, оказав влияние на подъем политической активности польской интеллигенции.

Осенью, после съезда представителей русских земств в Петербурге (19—21 ноября), разработавшего и представившего царскому правительству проект конституции, в среде варшавской интеллигенции начали проводиться собрания. На них принимались резолюции в виде петиций к царю о предоставлении политических свобод Королевству Польскому.

Однажды осенью 1904 года в учительском обществе меня пригласили на одно такое собрание. Оно проводилось, как и все прочие, в какой-то частной буржуазной квартире. Здесь я встретила свою старую знакомую Ванду Краль (в девичестве Перль), с которой познакомилась еще в детстве в школе Ядвиги Сикорской. В 1891/92 учебном году, когда я была в подготовительном классе, Ванда училась уже в 6-м (последнем) классе. Окончив школу, Ванда проходила педагогическую практику в моем (первом) классе.

Летом 1900 года мы встретились с Вапдой па даче под Варшавой. Потом я несколько раз бывала у нее на квартире на литературно-музыкальных вечерах. С тех пор я не виделась с ней вплоть до этого собрания.

На собрании с резкой критикой докладчика и его предложения обратиться с петицией к царю выступил под какой-то вымышленной фамилией один из видных деятелей СДКПШ. Это был, как я позднее узнала, Вишценты

Матушевский, по партийной кличке Мартин. Петициям мелкобуржуазных интеллигентов он противопоставил призыв к борьбе за свержение самодержавия, за созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, за демократическую республику в России с самоуправлением Королевства Польского, за 8-часовой рабочий день. Это были социал-демократические лозунги. Выступление Мартина произвело на меня глубокое впечатление. Оказалось, что и Ванда уже с 1902 года была членом СДКПиЛ.

Таким образом, на этом памятном собрании я впервые встретилась с социал-демократами, а позднее благодаря Ванде Краль и сама стала членом Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы.

Эта партия с самого своего основания (1893 года) поднимала польских рабочих на совместную с русскими рабочими и рабочими других национальностей России борьбу против царизма и капитализма.

Ленин и большевики считали СДКПиЛ единственной марксистской партией в Польше и высоко ценили ее интернационализм. В своей работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин писал:

«Польской социал-демократии принадлежит громадная историческая заслуга впервые создать действительно марксистскую, действительно пролетарскую партию в Польше, насквозь пропитанной националистическими стремлениями и увлечениями»¹.

Интернационализм СДКПиЛ в отличие от национализма и шовинизма Польской социалистической партии (ППС)² именно и привлек меня в ряды польских социал-демократов.

От Ванды Краль на том собрании я впервые получила социал-демократическую литературу, она познакомила меня с неизвестным мне до тех пор типом людей — пролетарскими профессиональными революционерами, от нее я получила первое партийное поручение, от нее узнала о принципах конспирации. В ее квартире на ул. Проста,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 294.

² Польская социалистическая партия (ППС) возникла в 1892 году. Это была националистическая оппортунистическая партия. В 1906 году в ППС произошел раскол, в результате которого образовалось 2 партии: ППС — «революционная» фракция (во главе с шилсудчиками) и ППС-левица.

36¹, я впервые встретилась с товарищем Юзефом — Феліксом Дзержинским.

С собрания, на котором выступал Мартин, мы вышли вместе с Вандой. Она дала мне прочитать экземпляр газеты «Червоны Штандар»² («Красное знамя»), напечатанной на тонкой папирсной бумаге, и пригласила на нелегальное собрание, организованное членами СДКПиЛ. Собрание это состоялось через несколько дней, а при следующей встрече Ванда предложила мне дать свой адрес для конспиративной партийной переписки. Эта с виду мелкая партийная обязанность на самом деле была очень важна и связана с опасностью ареста и тяжелого тюремного наказания. Тем не менее я охотно согласилась, так как давно уже искала случая принять участие в борьбе за лучшее будущее человечества. С тех пор я стала часто заходить к Ванде Краль, принося ей поступающую на мой адрес партийную почту.

Ванда уже в течение нескольких лет была серьезно больна базедовой болезнью, приковывавшей ее к постели на долгие месяцы и лишавшей возможности активно участвовать в партийной работе. Не будучи в состоянии иначе помогать партии, Ванда отдала в ее распоряжение весь свой небольшой, хотя и двухэтажный домик. Дом этот юридически принадлежал ее мужу, который уже длительное время находился где-то на Дальнем Востоке по торговым делам. Вскоре после этого Ванда разошлась с мужем, идейно чуждым ее мировоззрению.

Квартира Ванды, состоявшая из трех комнат и кухни, находилась на втором этаже. На первом этаже, кроме комнаты для дворника, не было жилого помещения, а наверху, в мезонине, была всего одна комната, где, как я потом узнала, размещалась организованная Марином небольшая нелегальная партийная типография. Мартин сам печатал листовки. Он и жил там, прописанный из конспиративных соображений дворником под чужой фамилией. Корректуру читала сама Ванда.

Ванда жила со своей трехлетней дочуркой Ядей и домашней работницей, сочувствующей социал-демократам. Таким образом, во всем доме не было никого постороннего, и его можно было использовать для партийных целей. И действительно, как я об этом узнала позднее, в квартире

¹ Этот дом, как и вся улица, был полностью разрушен гитлеровцами во время второй мировой войны.

² Центральный орган СДКПиЛ, выходивший с 1902 по 1918 год.

Вапды почти ежедневно по вечерам собирались партийные активисты. Большинство из них находилось на нелегальном положении, жили по чужим паспортам или вовсе без паспортов. С самого раннего утра они были заняты партийной работой. Встречаясь по вечерам у Вапды, они подводили итоги своей работы за день и обменивались мнениями по политическим вопросам, скромно ужинали в складчину — пили чай с хлебом и колбасой. Почти ежедневно один или двое, а то и трое из них, видимо бездомные, ночевали у Ванды.

Однажды Вапда попросила меня прийти к ней вечером и поиграть для этих товарищей на рояле. Находясь на нелегальном положении, они не могли пойти ни в театр, ни на концерт, были лишены каких бы то ни было развлечений.

Встреча в домашней, дружной обстановке с этими людьми, профессиональными революционерами, произвела на меня сильное впечатление. Это были Мартии (Винченцы Матушевский), Малый (Мечислав Варшавский, в СССР — Бронский), Бохен, он же Сивый (Теодор Бресляуэр), и другие товарищи, а также сама Ванда. Фамилий всех этих товарищей, за исключением Ванды, я, разумеется, тогда не знала.

Никогда до этого я не встречала такой простоты и искренности в обращении, такой атмосферы взаимного понимания и глубокой идейности, такой преданности делу, которому они служили. Все они ежедневно подвергались опасности. Каждый из них был готов пожертвовать собой во имя дела партии, каждый, не задумываясь, спешил на помощь товарищу.

Но вопреки всем трудностям и опасностям, подстерегавшим их на каждом шагу, эти люди не унывали. На встречах царил здоровое веселье и жизнерадостность. Бывали и неудачи, которых они не скрывали друг от друга. Однажды, например, Бохен на каком-то собрании потерпел поражение в споре с пепезовцами. Он был очень смущен и огорчен этим. Помню, как его уговаривали и утешали другие товарищи.

В тот вечер после ужина товарищи попросили меня сыграть что-нибудь. Я не привыкла играть в обществе, поэтому сначала очень волновалась. Дружеские слова одобрения придали мне смелость. Потом почти каждый раз, когда мне по вечерам приходилось бывать у Вапды, я играла прелюдии, мазурки, вальсы и ноктюрны Шопена.

пена, сонату и небольшие произведения Грига, «Арабеску» и «Порыв» Шумана, «Осень» Чайковского и другие произведения. Часто после моей игры мы запирали двери, плотно занавешивали окна, чтобы звуки не проникали на улицу, и приглушенными голосами пели хором польские и русские революционные песни.

Тут я впервые услышала и научилась петь «Червоны Штандар», «Варшавянку», «Беснуйтесь, тираны», «Мазурку кандальников» (на слова Людвиг Варынского), «Есть на Волге утес», «Вы жертвою пали» и величественно торжественный «Интернационал».

Польских слов «Интернационала» тогда еще не было, и мы его пели по-русски. У Ванды оказались ноты «Интернационала» с французским текстом. Автором текста был французский поэт-коммунар Эжен Потье, автором музыки — Пьер Дегейтер. Я научилась играть «Интернационал» на рояле. Некоторые товарищи обладали хорошими голосами, слушать их и самой петь вместе с ними было большим удовольствием.

Именно в те дни товарищи дали мне партийную кличку Чарна (Черная), которой я пользовалась до весны 1907 года.

Партийные письма, адресованные на мою фамилию, поступали из Кракова или Берлина и предназначались для членов Главного Правления СДКПиЛ, находившихся в Варшаве, т. е. для Юзефа (Ф. Дзержинского), Миколая (Якова Фюрстенберга, в СССР — Ганецкий), а также для Мартина, о чем, разумеется, я узнала только позднее.

В Берлине жила Роза Люксембург — идеолог СДКПиЛ, а также некоторые члены Заграничного Комитета. Там была и редакция центрального органа СДКПиЛ «Червоны Штандар» и других партийных изданий. В редакцию входили Ян Тышка (Леон Иогихес), Адольф Варский (Варшавский) и Карский (Юлиан Мархлевский).

В Кракове находился секретариат Заграничного Комитета, возглавлявшийся в 1902—1904 годах Юзефом (Дзержинским). В Кракове печатался «Червоны Штандар» и другие издания СДКПиЛ. Юзеф, который к тому времени уже дважды бежал из ссылки (в 1899 году из Вятской губернии и в 1902 году из Восточной Сибири), часто нелегально приезжал в Королевство Польское, чтобы лично руководить работой партийных организаций СДКПиЛ в пределах царской России. В начале 1905 года

он совсем переехал в Королевство Польское и работал там до момента ареста в июле того же года.

Конспиративная почта, приходившая на мой адрес, состояла из партийных писем и первых экземпляров издававшихся за границей газет СДКПиЛ и РСДРП.

Конспиративные письма писались лимонной кислотой между строчками какого-нибудь невинного по содержанию письма, написанного обычными чернилами и для маскировки обращенного ко мне. Среди партийных изданий, полученных мной, были: напечатанные на тонкой папиросной бумаге № 23 и 24, а потом № 25 «Червоного Штандара»¹, приложение к «Червоному Штандару» — «С поля вальки» («С поля борьбы»), выходившее потом как самостоятельная газета; № 1 центрального органа большевиков «Вперед» (от 4(17) января 1905 года); очередные номера меньшевистской «Искры» и др.

Чтобы не обращать внимания царской цензуры, эти нелегальные газеты, сильно приглаженные утюгом, вкладывались в специальные фирменные конверты какого-нибудь заграничного торгового заведения или конторы промышленного предприятия. Товарищи, посылавшие корреспонденцию, получали, видимо, такие конверты от сочувствующих СДКПиЛ работников этих фирм.

По поручению Ванды я часто писала для ответной корреспонденции фиктивные письма, между строчками которых затем вписывались конспиративные партийные тексты. Так как мой почерк тогда еще не был известен царской цензуре, мне поручали также надписывать адреса на конвертах для этих писем.

По законам конспирации и полученным от Ванды указаниям письмо, пришедшее из-за границы на мой адрес, я вскрывала, уничтожала конверт, а содержимое немедленно относила Ванде. Конверты следовало уничтожать, чтобы не провалился мой адрес в том случае, если бы со мной стряслась какая-нибудь беда. На этот адрес могла прийти новая партийная почта. Разумеется, что в случае моего ареста на улице или у Ванды я не имела права сообщать своего адреса. После передачи корреспонденции Ванде мне надлежало тоже по конспиративным соображениям немедленно покинуть ее квартиру.

¹ Это были последние номера, изданные за границей; следующие уже печатались в Варшаве нелегально, но в легальной типографии Левицкого на ул. Новы-Свят за большие деньги.

Таких конспиративных адресов, как мой, Главное Правление обычно имело несколько, и почта посылалась то по одному, то по другому, то по третьему адресу. Об этом я узнала позднее, когда мне поручили найти новые адреса для писем и «новинок», т. е. вновь выпускаемых за границей партийных изданий.

Наряду с приездом в Королевство Польское товарищей из-за границы или, наоборот, выездом их за границу (что было значительно сложнее, чем переписка) такие адреса были единственным средством связи заграничного партийного центра с организацией в стране. Поэтому принимались все меры к тому, чтобы эти адреса могли продержаться как можно дольше.

Знакомство с Юзефом

В один из морозных дней конца января или начала февраля 1905 года, принеся Ванде полученную мной корреспонденцию, я застала у нее в залитой солнцем столовой высокого, худощавого незнакомого товарища. Светлый шатен с коротко остриженными волосами, круглым бледным лицом без бороды, с огненным взглядом пронзительных красивых серо-зеленоватых глаз стоял передо мной.

Это был Юзеф, которого в тот день я увидела впервые. Но еще до этой встречи я слышала о нем от Ванды и других товарищей. Они говорили о нем как о самом лучшем, самом преданном партии товарище, наиболее стойком и самоотверженном, как о необычайно любимом руководителе польских рабочих. Я слышала легенды о его революционной страстности, неиссякаемой энергии, о его мужестве и героических побегах из ссылки.

Юзеф поздоровался со мной крепким рукопожатием. Меня удивило, что он как хороший хозяин знает обо мне, о той скромной партийной работе, которую я тогда выполняла. Он посмотрел на меня пристально, и мне показалось, что он насквозь меня видит. Он знал мою фамилию и, как оказалось, до своего приезда в Варшаву несколько раз присылал из Кракова письма на мой адрес.

Я отдала Юзефу принесенную почту и согласно требованиям конспирации сразу ушла, взволнованная и обрадованная неожиданной встречей с ним.

В другой раз, придя к Ванде, я снова застала у нее Юзефа, но с ним тогда не виделась: он задремал в

маленькой комнатке рядом со столовой после бессонной ночи, проведенной за работой. Позднее я узнала, что в тот период своей бурной партийной деятельности в первой половине 1905 года Юзеф не раз работал и ночевал в этой комнатухе.

Вся квартира Ванды была скромно обставлена. Деревянные полы не были покрашены, их чисто мыли. Единственным «излишеством» был рояль в столовой. В комнатке, где работал или отдыхал Юзеф, стояли простая железная кровать, небольшой столик и стул.

Как сейчас вижу эту квартиру, залитую солнцем, как в тот памятный день, когда я там впервые увидела Юзефа.

Настоящего его имени и фамилии я, конечно, не знала. Только несколько лет спустя, в 1909 году, когда Судебная палата приговорила Феликса Дзержинского к лишению всех прав и к ссылке на вечное поселение в Сибирь, я узнала настоящее имя и фамилию Юзефа из газет, сообщавших об этом процессе.

С биографией Юзефа я ознакомилась еще позднее. Он родился 11 сентября 1877 года в семье польского мелкопоместного дворянина учителя математики Эдмунда-Руфина Дзержинского, в небольшой усадьбе Дзержиново, бывшего Ошмянского уезда, Виленской губернии (ныне Белорусская ССР, Минская область, Столбцовский район).

Отец Феликса умер, когда мальчику не было и пяти лет. В семье было 8 детей, и матери нелегко было их прокормить и воспитать.

Сын польского народа, Феликс с раннего детства узнал из рассказов своей матери о тяжелом национальном гнете и преследованиях, которым подвергалось польское, белорусское, литовское население со стороны царских властей, о том, как крестьян донимали налогами, как зверски было подавлено польское восстание 1863 года виленским генерал-губернатором Муравьевым, прозванным народом «вешателем». Это, по словам самого Феликса, повлияло на то, что он возненавидел всякий гнет и несправедливость и впоследствии пошел по революционному пути.

В Виленскую гимназию он поступил лишь в возрасте 10 лет. В 1894 году семнадцатилетним юношей, будучи учеником седьмого класса гимназии, Феликс вступил в социал-демократический кружок самообразования и в этом же году вместе с несколькими товарищами дал торжественную клятву бороться со всяким злом, с гнетом и экс-

плуатацией до последнего дыхания. И эту свою юношескую клятву он свято выполнил.

Несмотря на националистическую агитацию, которая велась среди польской учащейся молодежи Виленской гимназии, Феликс с ранних лет был интернационалистом и считал необходимой совместную борьбу польских и литовских рабочих с русскими рабочими против царя и капиталистов.

В следующем, 1895 году, еще на школьной скамье, он вступил в Литовскую социал-демократию и, участвуя сам марксизму, руководил подпольными кружками ремесленных и фабричных учеников под псевдонимом Яцек.

В 1896 году он ушел добровольно из последнего, восьмого класса гимназии, считая, что «за верой (в победу социализма. — С. Д.) должны следовать дела и надо быть ближе к массе и с ней самому учиться»¹.

С этих пор он стал профессиональным революционером. Не ограничиваясь пропагандистскими кружками, Феликс вел агитационную работу среди рабочих. В марте 1897 года виленская социал-демократическая организация направила его на партийную работу в г. Ковно (ныне Каунас), где еще не было социал-демократической организации. Здесь Феликс поступил простым рабочим в переплетную мастерскую, в то же время ведя партийную работу среди рабочих мастерской и других предприятий г. Ковно и его окрестностей. Он увидел неслыханную нищету и эксплуатацию рабочих и научился организовывать стачки.

В апреле Феликс выпустил газету «Ковенский рабочий» на польском языке, весь материал которой был написан и отпечатан на гектографе им самим.

Уже в первые годы своей революционной деятельности Феликс находился под влиянием Ленина и созданного им петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Из статей Феликса, помещенных в печатных органах Литовской социал-демократии, видно, что он был знаком с работой В. И. Ленина «Что такое «друзья парода» и как они воюют против социал-демократов?» и тогда уже придерживался ленинского взгляда относительно необходимости политической борьбы рабочего класса и привлечения к ней крестьянства.

¹ Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I. М., 1967, стр. 1.

В июле 1897 года он был арестован. Феликса допрашивали, требуя чтобы он выдал своих товарищей, но он не сказал ни слова. Он писал потом (13 января 1898 г.) сестре Альдоне: «...хотя и в тюрьме, но не унываю... тюрьма страшна лишь для тех, кто слаб духом...»

В мае 1898 года Феликс был сослан на 3 года в Вятскую губернию: сперва в г. Нолпнск, а затем на 500 верст дальше на север, в село Кайгородское.

Из ссылки он бежал в августе 1899 года в Вильно, а затем в Варшаву. Социал-демократической организации в Варшаве тогда не было: она была разгромлена полицией. Героическими усилиями Феликса и социал-демократов Яна и Антона Росолов варшавская социал-демократическая организация была восстановлена. Здесь он работал под псевдонимами Франек и Астрономек.

Вскоре, 4 февраля 1900 года, Феликс был вторично арестован. Сперва он сидел в известном своими тяжелыми условиями X павильоне Варшавской цитадели, затем в Седлецкой тюрьме и короткое время в Москве — в Вутырках.

В письме к сестре из X павильона он так охарактеризовал свою бурную пятимесячную работу в Варшаве: «Я жил недолго, но жил».

В начале 1902 года Феликса выслали на 5 лет в г. Виллюйск, Якутской губернии (Восточная Сибирь). В ожидании навигации по р. Лене он сидел в Александровской центральной пересыльной тюрьме под Иркутском. Здесь он организовал бунт политзаключенных, которые выбросили за ворота тюрьмы всех стражников, водрузили красное знамя на воротах и провозгласили в тюрьме республику. Вунт этот был прекращен лишь тогда, когда тюремные власти выполнили требования заключенных.

По пути в Виллюйск Феликс, рискуя жизнью, бежал из Верхоленска в Варшаву, а оттуда за границу, в Берлин. Здесь он впервые знакомится с руководителями Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы — Розой Люксембург, Юлианом Мархлевским, Адольфом Варским и Яном Тышкой — и, по словам Варского, сразу стал душой этой группы.

По инициативе Феликса была созвана партийная конференция, на которой было решено издавать центральный партийный орган «Червоны Штандар». На той же конференции Дзержинский был избран секретарем Заграничного

Комитета СДКПнЛ; с тех пор он долгие годы работал под псевдонимом Юзеф.

В это же время Феликс познакомился с ленинской «Искрой» и книгой В. И. Ленина «Что делать?», которые произвели на него глубокое впечатление.

После короткого отдыха Феликс поселился в Галиции, в Кракове (Австро-Венгрия), где организовал издание «Червоного Штандара» и пересылку партийной литературы через границу в ту часть Польши, которая находилась под властью Российской империи.

Он с жадностью набросился на вышедшую до его приезда за границу польскую и русскую марксистскую литературу. Одновременно оп своим сверхчеловеческим напряжением воли и энергии поставил на ноги транспорт литературы и наши связи с бывшей российской частью Польши, часто отправлялся туда лично для подпольной работы, и с тех пор начинается неуклонный рост организации и влияния революционной СДКПнЛ.

В 1902—1904 годах Юзеф неоднократно переезжал нелегально границу и бывал в партийных организациях Домбровского угольного бассейна; Ченстоховы, Лодзи, Варшавы и других, руководя их работой.

В 1903 году он принимал активное участие в работе IV съезда СДКПнЛ, на котором был избран членом Главного Правления партии.

В начале 1905 года Феликс переехал в Варшаву для постоянной партийной работы в Королевстве Польском в качестве члена Главного Правления Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы. Никто из членов Главного Правления СДКПнЛ не был так тесно связан с ее подпольной организацией в стране, как Юзеф. Никто так хорошо не знал партийного актива во всех промышленных центрах Королевства Польского, как он.

Январские события 1905 года

«Кровавое воскресенье» в Петербурге 22 января 1905 года, когда царь приказал стрелять в безоружных русских рабочих, вызвало мощный отклик не только во всей России, но и у нас в Польше. Рабочие Варшавы, Лодзи, Згежа, Ченстоховы, Домбровского угольного бассейна, Радома, Люблина и других промышленных городов Королевства Польского по призыву СДКПнЛ и левых руководителей

ППС дружно, как один человек, поднялись на всеобщую забастовку. Это была замечательная демонстрация рабочей солидарности — результат двенадцатилетней деятельности СДКПиЛ по воспитанию польских рабочих в духе боевого союза с русским пролетариатом. СДКПиЛ непрерывно разъясняла трудящимся массам, что непременным условием национального и социального освобождения польского народа является победа революции в России. «Польский пролетариат не дал себя столкнуть с пути классовой борьбы в омут национализма, — писала Роза Люксембург, — и по первому же сигналу из Петербурга поспешил самоотверженно включиться в борьбу за общее дело под общим знаменем».

В январские дни и позднее СДКПиЛ выдвигала следующие основные требования: свержение самодержавия, созыв Всероссийского Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; установление в России демократической республики с автономией Королевства Польского; введение 8-часового рабочего дня и повышение заработной платы.

СДКПиЛ, так же как и большевики, всегда связывала эти требования, близкие к ленинской программе-минимум, с лозунгом борьбы за конечную цель пролетариата — социализм.

Всеобщая забастовка солидарности с революционным пролетариатом Петербурга переросла в Королевстве Польском в многонедельную политическую и экономическую стачку, охватившую широкие массы рабочих. К рабочим примкнули студенты и учащиеся средних учебных заведений.

На митингах в Варшавском университете и в Политехническом институте были приняты резолюции солидарности с революционным движением пролетариата, борющегося за свержение царского самодержавия, и выдвинуто требование полонизации всех школ и высших учебных заведений. Началась также длительная забастовка учащихся средних школ, учительских семинарий и народных школ.

В призыве «Ко всему обществу» СДКПиЛ отметила, что «университет и школы в Королевстве Польском являются орудием насильственной русификации и угнетения». Возникшая незадолго до этого организация социал-демократической молодежи усиленно агитировала за присое-

динение студентов и гимназистов к стачечному движению под революционными лозунгами СДКПиЛ.

К стачке польской молодежи примкнула передовая русская молодежь школ и высших учебных заведений Королевства Польского, а также многие прогрессивные русские преподаватели. Все они поддерживали требование о полонизации учебных заведений Королевства Польского.

Под влиянием революционных выступлений рабочих пробудилось и революционное движение в деревне. Начались многочисленные забастовки сельскохозяйственных рабочих, которыми главным образом руководила СДКПиЛ. Шла борьба крестьян за леса, луга и пастбища. Выступали они также с требованием ввести польский язык в школе, волостных правлениях и суде.

Волнения охватили и часть расквартированных в Королевстве Польском русских войск, среди которых вела усиленную пропаганду Военно-революционная организация (ВРО) РСДРП. Военно-революционная организация была организационно связана с СДКПиЛ. Активное участие в работе ВРО принимал Феликс Дзержинский. Он был первым представителем СДКПиЛ в Варшавском комитете ВРО и придавал большое значение работе в армии, уделяя ей много времени, сил и энергии. Уже после смерти Феликса Сэвэр (Эдвард Прухняк) рассказал мне интересный случай, связанный с волнениями в пулавском гарнизоне весной 1905 года.

В Пулавах с 1903 года находился Южный комитет СДКПиЛ. В 1904—1905 годах серьезную работу в пулавском гарнизоне развернула местная организация ВРО РСДРП. Настроения недовольства среди солдат и части офицеров этого гарнизона, вызванные русско-японской войной, а также агитация ВРО к весне 1905 года накалили обстановку до такой степени, что, по мнению руководителя Пулавской ВРО В. А. Антонова-Овсеенко, стоявший там 71-й Белевский полк в середине апреля готов был восстать. Еще с февраля полк отказывался подчиняться командованию и на призыв офицеров готовиться к защите «отечества и царя-батюшки» хором ответил: «Мы на войну не пойдем! Долой войну! Долой мобилизацию!»

СДКПиЛ решила поднять на поддержку ожидаемого восстания Пулавского гарнизона рабочих и окрестных крестьян, находившихся под ее влиянием. С этой целью в Пулавы приехали Дзержинский и Варский.

В тот день, когда должно было начаться восстание, по призыву СДКПпЛ в Пулавы съехались на повозках и телегах много рабочих и крестьян окрестных сел, вооруженных кто чем мог. Дзержинский, Варский и Прухняк (в то время член пулавской организации СДКПпЛ) в условленном месте на окраине города ожидали револьверного выстрела из казарм, означавшего сигнал к восстанию. Вдруг они услышали гиканье и цокот лошадиных копыт. Это из переулка в их сторону мчались во весь опор казаки, видимо, уже предупрежденные о демонстрации в казармах, которая и должна была положить начало восстанию.

Встреча с казаками в такой момент грозила не только арестом, но и расстрелом: все трое были вооружены револьверами. Стрелять было бессмысленно — слишком неравны были силы.

Дзержинский быстро осмотрелся. Улица была совершенно пуста, а вблизи ни одного дома. Сзади же сбитый из сплошных досок забор такой высоты, что немолодой Варский и невысокий Прухняк не в состоянии были бы влезть на него. Нельзя было терять ни минуты, необходимо было немедленно укрыться, прежде чем казаки появятся из-за угла. Феликс, не раздумывая, быстрым движением ловко подсадил Варского, а затем и Прухняка на забор и лишь тогда, когда те уже были в безопасности на другой стороне, сам молниеносно перемахнул через забор и благополучно скрылся.

Эпизод в Пулавах характерен для Дзержинского. Он всегда прежде всего думал и заботился о товарищах, а потом уже о себе.

Следует добавить, что восстание Пулавского гарнизона не удалось. Дело ограничилось лишь антиправительственной демонстрацией в казармах.

Первое мая 1905 года, Июньское вооруженное восстание в Лодзи

Приближался день 1 Мая. Уже 14 апреля Юзеф, как это видно из его письма в Заграничный Комитет СДКПпЛ, организовал в Варшаве комиссию по подготовке первомайской забастовки и рабочей демонстрации. В связи с приближающимся днем международной пролетарской солидарности было выпущено много партийной литерату-

ры, и прежде всего первомайских листовок. Помню, что первомайская листовка Главного Правления СДКПиЛ была отпечатана красной краской, что производило большое впечатление.

Из Кракова прислали специальный «праздничный» номер «Червоного Штандара» и «С поля вальки». Кроме того, было издано много листовок-малюток с призывом к забастовке и участию в первомайской демонстрации.

Прокламации Главного Правления были напечатаны в нелегальных партийных типографиях Варшавы и Лодзи в количестве до 50 тыс. экземпляров и заблаговременно доставлены варшавской и лодзинской партийным организациям, а также завезены во все другие промышленные центры Королевства Польского: Ченстохову, Домбровский угольный бассейн, Радом, Люблин, Петроков, Кельце, Плоцк, Влоцлавек, Жирардов и др. В Варшаве они были широко распространены среди рабочих, расклеены на стенах домов, на оградах, заборах, столбах. Заранее были подготовлены красные знамена и выделены ораторы.

На фабриках, заводах, в мастерских широко проводилась предмайская агитация. «Агитацию мы сейчас ведем на фабриках и заводах в рабочее время; приходят наши, останавливают работу, выступают, потом уходят», — писал Феликс Эдмундович Главному Правлению СДКПиЛ.

С начала апреля Варшавский комитет СДКПиЛ устраивал с агитационной целью каждое воскресенье так называемые маевки, т. е. массовые выезды рабочих за город.

Я была на двух таких маевках. Во время одной из них — в Пустельниках около Варшавы, где присутствовало человек 250, — были арестованы два наших товарища: Мартин Пакош и Константин Кручковский, которые выступали с речами перед собравшимися рабочими.

Во время маевки мы собирали по подписным листам деньги в пользу партии. Революционный подъем в массах сказывался положительно и на результатах этих сборов. Заметки о маевках и отчеты о собранных средствах печатались в газете «Червоны Штандар». На одной маевке я познакомилась с видным деятелем варшавской организации СДКПиЛ — Красным (Юзефом Ротштадтом) и его братом Генрихом (в период реакции Генрих отошел от революционного движения).

В изданной Главным Правлением СДКПиЛ первомайской листовке «Ко всем рабочим города и деревни» отмечалось особое значение демонстрации 1 Мая в этом

революционном году. «Этот май, — писалось в листовке, — должен быть последним, который нас и наших русских братьев застаёт в политическом рабстве... Наступает последний бой с самодержавием, и победа уже близка». Листовка кончалась призывом к всеобщей забастовке в день 1 Мая и лозунгами:

«Долой царя и войну! Да здравствует Учредительное собрание и республика с местным самоуправлением! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Да здравствует социализм!»

Польский рабочий класс единодушно поднялся на борьбу по призыву социал-демократии.

В Варшаве была объявлена всеобщая забастовка, состоялась мощная 20-тысячная многочасовая первомайская демонстрация, расстрелянная полицией и царскими войсками.

Никогда не забуду я этой демонстрации, хотя непосредственного участия в ней и не принимала. Ванда и Мартин, опасаясь, чтобы меня не арестовали и не провалился бы мой адрес, сознательно не указали мне место сбора. С самого раннего утра в тот день мне пришлось в какой-то квартире на Журавей или Новгородской улице помогать товарищу Маньке размножать на гектографе обращения СДКПиЛ к солдатам на русском языке.

Закончив эту работу, я вышла на Маршалковскую улицу. Она была совершенно пуста: абсолютно никакого движения. Посреди мостовой валялся опрокинутый трамвайный вагон. Все магазины и лавки были закрыты. Почти совсем не было видно пешеходов. Обыватели боялись выйти на улицу, где все еще разъезжали конные жандармские патрули. Я свернула на Иерусалимские Аллеи в сторону Железной улицы в надежде, что где-нибудь в рабочем районе еще встречу демонстрантов.

Каков же был мой ужас, когда, пройдя всего несколько домов, я увидела на широком тротуаре с левой стороны улицы, там, где начинались огороженные высокими заборами пустыри, огромные лужи засохшей крови. Стало ясно, что тут разыгралась страшная трагедия.

Пятна крови вели также к пролому в заборе. Я пошла туда. В глубине пустыря стоял сарай, по всей видимости склад досок. В самом сарае на земле тоже были следы крови. Около сарая мне встретился какой-то рабочий. От него я узнала, что на Иерусалимских Аллеях стреляли в демонстрацию, что среди демонстрантов много убитых,

еще больше раненых. Убитых увезли в морг при больнице младенца Иисуса на ул. Теодора (в настоящее время ул. Халубинского).

Я поспешила туда. С тревогой думала я о товарищах. У дверей прозектория стояли полицейские, но входящих пропускали беспрепятственно. По-видимому, им было важно установить личности убитых, а это могли сделать родные и знакомые.

Страшное зрелище предстало перед мои глазами. Вдоль всех стен лежали трупы мужчин и женщин, людей разного возраста, был тут даже трупик ребенка. Среди убитых я не увидела ни одного знакомого лица. Но, как оказалось позднее, были убиты и наши товарищи: активный член молодежной социал-демократической организации 19-летний Мечислав Вышомирский, который шел во главе колонны с красным знаменем, и партийные активисты Кароль Шонерт, 18-летний рабочий-гравер, и 50-летний Зыгмунт Кемпа, котельщик. Всего было убито 50 и ранено около 100 человек; расстрелом руководил офицер поляк граф Пшездецкий, который вскоре был убит пулей мстителя.

Из морга я пошла прямо к Ванде, чтобы узнать о демонстрации и страшной развязке. Ванду я застала в большом волнении. Она очень беспокоилась за Мартина и Юзефа, которые все еще не вернулись, и она ничего о них не знала.

У Ванды я пробыла до позднего вечера. Вернулся Мартин живой и невредимый, но о Юзефе ничего не было известно. Только на следующий день я узнала от Ванды, что Юзеф, пренебрегая грозящей ему опасностью, спасал на месте расстрела раненых, пряча их от полицейских и помогая поместить в больницы наиболее тяжело пострадавших.

Член Главного Правления СДКПиЛ Ганецкий (Яков Фюрстенберг) позднее писал, что Феликс срочно созвал тогда Варшавский комитет. На заседании было решено призвать рабочих провести 4 мая всеобщую забастовку протеста против зверской расправы царских палачей с первомайской демонстрацией.

По призыву Варшавского комитета СДКПиЛ в день похорон жертв — 4 мая — в Варшаве остановились все фабрики, заводы и мастерские, прекратилось всякое движение, магазины и лавки были закрыты, не вышла ни одна газета, не работал ни один театр.

Всеобщая первомайская забастовка охватила рабочих и других городов: кое-где также произошли кровавые стычки демонстрантов с полицией и войсками. В Лодзи было убито 10 человек.

5 мая по инициативе Ф. Э. Дзержинского была выпущена прокламация от имени Главного Правления СДКПиЛ, озаглавленная «На царский террор ответим усилением революционной борьбы». Написана она была, по всей вероятности, Варским. Рабочий класс, весь народ призывался к «массовой мести — массовому террору». Фактически это был призыв к партизанской борьбе против царского правительства.

Состоявшийся 25 апреля — 10 мая 1905 года III (большевистский) съезд РСДРП принял специальную резолюцию протеста против массового расстрела первомайской демонстрации рабочих Варшавы и Лодзи и приветствовал героизм польского пролетариата.

Сильное впечатление на меня и на других варшавских товарищей произвела весть об июньском вооруженном восстании в Лодзи 22—24 июня 1905 года — первом, как говорил В. И. Ленин, вооруженном выступлении рабочих России.

Ф. Э. Дзержинский, которого известия о событиях в Лодзи застали в Варшаве, немедленно организовал выпуск листовки в нелегальной варшавской типографии, написанной от имени Главного Правления СДКПиЛ Варским. Листовка была озаглавлена «Улица должна принадлежать рабочим!». Она призывала рабочих всех городов выйти на улицу, вооружиться кто как может и принять участие в демонстрации, чтобы доказать, что хозяином улицы является народ.

Вторая листовка, выпущенная от имени Варшавского комитета в тот же день, 24 июня, также по инициативе Юзефа, призывала рабочий класс Варшавы и всех трудящихся к всеобщей забастовке 26 июня «в знак солидарности с нашими братьями в Лодзи, в знак протеста против новых, не прекращающихся преступлений царского правительства».

Находившийся за границей Юлиан Мархлевский, оценивая значение Лодзинского восстания, писал в немецкой социал-демократической газете «Лейпцигер Фольксцейтунг»: «Эта героическая борьба лодзинских рабочих станет, несомненно, новым стимулом для пролетарского ре-

волюционного движения во всей царской империи, и жертвы принесены не напрасно».

Через несколько дней после вооруженного выступления лодзинских рабочих петербургские и московские большевики выпустили листовку, призывавшую русских рабочих поддержать дружным выступлением борьбу трудящихся Лодзи и Варшавы.

Знаменательно, что во время вооруженного восстания в Лодзи отдельные русские солдаты с оружием в руках переходили на сторону восставших, а 37-й полк пехоты был заперт царскими властями в казармах и потом в течение всего года не привлекался к подавлению революционных выступлений как «неблагонадежный». Это был результат усиленной работы ВРО РСДРП, которая действовала в тесном контакте с СДКПнЛ.

Провал конференции в Дембах Вельких

Летом 1905 года на время каникул я поехала отдыхать в Казимеж, живописный городок на берегу Вислы в Люблинской губернии. Этим летом туда съехалось на дачный сезон много варшавян. Было там также несколько человек — членов и сочувствующих СДКПнЛ, в том числе Красный с женой и братом Генрихом, Ванда Краль и др. Казимеж славился чудесными окрестностями и богатыми фруктовыми садами. В конце лета ежегодно огромные баржи, так называемые берлинки, груженные сочными яблоками, отплывали отсюда по Висле в Варшаву и причаливали у моста Кербедзя. Вся Варшава высыпала тогда на берег и запасалась вкусными яблоками.

В Казимеже все было очень дешево, и этим, по-видимому, объяснялся большой приток дачников из Варшавы. Политическая жизнь в то лето там была ключом. В квартире Красного велись бесконечные споры по вопросам политического положения. Один из социал-демократов прочел в Казимеже цикл лекций по истории Французской революции конца XVIII века, другой — ряд докладов по политической экономии.

Однажды мы устроили платный концерт в пользу СДКПнЛ, на котором вместе с другими товарищами выступала и я, сыграв несколько произведений Шопена и Шумана. Концерт дал значительный сбор. После концерта, поздним вечером, весь наш коллектив, сев в большие

рыбачьи лодки и выплыв на середину Вислы, пел хором революционные песни.

Один раз в Казимеже была я и на рабочем собрании. Как-то вечером Ванда повела меня за город, где в овраге среди холмов собралось около 50 рабочих из города и несколько батраков из окрестных деревень. Ванда говорила им о социализме, о необходимости для рабочего класса объединяться в политическую организацию — социал-демократическую партию. Эти малосознательные еще рабочие, вероятно, впервые слышали слово «социализм», но речь Ванды встретили с большим подъемом. Через несколько недель Ванде удалось создать там социал-демократическую группу.

В те времена не было еще районных организаций СДКПиЛ. Существовали только партийные кружки по профессиям, например металлистов, столяров, сапожников, портных, пекарей и т. д. Как уже упоминалось, я оказывала партии различные услуги: предоставляла свой адрес для конспиративной переписки, собирала деньги в пользу СДКПиЛ по подписным листам, но еще не входила ни в одну определенную организацию. Мне приходилось лишь постоянно сталкиваться с отдельными членами партии, и я не понимала точного значения слова «организация». Поэтому мое внимание приковали слова Ванды, подчеркивавшей неоднократно в своем выступлении значение организации и необходимость для рабочих объединяться в эту организацию.

Приятное и полезное пребывание наше в Казимеже было омрачено печальной вестью: 30 июля «провалилась» Варшавская городская конференция СДКПиЛ в Дембах Вельких вблизи Варшавы.

Через несколько дней мы узнали и подробности. Всего на конференции присутствовали 42 человека, в том числе 36 мужчин и 6 женщины. Рабочих было 32, интеллигенции 10 человек. Арестованы были 37 человек, среди них Мартин и Юзеф, который взял на себя всю ответственность за нелегальные материалы, обнаруженные полицией на месте. Юзеф содержался в страшном X павильоне Варшавской цитадели.

Это известие угнетающе подействовало на всех нас. Ванда, обеспокоенная провалом Мартина, который жил в ее доме, срочно выехала в Варшаву. Я тоже вернулась туда через несколько дней.

О провале в Дембах Вельких и о роли Юзефа в создавшейся обстановке написал участник конференции А. Краевский:

«Было уже около 5 часов пополудни, и конференция близилась к концу, когда мы заметили на краю поляны выезжающих из леса конных солдат.

Мы не знали, каковы их намерения. Но решили немедленно разойтись. Поляна была очень большой, и солдаты находились еще довольно далеко. Нас разделяло несколько сот шагов.

Юзеф крикнул:

— Товарищи! Быстро давайте сюда все нелегальное, что есть у вас. Мне в случае ареста терять нечего.

В одно мгновение приказ этот был выполнен и люди начали быстро расходиться...

Но вот мы уже окружены со всех сторон солдатами. Офицер соскакивает с лошади и любезно обращается к нам:

— Вы арестованы, господа. Прошу предъявить документы. У кого из вас имеется что-либо недозволенное, извольте сдать сами.

Юзеф встает с видом хозяина дома, к которому пожаловали непрошенные гости.

— Пожалуйста. Вот мой паспорт.

Офицер проверяет документы, затем спрашивает:

— Что вы тут делали, господа?

Юзеф отвечает:

— Об этом поговорим после, на следствии. Сейчас я только скажу, что с этим обществом, которое вы тут видите, у меня нет ничего общего. Не знаю, как их, а меня вы сами загнали в кучу со всеми прочими.

Произвели обыск. Кроме Юзефа, ни у кого ничего нелегального, разумеется, не нашли...

Отвели нас, окруженных десятками конных солдат, в ближайшее местечко Новоминск¹. Там нам пришлось провести две ночи в импровизированной тюрьме. Нас поместили в небольшой деревенского типа домик (на Варшавской улице), состоявший из двух или трех комнат. Внутри нас никто не сторожил, только сам домишко был окружен солдатами. Общаться с внешним миром, закупать продукты питания можно было только через солдат.

¹ В настоящее время Минск Мазовецкий.

Впрочем, питания было предостаточно, так как нас окружала необычайно сердечная забота местного населения.

Несмотря на то что нас охраняли очень старательно, время от времени кто-нибудь извне пробирался к нам. Не помню, однако, было ли это вопреки воле или же с согласия карауливших нас солдат. Вспоминаю только, что около полудня пришел к нам какой-то парнишка из пекарни, принес хлеба и таинственно сообщил, что захватил с собой одежду пекаря для того, чтобы один из нас мог переодеться и бежать. Дорогу он нам указал. Мы все бросились к Дзержинскому и стали его упрашивать воспользоваться такой необычной оказией. Он категорически отказался, заявив что не бросит нас. Напрасно убеждали мы его, что ведь за ним числится еще и старое серьезное дело, что кроме всего прочего всю тяжесть нынешнего дела он тоже целиком взял на себя. Он настоял на своем.

Дзержинский производил на солдат большое впечатление, они чувствовали в нем «начальника», как наивно выразились одни из них, спрашивая:

— Вон тот, это ваш начальник?

Так вот, одного из них Дзержинский взял в оборот. Вспоминается довольно комическая деталь их беседы. Дзержинский стал ему объяснять:

— Смотри, как с тобой обращаются, каждый офицершишка может выругать тебя, ударить, каждый тычет тебя.

Солдат ответил:

— Что ж, «ты» — это всем хорошим людям говорят, это не обидно.

На это Юзеф:

— Если я тебе говорю «ты» и ты мне говоришь «ты», то это как раз, как ты сказал, «не обидно», потому что мы говорили друг с другом по-дружески, как братья. Но офицер говорит тебе «ты», а попробуй ты к нему обратиться на «ты», как ты думаешь, ничего тебе за это не будет?

Солдат почесал за ухом:

— Правда, я об этом и не думал. Уж так положено, что им «ты» говорить нельзя. Умная ты, брат, голова!

Такие простые вещи приходилось им, беднякам, вколачивать в голову. Ну, мы и вколачивали в эти солдатские головы сколько влезет! Думаю, что это наше краткое пребывание в Новоминске дорого обошлось царю. Не менее сотни солдат прошло через наши руки.

А под вечер, после работы, у нашего домика собирались толпы рабочих. Через головы солдат, которые нами почти уже были сагитированы, мы проносили пламенные, страстные речи, обращаясь к рабочим, никогда до этого, может быть, таких выступлений не слышавшим. Рабочие горячо подхватывали наши возгласы в честь революции.

Солдаты нам в общем не мешали, только иногда, увидев приближающегося офицера, просили прервать выступления и не «подводить» их. Мы удовлетворяли их просьбу, а когда офицер удалялся, они сами уведомляли нас, что можно продолжать».

Другой товарищ вспоминает, как Дзержинский из окна обратился с речью к солдатам. Результат выступления был таков, что они предложили ему бежать. Но Феликс Эдмундович не воспользовался этим, не желая подвергать солдат наказанию.

Юзеф был арестован под чужой фамилией как Ян Эдмундович Кржечковский, а Мартин под именем Казимира Станиславовича Роковского. (Он имел при себе паспорт на имя Казимира Роковского, но прописан был в доме Ванды под другой, тоже чужой фамилией.)

После возвращения в Варшаву я узнала, что Ванда вынуждена скрываться, так как квартира ее «скомпрометирована» принадлежавшей ей собакой. Это был большой пес очень редкой в то время в Варшаве закопанской породы с длинной белой шерстью в темных подпалинах. Собака была очень привязана к Ванде и ее социал-демократическим жильцам. Во время конференции в лесу около деревни Дембы Вельке собака находилась недалеко оттуда на даче, где жила в то время с няней дочурка Ванды. Мартин часто ночевал там. Когда Мартин в тот вечер не вернулся домой, собака начала его искать и бегала до тех пор, пока не нашла на его след и не нашла его в Новоминске среди арестованных. Собака затем бежала за ним до самой Варшавы, куда арестованных отвезли на подводах. А когда их заперли в тюрьму Павиак (ул. Дзельна, 26), пес отправился домой на улицу Проста. Жандармы обратили внимание на собаку и по ней выследили квартиру Ванды.

Ванда Краль по состоянию здоровья, а также по соображениям конспирации не могла навещать заключенных. У Мартина не было никого из родных, кто бы мог о нем позаботиться. Ванда предложила мне пойти на свидание

с ним, отнести ему передачу и постельные принадлежности. Я охотно согласилась, потому что очень уважала и любила этого пламенного революционера. Мартин, хотя и был резковат в обращении и весьма критически отзывался о товарищах-интеллигентах, все же ко мне относился очень хорошо. Было ему тогда лет под сорок. Он целиком отдал себя служению рабочему делу. Высококвалифицированный закройщик известной в Варшаве фирмы дамского платья Герзе, он, Винценты Матушевский, мог как мастер этой фешенебельной, богатейшей пошивочной фирмы хорошо зарабатывать и безбедно жить. Но он бросил все и, став профессиональным революционером, посвятил все свои силы, всю свою жизнь социал-демократической деятельности. Прекрасный конспиратор, замечательный организатор, требовательный к себе и другим, он пользовался большим авторитетом среди рабочих, хотя его слегка и побаивались из-за непримиримости и строгости.

Помню мое первое посещение Мартина в Павиаке. Я тогда впервые в жизни шла на свидание в тюрьму.

В то время тюрьмы были переполнены. На улице у ворот Павиака столпилась масса людей в ожидании свидания. Приходилось ждать по нескольку часов, прежде чем пропускали в ворота. Сначала нужно было протиснуться к небольшому отверстию в железных воротах и заявить дежурному стражнику, к кому идешь на свидание. Ради конспирации я назвала себя невестой Мартина. Через 2 или 3 часа в этом же отверстии показалась рожа стражника, и меня вызвали на свидание.

Я вошла на большой тюремный двор, окруженный высокой каменной оградой. Лестница в несколько ступенек вела в самую тюрьму Павиак. В те времена свидания в Павиаке происходили в небольшой комнате без решеток. Одновременно происходило свидание нескольких заключенных. Тут же, в присутствии заключенных и посетителей, проверялась передача. Помню, как тюремный надзиратель разрезал вдоль и поперек весь кусок принесенной мной колбасы в поисках запретной записки. Но при этом он не заметил, как, пожимая руку Мартина, обрадованного свиданием, я незаметно сунула ему маленькую записочку от Ванды.

При следующих свиданиях по примеру других, более опытных посетителей, называя в отдушину у ворот фамилию заключенного, к которому шла на свидание, я да-

вала дежурному 10 грошей, благодаря чему ожидание сокращалось почти наполовину. Научилась я также так ловко манипулировать рукопожатием при встрече и прощании с Мартином, что передавала ему не только записки, но и газеты, а раз даже всунула ему в руки экземпляр «Червоного Штандара», полученного от Ванды.

Признаюсь, что, когда меня в тот раз ввели во двор Павиака, а особенно, когда, находясь уже в комнате для свиданий, я ждала Мартина, сердце тревожно сжималось в груди. Опасность нависла надо мной как раз в тот момент, когда я готовилась вместе с передачей всунуть Мартину «Червоны Штандар». В эту именно минуту назойливый надзиратель и подошел к нам. Но Мартин, опытный конспиратор, сразу смекнул, в чем дело, и, быстрым движением вырвав у меня из рук передачу вместе с «Червоным Штандаром», метнул на надзирателя такой яростный взгляд, что тот отвернулся и отошел. Мартин быстро попрощался со мной и исчез за дверью.

Вскоре мне пришлось прекратить эти свидания, так как партийная работа, которую мне поручили, не позволяла привлекать к себе внимание, быть часто на виду у тюремных властей и шпииков, постоянно кружившихся около Павиака.

Моя первая партийная работа

В конце августа 1905 года в Варшаве появился Бронислав (Юлпан Гемборек), бывший штейгер Домбровского угольного бассейна, профессиональный революционер. Член Варшавского комитета, Бронислав только что вышел из тюрьмы, куда попал в марте того же года вместе с десятком других товарищей из варшавского так называемого Центрального кружка.

Когда в 1905 году Ванда Краль познакомила меня с Брониславом, ему было лет 25. Был он довольно высокого роста, худой, коротко остриженный. На бледном безусом лице небольшие карие глаза и длинный острый нос. Знакомство наше состоялось после того, как Ванда предложила мне заняться разноской нелегальной литературы, на что я охотно согласилась. Речь шла о партийных изданиях, которые для облегчения перевозки и распространения печатались на тонкой папиросной бумаге.

Как сейчас помню маленькую чистую комнатку на Новгородской улице, где жил Бронислав и куда он мне велел прийти за литературой. Комнатка была так мала, что в ней помещались лишь железная кровать, стул и маленький столик. Зато она прекрасно подходила для конспиративных целей. Вход в нее вел прямо с лестницы, и была она совершенно изолирована.

Мои посещения были очень краткими, ограничивались несколькими минутами, необходимыми для получения литературы и адресов, куда ее следовало доставить. Бронислав дал мне второй ключ, чтобы я могла приходить в любое время. Когда его не было дома, я находила пачку литературы, оставленную в условленном месте.

Примерно через неделю, когда Бронислав убедился, что я умею сохранять конспирацию и добросовестно выполняю его поручения, он передал в мое распоряжение склады партийной литературы, предназначенной для Варшавы и ближайших окрестностей. С тех пор я приходила на Новгородскую улицу только за указанием: сколько, какой литературы и по какому адресу нужно доставить.

Складов социал-демократической литературы было несколько. Точных адресов я не помню. Один из них помещался на Братской улице. Войдя в ворота, нужно было повернуть направо и подняться на третий этаж. Прямо с лестницы был вход в небольшую комнату, занимаемую какой-то учительницей-француженкой, которая отдала в наше распоряжение целый большой платяной шкаф. Он был заполнен брошюрами СДКПиЛ. А было их тогда довольно много: «Кто чем живет» Яна Млота (Ш. Дикштейна); «Праздник Первого мая» Р. Крушинской (Р. Люксембург); «Пауки и мухи, или рабочие и капиталисты» Вильгельма Либкнехта (перевод с немецкого); «Независимость Польши и рабочее дело» Мацея Рузги (Р. Люксембург); сборник «Песни борьбы и труда»; брошюра Б. Кричевского «Из Великой французской революции» (перевод с русского); брошюры «Церковь и социализм» Р. Люксембург, «Из мартовских воспоминаний» Б. Кричевского, «Как и за что бороться» Ю. Карского, «Начало революции в царской России» Р. Люксембург и так называемая «Полоника» — сборник статей Р. Люксембург, К. Каутского, Ф. Меринга и других по польскому вопросу. Статьи «Полоник» полемизировали с ППС и защищали позиции СДКПиЛ по национальному вопросу.

На этом складе хранились также номера «Пшеглёнда социаль-демократычного» («Социал-демократическое обозрение») за годы, предшествовавшие революции 1905 года, и «Пшеглёнда-роботничего» («Рабочее обозрение»).

Второй склад находился на квартире одного рабочего на Медзяной улице. Там в мое распоряжение была предоставлена оттоманка, заполненная прокламациями и листовками.

Третий помещался в одном из домов на Пулавской улице. Там в основном хранились «Червоны Штандар» и «С поля вальки», но были также брошюры и прокламации.

Когда литература на этих складах кончалась, я ходила за новым запасом на главный склад, который помещался где-то на южной окраине города вблизи Бельведера. Туда привозили литературу, по-видимому, из-за границы. Склад этот обслуживал не только Варшаву, но и другие промышленные центры Королевства Польского. Это был большой сарай, в котором лежали обшитые рогожей, сложенные в большие деревянные ящики или прямо на полу кпы газет, брошюр и листовок.

Литература из-за границы привозилась также и на другие адреса. Однажды, помню, Бронислав дал мне адрес какой-то квартиры на Черняковской улице, откуда нужно было взять чемодан с нелегальной литературой. В другой раз мне дали адрес Вакара, в то время члена ВРО¹, который жил где-то вблизи ул. Лешно. У него было очень много брошюр, и мне пришлось ездить за ними несколько раз. Квартира его находилась далеко от трамвайной остановки. Как-то зимой я нигде не могла найти извозчика и с большим трудом тащила заочечеными руками тяжелый чемодан, набитый брошюрами. При этом мне приходилось притворяться, что он легкий, чтобы не вызвать подозрений у прохожих и стоявших на углах городских. К счастью, дело было вечером, при плохом уличном освещении, и мне удалось благополучно добраться до места.

Но вот однажды я чуть-чуть не «засыпалась». В тот день я везла на извозчике от Вакара на склад литературы на Братской улице огромную пачку «Полонки» и брошюр, завернутых в бумагу и перевязанных бечевкой.

¹ Позднее, в буржуазно-помещичьей Польше, Вакар отошел от революционного движения.

Когда я подъезжала к площади Александра (Трех Крестов), то с ужасом увидела, что дальше ехать нельзя. Часть площади на углу Журавей и Братской улиц была перегорожена из-за ремонта. Каменная мостовая была разворочена, укладывалась новая брусчатка. В довершение всего вокруг было пусто, а на площади, недалеко от ворот дома, к которому мне нужно было подъехать, стоял городской. Что тут делать? Вернуться обратно к Вакару? А вдруг я его уже не застаю дома? Сойти с извозчика и с тюком нелегальной литературы шагать через всю площадь прямо на городского? Это привлечет его внимание, тем более что бумага в нескольких местах прорвалась и можно было разглядеть, что в тюке книги. Раздумывать было некогда. Я велела извозчику подождать, а сама направилась к городскому, простовато спросила его, где находится нужный номер дома. Получив ответ, я вернулась к извозчику, расплатилась с ним и, взяв свой тюк, перед носом окопаченного мной городского «нахально» перешла через площадь и исчезла в воротах дома.

Но на этом не закончились мои приключения в тот день. Когда я со своей ношей поднялась на третий этаж, обрадованная, что так ловко удалось провести городского, оказалось, что моей французенки нет дома! Я звоню, звоню, никто не открывает. Стоять на лестнице с тюком нелегальной литературы опасно. Что делать? Я поднялась на пятый этаж, где квартир уже не было, а только вход на чердак. Положив злополучный тюк па пол у чердачных дверей, я спустилась обратно на третий этаж и стала ждать прихода французенки.

По лестнице, то поднимаясь вверх, то спускаясь вниз, мимо меня время от времени проходили люди. Тогда я отворачивалась к окну, чтобы случайно не попался кто-либо из знакомых и не узнал меня. Так простояла я несколько часов, боясь обратить на себя внимание и беспокоясь по поводу долгого отсутствия французенки. А вдруг она уехала куда-нибудь из города и не вернется к ночи? Но вот наконец и она!.. Чтобы такие случаи не повторялись, она дала мне ключ от комнаты, и с тех пор я спокойно хозяйничала в своем шкафу.

С разноской нелегальной литературы было довольно много возни и забот. Я зарабатывала себе на жизнь частными уроками и ежедневно после нескольких часов напряженного труда отправлялась на склад, нагружалась «Червоным Штандаром», брошюрами, листовками и раз-

носила их по указанным мне адресам. Эту нелегальную литературу я прятала на груди и спине под платьем, закладывала в чулки и под шляпу, остальное клала в потную папку, которая сохранилась у меня со времени учебы в консерватории. Фигура моя по объему увеличивалась в несколько раз, но это скрывали широкая черная пелерина и длинное, почти до земли, платье, которые, к счастью, были тогда в моде.

Нагруженная таким образом, я чаще всего ходила пешком, иногда только ездила на трамвае, если там было немногочисленно. Извозчикам не всегда можно было пользоваться. Во-первых, это стоило слишком дорого, во-вторых, в рабочих кварталах извозчики были явлением довольно редким и поэтому обращали на себя внимание.

Теперь мне часто приходилось бывать в рабочих районах. Тут я узнала иную Варшаву, резко отличавшуюся от той, к которой привыкла с детства. Это была совсем другая Варшава, ничего общего не имевшая с чистой и красивой Варшавой центра, с Маршалковской улицей и Саксонским садом, Краковским предместьем и Театральной площадью, Новым-Святом и Уяздовским Алеем. Я познакомилась с предместьями Варшавы, с плохо вымощенными улицами, без асфальтовых тротуаров, с облезлыми домами казарменного типа, без канализации, без всяких удобств. Улицы утопали в грязи, а по вечерам окутывались непроглядной тьмой. Глубокие вонючие сточные канавы, в которых играли оборванные и грязные ребятишки, худые, бледные, в коросте и нарывах, — рахитичные дети рабочих.

Помню «страшный» дом на Новолипках, куда я постоянно носила литературу члену партии фабричной работнице товарищу Марте. Литература эта, видимо, предназначалась для Повонзковского района. Попастъ в эту двухэтажную деревянную развалину было нелегко. Нужно было пройти по огромному темному двору через непролазную липкую грязь. Эта вязкая грязь была так глубока, что в ней тонули галоши.

Помню квартиру во флигеле дома на углу Сенной улицы и площади Витковского¹. Флигель находился в глубине двора. Я носила туда литературу товарищу Веселому. Это был молодой рабочий. В 1906 году его

¹ В настоящее время там находится Дом польского слова.

арестовали, и о дальнейшей судьбе этого товарища мне ничего не известно. Я познакомилась тогда с его сестрой Яниной (Красовской), видной деятельницей СДКПил. Ее вместе с мужем, по фамилии Пикарж, в 1919 году расстреляли в Красноярске колчаковцы.

Помню дома в сплошных дырах и провалах. В подвальных или чердачных каморках таких домов часто жили наши товарищи в районах Старое Место, Повисле, Мокотов, Воля, Прага. Помню самый ужасный из виденных мной четырех- или пятиэтажный дом казарменного типа на улице Смочей с облезлой штукатуркой и подпорками. Узкие деревянные лестницы с проломами и, видимо, никогда не мытыми ступеньками. Слой липкой грязи парос на них толщиной буквально в несколько сантиметров. На каждом этаже длинные, узкие, совершенно темные коридоры. По обеим сторонам их низенькие двери вели в сырые, холодные и невероятно грязные каморки. Там, особенно на верхнем этаже, ютилась самая обездоленная беднота. Через приоткрытые двери видны были ужасные, мрачные и грязные конуры, в которых жили люди. Не было там абсолютно никакой, даже самой убогой обстановки. В углу на полу обычно лежала лишь куча ничем не прикрытой гнилой соломы, по-видимому, служившая постелью. На лестнице и особенно в коридоре царил такой неопишимо удушливый смрад, что от него кружилась голова и тошнило.

Вид этого дома, его грязных лестниц, темных коридоров, мрачных конур-жилиц был так страшен, что я долго не могла прийти в себя от гнетущего впечатления, которое он на меня произвел. Этот и подобные ему дома, особенно в сопоставлении с богатыми, красивыми домами центра города, были ужасающим обвинительным актом против господствовавшего тогда капиталистического строя.

Против этого строя, против ненавистой царской власти самоотверженно боролись лучшие представители рабочего класса — социал-демократы. Многих из них ждала трагическая судьба, многие погибли в неравной борьбе. В те дни меня потрясло сообщение о военном суде над Марцином Каспшаком и Бенедиктом Гурцманом. Это зверское судилище 1 сентября 1905 года приговорило Каспшака к смертной казни через повешение, а Гурцмана — к 15 годам каторги за вооруженное сопротивление

ние 27 апреля 1904 года при нападении жандармов на нелегальную типографию СДКПиЛ в Варшаве.

Обращение Главного Правления СДКПиЛ к польскому рабочему классу от 2 сентября 1905 года, в котором сообщалось об этом, было одной из первых листовок, полученных мной от Бронислава для распространения. Защитники осужденных борцов обратились в кассационный суд в Петербург, добиваясь отмены приговора. В связи с этим прокламация Главного Правления СДКПиЛ призывала рабочий класс ни на минуту не упускать из вида дальнейший ход дела, быть готовым в соответствующий момент по зову партии подняться для протеста. Но варшавский генерал-губернатор Скалон, опираясь на закон о военном положении, объявленном в Королевстве Польском, запретил посылку кассационной жалобы в Петербург и утвердил приговор.

8 сентября 1905 года на рассвете на склоне Варшавской цитадели Каспшак, герой польского рабочего класса, был казнен. Когда его вели на виселицу, он пел «Червоны Штандар», а когда набросили петлю на шею, крикнул: «Да здравствует революция!» Это были последние слова революционера, который все свои силы, всю свою жизнь до последнего дыхания отдал борьбе за свободу польского народа, за социализм.

В тот же день, 8 сентября, Варшавский комитет СДКПиЛ выпустил прокламацию, призывая рабочих к забастовке протеста 11 сентября.

Однако военное положение, а также усталость рабочих, вызванная непрекращающимися с января стачками и массовыми выступлениями, были причиной того, что забастовка 11 сентября не стала всеобщей. Но не было в Варшаве завода, фабрики или мастерской, где бы часть рабочих не бастовали. Против забастовки выступила национал-демократия (эндеция). Полиция арестовала множество людей. Крупные заводы, фабрики и типографии были оцеплены войсками. Многие улицы в Повисле и вся Воля были также буквально забиты войсками.

Литература, которую я разносила, распространялась среди рабочих на заводах и фабриках членами партийных кружков. Я получала от Бронислава указания доставлять столько-то таких-то изданий металлистам, сапожникам, столярам, каменщикам, пекарям и т. д.

О том, как работали эти партийные кружки, вспоминает Юзеф в своих письмах первой половины 1905 года.

«Мы стремимся к тому, — писал он из Варшавы 1 марта 1905 года, — чтобы кружки по профессиям собирались лучше, собирались еженедельно., они должны стать сердцем нашей организации и определять нашу силу и гибкость...» В их обязанность, по мнению Юзефа, должны входить «корреспонденция, агитация, дискуссии, собрания, забастовки и т. д., а задачей Центрального кружка явится наблюдение за работой кружков партии по профессиям и их организация».

В письмах Юзефа упоминаются кружки металлистов, столяров, сапожников, каменщиков, женский кружок. Кроме того, существовали кружки портных, пекарей, железнодорожников, кружок интеллигентов, молодежи и др. Был также кружок пропагандистов для рабочих. Центральный кружок, которым непосредственно руководил Варшавский комитет, делился на Верхний, охватывавший районы Варшавы: Волю, Повонзки, Мокотов, и на Нижний (Дольный). Он охватывал район Варшавы на левом берегу Вислы, т. е. Повисле и Прагу.

В марте 1905 года Верхним кружком и кружком металлистов от Варшавского комитета руководил Юлиан Гемборек. Возможно, что эту же работу он выполнял и по выходе из тюрьмы — в августе — октябре 1905 года.

В первые недели моей работы по заведованию складами партийной литературы и ее распространению я познакомилась с двумя членами Главного Правления партии — Адольфом Варским (Варшавский), приехавшим в Варшаву из-за границы весной 1905 года, и с Миколаем — Яковом Фюрстенбергом (Я. Ганецкий). Обои им по поручению Вронислава я приносила свежие номера партийных газет, брошюр и других изданий: Варскому — на квартиру членов СДКПиЛ Станиславы и Станислава (Софы и Якова Гольденберг) на Вежбовой улице (обычно я там заставала одного Варского), Ганецкому — на квартиру сестер Эвелины Нейгольдберг и Марии Альтер, живших на Школьной улице. Познакомилась я тогда и с сестрой Ганецкого Юлией (Францика Ляндау), которую также снабжала литературой, принося на квартиру на Цегляной улице.

В этот период моей партийной работы я познакомилась еще с рядом товарищей, в том числе с Флоррианом (Стефан Братман).

Наступили памятные дни октября 1905 года. Всеобщая политическая стачка, начавшаяся с забастовки печатников в Москве, перебросилась на железные дороги, почту и телеграф, охватывая завод за заводом, фабрику за фабрикой, город за городом почти всей царской России. Польский пролетариат шел в первых рядах революции.

Когда до Королевства Польского дошла весть о начавшейся железнодорожной забастовке в России, здесь сразу же остановились все железные дороги, несмотря на решительное противодействие эндеков. Забастовали работники почты и телеграфа. Всеобщая политическая стачка охватила Варшаву, Лодзь, Домбровский бассейн, Ченстохову и все остальные промышленные города Королевства.

В те дни В. И. Ленин писал:

«Геройская Польша снова уже встала в ряды стачечников, точно издеваясь над бессильной злобой врагов, которые мечтали разбить ее своими ударами и которые только ковали крепче ее революционные силы»¹.

В Варшаве остановились не только все заводы, фабрики и мастерские, но не работали телефон, водопровод, фильтры, газоподача. Все магазины были закрыты. Прекратилось движение городского транспорта. На заводах и фабриках проходили массовые собрания и митинги. На многих из них присутствовали представители различных воинских частей варшавского гарнизона. Некоторые полки, в которых было сильно влияние ВРО, принимали резолюции солидарности с рабочими в борьбе с царизмом.

В те дни было столько работы по распространению партийной литературы, что я целыми днями не появлялась дома и совершенно забросила свою педагогическую работу, которой зарабатывала на жизнь. Вся литература на моих складах исчерпалась. Запросы были так велики, что если бы литературы было раз в десять больше, то и тогда не хватило бы ее. В моей оттоманке на Медзяной улице кроме свежих, только что выпущенных листовок и прокламаций лежали кипы старых воззваний, которые в свое время не удалось полностью раздать. Теперь все расхватали. На площади Витковского собирались толпы рабочих. Один митинг сменялся другим. Мы тут же раздавали листовки.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 2.

Рабочие жадно хватали их и быстро прятали в карманы или за пазуху.

Полиция в те дни боялась появляться в рабочих районах. Только крупные воинские части иногда проходили мимо собравшихся рабочих, но не трогали их. Рабочие часто встречали войска возгласами: «Да здравствует союз рабочих и солдат!», «Да здравствует революция!», «Да здравствуют революционные солдаты!», «Долой царизм!»

Опасались только казаков. Они врываются на лошадях прямо в толпу, въезжали на тротуары, давили людей, рубили шашками, избивали нагайками. Однажды на углу Маршалковской и Хмельной улиц досталось и мне. Это произошло в дни Московского вооруженного восстания, когда у нас проводилась декабрьская всеобщая стачка. Спасла меня барашковая шапка. На ней осталась полоса — след казачьей нагайки.

В дни объявления лицемерного царского октябрьского манифеста Варшава представляла собой необычное зрелище. 30 октября вся Маршалковская улица от края и до края была залита людским потоком, который медленно двигался к Иерусалимским Аллеям и дальше к Саксонскому саду с революционными возгласами и пением революционных песен: «Червоного Штандара», «Варшавянки», «На баррикады». Над головами развевалось множество красных знамен. Почти на каждом углу толпа останавливалась, чтобы выслушать поднятых на руки или взобравшихся на фонарные столбы ораторов.

А кто только тогда не выступал! Те, что недавно еще сидели в мышиных норах и всячески поносили непрерывные забастовки, организованные социал-демократами, теперь воспевали манифест и наступившую якобы свободу. Среди разношерстной толпы были, конечно, и политические младенцы, принимавшие все это за чистую монету, но сознательные рабочие встречали такие речи свистом и насмешками.

Социал-демократические ораторы предостерегали массы от обмана, разъясняли, что свободы не будет до тех пор, пока под натиском революции не рухнет и не превратится в прах царизм, до тех пор, пока на его месте не возникнет демократическая республика во всей России с автономией для Королевства Польского.

Людской поток нарастал с каждой минутой. Около Саксонского сада толпа свернула на Крулевскую улицу

в сторону Краковского предместья. С балкона углового дома какой-то буржуазной квартиры несколько человек, улыбаясь, махали толпе носовыми платочками. Это вызвало бурю возмущения. Раздавались выкрики: «Вниз, вниз, труссы!» Буржуи поспешили скрыться в комнаты.

На Крулевской, потом на Краковском предместье — всюду митинги, митинги. Часто по очереди, друг за другом выступали пепезовец и социал-демократ. Слушатели аплодировали без разбора и тому и другому. В те дни тысячи людей впервые приобщались к политической жизни, впервые слышали социал-демократические речи. Полицию и войска как метлой смело. Массы овладели улицей.

На следующий день Варшавский комитет СДКПнЛ организовал мощную демонстрацию на Театральной площади перед Ратушей. Другая демонстрация отправилась к Павнаку. Целью этих демонстраций было освобождение политических заключенных.

На Театральной площади собралась огромная толпа людей. Проводились митинги. Раздавались возгласы: «Освободить политических заключенных!» Но вдруг на площадь во весь опор неожиданно выскочили казаки и драгуны, и началась зверская расправа. Несколько сот демонстрантов было ранено.

Так на другой же день после объявления манифеста царские власти начали в Варшаве и других промышленных городах «проводить его в жизнь».

Весть об этой расправе не снизила революционного накала широких рабочих масс. Наоборот, это вызвало наряду с сильным возмущением еще большую жажду борьбы за настоящую свободу вплоть до победного конца. Всеобщая стачка продолжалась. Продолжались массовые митинги и демонстрации. В филармонии и около нее с утра до вечера толпился народ и проводились непрерывные митинги. 3 ноября после полудня в филармонии состоялся большой митинг, организованный Варшавским комитетом СДКПнЛ. Зал был переполнен. С красными бантами на груди проходили мы по рядам между скамейками, продавая свежие номера «Червоного Штандара», «С поля вальки», собирая по подписным листам и квитанционным книжкам деньги в пользу СДКПнЛ. На разукрашенную красными знаменами эстраду то и дело поднимались и выступали с речами социал-демократические ораторы. Люди слушали их затаив дыхание, реагируя на каждое меткое слово бурей аплодисментов.

С основным докладом на этом митинге от Главного Правления СДКППЛ выступил Адольф Варский. Он не был блестящим оратором, но простотой изложения, ясностью мысли, логикой аргументации приковывал внимание слушателей и вдохновлял их на борьбу. После него выступил Ксепдз (Малэцкий — Александр Рубинштейн), прекрасный оратор, пожалуй, лучший оратор среди видных деятелей СДКППЛ того времени. Потом выступали представители фабрик, заводов и революционных русских солдат — членов ВРО. Митинг начался в 5 часов пополудни и продолжался до позднего вечера.

Большое впечатление на присутствующих произвела речь одного товарища — заводского рабочего. Это был поистине прирожденный оратор. Во время своего выступления он поднимал вверх изуродованную на производстве руку. Это еще больше усиливало впечатление.

Мы, советские люди, давно привыкли к тому, что торжественные собрания и митинги проводятся в прекрасных, светлых и просторных залах и театрах. Тот митинг произвел на меня неизгладимое впечатление. Ведь мы впервые вышли из подполья, когда собиравлись маленькими горсточками, максимум 10—20 человек. Собиравлись в какой-нибудь комнатухе рабочего, в лучшем случае в производственных цехах или в квартире сочувствующего интеллигента. А тут пяти тысячная масса в самом большом и красивом здании Варшавы! Президиум — за столом, покрытым красным сукном. На знаменах — социал-демократические лозунги. Зал гремит революционными песнями. Поются они с необыкновенным подъемом. И ни одного жандармского или полицейского мундира. Митинг охраняют наши боевики. На трибуне и в президиуме обращают на себя внимание солдаты. Это представители социал-демократической Военно-революционной организации.

Митинг с большим подъемом принял резолюцию о полной солидарности польского и русского пролетариата и о необходимости продолжать политическую стачку.

На этом митинге Юзеф не смог присутствовать, хотя был освобожден 2 ноября по амнистии, которую власти вынуждены были объявить под напором революционных выступлений. Когда Юзефа выпустили из X павильона, в городе была всеобщая забастовка. Не работали ни трамваи, ни извозчики. Выйдя из цитадели, он вместе с выпущенным в тот же день руководителем левых пепеэсовцев Максимилианом Горвитцем (Валецкий) отправился в го-

род пешком. Потом они нашли какую-то бричку, которая довезла их до центра города.

По дороге, как рассказывал Валецкий, Юзеф все время возвращался к одной и той же мысли: не обольщаться, не верить царской конституции, никаких иллюзий, ни в коем случае не легализоваться.

В тот день, не зная еще об освобождении Юзефа, я встретила его неожиданно на углу Свентокшиской и Влодзимерской улиц. Вопреки законам конспирации, запрещающим здороваться на улице, он еще издали поклонился мне и остановился. Мы пожали друг другу руки. Юзеф сиял. Он смеялся и шутил, радовался, что на свободе, что из тюремных стен его вырвала революция, что можно снова отдать всего себя без остатка партийной работе — своей стихии.

Он уже куда-то торопился. Поговорив с минуту, мы разошлись. Он свернул на Влодзимерскую, а я пошла своей дорогой, унося в душе радость, что наш Юзеф, которому угрожала многолетняя каторга, снова на свободе.

Тюрьма оставила свой след на лице Юзефа, но глаза его горели пламенем революционного подъема.

Я. Ганецкий в своих воспоминаниях о Дзержинском рассказывает, что Юзеф, выйдя из тюрьмы и увидев на улицах толпы людей с сияющими лицами, выступил «с горячей речью, в которой призывал: «Не верьте царским подачкам! Не верьте буржуазии! Она вместе с царизмом будет бороться против рабочих. У рабочих свои цели...» И сразу же отправился в рабочие районы, выступал там на митингах на улицах до поздней ночи».

По словам же Владислава Штейна (А. Краевский) — Юзеф прямо из тюрьмы вместе с несколькими другими товарищами, освобожденными из Павлака и женской тюрьмы «Сербия», пришел на чрезвычайную конференцию СДКПЛ, созванную в связи с нарастающей революционной обстановкой. Конференция эта проходила в квартире Францишки Ляндау, на ул. Цегляной, в доме № 4.

«Можно себе представить, — пишет А. Краевский, — какой овацией они были встречены. Тов. Станислав, который как член Варшавского комитета руководил конференцией, немедленно передал председательство Юзефу...»

Другой участник этой конференции, Красный, говорит, что из выступления Юзефа ему особенно запомнились слова: «Теперь надо к оружию, к оружию, только с оружием...» Слово «оружие», т. е. вооруженная борьба,

заполняло всю его речь, и она сейчас звучит у меня в ушах».

Вскоре после всеобщей политической забастовки в Варшаву из-за границы приехали идеолог СДКПНЛ Роза Люксембург и член Главного Правления Ян Тышка. Оба они вскоре были арестованы. Роза Люксембург, предъявившая германский паспорт, была выслана в Германию. Тышка был приговорен к восьми годам каторги. О пребывании Розы Люксембург в Варшаве и ее аресте я узнала значительно позже, когда ее уже не было в Королевстве. Видеть Розу Люксембург мне так и не удалось. Но я воспитывалась на ее революционных произведениях, с восторгом читала ее пламенные статьи и прокламации, проникнутые духом боевого пролетарского интернационализма.

В первых числах ноября 1905 года в Варшаве начала выходить легальная газета «Трибуна людова» — орган СДКПНЛ. Мы открыто продавали ее на улицах. Я продавала ее на углу Маршалковской и Крулевской улиц. Всего вышло четыре номера общим тиражом 250 тыс. экземпляров. Газету конфисковали. После этого снова стал выходить нелегально «Червоны Штандар», но уже не за границей, а в Варшаве, сначала несколько раз в неделю, с февраля 1906 года ежедневно, затем снова реже.

Осенью 1905 года СДКПНЛ приступила к массовой организации профессиональных союзов. Я присутствовала на собрании рабочих швейных мастерских. Собрание проходило на чердаке какой-то новостройки за Железной Брамой. Выступал Винценты Матушевский. На этом собрании был организован Социал-демократический профессиональный союз работников иглы.

Как известно, Ленин был решительным противником нейтральности, «независимости» профсоюзов. Он считал, что профсоюзы в интересах рабочего класса и социализма должны признавать идейное руководство большевистской партии и поддерживать с ней организационную связь. Но это должно осуществляться путем воздействия на беспартийные массы большевиков — членов профсоюзов, пользующихся большим авторитетом благодаря своей политической сознательности и самоотверженной борьбе с царизмом и буржуазией.

Между тем СДКПНЛ называла организуемые ею профсоюзы социал-демократическими и считала, что вступающие в профсоюзы рабочие должны признать руководство

со стороны СДКПиЛ. Такая позиция была проявлением сектантства, непонимания роли профсоюзов как приводного ремня партии к самым широким массам рабочих. Результат был таков, что, в то время когда СДКПиЛ летом 1906 года насчитывала в своих рядах до 30 тыс. членов, социал-демократические профсоюзы имели всего лишь 10 400 членов.

10 ноября 1905 года, через 11 дней после объявления манифеста, окончились так называемые дни свободы в Королевстве Польском: на территории всего Королевства было восстановлено военное положение.

В. И. Ленин писал тогда: «Пролетариат стоит на своем посту. Он не допустит, чтобы геройская Польша была еще раз задавлена. Он ринется сам в бой и не только уже мирной стачкой, а с оружием в руках поднимется за свободу и России и Польши»¹.

В ответ на введение военного положения Главное Правление СДКПиЛ призвало рабочих продолжать всеобщую стачку, создавать по примеру русских рабочих боевые дружины, идти в деревню и проводить агитацию среди крестьян, чтобы поднять их на совместную борьбу за свободу. Необходимо, однако, сказать, что, говоря об агитации в деревне, СДКПиЛ имела в виду не широкие массы крестьянства, а лишь батраков и малоземельных крестьян-бедняков. Это отчетливо видно из статьи Ю. Мархлевского «Конференция сельских агитаторов». Борьбе русских крестьян за землю, за «экспроприацию помещиков, правительственных чиновников и других сельских паразитов» здесь противопоставляется «чисто классовая борьба пролетариата с капиталом» в польской деревне. СДКПиЛ, заявляет автор, «не нуждается ни в каких особых аграрных программах».

Это была в корне неправильная точка зрения. Вытекала она из недооценки пережитков феодализма в Польше, из отрицания революционной роли крестьянства в буржуазно-демократической революции, из непонимания вопроса о гегемонии пролетариата в народной революции.

Ф. Э. Дзержинский лучше других руководителей СДКПиЛ понимал большое значение работы среди крестьян. Сам он неоднократно выезжал в деревню (между прочим, в Люблинскую губ.) и посылал туда агитаторов. В письмах Главному Правлению он настойчиво добивался

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 67.

издания манифеста к крестьянам. Еще в феврале 1905 года он писал о необходимости немедленно издать такой манифест: «Это самая первая, самая главная наша потребность, важнее «Червоного Штандара», «Пшеглѣнда», брошюр».

В России в ходе классовых боев возникали Советы рабочих депутатов. В. И. Ленин сразу оценил Советы как орган восстания, как зародыш революционной власти трудового народа, возникший в результате самостоятельности самих рабочих масс.

СДКПнЛ не понимала роли и недооценивала значения Советов рабочих депутатов на территории Королевства Польского. Поэтому они там не возникли. Были они созданы только за пределами Королевства Польского — в Белостоке.

Такое отношение к Советам наши товарищи объясняли тем, что СДКПнЛ достаточно сильна и влиятельна и сумеет сама руководить революционным рабочим движением. Занимая такую позицию, СДКПнЛ, вероятно, руководствовалась и нежеланием сотрудничать в Советах с ППС, которая имела влияние на довольно значительное число польских рабочих, особенно среди высокооплачиваемых. Это было проявлением сектанства со стороны СДКПнЛ.

Не понимали также руководители СДКПнЛ и того, что Советы рабочих депутатов были органами восстания и зародышами народной власти.

В Мокотовской организации

Во время «дней свободы» 1905 года произошли серьезные организационные изменения в структуре варшавской организации СДКПнЛ. Верхний и Нижний кружки, а также кружки партии по профессиям в связи с ростом влияния СДКПнЛ в массах были превращены в фабрично-заводские и районные партийные организации.

Возникло 5 районов: Воля, Повопзкн, Мокотов, Дол (т. е. левобережное Повисле) и Прага. Меня направили в Мокотовский район. Фабрично-заводские партийные организации возглавлялись фабричными и заводскими правлениями, районные организации — районными правлениями, состоявшими обычно из пяти членов. Работой партийной организации всего города руководил Варшавский комитет СДКПнЛ.

В каждом районе ежедневно проводились так называемые биржи¹. Собиралась биржа тайно, каждый раз в новом месте, в какой-нибудь рабочей квартире. В горячие дни собиралась и по два раза в день. Руководили районными биржами члены районного правления партии. В бирже участвовали представители фабрично-заводских партийных организаций данного района, агитаторы и пропагандисты, а когда были организованы боевые дружины, то приходили и боевики. Сюда обращались со всеми нуждами и запросами, здесь решались всевозможные текущие вопросы: выделялись ораторы на митинги и массовки, направлялись на фабрики, заводы и в мастерские агитаторы и пропагандисты, высылались организаторы для проведения все еще продолжавшихся экономических забастовок. Здесь принимались пятикопеечные партийные членские взносы и деньги за литературу, выдавались и принимались обратно подписные листы и квитанционные книжки с собранными деньгами.

Уплата членских взносов отмечалась наклейкой специальных марок в особой тетради. Марка наклеивалась против соответствующей партийной клички. Партийных билетов тогда, разумеется, по соображениям конспирации не было. Тетрадь с наклеенными марками всегда хранилась у членов районного правления, обычно у казначея.

На биржу приносили свежий номер выходившего в 1906 году в Варшаве почти ежедневно «Червоного Штандара», прокламации и другие партийные издания. Представители фабрик, заводов и мастерских получали здесь литературу для распространения на своем предприятии.

На биржу приходили представители социал-демократических профсоюзов для решения своих вопросов. Здесь фабрично-заводские правления партии и кружки получали директивы и указания вышестоящих партийных органов, здесь же оформлялись новые связи с фабриками и заводами, назначались пропагандисты для новых кружков, обсуждались с членами районного правления вопросы текущей политики. Сюда приносили информации и корреспонденции для «Червоного Штандара» из жизни фабрик, заводов, мастерских, здесь ежедневно отчитывались о выполнении партийного поручения, о том, как прошла массовка или митинг, занятие кружка или забастовка. На

¹ Биржа — ежедневное дежурство членов Варшавского комитета или районных правлений СДКПиЛ для оперативного руководства всей организационной и агитационной работой.

бирже в течение трех-четырех, иногда пяти часов было непрерывное движение. Одни приходили, другие уходили. В самые горячие дни на биржу одновременно собиралось до 30—40 человек.

Кроме районных бирж собирались центральные биржи, на которые приходили представители Варшавского комитета и районных правлений. Таким образом осуществлялось оперативное руководство партийными организациями.

Раз в месяц или несколько реже в зависимости от состояния и потребностей организации собирались районные партийные конференции, где отчитывались районное правление и представители фабричных и заводских правлений, обсуждались вопросы текущей политики и партийной работы, выбирался новый состав районного правления и делегаты на межрайонные (т. е. общегородские) конференции.

В период Московского вооруженного восстания

28—30 ноября 1905 года в Варшаве состоялась общепартийная конференция СДКППЛ с участием всех членов Главного Правления, представителей редакций изданий Главного Правления и 20 представителей местных организаций.

Я не присутствовала на конференции. Пишу о ней на основе отчетов и архивных материалов.

В резолюции по пункту первому повестки дня «Оценка текущего момента и задачи партии» конференция отметила: «Революция в Российском государстве, не свергнув существующего строя, находится лишь в начальной стадии, а не в конечной стадии своего развития».

На конференции был выдвинут лозунг борьбы за Учредительное собрание в масштабе всего Российского государства, за демократическую республику с автономией для Королевства Польского.

Предвидя новое, значительно более мощное наступление на царизм, чем всеобщая октябрьская стачка, неизбежность «столкновения всего народа с властью», конференция постановила «организовать рабочую милицию», а «в момент нового революционного взрыва овладеть по возможности всеми местными государственными учреждениями».

Но о подготовке этого «столкновения народа с властью», т. е. о подготовке вооруженного восстания, в резолюции ничего не было сказано.

С докладом по последнему пункту повестки дня «Партийная работа в армии» выступил Дзержинский. Сохранилось написанное его рукой следующее предложение, внесенное им на конференции: «В настоящее время наша работа в армии должна ставить своей целью подготовку солдат к вооруженному восстанию».

Это предложение свидетельствует о том, что Ф. Э. Дзержинский хорошо понимал необходимость вооруженного восстания для свержения царского самодержавия в России и привлечения к этому восстанию революционных солдат и офицеров царской армии.

Как известно, первая русская революция достигла наивысшего подъема во время вооруженного восстания московских рабочих в декабре 1905 года, подготовленного большевиками. Узнав о вооруженном восстании в Москве, Главное Правление СДКПиЛ призвало массы польских трудящихся к всеобщей забастовке солидарности.

Я присутствовала на организованном СДКПиЛ 22 декабря грандиозном митинге в Варшавской филармонии. Митинг этот прошел с большим подъемом, участники постановили приступить к всеобщей забастовке и призвали польских рабочих быть готовыми в любой момент нанести царизму последний, смертельный удар.

Идея вооруженного восстания уже жила в умах членов СДКПиЛ. О необходимости вооруженного восстания говорили на партийных собраниях и на рабочих митингах. Но думали при этом, что всеобщая стачка стихийно перерастет в вооруженную борьбу, в восстание. Большевистская постановка вопроса о необходимости технической подготовки восстания еще не была понята в рядах СДКПиЛ.

Несмотря на страшный террор царизма и яростное сопротивление польской буржуазии, католического духовенства и эндеков, всеобщая забастовка охватила в декабре 1905 года Варшаву и все другие промышленные центры Королевства Польского.

Вся жизнь в Варшаве замерла. Стали фабрики, заводы и мастерские, перестал работать водопровод, прекратилась газоподача, остановилось всякое движение городского транспорта, закрылись магазины, кондитерские, рестораны.

В Домбровском угольном бассейне забастовке особенно сильно сопротивлялись эндеки. В дни Декабрьского вооруженного восстания в Москве Держинский силой прорвался на территорию металлургического завода в Сосновце «Гута Банкова» (в настоящее время завод имени Ф. Держинского). Этот завод обычно давал сигнал к забастовке всего угольного района. Феликс Эдмундович в пламенной речи призывал рабочих приступить к всеобщей забастовке. Во двор завода ворвалась полиция. Но в это время раздался протяжный гулкий гудок. Сигнал к забастовке был подхвачен. Остановилась работа всех шахт и заводов Домбровского бассейна.

Забастовкой были охвачены все государственные железные дороги в Королевстве Польском. Это имело большое значение, так как лишало правительство возможности перебросить войска в Россию для подавления Московского вооруженного восстания. Не удалось только полностью остановить движение на частной Варшавско-Венской железной дороге, среди работников которой большим влиянием пользовались ППС и эндеки. Но до вооруженного восстания в Королевстве Польском дело не дошло. А Московское восстание потерпело поражение.

Как известно, после поражения восстания меньшевик Плеханов заявил, что «не надо было браться за оружие».

В. И. Ленин был совершенно иного мнения. «Напротив, — говорил он, — нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы»¹.

Среди руководителей ППС, будущих «левиццев», раздавались голоса, поддерживавшие точку зрения меньшевиков. Но СДКПил в этом вопросе решительно встала на большевистскую позицию. «Реки крови, пролитой в Москве, не укрепляют, а подрывают силу царизма, — писал «Червоны Штандар». — Геронзм революционной Москвы дойдет до всего народа России, отзвук ее сражений всюду зажжет пламя новой борьбы... Царь победил потому, что пролил кровь бойцов Москвы, царь побежден потому, что из каждой капли этой крови вырастут новые мстители за страдания народа»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 371—372.

² «Червоны Штандар» № 35, 3 января 1906 г.

Я не встречала ни одного члена СДКПиЛ, который бы не осудил точку зрения Плеханова.

Феликс Кон в своих воспоминаниях о Держинском приводит слова Феликса Эдмундовича, сказанные в тюрьме Павлак в 1907 году в споре по поводу политической обстановки в стране и плехановской оценки ее. В ответ на нытье оппортунистов Держинский заявил:

«Только через поражения, только в действии и борьбе рабочий класс приблизится к победе...»

«Он сказал это, — пишет Ф. Кон, — просто, но с таким убеждением, с такой верой в силу пролетариата, что замолчали даже самые отъявленные малoverы».

После поражения Московского восстания волна революции начала постепенно спадать, но борьба как в России, так и в Королевстве Польском продолжалась в течение всего 1906 года и первой половины 1907 года.

1 Мая 1906 года в Варшаве и других городах Королевства Польского по призыву СДКПиЛ была проведена всеобщая забастовка. Под проливным дождем рано утром в день 1 Мая мы с двумя товарищами обходили фабрики, заводы, все промышленные предприятия Мокотовского района, чтобы остановить те из них, которые еще не начали забастовку. Но никто не работал в тот день в Варшаве. Магазины и лавки были закрыты, трамваи не ходили, извозчики не появлялись на улицах. Не вышла ни одна газета, ни один журнал, даже грязная эндецкая газетка «Дзвон польский» вынуждена была подчиниться воле рабочих.

В рабочих районах на фабричных трубах и телеграфных проводах развевались красные знамена. Но о демонстрации не могло быть и речи. Царские палачи в страхе перед демонстрацией заполнили весь город войсками, терроризировали население; остановилось пешеходное движение на центральных улицах. При этом солдаты, особенно казаки, позволяли себе дикие выходки.

Несмотря на это, все же состоялись две демонстрации. Товарищи из Праги рано утром отправились на кладбище в Брудно, чтобы почтить память похороненных там героев, сложивших головы в революционной борьбе. Вторую демонстрацию устроили политзаключенные Павлака. Они пели «Червоны Штандар» и провозглашали из-за тюремных решеток лозунги в честь 1 Мая, в честь революции. Один из демонстрантов был убит часовым.

23 апреля — 8 мая 1906 года в Стокгольме состоялся IV (Объединительный) съезд РСДРП. На этом съезде Дзержинский впервые лично встретился с В. И. Лениным. При непосредственном участии Адольфа Варского, Феликса Дзержинского и Якова Ганецкого СДКПиЛ вошла в состав РСДРП. Ф. Дзержинский вошел затем в состав редакции центрального органа РСДРП и в состав Центрального Комитета РСДРП как представитель СДКПиЛ.

Начиная с первой русской революции, с объединения СДКПиЛ с РСДРП, у Феликса Эдмундовича установилась с Владимиром Ильичем личная связь и деловое сотрудничество. Феликс Эдмундович становится верной опорой Ленина в революционной борьбе. Объединение партий, имевшее историческое значение, было воспринято всеми организациями СДКПиЛ с величайшей радостью и получило всеобщее одобрение.

Вскоре в Варшаве были проведены районные конференции, на которых представители СДКПиЛ, участвовавшие в работе IV съезда РСДРП, выступали с докладами об итогах съезда и о слиянии СДКПиЛ с РСДРП. Одновременно шла подготовка к созыву V съезда СДКПиЛ.

20 мая я принимала участие в работе районной конференции Мокотовского района. От Главного Правления этой конференцией руководил Юзеф. Он сделал доклад о IV (Объединительном) съезде РСДРП, о текущем политическом положении и задачах партии.

Подробное содержание доклада Юзефа после стольких лет стерлось из моей памяти. Но хорошо помню, с каким подъемом он говорил о присоединении партии польского пролетариата к общероссийской партии, что издавна было его горячим желанием.

Я тогда впервые слышала Юзефа-оратора. В первый момент мне показалось, что он неважный оратор: говорил он медленно, как бы даже с некоторым трудом. Но это продолжалось лишь несколько секунд. Вскоре он загорелся и говорил так пламенно, так убедительно, с такой горячей верой в победу революции, так захватывающе, как может говорить только настоящий народный трибун.

Во втором своем выступлении на этой конференции Юзеф охарактеризовал проект составленного им нового Устава СДКПиЛ, § 1 которого о партийном членстве был

сформулирован в большевистском духе. Устав этот был утвержден позднее на V съезде СДКПиЛ.

При обсуждении по пунктам проекта Устава один из товарищей выступил против § 20, в котором устанавливался следующий порядок выборов в члены районного правления: из пяти членов районного правления четырех выбирает районная конференция, а пятого назначает Варшавский комитет. Этот товарищ требовал, чтобы все пятеро выбирались на районной конференции.

Юзеф выступил против этой поправки. Дело в том, что в 1905 году в партию вступило много новых членов, еще недостаточно подготовленных и недостаточно проверенных, особенно из среды мелкобуржуазной интеллигенции. В условиях нелегального существования партии важно, чтобы в каждом районном правлении был один более опытный, испытанный в борьбе, хорошо известный Варшавскому комитету товарищ. Конференция большинством голосов поддержала точку зрения Юзефа. В партийной практике этим назначенным членом районного правления был обычно один из членов Варшавского комитета. В Мокотовском районном правлении таким членом в 1906 году был Леон (Юзеф Уншлихт).

Моя пропагандистская работа

В конце 1905 года или в начале 1906 года совершенно неожиданно для себя я стала пропагандистом. Случилось это так. Однажды вечером я отнесла на квартиру члена боевой дружины и пропагандиста Недзведзя (Миттельштэdt) пачку нелегальной литературы. Я застала его в постели в тяжелом состоянии с простреленной ногой. Оказалось, что он положил в карман револьвер, не поставленный на предохранитель. Произошел выстрел. Пуля попала в колено.

Недзведзь руководил смешанным кружком, т. е. состоящим из рабочих с разных фабрик и заводов. Занятие этого кружка должно было состояться на следующий день. О том, чтобы он сам провел это занятие, не могло быть и речи. При мне пришел хирург. Осмотрев раненого, он отправил его в больницу Св. Духа, где наш товарищ пролежал несколько месяцев.

Оставить кружок без руководителя значило обречь его на развал. Недзведзь попросил меня заменить его. Я сна-

чала отказывалась, говорила, что никогда пропагандистом не была, не подготовлена для такой работы. Но, чтобы сохранить кружок, другого выхода не было. Искать другую замену было слишком поздно. Волей-неволей пришлось согласиться. У меня не было даже возможности узнать у Недзведзя, о чем он говорил кружковцам на последнем занятии и о чем собирался говорить в следующий раз. Я взяла у него только адрес, чтобы в назначенный час быть на месте.

Дома я долго раздумывала над тем, о чем мне, молодому, недостаточно опытному члену партии, говорить этим взрослым рабочим. В конце концов я решила взять за основу хорошо знакомую мне ценную книжку Ш. Дикштейна «Кто чем живет». Еще раз прочла я внимательно главу, в которой автор объясняет, на чем основана и как происходит эксплуатация рабочего капиталистом.

На другой день, несмотря на тщательную подготовку, я шла на занятие кружка как на казнь. Не знаю, заметили ли слушатели мое волнение, помню только, что сначала мне трудно было произнести хоть слово, горло было точно сдавлено чем-то.

Но, увидев, что рабочие, которых было человек 15, слушают меня внимательно и сосредоточенно, я успокоилась и со всем жаром молодости продолжала беседу. Слушатели были, видимо, довольны, потому что на следующее занятие пришли все до единого.

Этот первый свой кружок я вела до середины лета, когда мне пришлось в качестве репетитора ради заработка на время выехать из Варшавы. С тех пор пропагандистская работа стала для меня самой любимой партийной работой.

Вскоре в Варшаве были организованы две школы для пропагандистов. Одной из них руководила Станислава (Софья Гольденберг), второй — Юлия (Францишка Ляндау).

Я посещала сначала школу Станиславы, а потом вторую, руководимую Юлией. Занятия проводились нелегально раз в неделю, каждый раз в новом месте. Посещали эти занятия человек 15—20 пропагандистов.

Юлия преподавала нам политэкономию. Кроме того, на занятиях обсуждались злободневные политические вопросы. Мы самостоятельно изучали переведенные на польский язык в издании «Научной библиотеки» (издателем ее был Станислав Кухарский) книги «От утопии

к науке» Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Экономическое учение Карла Маркса» К. Каутского и отдельные главы I тома «Капитала» К. Маркса на русском языке.

В конце 1906 года для пропагандистов Мокотовского района была организована партийная школа под руководством Юлиана Мархлевского, которого я тогда впервые узнала. Эту школу посещало всего несколько человек (4—5), по-видимому, в связи с тем, что революционное движение по сравнению с первой половиной 1906 года пошло на убыль. Усилились правительственные репрессии, и начался отход от партии ряда интеллигентов.

В этой школе система занятий была иная. Изучали мы также политэкономия, но каждый из нас готовил доклад на определенную тему, а Мархлевский рекомендовал нам литературу, давал принципиальные установки во вступительном слове. С первым докладом выступил студент Варшавского политехнического института Самуил Лазоверт (Подпалая, а в последующие годы Роман).

К сожалению, удалось провести всего лишь два занятия этой школы, так как Мархлевский был арестован.

В 1906—1909 годах я руководила целым рядом кружков. Некоторые из них были смешанными, другие охватывали рабочих одного определенного завода или фабрики. Смешанные кружки занимались каждый раз в новом месте, в какой-нибудь рабочей квартире, иногда в такой маленькой комнатке, что из-за тесноты и недостатка кислорода гасла керосиновая лампочка на столе. Однажды на занятии кружка летом 1906 года в небольшой комнате рабочего собралось так много народа, что всем не хватило места. Комната была на первом этаже. Часть слушателей стояли во дворе у открытого окна и слушали там мое выступление.

Обычно в рабочих каморках не хватало стульев и некоторые стояли. Но интерес к социал-демократическому слову в 1905—1907 годах был так велик, что эти неудобства, более того, опасность ареста не отпугивали рабочих от посещений кружков.

Случались и всякие неожиданности, приводившие к срыву занятий. Однажды, например, я пришла на занятие кружка в один из домов Старого Места. В квартире уже было несколько рабочих, и мы стали ждать прихода остальных слушателей. Вдруг открывается дверь и входит высокий вооруженный донской казак. Мы сделали вид, что пришли в гости к хозяйке, и через несколько минут

стали расходиться. Нужно было встретить и предупредить других товарищей, чтобы казак не догадался, что тут собирался нелегальный кружок. Оказалось, как мы потом узнали, что у него не было никаких плохих намерений. Молодой казак просто пришел в гости к хозяйской дочери, хорошенькой девушке, к которой был неравнодушен. Кроме того, сам он находился под влиянием Военно-революционной организации. Но занятие кружка было сорвано, и немалых трудов стоило оповестить слушателей о месте следующего собрания.

В течение довольно долгого времени я вела кружок на ленточной фабрике Шенвитца на Венульской улице. Занятия проводились прямо на фабрике около ткацких станков. Рабочие останавливали машины, один из них дежурил у телефона, чтобы фабрикант не вызвал полицию.

Руководила я кружками на металлическом заводе Орвейпа на Злотой улице, на арматурном заводе на Сепной улице, на ковровой фабрике на Маршалковской улице, в железнодорожных мастерских около Прушкова; в самом Прушкове вела смешанный кружок, состоявший из рабочих местного металлического завода и рабочих карандашной фабрики Маевского; вела я также кружок в психиатрической лечебнице Творки для технического персонала этой лечебницы.

Один из моих варшавских смешанных кружков занимался на ул. Солец то в одном, то в другом доме. Среди слушателей этого кружка обращал на себя внимание своим живым интересом, политическим развитием не по возрасту умный шестнадцатилетний или семнадцатилетний гимназист, по кличке Пиорун (Здзислав Шеринский).

Не имея достаточной подготовки и необходимого опыта в ведении пропагандистской работы, я в своих выступлениях на партийных конференциях и позднее на VI съезде СДКПиЛ обращала внимание на необходимость разработки программы для кружков и снабжения ею пропагандистов. Не помню, когда это было, мне однажды дали программу. Но в этой программе теория не увязывалась с практикой, не затрагивались актуальные жизненные вопросы и задачи, стоявшие перед партийными организациями. Программа эта не давала пропагандисту никаких методических установок. Совсем не нашли в ней отражения вопросы текущей политики партии, ее стратегии и тактики. Она фактически охватывала лишь вопросы политэкономии и некоторые вопросы истории Французской революции. Та-

кая программа не могла удовлетворить ни слушателей, ни нас, пропагандистов.

Однажды, придя на завод Ортвейпа на занятие кружка, я застала там общее собрание рабочих. Собрание проводилось в цехе около станков. Шла горячая дискуссия между пепеэсовцами и членами СДКПиЛ. Сначала выступил пепеэсовец-интеллигент. После него от СДКПиЛ выступил Здзислав (Владислав Файнштайн — Ледер), которого я тогда слышала впервые. Мне не понравилось его выступление, хотя вообще он был хорошим оратором. В его словах была логика, но от язвительного, злобного тона оставался неприятный осадок. Такое выступление не могло убедить тех рабочих, которые сочувствовали ППС. Поэтому при голосовании резолюции, предложенной Здзиславом, голоса разделились.

Летом 1906 года меня выбрали в Мокотовское районное правление. Одновременно со мной в районное правление были выбраны Вир (Феликс Миних) и Тадеуш (Францшек Горский).

Мы собирались тогда почти ежедневно, часто в комнате Вира где-то на Железной улице. Все трое мы крепко подружились.

Вир, высокий, худой, с изможденным от тяжелой жизни и болезни лицом, изрытым оспой, был прекрасным организатором, очень энергичным и деловым. Он отличался скромностью и большим тактом. В этом почти сорокалетнем рабочем была какая-то детская простота и искренность. Это был человек необыкновенно чистой души.

Тадеушу тогда было 20 лет. Это был человек необычайно благородного характера. Когда его вместе с другими товарищами арестовали осенью 1906 года на Мокотовской бирже, он взял на себя всю ответственность за обнаруженные там полицией нелегальные матерпалы, в том числе за тетрадь, в которую мы записывали требования с фабрик и заводов на присылку агитаторов, пропагандистов и организаторов для ведения партийной работы среди рабочих. Были там также записи, сделанные рукой Тадеуша.

Благодаря такому поведению Тадеуша при аресте и допросах жандармы не смогли предъявить обвинения никому из арестованных и все, кроме него, были через несколько месяцев освобождены или административно выпущены. Зато сам Тадеуш был предан военному суду и приговорен к 4 годам каторги.

18—25 июня 1906 года состоялся V съезд СДКПиЛ. На этом съезде присутствовали 52 делегата с решающим голосом и 13 делегатов с совещательным. Они представляли 56 организаций, объединявших около 30 тыс. членов партии. Из руководителей СДКПиЛ на съезде были только Дзержинский, Ганецкий, а также Ю. Мархлевский как представитель редакции центрального органа партии. Роза Люксембург, Тышка и Варский в это время находились в тюрьме. ЦК РСДРП представляли бундовец Леон Гольдман и меньшевик Отто Ауссем. От редакции большевистской газеты «Вперед» по приглашению Главного Правления СДКПиЛ в работах съезда участвовал поляк Вацлав Воровский.

С отчетным докладом от Главного Правления выступал Юзеф. Этот доклад был позднее издан в виде отдельной брошюры¹.

Съезд единогласно принял следующую резолюцию по вопросу слияния СДКПиЛ с РСДРП:

«V съезд СДКПиЛ одобряет и приветствует слияние нашей партии с РСДРП.

В связи с тем, что в партии существует два течения, которые все сильнее себя проявляют, съезд выражает уверенность, что участие нашей организации в общепартийной жизни будет иметь тем большее значение».

Съезд высказался за созыв чрезвычайного съезда РСДРП в связи с тем, что избранный на IV (Объединительном) съезде партии ЦК, в котором преобладали меньшевики, не отражал взглядов большинства членов партии.

После V съезда СДКПиЛ Юзеф руководил работой Варшавской, Лодзинской, Ченстоховской межрайонных конференций и выступал там с докладами об итогах V съезда СДКПиЛ.

На основании решения IV (Объединительного) съезда РСДРП он был выделен представителем Главного Правления СДКПиЛ в ЦО и ЦК РСДРП.

В августе — октябре этого же года Юзеф паходился в Петербурге, где принимал активное участие в заседаниях ЦК РСДРП. Он энергично боролся против меньшевиков,

¹ В русском переводе доклад этот опубликован в кн.: Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I, стр. 92—113.

участвовал в работе большевистской фракции, поддерживал требование большевиков о созыве чрезвычайного съезда РСДРП.

* * *

В конце декабря 1906 года лодзинские фабриканты, ободренные усилившимся террором царских властей, решили отнять у рабочих добытые ими в борьбе завоевания (сокращение рабочего дня, увеличение зарплаты, право собираться на заводах и фабриках и др.) и объявили локаут. 30 тыс. рабочих оказались выброшенными на улицу; 100 тыс. человек были лишены средств к существованию. СДКПиЛ призывала рабочих не идти на уступки. Была создана специальная социал-демократическая локаутная комиссия, а также межпартийная и межсоюзная локаутные комиссии, которые собирали средства среди рабочих Варшавы и других промышленных городов для оказания помощи локаутированным лодзинским рабочим. Знаменательно, что на помощь лодзинским рабочим поспешили прийти Центральное бюро петербургских профсоюзов и петербургский союз текстильщиков. Они обратились с призывом к российским рабочим оказать помощь лодзинским братьям. Обращение их заканчивалось словами: «Дело лодзинских рабочих — это дело рабочих всей России! Да здравствует пролетарская солидарность! Жертвуйте, товарищи, в пользу лодзинских рабочих!»

Все мы глубоко переживали трагедию лодзинских рабочих. Не было такого собрания, где бы не пускались по кругу подписные листы в пользу локаутированных. Рабочие Варшавы делились последним, чтобы поддержать лодзинских братьев.

Мой первый арест

Осенью 1906 года царские власти приступили к массовым репрессиям, преследуя социал-демократические организации в Варшаве, Лодзи и других городах Королевства Польского. Первый массовый арест в Мокотовском районе Варшавы, где я тогда работала пропагандистом, произошел в ноябре.

В пасмурный ноябрьский день на биржу Мокотовского района на Вспульной улице внезапно нагрянула полиция. Она застала человек двадцать — двадцать пять. Еще не все

товарищи успели собраться. Остальных спас солдат, который, видимо, сочувствовал революционерам. Когда я вошла во двор дома, где во флигеле проводилась биржа, я не заметила ничего, что говорило бы об опасности. Перед входом во флигель и на лестнице было «чисто». Я поднялась на второй этаж, проверила номер квартиры и толкнула дверь. Перед самым моим носом ее захлопнул вооруженный солдат, который довольно грубо, но спасительно шепнул: «Иди вон!»

Я вмиг поняла, что произошло, тем более что в щели неплотно прикрытой двери успела заметить кроме солдата и знакомых мне лиц нескольких товарищей также мундиры жандармов и полиции. Что есть духу сбежала я вниз и только тогда увидела во дворе около одного из окоп флигеля спокойно прохаживавшегося солдата с винтовкой. Боясь вызвать его подозрение, я размеренным шагом вышла на улицу. Там я начала ходить взад и вперед, чтобы предупредить товарищей, которые еще могли прийти. Действительно, через несколько минут с одной, а затем и с другой стороны подошли товарищи. Оставив одного из них в карауле, я поскорее поехала по известным мне адресам захваченных товарищей, чтобы навести у них дома «порядок», т. е. убрать из их квартиры нелегальную литературу, пока полиция не явилась с обыском.

Среди арестованных были и мои друзья — товарищи Вир и Тадеуш. Накануне мы договорились, что они оба придут к самому началу биржи, а я немного запоздаю, так как в это время у меня был урок. Поэтому я сразу же заторопилась на Железную улицу, где жил Вир со своим братом, и велела последнему очистить квартиру от нелегальщины. Потом побежала на Твердую улицу, на квартиру одной из наших партиек, лицо которой мелькнуло передо мной в дверной щели. Затем — на Сенную улицу, где вместе с родителями жил Тадеуш. Я застала дома мать и отца, для которых сообщение об аресте сына было полной неожиданностью. Отец Тадеуша был директором завода Ортвейна и не разделял взглядов сына. Мать же хоть и не понимала сути, но материнским инстинктом чувствовала правоту дела, за которое борется ее сын, и сочувствовала ему. Поэтому она сразу же стала мне помогать наводить «порядок» в его вещах. Потом она самоотверженно заботилась о сыне, когда он сидел в фортах крепости, а затем в Павиаке и Арсенале, и даже ездила навещать его в Сибирь.

Выйдя из квартиры Тадеуша, я обошла еще несколько квартир товарищей, предупреждая о провале и арестах.

Это был первый провал, который так больно и непосредственно коснулся моей организации. Я была потрясена. Из наших рядов выбыло много хороших, дельных товарищей. Как работать дальше?

Через несколько дней такая же судьба постигла и Повопзковскую биржу. Но наши партийные организации были довольно гибки, и в течение двух-трех дней они были восстановлены. Кое-кто из пропагандистов избежал ареста, кооптировали новых членов в районное правление, достали новые адреса, и Мокотовская, а вслед за ней и Повопзковская биржи снова начали работать бесперебойно.

Через несколько недель Мокотовская биржа провалилась вторично. Снова сократился партийный актив, но организация была еще настолько жизнеспособна, что опять восстановилась через несколько дней, и хотя с большими трудностями (труднее было найти квартиру для биржи, новые представители фабрик и заводов были менее подготовлены, менее опытные и т. д.), но все же продолжала работать.

31 декабря 1906 года вечером, накануне Нового года, мы собрались на биржу за Мокотовской заставой, на улице Далекой, в доме № 4. Это был небольшой деревянный двух- или трехэтажный угловой дом, окруженный забором. Биржа проходила на первом этаже в маленькой комнатке одного рабочего. Комнатка эта была одновременно и кухней.

Собралось нас около 30 человек. У столика, освещенного керосиновой лампочкой, была толкучка. Каждый торопился поскорее решить свой вопрос с представителем районного правления и уйти домой после целого дня утомительной работы: канун Нового года, нужно успеть забежать в магазины, закупить продукты. На следующий день, в Новый год, все магазины будут закрыты.

На столике лежала тетрадь, куда записывались все заявки, все вопросы, которые нужно решить, партийные клички товарищей, которым поручалось выполнение соответствующего задания.

Предусмотрительная хозяйка разожгла огонь в плите, чтобы в случае надобности можно было сжечь все нелегальное. Перед домом на улице дежурил по поручению матери двенадцатилетний сынишка хозяев, охраняя нас от внезапной опасности.

Работа биржи была в полном разгаре, когда вдруг вбежал этот мальчонка с пронзительным криком: «Полиция!» Все сорвались с места, выбежали в сени и во двор. Мы надеялись, что нам удастся выскочить на улицу и, пользуясь темнотой, скрыться. Но мы были со всех сторон окружены. Полиция и солдаты уже входили во двор. Мы разбежались по двору во все стороны. Одни, в том числе и я, побежали к какой-то деревянной будке, которая оказалась уборной, другие вбежали по лестнице на верхний этаж, третьих полиция схватила во дворе, когда они пытались проскочить на улицу.

В комнатке-кухне полиция, кроме хозяев, не застала никого. Хозяйка, не потерявшая присутствия духа, успела бросить в огонь нашу тетрадку с опасными записями и пометками. Многие из них были сделаны моей рукой. Но в комнате все же остались «вещественные доказательства», указывающие на то, что здесь только что было много народа: в углу около дверей на полу лежало свыше десятка пар галош. В спешке никто не подумал о галошах, хотя в Варшаве, как обычно в эту пору, снег сменился слякотью и грязью. Хозяйка, занятая уничтожением нелегальщины, или не заметила, или же не успела спрятать галоши.

Не найдя никого из нас в комнате, полиция и шинки разбежались по всему двору, обыскали каждый уголок, всех нас обнаружили и привели обратно в помещение, где проходила биржа. Сколько же было смеха, несмотря на то что обстановка была вовсе не из веселых, когда мы увидели на полу... кучу предательских галош.

Милая наша хозяйка взглядом дала нам понять, что тетрадь наша сгорела дотла, пока полиция гонялась за нами по двору. А это было важнее всего, так как всякую имеющуюся при себе нелегальную бумажку: листовку, квитанцию об уплате членских взносов, записку или конспиративный адрес — каждый постарался уничтожить или проглотить прежде, чем был схвачен.

Обыскав всех присутствующих, записав фамилии, имена и адреса, нас отвели в полицейский участок, а оттуда в тюрьму в Ратушу.

Это был мой первый арест. Помню, что в течение нескольких часов я не могла освоиться с мыслью, что не попаду домой, что там отец, вернувшись с работы, чтобы встретить Новый год в кругу семьи, будет напрасно меня ждать и беспокоиться, теряясь в догадках, что со мной

случилось. Не желая волновать отца, постоянно предупреждавшего моего старшего брата Станислава, чтобы он не занимался политикой, я ничего не говорила в семье о моей принадлежности к СДКПиЛ и о партийной работе. Мой арест и обыск, который жандармы, несомненно, делают ночью в нашей квартире, будут для отца как гром среди ясного неба. Эти мысли терзали меня неустанно. Из участка, где мы встретили новый, 1907 год, запертые в железной клетке, я послала с одним из солдат отцу маленькую записку, сообщая о случившемся и успокаивая его.

В Ратушу нас привели поздно ночью. Не помню, водили ли нас сначала, как это обычно делалось, на предварительный допрос в охранку, которая помещалась в том же здании, или же сразу в тюрьму. Помню только, что около трех или четырех часов ночи я оказалась вместе с несколькими своими товарищами-женщинами в довольно широком, темном, холодном и нестерпимо вонючем тюремном коридоре. Отвратительная надзирательница с треском захлопнула за нами железные двери, напоминая этим, что мы за решеткой. Снова обыскав нас, она вышла.

В этом вонючем, темном, холодном коридоре мы провели ночь. Утром опять явилась надзирательница и отперла нам камеру. Из камеры пахло еще более отвратительной вонью. Этот смрад преследовал нас все время, пока мы находились в Ратуше. Камера была рассчитана человек на 30, а сидело нас там свыше 100 человек: уголовные и проститутки вместе с политзаключенными.

Камера была неопишимо грязна. Годами ее никто не убирал. Стены, ободранные и облезлые, были покрашены до половины в черный цвет. Потолок и верхняя часть стен, когда-то белых, были темно-серыми от грязи. Окна с решетками, почти полностью закрытые снаружи жестяными козырьками, были так грязны, пропускали так мало света, что в нескольких шагах от окна ничего не было видно. По вечерам, бесконечно длинным, камера освещалась одной маленькой керосиновой коптилкой, помещенной в коридоре над дверью. Свет от нее просачивался через грязное оконце величиной с тетрадку. Отовсюду свисала черная от копти паутинка. Дощатый пол был черен от грязи. Посреди камеры находились нары — единственная мебель, не считая параша, стоявшей у двери. Ночью камера не отпиралась и в уборную не выпускали. Нары имели форму огромного стола, разделенного посередине чем-то вроде

вешалки. На нарах были разложены в два ряда грязные тюфяки, в которых солома годами не менялась. Спали по обе стороны «вешалки» головами друг к другу.

Нары были рассчитаны только на 30 человек. Когда мы вместе с Камельгар, молодой швеей, пришли в камеру, там находилось уже свыше 70 человек. Политических среди них было всего человек 10. Все политические занимали места на нарах друг около друга, ближе к окну. Там же поместились и мы. Спали в такой тесноте, что на спину лечь было невозможно. Лежали боком, вплотную, прижавшись друг к другу как селедки в бочке. Нельзя было и повернуться на другой бок. Если кто-нибудь хотел подняться или хотя бы пошевелиться, то волей-неволей будил всех остальных. Нары и вся камера были полны клопами, хватало и других паразитов.

И все же мы на нарах были в привилегированном положении. Камера ежедневно заполнялась все больше и больше. Вновь прибывшие уже не могли втиснуться на нары и вынуждены были спать на соломенном тюфяке прямо на грязном полу, кишасщем паразитами, мышами и даже крысами. Вещи некуда было положить. Обувь на ночь прятали под сеник в изголовье, чтобы не украли.

В Ратуше не было двора, куда заключенные могли выходить на прогулку. Поэтому прогулок вовсе не было. Вместо этого открывали на час двери камеры и разрешали гулять по коридору. Гпилой, отравленный зловониями воздух камеры изнурял, доводил до головокружения и тошноты. Ни в одной из тюрем, в которых мне позднее пришлось сидеть в Варшаве и России, не было такого пропитанного зловониями воздуха, как тогда в Ратуше. Но самым страшным местом была уборная. Туда просто невозможно было войти. Весь пол на несколько дюймов был покрыт нечистотами! Мы не ели по несколько дней, чтобы до минимума ограничить необходимость посещения этой клоаки. Не трудно также представить себе, как выглядели коридор и камера в связи с таким состоянием этой уборной.

Почти ежедневно прибывали новые товарищи. Среди них оказалась и Елена Врун (потом по мужу Бобицкая), писательница, в то время член СДКПиЛ. Товарищи эти приносили нам печальные вести: массовые аресты ширились по всем районным партийным организациям Варшавы. Захватили они и членов руководящих партийных инстанций.

Во время часовой прогулки по коридору нам иногда удавалось связаться с кем-нибудь из товарищей, сидевших на втором или третьем этажах. В первые же дни моего пребывания в Ратуше я с ужасом узнала, что в общей камере над нами сидит Юзеф. Весть о его аресте, о том, что он находится в этом аду, подействовала на нас угнетающе. Тем более удручало нас это сообщение, что мы не знали, при каких обстоятельствах он был арестован и что ему угрожало.

Только через несколько дней мы узнали, что его арестовали во время рождества в хорошо знакомой мне квартире Красного на Слизкой улице. Арестовав Красного, полиция устроила там трехдневную засаду. Сам Красный тоже сидел в Ратуше. Больше ничего нам не удалось узнать, а это не давало повода для успокоения.

Вот что в своих воспоминаниях о пребывании Юзефа в Ратуше пишет Красный: «Трудно описать, что творилось в те времена (1906—1907 гг.) в знаменитой варшавской Ратуше. В камере, где было места всего на 10 человек, сидело 60 и больше. Люди спали попеременно. Ложились по очереди. Были избранники судьбы, которым удавалось провести ночь, сидя на параше. Канцелярия и камеры для женщин в Ратуше размещались на первом этаже, общие мужские камеры были на втором этаже, на третьем помещались небольшие камеры и одиночки...

Тов. Дзержинский немедленно после прибытия в тюрьму наладил связь с товарищами из женского отделения. Они сидели в худших, чем мы, условиях¹.

Он ходил на кухню за обедом, таскал ведра с водой, таким образом по пути связывался с товарищами.

Но через несколько дней Ф. Э. Дзержинского, меня и трех бундовцев с совещания² перевели на третий этаж. Это было результатом хлопот товарищей, находившихся на свободе. На третьем этаже в Ратуше сидела «аристократия». Тех заключенных, которых там держали, считали очень опасными, поэтому Дзержинскому не разрешили больше ходить на кухню, и связь с остальными товарищами была прервана».

¹ Худшие условия заключались в том, что мы сидели вместе с уголовными, в то время как политические заключенные мужчины, которых было значительно больше, чем нас, сидели хоть и на одном этаже с уголовными, но в разных камерах.

² Совещание по вопросу выборов во II Государственную думу, на котором был арестован Красный.

Однако без дела Дзержинский не умел сидеть даже в тюрьме. Он и там занимался кипучей деятельностью, не гнушаясь при этом никакой работой. Красный вспоминает о том, что произошло после перевода их на третий этаж.

«Мы увидели страшно грязную камеру. Грязь залепила окно, свисала со стен, а с пола ее можно было лопатой сгребать. Начались рассуждения о том, что нужно вызвать начальника, что так оставлять нельзя и т. д., как это обычно бывает в тюремных разговорах.

Только Дзержинский не рассуждал о том, что делать: для него вопрос был ясен и предрешен. Он начал переговоры с надзирателем Сергеевым, потребовал горячую воду, щетку и тряпку. Сергеев стал торговаться: можно, дескать, мыть и холодной водой, а щетки вообще нет. Все же Дзержинский настоял на своем. Прежде всего он снял сапоги, засучил брюки до колен, пошел за водой, принес щетку. Через несколько часов в камере все: пол, двери, стены, окно — было чисто вымыто. Дзержинский работал с таким самозабвением, как будто уборка эта была важнейшим партийным делом. Помню, что всех нас удивила не только его энергия, но и простота, с какой он работал за себя и других».

Дальше Красный вспоминает, что, когда через некоторое время их перевели в следственную тюрьму Павлак, «Дзержинский организовал там школу, разделенную на 8—10 групп. Преподавали там все, начиная с азбуки и кончая марксистской теорией в зависимости от научной подготовки. Этой школой он был занят по 5—6 часов в день, следил, чтобы ученики и лекторы собирались в определенное время и в определенном для них месте, чтобы учеба проводилась регулярно. Сам себя он называл инспектором.

Это была очень сложная работа. Школа держалась не только благодаря авторитету Дзержинского, но и благодаря его организаторским способностям и энергии».

Я просидела тогда в Ратуше несколько недель. В течение всего этого времени у нас были постоянные стычки с начальником тюрьмы — жирной свиньей, невероятным взяточником и негодяем Куракиным. Столкновения были из-за кипятка, которого давали для чая слишком мало, из-за грязи в уборной и камере, из-за света, так как часто вовсе не зажигали коптилку и камера с четырех часов пополудни до утра тонула в непроглядной тьме. Время мы

коротали за пенем революционных песен, которые охотно слушали и уголовные. В нашей среде политических, разумеется, царил коммуна.

Однажды нас в камере посетила, вероятно по просьбе Юзефа, Стефания Семполовская. Это была очень большая радость, так как она принесла нам газеты и книги, вести и передачи с воли.

Меня освободили из Ратуши совершенно неожиданно в результате хлопот матери одной из моих учениц — Ротмиль. Добиться этого ей удалось благодаря следующим обстоятельствам. Моп «работодатели» Ротмиль возвращались как-то из-за границы в одном купе с тогдашним обер-полицмейстером Варшавы Мейером. Мейер за границей растратил все деньги (возможно, и казенные) и был без гроша. Не знаю, попросил ли сам Мейер денег взаймы у Ротмиля или последний предложил ссудить незадачливого игрока, но только Ротмиль выручил обер-полицмейстера в тяжелую минуту. Мейер в знак благодарности за данные ему займы 100 или 200 рублей сказал Ротмилю, чтобы он обратился при надобности к нему, и он выполнит любую его просьбу. Так вот жена Ротмиля, которая, конечно, ничего не знала о моей принадлежности к СДКПиЛ и относилась ко мне очень хорошо, отправилась к Мейеру и уверила его, что я «не виновна», что попала я случайно. А так как ни при мне, ни у меня дома во время обыска ничего нелегального найдено не было, Мейер, видимо, поверил Ротмилям и велел выпустить меня из тюрьмы.

Вскоре после моего освобождения я узнала, что мои товарищи из Мокотовского района — Вир, Тадеуш и др. — находятся в фортах Варшавской цитадели. В то время там были очень тяжелые условия. Нужно было помочь этим товарищам. Свиданий в фортах не разрешали. Там царил голод и холод. Передачу принимали раз в неделю в открытом поле перед цитаделью. Еженедельно вместе с матерью Тадеуша мы ездили к фортам, чтобы передать нашим заключенным немного пищи и смену белья. В ту зиму морозы стояли свирепые. В ожидании прихода тюремного начальства часами приходилось стоять в очереди на холоде перед расставленными в поле столами, где проверялась передача. Самоуправство царило там невероятное. Случалось, что люди бесполезно ждали и мерзли до темной ночи и только тогда им объявляли, что «сегодня приема передач не будет».

Невыразимо тяжело было возвращаться домой с мыслью, что там голодные, прозябшие товарищи напрасно ждут проявления внимания и помощи с воли. А когда удавалось вручить передачу, то и тогда не было уверенности, что ее отдадут в неприкосновенном виде заключенным. Подтверждения в получении передачи мы никогда почти не имели. Только изредка удавалось тайно переправить в коробке с папиросами или в хлебе маленькую записочку и получить такой же ответ, зашитый в возвращаемом для стирки белье.

Через несколько месяцев Вир был административно выслан за границу, а Горского перевели в следственную тюрьму в Павпак, где дело о нем передали в военный суд.

Я посещала Тадеуша несколько раз и в Павиаке. Свидания происходили там в то время уже за двумя решетками, между которыми прохаживался жандарм или стражник. Одновременно давалось свидание семи-восьми заключенным. Расстояние между решетками было довольно большое. Свидания продолжались всего 10 минут. Говорили все одновременно, стараясь перекричать друг друга. В комнате для свиданий поэтому стоял такой крик, что трудно было что-либо понять. Во время одного из таких свиданий с Тадеушем я вдруг услышала знакомый, звучный голос и заразительный смех. Я посмотрела в ту сторону и увидела в третьем от меня проеме решетки бледное, но улыбающееся лицо... Юзефа. Мне удалось уличить минутку, когда карауливший нас стражник чем-то отвлекся, и подойти поближе. Мы обменялись с Юзефом через решетку несколькими словами.

Он был оживлен, в хорошем настроении и подшучивал над каким-то товарищем, который, не слыша из-за невероятного шума, что ему говорят, совсем повесил нос па квинту. Юзеф стал посредничать в его разговоре и делал это так остроумно, что все рядом стоящие заключенные, а также посетители хохотали. Он сумел разрядить тяжелую обстановку, господствовавшую в тюрьме, где редко удавалось сказать друг другу то, что хотелось. Вид полного энергии и жизнерадостности Юзефа и несколько слов, услышанных из его уст, вливали бодрость, способствовали новому подъему в работе товарищей.

На этом же свидании у одной из перегородок я увидела также Адольфа Варского, который был арестован в 1906 году.

Однажды, ожидая у ворот Павиака свидания с Горским, я познакомилась с одним из самых старых членов СДКПиЛ — Яном Росолом. В те времена он уже не вел активной работы в партии, но заботился о наших товарищах, брошенных в тюрьму. Он приносил им из ближайшей столовой обеды.

После того как Тадеуша приговорили к каторге, его перевели в Арсенал. Мы с его матерью приходили и сюда к нему на свидание. Однажды он прислал мне тайную записку с сообщением, что несколько его товарищей, приговоренных к многолетней каторге, готовят побег. Они собирались перепилить кандалы и решетки на окне своей камеры, выходящем на улицу. Они просили прислать пилки от лобзика, а также внешний план Арсенала с указанием, где стоят часовые.

Я купила пилки, как сумела нарисовала план и все это положила в картонную коробку с папиросами между прокладками специально сделанного двойного дна. Прокладки крепко склеила. Матери Горского я ничего не сказала об этом, чтобы ее не волновать. Но сама я испытала немало страха, когда стражник проверял передачу и заглянул в коробку с папиросами.

Не раз уже удавалось пересылать Тадеушу таким способом запретные записки. Но на этот раз опасность была несравненно больше и для него и для меня. К счастью, все кончилось благополучно. Коробка со всем содержимым попала в руки Тадеушу. Однако пилочки и план Арсенала не были использованы. Этих товарищей гораздо раньше, чем предполагалось, отправили на каторгу куда-то в Сибирь. Тадеуша позже отправили в Александровскую каторжную тюрьму около Иркутска.

Вернувшись из тюрьмы, я застала моковтовскую организацию разгромленной. Из осторожности мне пришлось в течение нескольких недель избегать встреч с товарищами. Убедившись, что за мной нет слежки, я снова начала работать в Моковтовском и Вольском районах, где партийная организация также сильно поредела. Затем я стала работать в железнодорожных мастерских около Прушкава и в самом Прушкаве под Варшавой. Летом 1907 года я несколько раз ездила по партийным делам в Гродзиск и в Жирардов.

По совету товарищей я заменила свою партийную кличку Чарна на Богдана.

В связи с моим арестом в семье отца наступил кризис. Теперь уже всем было ясно, где я пропадаю целыми днями до поздней ночи. Мачеха стала из-за меня устраивать скандалы отцу, который ни разу не сделал мне ни малейшего замечания, ни упрека за причиненные огорчения и беспокойства. Он всегда защищал меня перед мачехой. Дошло до того, что она потребовала развода, поставив вопрос ребром: «Или я, или она». Отец, огорченный, не желая бросать на произвол судьбы ее и малолетнего сына, не знал, что делать.

Мне давно уже хотелось уйти из дома, где царил такая тяжелая атмосфера. Из-за этого я никогда не могла пригласить к себе никого из своих товарищей. Можно было нарваться на неприятности со стороны мачехи. Не уходила я исключительно из-за отца, который меня очень любил. Для него мой уход был бы тяжелым ударом.

Но вот однажды отец поделился со мной своими огорчениями и повторил слова мачехи: «Или я, или она». Конечно, я в тот же день ушла из дома. Однако это не облегчило жизни моему бедному отцу. Утешением для него было лишь то, что, несмотря на мое нежелание встречаться с мачехой, я все же навещала его каждое воскресенье. Старалась я воздействовать и на избалованного младшего двенадцатилетнего брата Чеслава и помогать ему в учебе.

Первую ночь вне дома я провела у своей гимназической подруги Софьи Смоларской, которая, не будучи революционеркой сама, все же сыграла немалую роль в том, что я вступила на революционный путь. Как я уже упоминала, именно от нее в 5-м или 6-м классе гимназии я впервые услышала слово «социализм», произнесенное с большим благоговением.

На другой день после ухода из отцовского дома я поехала в Прушков. Секретарь пружковской организации СДКПиЛ Млот (Кароль Малицкий) предложил мне поселиться в одном из рабочих домов в Прушкове. В этом же доме жил и он сам. Я охотно согласилась, тем более что благодаря Малицкому получила преподавательскую работу в пружковском филиале «Университета для всех». Это была легальная культурно-просветительная организация, основанная при активном участии СДКПиЛ. Комнатка, куда я переехала, была дешевая, занятия в уни-

верситете отнимали у меня всего лишь по несколько часов три раза в неделю. Оставалось, таким образом, достаточно времени для партийной работы. Кроме того, я освободилась от поездок по железной дороге, во время которых легко было обратить на себя внимание шпионов, постоянно околачивавшихся на вокзалах в Варшаве и Прушкове.

В Прушкове я по-прежнему вела пропагандистскую работу среди рабочих металлического завода, карандашной фабрики Маевского и среди обслуживающего персонала психиатрической лечебницы в Творках. Кроме того, я руководила смешанным кружком рабочих мелких мастерских, находившихся в Прушкове. Вместе с Млотом мы использовали «Университет для всех» для организации по воскресеньям докладов на антирелигиозные и политические темы, для которых я приглашала товарищей из Варшавы.

Кроме Млота из прущковских рабочих помню безгранично преданного партии товарища металлиста Рутковского, который вместе с матерью жил в маленькой комнатухе. В период черной реакции этот скромный герой не боялся оказывать партии услуги в самых опасных делах. Он держался дольше других, но в конце концов в 1909 году и он был арестован. У него при обыске нашли нелегальную литературу и квитанционную книжку для партийных взносов. Его приговорили к шести годам каторги. Старушка мать осталась одна, без всяких средств к существованию. Ей помогали товарищи сына. Помогала ей и я, сколько могла, пока не была сама арестована. Что случилось с ней потом — не знаю.

Однажды летом 1907 года ко мне в Прушков неожиданно явился Мартин вместе с Кларой (Софья Фалковская — Громковская), которой он устроил побег из какой-то провинциальной тюрьмы. Над Кларой нависла угроза смертной казни, кажется в связи с участием в ликвидации какого-то провокатора. Нужно было ее укрыть до времени, пока Мартин организует безопасный проезд через границу. Моя комнатуха, куда никто (кроме Млота, да и то редко) не заходил, была довольно безопасным пристанищем. Через несколько дней Мартин появился снова, и Клара, получив от него деньги и «левый» паспорт, благополучно переехала через границу.

В конце апреля или в начале мая 1907 года я принимала участие в Варшавской межрайонной конференции СДКПиЛ, которая проходила в лесу в Милянувке, под Варшавой. Я тогда впервые видела лес такой ранней весной. Вид этого леса с массой белых цветов почных фиалок, их одуряющий аромат навсегда остались у меня в памяти.

На конференции в Милянувке мы избрали от варшавской организации СДКПиЛ делегатов на V (Лондонский) съезд РСДРП.

На этом съезде, который проходил 13 мая — 1 июня 1907 года, 25 тыс. членов СДКПиЛ были представлены 44 делегатами (из общего числа 336 делегатов съезда). По основным вопросам — отношение к буржуазным партиям, о Думе, о рабочем съезде — делегаты СДКПиЛ шли вместе с большевиками. Однако польские делегаты допустили примиренчество при оценке съездом работы меньшевистского ЦК РСДРП, а также при оценке деятельности социал-демократической думской фракции.

Насколько я знаю, внутри самой польской делегации были разногласия по некоторым вопросам и на ее заседаниях шла острая борьба.

На Лондонском съезде в члены ЦК РСДРП были выбраны два члена СДКПиЛ и в кандидаты — три ее члена. В члены ЦК РСДРП был заочно выбран Ф. Э. Держинский, находившийся тогда в тюрьме.

О позиции Юзефа после V (Лондонского) съезда РСДРП рассказывает в своих воспоминаниях Станислав Бобинский:

«Когда я с ним встретился в 1908 году уже за границей, то не раз слышал от него страстную защиту большевизма. В Кракове в своей скромной комнатке он зачитывался большевистской литературой. Хотя о разногласиях и спорах внутри Главного Правления он не имел привычки говорить, все же однажды у него вырвалось, что мы слишком дипломатичаем по отношению к большевикам. Он имел в виду V съезд в Лондоне и нашу политику в ЦК после этого съезда. Я также хорошо помню, что в партийных кругах уже тогда Юзефа считали ленинцем».

Через несколько дней после окопачия Лондонского съезда, 4 июня, Юзеф был освобожден из Павяка под залог.

На следующий же день после выхода из тюрьмы он пришел в Павиак на свидание и целый час стоял у решеток, беседуя с товарищами, оставшимися в заключении, и с их семьями.

Царские власти потребовали от Юзефа, чтобы он указал место, где будет проживать. Они собирались установить над ним полицейский надзор. Юзеф указал Дзержинову в бывшей Виленской губернии — место своего рождения. Но вместо Дзержинова поехал в Люблинскую губернию, в Вылонги, около Казимежа, к семье своего брата Игнатия. Там его окружили заботой и создали условия для отдыха, в котором Юзеф после тюрьмы очень нуждался. Отдохнув несколько недель, он снова вернулся к партийной работе.

В Варшаву ему являться было нельзя, поэтому он работал в провинции, в том числе в Лодзи.

3—5 августа 1907 года он принял участие в работах третьей конференции РСДРП в Котке, в Финляндии, а 18—25 ноября — в четвертой конференции РСДРП в Гельсингфорсе.

В сентябре того же года он был в Лодзи, откуда выслал в Берлин Главному Правлению свое известное письмо от 23 сентября о расстреле генерал-губернатором Казнаковым группы лодзинских рабочих без суда и следствия.

22 сентября 1907 года Юзеф руководил конференцией Верхнего (Гурного) района СДКПиЛ в Лодзи, потом направился в Ченстохову и Домбровский угольный бассейн.

В Варшавском подполье (1907—1908 годы)

1 сентября 1907 года я начала работать в семиклассной железнодорожной женской школе Варшавско-Венской железной дороги. Преподавала я там математику в 1—4 классах. Дела в школе было много, а по вечерам — партийная работа. Поселилась я снова у Зоси Смоларской на Хмельной улице, в доме № 50, где у нее был зубоврачебный кабинет. Работая в школе, я продолжала ездить в Прушков и руководить там кружками.

В то время я познакомилась с товарищем, руководившим центральной партийной техникой, Радомским (настоящая его фамилия была Цедербаум). Торговый

служащий, очень ловкий, изобретательный и находчивый, он как нельзя лучше подходил для такой работы. Он умел вовремя явиться в легальную типографию, где нелегально печатался «Червоны Штапдар», быстро и незаметно вывезти весь тираж на партийный склад, без поддержки разослать литературу в провинцию, развезти ее в указанные места в Варшаве.

В 1908—1909 годах он приносил мне гранки «Червоного Штапдара» и прокламаций для корректуры, а готовые отвозил обратно в типографию. Радомский рассказал мне, что первые экземпляры отпечатанных партийных изданий он всегда посылает по почте варшавскому генерал-губернатору, чтобы тот знал, что, несмотря на аресты и разгром организации, мы живем и действуем. Я сердилась на него за это ухарство, доказывала, что если губернатор узнает о пашей нелегальной печати раньше, чем она будет доставлена партийным организациям, то можно ждать провала. Но мои слова и убеждения не действовали, он продолжал делать по-своему, а литература наша, как ни странно, благополучно издавалась и распространялась.

Много позднее в Советском Союзе, куда Радомский приехал уже после смерти Феликса Эдмундовича и где он работал на довольно ответственном посту в таможне, он говорил мне, что в 1908 году жил одно время в Варшаве вместе с Юзефом. Когда ему удавалось быстро и хорошо выполнить какое-нибудь трудное и опасное поручение Юзефа, тот в восторге хватал его в охапку, прижимал к себе, целовал и кружил с ним по комнате, весело напевая. Радомский горячо любил Юзефа.

Радомский был мало начитан, плохо разбирался в партийной стратегии, но ненавидел царизм и буржуазию и был до мозга костей предан партии. За несколько лет до войны с фашистской Германией его командировали за границу, больше я его не видела.

* * *

В конце января 1908 года Юзеф приехал в Варшаву. Это был необычайно трудный период самой черной реакции. Партийная организация была совершенно разгромлена. Тюрмы переполнены. Неустойчивые элементы отошли от партии. В Варшаве из партийного актива, который посещал Центральную биржу, осталось не больше шести-семи человек. С трудом встречались мы два-три раза в не-

делю, с трудом находили квартиры для новых встреч. Царил апатия. Работа шла вяло.

Но вот неожиданно на бирже появился Юзеф, как обычно, полный революционного порыва и энергии. Настроенные товарищей сразу изменилось. Все воспрянули духом. Точно живой родник влил он в них новые силы. Люди эти снова стали способны совершать самые опасные, самые героические подвиги. Безграничны были доверие и любовь к Юзефу. Каждый член партии готов был пойти за ним в огонь и воду. Партийная работа сразу оживилась. Как по волшебству нашлись и квартиры для встреч актива.

Достаточно было одного только присутствия Юзефа, чтобы без всяких слов и замечаний в организации восстановилась должная дисциплина. Прекратились опоздания на биржу. Всем передавался его энтузиазм, его вера в новый революционный подъем. Присутствие Юзефа наполнило всех уверенностью, что теперь работа в парторганизации пойдет.

Юзеф отличался необычайной находчивостью и хладнокровием в минуты опасности, а также решительностью. Это не раз спасало его и его товарищей от ареста.

Станислав Бобинский (партийная кличка Рафал) рассказывал мне об одном таком случае. Однажды, в 1907 или 1908 году, Юзеф приехал в Лодзь для руководства межрайонной конференцией. Явившись по указанному адресу, он вбежал по лестнице (у него было обыкновенные перескакивать через 2—3 ступеньки), приоткрыл дверь в квартиру, где должна была проходить конференция, и вдруг увидел там полицию и жандармов. Не растерявшись, он быстро захлопнул дверь, а заметив торчащий в замочной скважине ключ, повернул его и запер таким образом в квартире полицейских, жандармов и шпиков. Сам же мгновенно сбежал вниз, зашел к знакомому партийному товарищу, чтобы его и других предупредить о провале конференции, после чего отправился на вокзал и благополучно вернулся в Варшаву.

В другой раз Юзеф вместе с Миколаем (Ганецким) сидели в буфете на Варшавском вокзале в ожидании поезда на Лодзь. Ради конспирации оба были элегантно одеты. Обычно Юзеф одевался очень скромно, чтобы не обращать на себя внимания. На этот раз Миколай одолжил ему свой костюм. С ними был чемодан, набитый прокламациями. Чемодан и его хозяева обратили на себя внимание железнодорожного жандарма. Он неподвижно стоял у дверей

и неотрывно следил за ними. Раздался первый, а затем и второй звонок. Нужно было садиться в вагон. Буфет опустел, а жандарм и не думал уходить. Юзеф лихорадочно думал: как вывернуться из опасного положения? Если он и Миколай встанут, возьмут чемодан и пойдут на перрон, жандарм неминуемо их задержит. Проходит полминуты, минута. Вдруг на весь зал раздается звучный голос. Юзеф властно подзывает к себе жандарма, приказывает подать пальто, кивком головы указывает на чемодан и быстрым шагом отправляется на перрон. Миколай следует за ним. Ошарашенный жандарм, думая, что имеет дело с «спильным миром сего», семенит за ними с чемоданом, подсаживает их в курьерский поезд, сам вносит в вагон их багаж. Поезд медленно трогается, увозя революционеров и их нелегальный багаж.

4 марта 1908 года Юзеф писал товарищам из Варшавы в Краков: «Районы уже работают, как могут, на месте взятых (товарищей. — С. Д.) такие же усердные, только менее подготовленные». 8 марта он пишет, что выслан «архив прокламаций и партийных изданий (полтора пуда) в Краков». Он постоянно заботился о том, чтобы в нашем архиве в Кракове были все партийные издания.

В этом же письме от 8 марта Юзеф пишет о трудностях с адресами для писем: «Адресов у нас пока мало, а полиция устраивает на нас облаву в широком масштабе». Он напоминает краковским товарищам о том, чтобы они не забывали о присылке «Пшеглэнда социаль-демократического» в Королевство Польское, издание которого после нескольких лет перерыва было возобновлено за границей в 1908 году.

16 марта того же года Юзеф сообщает краковским товарищам, что «некий Павел Каменецкий с площади Александра, 8, служащий управления Привислинской железной дороги — провокатор, шпион и шантажист». А на адрес этого Каменецкого поступали из-за границы посылки с нашей литературой. Это грозило конфискацией литературы и арестом нашего товарища Радомского.

В конце марта Юзеф выехал на неделю из Варшавы для проведения партийных конференций в Лодзи и Ченстохове, а потом 12 апреля он руководил общепартийной конференцией СДКПиЛ, которая проходила нелегально в Королевстве Польском.

Свои письма этого периода в Главное Правление Дзержинский подписывал «Эдмунд», но никто из товарищей

по партии, кроме адресатов, этого не знал. Мы знали его только под именем Юзефа.

В этот период Юзеф несколько раз заходил ко мне на квартиру на улице Хмельной, дом 50, главным образом по вопросам печати, так как я тогда делала корректуру «Червоного Штандара» и прокламаций СДКПнЛ, а Юзеф следил за подготовкой партийных изданий к 1 мая. В последний раз Юзеф пришел ко мне 15 апреля, довольный, что все издания к 1 мая — специальный номер «Червоного Штандара» и листовки, призывающие к забастовке, — были уже не только отпечатаны, но и разосланы на места. Оставалось только распространить их на заводах, фабриках и в мастерских. Юзеф пришел попрощаться, намереваясь уехать из Варшавы, чтобы не попасть в руки полиции, которая обычно перед 1 мая устраивала массовые облавы на революционеров. На следующий день он собирался еще встретиться с Радомским, но не пришел к нему. Обеспокоенный Радомский прибежал ко мне узнать, не у меня ли случайно Юзеф. Его не было. Вскоре выяснилось, что Юзеф по пути к Радомскому зашел на Главный почтамт на Варецкой площади. При выходе из здания почты 16 апреля 1908 года он был арестован.

Снова мрачные стены и мертвая тишина X павильона Варшавской цитадели. Снова отрыв от жизни и любимой работы. В ночной тиши Юзеф пишет свой «Дневник заключенного», который мы с большим волнением читали потом в «Пшегльнде социаль-демократычнем».

В этот период у стен X павильона, куда помещали самых опасных для царского режима революционеров, палачи почти каждый день вешали политических заключенных. Юзеф тяжело это переживал и описал в своем дневнике. Приведу лишь несколько слов из этого дневника, характеризующих безграничную преданность Юзефа делу рабочего класса, его стойкость и непоколебимую веру в победу социализма.

«Не стоило бы жить, — писал Юзеф, — если бы человечество не озарялось звездой социализма, звездой будущего».

31 декабря 1908 года, в пятый раз встречая Новый год в тюрьме, он писал: «В тюрьме я созрел в муках одиночества, в муках тоски по миру и по жизни. И, несмотря на это, в душе никогда не зарождалось сомнение в правоте нашего дела... Здесь в тюрьме часто бывает тяжело, по временам даже страшно... и тем не менее, если бы мне

предстояло начать жизнь сызнова, я начал бы так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня — органическая необходимость. Тюрьма сделала только то, что наше дело стало для меня чем-то осязательным, реальным, как для матери ребенок, вскормленный ее плотью и кровью...»

Весь дневник проникнут непоколебимой верой Юзефа в неминуемый новый подъем революции и ее победу. В нем он клеймил малозверов и ликвидаторов.

В Варшавской судебной палате слушались два дела Юзефа о его революционной работе. По обоим делам по совокупности Судебная палата 8 мая 1909 года приговорила Юзефа к лишению всех гражданских прав и ссылке на вечное поселение в Сибирь.

После ареста Юзефа весной 1908 года связь между Главным Правлением и организацией в стране поддерживал Миколай, но он не приходил на биржу, приезжал в Варшаву редко и виделся только с отдельными товарищами. Встречался он несколько раз и со мной.

Из товарищей, с которыми мне приходилось встречаться в то время по работе, помню Тадеуша (Францишек Сошинский), Вносляжа (Антони Забойсца), упомянутого уже Радомского и какого-то гимназиста (клички не помню). Тадеуш и Вносляж руководили каждый двумя районами. Я продолжала править корректуру. Приносил ее мне, как и раньше, из типографии и уносил обратно Радомский. Работала я и в Прушкове и была казначеем Варшавского комитета СДКПиЛ. Кассовые отчеты я систематически высылала в Краков.

Находился в то время в Варшаве и Леоп (Юзеф Ушплихт), но непосредственного участия в работе варшавской организации он не принимал. Через него мы получали денежные средства для оплаты типографии и партийных работников — профессиональных революционеров. Он вел, кажется, также корреспонденцию с заграницей. Бывала и я у него по партийным делам. Связь с ним держал Миколай (Ганецкий).

VI съезд СДКПиЛ

5—13 декабря 1908 года состоялся VI съезд СДКПиЛ. Мне довелось участвовать в нем в качестве делегата от варшавской организации. Благодаря помощи чешских со-

циал-демократов съезд происходил в Праге в Народном доме. Поехала я в Прагу на съезд вместе с Впосляжем, также делегатом от Варшавы. Из конспиративных соображений мы ехали до границы в разных вагонах и делали вид, что незнакомы. От Катовиц (тогдашняя Пруссия) мы уже ехали вместе.

Мне удалось поехать на съезд благодаря помощи Подпаяча (Самуил Лазоверт), который согласился заменить меня на время отсутствия в железнодорожной школе. Ни начальница школы, ни мой отец настоящей причины моей поездки, разумеется, не знали.

СДКПНЛ, которая во время V съезда насчитывала около 30 тыс. человек, к V (Лондонскому) съезду РСДРП сократилась до 25 тыс. человек. В конце 1908 года к своему VI съезду численность СДКПНЛ еще больше уменьшилась в связи с массовыми арестами, а также уходом из партии случайных и неустойчивых элементов. Это отразилось на составе съезда. На нем присутствовали всего лишь 27 делегатов с решающим голосом, в том числе 5 членов Главного Правления. Непосредственно из Королевства Польского прибыли в Прагу только 16 товарищей. Шесть делегатов, хотя и были избраны на съезд краевыми организациями, в течение продолжительного времени в Королевстве не работали и прибыли из-за границы. От варшавской организации было 8 делегатов, из Лодзи — 3 человека, из Ченстоховы — 6 и из Домбровского угольного бассейна — 5 человек.

На съезде возник конфликт между частью делегатов варшавской, лодзинской, домбровской организаций и Главным Правлением. Оппозиция, к которой принадлежала и я, обвиняла Главное Правление в отрыве от партийной организации страны, в недостаточном освещении в партийной печати и в организационном порядке внутриваршавской жизни РСДРП, где тогда шла острая борьба с ликвидаторами и отзовистами.

Инициатором и организатором оппозиции на съезде был Мартин (В. Матушевский). Его энергично поддерживали Бронислав (Юлиан Гемборек) и Ваида Краль, которая принимала активное участие в закрытом собрании оппозиции, хотя не была делегатом съезда, а только гостем. Приять участие в этом собрании пытался и Миколай (Гапецкий) — член Главного Правления, осуществлявший связь Главного Правления с подпольной организацией

страны. Но неприязнь Мартина была в то время направлена главным образом именно против Миколая, и его не допустили на собрание оппозиции.

Оппозиция правильно критиковала Главное Правление за проект резолюции по докладу Тышки «О политическом положении в России и Польше и задачах партии». Там было сказано, что в России существует возможность двух путей развития — путь новой революции и путь правительственных экономических реформ, которые создали бы условия для свободного развития капитализма. Как известно, большевики придерживались того мнения, что, несмотря на известные шаги со стороны царского правительства, направленные на превращение России в буржуазную монархию, новый подъем революции неизбежен, так как причины, вызвавшие революцию 1905—1907 годов, продолжали существовать.

Принятая VI съездом СДКПнЛ резолюция по этому вопросу выражала большевистскую точку зрения о единственно возможном, революционном пути развития России. Но в то же время эта резолюция единственно правильно, большевистскому лозунгу «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» противопоставляла лозунг «завоевания власти пролетариатом при помощи революционных слоев крестьянства». Это была ошибочная концепция так называемой перманентной революции, перескакивавшая через этап буржуазной революции, недооценивавшая революционную роль крестьянства, следовательно, обрекавшая пролетариат на изоляцию, а революцию на поражение. Резолюция съезда рекомендовала «укреплять и расширять партийную организацию», которая, естественно, в настоящих условиях может быть только нелегальной, а также «использовать любые легальные возможности для агитации и объединения масс». Но на практике, кроме легального еженедельника, начавшего выходить лишь в 1910 году, и легального культурно-просветительного общества «Университет для всех», СДКПнЛ не использовала должным образом легальных возможностей.

Съезд правильно высказался против оппортунизма меньшевиков и отзовистов, но в то же время ошибочно выступил в защиту единства общероссийской партии (с меньшевиками и отзовистами) и требовал прекращения любой «фракционности», понимая под «фракционностью» также проводимую большевиками непримиримую борьбу

против ликвидаторских тенденций меньшевиков. Фактически это было примиренчеством по отношению к ликвидаторам.

Насколько помню, эта резолюция была принята единогласно. По требованию оппозиции съезд поручил Главному Правлению «подробнее ознакомить всю партийную организацию как через партийную печать, так и организационным путем с внутренним положением в РСДРП. Главному Правлению необходимо следить за тем, чтобы в партийной печати подробно освещалось и постоянно подвергалось принципиальной критике оппортунистическое направление в партии.

Съезд поручает Главному Правлению принять все меры к изданию отчета о Лондонском съезде».

На повестке дня стоял также вопрос: «Крестьянские требования в Польше и аграрная программа РСДРП». Докладчиком по этому вопросу был Ю. Мархлевский. Съезд признал, что аграрная программа РСДРП не была достаточно разъяснена в печати СДКПиЛ, чтобы можно было вынести определенное мнение. Поэтому съезд выразил пожелание, чтобы аграрная программа РСДРП была подробно освещена в «Пшеглэнде социаль-демократичном» для обсуждения этого вопроса на следующем съезде СДКПиЛ. Руководство СДКПиЛ больше склонялось к меньшевистской программе муниципализации, чем к большевистской программе национализации земли.

Съезд единогласно утвердил директивы для ведения агитации среди сельского населения. Но в этих директивах речь шла только об агитации среди сельского пролетариата (наемных рабочих в сельском хозяйстве) и малоземельных крестьян, о «средствах ограничения эксплуатации и улучшения жизни наемных рабочих в сельском хозяйстве» и о «средствах хозяйственного подъема малоземельных крестьян». Вопрос о передаче земли крестьянам обходился полным молчанием. Докладчик Ю. Мархлевский, говоря о возможной конфискации помещичьей земли в Польше, высказался против раздела этой земли между крестьянами, за превращение крупных поместий в производственные кооперативы сельскохозяйственных рабочих.

Докладчиком по национальному вопросу был З. Ледер. Никто из делегатов не выступил против заключавшейся в его выступлении критики большевистской программы по этому вопросу. Предложенная Главным Правлением резолюция о включении в программу СДКПиЛ требования

автономии для Королевства Польского была принята единогласно.

По таким принципиальным вопросам, как крестьянский, национальный и другие, оппозиция разделяла точку зрения Р. Люксембург, проявляя в некоторых вопросах еще большее сектантство, чем руководство партии.

Сектантским было отношение оппозиции (в том числе и мое) к вопросам кооперативного движения. Как известно, большевики использовали потребительскую кооперацию как одну из легальных возможностей связи с рабочими массами и распространения среди них идей социализма. VI съезд СДКПиЛ согласно с выступлениями членов оппозиции решил: «У социал-демократии в настоящее время нет никакой надобности развешивать агитацию за создание кооперативных объединений».

По вопросу о профсоюзах съезд подтвердил (тоже сектантскую) точку зрения, которую отразил V съезд СДКПиЛ.

Оппозиция на VI съезде резко критиковала Главное Правление и отказалась выразить ему полное доверие. Но при всем этом она не имела намерений изменять его персональный состав. Это ясно высказал в кругу делегатов-оппозиционеров Мартин. Поэтому новое Главное Правление было на съезде выбрано в следующем составе: Тышка, Мархлевский, Ледер, Ганецкий и отсутствовавший на съезде А. Варский. Он был административно сослан в Печорский край, но вскоре (после съезда) бежал по пути в ссылку. Кандидатами в члены Главного Правления были избраны Ф. Держинский, который находился в тюрьме и не скоро мог оказаться на свободе, и Малецкий.

После съезда связь между Главным Правлением и организацией в стране продолжал осуществлять Ганецкий, а потом — Вицек (Даниель Эльбаум).

1909 год был годом наибольшего упадка революционного движения. Мы пробовали согласно решениям съезда заняться повышением идеологического уровня центрального партийного актива в Варшаве. Нас было всего несколько человек. С этой целью организовали так называемый клуб. Его деятельность заключалась в том, что время от времени в рабочих квартирах, разумеется каждый раз в новом месте, проводились собрания немногочисленного актива. На этих собраниях мы по очереди выступали с докладами на актуальные политические темы, используя партийную литературу («Пшеглэнд социаль-демократыч-

ны» и брошюры). После доклада происходил обмен мнениями. «Клуб» внес некоторое оживление в нашу партийную работу, но не мог заменить систематической учебы в партийной школе.

Снова в тюрьме

26 сентября 1909 года я была вторично арестована у себя на квартире, на Новгородской улице. От моей подруги Зоси Смосарской мне пришлось переехать в связи с тем, что она вышла замуж. Муж Зоси инженер-химик Гарабашевский был по убеждениям анархо-синдикалист.

После ареста меня посадили в только что выстроенную новую тюрьму на Спокойной улице. В это же время был арестован и Юзеф Уншлихт. Но через месяц или два его освободили. В тюрьме я застала члена нашей партии Меланию Цукер, которую знала ранее, и нескольких неизвестных мне пепеэсовок. Меня и я вели с ними бесконечные дискуссии.

В это время ожидался приезд в Королевство Польское царя Николая II. В связи с этим проводились массовые аресты не только среди лиц, ранее замешанных в революционном движении, но и ничего общего с этим движением не имевших. Например, арестовали ни в чем не повинную немолодую уже женщину — Кемпнер, мать двух девушек социал-демократок, которые сами давно уже не принимали никакого участия в партийной работе. В нашей камере № 6 сидели и другие женщины, совершенно непричастные к революционному движению.

Были арестованы и Софья Смосарская-Гарабашевская с мужем, хотя уже с весны я не жила в их квартире, а сами они не занимались активной революционной работой. Подруга моя, с которой мы оказались в одной камере вместе с другими 15—20 заключенными, держала себя образцово, проявляя заботу о товарищах по неволе. Тяжело переживала она только заключение своего мужа, больного костным туберкулезом. Супруги Гарабашевские просидели в тюрьме около двух месяцев.

Камеры днем на довольно длительное время открывались, и заключенным удавалось общаться между собой. В том же коридоре было также несколько камер для уголовных. Кругом царили постоянный шум и гам. Читать, особенно что-нибудь серьезное, было трудно, тем более что дни становились все короче, а камера и днем и ночью

освещалась лишь одним небольшим постоянно мигающим газовым рожком без колпачка.

Не будучи в состоянии читать и не желая тратить время попусту, я воспользовалась присутствием сидевшей в соседней камере Мелании Цукер, которая знала математику в объеме мужской гимназии. С ее помощью я изучила до конца весь курс алгебры по программе 8-го класса мужской гимназии. Этого в женской гимназии не проходили. Бесперывные разговоры мешали мне читать, но, странное дело, несколько не мешали сосредоточиться при решении алгебраических задач и примеров. Учебник я получила с воли.

В одной камере с Меланией сидела молодая девушка, белошвейка из какой-то пошивочной мастерской. Она привлекла мое внимание тем, что постоянно плакала. Оказалось, что ее арестовали за принадлежность к Национальному рабочему союзу — профсоюзу, который был агентурой буржуазии в рабочем движении и в период реакции вел борьбу против революционеров. Полиция преследовала даже эндецкие рабочие организации как антирусские.

Эту девушку звали Францишка Гутовская. Была она религиозна и политически совершенно несознательна. Я принялась воспитывать ее и добилась своего. Позднее она стала членом СДКПиЛ. Просидела в тюрьме недолго.

Я тогда пробыла в тюрьме на Спокойной улице три месяца. При обыске во время ареста, кроме, кажется, одной листовки, у меня ничего нелегального не обнаружили. После освобождения из тюрьмы в канун нового, 1910 года меня выслали за границу.

Такое наказание было выгоднее для царского правительства, чем административная ссылка в глубь России. Вместо выплаты ежемесячно по несколько рублей на содержание административным ссыльным государство само брало от высылаемых за границу значительную по тем временам сумму — 25 рублей — за заграничный паспорт и в течение всего времени нахождения ссыльного в эмиграции ничего ему не платило.

В эмиграции (1910 год)

По выходе из тюрьмы мне разрешили один день провести в Варшаве. После этого я сначала выехала по приглашению Вапды Краль в Графенберг (Австрийская

Силезия). Это был курорт, расположенный на высоте 600 метров над уровнем моря, с прекрасным видом на горы, с чистым живительным воздухом. Зимой он пустовал. Ванда летом и осенью лечилась там в сапатории, который на зиму закрывался. Тогда она папьяла мебелированную компату и брала обеды в единственном работавшем зимой ресторане. Те несколько недель, которые я после тюрьмы провела у Ванды в Графенберге, показались мне раем. Отдохнув у нее, я уехала в Краков.

Поселилась я вместе с Кларой (Софья Фпалковская) на окраине Кракова, в районе Дембники, расположенном на другом берегу Вислы.

Найти работу в Кракове было очень трудно, и я голодала бы, если бы не помощь старшего брата Станислава, который ежемесячно присылал мне необходимые на жизнь средства. Он даже предлагал мне поступить вольнослушательницей в Ягеллонский университет в Кракове и проучиться там несколько лет, обещая в течение всего этого времени высылать деньги на содержание. Такая перспектива мне очень улыбалась, но я не хотела быть в тягость брату, у которого тогда уже на иждивении была семья.

В Кракове, во второй половине марта 1910 года, мы снова встретились с Юзефом.

Сосланный осенью 1909 года на вечное поселение в Сибирь, Юзеф, пробыв неделю в селе Тасееве, Капского уезда, Енисейской губернии, совершил побег. Он благополучно переправился через границу и в январе 1910 года приехал в Берлин. Полугодовое пребывание в тюрьме и особенно тяжелая почти двухмесячная дорога этапом в Сибирь ухудшили и без того плохое состояние его здоровья. Оно было подорвано пятикратными уже к тому времени арестами, ссылками и чрезмерной работой в условиях подполья. Несмотря на это, Юзеф еще в Берлине начал снова вникать в партийные дела. Но здоровье его требовало отдыха. И, подчинившись пастойчивым уговорам товарищей, он выехал в Италию на остров Капри. Там он познакомился и подружился с Максимом Горьким.

Хотя Юзеф был очень изпурен, он все же и на Капри занимался партийными делами. Как видно из его письма Ледеру от 4 февраля 1910 года, он работал над материалами о провокации в подпольных организациях СДКПпЛ. Посылая свои выводы по делу одного из подозреваемых в провокации, Юзеф писал:

«Пришлось над этим немного поработать. Ясно вижу, что в теперешних условиях подполья деятельность наша в стране будет сизифовым трудом до тех пор, пока не удастся все же обнаружить и изолировать провокаторов. Надо обязательно организовать что-то вроде следственного отдела».

Юзеф не забывал и о легальном органе партии — журнале «Трибуна», начавшем выходить в 1910 году. Как видно из его письма Ледеру от 11 февраля, он просил Горького написать что-нибудь для «Трибуны». На это Горький ответил, что хотел бы написать, но голова у него так занята большой работой, что сомнительно, сможет ли написать до 1 марта. Он хотел бы написать картинки о посылке в другие города детей бастующих рабочих и о приеме их в этих городах.

Еще в Берлине, сразу после побега из Сибири, Юзеф дал Ледеру для прочтения свой дневник, написанный во время следования этапом к месту ссылки. Это было продолжением дневников из X павильона, опубликованных летом 1909 и 1910 годов в «Пишеглёнде социаль-демократычном». В письме Ледеру от 4 февраля 1910 года Юзеф спрашивал, подходит ли для печати этот дневник. Он добавляет при этом, что у него имеются записи о трехнедельном пребывании в Арсенале в 1909 году, и задает вопрос, стоит ли также описывать свое пребывание там.

На «волшебном» острове Капри Юзеф не только знакомится с положением дел в партии, но начинает рваться к непосредственной нелегальной работе. Поскольку возвращение его в Королевство Польское было слишком рискованно, он обращается к Главному Правлению с предложением, чтобы его послали как члена ЦК РСДРП на партийную работу в Петербург. На пароходе по пути с Капри в Неаполь 16 февраля 1910 года Юзеф пишет Я. Тышке: «Однажды ночью, когда я долго не мог уснуть (випа Сирнуса — смотрел на меня и мерцал всеми цветами радуги: он вспыхнул к какой-то звезде, а я подсмотрел), мне пришла в голову мысль, что, собственно, за границей мне незачем сидеть, что как только смогу разобраться в русских вопросах, то буду, кажется, самым подходящим кандидатом в Питер среди тех, для кого это не связано со слишком большим риском...

Если мой проект будет Вами принят, я мог бы остаться в Берлине на март, чтобы ознакомиться с жизнью партии, а в апреле бы поехал... Подумайте над этим серьезно и

только прошу Вас не руководствоваться сентиментальными соображениями, которые могли бы Вас заставить отклонить этот план...»¹

В письме Ледеру от 1 марта 1910 года Юзеф снова касается вопроса отправки на нелегальную работу в Петербург:

«Мой отъезд в Питер не очень уж и отразится на работе (в СДКПпЛ. — С. Д.), Вицек заменит меня в Кракове. Это предложение я уже мотивировал, не буду поэтому повторять. Добавлю только еще одно, о чем не писал: в связи с новым курсом Главного Правления в сторону меньшевизма по вопросу о легализации профессиональных союзов мне было бы очень трудно выполнять обязанности секретаря Главного Правления, а может быть, даже невозможно»².

На обратном пути из Италии Юзеф заехал в Берн, где ознакомился с резолюцией январского пленума ЦК РСДРП.

За те два года, что Юзеф был оторван от жизни, положение в РСДРП значительно изменилось. Обострилась борьба на два фронта за последовательную революционную линию пролетарской партии — борьба против ликвидаторов и отзовистов, с одной стороны, и против Троцкого, который поддерживал ликвидаторов, — с другой.

В январе 1910 года состоялось пленарное заседание ЦК РСДРП, на котором в результате ареста ряда членов ЦК — большевиков преобладали неустойчивые элементы. Эти элементы протащили на пленуме антиленинские решения, которые, как писал В. И. Ленин, содержали «чрезмерные уступки» ликвидаторам и отзовистам, оставляли «лазейку для ликвидаторов»³.

Дзержинский, познакомившись с решениями январского пленума ЦК РСДРП, написал Ледеру из Берна 2 марта 1910 года:

«Резолюция ЦК не правится мне. Она туманна — неясна. В объединение партии при участии Дапа не верю. Думаю, что перед объединением следовало довести меков до раскола, и Данов, ныне маскирующихся ликвидаторов, предварительно выгнать из объединенной партии».

Слова эти свидетельствуют о том, что Юзеф при первом же ознакомлении с решениями январского пленума

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 221.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 222.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 286, 272.

выразил свое несогласие с примиренчеством по отношению к ликвидаторам.

3 марта 1910 года в Верпе состоялся доклад Адольфа Варского для членов РСДРП и СДКПпЛ о январском пленуме ЦК РСДРП, в работе которого он участвовал. На этом докладе присутствовал и Юзеф.

Сообщая 2 марта о предстоящем докладе Варского Флорнанду (Стефан Вратман), который был тогда секретарем Бюро заграничных секций СДКПпЛ и жил в Цюрихе, Юзеф добавляет: «Горю лихорадочкой работы»¹.

Прочитав потом направленную против ликвидаторов статью В. И. Ленина «Голос» ликвидаторов против партии», Юзеф 1 апреля написал Ледеру: «Это мне страшно нравится... такой мощный голос, как некогда у «Искры» против экономистов»². 29 июня Юзеф писал Тышке: «Войну не на живот, а на смерть должны мы объявить «голосовцам», примиренцам, заграничным интеллигентам, копающимся в грязном белье»³. 2 июля 1910 года в письме к Тышке Юзеф снова возвращается к январскому пленуму ЦК РСДРП и пишет: «Свой взгляд на общепартийные вопросы я уже не раз высказывал. Решениями пленарного заседания ЦК я не был удовлетворен. В этом отношении я согласен с Лениным, с его статьей в номере втором «Дискуссионного листка»⁴. Юзеф имел в виду вторую часть статьи «Заметки публициста» — «Объединительный кризис» в нашей партии»⁵, в которой В. И. Ленин подверг критике решения январского пленума и враждебную по отношению к партии деятельность ликвидаторов и троцкистов на пленуме.

После январского пленума ЦК РСДРП 1910 года Главное Правление направило представителем СДКПпЛ в находившуюся в Париже редакцию центрального органа РСДРП «Социал-Демократ» Адольфа Варского. Во второй половине марта этого же года Тышка предложил Ленину заменить в редакции ЦО Варского Ледером. В ответ на это В. И. Ленин 28 марта писал Тышке: «...я должен протестовать самым решительным образом... Я не буду говорить о том, что нельзя заменять опытного литератора, ум-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 224.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 244.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 359.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 361.

⁵ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 252—304.

ного марксиста и прекрасного товарища неопытным и малопригодным человеком.

Но я буду говорить о положении редакции ЦО и о *кризисе* партии. Не может быть, чтобы Вы не видели, что положение критическое. Мы с Варским пишем в ЦК о перемене состава ЦО¹... И в такое время, когда *безусловно* необходим человек, бывший на пленуме, испытанный на работе, слевшийся в коллегии, пачавший серьезную войну с серьезным врагом, — в такое время заменять его повичком!! Побойтесь бога — ведь это значит парализовать ЦО! Ведь ЦО остался пока *единственным* органом руководства *всей* партией (пока ЦК не соберется после срыва его ликвидаторами)².

Юзеф, узнав, что Ленин решительно возражает против замены Варского в ЦО Ледером, писал 24 мая Тышке: «Меня очень печалит, что наши союзники в ЦО (большевики. — С. Д.) требуют оставить Адольфа Варского в Париже». Юзеф считал, что Варский был очень нужен в Берлине из-за недостатка в СДКПиЛ литературных сил, а также чтобы устранить в редакции изданий СДКПиЛ треня и не допускать ошибок оппортунистического характера, как это имело место в № 173-м и 175-м «Червоного Штандара»³. Это не означало недооценки Юзефом роли и значения центрального органа РСДРП.

Юзеф клеймит антипартийную деятельность Троцкого. В письме Главному Правлению от 23—24 декабря 1910 года он предлагает не оказывать никакой моральной поддержки фракционному органу Троцкого — венской «Правде» и поддерживать большевистскую «Рабочую газету». Он считал, что Варский и Тышка должны поместить в центральном органе РСДРП «Социал-Демократ» статью против троцкистской «Правды», что нужно выступить против нее в «Червоном Штандаре».

«Уже время, — пишет Юзеф, — утереть нос этим «краснобаям». Их пренебрежение к идеологической борьбе с ликвидаторством, их претенциозность к своей «работе», которая, по-моему, является сотрясением воздуха, приносит партии огромный вред».

¹ Большевики добивались введения в редакцию ЦО ярого ликвидатора Потресова, против чего как раз и возражали Ленин и Варский.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 242.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 313.

Прочитав в Берне № 173 «Червоного Штандара», Юзеф был серьезно обеспокоен. Этот номер свидетельствовал о том, что в политике Главного Правления наметился «новый курс» — курс к оппортунизму.

По пути из Берна в Берлин Юзеф заехал на несколько часов в Цюрих, где было довольно много польских эмигрантов социал-демократов. Как он писал 2 марта Флориану, ему хотелось услышать их мнение о «новом повороте «Червоного Штандара» и Главного Правления в сторону легальности, т. е. об изменении оценки общего положения в сторону меньшевизма»¹. Из Цюриха Юзеф поехал в Берлин.

Проработав почти две недели в Берлине, познакомившись с протоколами заседаний Главного Правления за все время своего пребывания в тюрьме и ссылке, а также просмотрев партийную литературу, Юзеф 19 марта принял от Тышки кассу Главного Правления и выехал в Краков. Поехал он туда в качестве секретаря и казначея Главного Правления, чтобы быть ближе к границе и руководить из Кракова партийными организациями в Королевстве Польском.

Однажды в воскресенье, во второй половине марта, через несколько дней после своего приезда в Краков, Юзеф пришел к нам с Кларой на Дембники. Он был весел и оживлен. На лице его еще был загар — результат месячного пребывания в Италии. Но я заметила глубокие морщины, которых раньше не было. Это были следы тяжелых переживаний в X павильоне цитадели, а затем во время следования этапом в Сибирь.

Клару часто навещал молодой товарищ портной Законник (Владислав Громковский), эмигрировавший, как и мы, в Краков. Узнав, что к нам собирается прийти Юзеф, Громковский тоже пришел, чтобы его увидеть.

В нашей скромной комнатке не хватало стульев, и Юзеф вместе с Законником сидели обнявшись на одном стуле. Законник как зачарованный смотрел на Юзефа, которого он тогда видел впервые, но о котором так много слышал от товарищей.

Юзеф с интересом рассказывал нам о волшебной природе Капри и с еще большим восхищением — о «певце пролетариата», как он называл Максима Горького.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 224, л. 1.

Однако приход Юзефа к нам не был обычным визитом. Он заданя целью сплотить рассеянных по всему Кракову эмигрантов — членов СДКПиЛ, оживить нашу политическую жизнь и привлечь нас к партийной работе.

Юзеф предложил мне помочь ему привести в порядок архив партийных изданий. Я охотно согласилась. На следующий же день я отправилась на квартиру Юзефа, чтобы приступить к работе.

Юзеф жил за городом, в Лобзове, на ул. Петра Росола, в доме № 13 вместе с Вицеком (Данпелъ Эльбаум). Дом, в котором они жили, был в то время, кажется, единственным зданием на этой улице с открытым видом на луга и курган Костюшки. Это как раз и привлекло сюда Юзефа, всей душой любившего природу. Просторы, открывавшиеся отсюда взору, и были главным положительным качеством этого дома, расположенного в малярийной местности, далеко от Главного почтамта, куда Юзеф ежедневно сам относил для отправки партийную корреспонденцию.

Квартира состояла из большой комнаты и кухни, также превращенной в жилую комнату. В комнате на полу лежала большая куча разбросанных как попало и беспорядочно перемешанных изданий СДКПиЛ, ППС-левицы и «революционной» фракции ППС, I «Пролетариата» и ППС «Пролетариат», изданий РСДРП — большевиков и меньшевиков, а также эсеров и анархистов.

Это был богатейший архив литературы польских и русских революционных партий, тщательно собиравшийся в течение многих лет, но доведенный до невероятного хаоса партийным функционером Збигневым (Вацлав Кондерский), отвечавшим за его сохранность.

Помню ярость и возмущение Юзефа, когда он мне показывал эту «свалку». Он говорил, что поставит перед Главным Правлением вопрос о привлечении к партийной ответственности Збигнева за преступное отношение к хранению архива.

Юзеф и Вицек спали на полу на сенниках, готовили на примусе себе чай, обедали в какой-то столовой в городе.

Приехав в Краков, Юзеф сразу же связался с партийными организациями в Королевстве Польском. Это видно из записей отправленных партийных писем, которые он вел начиная с 20 марта 1910 года в небольшой тетрадошке.

Он отправил сразу письма в Лодзь Люцпану (Сэвэр — Эдвард Прухняк), в Варшаву — Брониславу (Юлиан Гемборек), в Ченстохову — Пэри и тотчас же начал забо-

тяться о материалах для очередного номера «Червоного Штандара».

В письме Ледеру от 31 марта 1910 года Юзеф возвращается к вопросу о своем дневнике с этапа, вторично спрашивает, подойдет ли он для «Пшеглэнда социаль-демократычного», если нет, то он хотел бы его издать в пользу политических заключенных¹. Наконец 21 июня он еще раз просит Тышку ответить «да или нет» по поводу дневника².

Задержка с ответом по этому вопросу была, по-видимому, вызвана тем, что редакция партийных изданий прекратила выпуск «Пшеглэнда социаль-демократычного». (Последний, № 19, «Пшеглэнда социаль-демократычного» вышел в июне 1910 года. В нем была напечатана последняя часть «Дневника заключенного», написанного Юзефом в X павильоне). В то время редакция была занята изданием легального еженедельника «Трибуна», а также выпуском центрального органа партии «Червоны Штандар», который тогда выходил очень нерегулярно. Большие опоздания и нерегулярность выхода «Червоного Штандара» вызывали недовольство Юзефа и партийных организаций Королевства.

В конце лета берлинские товарищи вернули Юзефу его дневник с этапа. Он дал мне его прочитать и сказал, что если найдет издателя, то попросит меня стилистически отредактировать рукопись. Дневник отражал невероятно тяжелые условия этапа, грубое обращение конвойных и тюремного начальства с заключенными в пересыльных тюрьмах Москвы (Бутырки), Самары, Челябинска, Красноярска и других городов. Заключенные, следующие по этапу, находились там по несколько дней или недель в ожидании дальнейшей отправки.

Прочитав дневник, я вернула его Юзефу. К сожалению, этот дневник, как и записи Юзефа о его пребывании в 1909 году в варшавской тюрьме Арсенал, до сих пор не найдены.

4 мая 1910 года Юзеф переехал на ул. Коллонтая, 4, кв. 8, поближе к железнодорожному вокзалу и почте. Это была квартира во флигеле на втором этаже. На входной двери была прибита табличка с надписью: «Пшеглэнд социаль-демократычны». Квартира состояла из небольшой

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 242.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 347.

кухонки и двух комнат, в которых жили Гапецкий и еще какой-то товарищ. Юзеф поселился в проходной кухонке. Вся обстановка состояла из маленького письменного столика, этажерки с книжками, стула и коротенького диванчика. Стояли тут еще кухонная табуретка с тазом, кувшин с водой и рядом ведро (водопроводный кран был на лестничной площадке). На покрытой газетами плите стояли примус и чайник.

Перевезли на ул. Коллоптая и архив, который был уже приведен более или менее в спосное состояние. Разместили его на полках вдоль стен смежной с кухней большой комнаты и завесили полотняными занавесками. Архив требовал, однако, еще многих месяцев напряженной работы. Я продолжала помогать приводить его в порядок. К этой работе привлекли также Меланию Цукер.

Запущена была Збигневым и партийная касса и экспедиция.

Денежные поступления за литературу в течение целого года не были приходованы. Юзеф не имел возможности никому предъявить счета. Ему приходилось прочитывать все письма, сопоставлять все заметки, записи в приходо-расходной книге, квитанции, счета за два года, чтобы установить, сколько кому было выслано литературы, сколько кто заплатил, сколько кто должен. А так как Юзеф дорожил каждой копеечкой партийных денег и не гнушался никакой черной работой, то он просиживал над счетами целыми ночами до тех пор, пока не привел все в полный порядок и не собрал всю задолженность.

В течение продолжительного времени Юзеф не только вел кассу Главного Правления, но занимался также депозитами нелегальных социал-демократических профсоюзов, которые хранились в разных местах Королевства Польского и за границей.

Юзеф берег каждую рабочую копейку и тщательно подсчитывал, сколько у какого союза денег в депозите. «Составление этих расчетов, — писал он впоследствии (13 января 1911 года) одному из хранителей депозитов, Венцковскому (Винценцы Раабе), — стоило мне колоссальных трудов. Начал я в 1907 году и только сейчас закончил»¹.

Вся сумма профсоюзных депозитов, хранившихся у разных лиц, составляла 4133 руб. 50 коп. плюс 1343 марки

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 557.

85 пфеннигов у Оскара Мархлевского (брата Юлиана) в Познани.

После ареста Дзержинского в апреле 1908 года счета этих профсоюзных депозитов вел с октября 1908 года Ян (Юзеф Уншлихт).

Депозиты хранились у Венцковского (вероятно, в Варшаве), у Стефана Вольфа (в Кракове), при посредстве Розы Люксембург у немецкого социал-демократа Вурма, у Уншлихта (в Варшаве) и Оскара Мархлевского в Познани.

Пребывание в эмиграции в 1910 году было для Юзефа очень тягостным. После двух лет вынужденного отрыва от жизни он нашел партийную организацию в стране в плачевном состоянии. Не хватало людей для работы. Направляемые из-за границы на подпольную работу товарищи «проваливались» один за другим. Главное Правление СДКПНЛ, большинство членов которого находились в Берлине, было оторвано от своей партии. В политике Главного Правления наметился опасный для партии «новый курс». Все это чрезвычайно беспокоило и угнетало Юзефа.

Находясь в эмиграции, он вел такую же деятельную жизнь, как и в подполье: работал целыми днями и ночами, не отдыхал даже по воскресеньям. В Кракове у него было много различной работы. В его обязанность входила прежде всего связь с подпольными партийными организациями Королевства Польского. Он должен был оказывать им всевозможную помощь: посылать информации и директивы, давать советы и указания, подбирать и направлять товарищей для руководства местными партийными организациями. Он вел постоянную переписку с членами Главного Правления в Берлине и Париже; держал связь с бюро заграничных секций СДКПНЛ и с отдельными товарищами; переписывал собственноручно рукописи прокламаций и материалов для «Червоного Штандара» и пересылал их конспиративно в Королевство Польское. В его обязанность входили также: связь с типографией в Кракове, где печатался «Пшеглэнд социал-демократычны» (выходил с большим опозданием), «Отчет о VI съезде СДКПНЛ», а в случае надобности там печатались также и воззвания; корректура этих изданий или организация ее; ведение кассы Главного Правления; наблюдение за работой Центральной комиссии социал-демократических профсоюзов; склад партийной литературы;

экспедиция и нелегальная перевозка ее через границу в страну; партийный архив; обеспечение паспортами направляемых на подпольную работу товарищей; подыскивание адресов для конспиративной переписки; выполнение различных поручений членов Главного Правления по доставке им книг, газет, журналов и т. д.

Организовывать перевозку нелегальной литературы через германо-русскую границу, находить для этого контрабандистов помогал Эмиль Каспари, который жил в Катовицах. Был он членом националистической прусской ППС, входившей в состав германской социал-демократии, но по своим взглядам был интернационалистом, сочувствовавшим СДКПпЛ. Приезжая в Катовице по делам перевозки литературы или же для того, чтобы самому нелегально перейти германо-русскую границу в Королевство Польское, Юзеф всегда останавливался у Каспари.

Редакция партийных изданий обычно с большим опозданием присылала Юзефу в Краков материалы к «Червоному Штандару» — рукописи статей Р. Люксембург, Варского, Мархлевского, Ледера, иногда Малецкого. Юзеф сам от руки переписывал все это мелким, но очень четким и разборчивым бисером в течение одного дня, а на другое утро отправлял в Королевство в обложках книг, которые он сам переплетал. Ведь недаром же в юности он работал в Ковно в переплетной мастерской, а потом, находясь в эмиграции в Швейцарии, повышал свою квалификацию по этой профессии.

До апреля Юзефу в партийной работе помогал Вицек. Он диктовал Юзефу материалы для «Червоного Штандара», что значительно ускоряло дело. В начале апреля Вицек поехал на некоторое время в Варшаву с материалами к № 174 «Червоного Штандара», чтобы их там напечатать. Тогда временно помогал Юзефу в партийной работе Чеслав (Ганецкий), а со второй половины июня — Мартин (интеллигент, по фамилии Глустый).

Юзеф очень беспокоился, что майский номер «Червоного Штандара» не выйдет вовремя из-за запоздалой присылки ему материалов. Он получил их только 9 апреля. В тот же день он писал Ледеру: «Тороплюсь из всех сил переписать номер. Сегодня получил, завтра утром хочу выслать»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 255, л. 1.

Но Юзеф не просто механически переписывал материалы, предназначенные для печати. Так, например, когда ему прислали рукопись майских прокламаций для Лодзи и Ченстоховы, которые кончались лозунгами «Долой царизм!» и «Долой режим 16 июня!»¹, Юзеф запротестовал. Он выступил против последнего лозунга, называя его «кадетско-меньшевистским», и требовал убрать его.

Оценивая деятельность Главного Правления, Юзеф заявляет, что такое руководство «вносит в партию хаос», тянет к меньшевизму. Он высказывает пожелание, чтобы Роза Люксембург стала снова, как прежде, политическим руководителем СДКПиЛ (в тот период она была поглощена работой в социал-демократии Германии и уделяла СДКПиЛ мало внимания). А если это невозможно, то следует «Главное Правление сосредоточить в одном месте», ближе к Королевству Польскому, лучше всего в Кракове. И нужно, чтобы оно стало «более коллегиальным учреждением». «В таких же условиях, как до сих пор, — писал Юзеф Тышке 16 июня 1910 года, — я работать не могу. Я вижу, что происходит в партии: люди перестают доверять политическому руководству Главного Правления, каждый по-своему определяет тактику и задачи партии. Я вижу это начало хаоса и не могу противодействовать, ибо, по моему мнению, линия Главного Правления гибельна...» И он делает вывод: «При таких условиях оставаться в Главном Правлении решительно не могу»².

Юзеф предложил Главному Правлению издать ряд брошюр, в первую очередь популярную брошюру, которая подвела бы итоги революции 1905—1907 годов, дала бы оценку политического положения и указала на объективную необходимость новой революции. Он советовал также дать при этом критику партий, действующих в Королевстве Польском: эндеков, ППС-«революционной» фракции и ППС-левицы, и предлагал, чтобы такую брошюру написала Роза Люксембург. В то же время он пред-

¹ 3(16) июня 1907 года царское правительство разогнало II Государственную думу и издало новый, гораздо более реакционный избирательный закон. Лозунг «Долой режим 16 июня!» был подлинным, либеральным, «кадетско-меньшевистским» лозунгом. Он отвлекал внимание рабочего класса от основной, главной задачи — борьбы за свержение самодержавия.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 342.

лагал выпустить отдельным изданием статью Розы Люксембург «Уроки трех Дум»¹.

«Червоны Штандар» выходил недостаточно часто, главным образом из-за пехватки авторов для передовиц и руководящих статей по вопросам партийной тактики.

В печати же необходимо было освещать чаще и без задержек вопросы как партийной работы, так и рабочего движения, которое к 1910 году стало оживляться. В связи с этим Юзеф предлагал выпускать приложения к «Червоному Штандару» — «С фабрик, заводов и мастерских» и «Из жизни партии» — независимо от выхода самого «Червоного Штандара».

О взаимоотношениях внутри Главного Правления и своей борьбе против его «нового курса» в сторону оппортунизма Юзеф по совершенно понятным причинам конспирации и партийной дисциплины ничего не говорил членам Главного Правления. Но в своих сомнениях, касавшихся правильности линии на легализацию профессиональных союзов, он старался разобраться в беседах с товарищами. Особенно прислушивался он к мнению тех товарищей, которые недавно прибыли из страны и лучше, чем живущие за границей, знали местные условия и возможности легализации профсоюзов. Спрашивал он также Законника и меня, какого мнения придерживаемся мы по этому вопросу. По моему мнению, в то время не было возможности легализовать профсоюзы. Того же мнения был и Законник. Поступившее в конце марта из Лодзи сообщение о закрытии там полицией всех легальных, так называемых польских профсоюзов окончательно убедило Юзефа в том, что попытки легализовать профсоюзы пересальны².

Незаконные социал-демократические профессиональные союзы находились тогда в состоянии почти полного

¹ Эта статья была напечатана в мае 1908 года в № 3 «Пшеглэнда соцапаль-демократычного». В ней говорилось об объективной неизбежности новой революции, но в то же время там развивалась в корне ошибочная теория перманентной революции.

² «Польские профсоюзы» — легальные профсоюзы, возникшие в Королевстве Польском под руководством Национального Рабочего Союза в конце 1906 года и в начале 1907 года. «Польские профсоюзы» пропагандировали классовую солидарность и насаждали национализм. Экономическую деятельность они сводили к кампании взаимопомощи, отвергая забастовки как орудие борьбы за улучшение своего положения. Используя разгром социал-демократических профсоюзов царскими властями, «Польские

упадка, в то время как в стране заметно было уже значительное оживление рабочего движения. Встал не терпящий отлагательства вопрос о восстановлении и расширении деятельности социал-демократических профсоюзов. В плачевном состоянии находились так называемые беспартийные легальные профсоюзы, организованные ППС-левицей. Некоторые из них, хотя и не были закрыты, числились только на бумаге, другие влачили жалкое существование.

В связи с этим А. Варский выступил с предложением использовать создавшееся там положение и механически овладеть этими профсоюзами. Если «беспартийный» или даже эндецкий профсоюз слаб, насчитывает, например, 25 членов, то, советовал Варский, 30 человек наших товарищей должны записаться туда и на общем собрании, имея большинство, выбрать свое правление, превратив, таким образом, этот союз в социал-демократический.

Юзеф категорически запротестовал против этого проекта Варского. 23 мая 1910 года он писал Главному Правлению:

«Свести социал-демократизм легальных союзов только к тому, что в правлении будут социал-демократы, достигнув этого всевозможными уловками по отношению к «беспартийным» и «польским» профсоюзам вместо неустанной, повседневной агитации в массах и воспитания их сознания... подобная тактика может привести только к разложению партийных рядов и масс, идущих под нашими знаменами, и свести идеологическую борьбу с ППС к кулачной схватке»¹. По мнению Юзефа, среди членов «беспартийных» и «польских» профсоюзов надо проводить агитационную работу, воспитывать классовую сознательность, а не брать их за грудки силой, что вдобавок было фантазией при существующем в то время состоянии социал-демократических профсоюзных организаций.

Под влиянием критики со стороны Юзефа и других товарищей № 173 «Червоного Штандара», выдвигавшего лозунг легализации профсоюзов, в одном из номеров газеты появилась статья Розы Люксембург. Она исправляла основные ошибки 173-го номера «Червоного Штан-

профсоюзы» добились возможности увеличить свое влияние в 1907—1908 годах (в них насчитывалось тогда около 50 тысяч членов), но потом их влияние значительно уменьшилось. В 1921 году они слились с Объединенным польским профсоюзом.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 311.

дара». Но статья эта не удовлетворила полностью Юзефа. По его мнению, слабой стороной статьи Розы было то, что она обуславливала массовость профсоюза его легальностью.

«Я признаю только одну легальность, — писал Юзеф 20 июля 1910 года Тышке, — только такую, которая нас легализует перед массами. Она не имеет ничего общего с легализацией перед царскими законами». Статья Розы, по мнению Юзефа, не содержала ни одного доказательства того, что легализация профсоюзов в то время была возможной. «Дело не в том, следует ли вообще использовать легальные возможности, дело в оценке возможности»¹, — подчеркивает Юзеф в своем письме.

23 июля Юзеф в письме Тышке снова возвращается к статье Розы, «интерпретирующей» ошибки передовой № 173-го «Червоного Штандара», и делает вывод: «Вся статья Розы производит на меня впечатление исправления ошибок, которых полностью исправить невозможно». Несмотря на свои сомнения перевода в тот период профсоюзов на легальное положение, Юзеф принимает меры к тому, чтобы выяснить возможность их легализации.

В апреле 1910 года он сообщает Главному Правлению, что в Домбровском угольном бассейне есть люди, которые могли бы заняться легализацией профсоюза горняков. 25 мая он составляет и посылает Ледеру выдержки из легальных уставов «польского» и «беспартийного» профсоюзов горняков как образец для горняцкого союза и просит как можно скорее прислать свои замечания, для того чтобы сделать попытку легализовать этот профсоюз².

27 октября 1910 года он спрашивает членов Главного Правления, могут ли русские легальные профсоюзы иметь свои отделения в Королевстве Польском. «В таком случае, — пишет он, — мы могли бы этим воспользоваться. Мы имели бы двойную пользу (т. е. мы имели бы готовую форму легальных профсоюзов и объединили бы социал-демократические профсоюзы с русскими. — С. Д.)»³.

К этому же вопросу он возвращается в письме от 17 ноября 1910 года⁴. Однако первой и главной задачей в области профсоюзной работы Юзеф считал вос-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 387.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 314.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 461.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 492.

становление нелегальных социал-демократических профсоюзных организаций и создание их органа печати.

Характерной чертой Юзефа была его непримиримость к недостаткам в партийной работе как в области идеологической и политической, так и в организационной. Со свойственной ему энергией он открыто критиковал недостатки, кто бы ни был их причиной, невзирая на лица.

Прямо в глаза говорил он правду Мархлевскому, Тышке и Варскому, упрекал их в том, что они целиком погрузились в литературную деятельность для легального органа СДКПиЛ «Трибуна» (позднее «Млот»), что не вникают в жизненно важные вопросы подпольных партийных организаций, что «потеряли способность работать так, как это требуется от Главного Правления».

Вопросы прокламаций, лозунгов, статей в «Червоны Штандар», писал он Тышке, — «это ваша первейшая обязанность. И прикрываться недостатком времени вы совершенно не имеете права. Этот «недостаток времени» лишь констатация... невыполнения своих обязанностей»¹.

Он не колеблясь подверг критике и статью Розы Люксембург, когда заметил в этой статье недостатки, несмотря на то что необычайно ее ценил и считал, что среди руководящих деятелей СДКПиЛ она «почти одна у нас умеет революционно, объективно и по-марксистски дать ответ на вопрос, «что дальше?»»².

Выход из тяжелого положения в руководстве партии Юзеф видел, как уже было сказано выше, в том, чтобы Главное Правление стало учреждением более коллегиальным, чтобы оно сосредоточилось в одном месте, ближе к Королевству Польскому, в Кракове. И он добивается, чтобы Главное Правление послало его в страну на нелегальную работу.

В начале июля Юзеф писал Тышке, что свое участие в Главном Правлении считает фиктивным, и снова коснулся вопроса отсутствия там коллегиальности в работе. «На мои протесты, — отмечает он 2 июля, — мне отвечали «по-домашнему», по одним вопросам голосовали против меня, по другим — ставили меня в известность постфактум, по третьим — давали нагоняй за введение бюрократизма. Наконец я бросил свои протесты, ведь мне ясно, что у нас нет *коллекции*, нет коллективной совместной работы;

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 347, л. 3.

² Из письма Ю. Мархлевскому от 16 июня 1910 года.

каждый думает в одиночку — письменный обмен мнениями — это смешотворно, когда между нами столько разногогласий».

Критикуя и борясь против недостатков в партийной работе, Юзеф всегда относился самокритично к собственной работе. Ему казалось, что он сделал слишком мало, хотя трудно было найти человека, который бы умел так интенсивно, так добросовестно и так производительно работать, как он.

21 июля Юзеф получил сообщение из Королевства Польского, что Ежи (Вицек — Даниель Эльбаум) арестован.

Через два дня он пишет Тышке: «Все сообщения из страны... говорят об огромном оживлении в массах, о целом ряде забастовок и столкновений. Наши организационно-агитационные задачи все больше расширяются, и наша машина должна стать более гибкой, быстрее и своевременнее реагировать, чем до сих пор. А это требует сплочения Главного Правления и партийных сил. «Штандар» и прокламации должны выходить чаще, нужно издать «Форвертс» (для немецких рабочих в Лодзи. — *С. Д.*). Нужно, учитывая, что Ежи арестован, чтобы кто-нибудь из Главного Правления был в стране или часто наезжал туда. Следовательно, вопрос сосредоточения Главного Правления в Кракове и моего выезда в Варшаву становится все более неотложным — иначе мы будем для масс «тайными советниками», группой, оторванной от рабочего движения»¹. 25 июля Юзеф снова пишет Тышке: «Я решительно должен ехать в страну (т. е. в Королевство Польское. — *С. Д.*) или ездить туда время от времени. Без такого руководителя, который бы ездил всюду, узнавал бы людей, налаживал бы рвущиеся все время связи (аресты, провалы адресов и т. д.), вникал бы во все дела, без этого вся работа будет ужасно хромать»². 4 августа Юзеф снова напоминает Тышке: «Уже 8 месяцев я за границей» — и требует, чтобы его послали в Королевство Польское»³.

Во второй половине августа должна была состояться общепольская партийная конференция с отчетом о деятельности Главного Правления. На этой конференции было поручено выступить Юзефу. Он подготовил краткий

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 390.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 410.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 400, л. 1.

конспект своего доклада, который сохранился в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма в Москве. Привожу основные пункты отчета Юзефа:

Общий фон политической деятельности партии.

1910 год — признаки оживления.

Организация: а) Главное Правление,
б) местные организации,
в) заграничные.

Финансы. Издания и перевозка партийной литературы.

Вопрос о самодеятельности масс.

Агитация.

Отношение к другим партиям.

Участие СДКПиЛ в РСДРП.

Профессиональные союзы и профсоюзное движение.

Общее положение и наши задачи.

Вопрос о делегации СДКПиЛ на Международный социалистический конгресс в Копенгагене.

Общепартийная конференция.

Конференция СДКПиЛ состоялась в Кракове 19—22 августа 1910 года в квартире на ул. Коллонтая, 4. Из членов Главного Правления в работе конференции участвовали Тышка, Ганецкий, Дзержинский. Среди делегатов, приехавших из Королевства Польского, помню, был Юлиан Гемборек, от Бюро заграничных секций — Стефан Братман — Бродовский. Я на этой конференции не присутствовала.

С докладом о политическом положении и задачах партии от Главного Правления выступал Юзеф.

Из заметок Юзефа к этому докладу видно, что он обращал внимание на то, что социал-демократия должна возглавлять рабочий класс в обстановке оживления рабочего движения. Он подчеркивал, однако, отсутствие массовой партийной организации, отсутствие партийных комитетов в крупных промышленных городах (кроме Ченстоховы), отсутствие даже фабричных и заводских партийных правлений или их пассивность, отсутствие пропагандистов. Он указывал на трудности в работе, вытекающие из непреодоленной еще апатии масс, участвовавших провокаций и существования в организации отдельных разложившихся элементов.

В связи с упадком социал-демократических профсоюзов экономической борьбой вынуждены были руководить партийные организации.

Говоря о филиалах партии, Юзеф обращал внимание на важность систематической уплаты партийных взносов. Он подчеркивал при этом, что «освобождение рабочего класса может быть делом только его собственных рук».

Касаясь вопроса использования легальных возможностей, он остановился на легализации профессиональных союзов и, выражая свое мнение, ранее изложенное в письмах к членам Главного Правления, сделал упор на необходимость восстановления прежде всего нелегального партийного ядра этих профсоюзов.

Остановливаясь на деятельности легального партийного еженедельника «Трибуна», он подчеркнул недостаточно широкую поддержку его и призывал помочь наладить это дело.

Говоря о партийных изданиях и об агитации, он обращал внимание на необходимость выпуска нелегальной газеты на немецком языке для немецких рабочих Лодзи, профсоюзной газеты, брошюр, прокламаций. Он предлагал изменить характер «Пшеглэнда социаль-демократического», превратив его в научно-дискуссионный (теоретический и практический) журнал. Предлагал он также возобновить издание приложения к «Червоному Штандару» — «С фабрик, заводов и мастерских».

В своем докладе Юзеф коснулся «кампании против национал-демократии — НД и христианской демократии — ХД, кампании за присоединение к СДКПиЛ рабочих из ППС-левицы и за отмежевание «фракции» (ППС) от социализма».

Он говорил об использовании социал-демократической фракции в Государственной думе, о том, чтобы придать социал-демократической агитации более конкретный характер, о необходимости сделать партийные организации более самостоятельными¹.

Августовская общепольская конференция в резолюции по вопросу об организации и агитации признала издательскую деятельность партии неудовлетворительной и поручила Главному Правлению лучше обеспечивать нужды массовой агитации, в частности возобновить выпуск популярного агитационного издания на немецком языке и чаще печатать прокламации и листовки.

По вопросу о профсоюзах конференция приняла длинную, но недостаточно четкую и ясную резолюцию,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 408.

в которой отмечала, что «в настоящих условиях контрреволюционной России призрачной фантазией является всякая вера в возможность существования легальных профессиональных союзов».

Дальше резолюция указывала, что в условиях Королевства Польского легальные профессиональные союзы не были бы в состоянии выполнить поставленные перед ними задачи по руководству боевой экономической борьбой рабочих, по воспитанию их в социал-демократическом духе и поддержке политической борьбы пролетариата. Резолюция рекомендовала создание социал-демократических нелегальных профессиональных коллективов, которые должны окружить себя «средой легальных профсоюзов», организуемых с этой целью по инициативе членов СДКПиЛ.

По вопросу кооперативных обществ конференция признала необходимым выявить при помощи анкеты участие членов СДКПиЛ в существующих кооперативах, возможность влияния партии на эти кооперативы и целесообразность образования кооперативов по инициативе членов СДКПиЛ.

По вопросу о культурно-просветительных обществах конференция признала необходимым активное участие членов партии в работе этих обществ для использования их в интересах социал-демократического движения и партии. Работу эту предлагалось вести под контролем местных партийных организаций и согласованно с ними.

По вопросу об участии СДКПиЛ в работе РСДРП конференция выразила уверенность, что «это участие необходимо для сохранения партийного единства, которому угрожает серьезная опасность из-за обострения борьбы между русскими фракциями. Необходимо это также для того, чтобы общая партийная политика развивалась в сторону революционного марксизма, которому без участия революционных социал-демократических частей партии угрожала бы волна оппортунизма, заливающая ряды определенной части русских товарищей».

Резолюция эта выразила стремление к «сохранению партийного единства» с меньшевиками и носила, таким образом, примиренческий характер по отношению к ликвидаторам¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 164, оп. 1, ед. хр. 5153.

В самом начале сентября 1910 года в Варшаве были арестованы доверенное лицо Главного Правления Бронислав (Юлиан Гемборек), который поехал в Королевство Польское в конце поля, чтобы заменить только что арестованного там Вицека (Дансель Эльбаум), Ромап (Самуил Лазоверт), Эрнест (Фершт) и другие товарищи. Провал явно был результатом провокации. Во время обыска на квартире Бронислава шпиик сразу же подошел к тайнику, очень умело устроенному в шкафу, и вынул оттуда много нелегальных бумаг. Об этом тайнике знали только несколько человек. Гемборека посадили в X навильон Варшавской цитадели и передали дело в Судебную палату. Лазоверта и Фершта через три месяца выслали за границу.

Через неделю после ареста Гемборека арестовали еще одного товарища из лодзипской организации. При этом провалился адрес для партийной переписки и для денег, которые Юзеф выслал для Вацлава, руководителя лодзипской организации. Вацлав (Дужы, Чеслав — Копець) — рабочий, который до этого руководил всей партийной организацией Домбровского угольного бассейна.

В середине сентября в Варшаве и в других городах Королевства Польского были проведены массовые аресты революционеров в связи с ожидавшимся приездом туда царя Николая II. Была мобилизована целая армия шпииков. Об арестах запретили писать в газетах.

Получив сообщение об этих арестах и потеряв всякую связь с Варшавой, Юзеф писал Тышке 16 сентября: «Я не могу наладить связь с Лодзью. Адресов не присылают. Письма к ним не доходят. Из Варшавы ни слова. Вижу, что другого выхода нет — придется самому ехать туда, иначе постоянная, непрерывная мука. Мы совершенно оторваны. Я так работать не могу... лучше даже провал (его, Юзефа. — С. Д.), чем такое положение. И мой провал, если бы я время от времени ездил туда, вовсе не был бы обязательным. Сидя тут у меня складывается впечатление, что я только даром хлеб ем»¹.

24 сентября Юзеф сообщил Тышке, что в Лодзи находятся Бохен (Теодор Бреслауэр) и Казимир (Добранницкий), которые обещали «кое-что сделать», и что и

¹ ЦНА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 420.

Новицкий (Тадеуш — Францишек Сошинский) тоже там, по он настроен пессимистически. Юзеф добавлял, что, несмотря на аресты, работа в Лодзи, кажется, проводится неплохо¹.

Около 1 октября предложил свою кандидатуру для выезда на подпольную работу в Варшаву с 25 декабря Мартин (Винценты Матушевский). Он просил только, чтобы, кроме Главного Правления, никто о его выезде не знал. Юзеф считал, что следует воспользоваться предложением Мартина. Главное Правление дало свое согласие. В ноябре Мартин писал Юзефу, что положительный «ответ Главного Правления на его предложение поехать в Варшаву очень его обрадовал и что партия в нем не ошибется».

В связи со сложившейся обстановкой в Королевстве Польском Юзеф предложил поехать туда на подпольную работу Верному (Владиславу Штейну — Краевскому), который находился в эмиграции в Цюрихе. Это был прекрасный агитатор, очень способный товарищ, трудолюбивый, безгранично преданный партии. Верный выразил согласие, но просил разрешения остаться за границей до 10 октября. Юзеф охотно согласился на это, тем более что следовало разобраться в провалах и арестах в Варшаве и Лодзи. По мнению Юзефа, Верного нельзя было посылать в Варшаву. Там его пять раз арестовывали, его там знали шпики. Он 20 лет прожил в Варшаве, и у него было очень много знакомых. Юзеф предложил Главному Правлению послать Верного в Лодзь, откуда он мог бы иногда ездить на кружки в Варшаву. Главное Правление одобрило это.

В конце октября Юзеф направил Верного в Лодзь, где он стал работать под кличкой Фелициан. Но уже в середине декабря его выследили шпики. В связи с этим он должен был вернуться в Краков, чтобы потом поехать на подпольную партийную работу в Варшаву. Однако около 22 декабря он был арестован на вокзале в Лодзи под чужим паспортом на имя Казимира Дреаса из Познаньщины.

Почти одновременно был арестован в Лодзи и Чеслав (Конець). Отпал, таким образом, план посылки его в Варшаву, как намечалось ранее. В это время в Варшаве находился Мартин (Тлустый), но он не проявлял ника-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 427.

кого желання приступить к партийной работе. Вскоре (в декабре 1910 года) стало известно, что его призвали на военную службу. Одни за другим арестовывались руководители партийных организаций.

С момента приезда в Краков Юзеф энергично занялся делом раскрытия провокации. Он руководил комиссией, которая вела следствие по делу лиц, подозреваемых в провокации. В этом ему помогали ответственные партийные работники Королевства Польского. После каждого «провала» Юзеф собирал подробные сведения об условиях, сопутствовавших этому, о лицах, которые знали адрес данного товарища или квартиры, где должно было состояться собрание, и т. д.

* * *

Ни Феликс и никто другой из нас, членов СДКПиЛ, находившихся в эмиграции в Галиции, не мог принимать участия в партийной работе среди галицийских рабочих, так как действовавшая на этой территории Социально-демократическая партия Галиции и Силезии, входившая в состав социал-демократической партии Австрии, подобно ППС была реформистской, националистической партией.

Мы встречались с отдельными краковскими рабочими-интернационалистами, и некоторые из них, в том числе рабочий, по фамилии Бобровский, входили в краковскую секцию СДКПиЛ.

Руководитель галицийской партии Игнацы Дашинский славился как оратор. Поэтому я пошла с несколькими нашими товарищами на один из митингов, где он должен был выступать. Митинг проходил в Народном доме. Но речь Дашинского ни по содержанию, ни по форме не произвела на меня никакого впечатления. Дух этой речи был необычайно далек от революционного духа выступлений деятелей СДКПиЛ.

После приезда Юзефа в Краков начали регулярно проводиться собрания краковской секции СДКПиЛ, жизнь которой до тех пор почти не чувствовалась. 1 мая все члены секции во главе с Юзефом с приколотыми к груди красными цветами гвоздики (Юзеф, кроме того, и в красном галстуке) пошли на демонстрацию и митинг, организованные Социально-демократической партией Галиции и Силезии. Демонстрация и митинг на площади около памятника Адаму Мицкевичу проводились легально. Но

наши мысли и чувства были в Варшаве, где в условиях полицейского террора рабочие снова поднимались на борьбу.

По инициативе Юзефа в конце мая 1910 года в краковской секции СДКПиЛ был организован клуб самообразования. Юзеф предложил привлечь в этот клуб кроме меня и Клары Стефана (Вольф), Жултого (Гебартовский), Роберта (фамилии не помню), Александра (Сергей Вагоцкий), Марка (Кароль Чапичский), австрийского гражданина Гольдфингера, Наталью (Фрейденсон — первая жена Вагоцкого), рабочего Несвоя, повара Бедного, который незадолго до этого бежал из ссылки.

В клубе самообразования мы собирались изучать историю революции и социализма, а также положение в России и Королевстве Польском в связи с революцией 1905—1907 годов. Первый доклад — по истории классовой борьбы во Франции — сделал сам Юзеф.

Не все те, которых Юзеф хотел привлечь в клуб, приходили на его занятия. Собиралось человек шесть-семь. Юзефа беспокоило, что ряд членов краковской секции и других заграничных секций СДКПиЛ пытались приравнять свои секции к подпольным партийным организациям в Королевстве Польском. Они претендовали на право определять политику партии, решать ее внутрипартийные организационные вопросы, несмотря на то что большинство заграничных секций состояли в значительной своей части из людей, ничего общего в прошлом с партией не имевших.

Юзеф требовал, чтобы Бюро заграничных секций указало, что роль этих секций является подсобной, что это всего лишь группы, призванные помогать партии, а не решать вопросы за нее. Члены заграничных секций, по мнению Юзефа, должны были распространять партийную литературу, оказывать финансовую помощь партии (регулярно уплачивать членские взносы, что не все добросовестно делали), а также заниматься социал-демократическим самообразованием.

Юзеф постоянно заботился о легальном органе СДКПиЛ — еженедельнике «Трибуна», а после его закрытия царскими властями — «Млоте». После прочтения первых номеров «Трибуны» он писал 12 апреля Варскому, что журнал ему очень нравится, но считал при этом, что администрация «Трибуны» в Королевстве Польском, занимавшаяся ее распространением, работает ниже

всякой критики, и требовал от имени Главного Правления, чтобы для этой работы нашли подходящего специалиста¹. За границей распространением «Трибуны» занимался Ганецкий, а с сентября эту работу стала выполнять я, руководствуясь указаниями Юзефа.

Предвидя закрытие «Трибуны» в связи с ее революционным социал-демократическим характером, Юзеф еще в первой половине апреля требовал, чтобы товарищи в стране подготовили заранее запасную концессию². В письмах варшавским товарищам Юзеф постоянно напоминал, что обязательно нужно иметь в запасе несколько концессий на случай закрытия «Трибуны», а потом и «Млота».

«Млота» вышло 18 номеров, после чего его редактор (в первой половине декабря 1910 года) был арестован, помещение редакции опечатано, список подписчиков, кажется, был изъят полицией.

Произошел перерыв в выпуске еженедельника. Обеспокоенный этим, Юзеф писал мне 16 декабря в Варшаву, куда я по поручению партии поехала в конце ноября 1910 года, что обязательно нужно энергично заняться делом еженедельника, и спрашивал, почему Тадеуш Радванский, который получил на свое имя концессию, не начинает работу. Юзеф настаивал на том, чтобы Ян (Юзеф Уншлихт) занялся вопросом ускорения выпуска еженедельника под новым заголовком и с подписью нового «зипц-редактора»³.

Юзеф постоянно следил за тем, чтобы все члены партии систематически платили членские взносы. Он говорил товарищам, что ничего не стоит та партийная организация, которая сама не может обеспечить своих нужд. Он, как уже было упомянуто, экономил каждую копейку партийных денег. Когда в конце июня он привлек в помощь себе Мартина (Тлустого), то сообщил Главному Правлению, что будет платить ему из своей зарплаты. Тышка и Ледер считали, что Мартину нужно платить из средств партийной кассы. Юзеф не согласился с этим, заявляя, что бюджет, утвержденный на работу Главного Правления, которая проводится в Кракове, скорее слиш-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 258.

² Концессия — разрешение царских властей на издание газеты.

³ Редактор для отсылки — подставной редактор, несущий официальную ответственность перед властями и в случае репрессий отсыживающий в тюрьме наказание.

ком велик, чем мал, по сравнению со всем бюджетом Главного Правления, и добавил, что если берлинские товарищи будут оставаться при своем мнении, то ему придется отказаться от помощника. И он платил Мартину из своей скромной зарплаты, о чем помощник его, разумеется, не знал.

Юзеф никогда не забывал о товарищах, томившихся в царских тюрьмах Королевства Польского и России, особенно заботился он о каторжанах. Руководителям местных партийных организаций он писал, чтобы они помнили о каторжанах Мужине (Томаш Магжик), Собеке (Ян Собкович), Адаме Токарском, оказывали им и их семьям материальную помощь. Сам он также посылал им деньги. Со многими политкаторжанами — Адамом Токарским, Кацпаром (Александр Гердава), Красным (Юзеф Ротштадт), Анджеем (Станислав Пестковский) — он переписывался лично, помнил, когда у кого кончается срок каторги, когда кто будет отправлен на поселение, и заботился о том, чтобы вовремя послать им деньги и обеспечить их «левыми» паспортами для побега.

Заботился Юзеф и об эмигрантах, подыскивал им работу, обеспечивавшую их существование, обращал внимание также других заграничных секций на то, чтобы они заботились и находили работу для членов партии, которые оказались вынужденными эмигрировать за границу.

Юзеф следил за тем, чтобы товарищи, работавшие в стране в подполье, могли продержаться как можно дольше, чтобы в случае их расконспиривания они немедленно меняли место работы, чтобы они правильно использовались и имели соответствующие условия для наиболее полного применения своих сил, своего опыта и способностей, чтобы они росли на работе. Характерным с этой точки зрения было отношение Юзефа к Люциану (Сэвэр — Эдвард Прухняк). Юзеф ценил его и видел в нем быстро растущего товарища. 22 октября 1910 года он писал Главному Правлению: «Силы Люциана в Домбровском угольном бассейне пропадают даром, зря растрачиваются...»¹ 25 октября Юзеф запрашивает, согласно ли Главное Правление перевести Люциана в Лодзь, с тем чтобы он руководил партийной работой в Пабяницах, Згже, Томашове и других окрестностях Лодзи, а также работой в Домбровском угольном бассейне. «Потому что си-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 455.

деть ему в Домбровском бассейне, где нельзя найти квартир (для проведения собраний. — С. Д.), совершенно бесполезно, жалко вообще на это и денег, и его сил. За все время после краевой конференции (которая состоялась 19—22 августа 1910 года. — С. Д.) там было всего лишь три собрания, и он мог за все это время только встречаться с отдельными людьми. А в Лодзи он может жить, по работать там ему уже нельзя, поэтому он руководил бы провинцией и оказывал бы неоценимые услуги самой Лодзи, будучи лишь в комитете и не посещая никаких собраний. Таким образом он мог бы продержаться долго»¹.

Поднимая в конце октября вопрос о своем выезде в Королевство Польское и в Петербург, Юзеф для работы в Кракове вместо себя выдвигал кандидатуру Прухняка.

Повторяя свое требование о посылке на подпольную работу, Юзеф снова 30 октября рекомендует на свое место Прухняка, добавляя, что следовало бы отозвать его из Королевства Польского, принимая во внимание его будущую работу и то, что «он мог бы вырасти и очень быстро продвнуться как партийный руководитель»².

Прухняк к тому времени уже целый год работал в Королевстве Польском, и Юзеф указывал, что после такого длительного срока подпольной работы ему угрожает неминуемый арест.

В середине ноября Прухняк приехал в Краков на двухнедельный отдых. Юзеф сразу же снова обратился в Главное Правление с предложением оставить его вместо себя хотя бы на полгода, а самому поехать в Королевство Польское. Он мотивировал это необходимостью постоянного пребывания в Королевстве кого-нибудь из членов Главного Правления, а также тем, что для Прухняка работа в Кракове была бы очень полезной.

Юзеф был необыкновенно дисциплинированным членом партии и самовольно, без согласия Главного Правления и без его санкции на свою замену в Кракове, ехать в Королевство Польское не хотел. Однако он обращал внимание Главного Правления на то, что пребывание в Кракове, оторванность от непосредственной работы в массах при оживлении рабочего движения и при существующем положении в партии отнимает у него так много сил и здоровья, что партия может его «совсем потерять»³.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 458.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 462.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 492.

Но Главное Правление снова отвергло предложение Юзефа, и он остался в Кракове, а Прухняк 1 декабря выехал в Ченстохову, оттуда через некоторое время в Лодзь, а затем в Варшаву.

После отъезда Прухняка в Королевство Польское Юзеф в письме от 18 декабря советует ему не брать на себя руководство работой одного из районов Лодзи, а бывать всюду и присматривать за партийной работой во всей стране, за использованием легальных и нелегальных возможностей, за подбором людей, давать им указания и т. д. А если у него будет оставаться немного свободного времени, использовать его на составление докладов, тезисов для агитации и т. д.

Юзеф считал совершенно ненормальным, чтобы инициативу проявляла только заграница — Главное Правление. Он считал, что партийные организации в стране должны быть более самостоятельными, независимыми в финансовом отношении, более инициативными, более живыми и связанными между собой. А связывать их должен именно Прухняк, посещая их, а также давая письменные указания.

* * *

Весна в 1910 году была очень ранней. В Кракове в середине февраля было так тепло, что можно было одеваться почти по-летнему. И я, и Клара (С. Филковская) очень любили природу и с самой весны каждое воскресенье, взяв с собой продукты, отправлялись пешком на прогулку в окрестности Кракова.

Необычайно любил природу и Юзеф, но он всегда был так занят, что немало трудов стоило вытащить его в воскресенье за город в живописные окрестности Кракова. За всю весну и лето нам это удалось всего несколько раз. Когда он отказывался, я приносила ему вечером с прогулки огромные букеты полевых и лесных цветов. Он принимал их с радостью и за неимением ваз развешивал на стенах, наслаждаясь запахом. Все же мы совершили вместе с Юзефом незабываемые прогулки на Паненьские скалы, где в то время как раз цвели фиалки, наполняя воздух одуряющим ароматом. Ходили мы на Беляны и в Тынец, где восхищались живописными руинами монастыря, основанного еще Болеславом Храбрым. Руины эти утопали в густых кустах цветущей сирени. Прогулку совершили мы и по берегу Вислы. Легче было вытащить

Юзефа по вечерам на короткие прогулки на окраины самого Кракова, в парк Иордана, на Блоня или Вавель¹.

Во время этих прогулок Юзеф любил вспоминать детство, свою горячо любимую мать, игры и мальчишечьи проказы, Дзержиново, где он родился и провел детские годы, красоту природы, окружавшей Дзержиново, особенно речку Усу, в которой удил рыбу и ловил раков, и густые сосновые леса Налибокской пушчи. Со стыдом он вспоминал, что в лесу Дзержинова крестьянам не разрешали собирать грибы и хворост.

Юзеф рассказывал мне, что в детстве был очень религиозным и хотел даже стать ксендзом. Но его дядя, сам будучи католическим священником, отговорил его от этого намерения, мотивируя тем, что Феликс мальчишка очень живой, обладает слишком горячим темпераментом.

Юзеф говорил, что в 1894 году в его взглядах произошел коренной перелом под влиянием марксистской литературы, с которой он тогда познакомился. Он стал убежденным атеистом и всех вокруг себя убеждал, что бога нет.

Скупое, но с ненавистью вспоминал Юзеф гимназический режим, русификаторство, шпионаж за учениками, принудительное посещение в табельные дни² молебнов, дрессировку на квартире учителя гимназии в Вильно, где он жил вместе с братьями.

Зато охотно и с удовольствием вспоминал он первые годы своей революционной деятельности, свою юношескую клятву в 1894 году в том, что будет бороться со злом до последнего дыхания. Об этом он и потом писал мне из Х павильона Варшавской цитадели 24 июня 1914 года.

Однажды Юзеф рассказал мне, что, будучи гимназистом, он влюбился в ученицу находившейся неподалеку женской гимназии. Они обменивались записками. Письмо-носцем был, не подозревая об этом, ксендз, который преподавал закон божий в обеих гимназиях. Записки Феликс и предмет его любви клали в галоши ксендза. Так продолжалось до тех пор, пока этот способ переписки не был раскрыт.

Юзеф любил животных и птиц. С детства в течение всей своей жизни он не позволял никому обижать их. С горечью и жалостью рассказывал он, как ему однажды пришлось собственноручно застрелить медведя, которого

¹ Вавель — краковский кремль.

² Дни рождения и имении царя и членов его семьи.

сам выдрессировал. Это было в 1899 году во время пребывания Юзефа в ссылке в Вятской губернии, в селе Кайгородском. Крестьяне подарили ему медвежонка. Был он веселым, игривым и очень забавным. Юзеф научил его служить, танцевать и удить рыбу. Юзеф вместе с ссыльным народником Якшиным брал медвежонка с собой в лодку, когда ездил на рыбную ловлю. В подходящем месте Юзеф приказывал медвежонку: «Мишка, лови рыбку!»

Мишка понимал, что значат эти слова, и — бултых в воду! А через минуту вылезал с щукой или судаком в пасти. Но, когда он подрос, начали проявляться кровожадные инстинкты: он стал душить кур, бросился на корову и поранил ее. Юзеф посадил его на цепь, но Мишка сделался еще злее, начал бросаться на людей и наконец на самого Юзефа. Не было другого выхода — пришлось медведя застрелить.

В селе Кайгородском, чтобы заглушить мучительную тоску по родным местам, по партийной работе, Юзеф занялся охотой. Он рассказывал мне, что как-то участвовал в охоте на медведя. Охотился он на диких птиц. Однажды отправился вместе с товарищем на озеро, где было много диких уток. В тот момент, когда их лодка подплыла к небольшому островку, заросшему камышом, из зарослей поднялись и пролетели над головами охотников два больших лебедя. Юзеф выстрелил, и один лебедь упал на островок. Это была самка, а самец улетел. Но через минуту он вернулся и начал кружиться над местом, где лежала самка. Юзеф выстрелил в него, но промахнулся. Тогда лебедь поднялся ввысь, сделал несколько кругов и в отчаянии камнем бросился вниз в озеро, разбившись насмерть.

Юзеф рассказывал об этом с волнением, изумляясь и восхищаясь лебединой верностью.

* * *

В июне 1910 года мы с Кларой отправились на две недели в горы в деревню Стаспковку в 12—14 километрах восточнее Поронино по другую сторону железной дороги. Мы поселились в избушке горца. Хозяева уступили нам свою комнату в избушке, сами же перебрались на чердак. Это была глухая деревушка, в ней было всего несколько хат. Кроме молока и мамалыги, ничего там пельзя было достать. Чай и сахар мы привезли с собой, а за хлебом

приходилось ходить на станцию Поронино. Мы с Кларой сочувствовали нашим хозяевам — горцам, которые жили в очень тяжелых условиях. Хлеба они совсем не ели, питались одной мамалыгой.

В стенах избушки были такие щели, что можно было руку просунуть. Ветер свободно гулял в комнате. Зато стоила нам эта дача очень дешево. Из окон открывался прекрасный вид на высокие Татры. Горы были тогда еще покрыты снегом, серебрились на солнце и окрашивались в кроваво-красный цвет по вечерам. Ночи в Стасиковке были еще так холодны, что горный поток, в котором мы умывались рано по утрам, местами замерзал, а роса на траве, по которой мы ходили босиком, была холодна как лед.

Из Стасиковки мы отправились с Кларой и Законником, специально для этого приехавшим из Кракова, в пятидневный туристический пеший поход в Закопанэ и в Татры: к Гонсеницовым галям (высокогорный луг) и к горному озеру Чарны Став, через перевал Заврат к пяти Польским озерам, дальше до водопадов Мицкевича и высокогорного озера Морское Око. Оттуда по горе Медзянэ в Темносречинскую долину, затем, но другим уже путем снова к Гонсеницовым галям в Закопанэ и обратно пешком в Стасиковку.

Это была первая в моей жизни экскурсия в горы. Она произвела на меня такое сильное впечатление, что до сих пор вспоминаю о ней с восхищением.

Мы отправились в Татры без проводника, хотя никто из нас там еще не бывал. У нас была с собой только небольшая горная карта с обозначением малочисленных в то время убежищ для туристов. Но в этих убежищах ничего из пищи нельзя было купить. Только на Гонсеницовых галях можно было достать молока. Все продукты на 5 дней пришлось носить на себе плюс чайник, кружки, спиртовку, спирт для нее и т. д. У Клары и Законника были рюкзаки, у меня не было, а кушать я не имела возможности. Поэтому, сложив свою долю хлеба и вещей в кусок холста и перевязав ремнями от чемодана, я приспособила это так, чтобы можно было носить на спине. На троих у нас была одна-единственная горная трость с металлическим топориком и две обычные палки. Обувь наша тоже не была приспособлена для ходьбы по горам.

Но это несколько не испортило нам настроения. Мы перепочевали в Гонсеницовых галях и на следующий день

рано утром двинулись дальше. Обошли озеро Чарны Став гонсенищовой, которое казалось наполненным чернилами вместо воды, затем начали подъем к перевалу Заврат. Сначала все шло очень хорошо, но вскоре оказалось, что северный склон Заврата, по которому нам предстояло идти, был еще покрыт глубоким снегом. Спешные пятна масляной краски на скалах — указатели дороги — были засыпаны снегом. Железные скобы, вбитые в гранит в наиболее опасных местах, за которые можно было ухватиться или встать ногой, были тоже скрыты под глубоким слоем снега. Оказалось, что мы отправились в поход слишком рано, во всяком случае рискованно было взбираться на Заврат в это время года без проводника. Но денег на проводника у нас не было. Из туристов не встретили никого. Мы с трудом продвигались вперед, шагая друг за другом гуськом, палки наши скользили по снегу, который на солнце начал таять, а на ветру замерзал. Упереться часто приходилось не палкой, а рукой, погружая ее глубоко в снег. В узких и опасных местах очень сказались отсутствие настоящего рюкзака: пристроенный на ремнях багаж за спиной был шире моих плеч и мешал пробираться между выступами скал.

Наконец мы достигли перевала. Тут свирепствовал такой ураганный ветер, что, казалось, вот-вот нас швырнет обратно вниз. Мы ухватились за выступы скал и как зачарованные стояли на этом ветру, глядя вниз на открывшийся перед нами вид необычайной красоты. Внизу, в широкой долине, раскинулись пять Польских озер.

С Заврата мы легко спустились вниз. Тут снега совсем не было. Осмотрев пять Польских озер, мы пошли дальше по направлению к водопадам Мицкевича и Морскому Оку. По пути нас застал проливной дождь, и мы промокли до последней нитки. Переночевали в убежище в Ростоке, где удалось высушить одежду и обувь. Утром отправились дальше, к Морскому Оку. Как сейчас стоит у меня перед глазами это прекрасное огромное горное озеро, в котором вода кажется разноцветной от отражения то склонов гор, покрытых буйной растительностью, то гранитных скал хребта Рысы, то голубого неба.

Не обошлось без приключений и дальше. Налюбовавшись Морским Оком и Чарным Ставом, расположенным над Морским Оком, мы переночевали в убежище и, руководствуясь своей картой, начали подниматься по голому песчанику горы Медзяна, потом через Шпиглясовую и

Липтовские Муры к долине Темносмречинской. Солнце жгло, дорога была не очень трудная, но утомительная своей однообразностью. Вблизи вершины мы вдруг потеряли пятна-ориентир и, когда оказались на самом верху, не знали, как спуститься вниз к долине. Склон с этой стороны был крутой, почти вертикальный и поросший скользкой травкой. Искать правильную дорогу не было времени. Нужно было спешить, чтобы дотемна добраться до убежища, которое по карте находилось на дне Темносмречинской долины. Мы решили съехать со склона так, как это делают дети, съезжая с горки. Этим примитивным способом мы добрались до того места, где дальнейший путь нам преградили настолько густые заросли кустов карликовой сосны, что продраться сквозь них не было никакой возможности. Пятен-ориентиров не было никаких, на их поиски времени уже не было. И мы перепрыгивали по кривым веткам карликовых сосен наподобие обезьян. Тут мне снова здорово помешала моя бесформенная огромная поклажа. Наконец кончились кусты карликовых сосен, и мы оказались на дне долины, густо заросшей высокими смреками (стрельчатыми елями). Но здесь мы заметили тропинку и пошли по ней. Через некоторое время, о радость! мы увидели на дереве нарисованное синей масляной краской пятно-ориентир. Значит, убежище уже близко!

Но каково же было наше удивление и разочарование, когда вместо убежища мы увидели деревянный шалаш — четыре стены без дверей. В углу — несколько камней для очага. По-видимому, это был шалаш пастухов или охотников. Сумерки уже сгустились, нужно было быстро подготовиться к ночлегу. Мы натаскали мха для постелей и хвороста, чтобы развести огонь. Костер разожгли на поляне перед самым шалашом. Огонь пришлось поддерживать всю ночь, потому что в долине Темносмречинской, как указывал путеводитель, встречались медведи. В темноте за густыми елями не видно было горной речки, и, закусив поэтому vsухомятку, мы легли спать. Сначала я дежурила у костра, подбрасывая хворост. Через несколько часов меня сменил Законвик, а его потом — Клара. Когда я легла, то никак не могла уснуть: волновали впечатления, в памяти одна за другой возникали и сменялись картины виденных красот горной природы. Поднялись мы на рассвете: ведь нас ждала еще дальняя дорога.

Перед нами снова предстала волшебная картина. Одну сторону долины замыкала высокая зубчатая гряда скалистых гор — грань Грубего, до середины залитая алым светом утренней зари. С вершины хребта Грубего стекали, как серебряные нити, пенящиеся ручейки, впадающие в такой же пенистый горный поток с каменистым дном у подножия горной цепи. Мы умылись в ледяной воде потока, набрали в чайник воды, вскипятили чай, съели последние куски хлеба и, не насытившись (горный воздух вызывает волчий аппетит), двинулись дальше. Путь наш вел через перевалы Заворы и Свищицкий к Гонсеницовым гаям, оттуда пешком через Закопанэ и Порошино в Стаспковку.

На другой день мы вернулись в Краков загоревшие от солнца и ветра, бодрые, отдохнувшие, окрепшие и помолодевшие на несколько лет.

Мне в жизни пришлось видеть много красивых мест, совершать чудесные экскурсии. Прекрасна сибирская природа, виды на Лене, замечательны Альпы и швейцарские озера, великолепны Крым, Кавказ. Но ничто не произвело на меня такого сильного впечатления, нигде я так не чувствовала живительного действия воздуха, ни одна картина природы, ни одна прогулка не запали так глубоко в душу и память, как живописные виды Татр и походы в эти горы.

* * *

Вернувшись в Краков, я продолжала помогать Юзефу приводить в порядок архив, писать письма, между строк которых он вписывал лимонной кислотой конспиративные партийные тексты товарищам в Варшаву, Лодзь, Ченстохову, Домбровский угольный бассейн. Я надписывала адреса на конвертах, так как почерк Юзефа был хорошо известен полиции и жандармам и письма с адресами, написанными его рукой, легче могли быть перехвачены и подвергнуты просмотру.

В это же время я начала помогать Юзефу переписывать материалы для «Червоного Штандара».

Я приходила на ул. Коллонтая рано утром, и мы писали целый день с кратким перерывом на обед, до позднего вечера, пока все не было переписано. Мы сидели в проходной комнатке-кухоньке Юзефа за его маленьким письменным столиком. Я диктовала с рукописей, присланных из Берлина, а Юзеф писал мелким бисерным по-

черком, очень четко и разборчиво на маленьких листочках бумаги специального формата для удобства с точки зрения конспиративных методов пересылки материалов.

Юзеф сам подсчитывал количество печатных знаков в рукописях, потому что, как он говорил, в Берлине недостаточно точно считали, сообщая обычно меньше знаков в статьях, чем они на самом деле содержали. Это могло создать трудности товарищам, которые в Королевстве Польском занимались выпуском номера. Я предложила Юзефу, что я буду подсчитывать количество знаков. Тогда он показал мне, как это делается, и я стала его заменять в этой технической, но важной части работы.

В то лето я наглядно убедилась в том, как горячо Юзеф любит детей. Много раз заставляла я его работающим за письменным столиком, а из соседней комнаты за прикрытой дверью слышались детские голоса или детский смех. Оказывается, Юзеф собирал в свою квартиру детвору бедноты, населявшей этот дом, и организовывал для них у себя нечто вроде детского сада: позволял им бегать, шуметь, устраивать из стульев трамваи или поезда, делал для них простые игрушки из спичечных коробок и из каштанов. Однажды я застала его в таком виде: он сидел за письменным столом и работал. На коленях у него был малыш, что-то сосредоточенно рисовавший, а другой, вскарабкавшись сзади на стул и обняв Юзефа за шею, внимательно смотрел, как он пишет.

Я спросила Юзефа, не мешают ли ему эти малыши, не мешает ли шум ребятишек, играющих в соседней комнате. Он ответил, что ничуть не мешают, что голоса и смех детей доставляют ему радость, а эти малыши около него сидят тихо: знают, что нельзя мешать работать. В хорошую погоду детишки играли во дворе. В слякоть же приходили на квартиру к своему взрослому другу.

На любовь Юзефа дети отвечали любовью: когда он, возвращаясь из города, появлялся в воротах дома, ребятишки бежали ему навстречу с криком:

— Наш дядя идет!

Уцепившись за его руки, они провожали «своего дядю» через весь двор до самых дверей квартиры.

В Кракове среди части товарищей господствовал распространенный в кругах интеллигенции обычай встречаться и проводить вечера за беседами в кафе. Юзеф работал днями и ночами и избегал бесцельного времяпре-

провождения, но однажды случилось так, что несколько товарищей затащили его вечером в кафе на Краковском рынке. Пили кофе с ликером и пирожными. Каждый платил за себя. Юзефа содержала партия, и он считал, что деньги, которые ему давала партия, он имеет право тратить лишь на самое необходимое, а не на излишества, какими, по его мнению, были черный кофе, пирожные и рюмка ликера. Чтобы загладить свою «вину» перед партией, он на другой же день внес в партийную кассу из своей скромной зарплаты сумму, истраченную накануне в кафе. В связи с этим ему пришлось потом несколько ограничить свои расходы на самые неотложные нужды.

* * *

Через несколько дней после Августовской общепольской конференции СДКПиЛ Юзеф, измученный непомерной работой, обратился в Главное Правление с просьбой предоставить ему недельный отпуск. Еще в июне, когда мы с Кларой вернулись из Стасиковки, Юзеф говорил мне, что хотел приехать к нам хотя бы на один денек. Но сделать этого он не смог. Теперь он предложил мне совместный поход в Татры. Я знала уже дорогу к Морскому Оку и могла быть проводником туда. Товарищи советовали нам от Морского Ока перейти через хребет Рысы на другую сторону, дали небольшую карту и указали, по какому пути вернуться в Закопанэ. Мы приняли этот план и начали готовиться в дорогу. На этот раз и у меня был рюкзак, который я одолжила у Клары. Но специальной альпинистской обуви не было ни у меня, ни у Юзефа.

Во время нашего похода в горы Юзефа в Кракове замещал Мартин (Глустый).

Мы выехали из Кракова утром 28 августа. Юзеф, который систематически недосыпал, заснул, сидя у окна вагона третьего класса. Его разбудил громкий и неприятный разговор рядом сидящих пассажиров. В то время польские реакционеры развязали в печати травлю социал-демократов. В числе этих реакционеров был и Анджей Немоевский — редактор и издатель так называемой «Мысли неподлеглой» («Независимой мысли»), атеист, считавшийся прогрессивным деятелем. Один из наших попутчиков-пассажиров с пылом повторял клеветнические нападки Немоевского на СДКПиЛ и некоторых ее членов. Услышав это, Юзеф вскочил словно кипятком

ошпаренный и дал такой отпор клеветнику, что тот вынужден был замолчать и перейти в другое отделение вагона.

Приехав в Закопанэ, Юзеф зашел на минутку к сестре Юлиана Мархлевского, которая там жила, и одолжил у нее трость-топорик. В тот же день мы отправились пешком в Гонсеницовой гали. Мы добрались до них еще засветло. Там мы встретили брата нашего партийного товарища Марии Братман, в то время еще молодого паренька Генриха Ляуера, позднее видного деятеля КПП (Брандта). Переночевав в убежище, мы намеревались утром двинуться дальше, но задержались в Гонсеницовой гали еще на сутки и только рано утром следующего дня, обойдя озеро Чарны Став, начали восхождение на Заврат. Дорога была легче, чем в прошлый раз, потому что снега уже не было, синие пятна-указатели отчетливо виднелись, железные скобы, вбитые в гранитные скалы, были обнажены и доступны. Поэтому мы без труда поднялись на перевал. И снова взорам открылся чудесный вид на пять Польских озер. Погода была замечательная, горный воздух чист и упоителен. Мы спустились к озерам. Около них кружилось много птиц. В Юзефе проснулся охотник. Он жалел, что у него не было двустволки. Мы продолжали восхождение. Снова ночлег в убежище в Ростоке и дальше путь к Морскому Оку. Мы немного свернули с дороги, чтобы увидеть водопады Мицкевича. Они очень понравились Юзефу. Очарованный красотами природы, он мыслями оторвался от беспокоивших его партийных дел. Я сознательно не касалась их за все время нашей экскурсии, чтобы дать отдых его мозгу и нервам. К Морскому Оку подошли вечером, когда уже стемнело. Мы ощущали приятную усталость и были голодны. Расположились на отдых в убежище, вскипятили чай на спиртовке, которую взяли с собой, и принялись изучать дальнейший маршрут по карте. Но негостеприимные горы подшутили над нами. Уже когда мы подходили к Морскому Оку, небо нахмурилось, а ночью начался дождь. Погода испортилась. На второй и на третий день лил проливной дождь. О подъеме на высокие и крутые горы Рысы не могло быть и речи. В первый день, несмотря на дождь, мы все же поднялись к озеру Чарны Став. Но Чарны Став был весь окутан туманом. На следующий день мы совершили прогулку в противоположную сторону долины, которую пересекал горный поток. Он так стремительно и бурно катил по каменистому дну горного

ущелья, что воды совсем не было видно — одна сплошная белая пена. Подойдя к потоку, мы увидели большое стадо косуль во главе с крупным самцом. Они, видимо, шли на водопой к потоку. Заметив нас, вожак на секунду остановился, повернул свою красивую голову, украшенную ветвистыми рогами, дал движением головы сигнал об опасности, повернулся и с быстротой молнии умчался. За ним мгновенно понеслось все стадо и исчезло в зарослях.

Мы стояли, очарованные этой волшебной картиной, жалея, что спугнули красивых быстроногих животных.

Вечером мы вместе написали открытку сестре Феликса Альдоне, которой он, занятый работой, давно не писал.

Утром на следующий день шел мелкий дождик, все кругом заволокло таким туманом, что, стоя на берегу прекрасного Морского Ока, совсем не видно было озера. О восхождении на Рысы и дальнейшем пути в горы нечего было и думать, тем более что близился к концу и недельный отпуск Юзефа. Не было другого выхода, как вернуться по шоссе от Морского Ока в Закопанэ. Мы так и сделали. Денег, чтобы нанять лошадей, у нас не было. Поэтому мы пошли пешком. Тридцать километров по шоссе до Закопанэ мы прошагали за 6 часов. Однако идти пришлось все время в таком густом тумане, что стоило только одному из нас отойти в сторону на несколько шагов, как мы уже не видели друг друга. Разумеется, не видели мы и живописных окрестностей у дороги, по которой шли.

Переночевав в каком-то домике на окраине Закопанэ, мы поездом вернулись в Краков.

Дождь и туман несколько испортили нашу вылазку в горы, но, несмотря на это, она доставила нам много радости. Ее можно назвать нашим свадебным путешествием.

Через несколько дней после возвращения в Краков я переехала к Юзефу. Мартин уехал из Кракова на отдых и освободил комнатку, которую он занимал в квартире, где жил Юзеф. Мы с Юзефом перебрались в эту комнатку. Вся наша обстановка состояла из двух железных кроватей и маленького столика у окна.

* * *

После возвращения с Татр Юзеф получил невеселые вести из Варшавы: были арестованы Гемборск и несколько других товарищей, о чем я уже упоминала.

В связи с отъездом Мартина (Тлустый) из Кракова Юзеф запросил Главное Правление, нет ли возражений против того, чтобы я помогала ему в работе. После этого Юзеф поручил мне заграничную администрацию «Млота». Я помогала ему также вести корреспонденцию с Королевством Польским. Кроме того, я продолжала приводить в порядок архив и переписывать рукописи прокламаций и материалов для «Червоного Штандара», отправляемых в набор и печать в Королевство Польское. Как и раньше, Юзеф сам занимался переписыванием и пересылкой этих материалов.

Характерной чертой Юзефа была его строгая конспиративность. Он тщательно соблюдал принцип, что о конспиративных делах должны знать только те лица, которых это непосредственно касается, которым полагается знать это для работы. И даже самый близкий, самый достойный доверия товарищ, если вопрос не касался его работы, не должен был знать об этом. В переписке с товарищами у него был для каждого свой особый ключ для зашифровки наиболее конспиративных текстов и слов, писанных химическим способом. Эти слова он зашифровывал сам. Так, например, в переписке с Вацлавом (Копець) он пользовался ключом «Матка боска ченстоховска» («Ченстоховская божья мать»), а в письмах к Олеку, рабочему Домбровского угольного бассейна, ключом были слова из популярной народной песни «Когда будет солнце и хорошая погода»¹. Поэтому о способах пересылки в Королевство Польское материалов для «Червоного Штандара» или прокламаций знал только тот, кому они были предназначены.

Однажды поздно ночью мы с Юзефом закончили переписывать материал в очередной номер «Червоного Штандара». Затем я увидела, что Юзеф что-то мастерит из куска картона. Не подозревая, что он занят конспиративной работой, я напомнила ему о сне. Юзеф ничего не ответил и продолжал свою работу с картоном.

Чем он тогда был занят, я узнала только в конце ноября 1910 года, когда собиралась уезжать в Королевство Польское для выпуска очередного номера «Червоного Штандара» и когда материалы для этого номера были предназначены мне. Оказалось, что эти материалы Юзеф

¹ С текстами этих ключей я ознакомилась лишь в партийном архиве ИМЛ. — С. Д.

высылал в картонном паспорту, замаскировав их какой-нибудь невинной картинкой.

Такая тщательная конспирация была необходима для того, чтобы избежать ненужных разговоров или провалов и чтобы в случае спровоцированного провала легче можно было раскрыть провокатора.

Время от времени к Юзефу в Краков приезжали руководители местных организаций СДКПиЛ — рабочие из Ченстоховы, из Домбровского угольного бассейна, из разных других городов Королевства Польского. Они всегда останавливались у нас и получали от Юзефа исчерпывающую информацию и подробные инструкции.

Он же расспрашивал их о положении в стране, в партийных организациях, о нуждах партийных организаций и о взглядах товарищей по актуальным вопросам.

Юзеф очень волновался, видя, что Главное Правление недостаточно быстро реагирует на события в Королевстве Польском, мучительно переживал он также отсутствие коллегиальности в работе Главного Правления и свою оторванность от страны и от остальных членов Главного Правления. «Я тут совершенно отрезан от Главного Правления, — писал он 22 октября 1910 года, — и если так будет продолжаться дальше, то нас воронье заклюет, а что касается меня, то я без постоянной связи работать не могу. У нас «всяк молодец на свой образец»¹.

А 24 октября он писал Тышке: «Сегодня получил рукопись воззвания в связи с забастовкой трамвайщиков. После драки кулаками не машут. Новой забастовки во все не предвидится... Теперь нужно... воззвание в связи с забастовочным движением вообще в Варшаве, которое колоссально. В этом воззвании следует упомянуть и подчеркнуть забастовку трамвайщиков, но сейчас, 2—3 недели после этой забастовки, выпускать о них специальную листовку, не упоминая об общей борьбе пролетариата в Варшаве по всему фронту, по-моему, смешно»².

Вскоре после январского пленума ЦК РСДРП 1910 года в России были арестованы три члена ЦК РСДРП — большевики. В связи с этим возникла необходимость созвать русскую часть («коллегии») ЦК и пополнить ее новыми членами путем кооптации. Ликвидаторы, относившиеся отрицательно к возобновлению де-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 456, л. 1.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 457.

тельности ЦК в России, всячески противились созыву заседания и кооптации новых членов.

В. И. Ленин еще 20 июля 1910 года в письме к Тышке требовал от Главного Правления СДКПиЛ послать кроме Ганецкого в Петербург еще одного члена ЦК РСДРП — поляка на 2—3 недели для созыва во что бы то ни стало заседания ЦК только для кооптации новых членов. «Мы просадили *трех* беков после пленума, — писал Ленин. — Больше не можем. Если не выручат поляки, капнут»¹.

Требование Ленина было удовлетворено, и в Петербург выехал тогда Ю. Мархлевский. Но заседание ЦК не состоялось.

В конце октября Юзефу сообщили, что в России готовится созыв заседания ЦК РСДРП. Юзеф был членом ЦК РСДРП, и он обращается в Главное Правление с требованием послать его в Петербург на это заседание. «Если я попадусь, — читаем мы в его письме по этому вопросу (без даты), — то меня сможет и должен заметить Люциан (Эдвард Прухняк)»².

29 октября 1910 года ЦК Бунда обратился в Главное Правление СДКПиЛ с предложением, чтобы руководящие органы Бунда, СДКПиЛ и Латвийской социал-демократии взяли на себя инициативу по созыву первого заседания ЦК РСДРП. 2 ноября Юзеф предложил Главному Правлению СДКПиЛ ответить отказом, потому что заседание ЦК может иметь значение и вообще состояться только в том случае, когда созыв его подготовит русская часть партии, а не «националы»³.

30 октября он делает новую попытку добиться от Главного Правления своей посылки в Петербург на заседание ЦК РСДРП. Он считал это заседание очень важным, так как оно должно было, по его мнению, исправить «организационно-формальные глупости», совершенные январским пленумом ЦК РСДРП⁴.

15 и 17 ноября Юзеф снова возвращается к вопросу о своем выезде в Королевство Польское и о вручении ему одновременно мандата на заседание ЦК РСДРП.

Но члены Главного Правления, считаясь с тем, что Юзефу за один лишь побег с вечного поселения в Сибири угрожает каторга, и принимая во внимание плохое

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 257.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 462.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 467, л. 2.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 462, л. 1—3.

состояние здоровья, противились его посылке на подпольную работу.

Юзеф нервничал все больше и больше. Его сердило и беспокоило, что редакция продолжает запаздывать с присылкой рукописей прокламаций и материалов для «Червоного Штандара», не считаясь с нуждами работы и условиями печатания и распространения в Королевстве Польском.

Юзефа угнетал конфликт, возникший между Малэцким, Ганецким и Ледером, с одной стороны, и Главным Правлением — с другой.

В Бюро Главного Правления в Берлине с октября 1910 года входили Тышка, Мархлевский и Барский. Последний в октябре же был отозван для работы в редакции изданий Главного Правления СДКПиЛ, а его место в Париже как члена редакции центрального органа РСДРП «Социал-Демократ» занял Ледер, входивший до этого в состав Бюро Главного Правления в Берлине. Выход из создавшегося положения Юзеф видел в том, чтобы «удвоить и утроить работу Главного Правления в области организации и агитации». Между тем, по его мнению, тогдашнее Главное Правление, которое состояло из «весьма умных, опытных, старых товарищей», было не на высоте. «Теперешнее Главное Правление, — писал Юзеф 3 декабря 1910 года, — совсем не является Главным Правлением активной партии. Была забастовка трамвайщиков — где было Главное Правление, что оно сделало, как был и есть целый ряд других важных забастовок — что сделало, где было Главное Правление? Продолжается борьба не на жизнь, а на смерть рабочих завода «Вулкан» — что сделало, где было Главное Правление?.. В думе ведется торг о душе польских пролетариев — что сделало, где находится Главное Правление? И так далее, без конца... быть членом так работающего Главного Правления для меня прямо моральная пытка»¹. И Юзеф требует от Главного Правления найти пути, чтобы стать «фактором партии и в партии, а не над партией, учреждением, плетущимся за жизнью и борьбой пролетариата только мысленно, да и то с опозданием».

Юзеф волновался, что Главное Правление продолжает с большим опозданием реагировать на события, про-

¹ Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I, стр. 232—233.

исходящие в Королевстве Польском, и вовремя не обеспечиваются нужды и потребности нелегальных организаций. 5 декабря он пишет Тышке: «Ваша тройка перестает быть Главным Правлением партии. При всей важности «еженедельника» (легального. — С. Д.) и «разного рода» другой работы сводить всю деятельность Главного Правления тогда, когда налицо рабочее движение и когда у нас тысяча задач, непосредственно связанных с жизнью партии, только к «еженедельнику» это ликвидация партии. Я решительно против этого восстаю. К сожалению, я не вижу ничего, что я мог бы здесь делом исправить. Факт остается фактом, что группа литераторов не может быть практически Главным Правлением, если эти литераторы таковы... как наши. Вы должны наконец принять меры, чтобы покончить с этим»¹.

В сентябре или в октябре приехал в Краков и пришел к Юзефу Эдвард Соколовский (Стах) и предложил послать его в Варшаву на подпольную работу. Юзеф знал Соколовского со времен своей работы в Вильно в юности, но колебался дать согласие, зная, что Соколовский сочувствовал меньшевикам. Только после того как Стах обязался не вести в рядах СДКПиЛ никакой агитации в меньшевистском духе, Юзеф согласился.

Но уже спустя месяц положение в Варшаве его беспокоило: один из руководителей партийной работы, Зеленый (Арон Визнер), тяжело заболел, два других, Новицкий (Тадеуш — Францишек Сошинский) и Стах, не справлялись с делом, а Ян (Юзеф Уншлихт) не подавал признаков жизни, не подтверждал получения материалов для № 179 «Червоного Штандара». Юзефу пришлось эти материалы переписать заново и вторично послать в Королевство Польское.

Помню, Юзеф был очень огорчен и обеспокоен письмом Стаха из Варшавы. В этом письме отразились пессимизм последнего, недооценка им чрезвычайно важной и кропотливой повседневной организационной работы по восстановлению разгромленных полицией в период реакции партийных и профсоюзных организаций. Стах же хотел «широкой деятельности» и предлагал, чтобы его послали в Петербург с интерpellяцией от имени польских рабочих к социал-демократической думской фракции.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 513.

В ответ на это письмо Стаха Юзеф так определил цели политики партийных организаций в тот момент: «Это прежде всего восстановление сильной организации, чтобы отвоевать обратно то, что было отобрано у рабочих в области экономической и политической жизни во время господства контрреволюции, чтобы пролетариат опять приобрел силы для выполнения задач 1905 года. С этой целью мы должны теперешнюю деятельность масс развивать возможно дальше, охватить ее организацией (кружки по профессиям, фабрично-заводские организации, профсоюзные и политические и т. д.), придать ей смысл и политическую сознательность. А это возможно путем повседневной организационно-пропагандистской работы, путем издания прокламаций, путем использования думской фракции, легальной и нелегальной печати, путем идеологической борьбы со всеми врагами и буржуазными течениями, путем кампании за присоединение (к Социал-Демократии Польши и Литвы) рабочих из ППС-левицы, путем агитации среди рабочих из «Народовой демократии» и «Христианской демократии» и т. д. и т. п. И при всех этих задачах вы пишете, что нет для вас подходящей работы...»

В этом же письме Юзеф упрекает Стаха в том, что он не написал и не издал прокламаций от имени Варшавского комитета о стачках на заводе «Вулкан», у Ярнушевича и др.

В начале ноября Юзеф составил партийную анкету для членов СДКПиЛ из 25 вопросов и 14 ноября послал ее на утверждение в Главное Правление. Эта анкета содержала вопросы, касавшиеся персональных данных членов партии (время вступления в СДКПиЛ, в профсоюз и т. д.), а также вопросы, выяснявшие мнение членов партии по ряду партийных проблем, например: «имеются ли замечания по партийной литературе и какие? Как смотрит на вопрос партийности профессиональных союзов и на возможность их легализации? Как относится к вопросу объединения с левицей-ППС? Стоит ли за *объединение* со всей левицей-ППС или за *присоединение* рабочих-левищовцев к нам и почему?»¹

Летом 1910 года в рядах рабочих — членов ППС-левицы начало проявляться большое тяготение к организационному объединению с рабочими СДКПиЛ, а осенью

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 486.

в некоторых районах Варшавы и Ченстоховы стали проводиться совместные дискуссионные собрания по данному вопросу. В связи с этим в № 179 «Червоного Штандара» в начале декабря 1910 года была помещена статья «Подлинное или мнимое единство». Но к этому вопросу я вернусь позднее.

В конце 1910 года Юзеф работал над уставом молодежной социал-демократической организации, вносил поправки и написал свои замечания.

В письме 14 ноября к Флориану (Стефан Братман) Юзеф снова поднимает вопрос о своем выезде на подпольную работу, сожалеет при этом, что Флориан не может в данный момент его заменить в Кракове, и спрашивает, нет ли у него подходящего кандидата на эту работу. В крайнем же случае, в связи с тем что нет в Варшаве энергичного человека, который мог бы заняться там изданием «Червоного Штандара» и прокламаций, он предлагает перенести на время печатание этих изданий в Краков. «Так дальше, — писал он, — оставаться без партийного органа в момент, когда он важнее всего, нельзя, и я не согласен...»¹

19 ноября Юзеф пишет Тышке: «...я лично абсолютно не в состоянии работать в такой атмосфере «осадного положения» Главного Правления со стороны всех товарищей и вынужден буду уйти из Главного Правления и поехать в страну в качестве рядового члена партии. При настоящей изоляции Главного Правления от всех членов партии польза от его работы минимальна»²

Через несколько дней Юзеф упрекает Главное Правление в том, что оно недостаточно информирует его о своей работе и об очередных задачах СДКПиЛ и РСДРП.

«...Я узнаю случайно, — писал Юзеф Тышке с возмущением, — что Заграничное Бюро ЦК РСДРП наложило арест на пособие для журнала думской фракции, требуя ввести в редакцию Потресова (ликвидатора. — С. Д.)».

Юзеф спрашивает, как Главное Правление намерено реагировать на нападки «фрактов» на «Млот». Он упрекает Тышку в том, что он не выполняет своих обязанностей по отношению к товарищам из Главного Правления.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 487.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 494.

Юзеф требует, чтобы ему присылали письма Эдзислава (Ледера), который представлял в то время СДЖПиЛ в ЦО РСДРП — «Социал-Демократ» в Париже, а его, Юзефа, письма пересылали Эдзиславу¹.

Через некоторое время Юзеф писал Главному Правлению, что, учитывая существующее положение в партии, его пребывание за границей дальше невозможно. Он считает, что непосредственный контакт с партийными организациями в стране должно держать бюро Главного Правления, находящееся в Берлине и состоящее из трех человек, имеющих вдобавок платного работника для помощи. В Кракове же, по мнению Юзефа, следует работу свести к экспедиции партийных изданий, сохранению архива, а вопрос личного представительства Главного Правления в Кракове можно бы поручить Жултому (Гебартовскому). Если бы в Кракове было необходимо совмещать представительство Главного Правления с выполнением технических функций, то следовало бы поставить на место Юзефа Прухняка. Сам же Юзеф в который раз уже ставит вопрос о своем выезде на подпольную работу в Королевство Польское и в Петербург в качестве члена ЦК РСДРП, избранного на V съезде РСДРП в 1907 году в Лондоне. Юзеф протестует против посылки в Петербург на заседание ЦК РСДРП Ганецкого. Он добавляет, что оставаться дольше за границей для него равносильно «самоубийству», ибо он слишком много растрчивает нервных сил при слишком малой пользе для партии².

Мой отъезд в Варшаву и третий арест

Еще 23 июля 1910 года вскоре после ареста Ежи (Вицек — Данпель Эльбаум, в Советском Союзе — Битнер) Феликс писал Тышке, что после общепольской партийной конференции, назначенной на август, нужно будет кого-нибудь из Кракова (например, Богдану) послать в Варшаву для издания «Червоного Штандара» и воззваний. 9 августа Феликс снова писал Тышке: «На будущее у меня такой план, если в Варшаве не будет никого и если у Богданы будет время, как сейчас, то посылать ее

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 514.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 515, л. 1.

отсюда в Варшаву с материалами «Штандара», чтобы она все организовала и сделала». И Феликс дает дальше мне такую характеристику: «Она очень пунктуальна и охотно выполняет всякую работу»¹. Эти похвальные слова из уст такого человека, как наш Юзеф, для меня всегда были наказом служить до последнего дыхания святому делу — делу коммунизма.

Около середины августа Феликс сказал мне об этом плане, с которым я охотно согласилась. Однако в связи с тем, что 1 ноября кончался срок моей высылки за границу, Феликс признал целесообразным послать меня в Королевство Польское только по истечении этого срока, когда я смогу ехать легально.

Сначала Юзеф, как я уже упоминала, намеревался послать меня в Варшаву на короткий срок с материалами для издания «Червоного Штандара», но пришел к выводу, что это непрактично и невозможно, так как в Варшаве не было «никого, кто хотел бы и мог бы заняться подыскиванием адресов, корректурой, связью с типографией и т. д. А судя по положению дел в стране и в связи с решением Главного Правления (две прокламации в неделю) работы в области печати будет много и придется об этом *постоянно* заботиться»².

Я выехала в Варшаву 28 ноября на два, максимум на три месяца, пока не найдется кто-нибудь вместо меня. Но оправдалась поговорка «человек стреляет — бог пули носит».

Юзеф проводил меня на вокзал, и мы расстались не на короткий срок, а... на восемь лет. Через месяц после приезда в Варшаву меня арестовали, а во время моего побега из Сибири, 14 сентября 1912 года, Юзеф был заключен в тюрьму и приговорен к каторге, из которой его освободила лишь Февральская революция 1917 года.

Перед моим отъездом из Кракова мы договорились с Юзефом о ключе для наиболее секретных зашифрованных мест в партийных письмах. Партийные письма писались химическим способом (обычно лимонной кислотой) между строчками обыкновенного письма или же в конце его. Юзеф спросил меня, какой ключ я предлагаю. Он это сделал сознательно, считая, что если я предложу ключ, то лучше его запомню. Записывать его я не имела

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 404.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 499, л. 1.

права. Сам он, живя за пределами России, в Кракове, мог хранить у себя ключи для переписки со многими товарищами. У меня под руками оказался сборник поэзии А. Ланге, и я предложила слова из одного стихотворения — «Души человечьи вечно одиноки». Ключ этот, записанный рукой Юзефа, находится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве среди документов Феликса Эдмундовича.

Перед моим отъездом из Кракова Юзеф сказал мне также, что материалы для «Червоного Штандара», написанные его рукой на маленьких листках почтовой бумаги точно определенного формата, будут вложены под какую-нибудь картинку, вклеенную в картонное паспарту. Картинка эта вместе с картонной рамкой будет вложена в конверт и выслана по указанному мной адресу.

По совету Юзефа на время пребывания в Варшаве я сменила свою партийную кличку Богданы на Ванду в честь Ванды Краль, проложившей мне путь в СДКПиЛ.

Приехав в Варшаву, я поселилась у своих родителей. Через Яна (Юзефа Уншлихта), адрес которого знал Юзеф и дал мне¹, я связалась с членами недавно организованного временного Варшавского комитета. Самым дельным и самым энергичным из них был Зеленый (Арон Визнер), который незадолго до моего приезда простудился на митинге рабочих завода «Вулкан», где руководил забастовкой. Он тяжело заболел и находился в больнице.

Второй — Стах (Эдвард Соколовский), интеллигент, человек очень трудолюбивый, делал все, что мог, но был слабым организатором и пессимистически настроен. Стах руководил Повонзковским районом, очень оживленным. Он возглавлял партийную комиссию, задачей которой было восстановить профессиональные союзы кожевников и деревообделочников, и руководил пропагандистским кружком железнодорожников на Праге.

Новицкий (Тадеуш — Францишек Сошипский) за несколько недель до моего приезда прибыл в Варшаву из Лодзи. Это был старый член партии, рабочий, несколько флегматичный и медлительный, но опытный и добросовестный. Он руководил районом Праги и обслуживал Дольный, Мокотовский и Вольский районы, организова-

¹ Уншлихт жил в то время на Кошиковой улице, в доме № 35.

вал забастовки, вел счета временного Варшавского комитета.

Им помогал Сергиуш (Шатковский), но его уже заметили шпики, и стоял вопрос об отстранении его от работы, а также гимназист Стефан, который, однако, не пользовался достаточным доверием.

Был в Варшаве также известный партийный литератор Тадеуш Радванский. Но он был занят работой в редакции легального партийного органа и, чтобы не подвергать опасности это издание, в тот период не мог участвовать в нелегальной партийной работе.

В середине декабря я узнала о приезде в Варшаву из Швейцарии Марыси (Стефании Пшедецкой), которую знала со времен революции 1905—1907 годов. Я отыскала ее и привлекла к участию в работе.

Осенью 1910 года значительно оживилось стачечное движение в Варшаве: после забастовки трамвайщиков, рабочих завода «Вулкан», Ярнушкевича во второй половине ноября забастовали рабочие паровых мельниц. Эта забастовка кончилась победой рабочих. Я застала еще забастовку на «Вулкане», которая началась в конце октября или в начале ноября и продолжалась долго, но из-за упорства фабрикантов и отсутствия профессионального союза и фонда пособий для бастующих закончилась в начале декабря только частичной победой рабочих.

Согласно директиве Юзефа после приезда в Варшаву я занялась прежде всего подыскиванием адресов для партийных писем из Кракова, а также для материалов к «Червоному Штандару», присылаемых из-за границы. Я нашла несколько таких адресов, в том числе у знакомых мне по 1905—1907 годам сестер Аникштейн из Мокотовского района. Во время реакции они отошли от революционного движения, но теперь согласились предоставить свой адрес для партийной переписки. Нашла я старого члена партии Тодзю, жену Эдварда Прухняка, которая охотно дала свой адрес для партийной переписки.

Для материалов «Червоного Штандара» я также получила совершенно «чистый» адрес Францишки Гutowской, с которой в 1909 году познакомилась в тюрьме. Порвав (под влиянием моей агитации) с Национальным рабочим союзом, членом которого она раньше была, Францишка до самого моего приезда не имела никакой связи с СДКПпЛ и никаких услуг ей не оказывала. Она меня встретила радостно и очень охотно согласилась

предоставить свой адрес. Я принесла ей последние номера «Червоного Штандара» и программную брошюру СДКПиЛ «Чего мы хотим?».

Мне удалось заполучить еще несколько адресов, но уже не помню чьих. Один из них, кажется, у рабочего завода «Вулкан» члена СДКПиЛ Blondина (Станислав Моравский). Вскоре я начала получать на эти адреса партийные письма от Юзефа. Частные письма Юзеф писал мне из осторожности не по моему адресу, а на имя моего отца на адрес типографии «С. Оргельбранда сыновей», в которой отец работал счетоводом.

Вскоре на адрес Франки Гутовской поступили от Юзефа рукописи листовок «Социал-демократия и церковь» и «Об оживлении в промышленности и о стачечном движении». Написаны они были химическим способом. Я проявила их над огнем лампы, четко переписала, исправила ошибки, которые вкрались в итоге химического способа писания, и отнесла в типографию Левицкого на улице Новы-Свят для набора. Это была частная типография, легальная, но в ней за большие деньги печатались наши нелегальные издания. В этой типографии у нас было несколько рабочих, в том числе наборщиков, социал-демократов. За напечатание этих листовок Левицкий потребовал 90 рублей, что по тем временам и по финансовым возможностям партии было суммой баснословной.

Отправив рукописи листовок, Юзеф прислал мне и точные указания, как понимать знаки, которыми он в рукописи отметил слова и предложения для выделения курсивом или жирным шрифтом. Поскольку в рукописи, писанной химическим способом, он не мог подчеркивать этих мест согласно принятым типографским правилам, так как он не видел написанных слов, поэтому он ставил до и после них соответственно один или два крестика. Юзеф указал мне и тираж листовок, а также количество для посылки в Домбровский бассейн и Ченстохову (по 1000 экз.) и в Лодзь (2000 экз.). За корректурными оттисками я ходила в типографию. Читать гранки в квартире отца я не могла: у меня не было там своего угла и это привлекло бы внимание домашних. Поэтому я делала корректуру у товарища Густава (Францишек Трускер, в КПП — Фидлер) на Варецкой улице недалеко от типографии.

Листовка «Социал-демократия и церковь» вызвала среди членов партии недовольство. Юзеф сообщил об этом

23—24 декабря Тышке, добавив, что и ему она не нравится, так как в ней «слишком много приспособленчества к вере народа и она лишь формально соответствует нашей точке зрения, что религия является частным делом».

Помню, что у нас были большие трудности с партийной техникой. Ведал партийной техникой Гвидон. Но появились серьезные подозрения в том, что он провокатор. Нужно было поэтому избавиться от него и изолировать его от партийных организаций. Готовые листовки взял из типографии и разослал в местные партийные организации временно привлеченный к этой работе товарищ, который, однако, для постоянного занятия партийной техникой не подходил. Мы подыскивали новую кандидатуру, но пока безрезультатно.

Еще в конце ноября пришло сообщение, что в России готовится легальный съезд врачей. В связи с этим Стах (Соколовский), отвечая, по-видимому, на вопрос Юзефа, есть ли возможность использовать этот легальный съезд, сообщал ему, что на съезд из Королевства Польского сможет послать своего делегата только Общество гигиены и что наши варшавские товарищи изыскивают возможность послать врача, сочувствующего СДКПпЛ. Варшавские товарищи намеревались обратиться к властям за разрешением провести легальное публичное собрание по вопросу о кустарном промысле, широко распространенном в Варшаве и других городах Королевства. Это собрание могло бы принять резолюцию СДКПпЛ для вынесения на съезд врачей. В связи с этим Юзеф обратился в берлинскую партийную редакцию с предложением подготовить проект резолюции СДКПпЛ для съезда врачей. Юзеф предложил также, чтобы к этой легальной работе привлекли Людвика Кшивицкого.

Во второй половине декабря выяснилось, что съезд врачей должен состояться лишь в апреле 1911 года. Мы получили одновременно программу съезда и разные указания об условиях посылки делегатов. Готовясь к съезду врачей, мы занялись организацией ряда лекций в Варшаве.

В начале декабря в Варшаве вышел № 179 «Червоного Штандара», в котором была напечатана статья «Подлинное или мнимое единство». Это была реакция «Червоного Штандара» на широко распространенное среди рабочих ППС-левицы стремление к единству с рабочими СДКПпЛ, о чем я уже упоминала выше. Статья эта

призывала рабочих отдельных организаций ППС-левицы группами вступать в соответствующие организации СДКПиЛ, причем гарантировала им пропорциональное представительство в соответствующих партийных комитетах. Эта статья вызвала большое недовольство среди членов СДКПиЛ, частично обоснованное, частично же отражавшее сектантские настроения в партии. 13 декабря Люциан (Прухняк) писал Юзефу из Лодзи о недовольстве членстоховских товарищей этой статьей. Люциан от себя добавил, что ему статья в общем нравится, но на какие-то там «представительства левицовцев» он согласиться не может, это противоречило бы как содержанию статьи в целом, так и решениям Августовской (1910 года) общепольской конференции.

Новицкий, Стах и я также были недовольны предложением пропорционального «представительства» левицовцев, выдвинутым в № 179 «Червоного Штандара».

19 декабря, сообщая Юзефу о нашем недовольстве статьей «Подлинное или мнимое единство», я мотивировала его следующим образом: в статье «левицу обвиняют в стремлении к мнимому единству, в желании сохранить организационную самостоятельность, а в конце статьи пропагандируется как раз это же. Неужели левицовцы, которые войдут в нашу партию как эсдеки, будут нуждаться в особом представительстве? Неужели у этих рабочих, а ведь мы обращаемся к ним, имеются какие-то особые интересы, которые пужно представлять? Разве их не удовлетворит то, что удовлетворяет наших товарищей — принцип демократизма при выборах в любые партийные инстанции? Это совершенно новая идея, которая до сих пор никогда не высказывалась ни на съезде, ни на партийной конференции, но, главное, она *противоречит* существующей до сих пор нашей точке зрения».

Люциан в упомянутом уже мной письме Юзефу от 13 декабря высказал пожелание, чтобы кто-нибудь выступил в «Червоном Штандаре» с критикой статьи из № 179.

18 декабря в своем ответе Люциану Юзеф писал: «Что касается предоставления левице представительства, то, разумеется, это только мнение редакции «Червоного Штандара»... подлежащее дискуссии. Я думаю, что это указание не следует принимать как конкретный план при объединении, поскольку практически этот план не выдерживает критики, но понимать это надо лишь как проявление того, что мы не хотим механически использовать

свое численное превосходство, если они без оговорок примут нашу программу, это надо понимать лишь как переходную форму... Я думаю, что выразить это можно было бы иначе, чем это сделал № 179. Во всяком случае вопрос открыт для дискуссии, и в своих отчетах о работе кружков и т. д. вы должны отразить свое особое мнение по этому вопросу»¹.

20 декабря Юзеф в письмах Люциану еще раз возвращается к вопросу о статье в № 179 «Червоного Штандара», подчеркивая, что «желательно отразить мнение широких партийных кругов по этому вопросу». Юзеф также добавляет, что, по его мнению, не следует слишком подчеркивать разногласия по поводу предложения о представительстве присоединяющихся к СДКПиЛ левицовцев в районах, что это — неудачное выражение правильной мысли, что мы не хотим их подавлять своим количественным превосходством и что это лишь кратковременная переходная форма.

Пересылая Тышке копию письма Люциана по поводу статьи «Подлинное или мнимое единство», Юзеф приложил к нему следующие свои замечания: «Голос Люциана по этому вопросу не одинок, я отовсюду слышу от товарищей критику этой идеи, которая практически никогда не сможет быть осуществлена, а в основном туманна и может рассматриваться лишь как переходная форма, как выражение того, что мы не хотим присоединяющихся к нам левицовцев механически численно подавлять».

При переписывании (материалов для «Червоного Штандара». — С. Д.) я прозевал это место. Я думаю, что в будущем редакция «Червоного Штандара», давая такого рода указания, должна предварительно обращаться в Главное Правление».

За несколько дней до рождества в Варшаву приехал Люциан. На Твардой улице, не помню в чьей квартире, я встретилась с ним. Были там также Уншлихт и Ганецкий, которые предложили активистам Варшавы обратиться с протестом в Главное Правление по вопросу статьи «Подлинное или мнимое единство».

В связи с приездом Люциана, выполнявшего в то время партийную работу в Королевстве Польском от имени Главного Правления и объезжавшего по очереди местные партийные организации, на 27 декабря было назна-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 297.

чено узкое партийное собрание по организационным вопросам. Уншлихт и Ганецкий, зная об этом собрании, предложили обсудить на нем также вопрос о статье «Подлинное или мнимое единство».

* * *

27 декабря 1910 года, на третий день рождества, мы с утра собрались в районе Воли в доме для рабочих предприятий Вавельберга на Гурчевской улице, 11, в квартире 99.

Сворачивая с Вольской улицы в переулок, который вел на Гурчевскую улицу, я заметила на углу какую-то подозрительную фигуру, которая прохаживалась по этому переулку. Но на Гурчевской улице было «чисто».

В условленной квартире был уже Люциан и, кажется, Тадеуш, но остальных товарищей еще не было. Я сказала Люциану о фигуре на Вольской улице, которая меня обеспокоила. Ни он, ни Тадеуш этой фигуры не заметили. Не видели ее также ни Стах, ни Марыся, которые вскоре пришли. Решили поэтому не расходиться и провести собрание.

В доме на ул. Гурчевской жило несколько социал-демократов, поэтому наши собрания часто проводились у кого-нибудь из них. Хозяин квартиры, в которой мы собрались, велел своему сынишке стоять на улице и сообщить нам, если увидит полицию.

Когда собрались все пять человек, которые должны были явиться, мы открыли собрание. На повестке дня стояли организационные вопросы о перераспределении работы в связи с возвращением в Варшаву Марыси, приступившей к партийной работе, вопрос о замене Сергиуша, о подыскании постоянного работника для партийной техники и т. д. Марысе поручили один из варшавских районов, который до тех пор обслуживался лишь от случая к случаю Новицким (Сошинским).

После решения организационных вопросов мы собрались перейти к обсуждению вопроса о статье «Подлинное или мнимое единство». Но до обсуждения этого вопроса дело не дошло. Когда мы заканчивали решение организационных вопросов, в комнату вбежал сынишка хозяев с криком: «Полиция!» Мы немедленно начали очищать свои карманы, рвать на мелкие части и класть в рот бумажки с конспиративными записями, чтобы их прогло-

тить. Уйти никому не удалось, так как через минуту ворвались полиция и шпикки, заорав: «Руки вверх!» Начался личный обыск. Марысю и меня обыскала дворничиха, которую для этого вызвала полиция. У меня отняли паспорт и бывший при мне ключ от квартиры отца. Ни у кого из нас ничего серьезного не обнаружили. Но меня очень беспокоило, что взяли мой паспорт с последней пропиской у отца на Вспульной улице, 39, а также ключ от этой квартиры. Правда, ничего нелегального в квартире отца у меня не хранилось, но я со дня на день ожидала поступления из Кракова на адрес Франки Гутовской материала для № 180 «Червоного Штапдара», который должен был прийти еще до рождества. В голове возникла страшная мысль, что эти материалы могли прийти накануне вечером. 26 декабря после полудня я заходила за ними к Франке, но их еще не было. Они могли поступить и сегодня, 27 декабря, утром, и Франка могла их принести ко мне на квартиру. Несколько успокоила меня мысль, что материалы эти пересылались в паспарту под какой-нибудь картинкой и что Франка строго предупреждена мной, чтобы сразу же после получения пакета уничтожила конверт со своим адресом и ни в коем случае не выходила с ним на улицу. Однако сам факт моего ареста и мысль, что никто не сможет получить материалы и сдать их в типографию для печати, были немалым ударом. Мое положение усугубляло еще и то обстоятельство, что я уже несколько месяцев была беременна.

С улицы Гурчевской под усиленным конвоем нас отвели на Театральную площадь в охранку, помещавшуюся в здании Ратуши. Поздно вечером после многих мучительных часов ожидания, во время которых, как оказалось, был произведен обыск в квартире моего отца и, вероятно, в квартирах остальных товарищей, меня вызвали на допрос.

Были ли уже допрошены другие товарищи, я не знала, нас сразу же разделили, чтобы мы не могли договориться о даче показаний.

Меня допрашивал жандармский ротмистр в присутствии двух жандармских офицеров. После того как мне был задан ряд вопросов, касавшихся персональных данных (имя, фамилия, возраст и т. д.), ротмистр открыл ящик стола, вынул оттуда и положил передо мной... странички, написанные хорошо знакомым и дорогим мне мелким почерком Юзефа. Это была рукопись материалов для

№ 180 «Червоного Штандара». Рядом лежало паспарту с мадонной Рафаэля и конверт с адресом Францишки Гуртовской.

Я мгновенно поняла всю глубину свершившейся катастрофы и ужас создавшегося положения.

Все три жандарма хищно впилась в меня жадными глазами. Не желая доставлять им удовольствия, чтобы они увидели меня ошеломленной этим «вещественным доказательством», я тут же овладела собой и, не ожидая их вопросов, совершенно спокойно сказала, что эти рукописи предназначены мне. Нужно было снять ответственность за них с Франки. Поэтому я добавила, что адресат понятия не имел о содержании конверта.

Я не знала еще, при каких обстоятельствах материалы для «Червоного Штандара» попали в лапы жандармов. Как потом оказалось, жандармы не поверили моим словам о полной невиновности Франки, о том, что я скрыла от нее содержание пакета, который должен был прийти на ее адрес для меня.

Они начали задавать мне вопросы, касавшиеся моего присутствия в квартире на ул. Гурчевской. Я придумала тут же какую-то вымышленную версию. Жандармы спросили меня, кто прислал мне рукописи из Кракова. Желая отвлечь их внимание от Юзефа и его почерка на рукописях, я назвала первую попавшуюся вымышленную фамилию.

На вопрос, кому я должна была вручить эти рукописи, где они должны печататься, я, разумеется, отказалась отвечать.

Много лет спустя, работая в ИМЛ над архивами Ф. Э. Дзержинского, я узнала из его письма Тышке от 13—14 февраля 1911 года, что к рукописи было приложено письмо с указаниями относительно печатания этих материалов. Письмо предназначалось мне, но по конспиративным соображениям Юзеф обращался ко мне как к мужчине, а не как к женщине. Так тщательно обдумал Феликс каждую деталь, чтобы в случае провала уменьшить ответственность получательницы этих материалов! Письмо должно было стать доказательством, что рукописи предназначались не мне. Я об этом не знала. Письмо с указаниями Юзефа жандармы мне не показали, и использовать его для своей защиты я не смогла. А Феликс, как это видно из его письма от 13—14 февраля, рассчитывал на то, что приложенное к материалам письмо спа-

сет меня и что меня вскоре удастся освободить под залог до суда. Он тогда еще не знал, что я сказала жандармам: «Это для меня». Узнал он об этом позднее из моего обвинительного заключения.

После окончания допроса меня увели обратно в комнату, в которой я находилась раньше. Тут я нашла в совершенно подавленном состоянии Франку Гутовскую, с которой только сейчас, после ее и моего допроса, мне разрешили встретиться. Теперь со слов Франки я узнала о том, где и как она попала и как из-за неопытности и невыполнения данных ей мною указаний она провалила с ущербом для дела партии и на свою и мою беду материалы к «Червоному Штандару». Дело произошло так: 27 декабря утром материалы к «Червоному Штандару» поступили на адрес Франки Гутовской. Вместо того чтобы немедленно разорвать и сжечь конверт со своим адресом и отнести мне только паспарту с репродукцией мадонны Рафаэля, под которой находились рукописи, она принесла на квартиру моего отца весь пакет с конвертом. Мало того. Вместо того чтобы оставить паспарту с материалами для меня и немедленно уйти, о чем я тоже ей давала указания, она села в столовой за стол и начала писать мне письмо, спрашивая в нем о вещах, которых не поняла в данной ей мною нелегальной брошюре «Чего мы хотим». В это время жандармы, пользуясь ключом, взятым у меня во время обыска, без шума открыли входные двери и вошли в квартиру. Это было в 3 часа пополудни. Из маленькой прихожей двери направо вели в кухню, где была моя мачеха, а двери прямо — в столовую. Другого выхода из квартиры не было.

Франка растерялась: она схватила нераспечатанный конверт, открыла дверь в кухню и бросила через порог конверт со всем содержимым моей мачехе, по-видимому надеясь, что та бросит его в огонь. Но конверт с паспарту упал на пол. Жандармы заметили движение Франки, схватили конверт, разорвали его, вынули паспарту и вытащили из него рукописи. Франку, конечно, арестовали.

В квартире отца сделали обыск. Нашли только квитанции на имя Богданы в получении небольшой суммы денег для партии (партийные взносы). Квитанции эти были мне выданы в Кракове казначеем секции.

Не знаю, каким образом эти квитанции оказались в моих вещах в Варшаве.

После обыска в квартире отца оставили засаду на двое суток. По четыре — шесть жандармов дежурили там попеременно без перерыва день и ночь.

Об этом написал Феликсу мой отец 29 декабря после снятия засады, сообщив о моем аресте.

Во время следствия Франка держалась очень хорошо. Она отрицала, что конверт с паспорту должна была отдать мне.

Поздно вечером нас всех в тюремной карете, окруженной конной полпцией, отвезли в тюрьму на Спокойную улицу.

На следующий день в камеру, где вместе с другими заключенными женщинами сидели мы с Марысей (Пшедецкая) и Франкой, посадили Тодзю (Теодору Прухняк), которую арестовали дома в ночь с 27 на 28 декабря, после чего оставили у нее засаду.

В этой тюрьме у меня было неожиданное 10-минутное свидание с отцом через две решетки. Он добился его у начальника тюрьмы.

Одновременно свидания имели 7—8 заключенных, и стоял такой крик и шум, что трудно было разговаривать.

Через несколько дней вечером 31 декабря Люциана, Стаха, Новицкого (Тадеуша), Марысю и меня перевезли в тюремной карете в X павильон Варшавской цитадели, а Франку Гутовскую — в следственную женскую тюрьму «Сербия» на Дзельную улицу. Тодзя осталась в тюрьме на Спокойной улице.

В X павильоне Варшавской цитадели

В X павильоне нам пришлось распрощаться, так как всех нас поместили в одиночки на разных этажах, и за все время пребывания в X павильоне я ни разу в окно не видела на прогулке никого из арестованных вместе со мной товарищей.

Новый, 1911 год я встретила в полном одиночестве. Второй раз Новый год встречала я в тюрьме. Меня мучили тяжелые мысли о провале материалов для «Червоного Штабдара», о Юзефе, о моем бедном отце, которому я снова причинила огорчение, о моем будущем ребенке, которого царские власти обрекали на такие ненормальные условия развития.

Меня поместили в камеру № 14 на втором этаже. Камера была довольно просторная, солнечная. Стены и потолок — белые с грязными пятнами. (Стены до потолка покрашены в черный цвет масляной краской.) Цементный серый пол — грязный. Большое окно без жестяного заслона, но с решеткой и с рифлеными стеклами, сквозь которые ничего не было видно, выходило на южную сторону. Только на самом верху форточка была из обычного стекла. Зато наружная рама форточки была обита такой густой сеткой, что и спички через нее нельзя было просунуть. Это было сделано с той целью, чтобы заключенные не могли пересылать друг другу через форточки записки.

Обстановка камеры состояла из железной кровати с прутьями, на которых лежала доска с соломенным тюфяком, маленького столика у окна, стула и табуретки. На этой табуретке, которая стояла у самой двери напротив окна, можно было (если имелся) держать чайник и кое-какую посуду. Разрешали иметь спиртовку, но не с жидким спиртом.

Двери, ведущие в коридор, были покрашены в желтый цвет и имели «глазок», через который дежурный жандарм часто заглядывал в камеру. Жандарм захлопывал двери со страшным стуком и треском, закрывал на ключ и на большой железный засов. Этот грохот и треск закрываемой двери, пронзительный звон кандалов на ногах заключенных были единственными звуками, раздававшимися в X павильоне. В остальном царил гробовая тишина.

Надзирателями были жандармы, которые впускали и выпускали заключенных в уборную, водили на допросы, на свидания, на 15-минутную прогулку. Обслуживающий персонал в X павильоне также состоял исключительно из мужчин. Солдат «убирал» камеру, вечером приносил, а утром уносил маленькую кухонную керосиновую лампочку, разносил кипяток для чая, хлеб, обед и ужин. Пшца в X павильоне по сравнению с тюрьмой на Спокойной улице и с «Сербией» была значительно лучше. На обед кроме водянистого супа давали две небольшие мясные котлеты. Можно было также за собственные деньги, хранившиеся в канцелярии, выписывать молоко, раз в неделю — чай, сахар и т. д.

С солдатом заключенный не имел права обменяться ни одним словом. За этим следил жандарм, всегда стоявший

в полуоткрытых дверях, когда солдат входил в камеру.

Жандарм не имел права входить в камеру. Запрещенные это объясняли тем, что так безопаснее для жандарма, на которого якобы мог напасть заключенный.

За пределами двери заключенный один не мог сделать ни шага. Куда бы он ни шел, в уборную, на прогулку или в канцелярию, его всегда уводил и приводил жандарм, а сзади шел солдат с винтовкой.

Жандармы тщательно следили за тем, чтобы заключенный не встретил или хотя бы издали не увидел другого заключенного — знакомого или же совершенно незнакомого. Если случалось, что по коридору шел какой-нибудь заключенный, а на другом конце коридора открывали коридорные двери и появлялся возглавляемый жандармом другой заключенный, то жандарм немедленно вталкивал заключенного обратно в дверь и ждал, пока коридор не опустеет и не захлопнутся двери за первым заключенным.

Старались также не допускать, чтобы кто-нибудь из заключенных мог увидеть через сетку форточки другого заключенного на прогулке в садике. Поэтому жандармы не спускали глаз с заключенного. Они следили за ним в «глазок» не только когда он находился в камере, но даже когда он был в уборной. Чтобы выглянуть в форточку, нужно было влезать на железную спинку кровати у изголовья или на подоконник.

На прогулки выводили в маленький садик с одной-единственной дорожкой, по которой можно было пройти шагов 50—60 вперед и столько же назад. На одном конце дорожки стоял жандарм, на другом — солдат с винтовкой, те самые, которые привели заключенного из камеры. Несколько деревьев и маленький клочок земли, засыпанный снегом, узкая дорожка, вверху кусочек неба, а вокруг голые стены X павильона — вот все, что видел заключенный во время прогулки.

В X павильоне была неплохая библиотека, которой заключенные могли пользоваться. Книжки по заказу заключенных приносил жандарм. Поэтому время пребывания в X павильоне я коротала за чтением польской и русской художественной литературы. Мне прислали французско-польский словарь, и для усовершенствования своих знаний французского языка я читала какие-то новеллы Мопассана в оригинале. Взяла я из библиотеки

«Историю Польши» Владислава Смоленского и изучала ее по нескольку часов в день. Для услады жизни читала Мицкевича и повторяла выученные еще в школе «Оду к молодости» и отрывки из «Пана Тадеуша». Выучила я на память и ряд других его чудесных стихотворений, в том числе «Фариса». По моей просьбе отец прислал мне также учебник тригонометрии, и я начала ее изучать.

Письма можно было писать только раз в неделю, и то в присутствии жандарма, который для этого приносил в камеру чернила. Читая книжки, я находила в них разные сведения о заключенных, которые раньше читали эти книги. Чуть заметными точками под соответствующими буквами они отмечали свое имя, фамилию, откуда происходят, в чем обвиняются и по какой статье или к чему приговорены и т. д. В одной из книжек я нашла отмеченные таким образом имя и фамилию, дату, когда сделаны эти заметки, и другие данные о Феликсе Дзержинском.

Рядом со мной в камере направо сидел «фрак» Свирский, обвинявшийся в участии в каких-то террористических актах. Ему за это угрожала смертная казнь, и, чтобы избежать такого приговора, он симулировал сумасшествие. В связи с этим он уже несколько раз был в доме для умалишенных. Свирский первый начал перестукиваться со мной через стену. Я не умела тогда еще объясняться стуком, но знала, что для перестукивания заключенные пользуются тем же алфавитом из 23 букв, который мы употребляли для зашифровки конспиративных мест в письмах. Поэтому я быстро научилась понимать Свирского и отвечать ему. Во время одного из таких перестукиваний Свирский сообщил, что в камере № 14, в которой я тогда сидела, в 1909 году сидел рядом с ним Феликс, и Свирский с восторгом рассказывал мне о том, как он у него многому научился, какой это был хороший товарищ, как заботился о других заключенных, какие хорошие советы давал им, каким боевым и мужественным он был. (Уже после Октябрьской революции я узнала, что царским судом Свирский не был приговорен к смертной казни.)

С левой стороны от меня сидел какой-то заключенный, закованный в кандалы, звон которых я слышала при каждом его движении или шагах. Фамилии его я не знаю, потому что сам он не стучал и не отвечал на мой стук в стену.

Жандармы старательно следили за тем, не перестукиваются ли заключенные, не общаются ли таким путем между собой. Они тихонько подкрадывались к двери (а коридор умышленно был выстлан мягким половиком), заглядывали в камеры через «глазок» и подслушивали. Заключенных, которые много стучали, переводили из камеры в камеру. И меня через несколько недель перевели из камеры № 14 в другую в том же коридоре, но на противоположной его стороне с окном, выходящим на северную сторону, и большой железной печью вместо кафельной. С одной стороны соседа не было или он не отвечал на стук, с другой — не было камеры. Следовательно, в этой камере я была совершенно оторвана от других заключенных. Оставался единственный способ общаться с моим бывшим соседом при помощи тайных записок, которые засовывались куда-нибудь в условленном месте в уборной, в какую-нибудь щель в переплете окна, на печке и т. д. Но этот способ был опасен, потому что каждый раз, после того как жандарм отводил заключенного обратно в камеру, он возвращался в уборную и тщательно обыскивал все места, где могли быть спрятаны записки, и часто их находил.

Из этой второй камеры меня через некоторое время перевели снова в другую камеру рядом с лестницей, которая вела в канцелярию.

Это была, кажется, камера № 4. Рядом со мной в соседней камере сидели вместе два товарища: левицовец Нейман (впоследствии видный член КПП), известный в СССР под псевдонимом Раевский, и «фрак» Ржепецкий, с которым позднее я познакомилась лично на поселении в Сибири. С обоими этими товарищами я перестукивалась через стену.

* * *

Феликс узнал о нашем аресте через несколько дней от Ганецкого, который сразу после этого приехал в Краков. Но Ганецкий знал только, что арестованы мы — я и Марья. Никаких подробностей он не знал. Феликс в письме Тышке от 30 декабря, сообщая об этом, добавлял, что, вероятно, засыпались также Люциан и Стах, потому что иначе они немедленно написали бы об этом аресте. Тышка также был, видимо, уже осведомлен телеграфно Яном (Уинцляхтом) об этом, потому что Феликс просил его сообщить подробности. Феликс добавлял: «В Варшаве

есть провокатор, это несомненно. Все руководители проваливаются, типография — нет, районы — нет».

В том же письме Феликс ставит в известность Главное Правление, что с 1 января 1911 года он начнет ликвидировать свои дела в Кракове, чтобы выехать в Королевство Польское, и предлагает, чтобы в связи с арестом Прухняка экспедицией и другими вопросами партийной техники занялся в Кракове Роман (Подпаляч — Самуил Лазоверт).

В то же время Феликс сообщает Главному Правлению, что Мартин (Винценты Матушевский) выедет из Галиции в Варшаву на следующий день или 1 января. Он выражает, однако, опасение, что в связи с существующей в Варшаве нераскрытой провокацией приезд Мартина принесет мало пользы.

Феликс беспокоится о том, что в Варшаве некому будет издать прокламации Главного Правления к 22 января — годовщине начала первой революции в России, и предлагает отпечатать эту прокламацию заранее в Кракове, а тираж ее переправить через границу¹.

Из письма Феликса в Главное Правление от 31 декабря видно, что, несмотря на трудности и заботы, он работал с обычной своей энергией и готовился к выезду в Королевство Польское.

* * *

Первое свидание в X павильоне я получила только через несколько недель. 28 января пришел мой бедный отец, странно огорченный моим новым арестом. Феликс, естественно, за все время моего пребывания в тюрьме прийти на свидание не мог, он был бы немедленно арестован.

Свидание проходило на первом этаже около канцелярии в особой для этого предназначенной комнате в присутствии жандармского вахмистра. Комната эта была разделена на две части двумя параллельными железными стенками на расстоянии одна от другой не меньше метра. Верхняя половина этих стенок была из густой проволочной сетки. Заключенный стоял по одну сторону железных стоек, а посетитель — по другую. Тут же, рядом с заключенным, за маленьким столиком сидел вахмистр, который прислушивался к каждому слову и, в случае если разговор начинал выходить за рамки семей-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 531.

ных дел, прерывал его. Свидание продолжалось самое большее 15 минут. О Феликсе я не могла спрашивать отца, так как сидела под своей девичьей фамилией, хотя на допросе сказала, что я замужем, но фамилии мужа не назвала.

Со слов отца я узнала, что у него снова из-за моего ареста большие неприятности на работе и дома с мачехой. Это страшно угнетало меня, и всю ночь после этого свидания я не спала. А отец на другой день после свидания самокритично писал Феликсу: «...намучился я, наработался, настрадался... Стремления мои часто бывали мелочные, идиотские. Если бы я сейчас начал жизнь заново, она была бы, конечно, иной. Зоя меня подняла, облагодарила... С тех пор я стал настоящим человеком...»

Хотя и недостаточно сознательный и не знающий учения Маркса и Энгельса, отец мой стал сторонником идеи, за которую боролись мы с Феликсом. Отец принес мне белье и продукты, в том числе шоколад. Увы, у меня не было никакой возможности делиться этими продуктами с товарищами.

За время моего пребывания в X павильоне у меня было еще несколько свиданий с отцом. Каждый раз после них я возвращалась в камеру с тяжелым сердцем.

Посетил меня также адвокат Скоковский, который по просьбе отца занялся моим делом. Он ходатайствовал об освобождении меня под залог, мотивируя тем, что я беременна и что мое пребывание в тюрьме плохо отразится на ребенке. Но жандармам были чужды человеческие чувства, и они отказались до разбора дела отпустить под залог.

Скоковский возбудил также ходатайство о моем переводе из X павильона в «Сербию», где тюремный персонал состоял из женщин. Я не возражала против этого, хотя нахождение в X павильоне считала для себя почетным. Мне хотелось связаться с Франкой Гутовской и договориться о наших дальнейших показаниях.хлопоты Скоковского о моем переводе в женскую тюрьму увенчались успехом, и 20 марта 1911 года я была переведена в «Сербию».

В женской тюрьме «Сербия»

Камер для женщин, обвиняемых в политических «преступлениях», было всего 6 или 7. В них сидело по одной или по две женщины — всего человек 13. Камеры эти по-

мещались на втором этаже с левой стороны коридора. Были они небольшими, полутемными и сырыми. В узкой стене напротив двери высоко наверху было маленькое зарешеченное окошко с одним стеклом, вдобавок закрытое снизу и с боков жестяным заслоном. Через оставшийся наверху небольшой просвет виден был лишь маленький кусочек неба. Окошечки эти выходили в небольшой садик, примыкавший с одной стороны к стене «Сербии», а с других сторон огороженный высокой каменной оградой и глухой стеной соседнего многоэтажного дома. В этот садик выводились на прогулку заключенные. Из камеры этот садик из-за заслона на окне не был виден.

В каждой камере вдоль одной из ее стен были прикреплены две железные рамы, обтянутые серым холстом, служившие койками, а дном сиденьем. Стульев в камере не было, стояла одна табуретка с тазом и кувшином на ней, а рядом ведро для грязной воды. Между железными откидными койками к стене был прикреплен небольшой железный столик с железной полкой под ним. Эта полка была единственным местом, где можно было держать посуду (чайник, кружки, тарелки и т. д.), а также те немногие продукты, которые могли быть у заключенных.

Спали головами к столику, так были сделаны железные откидные койки с приподнятым изголовьем. Это было неприятно, потому что в камере было много мышей, которые ночью добирались до хлеба и других пищевых продуктов, лежавших как раз на высоте голов спящих заключенных, и могли беспрепятственно бегать по нашим головам. С воли нам принесли мышеловку, в которую каждую ночь попадало по несколько мышей.

Камеры «Сербии» целый день были заперты, за исключением одного часа около полудня, когда все заключенные выходили в садик на общую прогулку. Кроме того, камеры открывались по стуку заключенных, когда им нужно было в уборную, или пойти за чистой водой, или же вылить из ведра грязную воду.

Камеры политических заключенных убирали уголовные. Они ежедневно вытирали мокрой тряпкой деревянный некрашенный пол. Особая уголовная заключенная приносила кипяток в огромном медном чайнике и разливала его в наши небольшие чайники.

Дежурили в нашем коридоре по очереди две надзирательницы, сменяясь через сутки. Они открывали и

закрывали камеры, а также железные двери из коридора на лестницу. Они отводили заключенных в канцелярию на допросы и на свидания.

Одна из них, пожилая женщина, была неплохим человеком. С ней у нас не было стычек. Вторая, молодая, была гадьной. Где только могла, она донимала заключенных, шпионила за ними, заглядывая в «глазок» дверей. Часто во время прогулок, чтобы угодить помощнику начальника, как потом выяснилось охраннику, она делала в камерах обыск. Однажды она подсмотрела, что я что-то пишу, и ни с того ни с сего ворвалась в камеру и начала делать обыск в моем присутствии. Я запротестовала, но это не помогло. Она не ограничилась обыском вещей, а пыталась обыскать и меня лично. А я как раз написала небольшое письмо Стефании Семполовской о деле, касавшемся одной из политических заключенных. Стефания Семполовская, как я уже упоминала, всю жизнь заботилась о политических заключенных. В тот же или на следующий день у меня должно было быть свидание, и я рассчитывала, что передам это письмо через моего отца. Написав письмо, я спрятала его у себя на груди. Когда же надзирательница пыталась меня обыскать, я быстро вынула и разорвала его на мельчайшие кусочки. Что я не успела разорвать, сунула в рот и проглотила. Подлая надзирательница, таким образом, ничего не добилась, хотя и подобрала кусочки письма.

Когда меня перевели в «Сербию», там среди политических заключенных находились две социал-демократки. Одной из них была Владислава Гузовская, толковая молодая работница, которая до ареста занималась партийной техникой и неоднократно перевозила по поручению Юзефа нелегальную литературу и оружие через границу. Через несколько месяцев она была приговорена Варшавской судебной палатой к вечному поселению в Сибирь и сослана в Енисейскую губернию. Второй была Францишка Гутовская по моему делу.

Сидели там также три члена так называемой революционной фракции ППС, из них две работницы. Одна — молодая, по фамилии Вальчак, и пожилая, фамилию которой не помню. Третьей была интеллигентка Гликсон. Она обвинялась в участии в каких-то террористических актах и до этого сидела некоторое время в X павильоне. В «Сербии» она, по-видимому за большую взятку, содержалась в особых условиях: ей разрешали в любое время выхо-

дить из камеры и т. д. Ее присудили впоследствии не к повешению, как опасались, и не на каторгу, а (опять же за крупную взятку) к поселению в Сибири.

Кроме того, в это время там сидели Мартынская, не входившая ни в одну определенную партию, отправленная потом в административную ссылку в Сибирь на 3 года; одна анархистка (фамилии ее не помню) с 10-месячным сынишкой, которой грозила каторга, и, наконец, жена адвоката Смяровского, которую через несколько месяцев освободили.

При мне уже посадили в «Сербию» социал-демократку работницу Марию Гржеляк, которая позднее была приговорена к вечному поселению в Сибири, и интеллигентку из ППС-левицы, по фамилии Фрейер; из X павильона привезли социал-демократку Розу Каган.

Свидания в «Сербии» происходили раз в неделю по субботам, так же как и в X павильоне — через две железные сетки, с той только разницей, что стражник прохаживался между сетками и следил за разговором.

Слух у отца был притуплен, и через две сетки он бы ничего не услышал, особенно при одновременном разговоре нескольких человек, как это бывало на свиданиях. Ссылаясь на плохой слух отца и представив врачебное свидетельство, мой адвокат добился для отца разрешения на свидание через одну сетку.

Это было очень важно для меня, потому что давало возможность переписываться с Феликсом без всякой цензуры. За все время своего пребывания в X павильоне я получила от него только две коротенькие открытки, официально посланные через прокуратуру или жандармское управление. Написаны они были поэтому измененным почерком, чтобы жандармы не узнали, кто их автор.

Одна из этих открыток была с видом Гонсеинцовых галей, где мы с Феликсом провели день во время нашего путешествия к Морскому Оку.

Из X павильона и у меня не было никаких возможностей послать Феликсу письмо без жандармской цензуры. Послала я ему поэтому несколько писем официальным путем, написанных в присутствии и под наблюдением жандарма. Адресовала я их не на фамилию Феликса и не на его краковский адрес, а на условленное еще в мою бытность в Кракове вымышленное имя и фамилию Бронислава Карловича по адресу физического факультета

Краковского университета. Письма эти проходили жандармскую цензуру, писать поэтому можно было только о незначительных вещах.

После перевода в «Сербию» и получения свиданий с отцом через одну сетку условия моей переписки с Феликсом изменились к лучшему.

Феликс посылал свои письма на адрес типографии «С. Оргельбрандта сыновья», где работал мой отец, на его фамилию, а отец на свиданиях передавал мне незаметно через дырочку в густой сетке письмо, свернутое в узенькую трубочку. Таким же образом я передавала отцу мои письма для Феликса. Отец отсылал их в Краков на вышеуказанный адрес фиктивного студента Краковского университета Бронислава Карловича.

Но и эти письма приходилось писать осторожно, пользуясь эзоповским языком, ведь и они могли провалиться.

Первое присланное мне таким способом письмо Феликса было датировано 6 апреля 1911 года. В нем Феликс писал мало, мотивируя отсутствием времени, тем, что у него «лихорадочная работа» и он не спал две ночи. Он сообщал мне в этом письме, что в «семье» (т. е. в партии) снова несколько лучше, обрадовал меня вестью, что «вернулся Сэвцио», т. е. что Люциан (Сэвэр), арестованный вместе со мной, освобожден из тюрьмы. Я тогда еще не знала, только позднее мне стало известно, что не только Сэвэр, но и другие арестованные на Гурчевской улице — Тадеуш, Стах, Марыся — были освобождены. Таким образом, в тюрьме остались только мы с Франкой. О причине этого неожиданного освобождения Сэвэра и других я узнала лишь осенью 1912 года в Кракове от Стефана Братмана.

А дело обстояло следующим образом. Тадеуш (Францишек Сошинский), чтобы поскорее выбраться из тюрьмы, обещал жандармам во время следствия служить охранке, передавать ей всякого рода данные о СДКПиЛ и социал-демократах. Чтобы скрыть его измену, жандармерия освободила из тюрьмы кроме него трех других товарищей, у которых во время обыска ничего нелегального не нашли.

Выйдя из тюрьмы, Тадеуш в течение нескольких месяцев, по его словам, давал охранке только общеполитические сведения о СДКПиЛ, ее позиции по разным вопросам, но не провалил никого. Недовольная этим, охранка

начала прижимать его и все настойчивее добиваться от него конкретных данных о людях. Припертый к стене, не желая, как он потом говорил, выдавать товарищей и опасаясь мести со стороны охранки, Тадеуш обратился к руководившему с января 1911 года партийной работой в Варшаве Мартину (Матушевскому). Он признался ему, что дал обещание охранке выдавать товарищей, и просил помочь вырваться из рук охранников, перейти границу и уехать в Краков. Свое позорное обещание служить охранке Тадеуш объяснял исключительно тяжелыми семейными обстоятельствами, сложившимися у него в момент ареста. Действительно, за несколько дней до ареста Тадеуша жена его, которая продавала на улице в киоске газеты, сгорела (по-видимому, от железной печки). После ареста Тадеуша его малолетняя дочка осталась совершенно одна без помощи и надзора. Несчастье, свалившееся на Тадеуша, было действительно велико, но оно все же не могло оправдать его поступка.

Мартин помог Тадеушу уехать в Краков, где он сразу же явился к Юзефу.

Юзеф несколько раз подробно допрашивал Тадеуша и собственноручно записал его показания в маленькой тетрасточке¹, которую уже после ареста Юзефа мне дал прочитать Стефан Братман. Стефан добавил при этом, что Юзеф был того мнения, что Тадеуш рассказал ему всю правду, что он действительно сообщал охранке лишь общеполитические данные о партии и никого не выдал. Юзеф помог также Тадеушу найти за границей работу.

В 1912 или в 1913 году Главное Правление назначило партийный суд по делу Тадеуша в составе Флорпана, меня и, если не ошибаюсь, Законника (Владислава Громковского). Мы несколько раз допрашивали Тадеуша. Для меня остался неясным один момент в его показаниях. Именно: как я уже указывала, на собрании на Гурчевской улице после решения организационных вопросов мы собрались обсудить вопрос о статье «Подлинное или мнимое единство» и определить свое отношение к ней. Но мы этого пункта сразу не включили в повестку дня собрания и еще не успели приступить к его обсуждению, когда явилась полиция.

¹ Тетрасточка с записанными рукой Юзефа показаниями Тадеуша до сих пор не найдена.

Между тем в обвинительном заключении, которое было вручено мне 14 августа 1911 года, сказано, что на собрании на Гурчевской улице мы обсуждали вопрос о статье «Подлинное или мнимое единство», вопрос о присоединении левщовцев к СДКПиЛ. Я ломала голову над тем, откуда охранка могла знать об этих вопросах повестки дня, которые предполагалось обсудить, но которые не обсуждались на собрании. Обвинительный акт явно свидетельствовал о том, что в Варшаве был провокатор. А мог им быть лишь один из участников собрания или кто-нибудь из тех, кто знал, что на предстоящем (состоявшемся на ул. Гурчевской) собрании должен быть обсужден вопрос о статье «Подлинное или мнимое единство». Об освобождении Тадеуша и обстоятельствах, связанных с этим, находясь в тюрьме, я не знала. Я никого конкретно не подозревала, но в том, что был провокатор, не сомневалась. Поэтому в одном из писем Юзефу, переданных отцу на свидании, я химическим способом (лимоном) написала об этом беспокоившем меня вопросе, а также о том, что вопрос о вышеназванной статье должен был обсуждаться на собрании 27 декабря 1910 года.

Участвуя в партийном суде над Тадеушем, я спросила его, давал ли он в охранку жандармам сведения о пункте повестки дня собрания, который должен был быть (но не был) обсужден на Гурчевской улице. Тадеуш дал отрицательный ответ, а когда я вторично задала ему этот же вопрос, он побагровел...

До сих пор не знаю, чем объяснить это. Покраснел ли он потому, что врал, или потому, что чувствовал себя глубоко обиженным моим подозрением, не знаю. Добавлю при этом, что раньше в течение нескольких лет в тяжелых условиях периода реакции я близко была связана по работе с Тадеушем, доверяла ему и очень тяжело переживала, что он так запятнал свое доброе имя профессионального революционера. Партийный суд исключил Тадеуша из партии с правом вновь вступить в партию, когда она станет легальной.

Тышка, узнав о приговоре, заявил, что, по его мнению, наш приговор был слишком суров.

Позднее я слышала, что после возникновения КПП в течение короткого времени ее полулегального существования Тадеуш (Францишек Сошинский) был членом партии и работал в Домбровском угольном бассейне.

24 февраля 1911 года Феликс обратился в Главное Правление с предложением направить его в Королевство Польское для объезда всех местных партийных организаций¹. По-видимому, это предложение не было принято Главным Правлением, так как 14 марта Феликс писал Тышке: «В связи с положением нашей партийной организации в стране, в связи с отсутствием связи Главного Правления с ней, в связи с финансовым положением, в связи с абсолютным отсутствием подходящего занятия для меня за границей еще раз обращаю Ваше внимание на необходимость моего пребывания в стране. Возможность провала была бы незначительная, если бы я соприкасался не с организацией, а лишь с отдельными лицами... При теперешних условиях мое пребывание за границей как партийного функционера теряет всякий *raison d'être*²».

Пребывание мое в Берлине будет бесполезным для партии, поэтому нестерпимым для меня лично и несомненно отрицательно отразится также на товарищах, которые находятся или же приезжают в Краков»³.

24 марта Феликс снова возвращается к вопросу о своем выезде в Королевство Польское и пишет Тышке, что этот выезд для него — «субъективная необходимость»⁴.

В письме из Кракова, которое отец просунул мне через отверстие густой сетки во время свидания, Феликс 13 апреля 1911 года сообщал, что по желанию Варского и Тышки он должен переехать к ним в Берлин, что в Краков уже приехал из Швейцарии Флориан (Стефан Братман), чтобы заменить его по работе. Но обстоятельства сложились так, писал Феликс, что он в этот же день (13 апреля) выезжает ненадолго в Берлин, а потом вернется в Краков, где ему придется остаться на длительное время.

Из этого письма видно, что в начале апреля, после того как Стефан Братман принял у него дела в Кракове, Феликс нелегально приезжал в Варшаву. «За мой неожиданный визит у матушки (т. е. в Варшаве. — С. Д.), —

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 599.

² *Raison d'être* (франц.) — смысл.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 608.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 620, л. 1.

писал он мне конспиративно, — мне здорово влетело (разумеется, от Главного Правления. — С. Д.), придется отказаться от таких поездок. Но ты, Зося моя милая, не сердись на меня за эту вылазку, не правда ли? Тут сидеть тяжело, хотя я признаю, что нужно. Я страстно жажду движения, жизни, хотел бы вырваться из краковской серости...» И он добавляет: «Впрочем, все это глупости, только бы ты была сильной и все перенесла. Порой, когда думаю о тебе и ребенке, несмотря на все и вопреки всему, меня охватывает какая-то волнующая удивительная радость...»

Приехав в начале апреля 1941 года нелегально в Варшаву по партийным делам, Феликс побывал на квартире моего отца, чтобы познакомиться с моей семьей, но по конспиративным соображениям представился не как Феликс Дзержинский, а как брат Феликса. 9 апреля отец был у меня на свидании, рассказал об этом визите и, видимо из разговора со мной, догадался, что был у него не брат Феликса, а он сам. Об этом отец конспиративно (он быстро усвоил правила конспирации) написал Феликсу на следующий день после нашего свидания.

Возвращаясь 9 апреля в Краков и переехав границу, Феликс в письме, написанном в вагоне между станциями Щакова и Тржебня, сообщал Тышке: «А теперь еще относительно моего выезда в страну. Насколько мне удалось осмотреться, я мог бы в Варшаве, встречаясь только с отдельными лицами, сидеть совершенно безопасно с огромной пользой для дела как в области связи Главного Правления со страной, так и в финансовой и организационной областях. Прошу Вас, назначьте день нашего совещания, и я приеду, если... действительно можно надеяться на то, что такое совещание приведет к взаимопониманию. Ибо Ваше упорство и настойчивость в том, чтобы я оставался тут, несмотря на ряд моих веских аргументов, не сулят успешных результатов такого совещания. Своим упорством и ультиматумом¹ Вы только совершаете насилие надо мной, которое ведь лучше совершить в письменном виде, чем устно».

В том же письме Феликс пишет, что ему необходимо выехать в Катовице, чтобы связаться с новым контрабан-

¹ Тышка пригрозил, что выйдет из Главного Правления в случае выезда Феликса в Королевство Польское.

дистом для организации перевозки литературы через границу, а также по вопросу о деньгах для организации побегов товарищей с поселений в Сибири и о деньгах для легального еженедельника¹.

Снова пришлось Феликсу остаться в Кракове, по, как видно из его переписки с Тышкой, он время от времени нелегально приезжал в партийные организации Королевства Польского.

Так, например, в начале июня он был на межрайонной партийной конференции в Ченстохове. Во второй половине июля Феликс снова был нелегально в Королевстве Польском, что видно из его письма от 30 июля из Щаковы (в Галиции), в котором он сообщал Тышке, что уже вернулся².

По-видимому, в середине сентября 1911 года Феликс посетил одну из подпольных партийных организаций в Королевстве, потому что письмо его от 19 сентября моему отцу было написано таким измененным почерком, что скорее всего оно было послано из Польши.

Для непосредственного обсуждения партийных вопросов с Главным Правлением Феликс несколько раз ездил в Берлин. Был он там также в октябре 1911 года.

Не удовлетворяясь кратковременными приездами в страну, Феликс в своем письме от 11 октября 1911 года снова энергично добивается у Тышки, чтобы Главное Правление послало его на постоянную подпольную работу в Королевство Польское: «Не возражайте против этого, — писал он, — ибо я должен либо весь быть в огне и подходящей для меня работе, либо меня свезут... на кладбище. Дело со мной обстоит хуже, чем Вы полагаете, и Ваша политика не пускать меня в страну, лишать меня возможности делать то, что мне приказывает не только *мой* партийный разум, но и все мое существо, кончится тем, что я бесславно погибну для дела. Польза для партии от этого будет невелика. Если же я все-таки буду арестован, тогда мой пример даст Вам силу и право требовать этого (поездки на подпольную работу. — *С. Д.*) и от других и даст Главному Правлению моральную силу, ибо, когда нужно было, оно не побоялось тюрьмы для себя»³.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 635.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 707, л. 1.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 762, л. 2.

Как член ЦК РСДРП, Феликс продолжал живо интересоваться внутрипартийными вопросами российской партии. 13—14 февраля 1911 года Феликс писал Тышке: «Что касается политики Ц[ентрального] О[ргана], то, насколько я разбираюсь в этих вопросах, с этой политикой я согласен, иду даже дальше, ибо я солидарен с политикой Ленина. Позицию мою Вы знаете.

По моему мнению, внутренняя политика партии, начало которой положил и санкционировал пленум (имеется в виду январский пленум ЦК РСДРП 1910 года. — С. Д.) год тому назад, приносит огромный вред...»¹

Как известно, в июне 1911 года (10—17 н. ст.) в Париже состоялось организованное по инициативе В. И. Ленина совещание членов ЦК РСДРП, находившихся в то время за границей. На приглашении явиться на это заседание, разосланном заграничным цекпстам, рядом с подписью Ленина стоит подпись Дзержинского. 14 мая 1911 года Феликс сообщал Тышке: «Что касается письма лондонцев (большевиков. — С. Д.), требующего созвать пленум, то согласие на свою подпись я послал Вам вчера, сразу после получения письма»². В. И. Ленин ставил перед совещанием задачу подготовки созыва общероссийской партийной конференции для окончательного решения вопроса о пребывании меньшевиков и ликвидаторов в партии.

На июньском совещании членов ЦК РСДРП в Париже, в котором от СДКПил участвовали Дзержинский и Тышка, на вопрос В. И. Ленина, необходимо ли исключить голосовцев³ из партии, Юзеф воскликнул: «Это необходимо сделать».

После окончания этого совещания Дзержинский вернулся в Краков, Тышка же, видимо, некоторое время еще оставался в Париже. Юзеф опасался, что Тышка ведет там примиренческую политику по отношению к ликвидаторам. В письме от 23 июня 1911 года Варскому в Берлин, уже после возвращения туда Тышки, он спраши-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 593.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 651.

³ Голосовцы — ликвидаторы, издававшие свой партийный орган «Голос Социал-демократа».

вал: «Что нового привез Леон? Напишите несколько слов. Мое большевистское сердце в тревоге»¹.

Вскоре после июньского совещания цеккистов Феликс упрекал Тышку и Ледера в том, что они не информируют его должным образом о внутрипартийных делах РСДРП. 18 июля он писал (вероятно, Варскому), что не получает абсолютно ни от кого информации о русских делах, и просил переслать это свое письмо Ледеру и Тышке в Париж².

А 17 августа он пишет Тышке с иронией: «Стало быть, мне только казалось, что Вы не информируете нас о русских делах, и жалобы мои свидетельствуют лишь о «несколько кружковом (неужели лишь несколько?) характере организации». Они так смешны, эти Ваши выкрутасы, что не стоит на них вовсе отвечать и нервничать».

Еще в мае 1911 года Феликс решительно высказался против начатой меньшевиками, а в Королевстве Польском — ППС-левицей петиционной кампании³, считая ее ошибочной и вредной. 20 мая в одном из своих писем он писал, что если бы существовало массовое движение и оно вылилось бы в такие формы, то это было бы «печальным явлением»⁴.

В письме Тышке от 17 августа Феликс спрашивает, намеревается ли редакция «Червоного Штандара» ответить Троцкому на его нападки на нас и рекламу для левицы в его статье «Свобода коалиций и петиционная кампания», намеревается ли редакция «поместить в «Червоном Штандаре» статью, критикующую явно ликвидаторское направление последнего номера (228) «Роботника» левицы».

Он обращает внимание Тышки на то, что «Троцкий идентифицирует себя с левицей в вопросе о петиционной кампании», и указывает, что «следует поэтому использовать против него передовицу «Роботника» (№ 228), в которой не так умело спрятаны концы, как у Троцкого»⁵.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 683.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, л. 699, л. 3.

³ «Петиционная кампания» призвала рабочих подписывать петицию в царскую Думу по вопросу свободы собраний, забастовок и т. д. Большевики же разъяснили рабочих, что только свержение царизма даст народу свободу.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 662.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 723.

Дальше Феликс спрашивает Тышку, «будет ли и когда написана наша статья о русских (внутрипартийных) вопросах» и намерено ли Главное Правление что-то предпринимать по вопросу о выборах в IV Думу¹.

В начале ноября 1911 года Феликс выехал в Берлин, а затем в Брюссель по внутрипартийным вопросам РСДРП и на обратном пути заехал на два-три дня в Париж. Об этом свидетельствуют его письма Тышке от 2 ноября 1911 года и моему отцу от 14 ноября.

Феликс продолжал тяготиться своим вынужденным пребыванием за границей. Но все же он оставался там, подчиняясь партийной дисциплине.

7 ноября 1911 года он писал моему отцу по пути в Брюссель: «Из жизни своей я вынес большой оптимизм и спокойствие, несмотря на то что здесь я далеко от поля моей деятельности, далеко от места, где все мои мысли, от места, по которому тоскую и куда постоянно стремлюсь». После поездки в Брюссель Феликс довольно долго — с 15 ноября до второй половины декабря, вплоть до рождества, — находился в Берлине. Это видно по его письмам моему отцу от 14 и 28 ноября, а также 5—6 и 19 декабря 1911 года.

* * *

В декабре 1911 года состоялась Варшавская межрайонная конференция СДКПиЛ, которая положила начало расколу в польской социал-демократии.

По вопросу об отношении СДКПиЛ к РСДРП конференция правильно упрекала Главное Правление в том, что оно ни в партийной печати, ни организационным путем не информирует партийные организации о внутрипартийных вопросах в РСДРП.

Конференция приняла резолюцию, требующую созыва общепольской конференции. По вопросу о профсоюзах конференция высказалась против их легализации.

Варшавский комитет не сообщил заранее Главному Правлению срока созыва межрайонной конференции. В связи с этим конференция проходила без участия представителя Главного Правления, что было нарушением партийного устава. В то же время конференция обвинила Главное Правление в том, что оно не прислало своего отчета.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 723.

Главное Правление расценило созыв этой конференции без участия своего представителя и принятие вышеуказанных резолюций как объявление войны и не утвердило избранного там нового состава Варшавского комитета СДКПиЛ. Но комитет не подчинился решению Главного Правления и продолжал работать.

Дзержинский, как известно, в своих письмах Главному Правлению и его отдельным членам еще в 1910 году значительно резче, чем Варшавская конференция, критиковал и Главное Правление, и редакцию газеты «Червоны Штандар» за отрыв от партийных организаций Королевства Польского, за ошибочную, примиренческую по отношению к ликвидаторам позицию Тышки и Варского на январском пленуме ЦК РСДРП 1910 года и неоднократно высказывал свою солидарность с Лениным. Он упрекал редакцию «Червоного Штандара» и Главное Правление за недостаточно резкую критику ППС-«фрактов» и ППС-левицы, за недостаточную информацию партии и его как члена Главного Правления по внутрипартийным вопросам РСДРП, за полное отсутствие коллегиальности в работе Главного Правления. В письмах Тышке Дзержинский добивался решительного выступления против Троцкого и его венской «Правды». Но, критикуя Главное Правление, он был решительным противником раскола в СДКПиЛ. Он не раз писал, что выйдет из Главного Правления, не желая брать на себя ответственности за такую его деятельность, и уйдет на подпольную работу как рядовой член партии. Но он не выходил из Главного Правления, чтобы не вносить в партию еще большего хаоса.

Он страшно мучился и волновался. Его угнетало внутрипартийное положение в СДКПиЛ. В письмах ко мне, пересылаемых нелегально в тюрьму через отца, Феликс с болью писал о Варшавской декабрьской межрайонной конференции и расколе партии.

Я не одобряла созыва Варшавской межрайонной партийной конференции без ведома Главного Правления и без участия его представителя. Но мне все же казалось, что такая резкая реакция Главного Правления на решения этой конференции и неутверждение избранного там Варшавского комитета неправильны и вызовут дальнейшее обострение взаимоотношений между варшавской партийной организацией и Главным Правлением. Я сообщила Феликсу эту точку зрения в одном из своих писем.

В следующих письмах ко мне Феликс с возмущением писал о поведении Ганецкого, Уншлихта и Мартина (Матушевский). Я отвечала, что не защищаю их, но что и методы борьбы Главного Правления с ними считаю неправильными. Обстановка, сложившаяся в варшавской партийной организации после декабрьской межрайонной конференции 1911 года, побудила Феликса в первой половине января 1912 года поехать в Варшаву. Там после решения самых неотложных партийных вопросов он 12 января, перед возвращением в Краков, побывал на квартире у моего отца. Как видно из письма отца к Феликсу от 21 января того же года, через полчаса после его ухода в квартиру нагрянула полиция. Сделав обыск и арестовав оказавшуюся там сестру моей мачехи Ядвигу Шмурло, а также пришедших позднее вторую ее сестру Августу Рышовскую с дочерью-подростком и нашего товарища Лазоверта, полиция оставила в квартире отца засаду до вечера 14 января. Письма Феликса к отцу и корреспонденцию, поступившую на адрес отца для меня, полиция захватила с собой. Через несколько недель эти письма были возвращены отцу.

Поставленный в известность, по-видимому, Лазовертом об этой облаве, Феликс писал 18 января Главному Правлению: «Провокация в Варшаве несомненна. Представьте себе, что, кажется, на следующий день после моего отъезда из Варшавы на меня была устроена охота. Оставили даже засаду у отца Зоси. Конечно, так легко поймать им меня не удастся...»¹

Несмотря на грозившую ему опасность, Феликс в марте 1912 года совсем переехал в Варшаву на подпольную работу.

В Варшаве Феликс нашел хорошо ему известных старых членов СДКПиЛ. С их помощью он создал параллельную оппозиционной варшавскую партийную организацию и Варшавский комитет, признавшие руководство Главного Правления. Таким образом, в Варшаве образовались две организации СДКПиЛ. Организация, не признававшая Главное Правление, получила название «розламовцев».

Из Варшавы Феликс ездил в Лодзь, Ченстохову, Домбровский угольный бассейн, где руководил партийными конференциями. Занимался он также восстановлением

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 854.

нелегальных социал-демократических профсоюзов. В июле Феликс принимал участие в конференциях социал-демократических профсоюзов мукомольной, кожевенной и металлообрабатывающей промышленности.

Он провел подготовительную работу и организовал выборы делегатов на общепольскую конференцию СДКПиЛ от местных партийных организаций, поддерживавших Главное Правление. Конференция эта состоялась в Берлине 11—17 августа 1912 года. Феликс участвовал в ее работе. После конференции он по очереди объехал партийные организации Домбровского угольного бассейна, Ченстоховы, Лодзи и Варшавы, где руководил межрайонными конференциями.

Во второй половине июня Феликс организовал кампанию протеста против поддержки буржуазным польским Коло III Государственной думы проекта ассигнования 502 млн. руб. на царский военно-морской флот.

В начале сентября 1912 года была распущена III Дума и назначены выборы в IV Думу. Феликс приступил к подготовке партии к участию в избирательной кампании. В Варшаве он лично руководил собраниями партийных организаций Повонзковского и Мокотовского районов, где обсуждалась избирательная платформа СДКПиЛ по вопросу выборов в IV Государственную думу.

Работал Феликс, как обычно, с раннего утра до поздней ночи, совершенно не заботясь о себе. В одном из своих писем в Главное Правление, от 24 июля 1912 года, он писал, что страшно переутомлен и что постоянно недосыпает.

Его напряженная работа продолжалась до 14 сентября 1912 года — до того момента, когда он был в шестой раз арестован в Варшаве в своей комнате в квартире Вакара, бывшего в то время членом СДКПиЛ.

* * *

Раскол между тем охватил и некоторые другие организации СДКПиЛ в Королевстве Польском. Через некоторое время возникло Краевое правление, возглавившее организации «розламовцев». Оно установило организационный контакт с большевистской партией, их представитель присутствовал на Поронинском совещании ЦК РСДРП большевиков в 1913 году, но по всем принципиальным вопросам «розламовцы» продолжали оставаться на ошибочных позициях.

Как известно, В. И. Ленин поддержал организацию «розламовцев», надеясь, что она займет последовательно революционную позицию по отношению к меньшевикам и ликвидаторам. В своей статье «Раскол в польской социал-демократии» от 12(25) января 1913 года Ленин писал об остром противоречии между варшавской организацией и Главным Правлением, проявившемся еще на VI съезде СДКПнЛ в декабре 1908 года. «Конфликт был организационный, но имел большое политическое значение. Периферия требовала возможности влиять на политическую позицию партии, домогалась широкого обсуждения всех ее шагов организациями». В. И. Ленин добавляет, что в последующие годы «в политике партии пошла эра беспринципности и шатаний, например, по вопросу о профессиональных союзах, об отношении к ППС, о тактике ПСД внутри РСДРП»¹.

В этой статье Владимир Ильич подверг резкой критике методы борьбы Главного Правления с оппозицией. В то же время Ленин в предложенной им на «февральском» совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в Кракове (8—14 января 1913 года) резолюции «О национальных с.-д. организациях» и принятой на этом совещании выразил «глубокое сожаление по поводу раскола рядов польской социал-демократии, чрезвычайно ослабляющего борьбу с.-д. рабочих Польши»².

По решению Международного социалистического бюро 16—18 июля 1914 года в Брюсселе состоялось объединенное заседание десяти групп и течений, входящих в РСДРП, а также ППС-левицы. На этом совещании возникло антибольшевистское объединение, получившее название «брюссельский блок».

«Розламовцы», представленные на Брюссельском совещании Ганецким, Малэцким и Долецким, вошли в этот блок, так же как и представительница Главного Правления СДКПнЛ Роза Люксембург.

В связи с этим В. И. Ленин в статье «Польская с.-д. оппозиция на распутье» отметил «переход польской с.-д. оппозиции на Брюссельском совещании к ликвидаторам...» и подчеркнул, что среди польской оппозиции имеются «два течения: одни хотят сместить Тышку и Розу Люксембург, чтобы самим продолжать политику Тышки.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 288.

² «РПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1953, стр. 299.

Это — политика беспринципной дипломатии и «игры» между беками и меками¹, между партией и ее ликвидаторами...

Другое течение за полнейший разрыв с ликвидаторами, с федерализмом, с «игрой» в роли «маятника» между двумя борющимися сторонами; — за искренний и тесный союз с правдистами, с партией.

В Брюсселе первое течение у польских с.-д. победило...»²

Раскол в СДКПиЛ был ликвидирован в ноябре 1916 года.

* * *

В январе 1912 года, как известно, в Чехословакии, в Праге, состоялась созванная по инициативе В. И. Ленина VI Всероссийская конференция РСДРП, сыгравшая величайшую роль в дальнейшем развитии партии большевиков. Конференция эта приняла ряд важных решений, в том числе решение об исключении из РСДРП меньшевиков.

Главное Правление СДКПиЛ, несмотря на то что получило приглашение, не послало своих представителей на конференцию в Прагу, и никто из членов СДКПиЛ не участвовал в ней.

Значительно позднее, уже после Октябрьской революции в России, в беседе со Станиславом Бобинским и другими товарищами — бывшими членами СДКПиЛ Дзержинский самокритично подчеркивал, что величайшей ошибкой Главного Правления СДКПиЛ, а значит, и его лично было то, что после 1910 года, когда В. И. Ленин взял курс на полный и окончательный разрыв с меньшевиками, Главное Правление не поддержало его в этом вопросе целиком и полностью без всяких оговорок, «что наше недостаточно решительное сближение с большевизмом сказалось роковым образом на расколе, что если бы мы пошли с Лениным, то большевики несомненно помогли бы нам быстро ликвидировать раскол и, что самое главное, партия идейно развивалась бы успешнее, не впадая в ту идеологическую слабость, которая была характерной для деятельности обеих частей СДКПиЛ в годы раскола...».

¹ Т. е. большевиками и меньшевиками.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 429.

Позднее, в 1924 году, находясь на отдыхе в Архангельском под Москвой, Дзержинский 18 декабря прислал мне письмо, направленное Польскому бюро агитпропа ЦК ВКП(б), ответственным секретарем которого я тогда была. В этом письме Феликс советовал, чтобы Польское бюро произвело «исторический расчет с политической совестью», с прошлым СДКПиЛ, чтобы изучило все протоколы съездов II, IV (Стокгольмского) и V (Лондонского) РСДРП и выступления членов СДКПиЛ на них, чтобы выяснили, в чем и когда мы, эсдекапеловцы, расходились с большевиками. Дзержинский рекомендовал заняться этим делом членам ВКП(б) — бывшим эсдекапеловцам Станиславу Будзынскому и Бернарду Заксу.

В женской тюрьме «Сербия» (продолжение)

В тюрьме «Сербия» по моей и Франки Гутовской просьбе нас поместили в одну камеру. Я старалась помочь Франке поднять ее теоретический и политический уровень. Мы читали легально изданные в 1905—1907 революционных годах труды Маркса и Энгельса в польском переводе «От утопии к науке», «Наемный труд и капитал», книгу К. Каутского «Экономическое учение К. Маркса», а для отдыха — польскую художественную литературу. Непонятные места в научных трудах я объясняла Франке, а потом задавала вопросы, чтобы проверить, хорошо ли она поняла и усвоила прочитанное.

Во время общей прогулки политических заключенных я обычно проводила беседы на политические темы для нескольких товарищей, интересовавшихся этими вопросами.

Коротали мы время, занимаясь и полезным рукоделием — шили приданое для моего будущего малыша.

Мачеха прислала мне материал для приданого, в том числе и шерсть кремового цвета, из которой под руководством Франки я крючком связала две теплых кофточки. Они оказались спасительными в условиях холодной и сырой камеры.

Питание в «Сербии» было очень плохое и недостаточное. Отец в связи с моим положением добился разрешения приносить мне обеды. Вблизи «Сербии» жил старый член СДКПиЛ Ян Росол. Старичок доставлял некоторым

заключенным в «Павпак» и в «Сербию» обеды из находившегося поблизости дешевого ресторана. Он и меня снабжал обедами, которые, разумеется, мы съедали вместе с Франкой, физически слабой, первой и малокровной.

Примерно в середине мая, как я уже упомянула, привезли в «Серию» из X павильона социал-демократку Розу Каган и поместили ее в камеру рядом с нашей. Вскоре оказалось, что Каган психически больна. Целыми часами и днем и ночью колотила она табуреткой в дверь или пела трагическим голосом душераздирающие песни. Это создавало совершенно невыносимую обстановку.

Мы вызвали начальника тюрьмы и потребовали перевода Каган в психиатрическую лечебницу. Но тюремные власти не торопились, и Каган оставалась в «Сербии» почти до конца июня.

Однажды, когда мы выходили на прогулку, она начала выкрикивать клеветнические обвинения, назвав и мою фамилию, и чуть не столкнула меня с лестницы. Это было 21 июня, а на следующий день меня перевели в тюремный лазарет, помещавшийся одним или двумя этажами выше, где у меня 23 июня рано утром родился сын Ян.

Лазарет состоял из двух или трех палат и ванной комнаты. Меня положили в одну из этих палат, довольно просторную и солнечную комнату с двумя обычными окнами с матовым стеклом хотя и за решетками, но без железных заслонов, как в камерах. Окна выходили на Дзельную улицу. Когда для проветривания палаты их открывали, я видела противоположную сторону улицы и идущих людей. Видела я также небосвод, акацию, маленький садик, ребятшек, играющих во дворе дома напротив.

Ребенок родился преждевременно (восьмимесячным). Был он таким худеньким и слабеньким, что все открыто говорили о том, что он жить не будет. На третий день после рождения у него начались судороги, и я думала, что он умирает.

Только через несколько дней пришел тюремный врач, но, не входя даже в палату и не взглянув на ребенка, бросил: «В тюрьме не место для детей».

Судороги повторились на девятый день. Ребенок был слаб, а помощи — ниоткуда и совета ни от кого. Официальным путем послала я письмо своему отцу, сообщая о болезни Ясика. Не помню точно, через сколько дней после родов неожиданно разрешили мачехе прийти ко

мне в лазарет. Мачеха ужаснулась, увидев худобу младенца. Но ребенок так ей понравился, что она парисовала его нежный профиль. Я уже писала, что мачеха моя была художницей. Рисунок этот послали Феликсу в Краков. К сожалению, он не сохранился.

Мачеха принесла с собой небольшую записку от Феликса, которую она незаметно для караулившей нас надзирательницы передала мне.

Эта записочка Феликса, уже знавшего о состоянии нашего малыша, ободрила меня. Он выражал уверенность, что Яспк, несмотря ни на что, будет жить и вырастет здоровым.

Через несколько дней после моих родов в палату привели роженицу — уголовную, убившую свою пяти- или семилетнюю дочь и приговоренную за это к 12 годам каторги. В течение двух дней она беспрерывно шагала взад и вперед по палате и, загадывая, сопровождала каждый свой шаг словами «изменить, не изменят» (приговор) и, когда получалось «не изменят», в отчаянии ломала руки.

Я следила за каждым ее шагом и дрожала от страха, когда она подходила к колыбели моего сокровища, боясь, чтобы она не сделала ему чего-нибудь плохого.

А она все ходила и ходила до последней минуты, и только успела лечь, как раздался крик ее ребенка. Родилась девочка, на удивление крупный и упитанный ребенок, несмотря на долгие месяцы, проведенные матерью в тюрьме.

Меня удивило отношение этой преступницы к родившемуся ребенку — глубина ее любви и нежности. Я не могла понять, как женщина, которая убила своего первого ребенка, систематически истязая его до тех пор, пока не замучила до смерти, может любить второго ребенка.

Оказалось, что первый ребенок был внебрачным и семья ее или муж так донимали ее попреками по поводу этого несчастного ребенка, что она решила его убить.

После трех недель пребывания в лазарете, 14 июля 1911 года, меня перевели в маленькую камеру, в отделение, где сидели уголовные, так как наше отделение ремонтировалось. Я оказалась совершенно оторванной от товарищей. А через несколько дней я вернулась со своим малышом в ту камеру, где сидела раньше. Она показалась мне еще более мрачной, темной и сырой, чем прежде. Мы опять были в камере вместе с Франкой. Она с величайшей нежностью относилась к моему сынишке.

Я была рада, что снова не одна, что вижу с товарищами, могу с ними общаться. В лазарете за все время только один раз Франке разрешили меня навестить.

Снова я начала ходить на свидания с отцом и получать через него письма от Фелпса.

Но для Ясика пребывание в тюрьме было вредным. Через несколько дней он простудился и начал кашлять и чихать.

У меня не было никакого опыта по уходу за грудными детьми, поэтому я попросила отца достать мне какое-нибудь книжное пособие и в точности придерживалась советов этой книги. В тюрьме не с кем было посоветоваться. Тюремный врач, как я уже сказала, не смотрел даже на ребенка, и каждый раз, когда я его вызывала, он, стоя на пороге, только поучал меня, что в тюрьме не место для детей.

Между тем, несмотря на то что я тщательно выполняла все книжные указания по уходу за ребенком, у него все время болел животик. Нас постигла еще новая беда: у меня не стало хватать молока.

Встал вопрос о прикармливании. А в тюремных условиях это было нелегко. Варить Ясика и греть молоко было не на чем. Держать в камере спиртовку даже с сухим спиртом не разрешалось. Не помню уже, кто посоветовал мне варить на маленькой (кухонной) керосиновой лампочке, которая освещала камеру.

Для этого отец принес мне жестяной кружок, который одевался на ламповое стекло. На кружок этот ставился горшочек с водой и геркулесом или молоком. Такая керосинка была не из удобных. Во-первых, лампочка из-за недостаточного притока воздуха часто чадила, наполняя и так уже душную камеру невыносимой керосиновой вонью и копотью. Во-вторых, если я на минуту отрывалась от горшочка, чтобы заняться Ястиком, закипевшая овсянка заливала пламя, и лампочка гасла. Вечером в темноте трудно было и ребенка перепеленать, и лампочку очистить и снова зажечь.

Все же кое-как я со всем этим справлялась и три раза в день прикармливала сынишку. Но такое питание для трехмесячного ребенка было не очень подходящим, и его изо дня в день сильно мучили боли в желудке и кишечнике. Бедняжка вечером плакал и кричал по нескольку часов, я же была совершенно беспомощна, носила его на руках и заливалась горькими слезами. Я искала совета

в пособии для молодых матерей, но не нашла там ничего. Книжка не была рассчитана на ребенка, растущего в тюрьме. Снова вызвала я тюремного врача, надеясь, что, может быть, плач младенца тронет его, но он, как обычно, с порога камеры бросил мне свое: «В тюрьме не место для детей» — и, не дав никакого совета, не сказав больше ни слова, ушел.

Более человечной оказалась пожилая надзирательница. Она заходила в камеру, советовала дать ребенку чай, сделать ему компресс на животик.

В книжке прочла я и другие советы, но они были неподходящими. Тогда я убедилась в том, что слепо придерживаться книжных указаний без учета практики нельзя. Мой сын страдал из-за тюремных условий и моей неопытности, и меня в такие вечера охватывало отчаяние.

Зато, когда Ясик был сыт и здоров, он своей улыбкой и лепетом доставлял мне столько радости, что она вознаграждала за полные муки и отчаяния вечера. В тяжелой тюремной обстановке, в мертвой вечерней тишине смех ребенка был ясным солнечным лучом, напоминая о радостях жизни.

* * *

Около 24 июня 1911 года дело мое перешло из жандармского отделения в прокуратуру Варшавской судебной палаты. А 14 августа меня с Ясиком и Франку Гутовскую повезли в тюремной карете на Медовую улицу в Судебную палату, где нам вручили обвинительное заключение.

Мне предъявили обвинение по 102 параграфу (I часть) в принадлежности к СДКПнЛ и ее Варшавскому комитету, а также в том, что я занималась изданием «Червоного Штандара» и принимала участие в партийных собраниях и т. д.

Гутовскую обвинили в принадлежности к СДКПнЛ, хотя на самом деле она еще не была членом партийной организации, а, давая согласие на использование своего адреса для материалов в «Червопы Штандар», оказала лишь первую услугу партии.

На другой день после получения обвинительного заключения я выписала отрывки из него и на первом же свидании с отцом передала для пересылки Феликсу.

Акт обвинения меня очень обеспокоил и взволновал, так как из него явствовало, что в самом ядре варшав-

ской организации была провокация. К этому же выводу пришел и Юзеф, ознакомившись с отрывками из моего обвинительного заключения. Обеспокоенный этим, он писал Тышке, что в Варшаве, несомненно, имеется провокатор.

В моем письме Феликсу от 15 августа или в одном из последующих писем я химическим способом сообщила ему, кто из товарищей, не присутствовавших на собрании на Гурчевской улице, мог знать, что там будет обсуждаться статья из № 179 «Червоного Штандара». Партийные клички этих товарищей я зашифровала нашим условным шифром. До сих пор не знаю, проявил ли Феликс это место моего письма и получил ли эти мои данные.

* * *

2 сентября 1911 года меня поставили в известность, что суд надо мной и над Гутовской состоится 26 сентября. Но его затем отложили почти на два месяца.

В связи с приближением срока суда, который мог говорить меня к ссылке на поселение в Сибирь, я и Феликс стали обдумывать, что делать с Яснком, когда наступит время моей отправки.

Мачеха не была в состоянии взять на себя заботу о моем ребенке. У моей подруги Софьи Смоларской-Гарабашевской у самой был грудной ребенок. Она работала зубным врачом и не имела возможности взять к себе Яска.

Феликс очень хотел взять сына к себе и ради этого поселился даже в Кракове вместе с молодыми супругами Братманами, надеясь, что Мария Братман, которая в октябре также родила сына, сможет заботиться и о нашем малыше. Но Марилька с большим трудом справлялась со своим ребенком, нечего было поэтому и думать, чтобы она могла взять еще и нашего.

Другие мои родственники и друзья, которые, возможно, и могли бы взять на себя эту заботу, боялись, что такой слабый ребенок может умереть.

В одном из своих писем к моему отцу Феликс писал, что мать его друга Бернштейна, которая жила где-то в деревне в Королевстве Польском и очень любила Феликса, готова была взять к себе нашего сына, но через несколько недель она сообщила, что, к сожалению, сделать этого не может.

Таким образом, я ожидала суда в большом беспокойстве за дальнейшую судьбу Ясика.

Осенью Франку Гутовскую перевели в соседнюю камеру, где она сидела вместе с Марией Гржеляк. Виделись мы с ними только по утрам, когда камеры были открыты, да на прогулках. И Франка, и я питали еще иллюзии насчет того, что после почти 11 месяцев заключения в тюрьме она будет судом освобождена или же приговорена лишь к административной ссылке.

Во второй половине октября на нас обрушилось новое несчастье: Франка начала харкать кровью, и тюремный врач сказал, что у нее чахотка.

Это было настоящим горем. При этом очень ухудшилось состояние ее нервной системы. А в ноябре, незадолго до суда, в течение девяти суток она не сомкнула глаз ни днем ни ночью. Это еще более ослабило ее. Она снова плакала целыми днями. А мы с Гржеляк ничем помочь ей не могли. В связи с заболеванием Франки чахоткой ее адвокат Штерлинг начал ходатайствовать об освобождении под залог, но из этого ничего не вышло.

В эти же примерно дни мы получили сообщение о том, что наш товарищ Владислава Гузовская, сосланная в Канский уезд Енисейской губернии, оказалась без гроша денег, без теплой одежды и белья, без обуви, так как организация, занимавшаяся помощью политзаключенным, пообещав доставить ей все в пересыльную тюрьму на Праге (правобережная часть Варшавы), не сделала этого.

Я написала Феликсу, который хорошо знал Гузовскую по ее подпольной партийной работе. Он обратился в Красный Крест и в Краковский союз помощи политкаторжанам и ссыльнопоселенцам в России. Из Кракова ей послали немного денег, а из Варшавы Красный Крест послал обувь и одежду.

2 ноября Феликс в письме попросил моего отца доставить мне № 2 и 3 еженедельника «Праца»¹, легального органа СДКПиЛ. Вскоре во время одного из свиданий в субботу я получила большой сюрприз: отец просунул мне в дырочку сетки не один, а несколько рулончиков. Кроме письма от Феликса в них были два номера «Працы». Это доставило мне большую радость. Мы читали еженедельник по очереди. Когда же все товарищи, кто хотел ознакомиться с журналом, прочитали его, при-

¹ Новое название газеты «Трибуна».

шлось уничтожить эти номера, так как они были доставлены нелегально. Газет и журналов, даже буржуазных, в тюрьму не пропускали.

В начале декабря отец снова передал мне номер нашего еженедельника, который тогда уже выходил под названием «Наше дроги», а также вырезки из легального органа ИПС-левицы «Курьер Поранны» с интерpellацией социал-демократических депутатов в Думе.

Суд

21 ноября в Варшавской судебной палате состоялся суд надо мной и над Францишкой Гутовской. Хотя день был холодный и слякотный, я взяла с собой на суд Ясика, так как мне не с кем было его оставить и нужно было кормить. Нас привезли в тюремной карете под усиленным конвоем на Медовую улицу только в половине одиннадцатого.

Суд происходил при закрытых дверях, но ближайшим родственникам разрешили присутствовать. Отец мой и мачеха прибыли на Медовую в 9 часов утра и ждали меня в сенях. Когда нас с Франкой ввели в здание суда под конвоем солдат, отец, несмотря на сопротивление солдат, бросился ко мне, и впервые за 11 месяцев я обнялась с ним и с мачехой.

На суд приехал из Люблина и мой старший брат Станислав с женой Яниной. Он работал в Люблине заведующим Палатой мер и весов (филиал Петербургской палаты мер и весов для Королевства Польского) и, кроме того, преподавал математику в двух люблинских средних школах.

Присутствовала на суде также мать Франки Гутовской. Франку и меня поместили в небольшой комнатке рядом с залом суда. Вскоре начался суд, который закончился лишь в 4 часа дня.

Феликс с большим трудом собрал для моей защиты разные документы, касавшиеся моего пребывания за границей во время принудительной эмиграции. Как я уже упоминала, в конце 1909 года, после трехмесячного заключения, я была административно выслана на 10 месяцев за границу и по истечении этого срока вернулась легально в Варшаву. Между тем прокурор в обвинительном заключении предъявил мне обвинение в том, что

я нелегально выехала за границу по партийным делам. Суд отверг все собранные Феликсом и предъявленные Судебной палате адвокатом Скоковским материалы, кроме одного документа — свидетельства австрийской полиции о моем пребывании в январе 1910 года в Графенберге в Австрийской Силезии.

Язык в течение всего судебного процесса вел себя очень прилично, только во время грозной речи прокурора, которая продолжалась полчаса, начал пошкивать, а потом громко кричать. Судья стал нервничать и звонил все яростнее. А в публике начали смеяться по поводу этого протеста маленького узника.

К моему ужасу, прокурор требовал ссылки на вечное поселение в Сибирь не только для меня, но и для Гутовской, что было невероятной подлостью и жестокостью царских судебных властей.

Не помню, как защищали нас адвокаты: Скоковский — меня, а Штерлинг — Франку.

Возмущенная требованием прокурора сослать в Сибирь на поселение Франку, я не отказалась от последнего слова и, когда мне его предоставили, снова со всей категоричностью заявила, что Франка не была членом партии и что она не знала содержания конверта, присланного из Кракова на ее адрес для меня.

Но царский суд руководствовался лишь ненавистью к революционерам и желанием мстить. Он приговорил нас обеих к лишению всех прав состояния и к ссылке на вечное поселение в Сибирь. Мой приговор не удивил меня несколько, я не ждала более мягкого, но приговор Франки был для нас всех как гром среди ясного неба. Можно было предполагать если не освобождения ее после 11 месяцев пребывания в тюрьме, то в самом худшем случае — год заключения в крепости или административной ссылки на определенный срок, и не в Сибирь, а в глубь европейской части России. Приговор был тем более тяжел для Франки, что она была больна.

Франка и ее мать приняли приговор в ужасном отчаянии. Я была тоже страшно подавлена.

Во время первого же свидания с отцом, я просила его вызвать к Франке ее защитника адвоката Штерлинга. Он пришел на следующий же день, но отсоветовал ей подавать апелляцию. По его мнению, это не изменило бы приговора к лучшему, а только продлило бы срок ее пребывания в тюрьме.

Мой отец, подготовленный мной к тому, что меня ждет поселение в Сибири, принял этот приговор хотя и с большой болью, но довольно спокойно.

Этот старый человек, которому тогда был 61 год, страдавший тяжелой сердечной болезнью и в связи с моим арестом уже несколько месяцев бывший без работы, писал Феликсу 26 ноября 1911 года об этом процессе и о царских судебных властях: «...смехотворное и жалкое впечатление производил этот кичащийся своей силой судебный аппарат с семью судьями, мечущимся в ярости прокурором, секретарем и судебным исполнителем против двух слабых, худеньких женщин с грудным младенцем под стражей солдат с обнаженными саблями в руках. Знать, этот аппарат, пожираемый ржавчиной подлости и беззакония, скоро уже рассыплется в прах, если две слабые женщины наводят на него такой ужас, что ему приходится высылать их на край света».

В тот же день в Судебной палате слушалось дело еще двух членов СДКПиЛ: Юлиана Гемборека (Бронислава) и Даниеля Эльбаума (Вицека). Их также приговорили к ссылке на вечное поселение в Сибирь.

В коридоре Судебной палаты я увиделась с ними впервые после длительного перерыва. Мы обменялись лишь несколькими словами. Они на минутку вошли в комнату, где мы находились с Франкой, чтобы посмотреть на Ясика. Но поговорить нам не удалось, так как их увели в другую комнату.

Меня с Франкой и ребенком продержали в Судебной палате до 7 часов вечера, до конца разбора дела Бронислава и Вицека, после чего всех пятерых в одной тюремной карете отвезли сначала нас в «Сербию», а затем мужчин в расположенную рядом тюрьму Павиак.

В ожидании ссылки в Сибирь

Отец сразу же после суда отправил Феликсу телеграмму с сообщением о приговоре. Феликс в своем ответе успокаивал отца, писал, что приговор не так суров; хорошо уже то, что мы знаем, что будет дальше, и что теперь следует заняться вопросом устройства ребенка в связи с предстоящим выездом этапом в Сибирь, а также подготовкой к дороге.

После суда я написала Феликсу письмо, в котором просила прислать мне его фотографию. Отец от моего имени тоже попросил его об этом, указав, что фотографию не следует наклеивать на картон, чтобы можно было при свидании просунуть ее обычным путем через дырочку в железной сетке.

Феликс был тогда в Берлине, но вскоре вернулся в Краков, где наш товарищ Стефан Братман, очень хороший фотограф-любитель, сделал замечательный снимок.

Феликс согласился прислать мне свою фотографию потому, что он находился тогда за границей и в случае поездки на подпольную работу намеревался изменить свою внешность: сбрить бороду и усы, перекрасить волосы, как это он и раньше делал. Кроме того, в охранке и так имелись его снимки, сделанные в разное время при многократных его арестах.

После того как приговор по моему делу вошел в силу, во второй половине декабря Феликс прислал эту фотографию моему отцу. Но она все же была наклеена на тонкий картон, поэтому свернуть ее трубочкой и просунуть через дырочку в сетке было невозможно.

Не было другого выхода — пришлось передать ее через канцелярию, что я и попросила отца сделать. Отец получил на это согласие начальника тюрьмы, и вот однажды принесли в камеру дорогую мне фотографию.

Я не в состоянии описать той радости, которую мне доставила эта фотография, притом снятая специально для меня. Конечно, я показала ее Ясику. Он протянул к фотографии ручки, но, разумеется, не мог представить себе живого человека и не понимал еще, что значит отец. Радость, однако, была недолгой. Помощник начальника тюрьмы, взяточник и прислужник охранки, недовольный тем, что снимок был мне вручен официальным путем, а не через него за взятку, из мести донес охранке о передаче мне фотографии моего мужа.

Через два дня в «Сербию» явился два охранника с намерением произвести у меня в камере обыск, но, видимо, начальник тюрьмы возражал против этого. Представителей охранки выручила подлая надзирательница. Она ворвалась в мою камеру. Фотография стояла на століке. Не говоря ни слова, мерзавка схватила ее и, не смотря на мои протесты, унесла из камеры, заперев, как обычно, двери на ключ.

Я была в отчаянии и потребовала, чтобы меня отвели к начальнику тюрьмы, который ведь сам разрешил передать мне фотографию. Но несмотря на мои настойчивые требования, этого не было сделано. Наконец через несколько дней без всяких объяснений мне вернули фотографию. Однако я догадалась, что ее взяли для того, чтобы переснять для охранки. Догадка моя подтвердилась. Как оказалось, охранники, каким-то образом узнав уже, кто является моим мужем, принесли с собой в «Сербию» клише старых снимков Феликса, сличили их с присланной мне фотографией и, удостоверившись, что это он, послали фотографию в охранку, чтобы ее там пересняли.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда в Москве был организован Польский коммунистический архив, его руководитель Красный (Юзеф Ротштадт), собирая материалы из бывших царских архивов России, получил из ряда русских губернских городов копии этой фотографии Феликса, присланной мне в 1911 году в «Сербию». Копии очень хорошие, только несколько меньшего формата, чем сама фотография.

Оригинал фотографии Феликса перед переводом меня из «Сербии» в пересыльную тюрьму для отправки этапом я отдала на хранение отцу при последнем свидании с семьей. После побега из Сибири и встречи с отцом я получила ее обратно. Она была со мной все годы в эмиграции в Кракове, Закопанэ, Вене и в Швейцарии, а в 1919 году я привезла ее в Москву. Она хранится у меня до сегодняшнего дня, и я берегу ее как зеницу ока¹. Но фотография эта была плохо проявлена, выцвела в рамке на столе и нуждается в реставрации. Поэтому я заменила ее, вставив в рамку одну из тех копий, которые в свое время были сделаны в охранке.

Эта копия, сделанная фотографом-специалистом и в течение многих лет пролежавшая в темноте среди царских архивных документов, сохранилась так хорошо, что один молодой советский художник — бывший беспризорник Костюков нарисовал с нее акварелью большой портрет Феликса Эдмундовича. Портрет в целом хорош, только художнику не удалось передать так, как на

¹ После смерти С. С. Дзержинской эта фотография передана в музей Ф. Э. Дзержинского в г. Ивенте БССР.

фотографии, мечтательного, как бы устремленного в светлое будущее взгляда. Выражение глаз на портрете слишком острое. Правда, точно передать настоящее выражение глаз Феликса Эдмундовича — дело нелегкое.

* * *

Итак, нас с Фрапкой начали готовить к отправке этапом. Довольно долго мы не знали, куда нас вышлют. Каждые три года меняли место ссылки поселенцев в Сибирь.

1 февраля 1912 года выяснилось, что нас вышлют в Иркутскую губернию, причем не раньше чем в середине марта. Так как мы были лишены всяких прав, то к нам относились во время этапа как к каторжанам. Нам не разрешалось ехать в собственном белье, одежде и обуви. Выдали нам по одной рубашке из грубого, нестираного серого холста и что-то вроде уродливых халатов из серого солдатского сукна, а на ноги — так называемые коты — грубая обувь, похожая на ночные туфли, но из очень твердой кожи и сделанная не по размеру ноги. Мне достались такие большие коты, что при каждом шаге они слетали с ног. На голову, несмотря на мороз, выдали только белую тонкую ситцевую косынку. На всех этих вещах стоял тюремный штамп, и заключенный отвечал за их сохранность вплоть до момента прибытия на место поселения, после чего мог с ними делать что угодно. Кроме этих вещей разрешалось брать с собой, и то не всегда, в зависимости от настроения и милости или немилости конвойного офицера 12 с половиной фунтов собственных вещей: одну смену белья, маленькую подушечку и шерстяное одеяло — все это серого или белого цвета, да еще немного чаю и сахару. Денег с собой можно было взять всего только 99 копеек.

Личные деньги заключенного, сданные в канцелярию, тюремные власти пересылали лишь на место поселения, так что ни в пути, ни в какой-нибудь пересыльной тюрьме пользоваться ими было нельзя. Впрочем, на место поселения они поступали иногда только через полгода.

По пути этапом ссыльнопоселенцам выдавали по 10 копеек кормовых на день. На эти деньги конвойный покупал на станциях хлеб и кипяток.

Все эти правила хорошо знал Феликс, который в 1909 году, как лишенный всех прав состояния, совершил тяжелый путь этапом на вечное поселение в Еши-

сейскую губернию, в Канский уезд, откуда бежал уже через неделю после прибытия в назначенное ему место — село Тасеево.

Зная условия этапа, Феликс в письмах отцу давал советы и подробные указания, что и как делать, чтобы дорога была менее мучительной. Он советовал кроме дозволенных 99 копеек взять тайком с собой несколько рублей, зашив их старательно куда-нибудь в белье или одежду.

Он не ограничился только советами, а купил мне в Берлине и прислал с оказией отцу две тонкие шерстяные рубашки и кусок шелкового полотна на рубашку с указанием, что в пути и в пересыльных тюрьмах она будет спасать меня от вшей, от которых там невозможно уберечься.

Пользуясь швейными способностями Франки и достаточным временем, оставшимся до отправки, мы перешили оба чудовищных халата из солдатского сукна на юбки и кофты наподобие жакетов, так что наша одежда не производила такого отталкивающего впечатления. Когда мы прибыли в Москву в пересыльную тюрьму, находившиеся там товарищи — ссыльнопоселенки — удивлялись, что в Варшаве выдают такие красивые костюмы.

В швы юбок или жакетов мы зашили по несколько рублей. Вынуть их и воспользоваться ими мы смогли лишь в Иркутской тюрьме.

В этой одежде с белыми косынками только не на голове, а на шее тюремные власти сфотографировали нас.

Франка Гутовская все еще не могла примириться со своим приговором и довольно долго колебалась, не подавать ли кассационную жалобу высшим судебным властям. Это означало бы отсрочку нашего отъезда или, в том случае если бы выслали только меня одну, обрекало бы ее на этапный путь в одиночестве, что сделало бы для нее дорогу еще тяжелее. Поэтому она в конце концов решила не подавать кассационной жалобы. Но эти переживания и болезнь легких еще больше расшатали ее нервную систему. Она плакала целыми часами, отказывалась от еды, не хотела выходить на прогулки, не спала по ночам. Не помогали наши с Гржемяк уговоры и просьбы. Это привело в конечном счете к тому, что я сама, будучи подавлена необходимостью расстаться со своим ребенком и очень обеспокоенная за него, не была уже в состоянии разговаривать с Франкой спокойно. Только во второй половине марта, незадолго до нашей отправки, она

несколько успокоилась. А 23 марта, когда в «Сербию» привезли много новых женщин из-за тифа, вспыхнувшего в тюрьме Ратуши, Франка перебралась в мою камеру, и нам снова вместе было так же хорошо, как раньше.

Мое одиночество в тюрьме скрашивалось памятью обо мне товарищей, письмами и открытками, приходившими от них. Постоянно писала мне очень любившая меня и Ясика Ванда Краль, хотя лично его и не знала. Она все еще болела и лечилась на курорте в Грэфенберге. Я писала ей часто. Вольшую радость доставила мне полученная в конце декабря 1911 года из Берлина открытка, написанная коллективно Феликсом, Варским и его женой.

Получала я письма и открытки от моей старой знакомой со времен революции 1905—1907 годов Марты (Наталии Смолинской), от Ирены Фрида, которую я знала по Кракову, и от других товарищей.

* * *

По мере приближения моего отъезда на поселение все больше тревожило меня, Феликса и мою семью будущее Ясика. Беспокоил нас вопрос, куда его определить, кому доверить, чтобы он был окружен заботливым уходом и находился по возможности в наиболее гигиенических условиях. Брать мне его с собой было просто невысказано. По совету доктора Корчака Ясика поместили в только что открывшиеся частные ясли, хозяйкой которых была, по-видимому, знакомая Корчака — пани Савицкая.

15 февраля 1912 года наступил тяжелый день расставания с Ястиком.

Всю ночь я не спала, ребенок был нездоров и плакал, но откладывать больше было нельзя. Я уже договорилась с мачехой на этот день и не имела возможности сообщить ей, чтобы она не приезжала за ребенком. Мачеха наняла карету и вместе с пани Савицкой приехала за Ястиком в «Сербию».

Условия в детском доме Савицкой по сравнению с «Сербией» были идеальные: нормальная, светлая, солнечная, теплая комната, постоянный детский врач Рошковский, няня. Но в первый же день его сразу накормили манной кашей па молоке, чего он у меня никогда не ел, и у него начались судороги. После этого он страшно ослаб. Доктор Рошковский и вызванный по моей и Феликса просьбе доктор Корчак заявили, что судороги эти не были опасны, что они вызваны рахитом и нерв-

ным состоянием ребенка и что, когда ребенок окрепнет, это пройдет. Так оно и произошло. Можно себе представить мой испуг и мои страдания, когда я узнала о болезни ребенка, а также мое постоянное беспокойство о нем.

Доктор Корчак сказал, что ребенка обязательно нужно прикармливать грудным молоком. Дорогая моя подруга Зося Гарабашевская нашла какую-то женщину, мать четырехмесячного ребенка, которая за деньги согласилась два раза в день приходить к Ясику и кормить его грудью.

Адвокат Скоковский за несколько недель до моего отъезда добился разрешения, чтобы Зося Гарабашевская приходила в «Сербию» лечить мне зубы. Таким образом, Зося несколько раз в неделю приезжала в «Сербию» со своими инструментами в комнату для свиданий, около канцелярии. Во время этих медицинских сеансов никто из тюремных властей не присутствовал, только время от времени в комнату заглядывала надзирательница или помощник начальника. Поэтому мы пользовались каждой подходящей минутой для разговора без свидетелей. Эти визиты Зоси Гарабашевской продолжались почти до самого моего отъезда.

Перед отправкой в Сибирь меня посетили в обычный день свиданий (через две решетки) несколько человек, которых я не видела со дня своего ареста. Это был близкий мне товарищ Самуил Лазоверт, моя тетка Анна Лянды¹, дочь адвоката Христовского Паулина, с которой в 1906—1908 годах мы вместе жили на квартире Зоси Гарабашевской, а также мать находившегося в Сибирии на поселении Францишека Горского. Пришла ко мне на свидание также сестра моей мачехи Августа Рышовская.

Из Варшавы нас увезли 26 марта около часа ночи. В субботу, воскресенье и понедельник 23—25 марта 1912 года у меня были три свидания с семьей в канцелярии без решеток. 23 марта ко мне пришли отец, мачеха и госпожа Савицкая с Ясиком. Это было мое последнее с ним свидание перед отъездом в Сибирь. Радость этого свидания смешивалась с болью разлуки на длительное время, а также с беспокойством из-за состояния здоровья Ясика. [Когда я его отдавала из «Сербии» в ясли Савицкой, он был худенький и бледный, но сидел, когда его

¹ А. Лянды впоследствии была умерщвлена в Освенциме гитлеровцами.

брали на колени, и хотя не очень крепко, но держал головку. Теперь он лежал пластом на подушке и не пытался даже поднять головку. Он меня узнал сразу, радостно мне улыбнулся, а когда я взяла его на руки, протянул ко мне свои ручки и гладил ими меня по лицу.] Свидание продолжалось минут 15. Я думала, что на этом свидании без решеток мне удастся передать мачехе все письма Феликса, нелегально доставленные мне отцом в «Сербию». Поэтому я взяла их с собой, идя на свидание. Но свидание происходило в присутствии подлой надзирательницы-шпионки, которая все время не спускала с меня глаз и внимательно следила за каждым моим движением. Очень важно было, чтобы эти письма не попали во враждебные руки не только потому, что были мне переданы нелегальным путем, но и потому прежде всего, что содержали, правда в завуалированной форме, сведения о партийных делах. Поэтому я вернулась в камеру с письмами Феликса.

Прощаться со мной из Люблина в Варшаву приехал мой брат Станислав с женой и сынишкой. Они были у меня вместе с отцом на свидании без решеток в воскресенье. А в понедельник состоялось мое последнее прощальное свидание со всей моей семьей. Не было на том свидании только моего Ясика.

Во время этих двух последних свиданий без решеток я снова напрасно пыталась передать отцу или мачехе письма Феликса. За нами непрерывно следили то бдительное око помощника начальника, то надзирательницы.

Так и не удалось отдать эти дорогие письма на волю, и с болью в сердце мне пришлось их уничтожить.

В понедельник, 25 марта, в 2 часа дня меня вместе с Франкой Гутовской и Мартынской из «Сербии», а также 30 мужчинами из Павлака в тюремных каретах под сильным полицейским и военным конвоем увезли в пересыльную тюрьму на Прагу (Петербургская улица, 10). Мартынская была приговорена не к поселению, а к административной ссылке на 3 года в Тобольскую губернию. Камера на Праге, куда нас поместили, была полна женщинами-уголовницами. Только мы три были политическими. Сразу после прибытия туда обыскали не только наши вещи, но и нас лично. Делалось это в такой грубой форме, что я не смогла удержаться и отругала надзирательницу, производившую обыск. Она донесла об этом

своему начальству и, вернувшись, сообщила, что если я не извинюсь перед ней, то меня посадят в карцер и не отправят в этот день из Варшавы. Это была перспектива не из приятных, прежде всего потому, что доставила бы новые огорчения и заботы моей семье, а во-вторых, настолько ужасны были условия в этапной тюрьме на Праге, что невыносима была даже мысль о проведении там хотя бы одной ночи. Несмотря на это, у меня не было ни малейшего намерения извиняться перед надзирательницей, и я терпеливо ждала, что будет дальше.

Отца и мачеху, которые пришли, желая получить еще одно свидание со мной, отправили ни с чем. Приняли от них лишь немного вещей для меня: шерстяное одеяло, мыло и кое-что из еды.

Начальник пересыльной тюрьмы по просьбе отца принял также два фотоснимка Ясика и согласился поставить штамп, чтобы конвой не выбросил. Снимки эти в яслях Савицкой сделал товарищ Лазоверт. Эти фотографии я взяла с собой и привезла на место поселения. Такие же фотографии Лазоверт переслал и Феликсу.

В 10 часов вечера под сильным конвоем нас вместе с мужчинами погнали пешком на Тереспольский вокзал. Таким образом, угроза посадить меня в карцер и задержать в этапной тюрьме Праги, к счастью, не была выполнена. По-видимому, начальник этой тюрьмы не захотел иметь лишних забот и долго держать у себя политическую заключенную.

Когда открылись тюремные ворота, я увидела около них Зосю Гарабашевскую и С. Лазоверта, которые проводили нас на Тереспольский вокзал, разговаривая с нами через головы конвоиров.

Вырвавшись из отвратительных тюремных стен, ожидая увидеть в окно арестантского вагона широкие поля и леса, мы повеселели. У нас было необыкновенно хорошее настроение, мы смеялись и шутили, как будто предстоял не тяжелый этапный путь, а веселая экскурсия. Я увидела по этому поводу даже удивление в глазах своих друзей.

На Тереспольском вокзале нам пришлось несколько часов ждать поезда на Москву. Самуил Лазоверт, по-видимому за небольшую взятку, получил разрешение начальника конвоя передать мне несколько открыток с марками и карандаш. Я очень обрадовалась этому, так как с дороги могла подать о себе весть.

На вокзал приехали также мой отец и мачеха. Когда нас посадили в поезд, идущий на Москву, они подошли к решетчатому окну нашего арестантского вагона. При помощи жестов и мимики они разговаривали с нами до самого отхода поезда. Наши веселые лица несколько их успокоили.

По этапу в Сибирь

Вагон, в котором мы ехали, был обыкновенным пульмановским вагоном третьего класса. Он отличался от обычного только тем, что на окнах были решетки. Мы втроем сидели в одном купе. Потом к нам посадили еще какую-то уголовницу. У каждой из нас была целая полка, так что мы могли удобно лежать и спать ночью, хотя и без матраца, на твердой скамейке с маленькой думкой под головой. Другие купе были заняты мужчинами, а одно — конвойными. Нам выдавали, как сказано выше, «кормовые» по 10 копеек в день. Конвоиры на станциях покупали нам хлеб и приносили кипяток.

По пути в Минск я написала отцу открытку и дала ее одному из солдат-конвоиров, который обещал бросить ее в почтовый ящик на станции Минск. Эту открытку отец переслал Феликсу, приписав, что получил он ее не по почте, а от русского солдата из конвоя, который нас сопровождал до Минска, а затем вернулся в Варшаву. Этот случай показывает, каково было отношение некоторых простых русских солдат к революционерам.

По дороге мы восхищались прекрасными белорусскими лесами. Польшу мы проехали ночью. В Москву прибыли 28 марта утром. С вокзала нас пешком под конвоем отвели в Бутырки. Тут после обыска нас поместили в довольно большую камеру на 10—15 человек. Здесь днем койки поднимались, и можно было сидеть только на табуретках, но их было так мало, что большую часть дня приходилось стоять или ходить по камере.

В Москве мы пробыли почти трое суток. Перед отправкой в дальнейший путь нам вручили тяжелые солдатские шинели с красным тузом на спине, чтобы каждый издала мог увидеть, что одетый в эту шинель человек — каторжанин или ссыльнопоселенец. Выдали нам также огромные плохо выделанные овчинные тулупы с очень неприятным запахом.

В Бутырках нас присоединили к большой партии каторжан и ссыльнопоселенцев. А затем посадили в арестантские вагоны и через Пензу отвезли в Самару (ныне Куйбышев).

Вагоны были очень неудобны, с короткими полками, на которых нельзя было лежать; дожимала страшная жара, так как конвойные беспрерывно подбрасывали дрова в огромную железную печь.

По пути в Самару я познакомилась с несколькими русскими товарищами и впервые услышала прекрасные революционные песни «Славное море, священный Байкал», «Дубинушка» и другие. С дороги — между Пензой и Самарой — я выслала вторую открытку отцу, чтобы он не беспокоился.

В Самару мы приехали только вдвоем с Франкой. Мартынскую из Москвы отправили в Казань и дальше на восток.

В Самаре партию принял начальник пересыльной тюрьмы, который обращался с заключенными невероятно грубо. Обыск также сопровождался грубостями. Тюрьма была грязная, кишела клопами и вшами. К счастью, нас не держали там долго, но достаточно было несколько часов, чтобы набраться паразитов.

Еще в Бутырках нам говорили о красоте Волги, и мы радовались при мысли, что увидим ее. Правда, она была закована в лед и засыпана снегом и, по-видимому, не так красива, как летом. Но нам и такой не удалось ее увидеть. Мы проезжали мост через Волгу ночью.

Из Самары нас увезли в Челябинск. Как сейчас помню сверкающий огнями, расположенный в горах точно большое птичье гнездо город Златоуст. В Челябинской пересыльной тюрьме мы провели сутки. Из Челябинска двинулись дальше на восток по знаменитой сибирской дороге, по которой уже столько сотен и тысяч политических заключенных проследовали в далекую Сибирь. Дорогой мы любовались замечательными березовыми и хвойными лесами, тянувшимися на сотни верст. На следующих этапных пунктах в тюрьмах Омска, затем Красноярска мы сидели один-два дня. Вагоны на сибирской железной дороге были удобны, у каждого заключенного была целая длинная полка, так что можно было спать.

В дороге между Красноярском и Иркутском я встретила с членом СДКП из Лодзи товарищем Сохой, который после четырех лет каторги ехал на поселение.

Дорога от Варшавы до Иркутска продолжалась свыше трех недель. В Иркутск мы прибыли только 17 апреля. На одной из остановок перед Иркутском я, к великому своему удивлению и ужасу, увидела Тадеуша (Фраицишка Горского) в штатской одежде, которого жандармы ввели в один из арестантских вагонов нашего поезда. В Иркутске при выходе из вагона я снова встретилась с Тадеушем. Мы пожали друг другу руки и обменялись несколькими словами, прежде чем нас опять разделили, чтобы отвезти в тюрьму. Оказалось, что Тадеуш, отбыв каторгу, бежал из ссылки в Иркутской губернии, но по дороге на запад был арестован жандармами в вагоне и высажен из поезда. Его везли обратно в тюрьму. К счастью еще, что его арестовали в Сибири, а не в Челябинске на границе Европы и Азии или дальше на западе, ибо тогда за один только побег он получил бы снова по крайней мере три года каторги. Теперь ему угрожала не каторга, а несколько месяцев пребывания в пересыльной тюрьме в Александровске под Иркутском и снова, как до этого, ссылка на вечное поселение, только еще дальше на север. Об этой печальной встрече я дала знать из Иркутска моему отцу с просьбой сообщить матери Тадеуша.

В Иркутске нас сначала поместили в пересыльной тюрьме. Сидя там, я из окна увидела Вицека (Даниель Эльбаум), но говорить с ним не смогла. Еще в середине февраля узнала я, что Вицек и Бропислав (Юлиан Гемборек) уже переведены в мужскую пересыльную тюрьму Арсенал для каторжан и ссыльнопоселенцев в Варшаве. Выслали их этапом из Варшавы в начале марта, еще до моей отправки. Не знаю, сидели ли они в Иркутской пересыльной тюрьме или же в расположенном недалеко Александровске.

Из Иркутской пересыльной тюрьмы нас с Гутовской перевезли в Иркутскую женскую губернскую тюрьму в пересыльную камеру. Было нас там немного: мы с Франкой и еще две политические заключенные. Кроме того, в нашей камере были три уголовницы и какая-то женщина с двумя детьми, которая, не имея средств, чтобы доехать до дома, сама явилась в тюрьму для поездки этапным путем. Камера наша находилась на первом этаже, была небольшой, сырой и холодной, с длинными нарами вдоль стены, на которых мы все спали вповалку.

Деревянный некрашенный пол в камере нас заставляли мыть через день. Мыли мы его оригинальным и трудным способом: не водой и щеткой, а затем тряпкой, но кучей мокрого песка и метлой. Сначала метлой терли пол песком, а затем выметали песок вон. В камере у дверей стояла параша, которую мы ежедневно по очереди вдвоем выносили во двор. Мы с Франкой прибыли в эту камеру последними, поэтому на нарах нам достались самые плохие места, около параша. И хотя ее прикрывали деревянной крышкой, все же лежать рядом с ней было малоприятно. На нарах лежали довольно грязные соломенные тюфяки. Так как в камере были уголовные — воровки, вещи приходилось на ночь класть под голову под тюфяк, чтобы их не украли, как это приходилось в свое время делать в Варшаве в Ратуше.

За водой мы ходили с чайниками к обледеневшему колодцу во дворе. Нам разрешали также полтора часовую прогулку. В Иркутске стояли сильные морозы. Жаждающие воздуха легкие вдыхали с наслаждением морозный, сухой, пронизанный солнцем, какой-то не такой, как у нас, пахнувший озоном воздух. Через некоторое время женщину с двумя детьми увели из нашей камеры, а на ее место привели молодую женщину с четырехмесячным грудным ребенком, тяжело больным коклюшем. Это была ни в чем не повинная женщина, муж которой, живший где-то на востоке или севере от Иркутска, систематически издевался над ней, истязал ее. Она убежала от него с маленьким ребенком к своим родителям, кажется, в Омск. А муж по нечеловечески жестокому царскому закону потребовал через полицию ее возвращения к нему по этапу. Такова была рабская судьба женщины в царские времена. Большой ребенок целыми ночами кашлял, не давая спать ни матери, ни всем нам. Тяжело было смотреть на страдания малютки.

В Иркутской тюрьме мы были в тяжелых материальных условиях. Несколько рублей, вынутых из распоротой одежды, быстро иссякли, и у нас не было ни гроша на так называемую выписку (покупку продуктов через канцелярию). Деньги (10 рублей), внесенные в Варшаве в канцелярию «Сербии» и высланные тюремными властями в Иркутск, так и не дошли. Мы обе с Франкой прибыли в Иркутск простуженные в результате невыносимой жары в вагоне. Феликс, предвидя, что мы окажемся без гроша денег, выслал мне, как только получил

мой адрес, 5 рублей в Иркутск. Но деньги эти не застали меня уже в Иркутске и не пришли потом на место моего поселения. По-видимому, начальник Иркутской тюрьмы отправил их обратно в Варшаву, если не присвоил себе. Мы постоянно были голодны, так как тюремная пища была несъедобна, особенно в связи с моей хронической желудочной болезнью. В щак, которые ежедневно давали на обед, плавали мыши, а черпый хлеб, получаемый по 1 фунту в день, был полон отрубей и соломы и до того недопечен, что внутри оставались капли воды. Поэтому мы питались кипятком с сахаром или в лучшем случае кирпичным невкусным чаем.

13 мая Франку Гутовскую выслали в Усть-Уду Балаганского уезда, а меня с вещами на следующий день вместе с другой, пожилой женщиной Александровой из камеры для политических на втором этаже отвели к мужскому корпусу тюрьмы, где начали готовить партию заключенных в дальнейший путь. Александрова была русской социал-демократкой. После Великой Октябрьской революции и до самой смерти она была членом ВКП(б).

После нескольких часов пребывания около мужского корпуса нас увели обратно в женскую тюрьму из-за непогоды. Мне еще ничего не сообщали о месте моего поселения, но я догадалась, что назначена в Киренский уезд, так как партия, которую готовили в мужском корпусе, должна была двинуться по Лене в Якутск.

После возвращения от мужского корпуса меня перевели в камеру для политических на втором этаже.

В противоположность страшно грубому обращению стражников и надзирательниц с политическими заключенными в пересыльной камере на первом этаже, где к нам относились так же, как к уголовным, в камере для политических на втором этаже отношение к женщинам-политическим было нормальным. Условия тут были несравненно лучше уже хотя бы потому, что мы были среди своих, в кругу товарищей. Александрова находилась в той же камере. Тут я узнала от товарищей о событиях в Бодайбо, на Ленских золотых приисках, — о расстреле мирной толпы бастующих рабочих, шедших на переговоры с администрацией. Было там убито 270 и ранено 250 человек. Узнала я и о массовых выступлениях русских рабочих в ответ на эти события, о забастовках по всей России, о демонстрациях в Варшаве. Эта весть воодушевила

нас, дала новые силы, ибо это было доказательством начала нового революционного подъема.

Незадолго перед моей дальнейшей этапной дорогой к нам в камеру поместили только что прибывших двух политкаторжанок-грузинок. Это были эсерки, которым удалось каким-то образом взять с собой деньги. Они устроили настоящий «пир»: «выписали», т. е. купили через канцелярию, баранки, копченую кету, которую я тогда ела впервые в жизни. Кета и баранки с чаем после довольно длительного голодания показались необычайно вкусной едой. Эти политкаторжанки сильно натерпелись в Грузии, не раз сидели в карцере, а из Иркутска их должны были отправить на каторгу в Акатуй.

От Александровой я узнала невеселые вепци об условиях жизни ссыльнопоселенцев в Киренском уезде. Она находилась там уже на поселении, бежала оттуда, но была, кажется в Иркутске, арестована. Теперь ее ссылали на поселение еще дальше на север, в Якутск. Она рассказывала, что в Киренском уезде очень трудно с питанием, жильем и работой.

В первое мгновение меня это испугало, но весть о ленских событиях и массовом рабочем движении в России отодвинула эти опасения на задний план, наполнив меня надеждой и верой, что скоро и в России, и у нас в Польше все изменится к лучшему.

Только 17 мая получила я в Иркутске первые, но малоутешительные сведения о моем Ясике. У него не было еще ни одного зубика, он не умел еще сидеть. Из-за недостатка средств Савицкая не вывезла детей на дачу, и они оставались в Варшаве. Беспокойство о ребенке и тоска не оставляли меня ни на мгновение. Однако в такие минуты перед моим мысленным взором возникали дети, которых я видела в тюрьмах и в пути по этапу, бывшие в гораздо худших условиях, чем Ясик. Это были дети, брошенные на съедение клопам и вшам, больные оспой или коклюшем, без всякой врачебной помощи, дети, кричащие от голода, в то время как матери не могли их накормить высохшей грудью. И мне становилось стыдно, что я так терзалась вынужденной разлукой с сыном.

С момента выезда из Варшавы я не имела никаких вестей от Феликса или о нем, что также очень меня беспокоило. Я была уверена, что он снова на нелегальной работе в Королевстве Польском, и боялась за него, за возможность провала.

17 мая мне вручили письма от Мартынской из Тобольской губернии и от Владки Гузовской из Енисейской губернии. Владка писала, что находится в очень тяжелых материальных условиях. Получила я также письмо от товарищей из «Сербии», которые сообщали, что обнаружен провокатор, якобы выдавший нас на Гурчевской улице.

Лишь 23 мая сообщили мне место моего поселения: волость Орлинга Киренского уезда, в 800 верстах к северу от Иркутска. На следующий день я письмом сообщила отцу этот адрес.

В конце мая нас снова с вещами отвели в мужской корпус, где составили большую партию заключенных, насчитывавшую 300 человек. Партия эта двинулась по этапу дальше на север. В нее попала и Александрова. Мы вместе следовали до Орлинги, после чего ее повезли в Якутск.

В Иркутске нас посадили на небольшой пароходик и перевезли на другой берег бурной реки Ангары. В этой же партии заключенных был и Францишек Горский. После отсидки в течение нескольких месяцев в Иркутской тюрьме его везли в Усть-Кут Киренского уезда.

На другом берегу Ангары начался наш путь по сибирской степи до Качуга — места, откуда Лена была уже судоходной. Мужчины шли пешком, а мы, три женщины (Александрова, я и одна уголовная), ехали на подводе. Эта «подвода» просто была квадратной доской в полтора метра длины и столько же ширины на двух колесах. Опереться было не на что, ухватиться тоже не за что. Во время движения доска подпрыгивала и раскачивалась так, что удержаться на ней было очень трудно. Везли эту «подводу» две лошади. Впереди сидел возчик-бурят. Он всю дорогу немилосердно матерился. Александрова ужасно возмущалась и зажимала уши, а я не знала и не понимала этой нецензурной ругани, и поэтому она не производила на меня никакого впечатления.

Кроме нашей двигались еще и другие подводы. На них везли нескольких больных товарищей — мужчин, которые не могли идти пешком, а также вещи поселенцев. Партию всю дорогу окружал конвой, состоявший из конных жандармов и солдат.

Двигались мы по обычной проселочной дороге. От идущих впереди мужчин, от лошадиных копыт, от колес свыше десятка подвод, ехавших одна за другой, пыль

стояла столбом. Этот путь до Качуга продолжался семь суток. Мы ежедневно делали 30 верст. На ночь нас запирали в каталажку, окруженную высоким плотным забором с колючей проволокой наверху.

Каталажка — это небольшой деревянный сарай с дощатым полом и кучей соломы на нем. До наступления темноты можно было ходить по небольшому огороженному двору вокруг этого сарая. Заключенные разводили костры и кипятили воду для чая. Выдавали нам, как и во время езды по железной дороге, 10 копеек кормовых в день, на которые конвойные покупали нам в деревнях и селах хлеб и кое-что из съестного.

После семи дней такого пути мы прибыли в Качуг Верхоленского уезда. Тут всю партию посадили на три паузка. Паузок — это пятиугольный ящик, насаженный на лодку. Сбит он был из досок с такой же деревянной крышей. Паузки плыли по Лене без весел вниз по течению. Сзади паузка в воду был опущен длинный шест, служивший рулем и защищавший это «судно» от крушений на поворотах реки. Внутри ящика из лодки вела небольшая дверь, вдоль стен паузка были нары, которых, однако, не хватало для всех, и многие спали под нарами. Из-за отсутствия окоп в паузке было неопишимо душно. На нашем паузке было 119 заключенных, в том числе 100 политических и 15 солдат конвоя. Нас, женщин, как я уже сказала выше, было только три. Товарищи уступили нам места поближе к двери, так что к нам проникало немного воздуха. В стенках паузка потом сделали несколько небольших отверстий, заменивших окна. Днем нам разрешали по лесенке подниматься на крышу паузка, где мы и проводили целые дни, восхищаясь живописными видами Лены и ее берегов. Лена в этих местах еще довольно узкая, извивается среди гористых берегов, поросших густым лесом, сворачивая то направо, то налево. Горизонт то и дело заслонялся горами, и впечатление создавалось такое, что плывем мы не по реке, а по целому ряду соединенных друг с другом озер, попадая из одного озера в другое, то большее, то меньшее, с разными прибрежными видами. Деревни встречались очень редко, и наш паузок всегда при этом сворачивал к противоположному берегу. Многие годы, прошедшие с тех пор, как бы прикрыли собой все то, что было тягостным в этой поездке: теснота и духота внутри паузка и грязь, разъедающий глаза удушливый дым

от костра на носу паузка, отсутствие самых элементарных санитарных устройств, кроме того, в темноте буквально ходили по ногам и головам друг друга.

Зато остались живыми в памяти чудесные виды Лены и необычайно красивые сибирские восходы и заходы солнца, золотистые или кроваво-красные фантастических форм облака.

100 политических заключенных на нашем паузке разделились на группы по 10 человек, и группы эти жили коммунной. В моей десятке кроме Александровой был Францшек Горский и какой-то русский социал-демократ, по фамилии Трофимов. Мы сдавали в общий котел коммуны свои 10 копеек, и один из наших товарищей, конвоируемый двумя солдатами, отправлялся в ближайшую деревню на привязанной к паузке лодке закупать для всей группы хлеб, картошку, молоко. Чистили мы картошку коллективно на крыше паузка, варили и с большим аппетитом съедали.

Свежий воздух, на котором мы проводили долгие часы, делал свое дело: аппетит у нас был невероятный, и мы постоянно были голодные. По вечерам готовили чай и пели хором революционные песни, невзирая на запрет конвоя. У одного из товарищей, по-видимому административно-ссылного, был с собой фотоаппарат, и он снял на паузке нашу группу. Эту фотографию показывал мне потом, в советское время, в Москве Ф. Горский, но у него был только один экземпляр, и он не хотел его отдавать; так я и не получила этого снимка.

Была весна. Берега Лены покрылись светлой зеленью молодой травки и свежей листвой деревьев. Однажды мы увидели посреди Лены островок, заросший цветущей черемухой. Это было изумительное по красоте зрелище; мы упростили конвой направить наш паузок к этому островку. А когда паузок пристал, мы выскочили на берег, упивались одуряющим запахом черемухи и нарвали огромные букеты. Жаль было покидать этот очаровательный островок.

Поездка паузком от Качуга до Орлинги продолжалась неделю. В Орлингу мы прибыли около середины июня. Увидели мы это село издали. Орлинга расположилась на огромной поляне у изгиба Лены и поэтому была с двух сторон окружена рекой. За поляной тянулась бескрайняя тайга. К берегу за селом мы пристали еще до захода солнца, но конвойный офицер, пьяный по обыкновению

встельку, так медлил, что нас привели в волостное правление только около полуночи.

Пришлось распрощаться с товарищами по паузку: с Александровой, с которой мы очень сблизились за время пути на подводе и паузке, со старым моим знакомым Тадеушем (Ф. Горский) и другими.

В Орлинге

Высадили в Орлинге нас, четверых политических: тяжелобольного мепышевика Андреева, двух латышей и меня, а также нескольких уголовных. Мы ждали, что в Орлинге нас встретят местные политические ссыльнопоселенцы и помогут сразу найти ночлег. Но никто из них не явился. По-видимому, они не знали, что в тот день прибудет партия. Принял нас волостной писарь и предложил мне и больному Андрееву провести ночь в помещении волостного правления. Но мы не хотели пользоваться любезностью царского слуги и пошли... в каталажку — волостную тюрьму, в то время пустовавшую, но страшно грязную и полную клопов. Таким образом, первую ночь на «свободе» мы добровольно провели в тюрьме. Были мы, особенно Андреев, ужасно измучены и голодны. В волостном правлении нам дали дрова и свечку. Мы разожгли огонь в печке и вскипятили чайник. Нашлось немного сахару и сыру, и мы несколько подкрепились. Легли на голые нары и, измученные дорогой, уснули.

Ночью разбудил нас какой-то шум. Это уголовные, которые сразу же после прибытия в Орлингу отправились на поиски водки, пришли пьяные с бутылкой и начали угощать Андреева водкой и дрянными конфетами.

С трудом утихомирили мы их и попытались снова заснуть. Однако клопы спать не дали. На следующее утро мы отправились осматривать Орлингу и на поиски товарищей. К Орлингской волости было приписано около 60 политических ссыльнопоселенцев, но почти все они разъехались в поисках работы в другие деревни и села этой волости, а также в другие волости Киренского уезда.

Некоторые, как, например, большевик Караваев (при Советской власти — член ЦКК ВКП(б)), работали в Ленском речном пароходстве около Киренска и т. д.

В Орлинге оставалось всего человек 5—6 ссыльнопоселенцев, из которых четверо были без работы. Узнав

о приезде новых поселенцев, проживавший уже длительное время в Орлинге эсер Безверхий вышел нам навстречу и заботливо стал нам помогать. Большого Андреева он поместил в так называемую больницу с тремя кроватями, до сих пор пустовавшую. Служителем в этом лазарете был совсем уже пожилой человек, ссыльный поляк, участник восстания 1863 года.

Устройство Андреева в больницу было счастьем для него. Там он имел крышу над головой, был в тепле, лежал на чистом белье, имел хотя и скудную, но здоровую больничную пищу и бесплатный уход фельдшера. Врача в Орлинге не было. От эсера Безверхова мы узнали, что местный волостной писарь — либерал и человек сравнительно культурный, что он хорошо относится к политическим ссыльнопоселенцам и охотно дает им читать книжки из своей небольшой библиотеки. Безверхий сказал мне также, что в квартире волостного писаря сдается комната, и отвел меня туда.

Я наняла эту маленькую комнатку с железной койкой без матраца, со столиком, табуреткой и лампой за два рубля в месяц. Тут пригодился мне серый казенный халат с красным тузом на спине. У меня не было мешка, чтобы набить его соломой или сеном, поэтому я использовала вместо тюфяка сложенный вчетверо халат. И хотя спать на нем было неудобно, но все же он защищал от холода снизу. В изголовье я клала казенную суконную одежду, все это покрывала простыней, а под голову — маленькую подушку-думку.

Село Орлинга, хотя и было волостным центром, насчитывало всего лишь 31 деревянный домик. В Орлинге не было ни одного деревца, не было ни садиков, ни огородов около домов, как принято в польских деревнях. Только у одного волостного писаря был небольшой огородик за домом, где росли капуста и морковь. Другие жители Орлинги не выращивали совершенно никаких овощей. В селе была одна-единственная улица, довольно широкая, но утопающая в грязи и лужах. Мужчины по целым дням пили водку, зарабатывали перевозкой на подводах людей или товаров.

Вся работа в поле, где сеяли пшеницу и сажали немного картошки, легла на плечи женщин, нагруженных также и домашней работой, и заботой о детях.

Кроме церкви, больницы и волостного правления в Орлинге были еще почта с телеграфом, что было чрезвы-

чайно важно для нас, ссыльнопоселенцев, школа с учительницей в лице попады. В школу эту ходило очень мало детей. Они были заняты дома в хозяйстве как рабочая сила. Была также монополюшка — казенная лавка, торговавшая водкой и спиртом, и лавчонка, где можно было достать только керосин, спички, сахар (и то не всегда), пшеничную муку грубого помола и «кирпичный чай», а также плохонький ситчик. Хлеба в лавке вообще не продавали, приходилось печь самим или давать хозяйке муку и платить за выпечку.

В первый же день после приезда я пошла на почту и с большой радостью узнала, что там уже ждут меня деньги, высланные моим заботливым отцом. Это было, разумеется, спасением для меня.

Я отправила отцу большое письмо, описывая условия жизни в Орлинге и успокаивая его, Феликса и всех моих близких.

Через несколько дней хозяйка предложила мне обучать ее десятилетнюю дочку арифметике и русскому языку и обещала за это кормить меня.

Я с радостью приняла это предложение и по 2—3 часа ежедневно занималась с девочкой.

Волостной писарь, хоть и говорили о его «культурности», был непробудным пьяницей. Пил он запоем по нескольку дней кряду, а в пьяном виде пемилосердно избивал свою несчастную жену и детей, если они попадались ему под руку. Тяжело было смотреть на эту страшную семейную жизнь. Моя ученица много работала, помогая матери: убирала квартиру, стирала белье в находившейся во дворе баньке, которая топилась по-черному, растапливала печку в этой баньке, таскала тяжелые корзины мокрого белья на берег Лены, полоскала его в студеной воде реки с быстрым течением. Она присматривала также за тремя младшими детьми, нянчила восьмимесячную сестренку. У детей не было своих кроваток. Они спали вповалку в просторной, почти пустой комнате в углу на полу на большой медвежьей шкуре.

Жизнь в Орлинге была однообразна и бессодержательна. Оживление вносили лишь поступающие по почте газеты и письма. Через некоторое время отец выписал мне варшавскую газету «Курьер Поранны», благодаря чему я не совсем была оторвана от жизни. А она в это время двигалась вперед, ускоряя свой темп.

Со времени моего отъезда из Варшавы я получила, еще находясь в Иркутской тюрьме, всего лишь одну открытку с невеселым сообщением о сыне. От Феликса и от отца никаких вестей не было. Меня не оставляло беспокойство и удручала тоска о моих близких, особенно о моем малыше. Около 25 июня я неожиданно получила сообщение о том, что Ясика увезли из детского дома Савицкой в белорусское местечко Клецк¹ к моему дяде-врачу Маряну Мушкату и его жене Юлии. Взяли ребенка у Савицкой потому, что, оставленный на попечении няни, он там постоянно болел. Увезла в Клецк Ясика моя мачеха, за что я ей была бесконечно благодарна. Дядя мой — терапевт, как все уездные врачи имевший большой практический лечебный опыт, следивший за всеми новыми течениями в медицине, и его жена Юлия, хотя и занятая собственными четырьмя детьми, окружили моего малыша заботой, ухаживали за ним. Только в Клецке под постоянным врачебным наблюдением он начал постепенно поправляться. Там, в Клецке, когда ему было уже больше года, у него прорезался первый зуб. Отец мой, желая сам присматривать за внуком, также перебрался на лето к своему брату в Клецк.

Вместе с сообщением о переезде в Клецк отец прислал мне вторую фотографию Ясика, сидящего голышом в кресле. Тельце его несколько округлилось, но по неестественной его позе было видно, что он самостоятельно еще не умеет сидеть. Письмо о том, что ребенка увезли в Клецк, очень обрадовало и успокоило меня, но не уменьшило тоски по нем. От Феликса по-прежнему не было никаких известий, и беспокойство мое за него все усиливалось.

Лето в Орлинге было короткое, но очень жаркое. Летом страшно донимали комары и особенно мошка. Ее было так много, что вместе с дыханием она попадала в рот и нос. Для защиты от этой мошкары приходилось надевать густую сетку на голову и лицо.

Не помню, каким образом во второй половине июля я узнала, что вскоре должна прибыть новая партия ссыльнопоселенцев. Так как Гемборек и Эльбаум не были в моей партии, то я была уверена, что они попадут в следующую. Поэтому мы с Безверхим караулили, чтобы не пропустить их приезд.

¹ Клецк в настоящее время районный центр Минской области БССР.

В ожидании встречи с товарищами мы отправились в глубь тайги и нарвали красной и черной смородины, которая там росла в большом количестве. Я купила сахару и сварила для моих друзей несколько банок варенья. Ожидание мое продолжалось не очень долго. 26 июля прибыла новая партия ссыльпоселенцев. С этой партией следовали дальше на север к Киренску, кажется в Усть-Кут, Гемборек, Эльбаум и самый старый из наших варшавских социал-демократов Ойцец (Л. Добровичинский), многие годы работавший в нелегальных партийных типографиях.

В течение нескольких часов, пока принимали и записывали прибывших в волостном правлении, паузок с Гембореком, Эльбаумом и Добровичинским стоял у берега. Им разрешили сойти на берег, а меня пустили к ним. Мы провели несколько часов, беседуя, делясь своими переживаниями, скромными сведениями, которыми мы располагали о политических событиях в России и Королевстве Польском, а также о деятельности СДКПпЛ, о жизни наших товарищей, разбросанных по разным тюрьмам и беспредельным просторам Сибири. Я передала товарищам банки с вареньем, что было для них приятным сюрпризом. Эльбаум позже, находясь в ссылке, работал на паузке, курсировавшем между Усть-Кутом и Киренском по Лене, где в то время проводились работы по углублению русла реки. Гемборек в Усть-Куте не нашел работы и собирался в Киренск, где нетрудно было найти уроки. Он писал мне об этом и предлагал приехать в Киренск. И Гемборек, и Эльбаум через некоторое время, кажется в 1913 или 1914 году, до начала войны, бежали из Сибири за границу.

Среди прибывших в Орлингу 20 товарищей было несколько социал-демократов: большевик Петр Николаевич Львов из Москвы и два меньшевика — Николай Николаевич Попов (после Октябрьской революции — член ВКП(б) и активный партийный работник в Киеве, а потом в Исполкоме Коминтерна) и бывший депутат во II Думу Зурабов. С этой партией прибыл также член националистической ППС (так называемой революционной фракции) Ржепецкий, с которым в 1911 году я сидела в X павильоне в одном коридоре и перестукивалась через стенку. В Орлинге он снял большую комнату на втором этаже в доме моих хозяев. В прибывшей партии не было ни одной женщины.

Вновь прибывшие товарищи с трудом и не все нашли себе в Орлинге жилье, поэтому некоторые поехали

в другие деревни и села. Работы никто из оставшихся не нашел.

Большинство из приехавших жили коммуной, вместе готовили себе на костре еду на открытом воздухе. Я не присоединилась к ним, так как питалась у хозяйки за уроки. Однажды чалдоны убили в тайге лося и продали поселенцам кусок мяса. Это было необычное событие, потому что в Орлинге никто из нас мяса еще не ел. Товарищи зажарили это мясо и пригласили меня на свой пир. Впервые и единственный раз в жизни я тогда ела мясо лося, которое всем нам очень понравилось.

Жизнь в Орлинге после прибытия новой партии пошла живее и веселее. В нашем эсдецком кругу, естественно, тоже не было полного единства взглядов из-за принадлежности к разным фракциям. Наша небольшая группа социал-демократов держалась вместе. Мы читали газеты и книжки, вели дискуссии по партийным вопросам и часто совершали прогулки. «Фрак» Ржепецкий держался в стороне от русских товарищей, разговаривал только со мной, и то редко, так как я предпочитала быть в кругу единомышленников.

Для характеристики моих взглядов и вообще позиции эсдекапезловцев приведу одну беседу с Львовым, когда мы однажды были вдвоем на прогулке. Львов спросил меня, к какой фракции я принадлежу: к большевистской или меньшевистской. Я ответила, как это сделал бы каждый член СДКПиЛ, что не принадлежу ни к какой фракции. На это Львов ответил: «Значит, вы в болоте?»

Я удивилась и возмутилась, потому что мы были убеждены, что СДКПиЛ самая революционная партия в мире.

Однажды вместе с Безверхим в качестве проводника и еще несколькими товарищами мы отправились в глубь тайги. Я была удивлена ее непроходимой чащей, ее дикостью. Случалось, что, ступая по мягкому мху среди столетних сосен и елей, вдруг провалишься в глубокую по пояс яму. Оказывалось, что это вовсе не яма, а сваленное или упавшее от старости много лет тому назад дерево, прогнившее внутри и полое, а сверху поросшее густым мхом. Это произвело на меня сильное и какое-то неприятное впечатление. Идя по тайге, я тосковала по нашим смешанным лесам под Варшавой, по молодым душистым сосенкам, по развесистым дубам и березовым рощам с зарослями вереска.

Прекрасные, но чужие виды усиливали тоску по родной стороне, и невольно искала я в тайге или в лесах на берегу Лены уголков, похожих на наши. Я любила поздним вечером выходить на воздух и смотреть на звездное небо. Я отыскивала Большую Медведицу и другие знакомые мне звезды и, долго всматриваясь в них, забывала, что я на чужбине, думала о том, что, может быть, именно в эту минуту Феликс или отец смотрят на эти звезды. Это, впрочем, было невозможно, ибо там был еще день. Но это как бы приближало меня к ним, к Варшаве и ее окрестностям. Однажды в августе мы отправились вниз по Лене за 12 верст. Там как раз мы увидели леса, похожие на польские. Нам сказали, что мы дойдем до села, где сможем подкрепиться. Поэтому мы не взяли с собой ничего съестного. Оказалось, однако, что село расположено на противоположном берегу Лены. Вернулись мы назад в Орлинггу голодные и усталые, но полные приятных впечатлений.

В конце июля или же в начале августа мне вручили на почте присланную отцом книжку Павла Адама «Сила». Эту книгу Феликс послал отцу через Лазоверта для меня. Книжка была старая, потрепанная, кажется, без начала, в потертой картонной обложке. Во второй половине августа я получила письмо от Феликса, написанное 14 августа. В письме он советовал мне внимательно прочитать эту книжку, так как она придаст мне много сил. По виду книжки совершенно неизвестного мне писателя и по письму Феликса я поняла, что эта книжка чрезвычайно ценна для меня, что она содержит то, что мне необходимо для побега: паспорт на чужое имя.

Книжку эту я сохранила некоторое время нетронутой, ожидая присылки денег для побега. Без этого нельзя было двинуться в путь. Деньги для побега Феликсу пришлось еще добывать. Я догадывалась, что паспорт спрятан в обложке, собственноручно сделанной Феликсом.

Но я не вынимала его, ибо в случае обыска его могли бы пайти. В письме к отцу я подтвердила получение книжки и просила прислать мне «комментарии» к ней, т. е. деньги на дорогу. Я собиралась ехать до Качуга паромом, а мне сказали, что навигация по Лене кончается в августе. Желая обмануть бдительность властей, которые, возможно, проверяли мои письма к семье, я писала отцу, чтобы мне в Сибирь прислали сына, что доказывало бы, что я намереваюсь остаться на зиму в Орлинге или

в другом месте Киренского уезда. Но эта моя просьба ввела в заблуждение моего отца и Феликса, которые забеспокоились, думая, что я, может быть, действительно отказалась от мысли совершить побег осенью и хочу остаться в Сибири на зиму. Узнав из письма об их беспокойстве, я написала отцу 17 августа, что приезд Ясика в Орлингу совершенно невозможен. И отец понял, что прежнее мое письмо было лишь дипломатической уловкой.

Во второй же половине августа я получила письмо от Феликса из Кракова от 7 августа, в котором он снова касался вопроса о расколе. Письмо это свидетельствовало, как тяжело переживал Феликс раскол в СДКПиЛ. Он писал: «Ты не знаешь и не сможешь понять того, что тут происходит, а то, что происходит, так ужасно, что если только жить одним этим сегодняшним днем, то надо умереть».

Вместе с этим письмом он прислал мне какую-то буржуазную газету, а под оберткой бандероли оказались вырезки из «Червоного Штандара» и из органа «розламовцев» «Газеты Роботнича», касавшиеся вопросов раскола. Меня очень удручало положение, создавшееся в партии. В упомянутом письме от 7 августа Феликс сообщал мне также, что, предвидя свой близкий арест, он в этот же день напишет «прощальное письмо» товарищам, в котором хочет выразить « всю свою любовь к делу и... уверенность в том, что все минует, не минует только это дело... ».

В это же время до нас дошли вести из Жигалова на Лене, Верховенского уезда, о страшных репрессиях по отношению к политическим ссыльнопоселенцам. Там ежедневно производились обыски и аресты. В Иркутск увезли свыше 40 закованных в кандалы поселенцев. Их привлекли к ответственности за якобы намечавшуюся экспроприацию почты под Жигаловом.

В середине августа я получила также письмо от Франки Гутовской с сообщением о плохом состоянии ее здоровья и тяжелом материальном положении. Еще раньше, получив в Орлинге 10 рублей от Феликса, я послала половину этих денег Франке. Теперь же, к сожалению, я ничем не могла ей помочь, у меня самой не было денег даже на почтовую марку.

Только 24 августа получила я высланные Феликсом через моего отца 100 рублей для побега. Как раз в тот день я потеряла свой урок, так как даже те несколько часов, которые уходили на запятия у моей ученицы, пона-

добились для ухода и присмотра за младшими детьми и для другой домашней работы.

Потеря урока была еще одним поводом ускорить мой побег. Поэтому сразу же по получении денег я начала собираться в дорогу, тем более что приближался конец навигации по Лене.

Побег

О моем намерении совершить побег знали Петр Николаевич Львов и Ржепецкий, от которого скрыть это было невозможно, так как он жил в одном доме со мной.

Хозяйевам своим я сказала, что, потеряв урок, хочу переехать в село Шаманово, расположенное южнее Орлинги и назначенное мне для поселения. 26 или 27 августа в Орлингу должен был прибыть с севера последний пароход, идущий в Качуг. Я уложила свои немногочисленные пожитки, оставив хозяйевам тюремный халат, одежду и белье. Из переплета книжки «Сила» я вынула паспорт на чужое имя и нетерпеливо стала ждать прибытия парохода. Паспорт оказался не сфабрикованным, а подлинным, паспорт какой-то женщины моего возраста, сочувствующей СДКПиЛ, проживавшей в Королевстве Польском. Она сама на время дала этот паспорт Феликсу, чтобы помочь мне совершить побег. Фамилии ее, к сожалению, не помню. Я заучила тогда эту фамилию и все данные касательно времени и места ее рождения, местожительства и т. д. Научилась также и подписываться так, чтобы похоже было на ее подпись на паспорте.

Наконец пришел пароход. Львов пошел на берег, чтобы посмотреть, нет ли там знакомой полиции, которая могла бы меня сразу арестовать. Я напряженно ждала его возвращения около дома.

После массового расстрела рабочих в апреле 1912 года в Бодайбо, что вызвало возмущение по всей России и в Королевстве Польском, хозяйева золотых приисков как раз к этому времени выбросили на мостовую тысячи шахтеров с семьями, и уже несколько пароходов, переполненных этими несчастными, проплывали из Бодайбо на юг мимо Орлинги.

Прибывший 26 или 27 августа пароход, последний в этом навигационном сезоне, также был буквально набит шахтерами, изгнанными из Бодайбо. Они находились под надзором многочисленной полиции. Это не было бы еще

так страшно, но на пароходе оказался урядник из Орлинги, знавший меня хорошо и обязанный следить, чтобы все ссыльнопоселенцы Орлингской волости, в том числе, знает, и я, были на месте. О присутствии урядника на пароходе мне немедленно сообщил Львов. Ясно было, что ехать на этом пароходе нельзя. Но оставаться дольше в Орлинге тоже нельзя было. Лена могла вскоре замерзнуть, и тогда поездка была бы невозможной из-за отсутствия теплой одежды и недостатка денег, так как единственная дорога по реке на санях стоила значительно дороже, чем на пароходе.

Что тут было делать?

Мы собрались втроем с Львовым и Ржепецким и, посоветовавшись, пришли к выводу, что мне следует ехать на почтовой лодке. Но это стоило значительно дороже, чем поездка на пароходе, и уплатить всю стоимость одна я была не в состоянии. Помог случай. Моя хозяйка, жена волостного писаря, зная, что я собираюсь ехать в Шаманово, сказала мне, что какая-то женщина, приехавшая в гости к своим родным в Орлингу из Томска, как раз собирается возвращаться домой. Чтобы сократить дорожные расходы, она ищет спутника. Я этому очень обрадовалась и воспользовалась оказией. Сразу же на следующий день — 28 августа, рано утром, я попрощалась с товарищами и моими хозяевами и отправилась в путь по Лене. Все переговоры с почтой вела моя попутчица. Это было мне на руку. Я отправилась на берег в сопровождении Львова и Ржепецкого. Полиции не было. Мы сели в большую лодку с круглым навесом над двумя поперечными скамейками в центре лодки. Спереди и сзади был открытый вид. Почтовую лодку тащили на канатах две лошади, шедшие гуськом одна за другой по узкой тропинке берегом Лены. На одной из лошадей сидел почтовый работник, второй почтальон сидел на лодке у руля.

Местами тайга так близко подходила к реке, что лошади не могли пройти по берегу. Тогда сидящий на передней лошади человек направлял их в реку, и они шли по воде до места, где снова можно было выйти на берег. Мы плыли на лодке двое или трое суток, восхищаясь видами Лены. В первую же ночь ударил мороз, и тайга стала неузнаваемой. Еще совершенно свежие зеленые листья на деревьях и кустах сразу пожелтели и покраснели. Освещенные солнцем, они были очень красивы. У нас в Польше листья на деревьях вянут постепенно, морщатся прежде,

чем пожелтеют, и никогда не имеют такого свежего вида, за исключением клена. Тут все деревья еще были полны соков и сохранили свою свежесть, изменив только цвет листьев. Никогда не забуду я эту картину берегов Лены в золотом и ярко-красном одеянии.

На почтовых станциях меняли лошадей. Мы тогда выходили из лодки и шли в буфет на станцию, чтобы согреться горячим чаем, порядком продрогнув ночью. На одной из почтовых станций, в Верхоленске, я встретила в сенях с двумя солдатами и услышала, как один из них, показывая на меня, сказал другому:

— Смотри, вот барынька, которую мы везли паузком на север.

Я поняла, что это были солдаты нашего паузка, конвоировавшие нас по Лене, а теперь, по-видимому, они сопровождали почту, везшую из Иркутска посылки и деньги.

Я забеспокоилась, опасаясь, что они могут меня выдать, и, чтобы им больше не показываться на глаза, попросила свою спутницу договориться и заплатить за нашу дальнейшую дорогу на почтовой лодке, а сама спряталась за дверями в сенях и стояла там, пока не пришло время отправляться. Мне тогда не удалось даже выпить горячего чаю. Мы поплыли дальше на лодке до Жигалова. Тут я чуть не засыпалась. На берегу было много полиции, сопровождавшей рабочих, уезжавших из Бодайбо. Солдаты, которые меня узнали в Верхоленске, были, по-видимому, порядочными людьми и не относились враждебно к нам, революционерам. Как оказалось, о встрече со мной они не донесли.

Все же нужна была большая осторожность. Из Жигалова мы ехали дальше степью до Иркутска на почтовых лошадях в повозках, похожих на варшавские пролетки, с той только разницей, что они были без всякого сиденья. Это было связано с тем, что в сибирских условиях путники брали с собой сундуки и постели, которые клали в повозки, и сидели на них. Так же сделала и моя попутчица. Она сидела в этой повозке на своем сундуке и мягкой постели. Я же не имела ни сундука, ни постели, ни даже чемодана, а всего лишь небольшую кучку вещей в холстине. Холстина эта с обоих концов стягивалась и завязывалась тесемкой, а посередине застегивалась на пуговицы и имела пришитую ручку из этого же холста. Поэтому в повозке я сидела почти на дне, и меня немилосердно трясло, переворачивая все внутренности. Наша «пролетка»

была без рессор, а ехали мы по обыкновенной проселочной дороге. На лошадях я ехала 5 суток до Иркутска. Последние двое суток, чтобы не останавливаться на почтовых станциях и избежать встреч с полицией и солдатами, мы ехали не на почтовых лошадях, а папjali частную бричку у жителя одной из бурятских деревень. Это стоило дороже, чем на почтовых лошадях, но было необходимо, чтобы не засыпаться.

Мне пришлось сразу же после отплытия из Орлинги сказать моей спутнице, что я еду не в Шаманово, а в Иркутск якобы за тем, чтобы добиваться замены Киренского уезда на Балаганский или Верхолениский, где легче было найти уроки.

Я сказала ей также, что еду в Иркутск без разрешения орлингских властей, поэтому за пределами Киренского уезда мне может угрожать арест. Она согласилась ехать дальше на крестьянских подводах. Это стоило, как я уже сказала, дороже, чем почтовые лошади, но все же дешевле, чем если бы она одна ехала на почтовых лошадях. Помню один участок дороги между Жигаловом и Качугом, который мы проехали в повозке, запряженной тройкой лошадей. Дорога круто поднималась к берегу Лены, и возница понукал лошадей ехать рысью. Лошади понеслись в гору вихрем. Это была необычайно приятная езда. Мне казалось, что нас мчат не лошади, а несут собственные крылья. Когда мы въехали на горку на берегу Лены, возчик остановил лошадей, чтобы дать им отдохнуть. Они были в мыле. Я упивалась красотами Лены и ее берегов. Я подумала тогда, как было бы хорошо, если бы я могла когда-нибудь еще увидеть Лену и проехать по этой же дороге в условиях полной свободы, когда царизм будет лежать в прахе и развалинах. Тогда можно было бы без всякого опасения ареста наслаждаться сибирской природой. Однако это желание мне не удалось осуществить.

Дорога на лошадях и недоедание в пути измучили меня ужасно. В Иркутске у меня был адрес, данный мне кем-то из товарищей, где я должна была провести несколько часов до отхода поезда. Но я чувствовала себя до того изнуренной, что была не в состоянии двинуться с места. И все время, несмотря на безрассудство, ибо мне грозила опасность быть арестованной, я сидела в зале ожидания на вокзале, где меня могли увидеть жандармы и сыщики. Я купила билет до Самары. Это оказалось неправильным, потому что в Самаре мне с большим трудом

удалось достать билет до Москвы. В Иркутске я распрощалась с моей попутчицей из Орлинги и села в плацкартный вагон на самую верхнюю полку, чтобы как можно меньше попадаться на глаза. На какой-то сибирской станции за Иркутском я неожиданно встретилась с моей попутчицей, которая ехала в этом же поезде до Томска и, видимо, по ошибке вошла в мой вагон. Она не должна была знать о моей поездке из Иркутска на запад. Встреча эта была не из приятных, так как женщина могла невольно проговориться о моем побеге. Но ничего не поделаешь, пришлось ехать дальше в надежде, что она этого не сделает.

Из вагона я старалась выходить как можно реже. В буфеты не заходила, а только брала бесплатный кипяток на перроне, чтобы в кружке заварить себе чай, и кое-что покупала на пристанционных базарах. В Челябинске нужно было пересест в другой поезд: иркутский дальше не шел. Как я уже упоминала выше, в случае ареста в Сибири мне грозили несколько месяцев тюрьмы и обратная высылка в Киренский уезд, но дальше, чем Орлинга, на север. В случае же ареста в Челябинске, который считался границей между Европой и Азией, или же западнее Челябинска в Европе сибирским ссыльнопоселенцам угрожало уже наказание более тяжелое: суд и по меньшей мере три года каторги, после отбытия которой снова поселение на дальнем севере в Сибири. В Челябинске, насколько помню, не пришлось долго ждать поезда на Самару. Но нужно было перейти на другой перрон. А там было полно жандармов и полиции. Благоприятным обстоятельством оказалось то, что как раз в это время довольно много сибирской молодежи, в том числе и женщин, ехало через Челябинск на курсы, в училища и высшие учебные заведения в Москву и Петербург. Среди этой молодежи я не бросалась в глаза и не обратила на себя особого внимания полиции.

На всякий случай, желая усыпить бдительность железнодорожных жандармов, я поступила так, как однажды в Варшаве, когда везла на пролетке огромный тюк партийных изданий: я напрямик подошла к одному из жандармов и спросила его, где стоит поезд на Самару. Жандарм любезно указал мне нужный перрон и поезд. Я села в поезд и дальше ехала спокойно. Самое страшное осталось позади. Я убедилась в том, что моя попутчица из Орлинги оказалась женщиной благородной и сохранила тайну моего

побега. Позднее, уже миновав русско-австрийскую границу и приехав в Краков, я написала ей сердечное письмо на томский адрес, который она мне дала, сообщая об успешно завершнном побеге, и поблагодарила ее за оказанную мне помощь.

В Москве, прибыв на Казанский вокзал, я первым делом справилась, когда отправляется поезд на Люблин. Оказалось, что не скоро и что придется ждать несколько часов. У меня был данный Львовым московский адрес какой-то учительницы, сочувствующей социал-демократам, которая работала в Институте благородных девиц. Я отправилась к ней. Она приняла меня очень сердечно, накормила, порасспросила о Львове. Я пробыла у нее несколько часов, после чего поехала на Александровский вокзал (ныне Белорусский), купила билет до Люблина и села в вагон III класса.

В Варшаве тогда из моей семьи никого не было. Отец с Ясиком был в Клецке. В Люблине жил мой старший брат Станислав. Туда я и поехала. Мне предстоял выезд за границу на длительное время и разлука с семьей надолго. Мне обязательно хотелось до отъезда за границу увидеться с отцом. В Клецк ехать я не могла. Если в Орлинге обнаружится мой побег, то искать станут прежде всего в Варшаве или Клецке, где находился мой ребенок. Поэтому я послала из Москвы отцу телеграмму, подписав ее своим именем: «Выезжай немедленно в Люблин».

Получив телеграмму, отец понял, что я уже бежала из Сибири и скоро буду в Люблине. Он немедленно выехал. Случилось так, что мы встретились еще в Белоруссии, на одной из железнодорожных станций — в Несвеже, куда из Клецка надо было ехать на лошадях. Поздно вечером, когда было совсем темно, я выглянула в окно и увидела своего отца в тот момент, когда он садился в соседний вагон III класса моего поезда. Сердце мое радостно забилося, но я заставила себя стоять спокойно и, вернувшись на свое место, стала ждать, когда наступит глубокая ночь и все крепко заснует. Тогда я спустилась с полки, перешла в следующий вагон и нашла на одной из нижних полок спящего отца. Я колебалась, будить ли его, боясь сильно взволновать его, но не выдержала и осторожно погладила руку. Он открыл глаза и, увидев меня в полумраке вагонного освещения, рывком вскочил и сел. К счастью, он не крикнул. Я сделала ему знак рукой, чтобы он молчал. Мы обнялись, горячо поцеловались и долго сидели рядышком,

разговаривая шепотом. Мы договорились, что будем вести себя так, как будто не знаем друг друга. Затем я вернулась в свой вагон.

Всю дорогу от самого Иркутска я ехала в состоянии странного спокойствия. Меня даже не слишком встревожила встреча в вагоне с моей попутчицей, ехавшей в Томск. Но теперь, после встречи с отцом, у меня не было ни минуты покоя. Я боялась, что меня арестуют на его глазах и что это будет страшнейшим ударом для него. В Брест-Литовске нужно было пересест в другой поезд, так как этот шел в Варшаву.

В другом поезде мы снова ехали в разных вагонах. Приехав в Люблин, согласно нашей договоренности, мы пошли отдельно. Отец ненадолго остался на вокзале, а я взяла извозчика и поехала на квартиру брата. Это было в рабочее время, и я не застала ни брата, ни его жены. Дома была только домработница, которая меня не знала. Я сказала, что я родственница хозяина квартиры и хочу дожидаться его или его жены. Через несколько часов пришли брат и его жена. Они очень обрадовались мне, но боялись оставить ночевать у себя даже на одну ночь. Они нашли мне более безопасное пристанище за плату у каких-то своих знакомых двух пожилых женщин-сестер, где не было прислуги. Те жили одиноко и согласились взять меня к себе с условием, чтобы я днем не выходила из квартиры ни на улицу, ни во двор, ни даже на лестничную площадку. Я, конечно, согласилась и целыми днями сидела в добровольном заключении.

Выходила я во двор только ночью и то ненадолго, чтобы немного подышать воздухом. Время от времени меня навещали отец или брат с женой.

Сразу же после приезда в Люблин я написала Феликсу на краковский адрес, сообщив ему адрес брата для писем мне. Я не знала, находится ли Феликс в Кракове или же где-нибудь нелегально работает в Королевстве Польском. Я ждала. Если он в Королевстве Польском, то, узнав о моем приезде в Люблин, при первой же возможности явится ко мне. Я ждала этого момента с тоской и нетерпением, но он не появлялся.

Наконец пришел ответ из Кракова, но писанный не его рукой, а Стефана Братмана. Это подтверждало мою догадку, что Феликс находится нелегально в Королевстве Польском. Братман прислал мне адрес Францишки Ган в Домброве Гурничей. Я поняла, что она поможет мне

достать проходное свидетельство для проезда через границу в Галицию. Такое свидетельство выдавалось лицам, проживавшим, кажется, в 30-верстной пограничной зоне по обе стороны границы. Поэтому я сразу же распрощалась с отцом, братом¹, невесткой и гостеприимными хозяевами квартиры, где скрывалась, и поехала в Домброву. К поезду, разумеется, меня никто не провожал по конспиративным соображениям.

В Домброве я явилась к Ф. Ган и переночевала у нее. В разговоре она поделилась со мной печальной и тяжелой новостью:

— Знаете, — сказала она, — партию постигло большое несчастье, арестовали Эдмунда.

Я задумалась на мгновение и ответила, что не знаю, кто это такой. Я не знала, что после выезда в 1912 году на подпольную работу в страну у Феликса была новая партийная кличка Эдмунд. Я много лет знала его кличку Юзеф.

— Как не знаете? Не может быть! Нет такого человека в нашей партии, который бы не знал Эдмунда!

— Нет, — ответила я, — такого товарища не знаю.

— Но не может этого быть, — твердила Францишка, — у него жена в Сибири и маленький сынишка, который родился в тюрьме.

Францишка не знала меня лично, не знала, кто я такая. Она только выполняла, как это делала обычно, поручение партии. Ее обязанностью было организовать мой нелегальный переезд через границу. Я не ответила ни слова, но, как видно, на лице моем отразилось такое отчаяние и страдание, что Ган сразу все поняла: и то, что перед ней жена Эдмунда, мать его ребенка, и что я бежала из Сибири. Она заплакала, уронив голову мне на плечо, и мы обе долго не могли успокоиться. На следующее утро мне пришлось попрощаться с Францишкой и выехать в Бендзин к товарищу, которая должна была подготовить для меня на свое имя проходное свидетельство. После нескольких дней ожидания в Бендзипе проходного свидетельства и после приезда туда из Кракова Лазоверта мы вместе с ним сели в поезд и благополучно переехали через границу. Как я переехала границу, как доехала до Кра-

¹ Мой брат Станислав Мушкат, кандидат физико-математических наук, умер 6 июня 1962 г. в Варшаве в возрасте 81 года.

кова, ничего не помню. Я была совершенно убита сообщением об аресте Феликса.

Из Кракова я написала отцу о своем благополучном переезде через границу. Сообщила и о новом страшном несчастье — аресте Феликса, что неизбежно должно было кончиться для него каторгой.

Начался тяжелый и долгий период эмиграции.

В эмиграции в Галиции

Прибыв в Краков 26 сентября 1912 года, я отправилась на партийную квартиру по ул. Сташица, 3, где жил с женой Марией и годовалым сынишкой Флориан (Стефан Братман). Стефан был тогда секретарем Главного Правления СДКПиЛ и осуществлял связь Главного Правления с подпольной партийной организацией в Королевстве Польском. В то же время он был секретарем Бюро зарубежных секций СДКПиЛ.

Флориан передал мне открытку Феликса с фиктивной подписью «Леопольд», адресованную мне на фиктивную фамилию «Софии Велецкой» по адресу: Краков, ул. Сташица, 3. Феликс жил в Варшаве под фамилией Леопольд Велецкий и под этой фамилией был арестован. Открытку Феликс написал в день своего ареста 14 сентября 1912 года, по всей вероятности, в полицейском участке и переслал через солдата-конвоира. В открытке Феликс писал: «Моя дорогая! Со мной случилось несчастье. Я сильно заболел¹. Пожалуй, не скоро уже тебя увижу. Целую тебя и маленького Ясика от всего сердца.

Твой Леопольд».

Увы, слова Феликса сбылись: мы не виделись с ним до самой осени 1918 года.

Феликса снова поместили в X павильон Варшавской цитадели, где он раньше уже просидел столько тяжелых лет. На этот раз он пробыл в X павильоне до первой мировой войны, затем был переведен в тюрьму в глубь России.

Получив от Стефана открытку Феликса, я немедленно написала ему в X павильон о моем благополучном побеге из Сибири и приезде в Краков.

¹ Это означало, что он арестован.

Первое письмо Феликса ко мне из X павильона было датировано 20 января 1913 года. Ему не разрешили иметь в камере письменных принадлежностей, и письмо пришлось писать под надзором жандарма. Он сообщил мне, что время коротает за чтением и что надеется вскоре получить первое свидание с братом Игнатием. Значит, в течение четырех месяцев ему не давали свиданий.

В этом письме Феликс выражал беспокойство обо мне и Ясике, который все еще был далеко от меня. Он находился у моего дяди Мариана в Клецке в Белоруссии. Взять его к себе я не могла в течение долгих месяцев. У меня не было никакого заработка и не было необходимых условий жизни.

Через несколько дней после приезда в Краков я сняла маленькую комнатку и начала искать уроки. Но найти их было нелегко.

В Кракове существовал основанный в 1910 году по инициативе члена СДКПиЛ, бывшего политкаторжанина Александра (Сергея Вагоцкого) Краковский союз помощи политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам в России. С. Вагоцкого я знала еще с 1910 года. Он предложил мне работу за скромную плату в этом союзе в качестве секретаря. Я охотно приняла его предложение и работала секретарем союза вплоть до начала империалистической войны.

Это была демократически-революционная организация. Цель ее состояла прежде всего в том, чтобы оказывать материальную помощь политзаключенным и ссыльнопоселенцам в России, независимо от их партийной принадлежности и национальности, а также финансировать побег из Сибири жертв царского террора. Официально для властей Союз считался беспартийным, но состояли в нем, как в правлении, так и членами, представители разных партий и левых группировок, от большевиков, СДКПиЛ, ППС-левицы до меньшевиков и Польской социально-демократической партии Галиции и Силезии. В 1912—1914 годах членами Союза были Ленин и Крупская, находившиеся тогда в Кракове. Взносы присылали из разных стран члены Союза, в том числе: Людмила Сталь, Инесса Арманд, Георгий Чичерин, Александра Коллонтай, Юлиан Мархлевский, Феликс Кон, Яков Ганецкий и многие другие товарищи. В начале 1913 года Краковский союз обратился в Бюро заграничных секций СДКПиЛ с предложением выделить своего представителя в правление Союза. Бюро

направило меня. В том же году я была избрана членом правления Союза как представительница Главного Правления СДКПиЛ.

В Кракове я застала среди членов нашей партии очень тяжелую атмосферу, вызванную расколом, возникшим в краевой организации СДКПиЛ. Этот раскол распространился и на заграничные секции СДКПиЛ. Краковская секция раскололась на две части, причем большинство краковских товарищей встало на сторону «розламовцев». На стороне Главного Правления были Братманы, Фредэк (Альфред Гиршбанд), Роман (Самуил Лазоверт), Розенгартен (из Кракова) и несколько краковских рабочих.

О расколе мне было известно только то, что я могла узнать из конспиративных писем Феликса ко мне в «Сербию» и в Сибирь, а также из присланных им в Орлингу вырезок из «Червоного Штандара» и органа «розламовцев» «Газеты Роботничей». Подробности я узнала в Кракове от Братманов, Лазоверта и Гиршбанда. Узнала я также о серьезных подозрениях Феликса насчет провокации в варшавской организации СДКПиЛ. Все это страшно меня удручало.

Между обеими краковскими секциями отношения были настолько напряженными, что сторонники Главного Правления совсем не встречались и не разговаривали с «розламовцами». Как я уже сказала выше, у меня были большие сомнения насчет правильности методов борьбы Главного Правления с варшавской организацией, но я считала преступлением раскол в партии, особенно в тех тяжелых условиях. Доверие мое к Феликсу, к его преданности делу, знанию людей, к его самоотверженному служению партии и революции было безгранично. И поэтому я присоединилась к секции, поддерживавшей Главное Правление.

Только находясь в Кракове, я почувствовала, насколько измучена и изнурена тюрьмой, этапом и обратной дорогой во время побега. У меня были сильные головокружения. Такое состояние продолжалось несколько месяцев.

Сразу после приезда в Краков я написала Франке Гуттовской и товарищам в Орлингу: Львову, Ржепецкому и Андрееву — о моем благополучном приезде за границу. Франке я описала подробно свой побег, чтобы ей самой легче было бежать. Еще до ареста Феликса я просила его в завуалированной форме в письме из Сибири помочь Франке совершить побег.

Он, по-видимому, дал соответствующее поручение Флориану (Братман), потому что последний, после моего приезда в Краков, послал Франке «левый» паспорт и деньги для побега. Через некоторое время Франка благополучно бежала из Балаганского уезда и приехала в Краков.

Франка поселилась у меня и во время наших бесед рассказывала о том, что пережила в ссылке. Она не была пока еще членом ни одной из наших партийных организаций, хотя считала себя социал-демократкой и была приговорена за принадлежность к СДКПиЛ на вечное поселение в Сибири. Сообщение о расколе в партии подействовало на нее удручающе. Через несколько месяцев Франка примкнула к «розламовцам». После начала первой империалистической войны в 1914 году и вторжения австро-венгерских войск в Домбровский угольный район Франка переехала туда. Там она вышла замуж. В тридцатых годах она умерла в Варшаве от диабета.

Кажется, осенью 1913 года ко мне неожиданно явился Ржепецкий. После побега из Сибири он поселился во Львове. В Краков Ржепецкий приехал навестить меня. Через несколько месяцев я узнала, что он покончил с собой.

После приезда в Краков я написала также нашим сибирским ссыльнопоселенцам Брониславу (Юлиан Гемборек) и Вицеку (Даниель Эльбаум). Оба они уже знали от Феликса, а также от Ганецкого о расколе. Гемборек встал на сторону «розламовцев», а Эльбаум — Главного Правления. Оба, как я уже упоминала кажется, в 1913 году бежали из ссылки за границу.

Во второй половине июня 1914 года в Краков прибыл член СДКПиЛ Юзеф Ротштадт (Красный), бежавший с поселения в Сибири после отбытия каторги. Уехав затем в Швейцарию, он примкнул к «розламовцам».

* * *

Письма от Феликса приходили редко. Меня мучило беспокойство.

О Ясике я теперь меньше волновалась, он был в хороших руках. Дядя Марпан часто писал мне о Ясике, который медленно, день за днем становился крепче, набирал вес и был веселенький, по долго еще не мог держаться на ножках и не ходил.

После ареста Фелпкса, посылавшего на содержание Ясика ежемесячно 15—20 рублей, деньги стала высылать Бернштейн — мать друга Фелпкса, горячо его любившая. Она жила где-то в Седлецкой губернии.

Мой отец в то время все еще был без работы. Брат Станислав содержал отца и помогал мне материально. А у дяди Мариана, у которого находился Ясик, было четверо детей, и средств семье не хватало. Весной 1913 года, после долгих поисков, я стала давать два раза в неделю уроки музыки в семье Буйвидов. Я учила их дочурку игре на рояле. Одо Буйвид был известным врачом в Кракове и профессором Ягеллонского университета. Это был человек по тем временам прогрессивный. Он первый в Польше начал лечить от бешенства методом Пастера.

Жена его была буржуазной общественной деятельницей — феминисткой. Урок у Буйвидов и деньги, получаемые мной за работу в Краковском союзе помощи политическим каторжанам и ссыльнопоселенцам в России, а также надежда получить еще и другие уроки усилили мое стремление взять к себе Ясика. Тоска о нем все время терзала меня. Я могла также рассчитывать на помощь старушки Бернштейн. Она написала, что будет помогать мне, присылая для Ясика по 15 рублей в месяц, что она регулярно и делала до самого начала войны — 1 августа 1914 года. Фронт отрезал нас от нее.

Посоветовавшись с Братманами, я сняла в их новой трехкомнатной квартире на улице Словацкого, 21, одну комнату и стала готовиться к приезду Ясика. Я купила ему в рассрочку кроватку. В мае или июне 1913 года мне привезли Ясика.

Поезд пришел в Краков к вечеру. Я схватила Ясика из рук Юлии и понесла к пролетке. Удивленными глазами смотрел он на незнакомую женщину, которая нежно, как никто другой, прижимала его к себе и покрывала его личико и ручки горячими поцелуями. Он улыбался мне и не вырывался из моих рук, хотя совсем не помнил меня. Приехали мы домой довольно поздно, накормили малыша и уложили его спать. Свою кровать я уступила Юлии, а сама легла рядом с Ясиком на кушетке. Всю ночь, конечно, я не спала, переполненная чувством несказанной радости.

Я не зажигала света из опасения, что Ясик увидит незнакомую ему тетю и испугается. Но он почувствовал, что его подняли другие, не те, привычные, руки. Не из-

давая ни звука, он сильно отталкивал меня обеими ручками.

Юлия Мушкат осталась на день или на два дня в Кракове, чтобы осмотреть город, в котором много древних национальных памятников и замечательных произведений искусства. Мы осмотрели рынок с Сукенницами¹ и памятником Адаму Мицкевичу, Национальный музей с неповторимыми произведениями Матейки, Мариацкий костел (XIII-XV вв.) со знаменитым скульптурным алтарем XV века работы Вита Ствоша. Посетили мы древний Вавель на высоком холме с королевским замком и изумительным видом на город, готический собор в Вавеле с гробницами польских королей. Побывали на кургане Костюшки и в костеле св. Флориана с прекрасными витражами работы Станислава Выспянского. Осмотрели великолепные произведения архитектуры — двор Ягеллонской библиотеки.

На большинство из этих экскурсий мы брали с собой Ясика, что меня несколько утомляло. Сынишка мой ведь не умел еще ходить, коляски для него не было, и мне приходилось носить его на руках. Юлия же была значительно старше меня, и почти двухлетний толстячок был для нее слишком тяжел.

Навсегда я сохранила безграничную благодарность к Юлии и дяде Мариану за спасение сына.

Сразу после приезда ко мне Ясика я написала об этом Феликсу, делясь с ним своим счастьем. Я подробно описала, как он выглядит, какие рожицы строит, как и что делает, какой серебристый смех у него. Говорил тогда наш малыш еще мало, только отдельные слова.

Когда он хотел чего-нибудь от меня, то протягивал ручонки и звал: «Пая». Я ломала себе голову над тем, что это значит. Давала ему то один предмет, то другой, но он все повторял: «Пая». Я не могла додуматься до смысла этого непонятого слова. В письме к Юлии спросила ее об этом. Она ответила, что «пая» у Ясика значит «пани». Слово это ребенок слышал часто в Клецке от своей няни, когда она обращалась к Юлии.

Разумеется, он скоро понял, что называть меня нужно иначе. Но он никак не мог выговорить слова «мамуся» и называл меня «муся».

¹ Сукеннице — здание цеха суконщиков XIV века, находится посреди площади. С обеих сторон длинного двухэтажного здания — магазины, а на втором этаже — Национальный музей.

С. С. Держинская. 1900 г.

**С. С. Держинская с подругой
С. Смоларской. 1902 г.**

Роза Люксембург

Адольф Варский

Юлиан Мархлевский

**Ф. Э. Держинский в Ковенской
тюрьме. 1898 г.**

**Ф. Э. Держинский в Сед-
лецкой тюрьме. 1901 г.**

Баррикады в Лодзи в июне
1905 г.

Разгон полицией конферен-
ции СДКПиЛ в Дембах
Вельких. Июль 1905 г.

Тюрьма Павпак

Выступление Ф. Э. Дзержинского на заводе «Гута Банкова»

Ф. Э. Дзержинский. Краков.
1911 г.

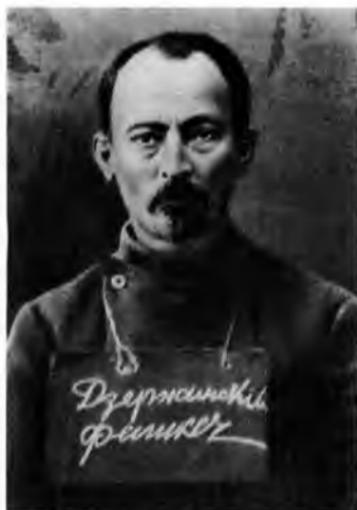
X павильон Варшавской цитадели (внизу)

С. С. Дзержинская в тюрьме
перед отправкой в ссылку.
1912 г.

Ф. Э. Дзержинский в Орловском центральном. 1914 г.

Ясик Дзержинский. 1915 г.

Письмо Ф. Э. Дзержинского С. С. Дзержинской из Таганской тюрьмы. Письмо прошло химическую цензуру

**С. С. Держинская с сыном
Яном в эмиграции в Швейца-
рии. 1917 г.**

Ф. Э. Дзержинский.
1918 г.

Ф. Э. Дзержинский.
1919 г.

Ф. Э. Дзержинский и
С. С. Дзержинская с сы-
ном Яном в Лугано
(Швейцария). Октябрь
1918 г.

Обращение Совета Рабоче-Крестьянской Обороны и Народного комиссариата внутренних дел. Май 1919 г.

БЕРЕГИТЕСЬ ШПИОНОВ!

Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций.

Все должны быть на посту.

Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их.

Железнодорожные работники и политические работники во всех без изъятия воинских частях в особенности обязаны удвоить предосторожности.

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с Ч. К., с надежнейшими, с опытнейшими товарищами из Советских работников.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны **В. Ульянов (Ленин).**

Наркомвнудел **Ф. Дзержинский.**

Ф. Э. Дзержинский. 1920 г.

Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский и Ф. Кон — члены Временного польского революционного комитета. 1920 г.

Ф. Э. Дзержинский с сотрудниками ВЧК А. Я. Беленьким и В. Герсоном

**Ф. Э. Дзержинский среди детей
на Красной площади в Москве. 1925 г.**

**Ф. Э. Дзержинский
в рабочем кабинете. 1921 г.**

Ф. Э. Дзержинский во время поездки в Сибирь. 1922 г.

Ф. Э. Дзержинский в Омске. С картины омского художника П. Мухина

**Ф. Э. Дзержинский
и С. С. Дзержинская с сыном
Яном в Сестрорецке. 1925 г.**

**Ф. Э. Дзержинский
и С. С. Дзержинская на даче
под Москвой. 1923 г.**

Ф. Э. Дзержинский. 1925 г.

У Братманов был сынишка Янек, па четыре месяца моложе Ясика. Он рос в нормальных условиях и был здоровым, жизнерадостным и очень подвижным ребенком. Ясик играл со своими игрушками на кушетке, а Янек бегал по всей квартире. Подойдя к Ясику и заинтересовавшись его резиновыми игрушками, Янек вырывал их у него из рук и убегал в другую комнату. Ясик же был беспомощен, не мог побежать за ним и начинал плакать. Слезы ручьем лились из его глаз, невольно хотелось смеяться при всем сочувствии к огорчению малыша. Янек не понимал, что обидел своего ровесника, а когда Марьяля втолковывала ему это, он становился серьезным и возвращал игрушку. Так мальчики-однолетки росли вместе с небольшими перерывами до 1918 года. Вместе играли, бывало и дрались, вместе пошли в школу, когда им исполнилось по 6 лет. Когда я уходила из дому, детьми занималась Марьяля. Когда ей нужно было куда-нибудь пойти, а она любила под вечер ходить в Народный университет почтитать газеты, я оставалась с ребятами. Стефан Братман очень любил Ясика и относился к нему точно так же, как к своему сынишке. И хотя он был очень загружен работой, в свободное время играл с мальчиками.

Вскоре после того как Ясика привезли в Краков, Стефан, прекрасный фотограф-любитель, снял обеих малышек в рубашонках сидящими рядышком на кровати Ясика. Снимок получился очень удачный, и я послала его Феликсу. Через некоторое время Феликс в письме от 28 июля 1913 года подтвердил получение фотографии, выражая радость по поводу того, что Ясик уже вместе со мной. Он писал, что карточка Ясика, его улыбка — счастье для него, она озаряет ему жизнь в камере.

В начале июля 1913 года мы с Марьялькой и малышами выехали в дачную местность Быстра в Силезии, где сняли две дешевые комнаты. Приехала туда и младшая сестра Марьяльки Люция Ляуэр. Время от времени приезжал Стефан, навещали нас также Лазоверт и Гиршбанд. На свежем воздухе Ясик окреп и начал наконец в возрасте двух лет ходить. Стефан снова сфотографировал ребятнишек, сидящих на сене на столе и смеющихся. За ними, придерживая их, стояла Люция. Эта необычайно милая, цветущая и способная девушка через несколько лет умерла от чахотки. Фотографию смеющихся малышек с Люцией я сразу же послала Феликсу.

В Быстре я получила письмо от Феликса. Он сообщал, что следствие подвигается очень медленно и не скоро еще кончится. Это меня сильно огорчило, ибо время, проведенное в тюрьме до суда, не засчитывали в приговоре.

Под конец нашего пребывания в Быстре Ясик заболел. Ночью меня разбудил его плач. Ребенок жаловался на сильную головную боль. Началась рвота. Я пригласила врача, но он не мог определить причины болезни. Днем малыш производил впечатление совершенно здорового ребенка, был только несколько вялым и бледнее обычного. Следующей ночью, однако, рвота и головная боль повторились.

Днем он снова чувствовал себя хорошо, а ночью опять та же история. Врач осмотрел его вторично и сказал, что это типичная мигрень, но причину ее установить не мог. С тех пор приступы мигрени повторялись у Ясика в течение ряда лет почти каждый месяц.

Лишь в 1917 году в Швейцарии, в Цюрихе, какой-то врач высказал предположение, что причина этой болезни — плохое зрение Ясика. Я обратилась к окулисту. Он нашел астигматизм и прописал очки для постоянного ношения. Через некоторое время приступы мигрени стали появляться все реже и реже, а потом совсем прекратились.

Вернувшись из Быстры в Краков, я снова стала давать уроки музыки дочери Буйвидов и работать в Краковском союзе помощи политкаторжанам и ссыльнопоселенцам в России.

Осенью 1913 года Ясик заболел scarlatinной. Детский врач, которого я пригласила, разрешил мне не отправлять ребенка в больницу при условии, что в нашей квартире, кроме меня и Ясика, никого не будет и что я в течение 6 недель не выйду за порог квартиры. Марылька со своим сынишкой Янеком немедленно уехала в Варшаву к своим родителям. Стефан перебрался в свой партийный кабинет в близлежащем доме на углу Кроводэрской улицы и улицы Словацкого. Мы с Ясиком остались вдвоем в квартире, из которой я не выходила 6 недель. Врач часто посещал Ясика. Стефан и Роман приносили нам продукты, оставляя их на лестничной клетке у дверей квартиры. Они давали мне знать об этом звонком. Scarлатина у Ясика была в тяжелой форме, но благодаря внимательному отношению

врача, советы которого я тщательно выполняла, болезнь прошла без осложнений.

Через 6 недель, после тщательной дезинфекции всей квартиры, Стефан, а потом и Марылька с Янеком вернулись домой, а я впервые вышла на воздух.

Вскоре после выздоровления Ясика, в конце ноября, в Краков по партийным делам приехал Тышка (Леон Иогихес). Он пришел к нам, чтобы увидеть сына Юзефа. Это было вечером. Ясик уже был в кроватке. Тышка обошел кроватку с трех сторон и подал руку малышу. Ясик, не спуская глаз, внимательно присматривался к нему. Тышка потом с удивлением говорил об этом внимательном, серьезном взгляде ребенка.

В конце ноября приехал также в Краков Адольф Варский, член Главного Правления СДКПиЛ, чтобы быть ближе к Королевству Польскому и помогать своими советами Флорпану (Вратман) в партийной работе. Он поселился в партийном помещении в доме на углу улиц Кроводэрской и Словацкого, а столовался у Вратманов. Поэтому мы с ним виделись ежедневно. Адольф (так его все называли) очень любил детей и в свободное от работы время возился с нашими двумя малышами.

Вскоре после приезда Варского мы написали Феликсу коллективно открытку: Вратманы, Варский, Лазоверт и я. Это доставило большую радость Феликсу. Получив эту открытку, он писал 15 декабря 1913 года:

«Ваше коллективное письмо. Идея объединяет людей, идея, вытекающая из глубины души. Она открывает их сердца и заставляет помогать друг другу. И работа во имя идеи не замыкается в узком кругу, а дает человеку способность охватить весь мир. И моя мысль улетает отсюда и соединяется с вами и говорит мне о бессмертной силе, связующей человеческие мысли и сердца, о победе жизни».

Осенью 1913 года и в 1914 году Феликс в течение нескольких месяцев сидел в одной камере с Тадеушем Длугошовским. Это был член ППС, интеллигент, поэт-любитель, горячо полюбивший Феликса.

Длугошовский был вскоре выпущен под залог, а потом сослан в Сибирь. После Октябрьской революции он некоторое время находился в Москве и виделся с Феликсом Эдмундовичем. По возвращении в буржуазную Польшу он издавал там газету «Валька», в которой поместил

часть «Дневника заключенного», написанного Феликсом в X павильоне Варшавской цитадели в 1908—1909 годах. Дневник этот был в 1909—1910 годах напечатан в органе СДКПиЛ «Пшеглэнд социаль-демократычпы». Перепечатка в буржуазно-помещичьей Польше дневника Ф. Э. Дзержинского свидетельствовала о смелости Длугошовского и о том, что он не изменил своего отношения к Феликсу, в то время занимавшему пост председателя ВЧК.

Сидя в X павильоне в одной камере (№ 12) с Феликсом, Длугошовский 25 ноября 1913 года написал стихотворение «Ясику, сыну Фелека». Это стихотворение Феликс переписал своим мелким, бисерным почерком и нелегально переслал мне в Краков 21 января 1914 года.

Привожу здесь это стихотворение.

Ясику, сыну Фелека

На стене у Фелька сын
с фотоснимков смотрит трех,
держит мякиш их тюремный..

Гляжу на первый — просто смех...

На втором — сосредоточен,
будто хочет мир познать,
в глазках же застыли слезы...

и младенца взор отцу
все сказал о муках родов
одинокой заключенной..

Третий снимок — тень решетки,
но с улыбкою лукавой,
хоть и в камере, ребенок.

Крошка заключенный!

Из чрева матери

он в жизнь вошел, и вновь отец
в тюрьме его тут держит пред собою...

и хоть смеется он, но видно, что в могиле
тюремной свет увидел белый,
закованный решетками неволи.

Отец на сына смотрит часто...

Как только оторвется снимок,
опять его приклеит хлебом,
пускай портрет висит и смотрит...

Здесь каждая стена в крови,
но ран не видно в белом камне,
хоть и звучит, как бы живая,
воспоминаньем ночи мрачной,
легендой о веревке смертной
прошедших дней и настоящих,
больших надежд и горьких слез.

Отец о Ясику мечтает,
когда с ним встретится — не знает...

Малютка Ясик веселит нас,
смеется, все ему ничто!
Не знает он, что здесь творилось,
какие страшные злодеяния
свершались тайно и незримо
и что здесь факелы пылали
живых сердец в тиши ночей...

А слезы матери по капле
долбили долго камень этот,
пока не родилась Психея
и ожила, мечтой согрета.

Отец приклеил бы и кровью
к груди своей, а не к стене,
чтоб не расстаться с милым сыном...

В тюрьме родился Ясик...
В глазенках светится насмешка,
и смотрит долго и влюбленно
отец на малыша родного.
Я знаю: слово станет делом,
по прежде кровь еще прольется,
а крошка Ясик, может быть,
прочтет на этой самой стенке
отца фамилию, где ныне
его рукой портрет приклеен.

Малютка узник!.. смейся, смейся
над нами, над людскою злобой,
живи, да будешь не повешен
иначе как отца рукою
на стенке камеры тюремной
(она омыта кровью муки):
довольно крови...

Я слышу, ночью Феликс стонет
и шорох будит, точно слышит
он, как стучит сердечко сына
со стенки, где висит портрет...

Во сне и то отец страдает,
и грудь сжимается тоской,
а сердце сердца сына ищет
и, кажется, издалека
он слышит голосок желанный...

Малышка ты, смешной товарищ,
тебе наследство от отца
оставлено в стенах тюремных...

Ищи же, Ясик...
отца соратник, хоть далеко,
на плечи высоко поднимет
(верзила он, признайся, Феликс)
и от отца тебя обнимет...

Когда-нибудь меня поближе
узнаешь, мальчик, ты, пожалуй...
и крепко друг тебя обнимет.

Написано в камере № 12 утром
25 ноября 1913 года.

Замечательные тюремные письма Феликса, полные правды, глубоких мыслей и чувств, еще шире раскрывали передо мной его душу коммуниста, всего его, как бы выкопанного из цельного куска породы, преданного без остатка борьбе за счастье человечества.

В письме к сестре Альдоне от 15 декабря 1913 года Феликс писал: «Я обладаю одним, что поддерживает меня и заставляет быть спокойным даже тогда, когда бывает так страшно грустно. Это не просто черта моего характера, это — непреклонная вера в людей... Условия жизни изменятся, и зло перестанет господствовать, и человек человеку станет самым близким другом и братом, а не как сегодня — волком».

Находясь в тюрьме, Феликс ни на минуту не терял силы духа и непоколебимой веры в победу революции и святого дела коммунизма. После семнадцати месяцев пребывания в X павильоне он 15 февраля 1914 года писал мне: «Тюрьма мучает и очень изнуряет, но это сейчас цена жизни, цена права на высшую радость, возможную теперь для людей свободных, и мука эта преходящая, она ничто, в то время как радость эта всегда жива, она высшая ценность».

Феликс интересуется тем, что слышно на свете, и спрашивает меня, «улучшились ли сейчас цензурные условия печати и, может быть, выходят новые печатные издания у нас и в России». Он, разумеется, имел в виду социал-демократическую печать.

В письме от 21 апреля 1914 года Феликс пишет, что мысли его все время уносятся за пределы тюремных стен, ему все время кажется, что там, на воле, происходит что-то важное, и он постоянно ждет новых вестей. По-видимому, отголоски жизни извне, оживление рабочего движения, несмотря на строгий жандармский надзор, все же проникли за тюремную ограду в камеры цитадели.

В этом письме Феликс сообщает, что после нескольких недель одиночного заключения у него в камере снова товарищ — молодой рабочий. Он пишет: «Я заметил, что лучше всего чувствую себя в обществе детей и рабочих... В таком обществе я больше чувствую себя самим собой».

¹ Письма опубликованы в кн.: *Феликс Дзержинский. Дневник. Письма к родным*. М., 1958.

Тут больше простоты и искренности в общении, меньше условных форм в быту, а интересы и заботы этого круга мне более понятны и близки. И только тогда мысли мои... становятся плотью и кровью и приобретают силу».

Сидя в тюрьме, Феликс всегда заботился о находившихся в этой тюрьме товарищах. В X павильоне заключенные были изолированы, и помогать друг другу, если они не сидели в одной камере, не могли. В письме от 21 января 1914 года Феликс просил меня посылать по несколько рублей в месяц нашему товарищу Заграничному (Мартину Пакошу), бывшему без гроша денег. Он не имел семьи и нигде не получал помощи.

После долгих лет, проведенных в тюрьме, Феликсу казалось иногда, что, выйдя на свободу, он не будет способен работать, бороться. Но тогда он говорил себе: «Тот, у кого есть идея и кто жив, не может быть бесполезным, разве только если сам отречется от своей идеи. И только смерть, когда придет, скажет свое слово о бесполезности. А пока теплится жизнь и жива сама идея, я буду землю копать, делать самую черную работу, дам все, что смогу. И эта мысль успокаивает, дает возможность переносить муку. Нужно свой долг выполнить, свой путь пройти до конца. И даже тогда, когда глаза уже слепые и не видят красоты мира, душа знает об этой красоте и остается ее слугой. Муки слепоты остаются, но есть нечто высшее, чем эта мука, — есть вера в жизнь, в людей, есть свобода и сознание неизменного долга».

Почти все свои письма Феликсу приходилось писать в присутствии жандарма, и они проходили через тюремную и жандармскую цензуру. Часто жандармы применяли и химическую цензуру, проверяя, нет ли между строчек письма текстов, написанных лимонным соком или молоком. На таких письмах кроме штампа «просмотрено прокурорским надзором» были следы ляпсиса в виде широких желтых полос, покрывающих крест-накрест все страницы письма.

Чрезвычайно редко удавалось Феликсу выслать письмо без проверки цензурой, скорее всего это делалось через сагитированного им жандарма. Но не всегда такие письма доходили до меня. Так, например, не дошло письмо Феликса от 1 декабря 1913 года, высланное нелегально. Что случилось с письмом, неизвестно.

12 мая 1914 года в Варшавском окружном суде слушалось дело о побеге Феликса Эдмундовича с поселения

в Сибири. Обвинительное заключение ему вручили лишь за неделю до разбора дела. Суд приговорил Ф. Э. Дзержинского к трем годам каторги. Об этом приговоре я узнала из газет раньше, чем пришло письмо от Феликса.

Только в письме от 18 мая того же года, высланном нелегально, Феликс сообщал мне о суде, о приговоре, подробно и ярко описывал разбор дела, а также свои чувства и мысли во время поездки в тюремной карете в ручных кандалах до здания суда и обратно. Улицы города, магазины, вывески, уличное движение, трамваи, вид детей после двадцатимесячного заключения, звуки и краски — все это, по его словам, хлынуло на него, переполнило его душу, вызвало в нем множество воспоминаний о пережитом, виденном, о слышанной когда-то музыке, о радостях жизни. В этом трагическом положении он чувствовал себя счастливым.

О суде и приговоре Феликс написал также (2 июня) своей сестре Альдоне. Он успокаивал ее, просил не огорчаться по поводу приговора, писал о своей любви к людям и о своей вере в лучшее будущее человечества: «И чем ужаснее ад теперешней жизни, тем яснее и громче я слышу вечный гимн жизни, гимн правды, красоты и счастья... Жизнь даже тогда радостна, когда приходится носить кандалы».

Тюремные письма Феликса полны любви к сыну и заботы о том, чтобы он вырос настоящим человеком, продолжателем нашей борьбы за свободу, социализм и коммунизм. В своих письмах Феликс давал мне советы, как воспитывать Ясика, чтобы он вырос настоящим коммунистом. 15 декабря 1913 года он писал:

«...Мне кажется необходимою, что он должен выполнить наши — твои и мои — стремления и пойти дальше. Он имеет тебя и сердца наших друзей. Пусть видит только, — и не закрывай ему глаз, когда он сможет уже понять, — и радость нашу, и надежду в страданиях, и красоту жизни. Надо, чтобы ласка дала ему силы и умение страдать и чтобы (в будущем) ничто не сломало его. Он должен видеть, чтобы понять и вместе с тобой по-своему пережить твои страдания, чтобы, таким образом, научиться самому любить и понимать, а не только быть любимым и понимаемым. Но в то же время он должен видеть и радость твоей жизни, вытекающую не только из него, а из твоей жизни вне его... Любовь к ребенку, как и всякая великая любовь, становится творческой и может

дать ребенку прочное, истинное счастье, когда она усиливает размах жизни любящего, делает из него полноценного человека, а не превращает любимое существо в идола. Любовь, которая обращена лишь к одному лицу и которая исчерпывает в нем всю радость жизни, превращая все остальное лишь в тяжесть и муку, — такая любовь несет в себе яд для обоих».

Рабочую среду Феликс противопоставлял среде интеллигенции, в которой мы оба выросли и где было много эгоизма, лицемерия и фальши. Почти в каждом письме ко мне Феликс добавлял несколько слов, обращенных к Ясику, а иногда вкладывал отдельное письмо для него.

Так, например, 9 марта 1914 года он приложил письмецо Ясику следующего содержания: «Дорогому сыночку Ясику Дзержинскому в Кракове в собственные ручки.

Папа не может сам прелесть к дорогому Ясику и поцеловать любимого сыночка и рассказать сказки, которые Ясик так любит. Поэтому папа пишет Ясику письмо с картинкой и в письме целует Ясика крепко-крепко и благодарит за письма Ясика. Пусть Ясик будет хорошим, здоровым и послушным и поцелует дорогую мамочку от Фелека и изо всех сил обнимет ее. Пусть Ясик поцелует Янека, Марыльку и папу Янека и скажет, что Фелек здоров и вернется.

Твой папа Фелек».

«Картинка» к письму Ясика — это силуэт профиля Феликса, сделанный чернилами Тадеушем Длугошовским в камере № 12 X павильона.

Знаменательно, что даже это маленькое письмецо к ребенку было жандармами подвергнуто химической цензуре.

В отосланном нелегально письме от 24 июня 1914 года Феликс снова много места уделяет вопросам воспитания Ясика. Мысль о сыне, как он пишет, наполняет его счастьем, но его тяготит сознание, что сам он не может быть с ним и влиять на формирование его души.

Он снова возвращается к мысли о благотворном влиянии на ребенка рабочей среды и вредном влиянии мелкобуржуазной среды интеллигенции, выражает желание, чтобы Ясик не стал «типичным (буржуазным. — С. Д.) интеллигентом... слова и мысли которого большей частью

являются лишь «поэзией» жизни, декорацией, не имеющей ничего общего с его поступками, с его действительной жизнью. В современном интеллигенте — два обособленных, почти не соприкасающихся друг с другом мира: мир мысли и мир действий, тончайший идеализм и грубейший материализм. Современный интеллигент совершенно не видит ни окружающей его действительной жизни, ни своей собственной. Не видит, потому что не желает видеть. Слезы при виде игры на сцене — и полное равнодушие, а то и жесткий кулак на практике, в жизни. Вот поэтому-то так важно внушить Ясику отвращение и омерзение ко лжи и комедианству, весьма распространенным среди детей, берущих пример с нашего (т. е. буржуазного. — С. Д.) общества, а также защищающихся от власти взрослых. Это последнее ему не угрожает, ибо он имеет тебя. Но лжи, источником которой являются социальные условия, устранить нельзя, и ограждать Ясика от этих условий не следует. Он должен познать и осознать их, чтобы проникнуться чувством отвращения ко лжи... Не тепличным цветком должен быть Ясь. Он должен обладать всей диалектикой чувств, чтобы в жизни быть способным к борьбе во имя правды, во имя идеи. Он должен в душе обладать святыней более широкой и более сильной, чем святое чувство к матери или к любимым, близким, дорогим людям. Он должен суметь полюбить идею, — то, что объединит его с массами, то, что будет озаряющим светом в его жизни... Это святое чувство сильнее всех других чувств, сильнее своим моральным наказом: «Так тебе следует жить и таким ты должен быть!»»

Феликс обращал также внимание на то, что для воспитания в ребенке чувства долга нужны соответствующие общественные условия. И он снова возвращается к мысли, что самой подходящей средой для Ясика была бы среда пролетариата, где «растет, крепнет и распространяется как непреодолимая сила наша идея, без лицемерия, без противоречий между словом и делом».

Феликс заявляет, что он не аскет, но что тот, кто борется за свободу и социализм, должен уметь отказаться от материальных благ. «Надо обладать внутренним сознанием необходимости идти на смерть ради жизни, идти в тюрьму ради свободы и обладать силой пережить с открытыми глазами весь ад жизни, чувствуя в своей душе взятый из этой жизни великий, возвышенный гимн красоты, правды и счастья».

Этими словами Феликс невольно охарактеризовал самого себя.

В том же письме от 24 июня он пишет о глубоком влиянии, оказанном на него рассказами его матери о национальном и религиозном преследовании поляков, белорусов и литовцев царскими властями. Это определило его решение стать революционером. Каждое насилие, о котором он слышал, например Крожи¹, принуждение гимназистов говорить по-русски, ходить в церковь в табельные дни, система шпионажа в гимназии, он ощущал как насилие, совершенное над ним лично. И Феликс добавляет: «И тогда-то я вместе с кучкой моих ровесников дал (в 1894 году) клятву бороться со злом до последнего дыхания². Уже тогда мое сердце и мозг чутко воспринимали всякую несправедливость, всякую обиду, испытываемую людьми, и я ненавидел зло. Но идти мне пришлось ощущую... Но у Ясика — ты и все мы, ему не придется идти ощущую, и он обретет свою святую как наследие от нас».

В этом же письме от 24 июня Феликс упоминает, что 21—22 мая и 21 июня он выслал нелегально «друзьям» два письма и беспокоится — дошли ли они до адресатов. Письма дошли. Это были партийные письма, писанные химическим способом между строчками фиктивного письма и зашифрованные двойным шифром. По поручению Флорпана (Братман) мы с Марией Братман их расшифровали. Мы корпели над ними с утра до вечера в течение двух недель. Просто удивительно, как мог Феликс в тюремных условиях зашифровать эти письма и химическим способом переписать. Феликс писал там о своих подозрениях и об установленных им фактах, касавшихся провокации в партийных организациях в СДКПиЛ в Королевстве Польском. Письма эти, к сожалению, до сих пор не найдены.

¹ Крожи — местечко в Литве, где в 1893 году царская полиция и казаки устроили массовую резню населения за отказ признать православную церковь.

² З. Млынарский в своих воспоминаниях о Ф. Э. Дзержинском, с которым в 1914—1915 годах сидел в Орловской губернской тюрьме, сообщает со слов Феликса Эдмундовича, что клятву свою в 1894 году он дал вместе с горсточкой одноклассников в день вступления на престол Николая II, когда царские власти заставляли студентов и учащихся старших классов Виленской гимназии принести присягу в верности царю.

В своих письмах Феликсу я много писала о Ясике, о том, что наш малыш очень впечатлителен. Еще в первые годы своей жизни его приводила в восторг природа: зелень травы, деревьев и кустов, пение птиц, цветы, живые существа. Феликс из этого делал вывод, что Ясик в будущем сможет стать достойной сменой нашего святого дела, если условия жизни объединят это чувство прекрасного в его душе с сознанием необходимости бороться за то, чтобы и человеческая жизнь стала такой же прекрасной и возвышенной.

Сам Феликс необычайно любил природу — лес, поля, луга, звездное небо, шум деревьев, ручья, море. И часто говорил, что красота природы всегда вызывала у него мысли о коммунизме и жажду борьбы за светлое будущее человечества.

«Я помню, что почти всегда красота природы, — писал он 24 июня 1914 года, — вызывала во мне мысли о нашей идее... И от этой красоты, от этой природы никогда не следует отказываться. Она — храм скитальцев, у которых нет уютных «гнездышек», усыпляющих и убаюкивающих всякий более широкий порыв души. А те, которые в настоящее время теряют собственный очаг, обретают весь мир, если они идут по пути пролетариата».

29 июня Феликс сообщал мне, что наконец закончилось следствие по его второму делу и что в течение четырех дней по пять часов подряд ему и другим привлеченным к суду по его делу зачитывали следственные материалы. Это его очень утомило, но еще больше расстроило и удручило, ибо материалы эти подтверждали его подозрения, что в варшавской организации свила себе гнездо провокация.

В этом письме Феликс опять пишет о той радости, какую ему доставляет любовь трехлетнего Ясика к природе. Он вспоминает свое счастливое детство, общение с природой, которая так его поглощала, что он сам чувствовал себя ее частицей, будто «сам был облаком, деревом, птицей».

Одновременно он с ненавистью вспоминал о гимназических годах, которые, как он говорил, вместо того чтобы обогатить душу, сделали ее более убогой. Он, мысленно миная эти годы, переходил к более поздним временам, «когда было так много страданий, но когда душа приобрела столько новых богатств».

Работая секретарем Краковского союза помощи политзаключенным и ссыльнопоселенцам в России, я однажды отнесла на квартиру В. И. Ленина, на улице Любомирского в доме 51, адресованное ему письмо, переданное мне С. Багоцким. Двери открыла Надежда Константиновна Крупская, которой я и отдала это письмо. Самого Владимира Ильича тогда не было дома.

Впервые я имела счастье увидеть Владимира Ильича Ленина и услышать его выступление 21 марта 1914 года в Кракове, в помещении студенческого общества «Слушня». Владимир Ильич выступил с докладом «Российская социал-демократия и национальный вопрос»¹.

На собрании 21 марта присутствовали находившиеся в Кракове члены всех трех партий, действовавших в Королевстве Польском. Из числа польских социал-демократов присутствовали «розламовцы» Владислав Штейн, его брат Генрих Штейн-Каменский и другие, а также сторонники Главного Правления — Стефан Братман с женой Марией и я.

Выступая с докладом, В. И. Ленин хотел помочь польским социалистам, в первую очередь польским социал-демократам, изжить свои ошибки в национальном вопросе и занять по этому вопросу единственно правильную большевистскую позицию, без чего партия пролетариата не была бы в состоянии вести за собой широкие народные массы к победе. Доклад В. И. Ленина был выслушан присутствующими с величайшим вниманием. Но, к сожалению, как пепезовцы, так и польские социал-демократы (и сторонники Главного Правления, и «розламовцы») продолжали оставаться на своих ошибочных позициях, отвергая ленинский лозунг о праве наций на самоопределение, записанный в программе РСДРП.

Через несколько дней состоялось продолжение собрания, на котором обсуждался доклад В. И. Ленина. В своих выступлениях «розламовцы» Владислав и Генрих Штейны

¹ Доклад Владимира Ильича, изложенный на русском языке, к сожалению, не был записан. Сохранились только записи выдержек из выступлений оппонентов, сделанные В. И. Лениным. Эти записи позднее, уже после смерти Ленина, подготовила к печати Мария Ильинична Ульянова. Они были опубликованы в Ленинском сборнике XVIII в 1931 году, стр. 224—235.

защитили позицию СДКПнЛ в национальном вопросе. Из сторонников Главного Правления на этом собрании никого не было.

Догматизм, тяготевший тогда над умами польских социал-демократов, слепая вера в правильность позиции Розы Люксембург были причиной того, что ни доклад В. И. Ленина, ни его известные статьи по национальному вопросу не были ими поняты.

В начале июня 1914 года ко мне в Краков приехал на несколько дней мой отец, чтобы повидать Ясика. Ясик не помнил дедушку, но он постоянно слышал от меня и моих товарищей о своем отце и очень хотел его увидеть. Мой отец приехал поздно вечером, когда Ясик уже спал. Я уложила отца на свою кровать, а сама постелила себе на полу. Ясик, проснувшийся очень рано, увидев дедушку, страшно обрадовался и бросился ко мне с вопросом: «Это мой папа?» Пришлось его разочаровать. Но он быстро познакомился с дедушкой и до самого отъезда его не отходил от него ни на шаг.

Отец мой тогда впервые был в Кракове. Я показала ему все достопримечательности, все исторические памятники, все то, что так украшает этот город и делает его дорогим сердцу каждого поляка. Познакомился отец и с моими партийными товарищами. Особую симпатию его завоевал Варский.

Это была моя последняя встреча с отцом. Вскоре разразилась война, которая разъединила нас навсегда. Отец умер в 1919 году в Люблине, о чем я узнала лишь в 1920 году в Москве.

В конце июня 1914 года мы с Ястиком и Марылька Братман с Янеком выехали на лето в горную деревушку Зарытэ, расположенную вблизи детского курорта Рабка. Поселились мы вместе в хате одного горца, сняв у него довольно большую комнату с кроватью, столом и широкой скамьей. Детские кроватки с матрасками и постели мы привезли с собой.

Немного погодя к нам приехала из Королевства Польского на несколько дней старушка Вернштейн, которая еще ни разу не видела Ясика. Малыш ей очень понравился. Она нашла в его тонких чертах необычайное сходство с Феликсом.

Мы совершили с ней несколько чудесных прогулок по окрестностям, где луга на горных скатах пестрели яркими сочными цветами. Нашей гостье не хотелось рас-

ставаться с Ясином, но нужно было уезжать домой, где ее ждали дела. Я видела тогда в первый и последний раз эту благородную женщину, которая с лета 1912 года непрерывно заботилась о Ясике.

В Зарытэ приехал к нам ненадолго отдохнуть Адольф Варский. Он поселился у нашего хозяина на сеновале. Вместе с ним и ребятишками мы с Марылькой ходили на прогулки в горы, откуда открывался живописный вид на высокие Татры.

В Зарытэ я получила письмо от Феликса от 20 июля 1914 года. Он писал о своей тоске по Ясику, о том, что добивается разрешения еще в X павильоне, до того как на него наденут кандалы и серый халат каторжанина, на свидание с сыном без решеток. Но осуществить это не удалось.

Вскоре (1 августа) вспыхнула первая мировая война. Она надолго разделила нас с Феликсом фронтом военных действий и на полгода полностью прервала нашу переписку.

Война застала нас в Зарытэ. Нужно было немедленно возвращаться. В ту же ночь мы с Марылькой уложили вещи и рано утром поехали на лошадях до Рабки, а оттуда поездом в Краков. Но на этот переезд у нас совершенно не было денег. Что делать? Мы оставили у своих хозяев-горцев обе детские железные кровати, а взамен получили небольшую сумму денег на проезд до Кракова.

Приехав в Краков, мы увидели, как по улицам непрерывно двигались воинские части. Звучала браваурная музыка для поднятия духа солдат, угоняемых на убой за чуждые им интересы. Шли толпы новобранцев, еще одетых в штатское. Молодежь, одурманенная пилсудчиковской ППС, масса ми тянулась в польские легионы, которые готовились сражаться якобы за независимость Польши, а в действительности прислуживали немецко-австрийскому империализму. В этом море людей, охваченных военным психозом, раздуваемым австрийскими властями и пилсудчиками, единственно трезвой, антивоенной интернационалистической горсточкой среди поляков были мы, члены СДКПнЛ, и несколько находившихся в Кракове интернационалистов из ППС-левицы.

Но и наша позиция не была целиком последовательной. Только В. И. Ленин и партия большевиков заняли в вопросе первой мировой войны — с обеих сторон захватнической, империалистической войны — совершенно последовательную революционно-марксистскую позицию. Ленин

поставил перед пролетариатом России, как и перед пролетариатом других стран, ведших войну, задачу бороться за превращение войны империалистической в войну гражданскую и выдвинул лозунг «о поражении своего правительства».

Русские меньшевики и эсеры, а также социалисты всех других воюющих стран заняли оппортунистическую социал-шовинистическую позицию, призывая трудящиеся массы к защите буржуазного отечества, голосуя в парламентах за бюджеты на ведение империалистической грабительской войны, входя в некоторых странах даже в империалистические правительства, подстрекая рабочих своей страны против рабочих из стран противоположного военного лагеря. II Интернационал, таким образом, отрекся от антивоенной позиции, занятой входящими в него партиями на конгрессах в Штутгарте и Базеле, и окончательно распался.

Среди деятелей немецкой социал-демократии только Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин и Франц Меринг выступили против империалистической войны, против социал-шовинистической и центристской позиции руководителей немецкой социал-демократии. Но и они не были до конца последовательными. Роза Люксембург назвала 4 августа 1914 года немецкую социал-демократию «смердящим трупом», что В. И. Ленин отметил с одобрением в своей статье «Задачи пролетариата в нашей революции»¹.

В. И. Ленин клеймил шовинизм вождей социал-демократии и социалистических партий других воюющих стран, назвав их предателями рабочего дела. Не менее резко критиковал Владимир Ильич и центристов (Каутского, Мартова, Троцкого), считая их еще более вредными, чем явных шовинистов.

Польские социал-демократы, как сторонники Главного Правления, так и «розламовцы», ограничились лозунгом «Война войне» и общими призывами к социальной революции.

Вскоре после начала войны находившийся в Кракове А. Варский совместно с одним из руководителей ППС-левицы, Г. Валецким, составили декларацию против войны. Гапецкий также присоединился к этой декларации. Она клеймила политику сотрудничества с немецко-австрий-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 173.

ским империализмом, пилсудчиковской ППС, а также политику сотрудничества с русским империализмом, проводимую национал-демократами.

После вторжения австрийских войск на территорию Королевства Польского и захвата ими Домбровского угольного бассейна Варский выехал туда и вместе с руководителем ППС-левицы В. Костшевой издавал там совместный орган «Глос Роботнички», который выступал против войны. Но в одном из номеров газеты была выдвинута неправильная идея «защиты отечества» пролетариатом таких государств, как Англия, Франция.

* * *

Через несколько дней после нашего возвращения из Зарытэ в Краков я пошла к Буйвидам, чтобы возобновить прерванные на лето уроки. Но Буйвиды отказали мне, не объясняя причин. Вероятно, потому, что не хотели иметь неприятностей со стороны австрийских властей из-за учительницы — русской подданной. Таким образом, я осталась без всяких средств к существованию. Помощь пани Бернштейн для Ясика также прекратилась в связи с войной. Мы тогда надолго оказались совершенно отрезанными от Королевства Польского, от наших семей, находящихся на русской стороне. В течение длительного времени я абсолютно ничего не знала о Феликсе. А его, как оказалось, сразу же после начала войны, 8 августа, перевели из X павильона в каторжную Мокотовскую тюрьму, где одели во все тюремное и заковали в кандалы. 10 августа его вместе с сотнями других политических заключенных увезли из Королевства Польского в глубь России, сперва в Орловскую губернскую тюрьму, затем в Мценскую уездную тюрьму Орловской губернии. Собственное белье, одежду и обувь у Феликса, как у каторжанина, отняли. Ни денег, ни собственных вещей взять с собой не разрешили. Обеспечить себя продуктами в дорогу заключенные не успели.

Юлиан Лецинский, вывезенный тогда вместе с Феликсом Эдмундовичем из Варшавы в Орел, вспоминает, что по пути в поезде политические заключенные на всех остановках пели революционные песни. В наказание их лишали тюремной пищи. Голод давал себя знать все чувствительнее. Через некоторое время отдельные товарищи стали терять сознание от истощения.

На требование заключенных выдать им продукты начальник конвоя заявил: «Пусть подыхают с голоду!»

Тогда Дзержинский категорически потребовал, чтобы явился начальник конвоя. Тот пришел, окруженный охраной. В ответ на требование Фелкса он заявил, что не собирается уступать и что, если заключенные осмелятся протестовать, он прикажет стрелять в них как в «бунтовщиков». Возмущенный до глубины души, Дзержинский рванул рубаху и, обнажив грудь, крикнул: «Мы ваших угроз не боимся. Стреляйте, если хотите быть палачами, но мы от своих требований не отступим!»

В этих словах была такая внутренняя сила, что начальник остановился как вкопанный. Все заключенные столпились около Фелкса. Глаза начальника скрестились со сверкавшими гневом глазами Дзержинского. Это был бескровный поединок. Начальник отвернулся и вышел из вагона. Не прошло и часа, как заключенным выдали хлеб, селедку и махорку.

В Закопанэ и в Вене

В конце октября австрийские власти приказали Братманам и мне, как русским подданным, немедленно покинуть Краков. Нужно было на время нашего отсутствия обеспечить сохранность партийного архива и партийной литературы. Все это было сложено в подвале дома на углу улиц Словацкого и Кроводэрской, где на одном из этажей была небольшая партийная квартирка. Братман дал хозяину дома какую-то сумму денег в виде аванса, и тот согласился сохранить эти ценные вещи до тех пор, пока за ними не явится Братман или кто-нибудь из наших товарищей. Оставленный у него партийный архив был после войны перевезен Стефаном Вольфом в Варшаву в Публичную библиотеку.

Изгнанные из Кракова, мы с Братманами поехали в Закопанэ, где надеялись найти какую-нибудь работу. Закопанэ было тогда переполнено беженцами из Восточной Галиции, и мы с трудом нашли комнату у одного горца, в которой поселились все вместе. Изба стояла на дороге, ведущей из Поронина в Закопанэ, откуда открывался прекрасный вид на гору Гевонт. Обстановки у нас не было никакой, и мы вместе с детьми спали на сенниках прямо на полу. Ни у кого из нас не было средств к существованию. Марылька Братман была совершенно оторвана от своих родителей, живших в Варшаве, и лишена их ма-

терпальной поддержки. Стефан Братман в связи с тяжелым положением, в котором оказалась наша партия, не мог, естественно, паходиться на ее содержание.

На следующую же день после приезда в Закопанэ мы все трое — Стефан, Марылька и я — отправились на биржу труда в поисках работы. Но ни я, ни Марылька в течение нашего месячного пребывания в Закопанэ не нашли абсолютно никакой работы. Только Стефан, который был шжепером-электриком, нашел работу электромонтера. Он и содержал нас всех.

Погода в Закопанэ в течение всего поября была чудесная. Ночи холодные, даже морозные, со звездным небом, а дни ясные, солнечные. Мой Ясик, часто болевший в Кракове, тут чувствовал себя превосходно, ни разу не болел, заметно окреп. Мы с Марылькой целые дни проводили в Закопанэ на бирже труда, попеременно готовя скромную пищу и занимаясь детьми. Только однажды, в воскресенье, когда Стефан был дома, мы оставили на него домашнее хозяйство и детей и отправились на прогулку в горы к Гонсеницовым галям. Нам хотелось дойти хотя бы до озера Чарны Став. Последний раз видела я тогда эти прекрасные высокогорные луга. В памяти ожили воспоминания о походе с Кларой и Законшиком, а потом с Феликсом через Заврат к Морскому Оку.

Вскоре в Восточной Галиции началось наступление русских войск под командованием Бруслова, и австрийские власти выгнали нас из Закопанэ и вообще из Галиции. Нас заставили немедленно сесть в поезд и отправиться в Краков, а затем в глубь Австрии. Вместе с нами выехал из Кракова Феликс Коп с женой и дочерью. Их тоже изгнали из Галиции.

На вокзале в Кракове была неопиcуемая давка и толчея. Толпы беженцев из Восточной, а частично и Западной Галиции переполняли вокзал и перрон. Крик и гам стоял такой, что трудно было понять друг друга. Людей скопилось так много, что все не могли поместиться в поезде. Началась паника. Люди давили друг друга. Не знаю, каким чудом нам удалось сесть с детьми в вагон.

За несколько часов до Вены на какой-то станции, где разветвлялась железная дорога, австрийские власти стали освобождать вагоны от беженцев, заставляя их перейти в другой стоявший там поезд. Братман и Коп, хорошо владевшие немецким языком, узнали от железнодорожников, что этих людей увезут в концлагерь. И нам с детьми

угрожало то же самое. В невероятно тяжелых лагерных условиях мы бы погибли. Но, к счастью, Братману и Кону удалось уломать австрийские власти (скорее всего за взятку), и нас оставили в поезде, который вскоре отправился в Вепу.

На вокзале в Вене возникло новое затруднение: в город впускали только тех приезжих, кто мог доказать, что имеет достаточно денежных средств на жизнь в столице. Ни у Братманов, ни у меня таких средств не было. К счастью, Феликс Кон вез с собой большую сумму денег ППС-левицы. Он показал их австрийским властям, говоря, что это средства на содержание нас всех. Разумеется, никто из нас не имел намерения воспользоваться хотя бы одним грошом из этих денег. С вокзала Феликс Кон позвонил по телефону лидеру социал-демократической партии Австрии, депутату австрийского парламента — Виктору Адлеру и сообщил ему о своем и нашем прибытии в Вепу. Адлер поместил нас на несколько педель в Доме железнодорожников. Мы сразу же начали искать работу, но снова без всякого результата. Только Стефан, как и в Закопанэ, нашел работу электромонтера.

В Доме железнодорожников меня ждала приятная неожиданность. Я застала там Ванду Краль, и мы с Яспком поселились в одной комнате с ней. В Вене нас ежедневно заставляли отмечаться в полицейском управлении.

Климат в Вене был очень нездоровый, город утопал в густом черном тумане. Яспк мой заболел. Через две недели нам пришлось выселиться из Дома железнодорожников. Я сняла маленькую комнатку.

Через некоторое время в Вепу из Домбровского угольного бассейна приехал А. Варский. Пребывание в Вене не давало никому из нас надежды найти работу, и положение наше становилось все более тяжелым. Мы решили уехать в Швейцарию. Я с болью в сердце попрощалась с Вандой, оставляя ее одну. Больше я ее уже не видела. После того как немцы 5 августа 1915 года оккупировали Варшаву, она вернулась туда, а через несколько лет умерла.

В Швейцарии

Мы — Братманы с сыпишкой, Варский и я с Яспком — приехали в Швейцарию, в Цюрих, в конце декабря 1914 года. Братман устроился тут вскоре на работу элек-

тромонтером или инженером, а я принялась искать уроки музыки.

Переписываться из Швейцарии непосредственно ни с отцом, находившимся в Люблине, ни с Феликсом не было никакой возможности.

В Дании, которая, как и Швейцария, не принимала участия в войне, в ее столице Копенгагене, была одна из самых сильных заграничных секций СДКПиЛ. Секретарем ее был Грант (Кунце). Я не знала его лично, но, будучи секретарем Бюро заграничных секций СДКПиЛ, постоянно с ним переписывалась. Это был рабочий, немец, эмигрировавший из Лодзи, где он работал на одной из текстильных фабрик. Сразу же после приезда в Цюрих я обратилась к нему с просьбой посредничать в моей переписке с отцом и Феликсом. Он охотно согласился. Я послала письмо отцу, который очень беспокоился обо мне и Яске, ничего не зная о нас с самого начала войны.

Письма в Россию и из России проходили военную цензуру, поэтому шли значительно дольше, чем обычно.

Первое письмо от отца с копией письма Феликса к нему от 29 января 1915 года я получила лишь в конце марта. Письмо Феликса было написано по-русски из Орловской губернской тюрьмы, куда его снова перевели из Мценска. Письмо его было полно беспокойства за Ясика и меня. С момента отъезда из Варшавы он не имел никаких сведений о нас. О себе он сообщал, что сидит в Орловской тюрьме в общей камере с 70 заключенными тоже из Варшавы. Все были издерганы и измучены тюремной жизнью, в вечной тревоге за близких и «с постоянным выжиданием, что что-то должно произойти важное, всю нашу жизнь долженствующее изменить». Уже тогда Феликс Эдмундович ждал революции, которая свергнет самодержавие, положит конец войне и вернет свободу политическим заключенным. В Орловской тюрьме были очень плохие условия. Несмотря на это, Феликс писал: «Стараемся осмыслить эту жизнь занятиями и чтением. Разрешено нам иметь карандаши и тетради, и многие учатся писать и математике». Он добавляет, что в Орловской тюрьме имеется неплохая библиотека, что они коротают время за чтением; спрашивает моего отца о жизни в Люблине, как отразилась на нем война. Брат Феликса выписал ему единственную дозволенную в тюрьме во время войны газету «Правительственный вестник». Из нее он узнавал о военных событиях.

Из первого письма Феликса видно, что все личные вещи заключенных, отобранные у них перед выездом из Варшавы тюремными властями, пропали.

16 февраля 1915 года Феликс писал сестре Альдоне, что получил мое первое письмо из Цюриха и несколько успокоился. Мое письмо шло до Орла 24 дня.

Примерно в конце мая 1915 года я получила пересланное мне моей двоюродной сестрой Юлией Мушкат из Клецка второе письмо от отца. Оно было написано 23 апреля 1915 года и адресовано Юлии. К этому письму отец приложил переписанное им письмо Феликса без даты, которое он получил 3 апреля. Письмо, по-видимому, было написано в первой половине марта. Феликс сообщал отцу, что получил еще два моих письма из Цюриха от 15 января и 5 февраля 1915 года.

Письмо Феликса моему отцу было послано нелегально и поэтому написано по-польски. Феликс описывает ужасные условия, в которых находились в Орловской губернской тюрьме политические заключенные из Польши.

В первом своем письме из Орла Феликс не писал об этом подробно, не желая волновать своих родных. И только тогда, когда весть об этих ужасах проникла за тюремные стены и дошла до семей заключенных, когда, в частности, узнал о них мой отец, Феликс в ответ на его вопрос, соответствуют ли действительности эти слухи, описал то, что творилось в Орловской тюрьме. «То, что вы узнали о наших условиях, — писал Феликс моему отцу, — это правда. Условия эти прямо-таки невыносимы. В результате этих условий ежедневно кого-нибудь вывозят отсюда... в гробу. Из нашей категории (т. е. политических заключенных из Польши. — *С. Д.*) умерло уже в течение 6 последних недель пять человек, все от чахотки. Троицк из них давно уже назначили место поселения, но их не вывозили, так как в течение семи месяцев не успели привести в порядок «бумаги». Все они были привезены сюда из Петрова, помощи из дому у них, конечно, не было никакой, так как семьи их находятся уже за пределами государства, а здешние условия убийственны. В последнее время многие заболели брюшным и сыпным тифом. Говорят, что ежедневно хоронят двоих-троих и что с 5 февраля (старого стиля) по 4 марта умерло 30 человек. Тех, которые заболевают тифом, вывозят из нашего «заведения» в бывшее женское «заведение» (т. е. в тюрьму. — *С. Д.*), где теперь устроили якобы «больницу» для тифозных. Но пока при-

дут сюда к больному, чтобы определить болезнь, проходит 4—5 дней, и больной лежит вместе с другими в переполненной камере в сильном жару. Теперь трудно добиться здесь даже фельдшера, не говоря уже о врачах, видеть которого может только умирающий, и то не от заразной болезни. Это некий г. Рыхлинский, поляк, который передразнивает польскую речь поляков-«пенсиперов»¹, не умеющих говорить по-русски, и который ругает их последними словами. Все называют его палачом и рассказывают о его недавних издевательствах над больными каторжанами в так называемом Орловском центре²...

Больные оставлены на произвол фельдшера, который к больным относится хуже, чем к собакам. А болеть здесь почти каждый, иначе и быть не могло. Пища отвратительная, вечно безвкусная капуста — 5 раз в неделю и нечто вроде горохового супа — два раза; дают также 1—2 ложки каши ежедневно, но без масла, а что может дать такое количество? Единственное питание для тех, кто не имеет помощи из дому, — это полтора фунта черного хлеба (чаще всего с песком) или один фунт белого. Долго выдержать на такой пище нельзя. Все бледные, зеленые или желтые, анемичные. Белье меняют раз в 2 недели и дают грязное, вшивое. От паразитов избавиться невозможно, ибо в камерах тесно. Я, например, сижу в камере вместе с 60 другими (пару недель тому назад нас было 71 человек) в камере на 37 человек. А мы, каторжане, еще в привилегированном положении, ибо в таких же камерах пересыльные и военнообязанные сидели по 150 человек. Не удивительно, что среди них раньше всего появился тиф и больше всего унесит жертв. Я сижу сейчас в камере сухой, но большинство камер до того сырые, что капает с потолка и стены мокрые. Ко всему, однако, человек привыкает и становится нечувствительным, равнодушным, старается занять свои мысли чем-нибудь другим. У меня лично есть все, что тут можно иметь. Я живу вместе с несколькими другими в одной коммуне, мы занимаемся вместе, некоторым я помогаю в учебе, и время быстро бежит, так быстро, что трудно поверить, что вот уже 8-й месяц с тех пор, как нас вывезли из Варшавы... Мы живем в своей тесной компании, так как в камере имеются разные, совершенно чуждые нам люди и наши враги — те,

¹ Так ради конспирации Феликс называл заключенных. — С. Д.

² Т. е. в центральной каторжной тюрьме в Орле. — С. Д.

кто попал сюда за предательство, за деньги, за шпионство. Отвратительные это люди. Но и среди остальных есть разные типы. Ничто в такой степени, как эта совместная жизнь, не открывает души человека. Познаешь ее, и тоска по другим условиям, по другой жизни становится еще сильнее, однако она исцеляет и предохраняет от пессимизма и разочарования».

В этих ужасных условиях Феликс сохранил спокойствие и силу духа, веру в рабочий класс и в победу революции: «И если бы я мог писать о том, чем живу, то не писал бы ни о тифе, ни о капусте, ни о вшах, а о нашей мечте, представляющей сегодня для нас отвлеченную идею, по являющейся на деле нашим насущным хлебом».

Феликс тоскует о Польше и пишет: «Я думаю, что Варшава, которая всех нас влечет к себе, соберет нас всех вместе в других условиях, в другой жизни».

«...Когда я думаю о том, что теперь творится, — о повсеместном якобы крушении всяких надежд, я прихожу к твердому для себя убеждению, что жизнь зацветет тем скорее и сильнее, чем сильнее сейчас это крушение. И поэтому я стараюсь не думать о сегодняшней бойне, о ее военных результатах, а смотрю дальше и вижу то, о чем сегодня никто не говорит».

Но ни в том письме, ни в следующих своих письмах Феликс ни словом не упомянул о голодовке политических заключенных в Орловской губернской тюрьме. Голодовки имели место: первая — в августе, а вторая — в октябре 1915 года; участники ее подробно описывают роль Ф. Э. Дзержинского во второй из этих голодовок. Но Феликс Эдмундович в мае 1915 года был переведен из Орловской губернской тюрьмы в Центральную каторжную тюрьму в этом же городе и оставался там до 13 марта 1916 года. По-видимому, голодовки эти имели место не в 1915 году, а в 1914 году.

Первая из этих голодовок вспыхнула в результате отказа тюремной администрации удовлетворить требования политзаключенных об улучшении условий содержания в тюрьме, о человеческом обращении с заключенными, о том, чтобы их не «тыкали». На третий день голодовки орловский тюремный инспектор обещал выполнить требования заключенных, и они прекратили голодовку.

Но условия еще больше ухудшились, вдобавок в Орловскую губернскую тюрьму перевели надзирателя Козленкова, который «прославился» своим зверским обраче-

нием с заключенными в Центральной каторжной тюрьме в Орле.

Начались новые издевательства. Начальник тюрьмы требовал, чтобы политические заключенные приветствовали его словами: «Здравия желаем, ваше благородие!» Заключенные отказались выполнять это наглое требование. В наказание у них отняли соломенные тюфяки и лишили прогулок. В связи со всем этим вспыхнула новая голодовка. Об этом пишет бывший заключенный польский революционер Феликс Фонферко:

«Мы решили бороться не на жизнь, а на смерть. Собрались в углу, тов. Дзержинский вполголоса произнес речь: Мы должны бороться и в тюрьме. Царизм в этой войне потеряет корону, рухнет кровавый царь. Победа будет за нами. С нами пролетариат всего мира, и мы тут, в тюремных казематах, объединимся с его революционной борьбой. Не уступим в этой борьбе и начнем голодовку, а кто не с нами, пусть уходит из нашей камеры.

Ушло из камеры только четверо заключенных, которые чувствовали, что не выдержат голодовки. Это была тяжелейшая голодовка, так называемая сухая голодовка. Состояла она в том, что заключенные не только не брали в рот никакой пищи, но даже и ни капли воды.

Чтобы сломить волю заключенных и заставить прекратить голодовку, их бросили в карцер, находившийся в подвале, где были только одни голые нары. У них отняли соломенные тюфяки. Ежедневно в камеру приносили хлеб и кипяток, но заключенные выбрасывали хлеб в коридор, а воду выливали. Через 4 дня несколько заключенных умерло, но остальные продолжали голодовку».

По словам другого участника голодовки, бывшего лодзинского ткача Э. Млынарского, которому тогда был 21 год, «Дзержинский ободрял слабых товарищей, которые на третий день голодовки не могли уже вставать. На третий день голодовки вечером Дзержинского перевели в башню.

Хотя в тройку, которая вела переговоры с тюремными властями, Дзержинский и не входил, но о его организаторской роли в борьбе политических заключенных за свои права тюремщики знали хорошо. Они рассчитывали на то, что, переведя Дзержинского в другую камеру, ослабят дух голодающих и сломят наше сопротивление. Но они просчитались. Долгие месяцы совместного пребывания в одной камере с этим мужественным и сильным духом человеком

сцемептировали нас, и наш коллектив оказался твердым и крепко спаянным. Вдобавок Дзержинскому удалось дать знать о нашей голодовке политическим заключенным других камер, и в знак солидарности с нами в тюрьме вспыхнула всеобщая голодовка.

События в Орловской губернской тюрьме не па шутку встревожили губернские власти. На четвертый день голодовки в тюрьму лично явился губернский прокурор и принял наши требования. Основные требования были выполнены, и голодовка прекратилась».

В своих воспоминаниях Млынарский рассказывает, что из всех заключенных «самым привлекательным, в первые же минуты завоевавшим симпатию всех нас был Ф. Э. Дзержинский. Этот обаятельный, скромный, простой в обращении с окружающими человек был поистине человеком большого сердца.

Больше всего Феликса Эдмундовича тянуло к молодым рабочим нашей камеры... и особенно из лодзинских ткачей. И мы, молодежь, чувствовали к нему такое доверие и такую привязанность, что обращались к нему со всеми сомнениями, горестями, недоуменными вопросами.

Феликс Эдмундович всегда внимательно выслушивал нас, давал советы, тактично разъяснял нам наши ошибки. Дзержинский всегда занимал по идеологическим вопросам твердую и принципиальную позицию. Половинчатости, соглашательства, беспринципности Феликс Эдмундович органически не выносил.

Всегда после душевной беседы с Феликсом Эдмундовичем я чувствовал, что приобрел что-то ценное, новое, и мне становилось легче переносить тюремные тяготы.

Наш старший товарищ постоянно был деятельным и никогда не падал духом. Своей бодростью, оптимизмом, неугасимой верой в светлое будущее он заражал нас всех.

Ф. Э. Дзержинский организовал в камере две группы из лодзинских ткачей и сам занимался с нами... Кроме того, по вечерам на нарах он читал нам лекции по политические темы и по естествознанию с явным атеистическим уклоном...

Ф. Э. Дзержинский на память читал нам выдержки из произведений классиков польской литературы — Адама Мицкевича, Юллуша Словацкого, Марии Конопницкой и др.

В долгие зимние вечера Феликс Эдмундович рассказывал интересные случаи из своей богатой встречами и собы-

тиями жизни. Мы слушали затаив дыхание. Иногда он просил кого-нибудь из товарищей рассказать о себе и сам внимательно слушал. Он обладал и этим ценным человеческим качеством — умением внимательно слушать других...»

* * *

Климат в Цюрихе не был здоровым. Весной там бушевал горный ветер, так называемый фэн. По нескольку дней и ночей он непрерывно свирепствовал с такой силой, что весь дом дрожал, хлопали окна и ветер гулял по комнате. После такого вихря всегда наступала длительная слякоть. Весной 1915 года все время были попеременно то вихри, то дожди или снег. Зимой в хорошую погоду город был окутан густым белым туманом, который рассеивался лишь к часу-двум дня. Только тогда появлялось яркое, лучистое солнце, но ненадолго. Цюрихский климат вредно отражался на здоровье Ясика, и он часто болел ангиной с очень высокой температурой. В конце концов он заболел бронхитом, и врач посоветовал мне уехать с ним в другое, более здоровое место. Товарищи советовали мне перебраться во французскую Швейцарию, в Кларан, где климат более здоров и где, как говорили, легче было тогда найти уроки. Туда в связи с войной бежало много зажиточных семей из Польши и России. В конце марта 1915 года я покинула Цюрих и уехала с Ясиком и Янеком Братманом в Кларан, расположенный на берегу Женевского озера.

Марылька Братман раньше несколько лет училась на химическом факультете Цюрихского университета, но в связи с отъездом в Краков вынуждена была его оставить, не закончив. Сейчас она продолжила учебу, и ей совершенно некогда было заниматься Янеком.

В начале марта я получила в Цюрихе при посредстве петроградского банка 60 франков от моего брата Станислава. Таким образом, у меня были деньги на дорогу и на первое время пребывания в Кларане. Марылька и Стефан Братманы мне дали деньги на содержание Янека. В Божп, над Клараном, я сняла небольшую солнечную комнату в одноэтажном доме у некоей госпожи Фоновой, русской, бывшей фельдшерицы-акушерки, пенсионерки, проживавшей в Швейцарии уже несколько лет. Арендуемый ею домик был расположен на склоне горы, высоко над озером, по дороге в Шайн. Через некоторое время в Кларан приехал Адольф Варский. Навестила нас также и пробыла с нами несколько дней Марылька Братман.

В сентябре 1915 года Варский выехал на международную социалистическую конференцию в Циммервальде (Швейцария). Вместе с другими революционерами-интернационалистами он в основном поддерживал позицию В. И. Ленина. В апреле 1916 года Варский принимал участие в работе второй международной социалистической конференции (в Кинтале). Его позиция еще более приближалась к большевистской.

Летом 1915 года в Кларане находилось несколько русских социал-демократов: известный большевистский поэт Демьян Бедный, Трояновский, в то время меньшевик, потом член ВКП(б), видный советский дипломат. Была там также член СДКПиЛ Ирена (Наталья Шер) со своим мужем — Семеном Семковским. Некоторые из них имели хорошо оплачиваемые уроки. Я также через некоторое время нашла урок в семье Потока, одного из совладельцев лодзинской фабрики Познанского. У Потока в Кларане была красивая вилла на берегу Женевского озера. Я учила двух его сыновей. Эти уроки хорошо оплачивались и обеспечивали мне жизнь. Когда я уходила на уроки, Фонова оставалась с детьми. В Кларане я пробыла до осени 1915 года.

Кларан — это местность с прекрасным видом на горы, окружающие Женевское озеро. Однажды в апреле или мае меня поразило необычное явление. Одна из невысоких гор, куда вела зубчатая электрическая железная дорога и которая, как говорили, никогда не покрывалась снегом, вдруг вся побелела. Удивленная, я спросила Фонову, что это значит, неужели выпал снег, когда кругом все уже давно зелено, и услышала в ответ: «Нет, это не снег, это зацвели нарциссы».

Я загорелась желанием посмотреть вблизи эту гору, покрытую нарциссами. Через несколько дней мы с Фоновой и мальчиками поехали на электричке на эту гору. Перед нашими взорами предстал чудесный вид. Вся гора была усеяна цветущими нарциссами так густо, как растет трава. Это был сплошной огромный белый ковер с желтыми пятнышками, наполняющий воздух одуряющим ароматом. Мальчики стояли как зачарованные, смотря на это волшебное зрелище. Мы нарвали столько нарциссов, сколько можно было удержать в охапках. По совету Фоновой мы рвали еще не распустившиеся цветы. Они расцвели дома в воде. Также по совету Фоновой я завернула букеты нераспустившихся нарциссов во влажную вату,

положила их в коробку и послала почтой друзьям в Цюрих. По их словам, они дошли совсем свежими, распустились там и долго цвели.

Только в Кларане в конце мая или в начале июня я получила первое с начала войны письмо непосредственно от Феликса. Это была открытка от 3 мая 1915 года, написанная по-польски и высланная нелегально из Орловской губернской тюрьмы. Феликс сообщал, что его в тот день перевезут в Центральную каторжную тюрьму в Орле. Из приписки одного из его товарищей на открытке видно, что его туда увезли 4 мая.

Каторжная тюрьма в Орле славилась по всей России исключительно зверским обращением с политическими заключенными. Но Феликс, сообщая мне о переводе туда, успокаивал меня: «Ничего ужасного. Говорят, что и там теперь не так плохо. Я иду туда совершенно спокойный, жаль только расставаться с товарищами... Физически и морально я чувствую себя хорошо, а последние сведения, если они верны, обещают и мне свободу».

Из этой открытки видно, что первое письмо Феликса, писанное непосредственно мне из Орла, не дошло. Второе письмо из Орла было датировано 14 августа 1915 года.

Из письма видно, что Феликс ни на минуту не терял надежды на близкую победу революции, которая вернет ему свободу. Он знал, что по второму возбужденному против него делу — о партийной деятельности в 1910—1912 годах — он получит не меньше шести лет каторги, но в упомянутом выше письме говорит: «Придет ведь время, а я так уверен, что скоро уж и я увижу вас и буду с вами».

Он беспокоится о близких ему товарищах по партии и спрашивает о них: «Когда Роза вернется с отдыха? ¹ Пошли ей от меня самые сердечные приветы». В другом письме он пишет: «Я слышал, что Юленька заболела скарлатиной. Прошло ли это без следа?» ²

В каторжной тюрьме Дзержинский сидел сначала вдвоем с товарищем в одной камере. Писать семье можно было только раз в месяц и лишь одно письмо. Покупать продукты за собственные деньги разрешалось очень редко,

¹ Роза Люксембург вскоре после начала войны была арестована и сидела в германской тюрьме. — С. Д.

² Дзержинский имел в виду Юлиана Мархлевского, его арест и заключение в Германии в тюрьму, что называл иносказательно болезнью.

и то в весьма ограниченном количестве: только хлеб, сало и сахар. Делиться продуктами с товарищами из других камер запрещалось. Белье и одежду можно было носить лишь тюремные.

* * *

В Кларане после отъезда моих учеников в Королевство Польское я не могла найти новую работу, поэтому в начале октября вернулась с мальчиками в Цюрих. Тут Ясик, чувствовавший себя в Кларане в основном хорошо, снова начал болеть.

Уроков в Цюрихе найти мне не удалось, и я по совету врача выехала на некоторое время с Ястиком и Янском в Цугский кантон, в курортную местность для детей Унтер-Эгерц, на берегу озера Эгерц, среди гор.

Нас проводила Марылька. Она лучше меня знала немецкий язык и легче могла найти квартиру и договориться об условиях.

В Унтер-Эгерц, в горах, находился детский санаторий для больных главным образом костным туберкулезом.

Марылька наняла нам две меблированные маленькие солнечные комнатки в самом городке у некоей фрау Бюрги в ее трехэтажном доме. Это была вдова, немка из Западной Германии, владелица небольшого фотоателье, которое обслуживала она сама вместе с двумя сыновьями, 16- и 14-летним мальчиками. Старший сын 21 года был в армии.

Около дома был небольшой садик с огородом, обнесенный забором. Хозяйка и ее сыновья собственноручно обрабатывали этот клочок земли с чисто немецкой аккуратностью. Каждая пядь земли была засажена. В огороде росли всякие овощи, которые заготавливались на зиму. Было также несколько яблонь. Ветки их из-за отсутствия пространства хозяйка распластала по стене дома.

Хозяйка моя была немецкой патриоткой и живо интересовалась ходом войны. Она выписывала одну из самых реакционных газет — «Нойе цюрхер пахрихтен».

Через некоторое время я пошла в Унтер-Эгерц два урока музыки: один у немки, проживавшей там с мужем. От скуки она захотела учиться игре на фортепиано. Второй урок я получила у своей хозяйки. Я обучала музыке ее старшего сына, вернувшегося из армии.

В Унтер-Эгерц, хотя это и была курортная местность, также бушевали сильные фьоны, но там не было цюрихских туманов. Несмотря на это, Ясик мой и тут почти каждый

месяц болел ангиной. Систематически повторялись у него также приступы мигрени.

В доме Бюрги царил здоровая атмосфера труда. Весной и летом 1916 года мои мальчики видели всю ее семью постоянно за работой или в фотоателье и фотолаборатории, или в огороде. Ребятинки начали помогать в меру своих сил при поливке грядок. В садике было много цветов. Их очень любил мой Яснк. Были там даже эдельвейсы, которые растут только в горах. Я совершала с мальчиками прогулки в горы или к озеру. Убирала комнаты и готовила еду я сама.

В том же году, весной, мы отправились из Унтер-Эгерн с Марылькой, которая время от времени навещала нас, и Адольфом Варским пешком вокруг озера Эгерн в Люцерн, а оттуда — смотреть восход солнца на Ригикульм. С вершины этой горы перед нами раскрылся необыкновенный вид.

Под нами было море облаков, среди которых выделялась вершина горы Ппятус. На востоке горела утренняя заря. Отблеск ее падал на облака, окрашивая их в розовый цвет. Наконец из-за горизонта показалось солнце и залило своим сиянием все вокруг. Я тогда видела восход солнца в горах в первый и последний раз и была восхищена красотой. На Ригикульме был ресторанчик. Мы немного подкрепились и начали спуск с горы. Сначала мы шли над облаками, затем в облаках, которые постепенно под горячими лучами солнца испарялись или удалялись, уносимые ветерком.

С Ригикульма мы отправились на берег озера Четырех кантонов. Оттуда открывалось чудесное зрелище на зеркальные воды и покрытые лесом горы противоположного берега. Мы дошли до южного края озера — до Флюэлен, там сели на небольшой пароходик и поплыли через озеро к северному его берегу, а оттуда по железной дороге до Цюриха. Это была замечательная, незабываемая прогулка.

В следующем году, летом, мы вдвоем с Марылькой совершили еще одну экскурсию на ледник, с которого стекает река Рона. У подножия ледника пришлось взять проводника, так как одним идти было опасно. Ледник был прорезан ущельями шириной около трех, а глубиной в несколько десятков метров. Мы прошли весь ледник и спустились с противоположной его стороны, а потом шли по берегу Роны, любуясь водопадами и прекрасными видами, описанными Юлиушем Словацким в его поэме «В Швейцарии».

Чудесные прогулки да изредка симфонические концерты и оперы Вагнера в Цюрихе были единственной услугой нашей невеселой жизни в эмиграции.

Весной 1916 года из Цюриха приехал к нам Варский, чтобы попрощаться. Он получил от немецких властей, оккупировавших Польшу, разрешение вернуться в Варшаву. В мае 1916 года он выехал туда, но уже через месяц был арестован немцами и отправлен в концлагерь в Гавельберг, где сидел тогда также Юлиан Мархлевский. Варский был освобожден в конце 1917 года, а Мархлевский — лишь в мае 1918 года благодаря вмешательству Советского правительства и отправлен в Москву.

* * *

В Цюрихе и Унтер-Эгерн я продолжала получать письма от Феликса примерно раз в месяц, иногда реже.

В открытке от 14 сентября 1915 года, в третью годовщину с момента последнего его ареста, Феликс писал, что чувствует себя хорошо, живет верой в свое освобождение, т. е. в близость революции, что очень тоскует по Ясику и просит меня не беспокоиться за него. Он спрашивает, удалось ли нашим товарищам после оккупации Королевства Польского немцами и отступления русских войск вернуться из эмиграции. Снова конспиративным образом спрашивает, когда будет освобождена Роза Люксембург.

Не все письма Феликса доходили до меня. Так, например, пропало его пространное письмо от 15 ноября 1915 года, хотя было послано заказным.

В декабре Феликс не мог мне написать. Таким образом, несколько месяцев я не имела от него никаких вестей.

В письме от 17 января 1916 года Феликс из Орловской каторжной тюрьмы сообщал мне, что два месяца уже сидит один в камере и что он доволен этим. Однако письмо это носит печать усталости. Сказались долгие годы пребывания в тюрьме, оторванность от жизни, вынужденная бездеятельность, тоска по свободе. Как обычно, письмо полно дум о сыне. Феликс писал о радости, которую доставили ему посланные мной новые фотографии Ясика. Больше всего ему понравилась одна из ранее посланных, где мальчик смеется. В письме снова проявляется беспокойство о здоровье Ясика и кончается оно горячими словами, обращенными непосредственно к сыну.

В следующем письме от 17 февраля 1916 года Феликс объясняет свое плохое настроение отсутствием вестей от

меня. Но в тот момент, когда он отправлял то письмо, пришли два моих п Ясика письма. Они его успокоили, однако сам он мог послать нам следующее письмо только через месяц. Письмо это полно любви и радости жизни: «И даже тогда, когда тоска как бы одолевает меня, все-таки в глубине души я сохраняю спокойствие, любовь к жизни и понимание ее, себя и других. Я люблю жизнь такой, какая она есть в ее реальности, в ее вечном движении, в ее гармонии и в ее ужасных противоречиях. И глаза мои видят еще, и уши слышат, и душа воспринимает, и сердце не очерствело еще. И песнь жизни живет в сердце моем... И мне кажется, что тот, кто слышит в своем сердце эту песнь, никогда, какие бы мучения ни переживал, не проклянет жизни своей, не заменит ее другой, спокойной, нормальной. Ведь эта песня все, она одна остается — эта песнь любви к жизни. И здесь, в тюрьме, и там, на воле, где теперь столько ужасов, она жива, она вечна, как звезды».

В этом письме Феликс советует мне, если возможно, вернуться на родину, в Варшаву, не считаясь с тем, что это может вовсе прекратить нашу переписку. Самое главное, добавляет он, чтобы я жила полной жизнью. Он, разумеется, имел в виду мою партийную работу среди польских трудящихся масс, от которых меня так давно оторвала тюрьма, ссылка и эмиграция. Феликс спрашивает о ППС-левице и взаимоотношениях между левицей и нашей партией.

Письмо заканчивается словами, полными любви, обращенными к Ясику: «Солнышко мое, моя звездочка, Ясик мой милый, дитя мое, целую тебя крепко я, татусь твой, Фелек. Когда меня освободят, я сейчас же приеду к тебе, сяду на поезд, и он все ближе и ближе к тебе меня будет везти и привезет к тебе, и ты выйдешь с мамусей мне навстречу, и я увижу первый тебя и узнаю, и подыму высоко-высоко, и обниму крепко-крепко, и поделую Ясика моего горячо-горячо. Будь же здоровый и хороший и расти, Ясеньку милый мой. Твой татусь Фелек».

По совету Феликса, через несколько дней после получения Барским разрешения на возвращение в Польшу, и я, и Стефан Братман с женой обратились к немецким оккупационным властям с просьбой разрешить нам также вернуться в Варшаву. Но и мне, и Братманам было отказано. Выехать же в Варшаву нелегально с ребенком было слишком рискованно.

Пришлось нам оставаться в эмиграции.

13 марта 1916 года кончился срок трехлетней каторги, к которой Феликс был приговорен за побег из ссылки в Сибирь. В тот же день его перевезли обратно в Орловскую губернскую тюрьму. Феликс сообщил мне об этом в письме от 26 марта 1916 года, сообщил он одновременно и о том, что второе его дело (за партийную работу в 1910—1912 годах) перешло в Московскую судебную палату.

Снова Феликсу коротает время за чтением и за обучением товарищей. «Почти целый день учу грамоте товарищей», — пишет он 2 апреля из Орловской губернской тюрьмы.

В начале апреля Феликса перевезли из Орла в Москву, в губернскую тюрьму на Таганке. Сидел он там вместе с другим заключенным. Условия в Таганской тюрьме были спосные, и там он не был так оторван от жизни, как в Орле. В Таганке письма Феликса снова в течение некоторого времени подвергались химической цензуре.

17 мая 1916 года в Московской судебной палате состоялся суд над Феликсом и его товарищами по партийной работе в 1910—1912 годах. На суде присутствовали наши товарищи и родные Феликса. По словам его сестры Ядвиги, он был в хорошем настроении и весел, но так слаб, что еле держался на ногах. Его приговорили к 6 годам каторги, засчитав три года по делу за побег. Оставалось ему, таким образом, еще отбыть 3 года каторги.

Об этом приговоре Феликс сообщил мне в письме от 26 мая, добавив, что будет хлопотать, чтобы его оставили отбывать каторгу в Москве, в Бутырьках. Он продолжал сидеть в губернской тюрьме вдвоем в камере. Но на прогулки выводили одновременно 10 заключенных, и он не был поэтому так одинок, как раньше.

Прошел месяц, другой, а Феликса продолжали держать в тюрьме на Таганке. Из этой тюрьмы Феликс написал 6 июня 1916 года пространное письмо Ясику в ответ на его письмецо от 11 апреля, которое он мне продиктовал. В своем письмеце Ясик сообщал отцу о нашей двухдневной экскурсии пешком вместе с Марылькой и Янеком из Унтер-Эгери на гору Губель с ночевкой в небольшом пансионе. Прогулка эта произвела на Ясика большое впечатление. Он восхищался природой, но очень устал, и на обратном пути мне пришлось его нести на руках. Ножки у него были слабые. Несколько собранных на этой про-

гулке цветов Ясик засушил и послал вместе с письмом отцу. Ответное письмо Феликса сыну, как и всегда, было проникнуто глубокой верой в будущее, в скорую и радостную встречу.

В письмах от 29 июня и 16 сентября 1916 года Феликс снова советовал мне, если возможно, поехать в Польшу. Мысль о том, что в случае моего выезда в Варшаву совсем прекратится переписка с Феликсом, и связанное с этим полное неведение о его судьбе, естественно, были для меня тягостными. Но дальнейшее пребывание на чужбине, в Швейцарии, отрыв от партийной жизни и работы также были нелегкими и бесцельными. И поэтому я снова начала ходатайствовать о разрешении вернуться в Варшаву.

В письме от 24 июля Феликс писал, что еще некоторое время останется в тюрьме на Таганке и будет там учиться шить на машинке, а потом в Бутырках работать в швейной мастерской. Он успокаивал меня, что сил у него еще много и судьба его лучше, чем у многих других. Он выражал надежду, что за работой время пройдет быстрее и ближе станет день нашей встречи.

3 августа 1916 года Феликса перевели из Московской губернской тюрьмы в Бутырки, где он должен был отбыть срок каторги. Там его навестила жена брата Владислава — Софья Викторовна Дзержинская. Однако он вскоре заболел, и его увезли в больницу при Таганской тюрьме. Из больницы 30 августа Феликс в письме успокаивал меня, что болезнь его неопасна (растяжение мышц на ноге), вызвана, по-видимому, кандалами. В больнице Феликса навестила сестра Ядвига. Она говорила мне потом, что от кандалов и сырости в тюремном подвале у Феликса открылась тяжелая рана на ноге, грозившая заражением крови. В справке, составленной врачом тюремной больницы, было сказано, что каторжанин Феликс Дзержинский болен «экссудативным плевритом правой стороны», в связи с чем необходимо снять с него ножные кандалы.

Справка эта была написана 14 августа 1916 года, а кандалы сняли с ног Феликса только 6 декабря того же года в Бутырках и то лишь на время работы на ножной швейной машине в тюремной мастерской, обслуживающей армию.

Из тюремной больницы Феликс написал также несколько писем своему младшему брату Владиславу. В одном из этих писем от 11 сентября он писал о себе: «Я весь сросся не только со своими мыслями (речь идет о его

коммунистических воззрениях. — С. Д.), но с массажи, и вместе с ними я должен пережить всю борьбу, муки и надежды... Я познавал сердца человеческие, и мне казалось, что я чувствую каждый удар этих сердец... Я жил, чтобы до конца выполнить свое назначение и быть собой... Я все должен пережить, что мне суждено, — до самого конца. Иначе быть не может. И я спокоен. И хотя я не знаю, что меня ожидает... но мысль моя все время рисует образы будущего, которым все увенчается. Я оптимист помимо всего».

Находясь в тюремной больнице на Таганке, Феликс встретился со Станиславом Шешонеком, в свое время работавшим в одной из нелегальных типографий СДКПиЛ. Вывезенный из Королевства Польского в Россию, он уже давно ничего не знал о своей семье. Феликс сообщил мне адрес матери и сестры Шешонека и просил написать им. Разумеется, я эту просьбу выполнила.

В первой половине сентября 1916 года Феликс вернулся из тюремной больницы в Бутырки и начал работать в тюремной мастерской. 16 сентября он писал мне из Бутырок, что в связи с состоянием здоровья его освободили от тяжелой работы; он подручный у портного, выполняет всю ручную работу при двух заключенных, которые шьют на машинах, и начал учиться шить на швейной машине. Несмотря на заключение врача тюремной больницы, как я уже упоминала выше, с него все еще не сняли кандалы. Сидел он в общей камере. Работа, по его словам, хорошо повлияла на его сон, аппетит и здоровье. Феликс выражал сожаление, что, научившись шить, не сможет ничего смастерить для Ясика.

Мысль о сыне, как обычно, влиwała в него силу и бодрость: «Столько лет уже прошло, столько страданий и мучений, и, однако, сердце способно все забывать и радоваться от одной мысли об улыбке — улыбке ребенка — уже человека, маленького Ясика, об его глазках без фальши, чистых и глубоких. И я теперь отдыхаю, думая об отдыхе, который они мне дадут в будущем. Ведь это будет праздник, какого никогда в жизни еще не было; и мне кажется, что при нем и с ним вернется даже моя молодость и весна».

В конце письма Феликс добавляет: «Я здоров, недомогание было только случайное, и я никогда не хотел бы, чтобы мысль обо мне могла мешать жить тем, которых я люблю. Пусть и Ясик так тебя и меня любит... чтобы

любовь не связывала, а развязывала, обогащала жизнь любимого, заставляла его жить всей своей душой, широкой и богатой».

* * *

В сентябре в Унтер-Эгери я потеряла оба урока и в поисках работы мне пришлось вернуться в Цюрих. Не имея своего угла в Цюрихе, я не могла сразу взять с собой Ясика. Пришлось оставить его в Унтер-Эгери в небольшом частном детском доме, где уже несколько недель находилось двое польских детей: сын Братманов Янек и его ровесница, дочь одного из наших товарищей.

Весть о том, что я на время снова рассталась с Ясиком, очень огорчила и обеспокоила Феликса.

В Цюрихе я дала объявление в газеты о том, что ищу уроки музыки. Я сняла меблированную комнату в квартире одной русской семьи эмигрантов, где было пианино. За соответствующую плату мне разрешили пользоваться инструментом для уроков. Возобновил занятия старший сын Бюрги, который жил в Цюрихе; получила я также два новых урока.

Сняв комнату в Цюрихе и начав давать уроки, я взяла Ясика к себе. У моих хозяев было двое детей — мальчик значительно старше Ясика и девочка его возраста, с которой он охотно играл.

Взяв Ясика к себе, я сразу же сообщила об этом Феликсу, и это его очень обрадовало. В письме от 19 ноября 1916 года он снова добавил несколько слов непосредственно Ясику, пожелав ему быть здоровым, сильным и хорошим.

В письме от 3 декабря 1916 года Феликс пишет, что сидит в общей камере и рад этому, тут легче уединиться, чем в камере, где сидят двое, легче найти людей симпатичных и сжиться с ними.

На время работы заключенных уводили из камеры, поэтому воздуха было достаточно. Феликс снова пишет, что работа хорошо на него действует, укрепляются мышцы и нервы, что в октябре и ноябре он заработал по 9 рублей. Просит не присылать ему денег, ибо «выписывать» политкаторжане могут только за деньги, лично заработанные. Он добавляет при этом, что сестра Ядвига ежемесячно приходит к нему на свидание и приносит передачу.

В этом же письме Феликс спрашивает, «что с семьей нашей» и могу ли я поддерживать с ней постоянную связь. Феликс имел в виду нашу партию, которая во время немецкой оккупации продолжала находиться в подполье. Ни я, ни Стефан Братман не имели тогда никакой возможности связаться с партийными товарищами в Польше. У нас не было даже никаких адресов их. Адольфу Варскому после его отъезда в Варшаву не удалось прислать оттуда ни одного письма. Мы получили от него несколько писем лишь из концлагеря в Гавельберге в Германии. Он сообщал, что в этом же лагере находится также Юлиан Мархлевский, что условия там ужасные и сам он страшно голодает.

Мы собрали среди товарищей немного денег и послали Адольфу несколько посылок с продуктами.

Мы были оторваны и от партийной организации в стране и от группы берлинских товарищей.

Феликс во многих письмах спрашивал меня про Юлиана Мархлевского, Тышку и Розу Люксембург. Всем им он посылал горячие приветы.

В середине февраля 1917 года из письма Феликса от 31 декабря 1916 г. я узнала о том, что с него сняли кандалы. Я очень этому обрадовалась.

* * *

В Вутырках во время войны заключенным разрешали выписывать реакционные газеты «Правительственный вестник» и «Русский инвалид», из которых они узнавали о ходе войны.

В письмах из тюрьмы Феликс с ненавистью отзывался о грабительской империалистической войне, прокатившейся также по Польше, и тяжело переживал ужасы войны.

«Охватывает ужас, — писал он сестре Альдоне 20 октября 1914 года, — когда подумаешь, что должно происходить теперь в Польше, сколько горя, страданий и опустошений. Я должен отгонять от себя эти мысли и картины».

В одном из следующих писем Альдоне, жившей тогда в Вильно, он просит сообщить, как война отразилась на ее жизни и жизни других людей в Вильно. Он мысленно часто переносился в Польшу и в ту часть Литвы, где в то время разыгрывались военные действия и где «льются кровь и горячие слезы. Там — ужас и безумие,

а здесь приходится мысленно переживать, а это подчас тяжелее, чем сама действительность».

В связи с новым, 1915 годом Феликс писал в письме, посланном нелегально Альдопе 3 января 1915 года: «Настоящий праздник души — слияние человеческих чувств. Сегодня, когда кругом посеяно столько ненависти, когда столько людей брошено друг против друга, — может быть, в сердце не одного человека... проснется жажда любви, братания. Так тяжело здесь сидеть теперь — бесполезным и бездеятельным, когда там гораздо хуже, чем здесь, ибо кажется мне, что скоро зло будет побеждено и что мои силы и мысли могли бы пригодиться. Будет объявлена война войне, и она навсегда устранил источники ненависти. Поэтому-то сегодня моя мысль бежит ко всем, кого я люблю и кому хотел бы дать счастье, которое питается уверенностью, что любовь победит и будет хозяйном земли... Можно ли представить себе что-либо более чудовищное, чем эта бойня? Я думаю только о ней».

В конце письма Феликс пишет, что хотел бы новогодние пожелания послать всем тем «миллионам, которые идут на бойню вопреки своей воле. Безнадежно тоскливо было бы жить сейчас, и здесь и там, на свободе, если бы не эта уверенность, что придет царство правды, любви и счастья».

В этих словах выражена глубокая вера Феликса в то, что война ускорит революцию, которая сметет царское правительство и положит конец войне. Слова эти свидетельствуют также о том, что Феликсу известна была точка зрения В. И. Ленина о превращении войны империалистической в войну гражданскую и ленинский лозунг «братанья между солдатами *обеих* воюющих групп»¹. Он верил, видимо, не только в скорое свержение царизма, но также в близость мировой социалистической революции, ибо он выражал уверенность в том, что навсегда будут устранены источники ненависти.

И письма ко мне говорят о его вере в то, что война ускорит революцию. Из Москвы Феликсу не удалось послать мне ни одного письма нелегальным путем, а в тюремных письмах, подвергавшихся во время войны тройной цензуре — тюремной, жандармской и военной, открыто писать о революции было немислимо. Поэтому свою мысль о том, что революция положит предел войне,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 204.

Феликс выражал конспиративным образом, понятным для меня и для товарищей, читавших его письма ко мне. Почти в каждом своем письме он пользовался такими выражениями, как, например, «приближается день нашей встречи» (а он был приговорен к 6 годам каторги и обязательному после этого вечному поселению в Сибири), «придет весна», «настанет лучшая жизнь».

В письме 31 декабря 1916 года он писал: «Вот уже пришел последний день и 16-го года, и хотя не видно еще конца войны — однако мы все ближе и ближе ко дню встречи и ко дню радости. Я так уверен в этом... Что даст нам 17-й год, мы не знаем, но знаем, что душевные силы наши сохранятся, а ведь это самое важное... Я так уверен, что вернусь...»

Из 12 заключенных, с которыми Феликс сидел в Бутырках в одной камере, только он один верил в неизбежность близкой революции, писал В. Мицкевич-Капсукас со слов самого Феликса, записанных в 1922 году в поезде по пути из Тбилиси в Москву. С некоторыми товарищами своей камеры Феликс даже побился об заклад по этому поводу, обязуясь, в случае если проиграет, отдать товарищу весь свой тюремный заработок.

Товарищ А. И. Мпкоян впоследствии описал следующий эпизод: «Когда Дзержинский работал в ВСНХ, к Феликсу Эдмундовичу в присутствии тов. В. И. Межлаука пришел человек, про которого Дзержинский сказал: — Вот пришел мой «раб».

Оказалось, что это бывший эсер тов. К., теперь уже член нашей партии, с которым Дзержинский сидел когда-то в Бутырской тюрьме. Тов. К. тогда не видел никакого просвета в мраке реакции, начал терять веру в революцию, находился во власти упадочных настроений.

А Дзержинский горел, как всегда.

Он чувствовал всем своим существом, что приближается победа революции.

— Я убежден, — сказал Дзержинский тогда тов. К., — что не позднее чем через год (это было в 1916 г.) революция победит.

— Не может быть, — ответил тов. К.

— Ну, давай пари.

— Давай.

— Что же обещаешь?

— Если оправдается, Феликс, ваше предсказание, то я отдаюсь вам... в вечное рабство.

И вот, когда революция победила, даже несколько раньше, чем через год, Феликс Дзержинский шутил при встречах называл этого товарища своим «рабом».

Этот маленький эпизод, — добавляет А. И. Микоян, — яркая иллюстрация к характеристике Дзержинского как великого революционера, революционный дух которого не могли угасить ни тюрьма, ни ссылка, ни каторга».

В вышеупомянутом письме от 31 декабря 1916 года Феликс снова писал мне: «Кажется, теперь можно переписываться с родиной, может быть, теперь у тебя есть известия о жизни наших родных...¹ Верно ли, что и теперь у них ужасно тяжелая жизнь?»

Большую радость доставляли Феликсу в тюрьме и на каторге письма от семьи и товарищей, письма от сына и сообщения о нем, а особенно фотографии. Ясик посылал ему свои картинки-вырезки и раскраски, а также продиктованные мне письма, которые я записывала дословно.

Получив одно из таких произведений Ясика, Феликс писал мне, что когда он увидел картинку-вырезку, сделанную собственными ручонками Ясика, то его залила волна несказанной любви и нежности, и он выражал горячее пожелание, чтобы Ясик, когда вырастет, был «ясным лучом — умел сам любить и быть любимым». В другом письме Феликс желает Ясику, чтобы он умел хорошо работать, чтобы работа доставляла ему радость и радовала других, чтобы он был для других примером. (Письмо от 4 марта 1917 года.)

Но тюремные власти мучили политкаторжан всякими способами, издевались даже над их отцовскими чувствами.

В Бутырках Феликсу не дали фотографию нашего сына, которую я ему послала, и не позволили взглянуть на нее, хотя он расписался в почтовом извещении о получении. «Здесь, — писал мне Феликс в письме от 4 марта 1917 года, — в камере карточек нельзя держать — даже малого сынка, но я надеялся, что мне дадут хотя бы один день посмотреть на нее».

Сила духа и непоколебимая вера в победу революции нашли отражение и в последнем тюремном письме Феликса из каторжной тюрьмы в Бутырках от 4 марта

¹ Ф. Э. Дзержинский имеет в виду партийных товарищей в Польше.

1917 года. Он тогда сидел в одиночной камере вместе с другим политкаторжанином и работал уже не как подручный портного, а шил на машине по 5 часов в сутки. Читал он больше, чем раньше. Он просил меня не беспокоиться о нем и ничего ему не присылать. Жил он мыслью о будущем: «...я отворачиваюсь теперь от своей жизни — стоячего болота, — и не хочется мне о ней писать и расписывать. Теперь я дремлю, как медведь зимой в своей берлоге, осталась только ясная мысль, что весна придет, и тогда перестану сосать свою лапу, и все оставшиеся еще в душе и теле силы проявятся. Буду жить».

В этом письме Феликс снова возвращается мыслью к Варшаве, спрашивает: «Можно ли теперь свободно переписываться с Варшавой? Как там живут наши родные (т. е. товарищи по партии. — С. Д.)?» — и добавляет: «Стремлюсь туда всей душой».

Через десять дней после этого Февральская революция освободила Феликса с каторги.

После Февральской революции

Весть о Февральской революции в России застала меня в Цюрихе. Мы узнали о ней из швейцарских газет. Было в них также упомянуто об освобождении политзаключенных. Некоторое время, однако, я не знала, освобожден ли также Феликс. Но уже сама надежда, что он на свободе, была невыразимо радостной.

Первую весть об освобождении Феликса я получила только 10 апреля 1917 года от одной своей знакомой с детских лет — Функ. Она жила тогда в Берлине и прислала мне в Цюрих коротенькую телеграмму: «Ваш муж свободен». Через несколько дней я получила от нее открытку, датированную тем же числом — 10 апреля, следующего содержания: «...я только что прочитала в Реформе¹, что Феликс Дзержинский (Соц. Дем. Корол. Польши и Литвы — 6 лет), находившийся в заключении в Москве, освобожден в первые дни революции».

Феликс сразу же, как только оказался на свободе, отправил мне телеграмму, а через 10 дней открытку, но ни телеграмма, ни открытка до меня не дошли.

¹ Речь идет о краковской буржуазной газете «Нова реформа».

Значительно позднее, уже в Москве, я узнала, что 1 (14) марта 1917 года революционные рабочие разбили ворота Бутырской тюрьмы, освободили в числе других политкаторжан Дзержинского и вынесли его на руках на улицы Москвы.

Он сразу же направился на площадь Скобелева (ныне Советская), где выступил на митинге с пламенной речью.

В тот же день он включился в революционную работу, выполняя поручения Московского комитета партии большевиков. Он выступал ежедневно на многочисленных митингах рабочих и солдат, отстаивая политику недоверия Временному правительству, призывая к активной борьбе за мир, против империалистической войны.

Работая в московской большевистской организации, Феликс являлся членом Центрального Исполнительного Комитета групп СДКПиЛ в России¹ и вел большую агитационную и организационную работу среди эвакуированных из Польши польских рабочих и солдат. Так, например, 19 марта 1917 года он выступил на общегородском митинге, на котором присутствовало несколько тысяч польских рабочих, резко критикуя буржуазное Временное правительство и его антинародную политику. 17 апреля 1917 года Дзержинский выступал на собрании солдат-поляков Московских мастерских тяжелой артиллерии. Он разоблачил империалистический, антинародный характер продолжаемой Временным правительством войны, а также националистическую политику польских национал-демократов (эндеков) и революционной фракции Польской партии социалистов («фраков») и призывал

¹ После Февральской революции 1917 года при городских комитетах РСДРП(б) в губерниях, где имелось значительное количество польского населения, были созданы группы СДКПиЛ в России и затем объединяющий их Центральный Исполнительный Комитет, в который входил также Феликс Дзержинский. ЦИК групп СДКПиЛ работал под руководством ЦК большевистской партии. После образования в Польше Коммунистической Рабочей Партии Польши эти группы и их ЦИК изменили свое название на группы КРПП в России. Они вели широкую агитационную работу среди польских трудящихся в России, на Украине и в Белоруссии. В 1919 году, когда большинство беженцев из Польши вернулось на родину, группы эти были ликвидированы. Для агит-массовой работы среди польского населения в Советской стране при отделах агитации и пропаганды губернских комитетов большевистской партии были созданы польские бюро, а также Польское бюро при отделах агитации и пропаганды ЦК РКП(б), ЦК КП(б)У и ЦК КП(б)Б.

польских солдат к отказу идти на фронт и к совместной с русскими братьями борьбе за интересы рабочих и крестьян. Особенно много внимания Феликс уделял работе среди эвакуированных в Россию польских железнодорожников Привислянской и Варшаво-Венской железных дорог. Сохранился написанный рукой Феликса документ, озаглавленный «Протест». По всей вероятности, «Протест» является проектом резолюции, принятой собранием рабочих-железнодорожников, на котором выступал Дзержинский.

Этот документ разоблачает махнации эндеков, избравших в железнодорожные комитеты указанных дорог, а также в Московский Совет рабочих и солдатских депутатов своих сторонников из числа служащих без ведома и участия в этих выборах рабочих-железнодорожников.

В этом же документе выражено требование провести новые выборы в Московский Совет от рабочих Варшаво-Венской и Привислянской железных дорог и послать туда рабочих, а не чиновников.

Собрание рабочих-железнодорожников, принявшее резолюцию, предложенную Дзержинским, избрало комиссию, которой поручило создать новые железнодорожные комитеты от рабочих Варшаво-Венской и Привислянской дорог. Этой же комиссии было поручено организовать новые выборы в Московский Совет от рабочих вышеуказанных железных дорог.

Первое письмо от Феликса после его освобождения я получила лишь 9 мая. Оно было датировано 31 марта 1917 года. Часть этого письма была вырезана, часть замазана тушью русской военной цензурой. В этом письме Феликс сообщал мне: «Теперь уже несколько дней я отдыхаю почти в деревне, за городом, в Сокольниках, так как впечатления и горячка первых дней свободы и революции были слишком сильны, и мои нервы, ослабленные столькими годами тюремной тишины, не выдержали возложенной на них нагрузки. Я немного захворал, но сейчас, после нескольких дней отдыха в постели, лихорадка совершенно прошла, и я чувствую себя вполне хорошо. Врач также не нашел ничего опасного, и, вероятно, не позже чем через неделю я вернусь опять к жизни.

А сейчас я использую время, чтобы заполнить пробелы в моей осведомленности (о политической и партийной жизни. — С. Д.) и упорядочить мои мысли...»

Однако уже в этом письме Феликс писал о партийных делах, об отношении польских социал-демократов в России к РСДРП(б): «Отношение к партии (большевистской. — С. Д.) мы урегулировали таким образом: являясь ее частью тут, не на своей территории, мы присоединяемся к наиболее близкой нам идейно группе, сохраняя свои принципы (организационного) партийного единства. Следовательно, мы [входим] в орг[анизации] фабрично-заводские, районные и т. д. Но представляя собой определенное идейное направление в партии, ставя перед собой задачу влиять на находящиеся здесь польские трудящиеся массы, учитывая условия работы среди них, а также то, что мы сами и эти массы вернемся после войны в Польшу, составляя с СДКПиЛ [в стране] одно целое — мы одновременно создаем нашу группу в Москве. Мы постараемся связаться с разбросанными по всей России нашими группами и товарищами, чтобы тут работать и чтобы вернуться в страну подготовленными и во всеоружии. Вопросы нашего раскола мы тут не касаемся, его не существует... К сожалению, список провокаторов варшавская охранка сожгла, как и многие другие документы, но думаю, что в бумагах департамента (полиции) имеются и варшавские списки. Но довольно об этом.

Из всего этого ты видишь, дорогая, что я уже по уши влез в свою стихию. Не знаю, как я устроюсь. Пока время свое я в основном отдаю русским, и они предлагают мне войти туда совсем, там пока большая неразбериха. Но с каждым днем возвращаются старики, прибывают новые, и, я думаю, обойдутся без меня, ибо все же тут среди польских рабочих большое поле (деятельности). Как устроюсь материально, еще не знаю, пока пользуюсь средствами помощи для освобожденных политзаключенных, по это только пока, и, вероятно, в ближайшее время буду искать работу. Я не могу быть спокойным до тех пор, пока не смогу давать средства для Ясика, и буду счастлив тогда, когда он будет здоров. Ведь это наш сын, наше сокровище, и нужно работать также для него, чтобы он жил и вырос.

Я послал тебе открытку (открытка эта до меня не дошла. — С. Д.) и думал, что, может быть, ты захочешь вернуться (в Польшу) в связи с революцией, но я тогда совсем забыл, что ведь возвращения в Варшаву нам революция еще не дала... Поэтому подождем дальнейших

событий и, может быть, вскоре сможем с Востока и с Запада вернуться и встретиться в Варшаве. Я жду этой минуты, а пока снова окунусь в свою стихию, которая дает мне смысл жизни».

В конце письма Феликс посылает горячие приветы Стефану и Марии Братманам, просит переслать приветы Розе Люксембург, Адольфу Варскому, Юлиану Мархлевскому и всем товарищам и знакомым, с кем я могла переписываться. Он просит меня и Стефана дать адреса наших товарищей, которые при царизме были сосланы на каторгу и поселение в Сибирь, в частности спрашивает адрес Весоловского, Магжика, Собковича.

В этом письме Феликс сообщает адрес сестры для писем: Москва, Польский комитет, Большая Лубянка, 20, Ядвига Кушелевская для Феликса Дзержинского. Таким образом, я могла ему написать, что и сделала немедленно, приложив также продиктованное письмецо от Яска. Он радуется освобождению отца, целует его и просит: «Поцелуй от меня хороших людей, которые тебя освободили».

Через несколько дней после получения этого письма пришла через Париж короткая телеграмма от Феликса с сообщением, что он выслал мне три письма. Одно из них было, по-видимому, вышеприведенное письмо от 31 марта, двух других я так и не получила. Долго после этого я снова ничего не знала о Феликсе.

* * *

После Февральской революции в Цюрихе среди политических эмигрантов из России царило необычное оживление. Передавали друг другу вести, поступающие из России.

27 марта я имела счастье вторично видеть и слышать выступление В. И. Ленина. Это был реферат «О задачах РСДРП в русской революции», прочитанный на немецком языке (чтение продолжалось 2½ часа) в Цюрихском народном доме на собрании швейцарских рабочих.

В этом реферате В. И. Ленин охарактеризовал те исторические условия, которые привели к свержению царской монархии в России в течение всего нескольких дней. Затем он отметил, что первый этап русской революции, давший власть буржуазии, закончен и что на повестку дня встал вопрос о переходе ко второму этапу

революции, который даст власть в руки рабочего класса и беднейших слоев крестьянства и проложит путь к социализму.

Ленин подверг резкой критике позицию меньшевиков и эсеров, которые, имея большинство в Петроградском Совете, добровольно отдали власть буржуазии.

Ленин указал, что нельзя оказывать ни малейшей поддержки правительству Гучкова — Милюкова. Это правительство не в состоянии дать народам России ни мира, ни полной свободы, ни земли крестьянам. Это может обеспечить лишь рабочее правительство в союзе с массами крестьянской бедноты и революционными рабочими всех стран, участвующих в войне.

Первоочередной задачей Ленин считал вооружение рабочего класса и создание по всей России Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Дальше Ленин указывал на необходимость аннулировать все царские договоры с правительствами других государств и опубликовать их, а также немедленно обратиться ко всем воюющим странам с предложением заключить перемирие, а затем — мир на основе полного освобождения колоний и всех зависимых и неполноправных народов.

Реферат Ленина произвел на нас, польских социал-демократов, огромное впечатление, ибо он указал путь, по которому должны идти революционеры. 8 апреля 1917 года В. И. Ленин покинул Швейцарию и 16(3) апреля прибыл в Петроград. На следующий день на собрании большевиков Ленин обнародовал свои знаменитые Апрельские тезисы, в которых выдвинул лозунг: «Вся власть Советам!»

24 апреля (по ст. ст.) 1917 года открылась VII Всероссийская конференция РСДРП(б), рассмотревшая важнейшие, актуальные политические и программные вопросы и задачи, стоявшие перед партией.

В работе конференции принимал участие Дзержинский в качестве делегата московской областной организации большевиков.

По всем основным вопросам (в частности, по вопросу о переходе от буржуазно-демократической революции к революции социалистической) Дзержинский занимал правильную позицию, поддерживал В. И. Ленина.

Однако по национальному вопросу Феликс отстаивал ошибочные взгляды СДКПиЛ и высказался против «права

наций на самоопределение» в программе РСДРП(б). В. И. Ленин выступил на этой конференции с резкой критикой взглядов СДКПнЛ, в том числе Дзержинского, по национальному вопросу.

«...Надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, — говорил Ленин, — а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения. Мы, русские, должны подчеркивать свободу отделения, а в Польше — свободу соединения»¹.

Присутствовавшая на Апрельской конференции В. Ф. Алексеева рассказывала, что во время перерыва в заседаниях конференции Владимир Ильич, прохаживаясь под руку с Дзержинским, дружески и терпеливо разъяснял ему ошибочность его взглядов по национальному вопросу.

Как я уже упомянула, Феликс позднее подверг критике взгляды СДКПнЛ и свои собственные по национальному вопросу, подчеркивая, что единственно правильной является позиция Ленина, что только она «ведет к победе».

Выступая на объединенном собрании партийных ячеек НКПС и ЦК союза железнодорожников 3 января 1924 года, Феликс сказал: «...далее — национальный вопрос, являющийся частью основного вопроса взаимоотношений между крестьянством и пролетариатом. В этом вопросе Владимир Ильич внес то великое, что обеспечило нам победу... А (польские) социал-демократы и впоследствии многие из нас, коммунистов, несмотря на это, к разрешению национального вопроса подходили схематически».

В письме к рабочим г. Довбыша, центра существовавшего тогда польского района на Украине, Феликс опять подверг критике ошибочные взгляды СДКПнЛ по крестьянскому и национальному вопросам, указав на огромное значение для Польши ленинской политики союза пролетариата с крестьянством при руководящей роли рабочего класса. В этом письме Феликс писал: «Для Польши, для ее судеб является решающим дело союза рабочего с крестьянством под руководством коммунистической партии. Во время империалистической войны, если бы мы тогда понимали это ленинское учение, то, может быть,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 433—434.

судьба Польши была бы иной и мы имели бы социалистическую Польшу — свободную и не зависящую от капиталистических держав, сильную союзом с Союзом Советских Республик... Не менее важен и второй вопрос. Национальный вопрос... И в этой области необходимо идти путями, указанными Лениным.

Нашей ошибкой (бывшей СДКПиЛ) было отрицание независимости Польши, в чем всегда нас упрекал Ленин... Отрицая вообще независимость, мы... проиграли в борьбе за независимую социалистическую Польшу. Лишь уяснение и исправление этой ошибки, применение учения Ленина ведет к победе».

На Апрельской конференции была выдвинута кандидатура Дзержинского в Центральный Комитет большевистской партии, но он попросил снять свою кандидатуру, мотивируя плохим состоянием своего здоровья, подорванного долготлетним пребыванием в тюрьме и на каторге. Конференция удовлетворила его просьбу.

* * *

Вскоре после отъезда Ленина из Швейцарии в Цюрихе и других швейцарских городах среди политических эмигрантов из России началась подготовка к выезду на родину.

Активное участие в этой подготовке принял и секретариат Краковского союза помощи политзаключенным, который находился во время войны в Цюрихе. Сейчас, когда Февральская революция освободила из тюрем политических заключенных в России, дала возможность политкаторжанам и ссыльнопоселенцам вернуться в родные места, отпала необходимость в деятельности Союза. В это время в материальной помощи Союза нуждались политэмигранты, собиравшиеся вернуться на родину. И оставшиеся в кассе средства были выданы на дорогу нуждающимся политэмигрантам, уезжавшим в Россию. А 5 мая 1917 года в швейцарской печати появилась декларация о ликвидации Краковского союза помощи политзаключенным. Ее подписали представители партий, принимавших участие в работе Союза. От Главного Правления СДКПиЛ эту декларацию подписала я.

Вернуться на родину политэмигрантам помогали швейцарские социал-демократы. При помощи швейцарских товарищей был организован поезд, в котором большое

количество политэмигрантов выехало через Германию и Швецию в Россию. У меня в то время еще не было ясно-го представления, хочет ли Феликс, чтобы я поехала в Россию. В тюремных письмах, как я уже выше указывала, он советовал мне постараться вернуться в Варшаву, что я и делала, но безрезультатно.

Из письма Феликса от 31 марта можно было заключить, что он сам при первой возможности вернется в Варшаву. Несмотря на это, я решила поехать в Россию.

Я бросила все уроки и записалась в число тех, кто должен был первым эшелонам ехать в Россию. Я взяла Ясика из детского дома в Унтер-Эгерц, где он снова находился уже некоторое время, и стала готовиться к отъезду. Но в последний момент Ясик тяжело заболел ангиной. Температура у него поднялась до 40°, и поехать с этим поездом мы не смогли. С товарищами-поляками, уезжавшими в Россию, я послала Феликсу письмо, немного шоколада и маленький подарок от Ясика. Это была цветная коробочка из папье-маше, в которой, как потом оказалось после моего приезда в Россию, Феликс держал табак, скручивая из него папиросы-самокрутки.

Так, я снова осталась без уроков и средств к жизни. Один из лучших уроков, оставленных мною в связи с подготовкой к отъезду, был уроком музыки в очень богатой помещицкой русской семье, бежавшей в связи с войной из России в Швейцарию. Жила она в большом доме на склоне Цюрихберга. Обращаться в эту семью для возобновления урока было бесцельно. Реакционно настроенные родители моего ученика были возмущены моим намерением выехать в революционную Россию, и они не доверили бы мне больше обучение своего сына.

Через некоторое время я все же получила урок музыки у певицы Рейн.

После долгого перерыва, 25 июля, я наконец получила открытку Феликса от 10 июня, а через несколько дней, 29 июля, открытку, написанную им раньше — 1 июня 1917 года. Феликс сообщал, что в тот же день выезжает на месяц в Оренбургскую губернию на лечение кумысом, чтобы поправить свое подорванное здоровье. Он советует мне приехать в Россию, где в случае, если его еще не будет в Москве, займется мной и Ясиком наш товарищ Бронислав Весоловский. Но возможности выехать тогда в Россию не было. Новый поезд с политэмигрантами в Россию был организован лишь в декабре 1917 года,

и я опять записалась на выезд. Но так же, как и в прошлый раз, Ясик снова тяжело заболел и опять я не могла выехать.

Открытку от 10 июня Феликс писал уже из Оренбурга. Состояние его здоровья было, видимо, очень плохое и настроение мрачное. У него был такой упадок сил, что, как он писал мне, при встрече я увижу лишь его «тень». Он рассчитывал пробыть в оренбургских степях 6 недель. Писал, что с нетерпением ждет нашего приезда и что найти для меня работу и женщину для присмотра за Ястиком в Москве будет нетрудно. Феликс сообщал также, что с момента выхода из тюрьмы он еще не получил от меня ни слова. Я же писала ему много раз, пользуясь посредничеством товарища Гранта (Купце) из Копенгагена. Феликс не получил даже моего письма, отправленного из Стокгольма одним из товарищей, выехавшим из Швейцарии первым эшелоном в Россию. Он, по-видимому, после приезда в Россию лично сообщил Феликсу об этом письме. Лишь вернувшись в Москву в июле, Феликс застал там несколько моих открыток и писем.

В открытке от 18 июля он ставит меня в известность, что в тот же день должен выехать на несколько дней в родное Дзержиново¹, где бандиты с целью грабежа убили его старшего брата Станислава, а оттуда поедет в Петроград.

В следующей открытке от 7 августа 1917 года Феликс сообщает мне подробности убийства брата: «Бандиты с целью грабежа убили брата Стася. Он не мучился, удар кинжала угодил прямо в сердце. Они явились в дом, прося разрешения переночевать. Теперь дом стоит пустой. Все со страху разбежались. Через 25 лет я снова был дома. Остался только дом и воспоминания минувших лет». В этой же открытке он извещает меня, что уже два дня находится в Петрограде и что его избрали в Центральный Исполнительный Комитет Советов. В той же открытке Феликс добавляет: «В настоящее время условия настолько трудные, что, может быть, и хорошо, что вы не приехали. Нужно ждать конца войны».

¹ Дом в Дзержиново, в котором Феликс провел свое детство, был разрушен гитлеровцами во время второй мировой войны. В настоящее время там находится обелиск и небольшой филиал Ивенецкого музея Ф. Э. Дзержинского.

Феликс приехал в Петроград на VI съезд большевистской партии как делегат от московской организации. Съезд начался 8 августа, но об этом Феликс писать мне не мог: съезд проходил нелегально. На съезде, обсуждая вопрос о явке Ленина на суд контрреволюционной буржуазии, Дзержинский вслед за Серго Орджоникидзе резко выступил против предложения Троцкого и Рыкова о том, чтобы В. И. Ленин явился на этот суд. С большим волнением Дзержинский сказал: «...травля против Ленина... — это травля против нас, против партии революционной демократии... Мы не доверяем Временному правительству и буржуазии... Мы не выдадим Ленина... Мы должны от имени съезда одобрить поведение товарища Ленина». На этом съезде Феликса избрали в ЦК большевистской партии, членом которого он был до самой смерти.

В открытке от 11 августа Феликс писал: «И снова не знаю, советовать ли тебе приехать с Ясником... Мы переживаем тяжелые времена, но у меня столько веры в будущее, что я не пессимист. Только сам я потерял много сил, постарел, и это меня мучает. Молодость прошла».

Как член ЦИК, он был материально обеспечен и при первой возможности выслал нам на адрес кредитного банка в Цюрихе 300 рублей, живя сам более чем скромно. Феликс отмечал, что о политических делах не пишет, ибо такие письма военная цензура задерживает. О себе он добавляет: «Я занят работой, но после стольких лет отрыва уже не могу столько дать, сколько бы хотелось, и производительность моя мизимальна, это меня мучает. Приходится, однако, философски мириться с тем, что есть. Больше всего мне сейчас хочется дожидаться встречи с вами. Я постоянно живу сейчас в Петрограде, мой адрес: Кавалергардская ул., № 22, кв. 17».

В письме от 17 октября 1917 года, которое я получила только 5 января 1918 года, Феликс писал: «Не могу и не хочу много писать о себе, ибо я мало ценю свою работу, ее производительность; быть может, причина тут в том, что я согласился войти в Центральный Комитет партии — взялся за обязанности, превышающие мои силы».

Дальше он пишет о позиции и задачах польских социал-демократов в России: «Мы, поляки, тут в России не можем составлять в общих вопросах отдельной партии

со своей политикой. Тут в этих вопросах должно быть органическое слияние. И наша польская группа, кроме борьбы с польской реакцией и представительства польского пролетариата, имеет единственное задание: призывать польские массы органически включиться в общие ряды. Это обязывает, это заставляет нас не быть стороной, а частью; поэтому тут для нашей польской дипломатии, для нашей польской политики (кроме польского вопроса) нет места. Отсюда вытекает, что тут раскола (среди польских социал-демократов) на фоне русской революции быть не может, не должно быть, что для нас фактически не может существовать зависимость от Главного Правления или краевого правления, которые фактически являются фикцией для нас и для страны. Раскол же мы ликвидировали таким образом, что приняли решение о том, что пункт здесь не имеет права поднимать вопросов раскола. Эти вопросы будут рассмотрены и ликвидированы потом в стране, в Польше, соответствующими инстанциями. Таким образом мы тут работаем вместе. И в совместной работе тут постепенно стираются следы взаимной ненависти».

Из вышеприведенных слов видно, что ни Феликс, ни другие польские социал-демократы в России, так же как и мы, польские социал-демократы в Швейцарии, не знали, что раскол в СДКПиЛ уже был ликвидирован в Польше на объединительной конференции обеих частей СДКПиЛ в начале ноября 1916 года.

Работа в ЦИКе поглощала все силы Феликса. «Я лично так глубоко зарылся в общероссийскую работу, — писал он, — что, собственно говоря, в польской работе сейчас, со времени съезда, участия не принимаю. Но довольно об этом. Одно только: мы издаем еженедельник «Трибуна», 10 тысяч экземпляров, вышло 18 номеров».

В конце письма Феликс благодарит Ясика за первое письмецо, написанное его собственной ручкой. Это была открытка от 27 августа 1917 года с нарисованными на ней детьми. Ясик написал печатными буквами карандашом: «Дорогой папочка, я тебя очень люблю и целую. Ясик». Открытку эту Феликс хранил до конца своей жизни.

В письме от 17 октября Феликс сообщает новый адрес для писем: Петроград, Смольный институт, члену ЦИК, 1-й этаж, 18-я комната, Феликсу Дзержинскому.

О Великой Октябрьской социалистической революции в России, о Советской власти и образовании Советского правительства во главе с Лениным мы узнали из швейцарских газет. Весть эта глубоко взволновала нас и переполнила радостью.

25—26 октября (7—8 ноября) 1917 года проходил II съезд Советов, на котором была провозглашена Советская власть. Дзержинский выступил при обсуждении Декрета о мире со следующим заявлением от имени СДКПпЛ.

«Польский пролетариат всегда был в рядах вместе с русским. Декрет с энтузиазмом принимает Социал-демократия Польши и Литвы. Мы знаем, что единственная сила, которая может освободить мир, это — пролетариат, который борется за социализм. Когда восторжествует социализм, будет раздавлен капитализм и будет уничтожен национальный гнет... у нас будет одна братская семья народов, без распрей и раздоров».

Но подробных сведений о том, что происходило в России, у нас долго не было. С нетерпением набрасывались мы на газеты и по вечерам обсуждали прочитанные в них сообщения.

Не получала я писем и от Феликса. Он был, вероятно, так поглощен партийной и государственной работой в Военно-Революционном Комитете, а потом в ВЧК, что не мог урвать ни минуты для личных дел.

Тяжелое внутреннее положение, бойкот молодого социалистического государства правительствами буржуазных стран, продолжающаяся война с Германией и Австрией, вооруженная борьба белогвардейцев против Советской власти — все это делало невозможным всякую письменную связь Советской России с заграницей.

Первое письмо Феликса, написанное им после победы Великого Октября, было датировано 27 мая 1918 года.

Это письмо Феликс прислал мне с оказией. Он писал: «Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасти наш дом. некогда думать о своих и себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время — это одно непрерывное действие...»

Кольцо врагов сжимает нас все сильнее и сильнее, приближаясь к сердцу... Каждый день заставляет нас прибегать ко все более решительным мерам. Сейчас предстал перед нами величайший наш враг — настоящий голод. Для того чтобы получить хлеб, надо его отнять у тех, у кого он имеется, и передать тем, у которых его нет. Гражданская война должна разгореться до небывалых размеров. Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля — бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным...

Физически я устал, по держусь нервами, и чуждо мне уныние. Почти совсем не выхожу из моего кабинета — здесь работаю, тут же в углу, за ширмой, стоит моя кровать. В Москве я нахожусь уже несколько месяцев. Адрес мой: Б. Лубянка, 11.

Быть может, ты найдешь оказию, чтобы написать мне о себе и Ясике. Меня охватывает беспокойство, когда думаю, что с ним, так давно ничего не знаю о вас, не имея ни косвенных, ни непосредственных вестей».

Феликс спрашивает, получила ли я от него деньги, высланные через Багоцкого и Ганецкого. Багоцкий еще раньше вместе с женой переехал в Швейцарию в качестве представителя Советского Красного Креста.

Буржуазная печать всего мира, в том числе и швейцарская печать, писала всякие ужасы о социалистической России, о большевиках, и в особенности о Феликсе, возводя на него всякую грязную клевету. С отвращением и возмущением читали мы эту отвратительную ложь. Но Феликс не знал, что мы обо всем этом думаем. Последнее письмо, которое он от меня получил, было написано еще до создания ВЧК в декабре 1917 года. Поэтому он писал мне в этом же письме от 27 мая: «Ничего не знаю, что с вами. А обо мне ты, может быть, имеешь искаженные сведения из печати и, может быть, уже не стремишься так ко мне. Мысль моя заставляет меня быть беспощадным, и во мне твердая воля идти за мыслью до конца... Вижу, как тяжела должна быть твоя жизнь — и не раз говорю себе, почему я не написал: приезжай сюда, к нам (чтобы) быть вместе в огне борьбы, принять участие в борьбе титанов».

Вскоре в Швейцарию, в Берн, прибыла Советская миссия во главе с Я. Берзиным. Стефан Братман был приглашен на должность секретаря Советской миссии и

выехал из Цюриха в Берн. После отъезда из Цюриха Стефана Братмана я заняла его должность секретаря русских эмигрантских касс.

В июле 1918 года швейцарские газеты сообщили об убийстве в Москве 6 июля левыми эсерами германского посла Мирбаха с целью сорвать Брестский мир и спровоцировать снова войну с Германией, а также о контрреволюционном восстании левых эсеров. Газеты напечатали также страшное для нас сообщение об аресте левыми эсерами Дзержинского, который после убийства Мирбаха без охраны отправился в логово врага, чтобы найти и арестовать убийцу.

В течение нескольких дней мы ничего не знали о дальнейшей судьбе Феликса. Это были страшно тяжелые дни для меня и моих друзей.

Только лишь 10 июля советский посол в Берне Берзин получил телеграмму на немецком языке из Берлина от секретаря Советского посольства в Германии Якубовича следующего содержания: «Сообщите семье Дзержинского, что нет никаких оснований для беспокойства. Он чувствует себя хорошо и продолжает оставаться на своем посту».

В конце августа я получила несколько слов от Феликса, присланных с дипломатическим курьером в Советскую миссию:

«Прости, что не пишу. Душою с вами, а времени нет. Я постоянно, как солдат, в бою, быть может, последнем... Целую вас. Твой Ф. Д.»

К письму были приложены 250 рублей.

Как я узнала позднее, Феликс в то время возвращал частями долг товарищу Юлиану Мархлевскому, который в течение некоторого времени, когда я в Швейцарии была без работы, помогал мне материально.

Через неделю тем же путем пришло следующее письмо от Феликса от 29 августа 1918 года.

«В постоянной горячке, я не могу сегодня сосредоточиться, анализировать и рассказывать.

Мы — солдаты на боевом посту. И я живу тем, что стоит передо мной, ибо это требует сугубого внимания и бдительности, чтобы одержать победу. Моя воля — победить, и, несмотря на то что весьма редко можно видеть улыбку на моем лице, я уверен в победе той мысли и движения, в котором я живу и работаю. Это дает мне силы...

Я думаю о вас, хотелось бы, чтобы ваш приезд не совпал с моментом наивысшего напряжения борьбы».

* * *

В Швейцарии существовал закон всеобщего обязательного обучения детей с 6-летнего возраста. Школьный год начинался 1 апреля и продолжался до конца июня, затем были двухмесячные каникулы. В сентябре школьные занятия снова возобновлялись.

1 апреля 1918 года, согласно швейцарским законам, Ясик и его товарищ Янек, сын Стефана и Мариш Братман, поступили в первый класс цюрихской школы на Университетской улице, недалеко от дома, где мы жили. Обоим уже исполнилось по 6 лет. В первых классах детей учили читать и писать по-немецки, а одновременно приучали говорить по-немецки. Это было хорошо для Ясика и Янека, так как они уже у нашей хозяйки фрау Бюрги в Унтер-Эгерн немного научились говорить по-немецки.

Детей в первом классе было много — около 50 человек. Учеба начиналась утром в 8 часов и кончалась в 11.

К моему удивлению, учитель первого класса в беседе со мной заявил, что Ясик и Янек выделяются среди учеников его класса своим умственным развитием.

Ясик охотно ходил в школу и был доволен, но с возмущением рассказывал мне, что учитель ходил с большой линейкой, которой бил детей по головам.

В Цюрихе я посещала лекции в университете по педагогике как вольнослушательница. Ходила я также некоторое время на практические занятия студентов педагогического факультета, которые проводились в специально предназначенной для этого школе.

Летом 1918 года в Цюрихе свирепствовала сильная эпидемия гриппа, называвшаяся тогда испанкой. Заболели ею главным образом мужчины, причем поголовно все. Были дни, когда на улицах Цюриха почти не видно было милиционеров — все были больны гриппом.

В квартире, где я снимала комнату, также болели все мужчины. Я боялась за Ясика и по совету врача увезла его в детский санаторий курорта Рейнфельден. Но вскоре я получила сообщение, что Ясик заболел. Я немедленно поехала в Рейнфельден, где узнала, что и там свирепствует испанка. Был даже смертельный случай. Оказалось, однако, что Ясик болен не гриппом, а ветряной оспой.

Я хотела остаться и ухаживать за ним днем и ночью, но в санатории мест для матерей не было, и владельцы санатория не разрешили мне там остаться. Оплачивать же номер в гостинице в Рейнфельдене я не могла, у меня не было на это средств. Пришлось уехать в страшной тревоге.

После выздоровления Ясика я его взяла к себе, по опасаясь, чтобы он в Цюрихе не подхватил грипп, отвезла его в детский дом в Унтер-Эгерн. Сама же поехала в Берн, где мне предложили работу в Советской миссии секретарем советника миссии. Я приступила к этой работе в начале сентября.

Непосредственно моим начальником в Советской миссии был старший большевик советник миссии Шкловский, давно уже живший в Берне. Секретарем миссии, как я уже упоминала, был Стефан Братман-Бродовский. Вторым секретарем был Любарский. Отделом печати миссии заведовал старший большевик Сергей Петропавловский. В миссию поступало большое количество писем, работы было много. Зато вечера были свободные, и я могла их посвящать сыну. По воскресеньям мы совершали чудесные прогулки в окрестностиерна, откуда были видны высокие снежные вершины Альп, в том числе Юнгфрау.

Вскоре в Берн приехала также Мария Братман и получила работу в Советском Красном Кресте. Вместе с Братманами мы сняли две меблированные комнаты у одной швейцарки, жившей тем, что сдавала внаем комнаты и обслуживала жильцов. В начале октября я взяла Ясика к себе. Одновременно Марылька взяла также Янека, который длительное время находился в детском доме в Унтер-Эгерн. В Берне мальчики снова начали ходить в школу.

* * *

Еще до моего переезда в Берн мы получили в Цюрихе ужасное сообщение о подлом покушении правой эсерки Каплан на В. И. Ленина и о его тяжелом ранении.

Долгие дни и недели жили мы в большой тревоге за жизнь вождя пролетариата всего мира. Мы успокоились только тогда, когда пришла радостная весть о том, что Ленин уже здоров и приступил к работе.

Я не видела в эти тяжелые дни Феликса, по представляла себе, как он должен был переживать покушение на Ленина и его болезнь.

Встреча после долгой разлуки

Тяжелые переживания после покушения на жизнь В. И. Ленина и непрерывная работа днем и ночью очень истощили силы Феликса. Здоровье его уже давно было подорвано тюрьмой и напряженным трудом. В то время ему, естественно, было не до того, чтобы писать письма. Поэтому целый месяц я не имела от него никаких вестей. Только в начале октября получила я от Феликса письмо от 24 сентября 1918 года. От него веет большой усталостью: «Тихо сегодня как-то у нас в здании, — писал он в этом письме, — на душе какой-то осадок, печаль, воспоминания о прошлом, тоска. Сегодня — усталость может быть — не хочется думать о делах, хотелось бы быть далеко отсюда и ни о чем, ни о чем не думать, только чувствовать жизнь и близких около себя... Так солдат видит сон наяву в далекой и чужой стране... Так тихо и пусто здесь в моей комнате — и чувствую тут близость с вами. Как когда-то там, в тюрьме. Я сейчас все тот же. Мечтаю. Хотелось бы стать поэтом, чтобы пропеть вам гимн жизни и любви... Может, мне удастся приехать к вам на несколько дней, мне необходимо немного передохнуть, дать телу и мыслям отдых и вас увидеть и обнять. И так, может быть, мы встретимся скоро, вдали от водоворота жизни после стольких лет, после стольких переживаний. Найдет ли наша тоска то, к чему стремилась.

А здесь танец жизни и смерти — момент поистине кровавой борьбы, титанических усилий...»

Весть о предполагаемом приезде Феликса к нам в Швейцарию несказанно обрадовала нас с Ясиком, и мы с нетерпением стали ждать. Значительно позднее, через 10 лет после смерти Феликса, в Музее Революции в Москве на собрании, посвященном памяти Ф. Э. Дзержинского, я узнала из выступления Клавдии Тимофеевны Свердловой, что инициатором этой поездки был Яков Михайлович Свердлов. Об этом же пишет она и в своей книге «Яков Михайлович Свердлов»:

«Пойдем-ка к Феликсу Эдмундовичу, — предложил Яков Михайлович, — не нравится он мне в последнее время. Вид у него архискверный, на квартире у себя совсем не бывает, пропадает круглые сутки на работе, надо посмотреть, как он живет.

Пришли мы на Лубянскую площадь¹, в ВЧК... Дошли до кабинета Дзержинского. Заходим. Феликс Эдмундович согнулся над бумагами. На столе перед ним полупустой стакан чаю какого-то мутно-серого цвета, небольшой кусочек черного хлеба. В комнате холод. Часть кабинета отгорожена ширмой, за ширмой — кровать.

Увидев нас, Феликс Эдмундович с радостной улыбкой поднялся навстречу. С Яковом Михайловичем их связывала большая, горячая дружба. Мы сели к столу, причем я ясно видела кровать Дзержинского, покрытую простым суконным солдатским одеялом. Поверх одеяла была небрежно брошена шинель, подушка смята. Было ясно, что Дзержинский как следует не спит, разве приляжет ненадолго, не раздеваясь.

Просидев у Дзержинского около часа, мы вышли на улицу. Яков Михайлович был необычайно сосредоточен и задумчив. Некоторое время шли молча.

— Плохо живет Феликс, — заговорил Свердлов, — сгорит. Не спит по-человечески, питается отвратительно. Нельзя так дальше. Надо предпринять что-то, с Ильичем посоветоваться, но без семьи ему нельзя, пропадет Дзержинский... Семью обязательно надо вытащить. И им без него нелегко, и ему тяжело. Приедет семья, квартира оживет, Дзержинский хоть изредка станет бывать дома, сможет отдохнуть в домашней обстановке».

Клавдия Тимофеевна добавляет, что Свердлов не успокоился, пока Феликс не съездил к нам за границу и пока мы не приехали в Москву.

Однажды в начале октября меня вызвал к себе в кабинет советский посол Берзин и под большим секретом сообщил, что Феликс уже находится в пути к нам.

А на следующий день или через день после 10 часов вечера, когда двери подъезда были уже закрыты, а мы с Братманами сидели за ужином, вдруг под нашими окнами мы услышали насвистывание нескольких тактов мелодии из оперы Гуно «Фауст». Это был наш условный эмигрантский сигнал, которым мы давали знать о себе друг другу, когда приходили вечером после закрытия ворот. Феликс знал этот сигнал еще со времен своего пребывания в Швейцарии — в Цюрихе и Берне в 1910 году. Пользовались мы им и в Кракове. В Швейцарии был обычай, что жильцы после 10 часов вечера сами отпирали

¹ ВЧК тогда была на Б. Лубянке, д. 11.

ворота или двери подъезда. Мы сразу догадались, что это Феликс, и бегом помчались, чтобы впустить его в дом. Мы бросились друг другу в объятия, а не могла удержаться от радостных слез. Феликс только что приехал в Берн вместе со своим товарищем членом коллегии ВЧК Варлаамом Аванесовым. Остановились они оба в гостинице напротив вокзала. Феликс изменился неузнаваемо. Он приехал инкогнито, под другой фамилией (Феликс Доманский) и, чтобы не быть узнаваемым, перед отъездом из Москвы сбрил волосы, усы и бороду. Но я его, разумеется, узнала сразу, хотя был он страшно худой и выглядел очень плохо.

Мальчики уже спали, поэтому я показала Феликсу Ясика, спящего в кровати. Феликс долго всматривался в него, не в силах оторвать глаз. Он тихонько поцеловал его, чтобы не разбудить. На лице его отражалось сильное волнение и растроганность.

Мы вместе поужинали и провели несколько часов в беседе, потом Феликс вернулся в гостиницу. На следующий день утром он пришел к нам, чтобы увидеть Ясика. Сын, разумеется, знал уже от меня о приезде отца и с нетерпением ждал его прихода. Но когда я открыла входные двери Феликсу и Ясик увидел его лицо, не похожее на то, которое он хорошо знал по фотографии 1911 года, постоянно стоявшей у нас на столе, а также по другим фотографиям его с густой шевелюрой, с усами и бородкой, мальчик с плачем убежал и спрятался за дверями, ведущими в столовую, и в течение нескольких минут не хотел выходить оттуда.

Мы оба, я и Феликс, убеждали ребенка, что это и есть его собственный отец, но Ясик хоть и успокоился, однако долго не хотел верить, что это его отец.

Феликс великолепно умел говорить и играть с детьми, поэтому вскоре завоевал доверие и симпатию Ясика. Он привез сыну купленный в Берлине замечательный подарок: большую коробку «мекано» (конструктор) с металлическими частями разпой величины и формы. Из них можно было собирать самые различные предметы по приложенным образцам: здания, ветряные мельницы, мосты и т. д.

Ясик очень обрадовался подарку и многие годы часами строил разные конструкции. А когда вырос, подарил эту коробку «мекано» воспитанникам польского детского дома имени Розы Люксембург в Москве.

На время пребывания Феликса в Швейцарии мне дали в Советской миссии отпуск. Мы все втроем пошли гулять в город. Ясик сводил отца в свое любимое местечко, где среди деревьев и цветочных клумб в глубокой яме находились бурые медведи. Ясик любил часами наблюдать за медведями, кормить их пряниками и любоваться их смешными движениями.

В тот же день Феликс тяжело заболел гриппом и несколько дней пролежал в постели с высокой температурой. Я сидела около него целыми днями, к тому же в гостинице некому было за ним ухаживать. Но на третий день, когда температура спала, Феликс ни за что не захотел остаться в помещении и, несмотря на мои просьбы, встал и вышел со мной на воздух.

В Берне не было условий для отдыха, который был так необходим Феликсу, и мы решили поехать на неделю в Лугано, где был чрезвычайно здоровый климат и прекрасные виды. Поехали мы втроем поездом сначала в Люцерну, а переночевав там, — в Лугано. Феликс был еще очень слаб после перенесенной болезни, но счастлив и весел. В вагоне было мало людей, и мы сидели только втроем в купе. Нет слов, чтобы описать ту радость и счастье, какое испытывали, сидя рядышком, разговаривая и играя, сын и отец. Они ведь, собственно, впервые были вместе и познакомились друг с другом. Феликс рассказывал Ясику разные интересные и смешные вещи, учил его всевозможным фокусам и веселым проделкам. А Ясик весело смеялся до упаду. В Лугано мы приехали вечером и остановились в гостинице на самом берегу озера с чудесным видом на него и на окружающие это озеро горы.

В Лугано мы совершали замечательные прогулки и катались на лодке. Феликс очень любил грести и садился на весла, а я управляла рулем. Мы сфотографировались на берегу озера, затем на подвесной дороге поднялись на вершину ближайшей горы, где провели несколько часов.

Однажды произошел неприятный случай. В тот момент, когда мы на пристани в Лугано сели в лодку, тут же рядом с нами, с правой стороны, пристал пароходик, на палубе которого рядом с трапом стоял... Локкарт, английский шпион. В Советской России он занимал высокий дипломатический пост и был организатором ряда контрреволюционных заговоров против Советской власти. Незадолго до этого он был арестован в Москве, и Дзержинский лично допрашивал его. Как официального ди-

пломата, его не подвергли заслуженному наказанию, но выслали за пределы Советского государства.

Феликс узнал его сразу. Об этой встрече он сказал мне, когда мы уже отплыли от пристани. Английский же шпион, к счастью, не узнал Феликса: так была изменена его внешность. При этом этому врагу даже в голову не могло прийти, что председатель ВЧК находится в Швейцарии.

Увы, через несколько дней в Лугано испортилась погода, густой туман окутал озеро, пошел дождь, и прогулки наши пришлось прекратить. Мы ждали день, другой не улучшится ли погода, проводя время в длительных задумчивых беседах. Феликс отсыпался и немного отдохнул от своих сверхчеловеческих трудов. Потом мы вернулись в Берн. 25 октября Феликс должен был с Аванесовым уехать из Берна, кончался срок их отпуска. Они торопились с отъездом еще и потому, что пришло сообщение о начале революции в Германии.

Нам с Ясином ехать в Москву вместе с Феликсом было нельзя, поскольку Феликс был в Швейцарии инкогнито. Кроме того, Феликс боялся, что тяжелые условия, какие в то время были в Москве, плохо отразятся на здоровье Ясика. Поэтому он советовал мне еще немного повременить с отъездом в Советскую Россию.

Мы расспрашивались с ним, как оказалось потом, на несколько месяцев.

Еще до переезда швейцарско-германской границы из Винтертура 25 октября Феликс послал мне небольшое прощальное письмо с обещанием часто писать.

Но обстоятельства сложились так, что наша переписка снова прервалась на продолжительное время.

События в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Польше

В Берлине Феликс задержался всего на несколько дней и 28 октября выслал мне на адрес Советской миссии в Берне письмо. Из этого письма видно, что в Германии начался революционный подъем. Еще до отъезда Феликса в Берлин, 23 октября, был освобожден из тюрьмы вождь немецких революционных рабочих Карл Либкнехт. В тот же день перед зданием Советского посольства в Берлине

собралась демонстрация рабочих, выражая свои симпатии к Советской России. Феликс писал мне в вышеупомянутом письме:

«Только сегодня в 12 часов мы едем дальше. Вчера здесь состоялся ряд собраний, на которых выступал Либкнехт, а потом — демонстрация. Демонстрантов разгоняли шапками, имеются тяжелораненые. Часть демонстрантов прорвалась через полицейские кордоны и остановилась перед (Советским) посольством, приветствуя его, размахивая шапками и платками, провозглашая лозунги. Это лишь начало движения. Массы ждут переворота. Недостает лишь группы пионеров с достаточной волей и авторитетом.

Роза (Люксембург. — С. Д.) все еще сидит, и неизвестно, когда ее освободят. Ожидают, что скоро. Либкнехт полностью солидаризируется с нами. В более широких кругах партии¹ слаба еще вера в собственные силы, и отсюда чисто «пораженческие» настроения.

Над нами (Россией), по-видимому, собираются тучи не только со стороны Антанты, но и Германии, и нас, вероятно, ожидает период очень тяжелой борьбы.

Карского австрийцы не пустили, и вчера он обратно уехал в Москву, чтобы поехать в качестве нашего консула в Варшаву².

Я все думаю о возможностях вашего приезда в Россию, и снова мысль о тяжелых переделках, в которых вы можете оказаться, заставляет меня советовать тебе воздержаться. Когда наступит зима, тогда в связи с общим положением будет легче решиться. Все проходит как сон, и в этой горячке вся жизнь кажется такой странной. Сердце мое переполнено благодарностью тебе и Ясику... Напиши мне. Жажду твоих и Ясика слов. Обнимаю и шлю приветы Марыльке, Стефану и Янеку...»

А между тем революционные события в Германии продолжали развиваться. 3 ноября там возникли первые Советы рабочих депутатов.

В страхе германское правительство 5 ноября выслало из Германии Советское посольство, а 9 ноября под влия-

¹ Речь тут идет о «Союзе Спартака», который был предшественником компартии Германии.

² Карский — Юлиан Мархлевский — должен был поехать в Вену в качестве дипломатического представителя РСФСР. Консулом в Варшаве Мархлевский тоже не был.

нием всеобщей стачки и революции в Германии отреза от престола Вильгельм II, монархия в Германии пала.

В конце октября началась также революция в Австро-Венгрии, приведшая 11 ноября к падению монархии Габсбургов. В Вене, Будапеште и других городах возникли Советы рабочих депутатов. Австро-Венгерское государство распалось, и народы, входившие в его состав, обрели независимость.

Напуганное буржуазно-демократическими революциями в Германии и Австрии и начавшимся революционным движением рабочих в самой Швейцарии, швейцарское правительство выслало за пределы своего государства Советскую миссию.

Узнав о том, что Советская миссия высылается из Берна, я хотела вместе с Ясыком присоединиться к ней, чтобы ехать в Москву. Но швейцарские власти выслали только тех, у кого были дипломатические паспорта. Поэтому уехали только Берзин, Любарский, Стефан Братман, жена известного русского историка, члена коллегии Народного комиссариата просвещения М. Н. Покровского и, если не ошибаюсь, Шкловский.

В день высылки Советской миссии в Берне была всеобщая забастовка. Рабочие массами вышли на улицы и выражали свое возмущение по поводу высылки Советской миссии. Швейцарские власти выкатили пушки на улицы, а оппортунистическое руководство швейцарской социал-демократической партии выпустило обращение к рабочим, призывая их отправиться на загородные экскурсии-прогулки.

С болью в сердце попрощалась я с уезжавшими товарищами. Той же ночью полиция произвела у меня и Марии Братман обыск, во время которого у меня взяли все дорожные мне письма Феликса. Перед нашим домом поставили шпиков, совершенно открыто следивших и днем и ночью за мной и Марылькой, за каждым нашим шагом.

На другой день после обыска наша хозяйка отказала нам в квартире. Мы перебрались временно в Народный дом (рабочая гостиница), а потом каждая из нас нашла себе меблированную комнату. Материально мы были, к счастью, обеспечены, так как Советская миссия перед отъездом из Берна всем остающимся работникам выплатила трехмесячную зарплату.

Через несколько дней Мария Братман, жена Любарского и, кажется, жена Шкловского были интернированы

на продолжительное время, а сотрудник миссии Рейх был заключен в тюрьму. Я удивилась, что меня судьба интернированных обошла. Я это объяснила себе тем, что швейцарские власти не знали, что я жена председателя ВЧК.

Однако вскоре после обыска меня вызвали в полицейское управление на допрос. Меня обвиняли в том, что вечером и ночью накануне высылки миссии я жгла «компрометирующие» бумаги миссии. Это было правдой. Я действительно по поручению своего начальника Шкловского отобрала все секретные документы и сожгла их в печке в комнате, где работала.

Как потом оказалось, один из технических работников миссии, политэмигрант, после высылки миссии сообщил швейцарским властям разные данные о работниках миссии, оставшихся в Берне. Он знал, видимо, и то, что я уничтожала документы миссии. К счастью, он не знал, что я жена председателя ВЧК, не знал он и о приезде Фелкса в октябре в Берн.

Швейцарская полиция, по-видимому, не имела такого опыта в политической борьбе, как русская охранка, и не разобралась в том, чьи письма изъяла у меня при обыске, и через несколько месяцев по моему требованию вернула все взятые у меня письма Фелкса.

После отъезда из Швейцарии советской миссии вопрос моего выезда в Россию повис в воздухе. Долго не было никаких признаков того, что мне удастся туда поехать. Оставаться же дольше в Швейцарии, когда шпика ходили за мной по пятам, когда нечего было и думать найти заработок, было просто невозможно. Вскоре, однако, появилась надежда на возвращение в Польшу.

После падения монархии в Германии и Австро-Венгрии начался подъем национально-освободительного и революционного рабочего движения в Польше. В начале ноября во всех промышленных центрах Польши возникли Советы рабочих депутатов. Началось разложение в среде германских и австрийских оккупационных властей. Польская буржуазия и помещики, опасаясь завоевания власти в Польше рабочим классом, стремились захватить поскорее власть в свои руки.

7 ноября 1918 года в Люблине возникло так называемое народное правительство с галицийским социал-демократом, мелкобуржуазным националистом Дашинским во главе. Это правительство просуществовало неделю и было заменено другим, так называемым «рабоче-крестьян-

янским» правительством Морачевского. Декретом этого правительства 28 ноября Юзеф Пилсудский был провозглашен «начальником государства», т. е. по существу диктатором Польши.

После создания в Польше правительства Морачевского в Швейцарию прибыло представительство этого правительства. Я обратилась к нему с просьбой разрешить мне вернуться в Варшаву. Но «народные» польские власти отказали мне в праве вернуться на родину, разрешив поехать в Польшу только 7-летнему ребенку Ясику.

Это было издевательством над нами обоими.

Не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать случая выезда в Москву. Случай такой представился лишь в середине января 1919 года.

Наш выезд в Москву

Представитель Советского Красного Креста Сергей Багоцкий, вероятно, при помощи швейцарских социал-демократов получил разрешение отправить из Швейцарии через Германию в Россию большое число русских военнопленных, бежавших из германского плена в Швейцарию, где они довольно долго были интернированы. Был организован специальный эшелон, которым отправлялись на Восток 500 русских военнопленных.

С этим эшелоном выехала также небольшая группа политэмигрантов из России, коммунистов и членов других партий: Сергей Петропавловский (старый большевик) с женой и двумя сынишками, я с Ясиком, бывший сотрудник Советской миссии Рейх, интернированная в Берне жена Любарского и, кажется, еще два-три лица. Командантом эшелона был Петропавловский. До границы, до Базеля, эшелон сопровождал швейцарский левый социал-демократ, потом коммунист Ф. Платтен, который в 1917 году сопровождал В. И. Ленина во время его возвращения из Швейцарии в Россию. Он же организовывал и предыдущие эшелоны с политэмигрантами в Россию.

В Базеле мы узнали от Платтена о преступном убийстве германским социал-демократическим правительством Шейдемана — Носке вождей Коммунистической партии Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Весть эта удручила меня страшно, и я всю дорогу не могла прийти в себя.

Везли нас в неудобных швейцарских вагонах, не приспособленных к длительным поездкам, с короткими скамейками на два сидячих места. Поэтому всю дорогу, продолжавшуюся свыше двух недель, невозможно было лечь и отдохнуть.

Вагоны были запломбированы, поезд на станциях нигде не останавливался. Германские социал-демократические власти, точно так же как власти императора Вильгельма II, боялись «коммунистической заразы». Польское буржуазное правительство не дало, видимо, разрешения на проезд нашего эшелона кратчайшим путем через Польшу. Поэтому мы ехали через Пруссию до Кенигсберга (ныне Калининград), а оттуда в Белосток и дальше, в сторону Минска.

Однажды вечером мы прибыли на станцию Зампрье (Белоруссия), находившуюся в то время еще в руках немцев. Там нужно было наш поезд перевести на другой железнодорожный путь. Но паровоза не было.

Поздно ночью ко мне подошел товарищ Петропавловский и под большим секретом от других товарищей и от своей жены, чтобы их не волновать, сказал мне об угрожающей нам опасности. Он узнал, что противоположный перрон, к которому должен быть подан наш состав, и часть пути к Минску находятся в руках петлюровцев, люто ненавидевших большевиков. Они могли с нами расправиться. Петропавловский и я провели ночь в большой тревоге. Среди ехавших в нашем эшелоне были анархисты, враждебно настроенные по отношению к большевикам и вообще недовольные Петропавловским и мной за противодействие их авантюризму еще во время нашего пребывания в Цюрихе и моей работы в секретариате русских эмигрантских касс.

К счастью, паровоза почью не подали, а когда расвело, мы неожиданно, к величайшей радости, услышали крики «ура!» и увидели солдат в красноармейской форме. Оказалось, что ночью Красная Армия прогнала петлюровцев, очистила от них противоположный перрон и дальнейший путь к Минску. Мы были спасены. Нас охватила неопишуемая радость при виде красноармейцев. Мы были среди самых близких друзей. Выйдя из вагона, я с радостью увидела в руках нескольких красноармейцев газету.

Вскоре подали паровоз и нас перевели на другой путь. Мы благополучно доехали до Минска. Хотя это

было уже недалеко, но ехали мы несколько дней. Поезду приходилось останавливаться и простаивать часами, чтобы пропускать следующие на фронт эшелоны с советскими войсками.

В Минске мы переночевали в совершенно пустом, без всякой мебели, вокзале на голом полу, но счастливые тем, что мы на советской земле. Из Минска товарищ Петропавловский послал телеграмму Дзержинскому, сообщая о прибытии эшелона с русскими пленными и нами.

На следующее утро в Минске нам подали уже русский состав, а швейцарский вернулся обратно.

Поезд наш состоял исключительно из товарных вагонов. Была только одна теплушка — пассажирский вагон четвертого класса. Этот вагон обогревался. Все остальные вагоны не отапливались, а ведь был тогда конец января и морозы стояли трескучие. В теплушку поместили нас — женщин и детей, а также больных эмигрантов и военнопленных. Петропавловский и Рейх ехали в неотопливаемом вагоне. Только время от времени, когда поезд стоял, они заходили к нам в теплушку, чтобы немного обогреться.

Мы продолжали двигаться вперед очень медленно, пропуская военные эшелоны. От Смоленска движение пошло быстрее.

В первом в мире социалистическом государстве

Первого февраля 1919 года, в субботу, мы прибыли в Москву, в столицу первого в истории социалистического государства.

На Александровском вокзале (ныне Белорусский) нас встречал Феликс вместе со своим помощником чекистом Абрамом Яковлевичем Беленьким.

Феликс занялся прежде всего устройством прибывших из Швейцарии политэмигрантов и военнопленных. Политэмигранты временно были помещены в третьем Доме Советов. Покончив с этими делами, Феликс вернулся к нам, и мы поехали на машине по Тверской улице (ныне ул. Горького) в Кремль на квартиру Феликса, которую он получил незадолго до нашего приезда. Это была просторная, высокая комната с двумя большими окнами на

втором этаже так называемого кавалерского корпуса. Рядом с нами жил секретарь ВЦИКа А. С. Енукидзе. С другой стороны дверь из нашей комнаты вела в большую комнату с тремя окнами, где тогда помещалась столовая Совета Народных Комиссаров. Кухня была на противоположной стороне коридора, и ею пользовались все товарищи, жившие в этой части корпуса.

Через некоторое время мы перебрались в небольшую квартиру на первом этаже этого же кавалерского корпуса.

На следующий день после нашего приезда, несмотря на то что было воскресенье, Феликс, как обычно, пошел на работу в ВЧК на Большую Лубянку, 11 (ныне улица Дзержинского).

Мы вышли с ним вместе. Феликс вывел нас из Кремля через Троицкие ворота. Это были тогда единственные открытые ворота Кремля как для пешеходного движения, так и для машин. Только позднее для въезда и выезда были открыты Спасские ворота. Феликс пошел с нами через Александровский сад на Красную площадь. Здесь он показал нам могилы борцов, погибших в дни Великой Октябрьской революции и похороненных у Кремлевской стены. Показал он нам также памятники старины на Красной площади: храм Василия Блаженного, памятник Минину и Пожарскому, Лобное место. Потом мы вышли на площадь Революции, где как раз проходили учебные занятия Красной Армии: Феликс с гордостью и любовью говорил нам о молодой Красной Армии и ее героических подвигах. Тут мы распрощались. Феликс пошел на работу в ВЧК, а мы с Ясиком походили еще немного по городу и вернулись домой.

Зима в тот год была исключительно хороша: морозная и солнечная. За весь февраль не было ни одного пасмурного дня, температура держалась постоянная — 20° мороза. Я была восхищена московской зимой, особенно в сравнении с цюрихской зимой с ее туманами даже в хорошие дни. Москва имела тогда необычный вид. Почти все магазины из-за отсутствия товаров были закрыты, витрины забиты досками. В просветы окон, между досками, было видно, как бегают крысы в поисках съедобного. На улицах вдоль домов тянулись высокие валы обледенелого снега. Даже в Кремле горы снега были так высоки, что закрывали весь первый этаж. Тротуары были покрыты толстым слоем льда. Движения, кроме пешеходного, на улицах почти не было. Изредка лишь проходили

трамвай, переполненные людьми. Сесть в такой трамвай было невозможено. Легковых машин было очень мало и из-за их малого количества и нехватки бензина ими пользовались лишь ответственные партийные и государственные работники для служебных целей.

Вскоре мне посчастливилось быть в Большом театре на совместном заседании ВЦИК и Московского Совета с партийными, военными и общественными организациями. Огромный зрительный зал театра был так набит людьми, что казалось, ярусы не выдержат их тяжести. Собрание открыл Яков Михайлович Свердлов.

Я его видела тогда впервые. Был он невысокого роста, худощавый, но голос у него такой сильный, что, хотя тогда в Москве не было еще микрофонов, слышно его было великолепно в самых дальних рядах зрительного зала. На этом собрании с большой речью выступил В. И. Ленин, встреченный горячими овациями.

Ленин говорил о текущем моменте, о переломе на колчаковском фронте, о необходимости мобилизации всех сил партии и рабочего класса для победы над врагами, которые еще в 1918 году начали интервенцию против молодого Советского государства.

Помню полные гнева и возмущения слова В. И. Ленина по адресу убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург и глубокую скорбь по поводу утраты вождей революционного пролетариата Германии. Зал слушал речь Ленина, затаив дыхание. На меня это выступление и вся атмосфера, царившая в Большом театре, произвели неизгладимое впечатление. Я никогда не забуду чувства, вызванного во мне пением «Интернационала», который все присутствующие исполняли с огромным подъемом и силой под звуки военного оркестра после окончания собрания. Зал представлял в тот момент необычное зрелище. Все, как в партере, так и на балконах и ярусах, стояли плечом к плечу, создавая как бы одну живую стену людей, полных страстного подъема и готовых идти на смерть для защиты Советской родины. Слезы волнения невольно навертывались на глаза.

Потом я имела счастье еще много раз слышать выступления В. И. Ленина. Навсегда сохранился в памяти образ великого гения человечества, вождя и друга всех угнетенных и эксплуатируемых, творца великой Коммунистической партии Советского Союза, создателя Советского государства.

Глубокое и неизгладимое впечатление производили на меня выступления В. И. Ленина — пламенного народного трибуна. Говорил ли он о союзе рабочих и крестьян как об основе Советского государства, или о задачах нашей партии и пролетариата всего мира, или бичевал врагов рабочего класса, разрушителей единства партии, — слова его поражали непреодолимой силой логики и страстной, горячей любви к трудящимся, они были путеводной звездой в борьбе за светлое будущее человечества, за коммунизм. Ленин говорил быстро, живо, жестикулируя, шагая по сцене, чтобы быть ближе к слушателям. Голос у него был сильный и звучный.

Однажды я имела счастье также пожать руку великого вождя трудящихся и всего угнетенного человечества. Это было в одно из воскресений, кажется, в 1919 году. Мы вышли с Феликсом и Ясиком из Кремля через Троицкие ворота. На мосту, который ведет вниз от кремлевских ворот, мы неожиданно встретились с идущим из города без всякой охраны Владимиром Ильичем. Феликс, увидев его издали, побледнел и, сильно обеспокоенный, прибавил шагу, а потом, здороваясь с Лениным и пожимая ему руку, упрекнул его в том, что он ходит в город один, без всякой охраны, на что Владимир Ильич быстро бросил в ответ:

— А вы? А вы?

Через несколько дней после нашего с Ясиком приезда в Москву Феликс познакомил меня с товарищем Я. М. Свердловым, его женой Клавдией Тимофеевной и их детьми.

Феликс с большой теплотой и любовью говорил мне о Свердлове, о его таланте агитатора и организатора, о том, что он прекрасно знает огромное количество членов партии и великолепно умеет подбирать кадры на разные партийные и советские должности.

Я. М. Свердлов с семьей жил в Кремле. В Аде, как уменьшительно звали их мальчика, Ясик нашел товарища своих детских игр. Они вместе ходили в детский сад, организованный для детей рабочих и служащих Кремля. Потом мальчики вместе посещали начальную школу в Кремле. Заведовала этой школой Клавдия Тимофеевна Свердлова.

Когда мы уезжали из Швейцарии, Ясик ни слова не знал по-русски. По пути в Москву, находясь в русском окружении, он научился кое-что понимать и усвоил ка-

кое-то количество русских слов, но говорить по-русски не умел. Чтобы иметь возможность работать, я отдала Ясика в детский сад. Там он в течение нескольких недель настолько овладел русским языком, что свободно понимал и мог говорить.

* * *

В марте 1919 года партию, советский народ и семью Свердловых постигла тяжелая утрата. 16 марта, заразившись во время агитпоездки на Украину испанкой, вызвавшей крупозное воспаление легких, после непродолжительной болезни умер в расцвете сил один из ближайших соратников Ленина, первый председатель ВЦИК — Яков Михайлович Свердлов.

Это было большим ударом для нас всех, а Феликс Эдмундович понес двойную утрату. Яков Михайлович Свердлов был для него не только товарищем, боевым соратником, но и близким сердечным другом.

Через несколько дней после смерти Якова Михайловича Свердлова в Кремле открылся VIII съезд Российской Коммунистической партии большевиков — РКП(б). Съезд проходил в бывшем, уже не существующем сейчас, дворце Екатерины II. Я тогда впервые присутствовала как гость на съезде большевистской партии. На этом съезде В. И. Ленин выдвинул величайшего значения вопрос о прочном союзе рабочего класса с крестьянином-середняком при опоре на деревенскую бедноту.

Еще раньше, 2—6 марта, состоялся I конгресс Коминтерна, на котором я также присутствовала.

Конгресс принял решение о создании III, Коммунистического Интернационала, утвердил платформу Коминтерна и обратился с Манифестом к пролетариям всего мира. От имени РКП(б) Манифест подписал В. И. Ленин. От Заграничного Бюро Коммунистической Рабочей партии Польши (КРПП) — Юлиан Мархлевский¹.

Через несколько месяцев, 23 июля, ЦК КРПП официально заявил о свсем присоединении к Коммунистическому Интернационалу.

¹ Коммунистическая Рабочая партия Польши образовалась в декабре 1918 года на объединительном съезде СДКПиЛ и ППС-левизны. Съезд утвердил политическую платформу, принял устав партии и обратился с манифестом «К пролетариату Польши».

По примеру пролетариата России на борьбу за власть Советов поднимались также рабочие других стран.

В феврале 1919 года возникла Советская власть в Литве и Белоруссии, образовалась Литовско-Белорусская Советская Республика.

Вскоре после образования Советской власти в Литве и Белоруссии народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин и руководители Литовско-Белорусской Советской Республики В. С. Мицкевич-Капсукас и А. Ф. Мясников обратились к буржуазному польскому правительству Игнацы Падеревского с предложением мирного урегулирования отношений между Польшей и Россией. Но польское правительство скрыло от своего народа это мирное предложение Советского правительства. Начальник польского государства Пилсудский бросил белогвардейские польские войска против Литовско-Белорусской Республики и захватил ее столицу — Вильно. Советская власть в Литве и Белоруссии пала. Весть об этом мы восприняли с большой болью.

21 марта 1919 года под руководством Бела Куна образовалась Венгерская Советская Республика, которая просуществовала до 1 августа того же года, а 13 апреля возникла Советская Республика в Баварии. В конце апреля контрреволюция задушила Баварскую Советскую Республику.

В Польше под влиянием социалистической революции в России еще осенью 1918 года возникли Советы рабочих депутатов. Коммунистическая Рабочая партия Польши вела усиленную агитационную и организационную работу среди городских рабочих, среди безработных, а также в деревне, призывая к борьбе за Польскую Советскую Республику, борясь против антирабочей политики буржуазного правительства.

КРПП выражала свою солидарность с советскими республиками и Красной Армией, указывая, что решающим фактором освобождения польских трудящихся является их собственная борьба. Выступая против нападения войск Пилсудского на советские республики, КРПП ставила перед польским пролетариатом задачу бороться за свержение власти помещиков и капиталистов, за создание Польской Республики Советов рабочих депутатов,

связанной братским союзом с рабочими республиками других народов. Но тогда, к сожалению, рабочим и крестьянам в Польше не удалось завоевать власть.

* * *

В течение всего 1919 года Феликс Эдмундович работал целыми днями и ночами в своем кабинете на Большой Лубянке, 11, заходя лишь наскоро пообедать, и то не всегда, в кремлевскую столовую и заглядывая па минутку к пам. Мы с ним мало виделись. Раза два я была у Феликса в кабинете на Лубянке. Это была небольшая комната с одним окном, выходящим во двор. Большой письменный стол стоял прямо против входа. На небольшой этажерке стояла в деревянной рамке фотография 5-летнего Ясика с грустным, задумчивым личиком. Эту фотографию я послала Феликсу в тюрьму. Она всегда была с ним и стояла у него в кабинете до последней минуты его жизни. Старая большевичка М. Л. Сулимова говорила мне, что, зайдя однажды по делу к Феликсу Эдмундовичу, она увидела эту фотографию и стала ее рассматривать. Феликс, заметив это, объяснил: «Я так мало бываю дома, так редко вижу сына».

На стене позади письменного стола висела в плюшевой рамке фотография Розы Люксембург, а также плакат с надписью: «Дорога каждая минута». Феликс сам умел использовать каждую минуту для работы и требовал, чтобы приходившие к нему товарищи отнимали у него не больше времени, чем это было необходимо для решения вопроса, по которому они пришли.

Вскоре после приезда в Москву я вступила в группу СДКПиЛ при Московском комитете РКП(б).

По решению VIII Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся 2—4 декабря 1919 года, были организованы из коммунистов части особого назначения (ЧОН). Все коммунисты и комсомольцы были обязаны входить в ЧОН для того, чтобы обучиться владеть оружием.

Мы, члены партийной организации, в которую я входила, мужчины и женщины, собирались 2—3 раза в неделю на военные занятия на Страстном бульваре. Там нас знакомили с устройством винтовки и проводили с нами строевые занятия.

После определения Ясика в детский сад я начала работать в Народном комиссариате просвещения сначала

инструктором в школьном отделе, а потом в отделе национальных меньшинств в качестве заведующей польским подотделом. Отделом национальных меньшинств Наркомпроса руководил Феликс Кон. Наркомпрос помещался тогда на Зубовском бульваре. В 1919 и последующих годах не хватало топлива. В квартирах и советских учреждениях было холодно. В Наркомпросе, где я работала до весны 1920 года, было так холодно, что замерзали чернила. Приходилось сидеть в зимних пальто и невозможно было выдержать больше нескольких часов. Это, конечно, отражалось на работе.

Снабжение населения продуктами питания было тогда очень плохим. По карточкам выдавали по четверти фунта (100 граммов) ржаного хлеба, часто с соломою. В государственных учреждениях для работников были организованы столовые, но обеды там были плохие. О мясе не было и речи. В кремлевской столовой, которая снабжалась лучше, чем другие столовые, обеды состояли главным образом из пшенной каши. В Наркомпросе кормили кислыми щами, изредка сушеной воблой, поэтому уже при входе в здание в нос ударял запах кислой капусты.

Несмотря на голод, холод и страшные трудности, переживаемые Советской страной в первые годы революции, дети были окружены особым вниманием и заботой. Для них существовали особые продуктовые карточки. Отказывая себе в самом необходимом, детям давали все, что только было возможно.

Лето 1919 года наша семья провела в Москве. Только два или три мы вдвоем с Феликсом выезжали на воскресенье в Сокольники, где несколько руководящих работников МЧК жили на небольшой даче. Ясика мне удалось на короткий срок поместить в летнюю колонию для детей сотрудников ВЧК в Пушкино под Москвой.

* * *

Рассказывая дальше о работе Феликса в СССР, я буду опираться почти исключительно на его речи и статьи, опубликованные в печати, а также на его письма ко мне, на архивные материалы и воспоминания товарищей, работавших с ним. Личных воспоминаний о работе Феликса в СССР у меня нет, ибо я работала в иной области. О своей работе в СССР я буду упоминать лишь отрывочно.

Ф. Э. Дзержинский на страже завоеваний Октября

Сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции и создания Советского правительства все контрреволюционные элементы начали борьбу против Советской власти с целью ее свержения.

Уже 8 ноября 1917 года (н. ст.) был создан так называемый Комитет спасения родины и революции, поставивший своей целью восстановить власть помещиков и капиталистов. Этот Комитет сразу же разработал план мятежа юнкеров петроградских военных училищ для поддержки начавшегося 9 ноября контрреволюционного наступления войск бывшего царского генерала Краснова на Петроград.

В первое время защитой молодой Советской власти и борьбой с контрреволюцией руководил Военно-Революционный Комитет (ВРК) при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, в состав которого входил и Ф. Э. Дзержинский. Благодаря энергичным мерам ВРК мятеж юнкеров был успешно ликвидирован в самом зародыше. В конце ноября под непосредственным руководством Ф. Э. Дзержинского была раскрыта и ликвидирована другая крупная контрреволюционная организация — «Русское собрание», возглавляемая известным черносотенцем Пуришкевичем, ставившая своей целью восстановление в России царской монархии.

Пуришкевич был приговорен к 4 годам лишения свободы с освобождением условно через 1 год; приговор остальным членам этой организации был еще более мягок.

Мягкость приговоров по делу «Русского собрания» не являлась исключением. Еще раньше, после ликвидации контрреволюционного «Комитета спасения родины и революции», все участники этого заговора были отпущены на свободу под честное слово. Были также освобождены по приказу ВРК под честное слово из Петропавловской крепости бывшие министры-социалисты Временного правительства.

Все эти факты неопровержимо свидетельствуют о том, что Советская власть в первый период своего существования проявляла исключительную мягкость к своим врагам. Эти факты также показывают, насколько лживы и подлы были клеветнические измышления буржуазной

русской и заграничной печати о мнимой жестокости Советской власти.

Лишь яростная борьба русской контрреволюции, иностранная интервенция, мятежи, заговоры, убийства, покушения на видных советских деятелей, массовый белый террор вынудили Советскую власть прибегнуть впоследствии к красному террору.

Под влиянием антисоветской агитации эсеров, меньшевиков и кадетов с первых дней революции начался массовый саботаж бывших чиновников царского правительства, служивших в советских государственных учреждениях. Они не желали признавать Советской власти, отказывались работать, срывали снабжение населения продовольствием, товарами, топливом, задерживали выдачу заработной платы рабочим и т. д.

Саботаж не был стихийным выступлением чиновников: он организовывался, поддерживался и финансировался русскими и иностранными капиталистами. Стачечники получали жалованье за 3 месяца вперед для того, чтобы не работать.

Ф. Э. Дзержинскому быстро удалось при помощи преданных Советской власти рабочих и честных служащих раскрыть крупный подпольный центр, руководивший саботажем. Этот центр называл себя «Подпольным правительством», был связан с иностранными дипломатическими миссиями, различными антисоветскими организациями и ими финансировался.

Совнарком и ВРК приняли ряд предупредительных и административно-карательных мер против саботажников. В результате этих мероприятий, а также разъяснительной работы среди служащих и чистки советских учреждений от враждебных элементов саботаж стал постепенно затухать и в марте 1918 года был сломлен.

Выполняя постановления Советского правительства, ВРК уделял огромное внимание борьбе со спекуляцией, погромами, скрыванием продовольственных запасов, со злостной задержкой грузов, воровством и т. д.

Дзержинскому пришлось также принять решительные меры для установления в Петрограде общественного порядка, для ликвидации провоцируемых буржуазией погромов винных складов, пьянства и хулиганства. Старая, созданная при Керенском, милиция была упразднена 10 ноября 1917 года, и вместо нее была создана советская рабоче-крестьянская милиция.

Большую работу провел ВРК и лично Дзержинский по охране художественных ценностей музеев, галерей, дворцов, расхищаемых буржуазией, пытавшейся вывезти эти ценности за границу. Благодаря принятым мерам большая часть похищенных ценностей была найдена.

Однако контрреволюция предпринимала все новые попытки свержения Советской власти. В связи с этим 4 декабря 1917 года при ВРК была создана по инициативе и под руководством Ф. Э. Дзержинского комиссия из 5 человек для борьбы с контрреволюцией. Спустя несколько дней, 18 декабря 1917 года, ВРК, выполнивший свои задачи, был ликвидирован.

Но так как враги Советской власти продолжали активизировать свою деятельность, возникла необходимость создания авторитетного боевого государственного органа для борьбы с контрреволюцией и саботажем.

20 декабря 1917 года В. И. Ленин послал Дзержинскому записку, в которой говорилось:

«Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс...

Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»¹. Исходя из принципиальных указаний В. И. Ленина, Дзержинский разработал проект создания специальной комиссии по борьбе с контрреволюцией. В этот же день, 20 декабря 1917 года, по докладу Ф. Э. Дзержинского Советом Народных Комиссаров был создан при Совнаркоме специальный орган для защиты диктатуры пролетариата, названный по предложению Дзержинского Всероссийской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК).

В задачи ВЧК должно было входить пресечение и ликвидация контрреволюционных и саботажных попыток, проведение предварительного расследования и передача дел контрреволюционеров и саботажников в суд Революционного трибунала. В качестве карательных мер предлагались: конфискация имущества, выселение, лишение продовольственных карточек, опубликование списков контрреволюционеров и т. д.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 156.

Вскоре ВЧК пришлось взять на себя борьбу с усилившейся спекуляцией, широко используемой контрреволюцией в антисоветских целях. В связи с этим комиссию было присвоено название Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Председателем ВЧК был назначен закаленный в многолетней революционной борьбе, беззаветно преданный делу партии Ф. Э. Дзержинский. Назначение Ф. Э. Дзержинского председателем ВЧК свидетельствовало о большом доверии к нему В. И. Ленина и ЦК партии.

С первого дня существования ВЧК Ленин и ЦК партии уделяли этому органу неослабное внимание. В. И. Ленин повседневно направлял деятельность Чрезвычайной комиссии и давал ей ценные советы. Партия послала для работы в ВЧК самых стойких, преданных, испытанных большевиков-подпольщиков преимущественно из числа рабочих, красногвардейцев и матросов, принимавших участие в борьбе за Советскую власть. И в дальнейшем партия пополняла этот боевой орган диктатуры пролетариата лучшими коммунистами.

Вначале в коллегию ВЧК кроме Дзержинского входили Г. К. Орджоникидзе, И. К. Ксенофонтов, Я. Х. Петерс и др. В разное время в коллегии ВЧК работали также М. Я. Лацис, В. Р. Менжинский, В. В. Фомин, М. С. Кедров, И. С. Уншлихт, С. Г. Уралов и другие активные участники Октябрьской революции.

Впоследствии были также созданы Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией сначала при губернских, а потом и при уездных исполкомах Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов. Московскую Чрезвычайную комиссию возглавляли в разное время С. А. Мессинг и В. Н. Манцев.

По поручению Совнаркома в первой половине декабря 1917 года Дзержинским был организован вооруженный отряд для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией. Вначале он состоял из 30 стойких и проверенных красногвардейцев. Этот маленький отряд явился зародышем будущих войск ВЧК. Летом 1918 года решением I Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий был создан специальный корпус войск ВЧК, набравшийся исключительно из пролетарских элементов по рекомендации партийных и профсоюзных органов. Войска ВЧК сыграли огромную роль в подавлении внутренней контрреволюции.

Тем же летом, согласно изданному Совнаркомом 28 мая 1918 года за подписью В. И. Ленина декрету об охране границ, Дзержинским были организованы чрезвычайные комиссии в пограничной полосе. Впоследствии были созданы пограничные войска.

Дзержинский уделял огромное внимание охране советских границ и обеспечению пограничных войск всем необходимым для их работы, которая проходила в тяжелых условиях. Он постоянно заботился о политическом воспитании пограничников; по его инициативе в 1923 году была создана Высшая пограничная школа.

В сентябре 1924 года Дзержинский обратился с письмом к первому выпуску командиров пограничных войск. Дзержинский указал, каким должен быть командир и воспитатель советских пограничных войск: «Чекист-командир и политработник, служащий примером преданности делу рабочего класса, передающий свои знания младшим товарищам, неустанно пополняющий собственные познания, чтобы лучше справиться с порученным делом, помнящий всегда, что он слуга рабочего класса и представитель боевого органа диктатуры пролетариата, — вот каким хочет видеть вас партия и Советская власть».

Большую работу провела ВЧК под руководством Дзержинского по раскрытию и ликвидации контрреволюционных военных штабов и их вербовочных пунктов в Петрограде, Москве и других городах, которые собирали враждебных Советской власти офицеров и отправляли их на Дон и Южный Урал к белогвардейским генералам Каледину и Дутову.

Так, например, в январе 1918 года была ликвидирована офицерская организация, связанная с правыми эсерами, ставившая своей целью свержение Советской власти, захват или убийство В. И. Ленина, установление военной диктатуры с Калединым во главе.

14 января 1918 года заговорщики обстреляли машину В. И. Ленина, возвращавшегося после выступления на митинге в Михайловском манеже, ранили ехавшего с Лениным швейцарского коммуниста Ф. Платтена. В. И. Ленин, к счастью, остался невредим.

ВЧК арестовала почти всех участников этой белогвардейской организации, и они предстали перед судом.

При ликвидации офицерских организаций и вербовочных пунктов была обнаружена их связь с иностранными

посольствами и дипломатическими миссиями: английской, американской, французской, а также немецкой. Иностранные посольства и миссии оказывали финансовую помощь белогвардейским бандам, скрывали белогвардейских главарей контрреволюционных организаций и переправляли за границу ценности, награбленные в России.

18 февраля 1918 года, после срыва Троцким советско-германских мирных переговоров в Бресте, началось наступление немецких кайзеровских войск, которые, не встречая сопротивления, быстро продвигались на восток. В связи с нависшей над Советской Республикой грозной опасностью 22 февраля был опубликован написанный В. И. Лениным декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». В этом воззвании трудящиеся массы призывались к вооруженному отпору врагу, к спасению завоеваний Октября. В воззвании говорилось: *«Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»*¹. 23 февраля 1918 года в «Известиях» было опубликовано заявление ВЧК, в котором говорилось: «...До сих пор Комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный момент, когда гидра контрреволюции нагнет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением германских контрреволюционеров, ...Всероссийская Чрезвычайная комиссия... не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилы, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме *беспощадного уничтожения на месте преступления*».

В этот же день ВЧК разослала радиотелеграмму всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в которой призывала Советы уничтожать врагов революции на месте преступления.

Первый смертный приговор был вынесен контрреволюционеру, авантюристу и бандиту князю Эболи, скрывавшемуся под разными фамилиями и злоумышленно выдававшего себя за работника ВЧК. Этот негодяй, обзаведясь подложными бланками и печатями ВЧК, СНК, ЦИК и НКВД, производил обыски по подложным мандатам ВЧК и присваивал себе найденные при обысках ценности с целью дискредитировать ВЧК в глазах насе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 358.

ления. По словам одного чекиста, он был опознан и разоблачен дворником дома, в котором раньше проживал.

В марте 1918 года Правительство и Центральный Комитет партии переехали из Петрограда в Москву. Накануне переезда ВЧК раскрыла эсеровский контрреволюционный заговор, имевший целью взорвать правительственный поезд и обезглавить революцию. Это злодеяние было предотвращено.

Сразу же после переезда в Москву ВЧК столкнулась с массовым бандитизмом, организованным анархистами и примкнувшими к ним уголовными элементами и белогвардейцами. Анархисты захватили 25 лучших особняков Москвы и обосновались в них, обзавелись оружием, установили пулеметы и бомбометы. Днем и ночью они грабили магазины, склады, квартиры, арестовывали, убивали людей и терроризировали население Москвы.

3 апреля 1918 года ВЧК опубликовала обращение «К населению Москвы» за подписью Дзержинского с указанием, что первой задачей ВЧК будет борьба за полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия. ВЧК призывала трудовое население активно помогать ей в борьбе с громилами, спекулянтами, саботажниками и контрреволюционерами. Всем уголовно-преступным элементам ВЧК предлагала в течение 24 часов покинуть Москву или совершенно отречься от своей преступной деятельности.

Под личным руководством Дзержинского все анархистско-бандитские гнезда были окружены и ликвидированы отрядами ВЧК, воинскими частями и латышскими стрелками. Это было произведено всего за одну ночь с 11 на 12 апреля 1918 года. В течение апреля и мая 1918 года по указанию Дзержинского были ликвидированы и разоружены организации анархистов и в других городах.

Уже весной 1918 года началось вторжение войск американских, английских, французских и японских империалистов в Советскую страну. В мае на Средней Волге и в Сибири начался спровоцированный англичанами и французами антисоветский мятеж чехословацкого корпуса, созданного из пленных чехов и словаков еще до Октября для войны с Германией. К лету того же года огненное кольцо интервентов почти полностью опоясало молодую Советскую Республику.

Одновременно с интервенцией капиталистических стран образовался внутренний фронт контрреволюции, организовавшей при активнейшей поддержке иностранных посольств многочисленные заговоры против Советской власти.

В конце мая 1918 года при непосредственном участии Ф. Э. Дзержинского была разоблачена и ликвидирована крупная контрреволюционная организация «Союз защиты родины и свободы», во главе которой стоял правозесеровский главарь Борис Савинков. В нее входили наряду с правыми эсерами, царскими офицерами и генералами народные социалисты, левые эсеры, кадеты и меньшевики. Все они ставили своей целью свержение Советской власти. Одна часть этой организации была связана с правительствами Антанты, финансировалась ими и имела разветвления — филиалы в Казани, Ярославле, Рязани, Челябинске и других городах. Другая часть организации была связана с германским послом Мирбахом и ожидала помощи от Германии.

«Союз защиты родины и свободы» был разоблачен благодаря бдительности двух рядовых советских людей: рабочего завода «Каучук» Нифонова и медицинской сестры. Нифонов сообщил в ВЧК о том, что частную лечебницу в доме № 1 по Молочному переулку, где он жил, часто посещали какие-то подозрительные люди, не похожие на больных. Медицинская сестра Иверской больницы (Покровская община) рассказала командиру латышского стрелкового полка в Кремле, что в Москве ожидается восстание, о чем предупредил ее лежащий в больнице влюбленный в нее юнкер Иванов, умоляя покинуть на это время Москву. Латышский командир сообщил об этом в ВЧК.

Раскрытием этой организации и всем следствием руководил Ф. Э. Дзержинский, который, по словам Я. Х. Петерса, лично расшифровывал найденные у заговорщиков весьма сложные шифры и документы, в том числе донесение Деникину о существовании в Москве контрреволюционной организации.

Подлейшим актом контрреволюции был мятеж левых эсеров в Москве летом 1918 года. Левые эсеры, признавшие на словах Советскую власть, по предложению большевиков и по настоянию делегатов крестьянских съездов в декабре 1917 года вошли в состав Советского прави-

тельства (в частности, левый эсер Штейнберг возглавил Народный комиссариат юстиции).

20 января 1918 года на заседании Совнаркома Штейнберг потребовал предоставления ЦК партии левых эсеров права вводить в ВЧК своих представителей по своему усмотрению. Ф. Э. Дзержинский категорически отверг это требование Штейнберга, считая, что состав коллегии ВЧК должен утверждаться непосредственно Совнаркомом.

Совнарком признал «желательным преобразование комиссии (ВЧК. — С. Д.) в том смысле, чтобы назначить товарищем председателя Чрезвычайной комиссии члена от фракции левых с.-р. Центрального Исполнительного Комитета.

Утверждать кандидатов в члены Чрезвычайной комиссии Советом Народных Комиссаров».

Заместителем председателя ВЧК Совнарком утвердил левого эсера Александровича. Впоследствии в ВЧК были приняты другие левые эсеры. Левые эсеры тормозили ее работу, а летом 1918 года открыто перешли в лагерь врагов, организовав контрреволюционный мятеж.

В июле 1918 года левые эсеры сделали попытку в угоду империалистам Антанты сорвать мирный договор с Германией и спровоцировать войну. С этой целью по поручению ЦК левых эсеров было совершено в Москве 6 июля 1918 года убийство германского посла Мирбаха.

Получив сообщение об убийстве Мирбаха, Феликс немедленно отправился в германское посольство. Тут он узнал, что Мирбаха убил отстраненный от должности сотрудник ВЧК левый эсер Блюмкин, проникший в германское посольство, предъявив подложное удостоверение с поддельными подписями Ф. Э. Дзержинского и заместителя председателя ВЧК Ксенофонтова и подлинной печатью ВЧК, хранившейся у другого заместителя председателя ВЧК — левого эсера Александровича.

Дзержинский, предварительно посоветовавшись с В. И. Лениным и Я. М. Свердловым, сейчас же без охраны с тремя товарищами поехал в отряд ВЧК, возглавляемый левым эсером Поповым, надеясь найти там и арестовать убийцу Мирбаха. Но оказалось, что Попов вместо преданных Советской власти солдат этого отряда, ушедших на фронт, принял в отряд без ведома Ф. Э. Дзержинского большое количество несознательных, деморали-

зованных черноморских матросов. Отряд, одурманенный левыми эсерами, поднял мятеж против Советской власти. Начальник отряда Попов отказался выполнить требование Дзержинского выдать ему Блюмкина. Окруженный врагами и обезоруженный ими, Феликс крикнул Попову: «Дайте мне ваш револьвер, я вам пушу пулю в лоб как изменнику». Попов в испуге убежал.

Когда после этого главари левых эсеров объявили Дзержинскому, что он задержан ими как заложник за члена ЦК левых эсеров Спиридонову, отправившуюся на происходивший в то время в Большом театре V Всероссийский съезд Советов, то, по словам очевидца А. Я. Беленького, Феликс ответил: «В таком случае вам надо заранее меня расстрелять, потому что, если Спиридонову арестуют, я первый потребую, чтобы ее ни в коем случае не освобождали».

После того как Феликса и его товарищей разоружили, главари левых эсеров с триумфом предательски заявили: «...вы стоите перед свершившимся фактом, Брестский договор сорван, война с Германией неизбежна. Пусть Германия займет Россию до Волги».

Феликс в присутствии главарей левых эсеров через их головы обращался к вооруженным до зубов, деморализованным и подпоенным водкой солдатам отряда с речами, разъясняя им, что они являются орудием в руках предателей Советской власти — левых эсеров.

Подавлением левоэсеровского мятежа лично руководил В. И. Ленин; он заявил, что за голову Дзержинского и других арестованных мятежниками товарищей ответят тысячи левых эсеров.

Когда советские пушки стали обстреливать лагерь взбунтовавшихся левых эсеров, их главари, по словам Дзержинского, бежали, переодетые в штатское платье. Дзержинский сагитировал часть взбунтовавшегося отряда и, получив оружие от оставшихся верными Советской власти солдат, вышел под их охраной со своими товарищами из здания.

Л. А. Фотиева вспоминает, что когда, вырвавшись из левоэсеровского плена, Феликс пришел в Кремль, в Совнарком, то «Владимира Ильича почему-то не было в это время в Совнаркоме и вместо него Дзержинского встретил Я. М. Свердлов. Больше всего презиравший неискренность и вероломство в людях, Феликс Эдмундович был потрясен подлым предательством левых эсеров, среди которых было

немало сотрудников ВЧК, и подавлен тем, что попал к ним в руки. Прохаживаясь по залу заседаний, он очень возбужденно рассказывал об этом Свердлову.

— Почему они меня не расстреляли? — вдруг воскликнул он. — Жалко, что не расстреляли, это было бы полезно для революции».

Этими словами, я полагаю, Феликс хотел сказать, что гибель его от рук левых эсеров была бы для германского правительства доказательством того, что убийство Мирбаха не было делом Советской власти, а делом ее врагов, а это могло бы предотвратить войну с Германией, которую хотели спровоцировать левые эсеры.

«Яков Михайлович, — продолжает Л. А. Фотиева, — горячо любивший Дзержинского, с большой нежностью обнял его за плечи и сказал:

— Нет, дорогой Феликс, хорошо, очень хорошо, что они тебя не расстреляли. Ты еще немало поработаешь на пользу революции».

Из Кремля Дзержинский направился на заседание большевистской фракции V съезда Советов, где рассказывал подробности об убийстве Мирбаха, о «петушином восстании» левых эсеров (как он его назвал) и позорном бегстве их руководителей при первых выстрелах советских орудий.

После своего освобождения Дзержинский активно участвовал в быстрой и полной ликвидации мятежа.

Одновременно с мятежом левых эсеров в Москве по требованию и при поддержке англо-французских и американских империалистов были организованы эсерами и белогвардейцами контрреволюционные мятежи в ряде приволжских городов — в Рыбинске, Муроме и Ярославле. Все они были подавлены.

Контрреволюция в своей борьбе с Советской властью не останавливалась ни перед какими злодеяниями и прибегла к террористическим актам против руководящих деятелей партии и Советской власти. В конце июня 1918 года был убит в Петрограде из-за угла видный большевик В. Володарский.

30 августа был убит председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий. Ф. Э. Дзержинский по предложению В. И. Ленина немедленно выехал в Петроград, чтобы расследовать на месте это преступление. Но, прибыв в Петроград, он получил страшную весть о том, что вечером 30 августа было совершено правой эсеркой Каплан поку-

шение на жизнь вождя революции В. И. Ленина. Дзержинский сразу вернулся в Москву, чтобы принять срочные меры против контрреволюционеров.

Весть о ранении Ленина взволновала и возмутила широчайшие массы народа и вызвала единодушное требование беспощадной расправы с врагами рабочего класса.

1 сентября 1918 года в газете «Известия» было опубликовано обращение ВЧК к народу. «Преступная авантюра с.-рев., белогвардейцев и всех других лжесоциалистов заставляет нас на преступные замыслы врагов рабочего класса отвечать массовым террором, — говорилось в обращении. — Карающая рука рабочего класса разрывает цепи рабства, и горе тем, кто встанет па пути рабочего класса, кто осмелится ставить рогатки социалистической революции».

2 сентября ВЦИК по докладу Я. М. Свердлова вынес постановление, в котором указывалось, что «на белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов».

5 сентября на заседании Совета Народных Комиссаров Ф. Э. Дзержинский выступил с докладом о деятельности ВЧК. Совнарком дал указание ВЧК расстреливать всех лиц, причастных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, и опубликовывать в печати имена расстрелянных. В то же время для укрепления аппарата ВЧК Совнарком решил направить туда возможно большее количество ответственных партийных товарищей.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что красный террор был вынужденной мерой, вызванной звериным террором Антанты и ее прислужников — белогвардейцев. «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г., — писал позже Ленин, — мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали разворачивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора. Это было ответом пролетариата на такие поступки буржуазии, как заговор совместно с капиталистами Германии, Англии, Японии, Америки, Франции для восстановления власти эксплуататоров в России...»¹

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 113—114.

Под руководством и при личном участии Дзержинского в конце августа и в начале сентября 1918 года был ликвидирован крупнейший заговор всех иностранных разведок (Англии, США, Франции), известный под названием «заговор послов». Этот заговор возглавлялся матерым шпионом с дипломатическим паспортом — английским посланником Локкартом.

Уже в августе в ВЧК поступали сведения о заговорщической деятельности иностранных дипломатов. 30 августа 1918 года, после убийства Урицкого, уезжая в Петроград, Дзержинский отдал приказ об аресте Локкарта и о производстве ряда обысков в Москве, а также в английском посольстве в Петрограде, где, по имевшимся в ВЧК данным, должно было состояться совещание англичан с русскими контрреволюционерами.

В результате обыска в английском посольстве были арестованы 40 белогвардейцев, найдено много оружия и документов, уличавших английское посольство в подрывной работе. В ночь на 1 сентября был арестован Локкарт. Допрашивал его Ф. Э. Дзержинский. Но Локкарт пользовался неприкосновенностью дипломата, вследствие чего он и был выслан за пределы Советской страны.

Целью заговора послов было свержение Советской власти, арест Советского правительства, убийство В. И. Ленина и других руководителей партии, вовлечение Советской России в войну с Германией на стороне Антанты.

Следствие показало, что мятеж левых эсеров, контрреволюционные мятежи в приволжских городах, мятеж чехословацкого корпуса, убийство В. Володарского и М. С. Урицкого, покушение на жизнь В. И. Ленина — все это были составные части «заговора послов».

Впоследствии Ф. Э. Дзержинский писал: «В так называемом деле Локкарта выяснилось, что представитель Англии Локкарт, представитель Америки Пуль, представители Франции Лаверн и Гренар имели широкое разветвление своей агентуры, в задачи которой входил не только шпионаж, но и борьба с Советской властью. Борьба эта выражалась в дезорганизации сил молодой Республики, особенно Красной Армии, в поджоге продовольственных складов, взрыве мостов и снарядов и многих тому подобных преступлениях».

Иностранные шпионы были связаны с патриархом Тихоном и с московскими богачами, которые одалживали

им огромные деньги для организации контрреволюционных акций. Эти займы должны были им быть возвращены в Лондоне в английской валюте.

В течение сентября — ноября 1918 года ВЧК раскрыла и ликвидировала многочисленные контрреволюционные организации в Москве, Рязани, Костроме, Астрахани, Царицыне и в ряде других городов.

В первую годовщину Октябрьской революции, 7 ноября 1918 года, В. И. Ленин дал следующую оценку работе ВЧК за истекший период ее существования: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неопределима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом»¹.

1919 год был тяжелым годом гражданской войны, борьбы с контрреволюцией и интервенцией капиталистических государств против молодого социалистического государства. Англичане и американцы на севере, Колчак на востоке, Деникин и французы на юге, Петлюра и польские белогвардейцы на западе кольцом сжимали со всех сторон Советскую Республику.

Белогвардейцев на всех фронтах снабжали деньгами, оружием и боеприпасами империалистические государства.

Коммунистическая партия мобилизовала все силы для отпора врагу. В. И. Ленин бросил лозунг: «Все для фронта! Все для обороны!»

Ленин, Центральный Комитет РКП(б) призывали партийные организации к превращению Республики Советов в один большой военный лагерь. Проводились мобилизации в Красную Армию коммунистов, рабочих, советских служащих. Комсомольцы целыми организациями добровольно вступали в Красную Армию и уходили на фронт.

В конце декабря 1918 года на Восточном фронте создавалось опасное положение: была сдана врагам Пермь. ЦК партии и Совет Труда и Обороны направили туда партийно-следственную комиссию в составе Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина для расследования причин сдачи Перми, для укрепления боеспособности Красной Армии и создания перелома на этом фронте.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 174.

Следственная комиссия выявила огромные недостатки в 3-й армии, а также в работе партийных и советских органов в тылу и на фронте и приняла меры для их устранения. Красная Армия и Советы на востоке были очищены от враждебных элементов, в Вятке создан Военно-революционный комитет и укреплены руководящие партийные органы в восточной части Европейской России и на Урале. Вскоре Красная Армия, начав наступление, нанесла Колчаку ряд новых ударов, освободила Уфу, Оренбург, Уральск. После возвращения в Москву партийно-следственная комиссия доложила В. И. Ленину и ЦК партии о результатах своей работы.

По инициативе Дзержинского существовавший тогда в армии военконтроль был ликвидирован и вместо него создан Особый отдел ВЧК под руководством Дзержинского и особые отделы ЧК фронтов и армий. Особые отделы ЧК сыграли огромную роль в борьбе с контрреволюцией и шпионажем в армии и флоте.

Одновременно с иностранной интервенцией внутри страны продолжали действовать бесчисленные контрреволюционные организации. Все они стремились к одному — к свержению Советской власти.

Снова оживилась деятельность левых эсеров. Под их влиянием и руководством в марте 1919 года в ряде районов страны вспыхнули вооруженные кулацкие мятежи. По предложению Дзержинского районы, охваченные кулацкими восстаниями, были объявлены на военном положении. Местные ЧК пополнены путем возвращения ранее отозванных работников этих органов, усилена работа по разоблачению контрреволюционной деятельности левых эсеров. Кулацкие мятежи были подавлены отрядами войск ЧК, коммунистов и рабочих. Левые эсеры наряду с организацией антисоветских восстаний подстрекали рабочих к забастовкам и совершали различного рода диверсионные акты.

В связи с этим 2 апреля 1919 года в «Известиях» было опубликовано следующее предупреждение за подписью председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского:

«Ввиду раскрытия заговора, ставящего целью посредством взрывов, порчи железнодорожных путей и пожаров призвать к вооруженному выступлению против Советской власти, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия предупреждает, что всякого рода выступления и призывы будут подавлены без всякой пощады.

Во имя спасения от голода Петрограда и Москвы, во имя спасения сотен и тысяч невинных жертв Всероссийская Чрезвычайная Комиссия принуждена будет принять самые суровые меры наказания против всех, кто будет причастен к белогвардейским выступлениям и попыткам вооруженного восстания».

30 марта 1919 года Ф. Э. Дзержинский, оставаясь председателем ВЧК, был назначен народным комиссаром внутренних дел РСФСР. В результате этого советская милиция была подчинена его руководству, объединены усилия этих двух важнейших государственных органов в борьбе с контрреволюцией, шпионажем, спекуляцией и другими преступлениями.

В начале мая 1919 года началось наступление войск контрреволюционного генерала Юденича на Петроград, и в тылу Красной Армии активизировалась контрреволюционная работа шпионов и диверсантов. 31 мая в «Правде» и в «Известиях» было опубликовано обращение за подписью председателя Совета Рабоче-Крестьянской Обороны В. Ульянова (Ленина) и наркомвпудела Ф. Дзержинского «Берегитесь шпионов!»

В середине июня был разоблачен и ликвидирован контрреволюционный заговор и военный мятеж на Петроградском фронте — в фортах Красная горка и Серая лошадь. Ликвидация этого заговора помогла отразить наступление белогвардейцев на Петроград.

После раскрытия и ликвидации этого контрреволюционного заговора и мятежа ВЧК обратилась 12 июля 1919 года с последним предупреждением ко всем, кто по неосмотрительности и излишней доверчивости оказался втянут в белогвардейские организации. ВЧК потребовала, чтобы такие лица в недельный срок явились, и гарантировала явившимся и раскаявшимся полную безнаказанность. ВЧК предупреждала, что по истечении этого срока даже самое поверхностное отношение и связь с участниками белогвардейских организаций повлекут за собой неизменно высшее наказание — расстрел, конфискацию имущества и заключение в лагерь взрослых членов семьи.

Особенно опасное положение для Советской Республики сложилось осенью 1919 года. Кольцо врагов сжималось, приближаясь к Москве с юго-востока и с юга. В Москве было введено военное положение. 6 сентября решением специального заседания Московского комитета

партии Ф. Э. Дзержинский был введен от ВЧК в Комитет обороны г. Москвы. Опасность для Москвы нарастала. 21 сентября деникинцы захватили Курск, Орел и угрожали Туле.

Оживились контрреволюционные элементы в самой Москве. 24 сентября открылась общегородская конференция Московской организации РКП(б). Дзержинский выступил на этой конференции с докладом о работе ВЧК за последние недели. ВЧК, по его словам, удалось за это время раскрыть не только главарей, но и всю контрреволюционную организацию, так называемый Национальный центр, созданную на средства англо-франко-американских империалистов, финансируемую ими и связанную с армией Деникина. Кроме того, ВЧК раскрыла также и ликвидировала штаб и контрреволюционную военную организацию «Национального центра», так называемую Добровольческую армию Московского района. В руках заговорщиков были три советские Высшие военные школы и нелегальные склады оружия. В этих контрреволюционных организациях участвовали как кадеты, так и черносотенцы и правые эсеры. Общее политическое руководство осуществляли кадеты. Их целью было захватить Москву и дезорганизовать руководящие органы партии и Советской власти. У них был даже назначен срок выступления. Они хотели захватить Москву хотя бы на несколько часов, чтобы, завладев радио и телеграфом, оповестить фронты о мнимом падении Советской власти и вызвать таким образом панику и разложение в Красной Армии. Заговорщики были настолько уверены в своей победе, что заготовили даже ряд воззваний и приказов. Среди них было около 800 кадровых офицеров, и, кроме того, они рассчитывали на некоторые воинские части, где имели своих людей.

В своей контрреволюционной деятельности заговорщикам удалось использовать наших товарищей, отметил Дзержинский, их легковерность и привычку устраивать на работу своих знакомых с недостаточно ясным политическим лицом. В заключение Феликс Эдмундович призвал московских большевиков к усилению бдительности и подчеркнул, что борьба ВЧК с заговорами может быть успешной лишь в том случае, если намеченные ВЧК меры встретят поддержку всех членов партии. Московская партийная конференция приветствовала ВЧК «за

ее энергичную деятельность в деле уничтожения контрреволюционных гнезд в сердце революции».

Как и многие другие контрреволюционные организации, «Национальный центр» был раскрыт благодаря бдительности широких трудящихся масс и их большому доверию к ВЧК. Узнав о каких-либо подозрительных лицах, советские люди немедленно сообщали о них в ВЧК.

Первые сигналы о существовании контрреволюционной организации «Национальный центр» ВЧК получила еще в мае 1919 года из Петрограда. Летом 1919 года на прием к Дзержинскому попросилась учительница 76-й московской школы и сообщила, что к директору этой школы Алферову часто приезжают какие-то лица с Южного фронта. По приказу Дзержинского за директором школы было установлено наблюдение.

Вскоре ВЧК были перехвачены записки одного из арестованных агентов Колчака, адресованные кадетам Алферову и Щепкину, как оказалось потом, главным руководителям «Национального центра».

При обыске у Алферова, произведенном членом коллегии ВЧК В. А. Аванесовым и Ф. Т. Фоминым, в массивном мраморном пресс-папье были обнаружены списки заговорщиков.

Щепкин был арестован в момент, когда он принимал связного от Деникина. Во дворе его дома в дровах была обнаружена жестяная коробка со шпионскими шифрованными и нешифрованными донесениями о Красной Армии, дислокации ее частей, стратегических планах. Московскую военную организацию — Добровольческую армию Московского района помог разоблачить врач одной из военных школ, втянутый в эту контрреволюционную организацию и усомнившийся в правильности политики заговорщиков.

Благодаря его показаниям был арестован весь штаб Добровольческой армии Московского района и разоружены курсанты и преподаватели трех Высших военных школ, среди которых оказалось много заговорщиков.

Но не все еще контрреволюционеры были раскрыты и обезврежены. 25 сентября «анархисты подполья» и левые эсеры бросили бомбу в здание Московского комитета партии, в Леонтьевском переулке, где происходило заседание Московского комитета РКП(б) вместе с представителями районопов. На этом заседании должен был обсуждаться вопрос о партийной работе в связи с положе-

нием на фронтах и раскрытием ВЧК белогвардейского заговора в Москве против Советской власти. Жертвами взрыва в Леонтьевском пали секретарь МК РКП(б) Загорский (В. М. Лубоцкий) и 11 других членов партии.

Взрыв бомбы в Леонтьевском вызвал большое возмущение в Москве и во всем Советском государстве. Все убитые были похоронены на Красной площади. Помню похороны этих жертв. Невыносимо тяжело было смотреть на длинный ряд гробов, которые товарищи несли на Красную площадь к Кремлевской стене.

ВЧК удалось раскрыть виновников преступного террористического акта в Леонтьевском переулке. Это были член ЦК левых эсеров Донат Черепанов и лидер «анархистов подполья» Казимир Ковалевич.

После взрыва бомбы в Леонтьевском переулке ради безопасности Феликса велели переселиться из квартиры на первом этаже в другую квартиру на втором этаже в здании, где помещается Оружейная палата. Это была очень хорошая, солнечная, трехкомнатная квартира с видом на Большой Кремлевский дворец. Мы жили там много лет, там и умер Ф. Э. Дзержинский.

Бдительность советских граждан помогла также ВЧК осенью 1919 года разоблачить контрреволюционную организацию в Петрограде, которой руководили агенты Антанты, в том числе матерый английский шпион Поль Дюкс.

Однажды красноармеец, проходя по улице в Петрограде, заметил, что шедшая впереди него девушка уронила бумажный сверток. Он поднял сверток и окликнул девушку, но последняя, увидев свой сверток в руках красноармейца, попыталась скрыться. Заметив это, а также какие-то чертежи в свертке, красноармеец задержал девушку и доставил ее в Петроградскую ЧК. В свертке оказались шпионские материалы. Следствие вел лично Феликс Эдмундович.

Арестованный по этому делу француз, отец девушки, нагло заявил Дзержинскому: «Вы меня поймали только благодаря случайности». «Ошибаетесь, — ответил ему Дзержинский. — Если бы масса нас не поддерживала, если бы каждый рабочий, каждый красноармеец не знал, что раскрытие заговора — это дело не только ВЧК, но всех трудящихся Страны Советов, тогда то обстоятельство, что ваша дочь уронила сверток, не привело

бы к раскрытию заговора. Ваша дочь случайно уронила сверток, но красноармеец *не случайно* поднял его, *не случайно* арестовал ее. Бдительность рядового красноармейца *не случай*. Именно в этом — сила ЧК».

Ликвидация в Петрограде заговора Поля Дюкса была ударом для интервентов и Юденича и способствовала разгрому северо-западной белогвардейской армии.

Заговорщическая организация Поля Дюкса была связана с «Национальным центром» и «Тактическим центром», который являлся всероссийским штабом всех крупных контрреволюционных организаций. «Тактический центр» был раскрыт и ликвидирован в ноябре 1919 года. Ликвидацией этого «центра» был завершен разгром обширного заговора английских, французских и американских империалистов против Советского государства.

Раскрытие контрреволюционных организаций способствовало созданию во второй половине октября перелома на Южном и Юго-Восточном фронтах. Были освобождены Орел, Курск, Харьков, Киев и 8 января 1920 года Ростов-на-Дону.

Через несколько дней после взятия Красной Армией Ростова-на-Дону, еще до окончательного разгрома Деникина, в газете «Известия» от 15 января 1920 года было напечатано постановление ВЧК за подписью Ф. Э. Дзержинского об отмене смертной казни (расстрела) в отношении врагов рабочего класса по приговорам ВЧК и ее местных органов.

А 17 января было принято постановление ВЦИК и Совета Народных Комиссаров об отмене смертной казни как по приговорам ВЧК и ее местных органов, так и по приговорам местных трибуналов, а также Верховного трибунала при ВЦИК. Постановление это предостерегало, однако, врагов Советской России, что если Антанта возобновит попытки вооруженного нападения и будет материально поддерживать мятежи царских генералов, то Советская власть будет вынуждена возобновить методы красного террора.

В докладе о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК 7-го созыва 2 февраля 1920 года Ленин отметил, что отмена смертной казни была проведена по инициативе Дзержинского. «...Тотчас же после главной победы над Деникиным, после взятия Ростова, — говорил тогда В. И. Ленин, — тов. Дзержинский, руководящий ВЧК и Наркомвнудел, внес предложение в Совнарком и

провел его у себя в ведомстве, чтобы всякое зависящее от ЧК применение смертной казни было отменено»¹.

В момент величайшего напряжения борьбы с контрреволюцией и интервентами Феликс однажды сказал мне:

— Когда кончится гражданская война, мне очень бы хотелось, чтобы Центральный Комитет поручил мне работу в Народном комиссариате просвещения.

Эти слова говорили о горячем желании Феликса заниматься творческим, мирным трудом, строить новую, социалистическую жизнь, о его большой любви к детям, о его стремлении работать над воспитанием новых людей — строителей будущего, коммунистического общества, они говорили о его вере в то, что благодаря своей неиссякаемой энергии, организаторским способностям и настойчивости ему удастся улучшить материальные условия учебных заведений и других культурно-просветительных организаций, которые в то время находились в плачевном состоянии.

28 января 1920 года президиум ВЦИК принял постановление о награждении Ф. Э. Дзержинского за большие заслуги в борьбе с контрреволюцией орденом боевого Красного Знамени.

Постановление это гласит:

«С того момента, как побежденная рабочим классом буржуазия перешла в борьбе с Советской властью к организации заговоров, террористических покушений и мятежей, тяжелая и полная опасностей задача борьбы с контрреволюцией была возложена ВЦИК на Феликса Эдмундовича Дзержинского.

В порученном ему ответственном деле тов. Дзержинский в качестве председателя Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем проявил крупные организаторские способности, неутомимую энергию, хладнокровие и выдержку, постоянно ставя интересы рабочего класса выше всех иных соображений и чувств. Работа товарища Дзержинского, обеспечивая спокойный тыл, давала возможность Красной Армии уверенно делать свое боевое дело».

Ф. Э. Дзержинский, как верный сын партии, на трудном и ответственном посту председателя ВЧК работал под руководством ЦК и лично В. И. Ленина. Он постоянно следил также за тем, чтобы ВЧК и ее местные

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 100.

органы проводили свою работу под руководством партии, чтобы никогда от нее не отрывались и точно выполняли ее директивы. Дзержинский неустанно напоминал чекпстам слова из письма Центрального Комитета РКП(б), обращенные 8 февраля 1919 года к коммунистам — работникам всех Чрезвычайных комиссий: «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии под ее директивами и под ее контролем».

В этом же письме Центральный Комитет партии дал высокую оценку деятельности ВЧК и местных Чрезвычайных комиссий.

Отмечая большое значение органов ВЧК в деле упрочения Советской власти в стране, ЦК указывал:

«Ныне ЦК РКП считает важным заявить, что основная задача, возложенная партией на ВЧК, выполнена ею с успехом, что в работе над порученным им делом работники ВЧК и местных ЧК проявили в полной мере ту решительность, преданность пролетарской революции и сознание своего долга перед партией, на которое партия рассчитывала, создавая ВЧК. ЦК партии хорошо известны недостатки и ошибки ЧК, ЦК партии знает, что, так же как и другие органы пролетарской борьбы, ЧК не избежали промахов». Но В. И. Ленин подчеркивал, что ошибки ВЧК совершенно незначительны в сравнении с ее заслугами перед Советским государством. Он говорил: «Когда я гляжу на деятельность ЧК и сопоставляю ее с нападками, я говорю: это обывательские толки, ничего не стоящие»¹.

Ф. Э. Дзержинский систематически информировал Центральный Комитет партии и Совнарком о работе ВЧК, спрашивал их мнение по важнейшим вопросам деятельности ВЧК и местных ЧК, добивался систематического пополнения ЧК новыми кадрами стойких и испытанных коммунистов. Дзержинский требовал, чтобы руководители местных Чрезвычайных комиссий постоянно информировали партийные комитеты о своей деятельности и чтобы комиссии эти работали под руководством и контролем соответствующих партийных организаций.

Говоря впоследствии о работе ВЧК, Ф. Э. Дзержинский отмечал: «Этот орган никогда еще не нарушил партийных директив и линии, а всегда был и есть слугой и борцом партии».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 173.

В отчете ВЦИК и Совнаркома на IX Всероссийском съезде Советов 23 декабря 1921 года В. И. Ленин следующим образом охарактеризовал роль ВЧК: «...Это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас... Иначе, как репрессией, беспощадной, быстрой, немедленной, опирающейся на сочувствие рабочих и крестьян, отвечать на них нельзя было. Это — достоинство нашей ВЧК»¹.

Враги Советской власти возводили на ВЧК и Дзержинского самую подлую клевету. В связи с этим Ленин говорил:

«Господа капиталисты, российские и иностранные! Мы знаем, что вам этого учреждения не полюбить. Еще бы! Оно умело ваши интриги и ваши происки отражать как никто, в обстановке, когда вы нас удушали, когда вы нас окружали нашествиями, когда строили внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу. У нас нет другого ответа, кроме ответа учреждения, которое... умело бы быть не уговаривающим, а карающим немедленно. Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов»².

Ф. Э. Дзержинский, по словам В. Р. Менжинского, «был самым строгим критиком своего детища (ВЧК. — С. Д.)». Он чрезвычайно боялся, чтобы в ней не завелась червоточина, чтобы она не стала самодовлеющим органом, чтобы не получилось отрыва от партии, наконец, чтобы ее работники не разложились, пользуясь громадными правами в обстановке гражданской войны. «Никогда не удалось бы построить той ВЧК — ГПУ, которую знает история первой пролетарской революции, если бы Дзержинский при всех его качествах организатора-коммуниста не был великим партийцем, законопослушным и скромным, для которого партийная директива была всем, и если бы он не сумел так слить дело ЧК с делом самого рабочего класса, что рабочая масса постоянно все эти

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 327.

² Там же, стр. 327—328.

годы и в дни побед, и в дни тревог воспринимала чекистское дело как свое собственное, а ЧК принимала нутром как свой орган, орган пролетариата, диктатуры рабочего класса».

Ф. Э. Дзержинский и руководимая им ВЧК, а потом ОГПУ во всей своей работе опирались на массы, и большинство контрреволюционных заговоров, как это показано выше, было разоблачено благодаря помощи советских граждан — рабочих, красноармейцев, трудовой интеллигенции. Уже в резолюции I Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий, состоявшейся в июне 1918 года, подчеркивалась необходимость для успешной борьбы ВЧК с врагами Советской власти иметь постоянную тесную связь с широкими рабочими массами, постоянно обращаться за их помощью и содействием. «Силой бывшей ВЧК, ныне ГПУ, — говорил впоследствии Дзержинский, — в борьбе с силами и заговорами контрреволюции была та помощь, которую всегда и постоянно мы имели со стороны трудящихся масс».

В. И. Ленин, выступая в декабре 1919 года на VII Всероссийском съезде Советов, сказал: «...когда среди буржуазных элементов организуются заговоры и когда в критический момент удастся эти заговоры открыть, то — что же, они открываются совершенно случайно? Нет, не случайно. Они потому открываются, что заговорщикам придется жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов всегда натываются на людей, которые идут в... ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры»»¹.

Внимательно относясь к поступающим в ВЧК от советских людей сигналам о подозрительных лицах и требуя от своих сотрудников такого же отношения к этим сигналам, Дзержинский руководствовался указаниями В. И. Ленина и строго наказывал клеветников за ложные доносы, имевшие целью опорочить честных советских людей.

Так, например, в апреле 1919 года, узнав, что некий И. И. Павлов систематически присылает в ВЧК ложные доносы на ни в чем не повинных советских людей, Дзержинский внес на утверждение коллегии ВЧК собственноручно написанное им постановление о расстреле

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 418.

И. И. Павлова за сознательную, злостную провокацию, в результате которой был арестован ряд лиц.

Феликс Эдмундович личным примером воспитывал у работников ВЧК бесстрашие, дисциплинированность, скромность, учил их заботиться о людях, требуя чуткого отношения даже к тем, кто подозревался в преступлениях против рабоче-крестьянской власти.

Дзержинский неоднократно говорил, что чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками.

Выступая на собрании в Большом театре, посвященном пятилетию ВЧК — ОГПУ, Ф. Э. Дзержинский, обращаясь к чекистам, сказал: «Кто из вас очерствел, чье сердце уже не может чутко и внимательно относиться к терпящим заключение, те уходите из этого учреждения. Тут больше, чем где бы то ни было, надо иметь доброе и чуткое к страданиям других сердца».

Он требовал от чекистов строго соблюдать революционную законность и сурово наказывал тех, кто нарушал эту законность. Однажды Дзержинский узнал, что незаконно задержали женщину, которая пришла за справкой об арестованном родственнике. Феликс Эдмундович наказал виновного в этом незаконном действии, а женщину велел освободить и отправить домой на своей машине.

Когда один из работников ВЧК ударил арестованного им контрреволюционера, Дзержинский приказал судить этого работника и лично выступил против него обвинителем на товарищеском суде, который происходил в присутствии всех сотрудников ВЧК. Присутствовавшая на этом товарищеском суде бывшая сотрудница ВЧК М. М. Браслова привела мне следующие слова Феликса Эдмундовича из его обвинительной речи: «Как смел он ударить арестованного?! Что арестованный заслужил, то и получит, но издеваться, применять физические приемы никогда не позволю». Провинившийся сотрудник ВЧК понес большое наказание.

В марте 1918 года по предложению Дзержинского была издана инструкция о производстве арестов и обысков, в которой, между прочим, говорилось, что те, кому поручено произвести обыск и лишит человека свободы, должны бережно и чутко обращаться с людьми, арестуемыми и обыскиваемыми, помня о том, что лишённые свободы не могут защищаться и находятся во власти ВЧК.

«Каждый должен помнить, — сказано в этой инструкции, — что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть».

Дзержинский требовал от чекистов добросовестного выполнения своих обязанностей и строго наказывал за преступления по должности и за нарушения служебной дисциплины. В 1919 году он подписал приговор о расстреле члена Петроградской ЧК Чудина за использование служебного положения и освобождение арестованного врага Советской власти в угоду близкому человеку.

Старый чекист Ф. Т. Фомин вспоминает, что одной из форм работы Дзержинского по воспитанию чекистов были систематически проводимые им совещания сотрудников ВЧК. Такие совещания он созывал, в частности, после ликвидации контрреволюционных организаций и заговоров, разъясняя чекистам характер, цели и задачи данной организации. Ф. Т. Фомин добавляет, что такие совещания были отличной школой для молодых работников ЧК.

Дзержинский добивался от чекистов строгого соблюдения государственной тайны, ненавидел болтунов и не раз повторял, что болтун — это находка для врагов. Сам Дзержинский всегда строго соблюдал правила конспирации и учил этому других. Один из старых чекистов рассказывал мне, что Феликс однажды, поручая одному из своих помощников раскрыть какой-то контрреволюционный заговор, запретил ему при этом делиться с кем бы то ни было из работников ВЧК известными ему данными по этому вопросу. Разумеется, что так же тщательно хранил Феликс Эдмундович известные ему как члену Оргбюро ЦК и кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б) партийные и государственные секретные сведения.

Дзержинский, по рассказам его сотрудников, нередко обходил все помещения ВЧК и контролировал работу своих подчиненных, проверяя, не залеживаются ли без движения дела арестованных.

Бывшая сотрудница ВЧК Ушакова рассказала о следующем характерном для Дзержинского факте. Однажды Феликс Эдмундович вошел в кабинет, в котором работала Ушакова и несколько других сотрудников. По своему обыкновению он подошел к Ушаковой, просмотрел все бумаги, лежавшие на столе, потом открыл ящики стола

и проверил, нет ли там залежавшихся, необработанных дел. Найдя все в порядке, он похвалил ее. В тот момент, когда Дзержинский входил в кабинет, один из работников там сотрудников забеспокоился и стал лихорадочно просматривать бумаги в ящиках своего стола. Это не ускользнуло от внимания Дзержинского и всех остальных присутствующих в комнате. Когда Феликс Эдмундович стал проверять бумаги этого сотрудника, то оказалось, что в ящиках залежались нерассмотренные и необработанные дела. Дзержинский возмутился и строго отчитал этого сотрудника, сказав, что за каждой бумагой стоит живой человек, с нетерпением и беспокойством ожидающий решения по своему делу. Затягивание рассмотрения и обработки столь важных дел является преступлением. Ведь каждый день ожидания — это день человеческого страдания.

Чекисты ценили справедливое отношение Дзержинского к людям, даже к врагам, и не только глубоко уважали Феликса Эдмундовича, но горячо любили его. Систематический контроль за работой своих подчиненных был постоянным методом работы Дзержинского.

Феликс с огромной любовью относился к своим верным соратникам и помощникам — чекистам и яростно защищал их от незаслуженных обвинений обывателей, порой даже с партийным билетом, недооценивавших роль ВЧК и необходимость беспощадной борьбы с контрреволюцией для спасения завоеваний Великого Октября. Феликс Эдмундович постоянно заботился о чекистах — как о ближайших своих помощниках, так и о рядовых работников. Ввиду огромной напряженности и опасности работы чекистов, ввиду того что им часто приходилось недоедать, работая целыми сутками без отдыха, Феликс Эдмундович делал все возможное, чтобы улучшить их материально-бытовые условия. Обходя систематически своих сотрудников, он интересовался не только их работой, но их здоровьем, условиями жизни их семей. Об этом рассказывали и бывшие комиссары ВЧК, и технические работники: комиссар Рогов, охранявший его с 1919 года до самой смерти, оперативный работник ВЧК В. Н. Сидорова, бывший шофер Феликса С. Г. Тихомолов, машинистка М. М. Браслова, курьер Г. К. Сорокин, уборщица Уткина и многие другие. Считаясь с особыми условиями жизни и работы пограничников, вынужденных нести службу часто под открытым небом, иногда в сырых

и болотистых местах, Дзержинский проявлял особую заботу об обеспечении их всем необходимым.

6 февраля 1922 года ВЧК была реорганизована в Государственное Политическое Управление (ГПУ) при Народном комиссариате внутренних дел. После образования Союза Советских Социалистических Республик ГПУ в сентябре 1923 года было преобразовано в Объединенное ГПУ при СНК СССР. Председателем ГПУ и ОГПУ был Ф. Э. Дзержинский.

Накануне пятилетия ВЧК в ознаменование этой даты в Москве на Красной площади 17 декабря 1922 года в 12 часов дня состоялся парад войск ГПУ, который принимал Феликс Эдмундович.

В своей речи к войскам ГПУ он сказал:

«Пять лет тому назад в огне победоносной пролетарской грозы была создана Совнаркомом организация по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, саботажем, спекуляцией, организация диктатуры пролетариата — ВЧК. И подобно тому как наша великая Красная Армия преодолела и сокрушила всех врагов и освободила землю русскую для власти рабочих и крестьян, для свободной жизни народов всех наций, так и на внутреннем фронте ВЧК вела свою борьбу с врагами Советской власти. Вы все помните длинную цепь заговоров, бандитских выступлений, террористических актов против Советской власти и ее вождей и дезорганизацию нашего хозяйства.

Где теперь эти заговорщики? — спрашивает Дзержинский. — Их нет, мы сокрушили и уничтожили наших врагов. Но чрезвычайные органы все же не должны быть совсем упразднены. У рабочих есть еще и будут враги в деле хозяйственного восстановления страны. С ними и должно бороться ГПУ — детище ВЧК».

В тот же день вечером в Большом театре состоялось торжественное собрание, посвященное пятилетию ВЧК. Я присутствовала на этом собрании. Собрание открыл Ф. Э. Дзержинский. Он предложил почтить вставанием память борцов, погибших на фронте гражданской войны. Указав, что дело, за которое боролась ВЧК, победило, он подробно остановился на задачах, стоявших тогда перед Советской властью, по восстановлению промышленности, сельского хозяйства и транспорта и привел ряд имен видных работников ВЧК, перешедших на хозяйственную работу.

Феликс Эдмундович призвал работников ГПУ строго следить за революционной законностью, пресекать всякого рода попытки дезорганизовать наше народное хозяйство. «Необходимо зорко следить за деятельностью платных и бесплатных приказчиков буржуазии», — говорил он.

На собрании выступили с приветствиями юбилярам М. И. Калинин, представители ВСНХ, Красной Армии, немецких и итальянских коммунистов. От группы чекистов, ушедших на хозяйственную работу, выступил М. Я. Лацис. В своей речи он горячими словами обрисовал личность Феликса Эдмундовича, подчеркнув особые его заслуги в борьбе с контрреволюцией. Впоследствии в своих воспоминаниях о Ф. Э. Дзержинском М. Я. Лацис писал:

«...Счастьем нашей революции было назначение председателем ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Кристалльно чистый, самоотверженный, волеустремленный, человек немедленного действия, не отступающий перед препятствиями, подчиняющий свои личные интересы интересам революции, забывающий себя, справедливый даже по отношению к своим врагам, — вот каким тов. Дзержинский показал себя за долгие годы работы вплоть до своей смерти...»

Феликс сидел в президиуме собрания. Я смотрела на него и видела, что он был страшно взволнован, смущен и прямо подавлен обилием похвал по своему адресу. В конце собрания он сказал несколько слов, подчеркнув, что ВЧК своими заслугами обязана не ему, а самоотверженной работе и борьбе чекистов.

В связи с пятилетием ВЧК корреспондент «Правды» беседовал с Дзержинским. Беседа эта была опубликована в «Правде» 17 декабря 1922 года. Вот часть сказанного Ф. Э. Дзержинским:

«Создание ВЧК было ответом на организованное сопротивление Советской власти со стороны буржуазно-помещичьих кругов. Белый террор, саботаж, выстрелы в вождей революции, противодействие советскому строительству и покушения на самое существование диктатуры пролетариата сделали ВЧК боевым органом революции, поставили ее в авангард борьбы рабочего класса с капиталом.

ВЧК сделалась грозным символом для всех тех, кто не мог примириться с завоеваниями трудящихся, кто меч-

тал о воскрешении старого режима, кто готовил петлю для рабочих и крестьян. ВЧК стала на страже революции и с честью выполняла возложенную на нее трудную задачу.

В самый разгар гражданской войны, когда нас сжимало огненное кольцо блокады, когда нас давили голод, холод и разруха, когда внутренние белогвардейцы и заграничные империалисты подбирались к сердцу республики, ВЧК и ее органы на местах развивали самоотверженную героическую работу.

Длинной шеренгой тянутся раскрытые заговоры и восстания. Зоркий глаз ВЧК проникал всюду, ВЧК была орудием диктатуры трудящихся. Пролетариат выделил для работы в органах ЧК лучших сынов своих. И не удивительно, что враги наши бешено ненавидели ЧК и чекистов. Их ненависть — вполне заслуженная. ВЧК может гордиться тем, что она была объектом неслыханной травли со стороны буржуазии. ВЧК гордится своими героями и мучениками, погибшими в борьбе...

Только доверие рабочих и крестьян дало силу ВЧК и затем ГПУ выполнить возложенную революцией на них задачу — сокрушить внутреннюю контрреволюцию, раскрыть все заговоры низверженных помещиков, капиталистов и их прихвостней. Это доверие пришлось завоевывать долгой, упорной, самоотверженной, полной жертв борьбой, в результате которой ВЧК стала грозной защитницей рабоче-крестьянской власти.

Выступая на собрании чекистов, посвященном 15-летию ВЧК — ГПУ, С. М. Киров сказал: «История ВЧК — ГПУ — это концентрированная история всей нашей великой революции. Все, что было высокого, победного, крепкого в нашей революции, все это было в наших ЧК и ГПУ... Нет более надежного, более органически связанного с нашей партией рычага, как наш орган ГПУ...»

Говоря о создателе и руководителе ВЧК — ГПУ Дзержинском, С. М. Киров особенно отметил, что ВЧК — ГПУ успехами своей работы «обязаны тому, что тов. Дзержинский был совершенно исключительным организатором».

Короткая передышка

После победы над интервентами и белогвардейцами Советское государство получило на короткий срок передышку и немедленно приступило к залечиванию ран, на-

несенных империалистической и гражданской войнами, приступило к хозяйственному строительству. Экономическое состояние страны было чрезвычайно тяжелым. На хозяйственной работе были использованы вооруженные силы Красной Армии. Из воинских частей создавались трудовые армии. Их бросали на восстановление железнодорожного транспорта, топливной промышленности и другие важные участки народного хозяйства.

В начале 1920 года Ленин выдвинул знаменитый план электрификации России в течение 10—20 лет. В марте того же года Совнарком выделил Государственную комиссию по вопросам электрификации России (ГОЭЛРО) во главе с Г. М. Кржижановским. Совнарком поручил этой комиссии разработать план, рассчитанный на построение в течение 10—20 лет 30 крупных электростанций мощностью 1,5 млн. *квт.* План этот рассматривался на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года, который происходил в Большом театре. Я присутствовала на этом съезде. С докладом об электрификации России выступал Г. М. Кржижановский. На стене над президиумом висела огромная карта РСФСР, на которой в тот момент, когда с трибуны раздались слова докладчика о плане электрификации Советского государства, вдруг зажглись 30 цветных электрических лампочек в тех местах, где согласно плану намечалось строить электростанции. Это произвело на участников съезда огромное впечатление, вызвало небывалый подъем и бурю аплодисментов.

Как известно, буржуазия высмеивала этот план как фантастический. Даже такой фантаст, как Герберт Уэллс, назвал этот план утопией, а его создателя В. И. Ленина — кремлевским мечтателем, не считающимся с реальной обстановкой в России. Советский строй, в котором власть принадлежит трудящимся, таит, однако, в себе такие величайшие возможности, такие могучие творческие силы, что первый план электрификации России, названный Лениным второй программой партии, был успешно и досрочно выполнен.

Короткую передышку Советская власть использовала также для усиления работы на культурном фронте.

30 декабря 1919 года был издан декрет Совнаркома о всеобщей ликвидации неграмотности в Советском государстве. Закипела работа в отделе внешкольного образо-

вания Наркомпроса. Мы в отделе нацменьшинств энергично принялись за организацию борьбы с неграмотностью среди национальных меньшинств, в том числе среди польского населения.

Работа эта была гораздо труднее, чем среди русского населения, потому что польское население было рассеяно среди русских, украинцев и белорусов. Нужно было подготовить буквари для взрослых соответствующего содержания. Таких не было ни в России, ни в Польше, ибо до того времени никто не занимался ликвидацией неграмотности среди взрослых. По примеру русских товарищей, в том числе Анны Сергеевны Курской, руководившей ликвидацией неграмотности среди русского населения, мы — я и товарищ Тадеуш Радванский (член редакции польской газеты «Трибуна», выходившей в Москве) — составили польский букварь для взрослых под названием «Давайте учиться читать». Содержание букваря было революционным. Был он кратким и без всяких иллюстраций из-за недостатка бумаги и ограниченности денежных средств, которые государство тогда могло выделить для этой цели. К букварю был приложен картонный алфавит для разрезывания с достаточным количеством букв, чтобы из них можно было составлять слова. Были приложены также краткие методические указания, составленные мной.

Через несколько лет уже в значительно лучших условиях мы вместе с Региной Будзыпской составили новый, более обширный и богато иллюстрированный польский букварь для взрослых под названием «Долой темноту!».

* * *

Осенью 1919 года, зимой 1919—1920 годов и в последующие годы проводились субботники, т. е. добровольная бесплатная работа в пользу всего общества в субботу или воскресенье и праздничные дни. В них принимали участие рабочие и советские служащие, в первую очередь, конечно, коммунисты. Во время моей работы в Наркомпросе для проведения субботников мы отправлялись на железнодорожные станции и выгружали вагоны с дровами для больниц, школ, детских домов и т. д. Иногда субботники проводились на больших дровяных складах, и тогда мы укладывали поленья в сажени. Субботники

проводились и в восстановительный период, и в период первых пятилеток.

В конце 20-х годов, когда я работала в Институте Ленина, мы также ездили на субботники на железную дорогу и разгружали вагоны с капустой. Кроме субботников, организованных партийными ячейками тех учреждений, в которых я работала, я много раз принимала участие в субботниках, проводившихся в Кремле. Они проводились главным образом весной, и целью их было очистить Кремль от обледевшего снега.

Помню один такой субботник, где плечом к плечу с Юлианом Мархлевским мы работали на кремлевской площади около Троицких ворот, а потом на мосту от ворот вниз до Кутафьеи башни.

Мы работали лопатами, передвигая огромные глыбы льда, которые потом сбрасывались с моста в Александровский сад. Работа шла быстро и весело. Ю. Мархлевский был примером для других в работе, шутил и смешил товарищей.

Помню, что на субботниках всегда царил подъем, дело спорилось. Все работали с большой охотой. В. И. Ленин называл субботники «великим почином», зародышем коммунистического труда.

1 мая 1920 года вместо военного парада и демонстрации на Красной площади был объявлен Всероссийский субботник. Главным организатором субботника в Москве был Феликс Эдмундович как председатель Главного комитета по делам всеобщей трудовой повинности.

* * *

В связи с 50-летием со дня рождения вождя и создателя партии и Советского государства Владимира Ильича Ленина 23 апреля 1920 года Московским комитетом РКП (б) было организовано в помещении МК, на Большой Дмитровке, торжественное собрание, посвященное этой знаменательной дате. Я удостоилась чести присутствовать на этом памятном собрании. С речами выступили М. С. Ольминский, А. М. Горький, И. В. Сталин, А. В. Луначарский и др.

Помню пламенную речь А. М. Горького. Он сказал: «Есть люди, значение которых как-то не объемлется человеческим словом... Вот таким человеком только не для России, а для всего мира, для всей нашей планеты

является Владимир Ильич... Я думаю, что я не найду, хотя и считаюсь художником, слов, которые достаточно ярко очертили бы такую коренастую, такую сильную, огромную фигуру... Ленин в политике велик, но в то же время он реальный, земной, простой человек».

Дальше Горький на ряде примеров охарактеризовал Ленина как простого, милого, душевного человека, обычного, как каждый из нас. «На ваше счастье, на счастье всей страны существует этот человек. Очень надо ценить его, очень надо любить, очень надо помочь ему в его великой, в его всемирной, в его планетарной работе... И лучшее, чем можем почтить его огромную работу, и лучшее, чем вы поблагодарите его за все, что он сделал не только для России, но и для всего человечества, — это честный труд, это напряженный труд, это любовь к труду, это та духовная бодрость, которую я вам всем от всей души моей желаю...»

В. И. Ленин долго не приходил на это собрание. Наконец после ряда выступлений он появился на трибуне и был встречен громом аплодисментов.

В краткой ответной речи В. И. Ленин поблагодарил за горячие поздравления, но высказался вообще против юбилейных торжеств и всю дальнейшую часть своего выступления посвятил партии, ее великой роли. В конце своей речи он предостерег каждого члена партии и партию в целом от великой опасности зазнайства, от переоценивания себя. Это в прошлом привело многие партии к гибели. Огромное впечатление на меня, как и на всех присутствующих, произвела исключительная скромность Владимира Ильича.

Третий поход Антанты

Передышка в начале 1920 года продолжалась недолго. Она была нарушена новым наступлением Антанты, бросившей на этот раз против Советского государства с запада буржуазно-помещичью Польшу, с юга — белогвардейские войска Врангеля.

Советское правительство с первых дней своего существования проводило мирную политику. Еще до восстановления независимости польского государства, 29 августа 1918 года, Советское правительство по инициативе

В. И. Ленина издало декрет об аннулировании всех договоров и актов о разделах Польши, заключенных правительством бывшей Российской империи с правительством Пруссии и Австро-Венгрии, противоречащих принципу права наций на самоопределение.

Начиная с ноября 1918 года Советское правительство неоднократно обращалось к польскому правительству и народу с предложением установить мирные, добрососедские отношения между Советской Россией и Польшей. Несмотря на это, польские власти систематически оставляли без ответа или отклоняли советские мирные предложения, стремясь сохранить власть над захваченными войсками Пилсудского литовскими, белорусскими и украинскими землями.

В конце 1919 и в начале 1920 года Советское правительство возобновило переговоры с польским правительством.

А в это время польская буржуазия распространяла среди трудящихся Польши лживые слухи о том, что якобы польские коммунисты толкают Советскую Россию к захвату Польши. Узнав об этом, мы, коммунисты-поляки, жившие в Москве, собрались в нашем клубе на Молчановке и постановили обратиться во ВЦИК с заявлением, которое подписали все во главе с Дзержинским, Мархлевским и Коном. Это заявление было вручено на заседании ВЦИК 2 февраля 1920 года.

В заявлении было сказано, что мы, польские коммунисты, работающие в России, солидарны с политикой Коммунистической Рабочей партии Польши, которая протестует против нападения польских войск на Советскую Россию и добивается окончания войны, доказывая, таким образом, «что ей чужда мысль введения коммунизма в Польше при помощи оружия русской армии».

Дальше в этом документе мы заявляли, что целиком и полностью солидарны с мирной политикой Советского правительства по отношению к Польше и готовы содействовать этой политике. «Но если польское правительство отвергнет мир и будет продолжать наступление, мы, польские коммунисты, будем защищать, как защищали до сих пор, пролетарскую Россию от этого нападения».

На этом же заседании ВЦИК принял обращение к польскому народу. В обращении указывалось на то, что враги польских и русских трудящихся масс пытаются

толкнуть польский и русский народы на войну друг против друга. С этой целью они распространяют клеветнические измышления, будто русский народ готовится напасть на Польшу, закабалить ее и силой русского оружия навязать польскому народу коммунизм.

ВЦИК подчеркнул, что своими мирными предложениями польскому правительству русский народ доказал на деле, что он стремится не к завоеванию Польши, а к мирным, добрососедским и дружественным отношениям с ней. «Русские рабочие и крестьяне, — напоминалось в обращении, — поспешили первыми признать независимость польского народа, признали ее безоговорочно и раз и навсегда». Они сделали это с сознанием того, что независимость Польши соответствует интересам не только польского, но и русского народа. «Свобода Польши является необходимым условием свободного развития России».

«Мы, представители русского рабочего класса и крестьянства, — говорилось дальше в обращении, — открыто перед всем миром выступали и выступаем как борцы за коммунистические идеалы; мы глубоко убеждены, что трудовой народ всех стран выйдет на тот путь, на который уже вступил русский трудовой народ... Коммунистический строй возможен только там, где громадное большинство трудового народа прониклось мыслью воздвигнуть его собственными силами... Коммунисты России сейчас стремятся только защитить свою собственную землю, свою мирную созидательную работу, они не стремятся и не могут стремиться к насильственному водворению коммунизма в чужих странах. Преобразование Польши соответственно интересам польских трудовых масс должно явиться делом этих трудовых масс».

Дальше в этом обращении ВЦИК снова повторил мирные предложения, сделанные Советским правительством, и призвал польский народ положить конец кровопролитной войне, с тем чтобы оба народа — польский и русский — могли бросить все свои силы на борьбу с гнетущими их бедствиями — холодом, голодом, тифом и безработицей.

Обращение заканчивалось выражением твердой уверенности в том, что путем установления мирных и добрососедских отношений удастся устранить все, что разделяет оба народа, и что совместными усилиями будут соз-

даны самые дружеские отношения между народами Польши и Советской России.

Однако на мирные предложения Советского правительства польское правительство ответило 6 марта 1920 года началом нового наступления против Советской Республики.

КРПП продолжала вести усиленную агитацию против нападения польских войск на Советскую Россию. По инициативе КРПП проходили антивоенные политические забастовки в Варшаве, Домбровском угольном бассейне и других промышленных центрах Польши.

В деревне крестьяне все чаще выступали против призыва в армию.

В связи с усиливающимся недовольством трудящихся масс польское правительство предложило Советской России начать мирные переговоры в Борисове. Но это был лишь маневр, рассчитанный на обман и успокоение трудящихся Польши, ибо Борисов находился на линии фронта, непосредственно в зоне военных действий. Советское правительство не могло поэтому принять польского предложения и противопоставило ему предложение общего перемирия и перенесения переговоров в одну из нейтральных стран или в Петроград, Москву или Варшаву.

Но предложение это не было принято, и Пилсудский при помощи Антанты готовился к наступлению по всему фронту. 25 апреля войска буржуазно-помещичьей Польши вторглись на территорию Украины, захватив Житомир, Бердичев, 7 мая — Киев.

Накануне взятия Киева Пилсудским, действовавшим в союзе с украинским контрреволюционером Петлюрой, В. И. Ленин, провожая уходящих на польский фронт красноармейцев, говорил:

«Товарищи! Вы знаете, что польские помещики и капиталисты, подстрекаемые Антантой, навязали нам новую войну. Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем. Мы предлагали Польше мир на условии неприкосновенности ее границ, хотя эти границы простирались гораздо дальше, чем чисто польское население. Мы шли на все уступки и пусть каждый из вас помнит это на фронте. Пусть ваше поведение по отношению к полякам там докажет, что вы — солдаты рабоче-крестьянской

республики, что вы идете к ним не как угнетатели, а как освободители... Мы все должны сегодня здесь дать клятву, дать торжественное обещание в том, что мы все будем стоять как один человек за то, чтобы не допустить победы польских панов и капиталистов. Да здравствуют крестьяне и рабочие свободной независимой польской республики! Долой польских панов, помещиков и капиталистов! Да здравствует наша Красная рабоче-крестьянская армия!»¹.

В связи с начавшимся наступлением войск Пилсудского на Белоруссию и Украину Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казацких депутатов 7 мая 1920 года обратился с манифестом к польским рабочим, крестьянам и солдатам.

Этот манифест разъяснял, что начатая польскими господствующими классами агрессивная война против советских республик ведется не в интересах польских рабочих и крестьян, а в интересах польских помещиков и капиталистов, а также капиталистов Антанты, которая толкнула Польшу на эту преступную войну. Манифест призывал польских рабочих, крестьян и солдат не верить лжи польского правительства, тому, что якобы Советское правительство хочет покорить Польшу. В манифесте говорилось, что Советское правительство не только не желает польской земли, но, наоборот, готово, руководимое одной лишь мыслью о заключении мира, уступить Польше значительные территории, вовсе не населенные в своем большинстве поляками.

В конце манифеста было сказано: «Не верьте, что Красная Армия несет вам рабство или собирается насильно навязать вам коммунизм. Разгромив ваших панов, Советская власть предоставит польскому народу право устраивать свою жизнь по собственному усмотрению. Хотите ли вы сохранить у себя современный порядок или возьмете землю и фабрики в собственные руки — это решите вы сами, польские рабочие и крестьяне.

Не войну и насилие, а мир, братство и союз предлагаем мы вам!

На наших знаменах начертан огненными буквами тот клич, под которым сражались когда-то польские борцы за свободу, — *«За нашу и вашу свободу»*».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 110—111.

Дзержинский на Юго-Западном фронте

26 апреля 1920 года ЦК РКП(б) постановил послать Дзержинского на Украину для укрепления тыла Юго-Западного фронта и для ликвидации анархо-бандитских шайк и петлюровских контрреволюционных организаций, которые активизировались в связи с нашествием на Украину войск буржуазно-помещичьей Польши. Феликс выехал в Харьков.

В первом коротеньком письме ко мне без даты он писал, что живет у председателя Украинской ЧК В. Н. Манцева, и описывал впечатление, какое произвел на него Харьков: «...Адская спекуляция. Здесь надо страну еще завоевать продолжительной работой. Не умею быть гастролером. Надо бы здесь поселиться...

Целую вас

Ваш Фел.»

29 мая Дзержинский был назначен начальником тыла Юго-Западного фронта.

В течение июня и половины июля Феликс работал в Харькове, руководя борьбой с бандитизмом, кулачеством и контрреволюцией, раскрытием и ликвидацией контрреволюционных организаций, действовавших на Украине, в тылу Красной Армии.

Работа Феликса Эдмундовича в Харькове была трудной и требовала много сил, энергии и времени. В связи с этим на личные дела и переписку со мной у него совсем не оставалось времени. Два полученных мной в то время от него письма были посланы с оказией.

В одном из них, от 13 июня, он писал: «...А я собой недоволен. Вижу и чувствую, что мог бы дать больше, чем даю. Мог бы... Быть может, я слишком нервно истощен, не могу сосредоточиться и взять себя в руки, чтобы щадить силы так, чтобы они дали возможно больше при наименьшей усталости. Надо уметь работать так, чтобы ежедневно давать отдых мыслям, нервам. Я пишу об этом, часто думаю, но знаю, что это для меня лишь благие пожелания. Нет у меня соответствующего характера.

Вообще мое пребывание на Украине оживило здесь работу, придало ей больший размах и дает результаты. Вероятно, я должен буду остаться здесь на более

продолжительное время, пока ЦК не отзовет меня обратно в Москву...

Украина до сих пор не является советской органически. Рабочие массы только лишь сейчас втягиваются в творческую работу. Деревня переполнена эмиграцией городских враждебных нам элементов, и верховодят там кулаки.

Отсюда страшный недостаток людей и порядка. Капитализм процветает в спекуляции и в свободной до последнего момента торговле. Сюда необходимо направлять дельных людей для работы во всех областях жизни. Эта работа втягивает меня, и я не имел бы ничего против того, чтобы здесь для нее остаться на более продолжительное время.

Как быть тогда с тобой и Ясиком? Что касается Ясика, то боюсь, что климат тут для него неподходящий. Ночи холодные, а дни жаркие — легко простудиться. Поэтому не знаю, что тебе и советовать. Я не хотел бы вернуться в Москву раньше, чем мы не обезвредим Махно. Мне трудно с ним справиться, ибо он действует козни, а у меня нет кавалерии. Если бы, однако, удалось его разгромить, то я приехал бы в Москву на несколько дней, чтобы получить дальнейшие указания и разрешить вопросы в Москве».

Письмо это Феликс прислал мне со своим курьером Григорием Сорокиным, которого взял с собой в Харьков из Москвы. Сорокин рассказал об условиях, в каких жил Феликс в Харькове, и о его работе целыми днями и ночами.

В следующем письме, от 27 июня 1920 года, Феликс просит меня приехать к нему на некоторое время, сообщая, что в Харькове много польских рабочих и есть несколько польских школ, что не мешало бы мне по поручению Наркомпроса проверить, как поставлена там культурно-просветительная работа среди польского населения.

Подчиняясь настойчивым просьбам харьковских товарищей, Феликс показался известным в Харькове врачам, и те нашли, что сердце и легкие в порядке, но что «причина слабости исключительно из-за нервного истощения. Слишком долго в напряжении была воля в работе, — писал мне Феликс. — У меня здесь теперь не так уж много работы с приездом Манцева. Каждый день утром я хожу в водолечебницу, прекрасное лечение. Продол-

жится месяц. Если я уеду раньше, то закончу лечение в Москве. Хочу иметь здоровые нервы и быть сильным».

К своему письму Феликс приложил письмецо для сына.

Ясик был тогда на даче под Москвой, в Тарасовке, с нашей домработницей Еленой Прокофьевной Ефимцевой. Я ежедневно после работы приезжала к ним поездом. Жили мы в комнате на втором этаже небольшой дачи. На первом этаже жил с женой и двумя дочерьми Демьян Бедный. Жена его обещала мне заботиться о Ясике во время моего отсутствия. Поэтому через несколько дней после получения письма Феликса я выехала к нему, получив одновременно от Наркомпроса задание проверить в Харькове культурно-просветительную работу среди польского населения.

Я посетила все польские школы в Харькове. Отношение учителей этих школ к Советской власти было в то время еще очень недоброжелательным. Я познакомилась и с работой польского клуба. Благодаря энергичной деятельности польских коммунистов работа в этом клубе была поставлена неплохо. Возглавлял эту работу Скарбек, хороший агитатор.

Во время своего пребывания в Харькове Феликс неоднократно выступал на массовых собраниях и митингах. Одно из таких его выступлений ярко описал академик И. П. Бардин.

«Впервые в своей жизни я слушал такого пламенного оратора, видел такого большого политического борца, слова которого... выходили из самого сердца, возникали из кристаллических глубин человеческой души.

Я смотрел вокруг себя на людей, обросших бородами, усталых, исхудавших, но уверенных в своей победе, опьяненных правдой, которой, точно пламенем, обжигал их Дзержинский.

Да, да! Необычайной силой правды, неотразимой силой убеждения дышали слова Дзержинского, и я это почувствовал с первых же слов, брошенных им в зал. Его слушали, затаив дыхание. Дзержинский говорил о том, что такое Советская власть:

Это — власть народа, власть рабочих и крестьян, разбивших цепи рабства, опрокинувших коронованных палачей и их золотопогонных сатрапов. Это — власть труженников, уничтоживших кабалу, притеснение, эксплуатацию человека человеком. Это — вы сами, красноармейцы,

бойцы, рабочие и крестьяне, сидящие в этом зале. Это — великий трудовой советский народ, уничтоживший царя, помещиков и капиталистов, — вот что такое, товарищи, Советская власть!

В зале бушевало море, стоял несмолкаемый гул, а Дзержинский, пламенея, рисовал суровому и разгневанному воображению людей задачу завтрашнего дня. В его коротких фразах вставали картины разрушений, причиненных войной, навязанной рабочим и крестьянам белыми генералами, помещиками и фабрикантами.

— Но для чего же мы воюем, для чего мы боремся на фронтах гражданской войны? — спрашивал Дзержинский. И отвечал:

— Для того, чтобы с оружием в руках отстоять нашу власть, нашу свободу, наше право на жизнь, на труд, на счастье для всех, для того, чтобы завоевать свободу и счастье нашим детям и внукам.

Мы сами должны ковать свое счастье! Уже сегодня мы должны начать войну с разрухой, восстановить разрушенный транспорт, оживить заводы и фабрики, озеленить поля и пашни, накормить и одеть наших детей, сделать цветущим, радостным, могучим наше Советское государство.

Только ни на одну минуту не забывайте о мече, держите винтовку на боевом взводе, потому что враги наши не дремлют!

Сдавленный со всех сторон человеческими телами, я уже ничего не замечал вокруг себя. Я видел только пылающие гневом и решимостью глаза людей, так же как я, потрясенных до глубины души простыми, но такими волнующими словами Дзержинского.

Правда, ясная, неотразимая правда — я это увидел и почувствовал, — вот что захватило людей в зале, вот что поразило и мое сознание, и сердце. Я видел перед собой не просто трибуна, но и храброго воина, чье имя ввергало в трепет врагов, чьи слова, словно разящий меч, с сокрушающей силой рассекали все мои сомнения...

Я не забуду этот митинг в тускло освещенном зале, где слова большого человека взывали к сердцам людей, заставляли их кипеть гневом, воспламеняли надежду. Я не забуду неотразимый образ Дзержинского, «железного Феликса», «рыцаря революции», глубоко запавший мне в душу образ храброго воина с несокрушимой волей и всепобеждающей верой в великую правду, которую он

убежденно и гордо нес впереди себя, как боевое знамя. Дзержинский закончил свою речь.

...Все поднялись... Люди цели «Интернационал». Волнение душило меня, мешало петь. Что-то важное, большое совершилось во мне в тот вечер. Я понял, что не только рассудком, — сердцем приобщаюсь к новой жизни».

Пребывание наше в Харькове было недолгим. Феликс был неожиданно отозван в Москву в связи с изменением положения на Польском фронте.

Контрнаступление Красной Армии на Западном фронте и Временный польский революционный комитет

Еще 14 мая Красная Армия, отражая наступление контрреволюционных войск Пилсудского, перешла в наступление. 25 мая был взят Борисов, 9 июня — Житомир, а 12 — Киев.

Уже тогда Ленин предостерегал: «Самое опасное в войне, которая начинается при таких условиях, как теперь война с Польшей, самое опасное — это недооценить противника и успокоиться на том, что мы сильнее. Это самое опасное, что может вызвать поражение на войне...»¹

К сожалению, это предостережение Ленина не было учтено командованием Красной Армии.

4 июля началось общее наступление Красной Армии на Польском фронте, 10 июля Красная Армия заняла Минск, Молодечно, Проскуров и другие города, 14 — Вильно, а 19 — Гродно, Барановичи и приблизилась к этнографическим польским землям.

16 июля 1920 года ЦК РКП(б) назначил Дзержинского членом делегации РКП(б) на II конгресс Коминтерна, который открылся 19 июля в Петрограде и продолжил свою работу в Москве до 7 августа.

На первое заседание II конгресса как представитель Коммунистической Рабочей партии Польши выехал в Петроград Ю. Мархлевский. На конгрессе он выступил с речью о политическом положении в Польше. Но ни Ю. Мархлевский, ни Феликс не присутствовали на всех заседаниях конгресса.

II конгресс Коминтерна обратился к рабочим всего мира с призывом встать на защиту революции в России. По инициативе Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б),

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 144.

секретарем которого тогда был Эдвард Прухняк, ЦК РКП(б) объявил мобилизацию коммунистов-поляков на Польский фронт. Многие из них стали политическими руководителями в частях Красной Армии. Все мы, организаторы и солдаты этого фронта, знали, что это фронт классовой борьбы против польской буржуазии и помещиков и в то же время фронт борьбы за Польшу для трудящихся.

Одновременно с этим ЦК РКП(б) создал новый польский партийный орган — Польское бюро ЦК РКП(б) во главе с Феликсом Дзержинским для руководства работой сотен и тысяч польских коммунистов, двигавшихся вместе с наступающей Красной Армией в западном направлении. В Польское бюро ЦК РКП(б) кроме Дзержинского вошли Юлиан Мархлевский, Феликс Кон, Эдвард Прухняк и Юзеф Уншлихт. Был изменен и личный состав Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б), которое вело работу среди польского населения в РСФСР. Секретарем этого бюро вместо Э. Прухняка была назначена я.

23 июля Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон и Ю. Уншлихт, а также около двадцати других польских коммунистов выехали поездом в Смоленск, а оттуда в Минск. Прухняк остался временно в Москве для введения меня в курс дел Польбюро. Из Минска на трех автомашинах они поехали в Вильно, чтобы присоединиться к Красной Армии, преследовавшей войска Пилсудского, и двигаться дальше вместе с ней.

Из Вильно Феликс отправил мне 30 июля следующее коротенькое письмо:

«Через полчаса мы едем дальше — в Гродно, а оттуда в Белосток. Пишу лишь несколько строк, ибо нет времени для сантиментов. До сих пор все идет хорошо. Напрягайте с Сэвэром силы, чтобы поскорее прислать сюда людей. Они нужны не только нам, но во все армии Польского фронта, ибо мы сами не сможем непосредственно охватить всю линию фронта. Уншлихт переезжает в Минск, хочет работать, но сомневаюсь, хватит ли ему сил и позволят ли врачи¹.

Целую тебя и Ясика

Твой Феликс».

¹ 26 июля, во время посадки в автомобиль, Уншлихт, поскользнувшись, сломал ногу и был помещен в больницу в городе Лида.

30 июля Феликс и его товарищи (за исключением Уншлихта) выехали в Белосток. В тот же день был образован Временный революционный комитет Польши (Польревком) — первое в истории Польши рабоче-крестьянское правительство. В освобожденном Красной Армией Белостоке было опубликовано сообщение о его возникновении, о его личном составе и задачах, а также Манифест Польревкома к польскому трудовому народу.

Председателем Польревкома был Юлиан Мархлевский, членами — Феликс Дзержинский, Феликс Коц, Эдвард Прухняк и Юзеф Уншлихт.

Манифест Польревкома указывал, что Красная Армия идет к Польше со старым лозунгом героев польского восстания: «За нашу и вашу свободу!»

«Наши русские братья, — говорилось в Манифесте, — не затем вступают в пределы Польши, чтобы поработить ее. Эту войну им навязало польское правительство. Они борются прежде всего за мир для себя, — за мир, который даст им возможность возвратиться на родину и приступить к творческой работе, к созданию нового строя».

Дальше Манифест призывал рабочих и крестьян к активной борьбе и указывал цели этой борьбы: «...вырвать фабрики и каменноугольные копи из рук капиталистов и хищников-спекулянтов. Они переходят в собственность народа, под управление рабочих комитетов.

Поместья и леса равным образом переходят в собственность и под управление народа. Помещики подлежат изгнанию — управление имениями переходит к сельскохозяйственным рабочим. Земля трудящихся крестьян остается неприкосновенной.

В городах управление переходит к рабочим депутатам, в деревнях создаются сельские советы».

Манифест заканчивался словами: «*Да здравствует освобожденная рабочая Польша, социалистическая Польша!*»

В этом Манифесте не было ни слова о земле для малоземельных крестьян. Тут сказалась недооценка большинством членов Польревкома революционной роли крестьянства и рабоче-крестьянского союза как основы рабоче-крестьянской власти.

Вследствие этого Манифест не смог мобилизовать широкие массы трудящегося крестьянства на борьбу за народную Польшу.

Феликс Кон в своем биографическом очерке о Феликсе Дзержинском вспоминал: «Обычно спокойный, Дзержинский сильно волновался при составлении этого документа на заседании комитета. Тут столкнулись две линии: Дзержинский настаивал на необходимости занять по отношению к крестьянству такую же позицию, какую проводили большевики после Октября в России, и звать крестьянство к организации на местах комитетов для передачи всей земли крестьянству. Большинство же членов комитета, ссылаясь на то, что в Польше существует довольно многочисленный сельский пролетариат, настояло на том, чтобы помещичьи имения передать на коммунальных началах сельским рабочим, работавшим в данном поместье, а крестьянам давать лишь небольшие участки (отрезки), чтобы не ослаблять будущей коммуны. Дзержинский остался в меньшинстве, и некоторые члены комитета только впоследствии поняли, как глубоко он был прав. В этом вопросе Дзержинский был проводником ленинской политики укрепления союза со средним крестьянством...»

Слова Феликса Кона о разногласиях внутри Польревкома по аграрному вопросу и о позиции, занятой по этому вопросу Дзержинским во время составления Манифеста Польревкома, находят подтверждение в телеграмме Дзержинского Ленину, посланной еще из Вильно 30 июля 1920 года. В телеграмме этой читаем:

«...Высказываюсь за включение предполагаемого требования в редакции: передачи помещичьей земли батракам и малоземельным крестьянам...»¹

Когда Ленин познакомился с Манифестом Польревкома и узнал, что в Седлецкой губернии малоземельные крестьяне начали захватывать помещичьи земли, он послал Дзержинскому и всем членам Центрального Комитета Коммунистической Рабочей партии Польши следующую телеграмму с необычайно важным советом: «Если в Седлецкой губернии малоземельные крестьяне начали захватывать поместья, то абсолютно необходимо издать особое постановление Польского ревкома, дабы обязательно дать часть помещичьих земель крестьянам и во что бы то ни стало помирить крестьян малоземельных с батраками. Прошу ответа

*Ленин»*².

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 1234.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 266.

В. И. Ленин и дальше продолжал поддерживать связь с Польревкомом через Дзержинского.

Со своей стороны Дзержинский информировал Ленина, посылая телеграммы и письма о деятельности Польревкома и о положении на территории, находившейся под властью Польревкома, а также о положении в Польше по ту сторону фронта.

В телеграмме от 6 августа 1920 года Дзержинский сообщает В. И. Ленину о полученных Польревкомом новых сведениях из Варшавы, об образовании там коалиционного правительства во главе с Витосом, лидером кулацкой партии «Пяст», Дашинским, пепеэсовцем, помещиком Сапегой и эндеком Грабским. Дзержинский сообщает о переменах в командовании польской армии, о привлечении к командованию эндека Галлера и об огромном дезертирстве в польской армии, о расколе в ППС и бегстве из Варшавы польской буржуазии и вывозе ею капиталов в Познань, о массовых арестах коммунистов и рабочих.

Дзержинский далее сообщает о работе Польревкома среди польского населения и среди коммунистов-поляков в Красной Армии и что Польревком считает своей важнейшей задачей организацию польской Красной Армии.

В следующей телеграмме, от 15 августа, Феликс сообщал Ленину о волнениях в Варшаве, о требовании сдачи властями города без боя, о том, что настроения крестьян в районе Млавы — Влоцлавека нейтральные, зато настроения рабочих Белостока повышенные.

Дзержинский информировал Ленина также о том, что в Белостоке состоялся многотысячный праздник труда по поводу открытия фабрик. Белостокская организация пепеэсовских рабочих присоединилась к коммунистической организации. Железнодорожники, оставшиеся на освобожденной территории, с подъемом восстанавливают пути, ведется подготовительная работа по выборам Белостокского Совета рабочих депутатов, приступили к организации добровольческого польского советского полка в Белостоке.

Дзержинский отмечает, что организация экономической, продовольственной и административной работы продвигается медленно из-за недостатка опытных инструкторов и быстроты продвижения вперед Красной Армии.

В конце телеграммы Дзержинский подчеркивает, что вопрос о земельной политике будет рассмотрен в полном объеме в Варшаве.

Эти последние слова Дзержинского были скорее всего ответом на вышеприведенную телеграмму Ленина, в которой он советовал, чтобы Польревком часть помещичьей земли отдал крестьянам.

15 августа Феликс Кон послал мне следующее письмо:

«Через каких-нибудь два часа мы отправляемся из Белостока в сторону Варшавы. Феликс так занят, что ни на минуту не может оторваться, чтобы написать письмо. Не хочу, чтобы Вы беспокоились, зато хочу, чтобы Вы сохранили обо мне хорошую память, поэтому сообщаю, что и он, и мы все чувствуем себя превосходно, как и подобает Революционному правительству Польши. Через каких-нибудь день-два, может быть, мы будем уже в Варшаве, где, как доходят до нас слухи, рабочие добиваются, чтобы город был нам отдан без боя. По городу расклеены воззвания, в которых грозят Пилсудскому, что в случае, если бои под Варшавой не прекратятся, его войска не будут выпущены из Варшавы...

...В доказательство того, что он жив и здоров, Феликс «руку прикладывает».

Затем следуют слова, написанные рукой Дзержинского: «Целую. Твой Феликс».

Красная Армия, а вместе с ней Польревком быстро двигались на запад и приближались к Висле. Обстановка в Польше была чрезвычайно напряженной.

Польская буржуазная печать так характеризовала настроения польских трудящихся в связи со вступлением Красной Армии на территорию Польши.

«Газета Варшавска» от 22 августа отмечала, что сельские рабочие и малоземельные крестьяне «с нетерпением ожидали прихода большевиков, которых они представляли себе как избавителей «рабочего люда» из неволи».

Та же газета сообщала, что в Цехановском уезде крестьяне «надеялись получить из большевистских рук после раздела имений землю, живой и мертвый инвентарь, а также надеялись отомстить «буржуям» — словом, ждали обещанного «нового строя».

«Курьер Варшавский» от 27 августа, описывая бои под Белостоком, вынужден был признать, что рабочее население города стоит на стороне советских войск и активно борется с оружием в руках. Газета добавляла, что «в этом городе сформировался полк добровольцев-коммунистов под названием I Варшавского полка, который выступает вместе с армией неприятеля».

Та же газета вынуждена была констатировать, что обещание частичного раздела земли и агитация красноармейцев — русских, украинских и белорусских крестьян, получивших благодаря Октябрьской революции помещичью землю, вызвали колебания среди польского крестьянства. А тогдашний премьер буржуазного польского правительства Винценты Витос писал позднее в своих мемуарах, что «опасность большевизма» в Польше «была не на шутку», что рабочие помещичьих имений «во время нашествия большевиков в подавляющем большинстве шли с ними, уничтожали помещичье добро, служили проводниками и даже убивали хозяев. То же самое происходило в городах и местечках, где жители активно помогали большевистским войскам, создавая подчиненные им управления... устраняя законные власти».

Познанская «Газета Польска» в № 284 писала о «военной стачке в авиационной части в Лавицах, волнениях в цитадели, солдатском Совете в казармах, мятеже солдат в Бедруске, волнениях в Гнезне».

По словам эндецкого генерала Галлера, дух в польских войсках совершенно пал, когда началось наступление Красной Армии: «Были случаи... бегства целых крупных воинских частей без всякого повода. Гродно было занято обычным большевистским разъездом, а вся наша дивизия в панике бежала».

Галлер сильно ошибался. Польские солдаты бежали не без причины. Бежали они потому, что не хотели воевать за чуждые им интересы, за несправедливое дело польских помещиков и капиталистов, не хотели идти против Красной Армии, несшей польским трудящимся освобождение.

16 августа Польшевком был в пятидесяти с небольшим верстах от Варшавы, в Вышкове, но на следующий день вынужден был оттуда уехать, так как Красная Армия потерпела поражение в битве у Вислы и отступила.

Причиной тогдашней неудачи были ошибки, совершенные командованием: Красная Армия продвигалась на запад слишком быстрыми темпами, не закрепляясь на занятых позициях, оторвалась от своего тыла, в результате чего не хватало питания и боеприпасов.

Поспешное отступление польских войск с белорусской и украинской земли было расценено командованием Красной Армии как разгром армии Пилсудского. Между тем поляки отступили, чтобы сохранить свою живую силу и технику.

«При нашем наступлении, — говорил В. И. Ленин, — слишком быстро продвижении почти что до Варшавы, несомненно, была сделана ошибка... И эта ошибка вызвана тем, что перевес наших сил был переоценен нами»¹.

С другой стороны, польская буржуазия, используя вековую ненависть польского народа к русскому царизму, подняла бешеную националистическую шумиху, лживо заявляя, что русская армия якобы намеревается снова поработить Польшу.

Этой лживой агитацией польской буржуазии удалось одурачить часть рабочих, а особенно мелкую буржуазию и молодежь. Не понимая, что им придется воевать за интересы польских имущих классов и империалистических держав, они стали вступать в ряды войск Пилсудского. Неудачи Красной Армии объяснялись также и тем, что ей пришлось воевать на двух фронтах — на западе против Пилсудского и на юге против войск генерала Врангеля. Немалую роль сыграла также экономическая разруха в России и плачевное состояние железных дорог, что было вызвано многолетней империалистической войной и иностранной интервенцией.

17 августа Феликс писал Ленину: «Вернулись до взятия Варшавы в Белосток. По сообщениям пленных, перебежчиков и жителей Вышкова, крестьяне относятся безучастно к войне и уклоняются от мобилизации, рабочая масса Варшавы ждет прихода Красной Армии, но сама активно не выступит за отсутствием руководителей и из-за господствующего террора. Огромная масса коммунистов арестована и увезена... ППС развивает бешеную агитацию за защиту Варшавы. Влияние ее еще большее среди квалифицированных, хорошо зарабатывающих рабочих. По-видимому, и ППС, и Пилсудский приписывают огромное значение сохранению Варшавы к моменту переговоров². Делаются облавы, и мужчин и женщин тысячами отправляют на рытье окопов. Устраивают проволочные заграждения. Пускают в ход слухи об устройстве баррикад на улицах. Для поддержания воинственного настроения поляками выпущен целый ряд воззваний, в которых отмечается, что Красная Армия утомлена и ослаблена и что, стоит ей нанести только один мощный удар,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 14.

² 17 августа в Минске началась польско-советская мирная конференция.

и вся она откатится назад очень далеко. Для этого удара мобилизуется все. Организованы женские ударные отряды. Добровольческие отряды, составленные по преимуществу из буржуазных сынков и интеллигенции, дерутся отчаянно. В добровольцы для поощрения других записываются и такие лица, как Патек¹.

Наряду с этими приготовлениями к обороне продолжается по-прежнему борьба за власть. В «Народе» от 13 августа прямо говорится о распространяющихся по городу слухах, будто бы эпдеки собираются совершить переворот в Познани, а такое намерение в такой момент клеймится как измена.

В общем, несмотря на воинственные клики, в господствующих сферах угнетенное настроение. Статьи в газетах об отношении Антанты полны горькой прони и упреков. Все польские кардиналы, архиепископы и епископы обратились с воззванием к католическому епископату всего мира за помощью, характеризуя нас как антихристов. На переговоры в Минске поляки возлагают большие надежды. В Варшаве и в польской армии масса французских офицеров. В Домбровском районе забастовка углекопов.

Дзержинский»

В тот же день, 17 августа, Феликс отправил мне из Белостока следующее письмо:

«...Вчера мы были в Вышкове, в 50 с лишним верстах от Варшавы, и вернулись в Белосток — мы думали, что уже вчера будем в Варшаве, произошла, однако, как думаю, непродолжительная отсрочка.

Странные чувства рождаются во мне при приближении к Варшаве, как будто не хочется туда ехать, а вернее это опасение, что Варшава сейчас уже не та, какой она была раньше, и что, быть может, встретит нас не так, как бы мы желали. Наша Варшава, терроризированная и наш ЦК² не сумел овладеть ни массами, ни политическим положением. Недостает там вождя — Ленина, политика-марксиста. Одно знаю: мы на переломе; борьба

¹ Патек — известный адвокат. В период революции 1905—1907 годов защищал политических заключенных. Во время польско-советской войны был министром иностранных дел польского буржуазного государства.

² Речь тут идет о ЦК Коммунистической Рабочей партии Польши.

в России превращается в международную — решается судьба мира.

У нас тут страшный хаос и миллион недостатков, как обычно вначале. Но так как мы приходим извне, а не выдвинуты внутренней борьбой в самой Польше, мы должны этот хаос преодолеть как можно скорее, ибо к нам, а не к себе будут предъявляться требования...

Тем важнее для нас помощь Москвы в указаниях, инструкциях, людях, хлебе. Не рвись поэтому сюда на Запад — у тебя столько работы, что трудно справиться. Будь здорова, поцелуй от меня Яска...

Твой Феликс».

К этому письму Феликс приложил маленькую веточку вереска из наших подваршавских лесов. Эту веточку я бережно храню.

Вернувшись в Белосток, Польревром возобновил свою энергичную деятельность.

18 августа Дзержинский сообщал по телеграфу ЦК РКП(б): «Вчера состоялась в Белостоке конференция сельских рабочих из окрестных имений. Отношение — великолепное. Многие пришли пешком за двадцать верст. снабжение города продовольствием налаживается. Из окрестных имений доставлено уже две тысячи пудов хлеба, на днях рассчитываем получить еще несколько тысяч. Земледельческие работы постепенно налаживаются. Уже работает несколько паровых плугов. Ощущается недостаток лошадей. Рогатый скот имеется. В пятницу — субботу предполагается выдавать хлебный паек пятнадцати тысячам рабочих через Центральное бюро профсоюзов и рабочие кооперативы. Имеется в запасе соль, сельди, спички, табак, папиросы. Со вчерашнего дня цена на хлеб понизилась на 50 процентов. Восемь фабрик работают. На днях откроется еще пять.

Дзержинский»

Кипучая деятельность Феликса, отдававшего все свои силы революционному делу, производила большое впечатление даже на враждебно относившихся к коммунистам людей.

«Вся польская буржуазная пресса вела против Дзержинского самую гнусную агитацию, называя его палачом, кровопийцей, — вспоминает Ф. Кон. — Всегда мог пайтись человек, который, подстрекаемый к этому, мог из-за

угла убить Дзержинского. Он это знал, но это абсолютно ни в чем не отражалось на его работе. Но стоило человеку, даже враждебно настроенному по отношению к Дзержинскому, встретиться с ним, чтобы он убедился в том, что на Дзержинского возмутительно клеветают. Даже ксендз в Вышкове, у которого Дзержинский вместе с другими членами Революционного комитета остановился на несколько часов, не мог не выразить своего удивления, когда Дзержинский ему сказал, кто он. Под впечатлением прочитанного о Феликсе Эдмундовиче в польских газетах он с испугом глядел на Дзержинского и вместе с тем не мог находящегося перед ним Дзержинского отождествить с тем, каким его представляли газеты...»

А сопровождавший в Вышков Временный революционный комитет Польши И. И. Скворцов-Степанов писал: «Вошнющее противоречие между тем, что кричат о Дзержинском буржуазные газеты всего мира... и действительным Дзержинским не может не поражать всякого, кто хотя бы один раз поближе встретился с ним. В самом деле, кто мог бы подумать, что этот закаленный в битвах революционный борец, с 20-летнего возраста много раз отведавший и тюрьмы, и этап, и ссылку, и каторгу, что этот «мрачный Торквемада» большевизма — удивительно деликатный, мягкий, на редкость привлекательный человек с ясной душой, с нежным сердцем? А ксендз при его большом жизненном опыте должен был сразу почувствовать это».

В Белостоке Дзержинский, как и всегда, был связан с широкими массами. Он почти ежедневно выступал на митингах и собраниях рабочих, крестьян и солдат, организовывал распространение воззваний Польревкома, выезжал на фронт, в действующую армию, налаживал работу советского государственного аппарата.

Один из участников собрания текстильщиков Белостока, на котором выступал Дзержинский, характеризует его следующими словами: «Душа, не человек, выслушает, посоветует, разъяснит. Именно такой вождь нам и нужен».

«Трудно, почти невысказимо отобразить в словах ту энергию, какую Дзержинский проявлял в эти памятные дни, — писал Ф. Кон, — причем все делалось им так естественно и просто, что только самые близкие к нему люди могли оценить всю значительность его работы...»

Ведя дело с большим эптузназмом, фактически будучи душой тогдашнего Польского ревкома, он внешне ничем не выделялся от других. И только когда над Красной Армией нависла опасность, Дзержинский сразу стал заметен для всех. Каждое сказанное им тогда слово, словно стрела, пронизывало всех, к кому бы он ни обращался, — к рядовому красноармейцу, к командующему армией, к шоферу, к ямщику или к кому-либо из товарищей по ревсовету. Случилось как-то так, что он сразу превратился в распорядителя всеми мероприятиями, а окружавшие его — в исполнителей. Ему никто не прекословил. Все молча признали в нем вождя.

Ему угрожала самая большая опасность, но на это он не обращал внимания и отступал последний, сам наблюдая за отступлением каждого отряда, сам руководя отправкой раненых».

Феликс Кон говорил мне, что Дзержинский выехал из Белостока в Минск последним, только тогда, когда убедился, что опасность паники миновала и что эвакуация раненых и белостокских работников Ревкома закончена.

23 августа Дзержинский прибыл в Минск, где через несколько дней включился в работу Реввоенсовета Западного фронта, членом которого он был назначен еще 9 августа.

Из Минска 25 августа Феликс отправил мне следующее письмо:

«Ты наверно в обиде на меня за то, что я не написал до сих пор после оставления Белостока. Причина этому не перегрузка работой, а какое-то отсутствие воли ко всякому действию и словам после слишком сильных переживаний, потребовавших огромного напряжения внимания и воли. Опасение, что нас может постигнуть катастрофа, давно уже гнездилось в моей голове, но военные вопросы не были моим делом, и было ясно, что политическое положение требовало риска. Мы делали свое дело и... узнали о всем объеме поражения лишь тогда, когда белые были в 30 верстах от нас, не с запада, а уже с юга. Надо было сохранить полное хладнокровие, чтобы без паники одних эвакуировать, других организовать для отпора и обеспечения отступления. Кажется, ни одного из белостокских работников мы не потеряли.

Позавчера мы приехали в Минск. Военное положение еще не ясно, очевидно лишь одно, что нужны будут огромные усилия, чтобы достигнуть равновесия, а потом

перевеса... Быть может, я должен буду принять участие в работе Реввоенсовета фронта.

А в Польше у нас не весело. По-видимому, партия разгромлена и дезориентирована. Рабочий класс парализован и пассивно принимает репрессии. Население повсюду принимало нас хорошо; даже пепезовцы-рабочие присоединялись к нам, однако не чувствовалось силы, не было активных революционных действий, ожидали благоприятней от нас.

Я должен, однако, подчеркнуть, что наша Красная Армия в общем (с немногочисленными исключениями) была действительно на высоте Красной Армии и благодаря своему поведению должна была быть революционным фактором. В общем не было грабежей, солдаты понимали, что они воюют только с панами и шляхтой и что они пришли сюда не для завоевания Польши, а для ее освобождения. И я уверен, что последствия этой работы нашей Армии в скором времени обнаружатся.

Наше поражение — результат не восстания Польши против «нашествия», а нашей превышающей человеческие силы усталости и бешеной деятельности шляхетских сынов — польской белой гвардии.

Пепезовцы не дали реальной силы — они парализовали рабочий класс и позволили безнаказанно разгромить коммунистов. Они воспрепятствовали классовой борьбе в самой Польше и, таким образом, дали возможность белой гвардии организовать и ударить по утомленной Красной Армии.

Из задач, которые стоят перед тобой в Москве, самая важная сейчас — работа среди пленных. Надо их завоевать на нашу сторону, надо привить им наши принципы, чтобы потом, вернувшись в Польшу, они были заражены коммунизмом. Надо окружить их товарищеской заботой, чтобы наши слова не были мертвы. Надо их привлечь к работе в самой России, чтобы они почувствовали душу новой России, пульс ее жизни, чтобы все недочеты и недостатки они воспринимали как то, что мы преодолеваем и преодолеем. Пришли нам подробный отчет о всей работе, о людях, органах, программе, средствах и т. д.»

Задачей Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б), секретарем которого я была, в период войны с буржуазно-помещичьей Польшей было прежде всего оказывать помощь ЦК РКП(б) в проведении мобилизации коммунистов-поляков на Западный и Юго-Западный фронты. Эта

работа была возложена на меня. В Советской России было тогда огромное количество коммунистов-поляков. С разных концов России: из Петрограда, с Украины, с Северного Кавказа, из Нижнего Новгорода и других городов Поволжья, с Урала, Сибири — ежедневно по призыву Центрального Комитета съезжались в Москву десятки коммунистов-поляков. Они являлись в Польское бюро. С каждым из них я беседовала, подробно и всесторонне выясняя, из каких мест Польши происходит, какую может вести партийную или хозяйственную работу, каковы его семейные условия, и в зависимости от ответов направляла их в учетно-распределительный отдел ЦК со своим мнением, кого на какой фронт целесообразнее отправить — Западный или Юго-Западный — и для какой работы кто подходит.

Другой чрезвычайно важной задачей Польского бюро в это время была работа среди польских военнопленных. Прежде всего нужно было позаботиться, чтобы их поместили в подходящие условия, чтобы питание их было соответствующим (т. е. как у красноармейцев или командиров Красной Армии). Бюро занималось подбором и посылкой политработников для агитработы в лагеря военнопленных. Польское бюро продолжало издавать для польского населения в РСФСР свой еженедельник «Трибуна Комунистычна».

Много времени заняла у нас подготовка специального агитпоезда для освобожденных районов Польши. Этот поезд, организованный Отделом агитпоездов при ВЦИК, возглавлявшимся Буровым, должен был быть передан Временному революционному комитету Польши. Поезд состоял из спальных вагонов и ряда специально устроенных вагонов с типографией, библиотекой польских книг, с вагоном-салонном для собраний и вагоном-рестораном. Предполагалось, что работники этого поезда будут издавать воззвания, листовки, может быть, газету и вести устную агитацию.

На вагонах с внешней стороны были нарисованы масляной краской картины агитационного характера и написаны лозунги на польском языке, рассчитанные на рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию. Лозунги эти, разумеется, были составлены Польским бюро. Многие часы проводили мы, члены Польского бюро, на вокзале, в настоящее время называемом Белорусским, где на запасном пути стоял этот польский агитпоезд. Мы прове-

ряли, не вкрались ли ошибки в надписях, правильно ли сделаны картины. Поезд был уже совершенно готов. Его сфотографировали. Оказалось, однако, что он не может быть отправлен в Польшу в связи с изменившимся военным положением.

Как я позднее узнала, наша работа по подготовке агитпоезда все же не пропала даром. Поезд этот объезжал Белоруссию, обслуживал жившее там польское население, а также лагеря польских военнопленных, среди которых проводилась большая агитационная работа. По словам тов. Бурова, фотографии этого поезда были переданы в Государственный музей Революции в Москве.

* * *

Вступление Красной Армии на территорию Польши подняло революционное настроение рабочих капиталистических государств: Англии, Франции, США, Италии и др. Усилилось массовое движение под лозунгом: «Руки прочь от Советской России!» Рабочие отказывались грузить оружие для буржуазной Польши, устраивали забастовки. Еще 12 августа в Англии возник «Комитет действия» для борьбы с вмешательством английского правительства в войну Польши против Советской России.

Левые шведские социалисты издали Манифест, протестующий против третьего похода Антанты на Советскую страну.

Международный конгресс моряков принял решение, призывающее не перевозить оружие для Польши и Врангеля.

В Париже и Страсбурге состоялись массовые демонстрации и митинги протеста против нападения Польши на Россию.

С протестом против снабжения Польши оружием выступили также австрийские рабочие.

В конце августа советские войска на Западном фронте получили подкрепление, остановили наступление войск Пилсудского и готовились к новому наступлению.

Об этом Феликс писал мне 30 августа из Минска следующее: «Положение на фронте должно вскоре измениться в нашу пользу, приехали уже (воинские части) из Питера, привезли колоссальный энтузиазм, а у поляков нет, по-видимому, достаточно сил, чтобы развернуть во всей полноте успех и временное преимущество. Не шатаю, однако, иллюзий, что победа легко вернется к нам —

нужно еще в течение длительного времени напрягать все свои силы.

И злит меня, что в такое время я не умею развернуть свою энергию... Ведется военная подготовительная работа. Я, собственно, мог бы приехать на несколько дней в Москву, но не хочу этого делать, руководствуясь побуждениями исключительно личного характера: вернуться, не доехав до Варшавы, — досадно».

В следующем письме из Минска, от 12 сентября, Феликс писал: «Не знаю, смогу ли до выяснения военно-политической обстановки вернуться в Москву и взять отпуск. Сейчас, хотя, собственно говоря, и нет у меня никакой определенной работы, уехать отсюда было бы неправильно. Приходится поэтому тут сидеть, кое-что делать и... быть терпеливым. Фронт лихорадочно работает, готовится к новым боям... Польская работа пока прозябает, я обращаю больше внимания на ЧК и Особый отдел. Живу вместе с Юлианом¹ и Герсоном²... В армию выехал Кон и Будкевич. Пестковский пошел в Политотдел вместо Радванского... Погода несносная, не могу сказать, что я доволен собой, скорее недоволен, впрочем это глупое время пройдет».

Несмотря на достигнутый в результате предпринятых мер перевес сил Красной Армии, Советское правительство, желая избежать зимней военной кампании, по инициативе Ленина снова предложило Польше заключить мир.

Польское правительство, сознавая неспособность Польши продолжать войну, приняло советское предложение.

Еще 17 августа, как упомянуто выше, начались советско-польские мирные переговоры в Минске. А 21 сентября они возобновились в Риге. 12 октября было подписано соглашение о перемирии и о предварительных условиях мира. Мирные переговоры продолжались еще несколько месяцев: мир с Польшей был окончательно заключен в Риге 18 марта 1921 года.

Итоги польско-советской войны Ленин подвел на IX Всероссийской конференции РКП(б), которая состоялась в Москве 22—25 сентября 1920 года в Кремле, в прекрасном круглом зале имени Свердлова в здании ВЦИК.

На эту конференцию приехал Дзержинский из Минска, закончив обследование работы ЧК и Особого отдела

¹ Юлиан Мархлевский.

² Вениамин Герсон — секретарь Дзержинского в ВЧК.

ЧК. Я также присутствовала на конференции в качестве гостя.

С большим нетерпением ждала я выступления В. И. Ленина. Он выступил с речью 22 сентября. Ленин констатировал в своей речи:

«Война с Польшей, вернее, июльско-августовская кампания, коренным образом изменила международное политическое положение». Тяжелое положение, создавшееся в результате отступления Красной Армии от Варшавы, по словам В. И. Ленина, вовсе не было исключительно нашим поражением. «Мы жестоко обманули,— говорил Ленин,— расчеты дипломатов на нашу слабость и доказали, что Польша нас победить не может, мы же недалеко от победы над Польшей и были и есть. Затем, мы и сейчас имеем сотню верст завоеванной территории. Наконец, наше продвижение к Варшаве оказало столь могучее воздействие на Западную Европу и всю мировую ситуацию, что совершенно нарушило соотношение борющихся внутренних и внешних политических сил.

...Другим последствием нашего пребывания под Варшавой было могущественное воздействие на революционное движение Европы, особенно Англии»¹.

Ленин имел в виду возникновение в Англии «Комитета действия», который, по его словам, был подобен русскому ЦИК после Февральской революции 1917 года, когда там хозяйничали меньшевики и эсеры.

За несколько дней до конференции или же во время самой конференции из Варшавы неожиданно приехал польский коммунист Уляповский. Это был первый партийный товарищ, прибывший из Польши с момента начала польско-советской войны. Помню, он пришел к нам в Кремль и долго рассказывал Феликсу о положении в Польше и в Коммунистической Рабочей партии Польши, а также о страшном терроре, применяемом буржуазным польским правительством, по отношению к коммунистам, городским и сельским рабочим, крестьянам, получившим или высказывавшим надежду на получение помещичьей земли из рук Польревкома.

Вот что писал орган КРПП «Громада» в № 17 от 15 ноября 1920 года о терроре в тех районах, где ранее находился Временный революционный комитет Польши: «Буржуазия утопает в рабочей крови. Мало того, что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 281—282.

она закрывает рабочие организации, бросает в тюрьмы лучших товарищей, пытается, выбрасывает с предприятий рабочих... Эксплуататоры вместе со своим правительством, возглавляемым «крестьянином» Витосом и «социалистом» Дашинским... применяют массовые убийства рабочих... Тысячами арестовывают городских и сельских рабочих, стариков, женщин, даже детей. В тюрьме их морят голодом, секут, ломают ноги, руки, ребра. Массами убивают... Через так называемые летучие военно-полевые суды... убивали рабочих по указке помещиков. Жандармы, отряды польских войск и помещики стреляли в рабочих, как в диких зверей... И сейчас буржуазия и польское правительство мстят рабочим за то, что их намерения разгромить Россию кончились ничем. Мстят за свой страх перед возможностью возникновения рабочей власти в Польше...»

Товарищ Уляновский был приглашен на IX Всероссийскую конференцию РКП(б), где выступил с докладом о положении в Польше. Выслушав этот доклад, конференция приняла резолюцию, отмечавшую, что «передовые рабочие Польши вполне солидарны с образом действий РСФСР и оценивают события последних месяцев так же, как оценивают их коммунисты России...

Конференция с удовлетворением констатирует, что «отдельные» «критические» голоса польских коммунистов, раздававшиеся в Берлине¹ (статьи в «Роте Фане»), не являлись голосом польской коммунистической партии.

В полной солидарности взглядов польских и русских коммунистов конференция видит залог того, что окончательная победа будет нашей, несмотря на все тяжести предстоящей еще борьбы».

IX Всероссийская конференция РКП(б) постановила создать Центральную Контрольную комиссию, «которая должна состоять из товарищей, имеющих наибольшую партийную подготовку, наиболее опытных, беспристрастных и способных осуществлять строго партийный контроль».

Временно, до партийного съезда, конференция утвердила состав Контрольной комиссии, в которую наряду с другими товарищами вошли два члена ЦК. Одним из них был Феликс Дзержинский.

¹ Одним из этих «голосов» была статья Домского (Генриха Штейн-Каменского), позднее троцкиста.

Это было доказательством величайшего доверия к Дзержинскому со стороны В. И. Ленина и конференции, которая вынесла решение о том, что члены ЦК не должны избираться в ЦКК.

В последних числах сентября 1920 года Феликс после длительной, напряженной, нервной и изнурительной работы получил отпуск. Е. Д. Стасова, которая в то время была секретарем ЦК РКП(б), в своих воспоминаниях писала об огромной заботе Владимира Ильича о товарищах, и в частности о Дзержинском: «Когда В. И. Ленин узнал, что Ф. Э. Дзержинский доработался до кровохарканья, — пишет Стасова, — он позвонил мне и предложил записать решение ЦК о том, что Дзержинскому предписывается поехать на две недели в отпуск в Нарофоминск. Тогда в Нарофоминске был лучший под Москвой совхоз, и Дзержинский мог получить там хорошее питание. Владимир Ильич, продумывавший все до мелочей, учитывал и то, что в совхозе отсутствовал телефон, следовательно, Дзержинский не будет звонить в Москву и поэтому лучше сможет отдохнуть».

У Феликса не было тогда желания брать отпуск, но он был очень дисциплинирован и выполнил директиву ЦК. Мы поехали втроем (Феликс, я и Ясик) не в город Нарофоминск, а в Нарофоминский уезд, в совхоз Любаново, куда нас отвез на машине А. Я. Беленький. Нам отвели комнатку в доме, где находилось правление совхоза. Телефона в совхозе действительно не было, и Феликс был полностью оторван от Москвы и работы.

Мы пробыли там около двух недель, за это время только один раз, в середине нашего пребывания там, А. Я. Беленький привез газеты за прошедшую неделю. Целые дни мы проводили на воздухе, гуляли и раз даже катались на лодке по небольшой речушке. Феликс очень любил грести. Он наслаждался природой и возможностью быть вместе с сыном, которого вообще видел очень редко, а тем летом вовсе не видел.

Упражняясь в стрельбе из револьвера и охотничьей двустволки (а стрелял он очень метко), Феликс убил однажды ястреба к большому удовольствию Ясика. Ястреб упал на верхушку высокой ели и застрял там. Феликс влез на дерево и радовался как ребенок, когда ему удалось достать с самой верхушки ястреба. Он собственноручно набил чучело ястреба, и получилось это у него очень удачно.

Во время отпуска Феликс отоспался за все проведенные за работой бессонные ночи и с новыми силами вернулся в Москву к своей напряженной деятельности.

Через несколько дней после нашего возвращения в Москву, 15 октября, Центральный Комитет РКП(б) назначил Феликса Эдмундовича председателем Комиссии для выработки мер по усилению охраны государственной границы, а 20 октября Совет Труда и Оборона (СТО) назначил его председателем Московского комитета Оборона.

Уже 26 октября Ф. Э. Дзержинский выступил с докладом о работе Московского комитета Оборона на пленуме Московского Совета рабочих депутатов.

* * *

В конце сентября 1920 года в Москву вернулся Э. Прухняк и снова приступил к исполнению своих обязанностей секретаря Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б). Я вернулась на работу в области народного просвещения, получив назначение заведующей польской школой при детском доме имени Розы Люксембург в Москве, в Хлебном переулке.

Большой друг детей

Феликс горячо любил детей за чистоту их души, за их непосредственность, за то, что они не знают фальши и лицемерия, присущих часто взрослым людям в капиталистическом обществе. В тюрьме и на свободе, полный забот о партийных делах, обращал он свои мысли и чувства к детям. В них он видел будущее человечества, им, юному поколению, должны были достаться плоды его неутомимой работы, его самоотверженной борьбы. 6 октября 1902 года Дзержинский писал своей сестре Альдоне: «Не знаю почему я люблю детей так, как никого другого... Я никогда не сумел бы так полюбить женщину, как их люблю, и я думаю, что *собственных* детей я не мог бы любить больше, чем несобственных... В особенно тяжкие минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребенка, подкидыша, и ношусь с ним, и нам хорошо. Я живу для него, ощущаю его около себя, он любит меня той детской любовью, в которой нет фальши... Часто, часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо, как я...»

С болью думал Феликс о судьбе пролетарских детей. «Я встречал в жизни детей,— писал он 21 октября 1901 года из Седлецкой тюрьмы сестре Альдоне,— маленьких, слабеньких детей с глазами и речью людей старых,— о, это ужасно! Нужда, отсутствие семейной теплоты, отсутствие матери, воспитание только на улице, в пивной превращают этих детей в мучеников, ибо они несут в своем молодом, маленьком тельце яд жизни, испорченность. Это ужасно...»

В своих тюремных письмах периода 1897—1902 годов Феликс, высказывая свою любовь к детям, делился с Альдоной взглядами на то, как следует их воспитывать, чтобы они не выросли эгоистами, чтобы были честными и сильными духом, чтобы не давали себя сломить никаким страданиям, чтобы умели жить для других. Феликс писал, что если они будут жить только для себя и заботиться лишь о своем благополучии, то горе им. В своих письмах Феликс подчеркивал, что только любовью и добротой можно правильно воспитать ребенка, и предостерегал сестру от применения розог или иных телесных наказаний. «Розга и чрезмерная строгость,— писал он,— учат их лицемерию и фальши, учат чувствовать и желать одно, а говорить и делать другое из-за страха... Всякое наказание, исходящее извне, никогда никого исправить не может, а только искалечит... Исправить может только такое средство, которое заставит виновного осознать, что он поступил плохо, что надо жить и поступать иначе... Розги и телесное наказание для ребят — это проклятие для человечества. Запугиванием можно вырастить в ребенке только низость, испорченность, лицемерие, подлую трусость, карьеризм. Страх не научит детей отличать добро от зла...»

Я уже писала выше, как горячо любил Феликс своего собственного сына и как заботился о том, чтобы он вырос человеком в подлинном смысле слова. Феликс был лишен счастья видеть своего сына в детском возрасте и влиять на формирование его души. Он вынужден был ограничиваться высказыванием своего мнения и советом по этому вопросу лишь в письмах. О них я писала выше.

Любовь к детям Феликс сохранил до конца своей жизни. И когда Советскую Россию в результате империалистической и гражданской войн постиг голод, Феликс Эдмундович возглавил борьбу за улучшение жизни детей, борьбу с их беспризорностью.

Советская власть с самого начала своего существования, несмотря на тяжелые условия, в каких находилась страна, несмотря на необходимость сосредоточить главное внимание на борьбе с интервентами и внутренней контрреволюцией, окружала детей особой заботой. Изданный в 1919 году специальный декрет Совета Народных Комиссаров предписывал органам снабжения выдавать всем детям до 14 лет продукты питания бесплатно, за счет государства. Вскоре после Октябрьской революции по инициативе В. И. Ленина при Наркомпросе был организован Совет охраны детей, состоявший из представителей наркоматов здравоохранения, просвещения, внутренних дел, социального обеспечения и др. Возглавил совет Ф. Э. Дзержинский.

По поручению этого совета А. Д. Калинина в конце 1920 года объездила освобожденные от белогвардейцев юго-восточные районы Европейской России, чтобы выяснить, в каких условиях находятся там дети. Вернувшись в Москву, она вручила Ф. Э. Дзержинскому письменный отчет о своей поездке. В этом отчете она так описывает положение детей: «Война, голод и эпидемии с каждым часом все больше и больше уносят в могилу отцов и матерей. Количество сирот и беспризорных детей растет с ужасающей быстротой. Дети, как это наблюдается во всех не только голодающих, но и производящих губерниях... десятками ходят голодные, холодные по миру за подающими, научаются разврату, обворовывают и наводят панику и ужас на села и деревни...»¹

А. Д. Калинина сообщала далее, что количество беспризорных детей дошло до катастрофических размеров, дети неорганизованной, беспорядочной массой направляются куда-то на юг, где тепло и не голодно. По пути они объединяются, создают настоящие эшелоны, располагаясь на больших узловых станциях целыми лагерями. Этот детский поток растет со дня на день и принимает угрожающий характер. В поисках выхода из этого положения начальник эвакуационного пункта Кавказского фронта издал совершенно недопустимый приказ: поставить заслон и не пропускать ни одного такого ребенка в пределы Кавказа. Такие же заслоны поставлены на Дону и в других местах. Ребенок попадает тут, как в западню, и, куда бы ни повернулся, всюду наталкивается на оружие. Он дичает,

¹ ЦГАОР, ф. 5207, оп. 1, ед. хр. 43, л. 7—16.

станвится похож на зверепыша, начинает искать средства, чтобы прорвать эту сеть любым способом, даже оружием.

А. Д. Калинина посетила и детские приюты во многих губерниях центральной и восточной части Европейской России и сообщила Феликсу Эдмундовичу о их невероятно тяжелом положении. Дети в этих приютах страдали от голода и холода, чесотки и других болезней.

В детских домах, рассчитанных на 40—50 детей, находились 150—200. Дети спали по 6—8 человек на одной койке, ели из консервных банок просто руками. В ряде губерний ощущался страшный недостаток одежды, обуви, одеял. Не было даже тряпья на обмотки. Дети ходили босиком и обмораживали ноги.

Ознакомившись с отчетом Калининой, Дзержинский вызвал ее к себе и внимательно выслушал.

Бывшая заведующая отделом кадров политсекретариата НКПС Б. М. Барова рассказывает, что Дзержинский, ознакомившись с материалами об ужасающем положении беспризорных и голодающих детей, немедленно позвонил Владимиру Ильичу, советуясь, как бороться с этой бедой.

С этого момента началась борьба Ф. Э. Дзержинского за детей. Нужно было немедленно принимать меры, чтобы спасти сотни тысяч детей от голодной смерти, улучшить положение детей в приютах и детских домах.

27 января 1921 года при Президиуме ВЦИК была создана Комиссия по улучшению жизни детей. Ее председателем был назначен Ф. Э. Дзержинский.

Как видно из протокола заседания Президиума ВЦИК от 27 января 1921 года, этой комиссии были присвоены функции контроля и помощи. Деткомиссия состояла из 7 человек, каждый из которых должен был быть утвержден Президиумом ВЦИК. Кроме Дзержинского, председателя, в комиссию входили представители народных комиссариатов снабжения, здравоохранения и просвещения, рабоче-крестьянской инспекции, ВЦСПС и ВЧК. От ВЧК в Деткомиссию в качестве заместителя Дзержинского вошел тов. Корнев.

Вот что писал о возникновении этой комиссии А. В. Луначарский:

«В один из дней того периода Феликс Эдмундович позвонил мне и предупредил меня, что сейчас придет для обсуждения важного вопроса... Феликс Эдмундович вошел

ко мне, как всегда, горящий и торопливый. Кто встречал его, знает эту манеру: он говорил всегда, словно торопясь, словно в сознании, что времени отпущено недостаточно и что все делается спешно. Слова волнами догоняли другие слова, как будто они все торопились превратиться в дело.

Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью, сказал мне Дзержинский. Я пришел к этому выводу... исходя из двух соображений. Во-первых, это же ужасное бедствие. Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них. Плоды революции — не нам, а им. А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой. Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под силу. Нужна широкая помощь всей советской общественности. Нужно создать при ВЦИК, конечно при ближайшем участии Наркомпроса, широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле. Я уже говорил кое с кем; я хотел бы стать сам во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК. К этому меня побуждает второе соображение: я думаю, что наш аппарат один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются. А между тем даже в таком деле, как спасение и снабжение детей, встречается и халатность, и даже хищничество. Мы все больше переходим к мирному строительству; я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?.. Тут нужна большая четкость, быстрота и энергия. Нужен контроль, нужно постоянно побуждать, тормозить. Я думаю, мы всего этого достигнем».

В тот же день, 27 января 1921 года, сразу после утверждения Президиумом ВЦИК Комиссии по улучшению жизни детей, Дзержинский направил циркулярное письмо ВЧК всем местным ЧК «О принятии срочных мер по улучшению жизни детей». В этом письме сказано:

«Сейчас пришло время, когда, вздохнув легче на внешних фронтах, Советская власть может со всей энергией взяться и за это дело, обратить свое внимание в первую очередь на заботу о детях, этой будущей нашей опоре коммунистического строя.

И чрезвычайные комиссии, как органы диктатуры пролетариата, не могут остаться в стороне от этой заботы, и они должны помочь всем, чем могут, Советской власти в ее работе по охране и снабжению детей. Для этой цели, чтобы втянуть аппарат ЧК, Президиум ВЦИК назначил меня председателем упомянутой комиссии при ВЦИК по улучшению жизни детей. Пусть это будет указанием и сигналом для всех чрезвычайных комиссий.

Каждая чрезвычайная комиссия должна рассмотреть, что и как она может сделать для детей, назначив для этой работы ответственного руководителя и подыскав соответствующих работников... Работа чрезвычайных комиссий в этой области будет, однако, плодотворна лишь при том условии, если она будет проводиться не параллельно с работой органов, ведающих обеспечением и снабжением детей, а в ближайшем с ними контакте, в согласии с ними.

С этой целью губернские чрезвычайные комиссии должны немедленно связаться с соответствующими отделами Наробраза, Наркомздрава, Собеса, Компрода и др. и оказывать им всяческое содействие и поддержку в их работе, получая от них задания и давая им свою информацию».

Дальше Феликс Эдмундович подробно перечислял задачи чрезвычайных комиссий в борьбе за улучшение жизни детей: обследовать положение и выявить количество беспризорных детей в соответствующей губернии, состоянии всех детских учреждений; наблюдать за тем, чтобы точно выполнялись декреты о детском питании и снабжении; постоянно оказывать помощь губернским советским учреждениям в деле питания и снабжения детей; следить за тем, чтобы детские учреждения были обеспечены соответствующими помещениями, снабжены достаточным количеством топлива и предметами оборудования; выявлять всякого рода хищения, злоупотребления, факты преступного отношения к детям и разгильдяйства и привлекать виновных к ответственности через Ревтрибунал и народные суды. Письмо Дзержинского обязывало районные транспортные ЧК заботиться о беспризорных детях на железнодорожных вокзалах и в поездах и помогать отделам народного образования в организации распределителей и домов для этих детей. Письмо заканчивалось словами: «Забота о детях есть лучшее средство истребления контрреволюции».

В советской периодической печати появился ряд статей, отмечавших создание Комиссии ВЦИК по улучшению

жизни детей и назначение ее председателем Ф. Э. Дзержинского как поворотный момент в жизни советских детей. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский в статье «Защита детей» писал: «Я был бесконечно обрадован, когда узнал, что Ф. Э. Дзержинский с его неукротимой энергией и его золотым сердцем согласен взять на себя общее руководство таким органом».

В Деткомиссии ВЦИК было создано 14 подкомиссий, немедленно развернувших огромную работу. Заседания Деткомиссии проводились два раза в неделю.

К борьбе с детской беспризорностью Дзержинский привлек профсоюзы, комсомол и женотделы, а также представителей отделов охраны труда детей и Высшего совета физической культуры. Стремясь установить действительное положение детских учреждений для оказания им помощи и устранения недостатков в их работе, Деткомиссия приступила к обследованию детских учреждений по всей стране. Обследование было поручено Народному комиссариату рабоче-крестьянской инспекции с привлечением всех учреждений, обслуживающих детей, и названных выше общественных организаций, а также рабочих, крестьян и педагогического персонала. Всероссийское обследование школ, детских садов, детских яслей, детских домов, колоний, приемников, детских столовых вскрыло явно неудовлетворительное состояние детских учреждений почти во всех губерниях РСФСР.

Деткомиссия ВЦИК напомнила всем губернским исполнительным комитетам Советов и уполномоченным по борьбе за улучшение жизни детей о том, что «для детей в Советской России нет ни судов, ни тюрем»; губисполкомам было поручено немедленно создать комиссии по делам несовершеннолетних там, где их еще не было, а также организовать детские дома.

Губернским отделам народного образования и женотделам предложили увеличить количество работников для юридической защиты детей. При вокзалах были организованы убежища для беспризорных детей, снятых с поездов; на железных дорогах, вокзалах и пристанях ввели постоянные дежурства специальных инспекторов.

16 марта 1921 года был издан приказ по войскам ВЧК, в котором сообщалось о создании Деткомиссии ВЦИК во главе с Ф. Э. Дзержинским. Приказ разъяснял задачи Деткомиссии и поручал командирам и политработникам войск ВЧК оказывать всяческую помощь органам защиты

прав детей и губернским уполномоченным по борьбе за улучшение жизни детей.

Согласно распоряжению В. И. Ленина, лучшие загородные дачи и здания в совхозах были переданы под детские учреждения. Специальный декрет обязывал транспорт отправлять поезда с продуктами питания для детских учреждений без всякой задержки наравне с воинскими эшелонами.

Когда Дзержинский узнал, что Особый отдел Тамбовской ЧК занял только что отремонтированный дом, а помещения для детской больницы не было, он 14 апреля 1921 года отправил следующую телеграмму председателю Тамбовской губчека: «Немедленно примите меры к полному оказанию содействия и изысканию средств для помощи губуполномоченному по улучшению жизни детей. Занятый особотделом отремонтированный дом передать под детскую больницу, а также отведенные огороды. Вопрос улучшения жизни детей — один из важных вопросов республики, и губчека должна идти всемерно навстречу, а не ставить препятствий.

Пред. ВЧК Дзержинский».

Уже в первом полугодии своего существования Деткомиссия ВЦИК добилась значительных результатов. Она привлекла внимание государственных учреждений и общественных организаций к вопросу о детях. Объединились усилия разных учреждений, направленные на улучшение жизни детей, были увеличены предназначенные для этого материальные средства.

Весной 1921 года было организовано 26 школ-санаториев для больных детей. Летом этого же года количество летних детских лагерей увеличилось в 3—4 раза по сравнению с 1920 годом. Значительно улучшилось снабжение детей в детских домах, детсадах, детяслях и школах бельем, одеждой, обувью.

Для оказания помощи детям Украины, особенно пострадавшей в итоге гражданской войны и интервенции, было послано 9 вагонов тканей, обуви, одежды и других необходимых вещей для детских домов. Была оказана материальная помощь детским учреждениям Ярославской, Тамбовской и других губерний.

В Москве и Московской губернии в течение весны 1921 года было обследовано 250 детских учреждений и оказана необходимая помощь.

В результате засухи 1920 года и еще более сильной засухи и неурожая в Поволжье и в части Украины в 1921 году (всего в 34 губерниях с 30-миллионным населением, из которых 30% составляли дети) осенью 1921 года царил страшный голод. Чрезвычайно ухудшилось положение детей, количество беспризорных выросло до небывалых размеров.

В августе Деткомиссия приступила к организации переселения детей из Поволжья в местности, не пораженные неурожаем. Детей вывозили целыми коллективами, в основном в возрасте от 6 до 14 лет. Следует отметить, что советские люди с готовностью оказывали помощь государству в спасении голодающих детей.

Уже в августе Ф. Э. Дзержинский получил сообщение, что Украина может принять 25 тыс. детей, Сибирь — 10 тыс., Витебская губерния — 5 тыс., Туркестан — 10 тыс., Новгородская губерния — 5 тыс. детей.

Огромная волна детей из голодающих губерний хлынула в Москву и другие города Центральной России. Пришлось и в Москве организовать для них большую сеть детских домов. Беспризорные дети ютились в подвалах, в больших котлах для варки асфальта. По поручению Дзержинского в Москве освободили много особняков и отдали под детские дома. Для детских домов не хватало столов, скамеек, кухонной утвари и столовой посуды. Дзержинский лично следил за устройством и оборудованием детских домов, за снабжением их всем необходимым: мебелью, посудой, одеждой, бельем, обувью, топливом, продуктами питания. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма сохранилась собственноручная записка Феликса Эдмундовича: «120 тысяч кружек, нужно сшить 32 тыс. ватных пальто, нужен материал на 40 тыс. детских платьев и костюмов, нет кожи для подошв к 10 тыс. пар обуви» и т. д.

Советское государство приняло решительные меры для ликвидации голода и снабжения Москвы, Петрограда и других городов продуктами питания, а губерний, пораженных неурожаем и голодом, также зерном для посева весной. Это было сделано осенью и зимой 1921—1922 годов.

В марте 1922 года по предложению комиссии тов. Леплевского, выделенной Совнаркомом, Президиум ВЦИК принял постановление о ликвидации Деткомиссии, по-видимому считая, что эта комиссия выполнила свою роль. Узнав об этом, Дзержинский 25 марта послал Председа-

телю ВЦИК М. И. Калинину письмо с протестом против постановления о ликвидации Деткомиссии. В этом письме сказано: «...вношу свой категорический протест против подобного постановления и считаю, что с той помощью детям, которую до сих пор оказывала Комиссия ВЦИК, другое ведомство абсолютно не в состоянии будет справиться... а потому прошу Президиум ВЦИК об аннулировании вышеуказанного постановления.

Председатель Комиссии ВЦИК
по улучшению жизни детей Ф. Д.»¹.

Протест Дзержинского возымел действие, и Деткомиссия ВЦИК продолжала свою работу.

Дзержинский систематически знакомился по поступающим информациям с состоянием детдомов. Он выступил с предложением прикрепить детские учреждения к промышленным предприятиям, советским и военным учреждениям для их шефства над детьми.

По инициативе Дзержинского Деткомиссия ВЦИК поручила местным органам просвещения улучшить снабжение школ продовольствием, бельем и одеждой и для этого создать собственные пошивочные мастерские.

Не забыл он также и такого важного вопроса, как учебники и книжки для школ и вновь созданных детских домов. Для этого президиум Деткомиссии ВЦИК выступил с предложением издать книги и школьные учебные пособия для детей. По инициативе Деткомиссии была организована сеть лечебно-профилактических медпунктов и таких же поездов. Деткомиссия систематически проверяла их работу. Были также организованы отряды врачей для борьбы с массовым заболеванием трахомой.

О результатах работы Деткомиссии ВЦИК Дзержинский информировал высшие партийные и советские органы, и в самые трудные для государства и для детей моменты он обращался за помощью в эти инстанции.

По инициативе Дзержинского при активном участии чекистов были созданы детские трудовые коммуны, которые перевоспитали тысячи беспризорных детей. Одной из первых была создана Болшевская коммуна под Москвой, которую часто посещал Дзержинский. После его смерти ей было присвоено имя Дзержинского.

¹ ЦПА ИМЛ.

Старая большевичка Аппа Сергеевна Курская приводит следующие слова Феликса Эдмундовича о создании трудовых коммун для беспризорников, сказанные им однажды осенью 1921 года в разговоре с Анной Сергеевной и ее мужем наркомюстом Дмитрием Ивановичем Курским:

«Не поверите, но эти чумазы — мои лучшие друзья. Среди них я нахожу отдых. Сколько бы талантов погибло, если бы мы их не подобрали! Всеу их надо учить: и рожницу вымыть, и из карманов не тянуть, и книжку полюбить, а вот общественной организованности, мужеству, выдержке — этому они нас поучить могут. Стойкость какая, солидарность — никогда друг друга не выдадут...»

Трудовые коммуны воспитали из беспризорников и правонарушителей честных советских людей. Дзержинский заботился не только о материальном положении этих детских учреждений, но и о правильном воспитании детей, об их моральном оздоровлении. Он считал, что важнейшим фактором морального оздоровления деморализованных детей является общественно полезный труд, доверие к ним, а также самоуправление детей под руководством опытных педагогов.

В связи с этим по инициативе Ф. Э. Дзержинского в детских коммунах были организованы различные производственные мастерские, а в сельских местностях — земледельческие хозяйства. В то же время Дзержинский рассчитывал на то, что эти мастерские и хозяйства будут дополнительным средством улучшения материального положения коммун.

20 июля 1936 года, в десятую годовщину со дня смерти Феликса Эдмундовича Дзержинского, в «Правде» была напечатана статья А. Макаренко об одной из трудовых коммун, созданных при помощи чекистов. Статья была озаглавлена «Прекрасный памятник». Этим «памятником» А. Макаренко справедливо назвал трудовую коммуну имени Ф. Э. Дзержинского в Харькове.

«Как прекрасна была жизнь Феликса Эдмундовича, — сказано в этой статье, — так же прекрасна история коммунаров. Ни одного дня в ее истории не было такого, когда бы имя Ф. Э. Дзержинского звучало укором. И это случилось вовсе не потому, что в коммуну приходили какие-либо особые дети, здоровые и радостные. В коммуну приходили именно те, о которых Ф. Э. Дзержинский сказал: «Сколько их искалечено борьбой и нуждой!»»

Главное в воспитании беспризорников и несовершеннолетних правонарушителей, пишет дальше Макаренко, — это «новое отношение к человеку, новая позиция человека в коллективе, новая о нем забота и новое внимание. И только поэтому искалеченные дети, пришедшие в коммуну, переставали нести на себе проклятие людей «третьего сорта». Они становились дзержинцами. Вот ты пришел в коммуну, — ты только воспитанник; ты уже пошел вперед, — ты получаешь звание коммунара, наконец, ты ведешь других, ты борешься впереди, ты хорошо знаешь, за что борешься, — ты получаешь звание коммунар-дзержинца».

Многие воспитанники Харьковской коммуны стали потом инженерами, врачами, педагогами, летчиками, актерами и т. д. В своей жизни они нашли те пути, за которые боролся Ф. Э. Дзержинский.

Дзержинский от имени Деткомиссии ВЦИК вместе с народным комиссаром здравоохранения Н. А. Семашко в сентябре 1922 года послал циркулярное письмо всем губернским и уездным уполномоченным по делам улучшения жизни детей. В этом письме Феликс Эдмундович снова обращал внимание уполномоченных на необходимость укрепления и расширения сети детских учреждений, и особенно детских домов. В связи с тяжелым экономическим положением Советской России и непреодоленным еще голодом выполнение этого задания было связано с большими финансовыми трудностями. Ни центральные, ни местные государственные органы не были в состоянии выделить для этой цели достаточных материальных средств. Поэтому циркулярное письмо призывало уполномоченных Деткомиссии, а также губернские отделы народного образования и здравоохранения общими усилиями организовать, а там, где уже имеются, расширить производственные мастерские и земледельческие хозяйства в детских трудовых колониях, снабдить их средствами производства, облегчить продажу их продукции, тщательно и детально согласовать эту работу с требованиями педагогики, гигиены и охраны труда.

Циркуляр указывал, что введение в детских учреждениях трудовых процессов поможет воспитать детей полезными членами общества. В то же время материальные средства, полученные от продажи продукции детского труда, явятся дополнительным источником улучшения положения детских учреждений, жизни и быта детей.

Феликс Эдмундович неоднократно лично посещал детские учреждения в Москве, ознакомился с их состоянием, пробовал еду, записывал недостатки, чтобы помочь их устранить. Вместе с В. И. Лениным и Н. К. Крупской Ф. Э. Дзержинский посетил детский дом на 3-й Тверской-Ямской улице, в доме № 46.

Однажды мы вместе с Феликсом пошли в детскую больницу для больных трахомой. Сам Феликс в молодости, находясь в тюрьме и в ссылке в Вятской губернии, болел этой тяжелой болезнью. Феликс обошел все палаты, беседовал с больными детьми и с медицинским персоналом, подробно расспрашивал о нуждах больницы, а потом принял необходимые меры к удовлетворению этих нужд и улучшению положения в больнице. В другой раз, посетив Успенский приют, он записал у себя в блокноте:

«...Вобла, рыба — гнилые.

Сливочное масло — испорчено.

Жалоб в центр не имеют права (подавать).

Хлеба и продуктов меньше (чем полагается) выделяют».

В другой записке Феликса сказано: «Ясли Басм (ан-ный) район.

Приют на Покровке. Не хватает кроватей. Холодно. 25 грудных детей — одна няня.

На общем столе кухарка и заведующая».

Обнаружив недостатки, Феликс принимал меры к их устранению.

В течение 1921—1922 годов Деткомиссия ВЦИК провела огромную работу в области улучшения жизни детей Поволжья. Около 5 миллионов детей голодающих губерний получили питание и одежду на месте. 150 тыс. детей были переброшены в другие губернии, не пострадавшие от неурожая, и помещены во вновь организованные детские дома. Около 175 тыс. детей приняли на свое содержание профсоюзы, свыше 40 тыс. — Красная Армия, около 40 тыс. — крестьяне¹.

Осенью 1922 года, когда самые тяжелые последствия голода в Поволжье были устранены, Деткомиссия ВЦИК приступила к частичному возвращению детей домой. Это было необходимо потому, что многие дети начали самолично возвращаться в родные места. Было необходимо это еще и потому, что следовало хотя бы частично осво-

¹ ЦГАОР, оп. 5, д. 7, л. 16, 24.

бодить профсоюзы и Красную Армию от заботы по содержанию детей из Поволжья, тем более что приходилось оказывать также помощь безработным и инвалидам гражданской войны. Однако круглых сирот не отправляли назад в родные места.

А было в Советском государстве сирот к началу 1923 года около 4 миллионов, из них 3 миллиона были на содержании государства или получали помощь от него и от общественных организаций. Оставалось еще большое количество детей, нуждавшихся в немедленной помощи.

Для того чтобы спасти огромную массу осиротевших, голодающих и беспризорных детей, Москва нуждалась в помощи всей страны, и Дзержинский от имени Деткомиссии ВЦИК разослал за своей подписью обращение, в котором было сказано: «Во время голода Москва настезь распахнула двери детских домов для детей голодавшего Поволжья. Только через один Московский центральный приемник прошло 17 566 детей. Всех их Москва сберегла, полуживых выходила.

В период ликвидации голодной кампании только 12,7% общего числа голодавших детей Москва отправила на родину по желанию родителей.

Целую армию детей-сирот Москва оставила у себя, продолжает воспитание и образование их, невзирая на свои хозяйственные недостатки.

Ликвидация голодной кампании потока детей в Москве не уменьшила, а, наоборот, приумножила.

После ликвидации голодной кампании около 13 000 чел. беспризорных малышей снова стали питомцами Москвы...

Трудно найти во всей республике город или селение, откуда бы не было паломничества в Москву выброшенного за борт ребенка.

Всероссийская задача может быть выполнена только всей страной, а не губернией. Одной Москве она не под силу.

Изнемогая под этой тяготой, Москва бьет в набат и бросает громкий призыв.

Присоединяясь к ее голосу, Деткомиссия ВЦИК со своей стороны призывает все живые организации прийти на помощь в борьбе с общероссийским несчастьем — детской беспризорностью.

Председатель Деткомиссии ВЦИК
Ф. Дзержинский»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 834 (документ без даты).

На этот призыв откликнулись другие губернии, где не было такого большого наплыва детей и на которых голод так не отразился. Эти губернии организовали у себя детские дома и взяли к себе часть беспризорных детей. Но оставалось еще большое количество детей бездомных, требующих заботы и внимания. Кроме того, существовавшие детские дома находились в тяжелых условиях. В связи с этим 30 апреля — 6 мая 1923 года по всей стране была проведена «Неделя беспризорного и больного ребенка». В газете «Известия» 31 марта 1923 года было напечатано обращение Деткомиссии ВЦИК «Все на помощь детям» за подписью Ф. Дзержинского. Это обращение было перепечатано всей периодической печатью страны. В обращении сказано: «Несколько миллионов детей и сирот требуют немедленной реальной помощи... Существующая сеть детских учреждений не в силах вместить всей армии беспризорных детей, для открытия же новых не хватает средств.

Более того: и существующие учреждения, дающие приют более чем миллиону детей-сирот, недостаточно обеспечены самым необходимым... Кроме того, всем детям вообще нужна организованная медицинская помощь. Различные эпидемические заболевания косят детей. Как и до войны, так, к нашему глубокому сожалению, и теперь еще детская смертность чрезвычайно, а местами угрожающе велика...

Учитывая это тяжелое положение громадного числа детей и все грозные последствия его, Деткомиссия ВЦИК, организуя совместно с Наркомпросом и Наркомздравом при деятельном участии партийных и профессиональных организаций с 30 апреля по 6 мая с. г. «Неделю беспризорного и больного ребенка», обращается ко всем рабочим и крестьянам и всем трудящимся Советской Республики с горячим призывом прийти во время ее на помощь детям.

Не стесняйтесь ни формой, ни размером вашей помощи. Помните, что только общими, объединенными усилиями широких рабоче-крестьянских масс мы можем выйти с честью из борьбы на этом тяжелом фронте детской беспризорности...»

Дальше Деткомиссия обращается к Исполкому Коминтерна, Профинтерну, Коминтерну молодежи и Межрабпому с просьбой взять на себя задачу информировать рабочих и крестьян за границей о целях и задачах про-

димой кампании и привлечь их к участию в ней. Обращение кончалось словами: «Все на помощь детям!»

Это обращение встретило широкий отклик во всей стране. Рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция щедро несли в течение «Недели беспризорного и большого ребенка» денежные пожертвования, а также одежду, белье и т. д. Многие советские семьи брали на воспитание беспризорных или осиротевших детей. Неделя помогла основать новые детские учреждения и улучшить состояние существующих.

И в последующие годы, уже после ликвидации комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей, несмотря на то что Ф. Э. Дзержинский, как председатель ВСНХ, был занят чрезвычайно трудной и поглощающей все его время работой, он не забывал о детях. В своей речи на XIV Московской губернской конференции РКП(б) о советской промышленности в декабре 1925 года Феликс Эдмундович сказал: «Я думаю, что Наркомпрос имеет колоссальнейшую работу по поднятию нашего культурного уровня. У нас масса детишек еще не ходит в школы. Сюда должны быть направлены все заботы с нашей стороны, со стороны промышленности и со стороны партии и для поддержки Наркомпроса...»

В 1926 году, за несколько месяцев до смерти, Феликс Эдмундович писал одному из своих помощников по линии ОГПУ о необходимости заняться вопросом об улучшении состояния детских домов для беспризорников. «Я уверен,— писал он,— что если бы заняться этим делом, то можно бы достигнуть огромных результатов, если в своей работе опереться на *доверие и самостоятельность и помощь самих детей*. Для этого не жаль послать хороших работников»¹.

Воспитанники детских домов и трудовых коммун с большой любовью относились к Дзержинскому, называя его «Всероссийским попечителем о детях». Они посылали ему множество сердечных писем, альбомы и фотографии трудовых коммун, групповые снимки воспитанников этих коммун, фотографии своих спален, столовых, мастерских, в которых работали, садов и огородов, библиотек и читален и т. д. с соответствующими надписями². Дети писали Дзержинскому из Крыма, Ташкента, Харькова, Полтавы,

¹ ЦПА ИМЛ.

² Несколько таких детских альбомов я передала Государственному музею Революции в Москве.

Барнаула и других местностей. Посылали отчеты о своей художественной самодеятельности, о любительских спектаклях, своих хоровых и танцевальных кружках и т. д., присылали рисунки, портреты Дзержинского. Вот два детских письма, присланных Дзержинскому: «Всероссийскому попечителю о детях товарищу Дзержинскому от бывших беспризорных детей улицы, юных пролетариев Красного Черноморья, воспитанников 1-й Черноморской детской трудовой колонии «Детский городок» от чистого детского сердца искренний привет. Помни и в будущем о беспризорных детях. Память же о твоих заботах долгие годы будет храниться в наших сердцах. Прими наш детский поцелуй».

«...Товарищ Дзержинский, будь добр, пришли нам свой увеличенный портрет из новых снимков и, если есть, свою полную биографию, так как та, которую мы изучали, по мнению старых чекистов, не полная, а мы хотим знать и изучать твою полную биографию».

Феликс Эдмундович бережно хранил эти детские письма и, несмотря на то что был перегружен работой, находил время, чтобы на них отвечать.

И польские дети в Советском Союзе знали о любви Ф. Э. Дзержинского к детям и его заботах о них. Они присылали нам свои работы. В квартире у меня до сих пор висит деревянная тарелка с портретом Феликса Эдмундовича. Портрет выжжен по дереву польскими детьми из деревни Полуево, Смоленского уезда. Этот портрет они прислали мне в подарок к 1 мая 1925 года.

Поглощенный ответственной партийной и государственной работой, Феликс Эдмундович находил все-таки время интересоваться пионерскими организациями и со многими из них поддерживал непосредственную связь. Разным пионерским отрядам было присвоено имя Дзержинского. Сообщали об этом Феликсу Эдмундовичу пионеры города Воронежа, Астрахани, Крыма и др. «Дорогой товарищ Дзержинский,— читаем в одном из этих писем,— мы, юные пионеры вновь организованного 30-го отряда Второго района г. Воронежа (при губотделе ОГПУ), шлем Вам горячий пионерский привет и сообщаем, что своему отряду мы присвоили Ваше имя, и избираем Вас почетным пионером. Называя свой отряд Вашим именем, мы даем свое крепкое пионерское слово, что будем достойны носить Ваше имя стойкого большевика-ленинца и имя нашего дорогого Ильича.

...Товарищ Дзержинский, 6 июля с. г. наш отряд дает торжественное обещание и получит Красное знамя. По-сылая Вам красную косынку, просим надеть ее 6 июля в 7 час. вечера, т. е. в то время, когда мы будем давать торжественное обещание. И если Вас не затруднит, напишите нам письмо и пришлите свою автобиографию. Все это мы хотели бы иметь к 6 июля, дню своего праздника. Да здравствует наш пионер, идейный наш вождь, твердокаменный большевик-ленинец тов. Дзержинский!

2 июля 1926 года».

На это письмо Феликс Эдмундович ответил телеграммой:

«Приветствую 30 отряд юных пионеров с днем торжественного обещания. Сегодня ваши старшие товарищи большевики-ленинцы вручат Вам Красное знамя. Это знамя означает, что вы должны крепнуть, расти и учиться, чтобы стать закаленными душой и телом, верными защитниками за дело рабочего класса, за освобождение всех трудящихся от рабства капитала. Так будьте верными и достойными внуками Ильича. С врученным вам знаменем, юные пионеры 30 отряда, воспитывайтесь по заветам Ильича. И с этим знаменем будьте всегда готовы. 6 июля 1926 г.

Ф. Дзержинский»¹.

В Центральном партийном архиве сохранился пионерский галстук и пионерский значок вместе с письмом сбора пионеров Ямского района Донецкой области. Вот отрывок из этого письма: «Мы, юные ленинцы, 950 человек детей рабочих железнодорожного транспорта Ямского района, на своем районном сборе, изучив Вашу биографию, избрали Вас почетным пионером Ямского района и посылаем к Вам двух делегатов нашего района, которым поручаем передать от имени 950 человек юных ленинцев привет и преподнести нашему почетному пионеру значок и галстук юных ленинцев, который бы всегда напоминал Вам о нас».

Прислал Дзержинскому также письмо 3-й отряд пионеров имени Дзержинского из Астрахани в составе 50 детей водников. Дети сообщают, что отряд организован в 1923 году, просят Феликса Эдмундовича прислать им

¹ ЦПА ИМЛ.

свою биографию и портрет и прилагают к письму пионерский галстук и значок для него.

Пионеры 38-го отряда имени Дзержинского при ГПУ Крыма посылают Феликсу Эдмундовичу горячие приветы, сообщают о слабой дисциплине в своем пионерском отряде и обещают исправиться¹.

Феликс Эдмундович не только интересовался жизнью пионерских организаций, но когда узнавал о каком-нибудь недостатке в работе какого-нибудь их звена, то принимал меры, чтобы устранить их и предотвратить возможность повторения этих недостатков в других пионерских организациях.

Однажды пионеры Московской опытно-показательной школы им. П. Н. Лепешинского после школьных занятий, начавшихся у них с раннего утра, были неожиданно для них и для их родителей направлены на районный слет пионеров, который продолжался до 11 часов вечера. Дети, естественно, были голодны и крайне переутомлены. Узнав об этом факте, Феликс Эдмундович на следующий же день позвонил заведующему агитпропом ЦК ВКП(б) и просил его принять меры, чтобы пионерская работа велась более организованно, с учетом возраста и физических сил учащихся. В то же время Феликс Эдмундович считал, что все члены пионерской организации должны быть дисциплинированными и строго выполнять пионерские законы, и этого же неукоснительно требовал от своего сына.

Как-то наш сын, Ясик, заболел мигренью, продолжавшейся несколько дней, и врач посоветовал давать ему чай, прибавляя в него ложечку коньяку. Ясик отказался пить чай с коньяком, ссылаясь на пионерский закон, запрещающий пионерам пить вино. Присутствовавший при этом Феликс поддержал сына, сказав: «Пусть он честно выполняет пионерский устав. А болезнь его и так пройдет. Нельзя приучать мальчика к сделкам со своей совестью».

Феликс хорошо понимал огромное значение труда в деле воспитания детей. В начале октября 1924 года, находясь на отдыхе в Крыму, он писал мне в Москву: «Ясик в этом году отдыхал и поправился, теперь он должен усердно учиться. Было бы хорошо, если бы можно было посылать его на 1—2 часа в день в какую-нибудь мастерскую».

¹ Эти письма также хранятся в ЦПА ИМЛ.

Сын наш, Ян, впоследствии в своих воспоминаниях об отце писал: «Как воспитатель отец был ко мне строг и требователен, но одновременно чуток и отзывчив. Он прививал прежде всего преданность родине, смелость, трудолюбие, скромность и честность. Он не любил давать наставлений, а воспитывал живым показом, личным примером. Больше всего он ненавидел ложь и мещанское сюсюканье, сентиментальничанье, не имеющее ничего общего с подлинным большим чувством.

Отец систематически следил за моими успехами в школе и в свободную минуту помогал мне, особенно по математике. Я всегда удивлялся его блестящей памяти, тому, как хорошо он помнил сложные алгебраические формулы, которые изучал еще в школьные годы. Отец горячо интересовался моим пребыванием в пионерском лагере, расспрашивал о жизни отряда, о моих товарищах и т. д. Особенно настойчиво он стремился привить мне трудовые навыки, дисциплину и любовь к учебе».

Не только при жизни Феликса Эдмундовича пионеры горячо любили его и стремились подражать ему.

Узнав о его смерти, пионеры выражали свою глубокую скорбь. В пионерском журнале «Барабан» № 14 (61) за июль 1926 года было помещено следующее письмо пионеров 24-го и 51-го отрядов Замоскворецкого района Москвы: «Воспитаем из себя тысячи Дзержинских.

Мы... скорбим совместно с нашими старшими братьями по поводу безвременной кончины ближайшего соратника Ильича тов. Дзержинского. Обещаем быть такими же дисциплинированными, как тов. Дзержинский. Своей работой воспитаем из пролетарских детей тысячи таких же борцов, как т. Дзержинский. Это будет для него лучшим памятником».

Прошли десятилетия после смерти Феликса Эдмундовича. Многие пионерские отряды, дружины разных городов и сел носят его имя, изучают жизнь Дзержинского и стремятся быть похожими на него. Другие пионерские дружины, детские дома и школы-интернаты борются за то, чтобы им было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского.

Пионерской дружине школы № 259 г. Москвы много лет тому назад одной из первых было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского. В день 40-летия пионерской организации имени В. И. Ленина пионеры этой школы послали мне следующее письмо:

«Мы всегда помним, что носим имя пламенного революционера, героя Октября, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Вся замечательная жизнь и деятельность Феликса Эдмундовича, который очень любил детей, для нас являются вдохновляющим примером.

Мы живем в счастливое время, когда наш народ под руководством Коммунистической партии строит коммунистическое общество.

Нам, нынешнему поколению, жить при коммунизме, нам строить коммунизм.

Будем готовить себя к тому, чтобы быть активными строителями коммунизма».

К письму был приложен рапорт дружины имени Ф. Э. Дзержинского этой школы о выполнении ею пионерской двухлетки, в котором говорится об успехах пионеров в учебе, участии их в различных кружках и об их многосторонней общественной работе.

Пионеры школы № 99 г. Москвы, ул. Чайковского, 13, писали мне 17 февраля 1958 года: «Мы провели сбор, посвященный Феликсу Эдмундовичу... потому что мы его любим, помним как бесстрашного, смелого, умного, железного и непримиримого к врагам народа, доброго, чуткого, нежного к людям и ребятам...»

Воспитанники 52-го ленинградского детского дома, ул. Марата, 64, оставшиеся сиротами после Великой Отечественной войны, писали мне в конце 1957 года: «Много раз мы читали о замечательной жизни Ф. Э. Дзержинского и всегда восхищались его героической жизнью. Мы знаем, как много (оп.— С. Д.) сделал для детей. Вот почему мы решили просить о присвоении нашей пионерской дружине имени славного большевика товарища Дзержинского. Но нам хочется еще больше узнать о его жизни. И мы обращаемся к Вам... напишите, пожалуйста, как можно больше о Феликсе Эдмундовиче...»

В марте 1958 года, в день 10-летия этого замечательного детского дома, его пионерской дружине было присвоено имя Дзержинского. Эти юные дзержинцы, переписываясь со мной, рассказывали о своей учебе, своих пионерских делах, о своей общественно полезной работе. Они прислали мне свои фотоснимки, альбом фотографий Феликса Эдмундовича, приготовленный самими ребятами, создали у себя уголок, посвященный Феликсу Эдмундо-

вичу; два раза пионеры этого детдома приезжали в Москву и навещали меня.

Расставаясь в 1961 году со своим детдомом в связи с его ликвидацией и переводом ребят в школы-интернаты, юные дзержинцы писали мне в сентябре 1961 года: «...мы навсегда сохраним светлый образ Феликса Эдмундовича... Всю свою жизнь мы будем стремиться хотя бы немного быть похожими на него».

Воспитанники киевского детдома № 13, отцы которых погибли в годы Великой Отечественной войны на полях сражений, а матери и сестры замучены в застенках гестапо и концлагерях, писали мне в марте 1957 года, что, посмотрев фильм «Вихри враждебные», они «увидели образ великой человеческой души, кристально чистый и смелый, увидели подлинного борца за счастье людей, отдавшего всю свою жизнь до последнего удара сердца делу коммунизма... и каждый из нас дал клятву — быть в жизни таким, как наш дорогой и любимый Феликс Эдмундович, любить родину так, как он любил, любить партию так, как любил он, быть таким смелым, мужественным и бесстрашным в борьбе с врагами революции, жить и учиться по Дзержинскому».

Учащиеся керченской средней школы-интерната № 1 и пионеры 67-й средней школы г. Львова писали мне в 1961 году о том, что они борются за право «носить имя славного сына Коммунистической партии Феликса Эдмундовича Дзержинского». Завоевали уже это право школа № 3 г. Ессентуки и многие другие. Пионеры харьковской (бывшей железнодорожной, а ныне средней) школы № 73 с большой любовью пишут мне о Феликсе Эдмундовиче и сообщают, что им уже присвоено имя Дзержинского, рассказывают о своих славных делах: к XXII съезду КПСС они отправили целый эшелон с собранным ими металлоломом для нефтепровода «Дружба», собрали много макулатуры и принимали участие в посадке липовой аллеи в честь XXII съезда партии. Знакомятся с жизнью и деятельностью Феликса Эдмундовича пионеры школы № 1 имени Янки Купалы в г. Молодечно (БССР).

Летом 1961 года они побывали в г. Ивентце, где ознакомились с музеем Ф. Э. Дзержинского, встретились с лицами, знавшими родных Феликса Эдмундовича, посетили хутор Дзержиново, где он родился и провел детские годы. Привезенный оттуда материал пионеры использовали на сборе, посвященном годовщине со дня рождения Фе-

ликса Эдмундовича. Музей Ф. Э. Дзержинского в г. Ивенце и хутор Дзержиново посещают большие группы учащихся многих школ Белоруссии. Хочется отметить еще работу историко-краеведческого кружка средней школы № 27 (бывшая железнодорожная школа) г. Вильнюса (руководитель Фролов Павел Максимович). Кружок этот глубоко изучает жизнь и деятельность Феликса Эдмундовича. Кружковцы организовали стенд с фотографиями Ф. Э. Дзержинского, издают стенгазеты, в которых пишут о его юных годах, борьбе и работе. Они разыскали в г. Вильнюсе совсем запущенную могилу матери Ф. Э. Дзержинского Елены Янушевской-Дзержинской. Школьники привели в порядок ее могилу и систематически ухаживают за ней. Они выполняют весьма важную и полезную работу, разыскивая лиц, боровшихся за освобождение г. Вильнюса от немецких фашистов, ведут переписку с различными музеями и архивами, получая много сведений о погибших в боях за освобождение Советской Литвы. И для многих других пионерских дружин и отрядов образ Дзержинского, беззаветно преданного делу партии, делу коммунизма, служит примером и помогает им воспитывать черты человека коммунистического общества.

Народный комиссар путей сообщения

8—16 марта 1921 года состоялся X съезд партии, который по инициативе В. И. Ленина принял постановление о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике (нэп). Новая экономическая политика была рассчитана на упрочение союза пролетариата и крестьянства, на укрепление диктатуры пролетариата, на развитие производительных сил страны в социалистическом направлении; она была рассчитана на допущение в известных пределах капитализма при сохранении командных высот народного хозяйства в руках пролетарского государства; она была рассчитана на борьбу социалистических элементов с капиталистическими, на победу социалистических элементов, на уничтожение эксплуататорских классов, на построение социализма в СССР.

После X съезда партия развернула работу по разъяснению и осуществлению новой экономической политики и направила ряд видных партийных деятелей, в том числе

и Дзержинского, на решающие участки хозяйственной работы. 14 апреля 1921 года Президиум ВЦИК по предложению В. И. Ленина назначил Ф. Э. Дзержинского народным комиссаром путей сообщения с оставлением его на посту руководителя ВЧК и НКВД.

Еще до X съезда партии Феликс Эдмундович наряду с работой в ВЧК выполнял ряд поручений партии, касающихся хозяйственных вопросов.

В январе — феврале 1921 года он ездил на Украину, где занимался вопросом восстановления угольной и металлургической промышленности Донбасса. После возвращения в Москву, 10 февраля, Дзержинский выступил с докладом о нуждах Донбасса на заседании Временного совещания при СТО по Донбассу.

Выполнение заданий хозяйственного характера явилось для Дзержинского некоторой подготовкой к последующей его огромной работе в качестве народного комиссара путей сообщения и потом председателя Высшего Совета Народного Хозяйства.

И вот Дзержинский — народный комиссар путей сообщения.

Еще в конце апреля 1918 года, выступая на заседании ВЦИК, В. И. Ленин говорил: «...Без железных дорог не только социализма не будет, а просто околеют все с голоду, как собаки... Ибо железные дороги — это гвоздь, это одно из проявлений самой яркой связи между городом и деревней, между промышленностью и земледелием, на которой основывается целиком социализм»¹.

Однако лишь только после окончания гражданской войны возникли реальные условия для восстановления разрушенного транспорта.

Выступая 27 марта 1921 года на Всероссийском съезде транспортных рабочих, В. И. Ленин говорил об огромном значении транспорта для восстановления всего народного хозяйства Страны Советов.

«Едва ли есть, — сказал он, — другая часть пролетариата, которая так ясно входит своей повседневной экономической деятельностью в связь с промышленностью и земледелием, чем железнодорожники и водники...

От работы этой части пролетариата непосредственно больше зависит судьба революции, чем от остальных час-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 271—272.

тей его»¹. Советский транспорт находился тогда в состоянии огромной разрухи, а без восстановления и укрепления железных дорог нельзя было ни поднять промышленность и сельское хозяйство, ни снабдить голодающие города продовольствием, а сельское население промышленными товарами. Империалистическая, а затем гражданская войны катастрофически отразились на транспорте. Из имевшихся тогда в Советской России 63 тыс. верст железнодорожных путей 40 тыс. верст во время гражданской войны находились во власти белых и были сильно разрушены. Было взорвано, сожжено и повреждено свыше 4000 мостов, много станций и различных железнодорожных зданий. За время войны огромное количество паровозов и вагонов вышло из строя.

Весьма часто поезда должны были останавливаться в пути, не доходя до станции, и стоять часами, пока железнодорожники вместе с пассажирами заготавливали в лесу дрова для паровоза.

Несмотря на чрезвычайно упавший грузооборот, на транспорте оставалось громадное, совсем ненужное и лишь вредящее делу число служащих и рабочих, при том абсолютно материально не обеспеченных. Среди высшего технического персонала были тогда еще люди, враждебно относящиеся к Советской власти и саботирующие работу.

Не лучше обстояло дело и с водным транспортом.

В момент назначения Феликса наркомом путей сообщения он был охвачен огромной тревогой: ведь дело было для него совершенно новое и у него не было никакого опыта руководящей хозяйственной работы. Но Феликс никогда не останавливался ни перед какими трудностями. Наоборот, трудности лишь разжигали в нем еще большую энергию, побуждали его к новым героическим усилиям. Он непоколебимо верил в творческие силы трудящихся масс, освобожденных от капиталистического гнета и ставших хозяевами своей страны.

Глеб Максимилианович Кржижановский в своих воспоминаниях о Феликсе писал: «С какой настороженностью встретили это назначение опытные работники ж.-д. транспорта: никто не сомневался, что Феликс умеет поражать мечом революции, но сумеет ли та же рука правильно направить рычаги полусокрушенного и такого сложного транспортного аппарата? Вспоминаю, как быстро рассея-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 142—143.

лись опасения, как быстро Феликс стал подлинной центральной фигурой в шеренгах действительных борцов с транспортной разрухой, как он в краткий срок сумел заразить своей несокрушимой энергией десятки тысяч людей, вдохновить своей пламенной верой в неизбежные успехи пролетарского строительства на всех путях его».

В своем докладе на заседании Петроградского Совета 13 декабря 1921 года о состоянии транспорта Дзержинский, обрисовав его все еще тяжелое положение и трудности его восстановления, спросил, сможет ли советский транспорт справиться со стоящими перед ним задачами? И ответил: «На первый взгляд может взять сомнение, но если вспомним, в каком положении находились рабочие и крестьяне, когда они брали власть в свои руки... то у нас должен быть один ответ: мы выполним все стоящие перед нами задачи, как бы велики они ни казались, если только у нас будет твердая воля к победе».

У Дзержинского не было ни высшего, ни специального технического образования, но он горел страстным желанием созидательной работы на пользу социализма, не стыдился учиться и умел учиться. Он посещал железнодорожные станции, депо и мастерские, беседовал с рабочими, с машинистами, со стрелочниками, с начальниками станций, расспрашивал их о недостатках и нуждах транспорта. Стоял в очереди у железнодорожной кассы, проверяя порядок продажи билетов, выявляя недостатки и злоупотребления. Он учился у рабочих, у своих товарищей по коллегии НКПС и у высококвалифицированных специалистов. Часть старых буржуазных специалистов, а также отдельные оппортунистические элементы из числа членов партии не верили в возможность восстановления советского транспорта внутренними силами страны и предлагали сдать в аренду иностранному капиталу некоторые железные дороги.

Разоблачая эту капитулянтскую позицию, Дзержинский говорил: «...те господа, которые направляют мысль нашу в сторону привлечения иностранного капитала на транспорт, в глубине души в основе своей имеют в виду не интересы хозяйственно-экономического развития страны, а имеют интересы политические, которые мы должны отвергнуть».

Дзержинский очистил транспортный аппарат от контрреволюционных элементов, мобилизовал и организовал массы железнодорожных рабочих и служащих, которые

быстро почувствовали в нем пламенного и стойкого борца за восстановление транспорта и горячо полюбили его. Феликс Эдмундович уважал и высоко ценил добросовестных специалистов, прислушивался к их словам, учился на их опыте, окружал их вниманием и товарищеской заботой. Он сумел объединить вокруг себя лучшие силы специалистов транспорта.

Один из крупных специалистов, бывший начальник ЦУЖЕЛ инженер О. О. Дрейер, так писал после смерти Феликса:

«При первом появлении Дзержинского специалисты-транспортники были сильно подавлены в ожидании нажима, но все эти мрачные ожидания быстро рассеялись и заменились небывалой до той поры уверенностью и спокойствием, как только все поняли, что заботливое отношение к вверенному нам огромному хозяйству и успешная работа на транспорте всегда найдут поддержку и правильную оценку со стороны т. Дзержинского. Умный и твердый начальник, он вернул нам веру в наши силы и любовь к родному делу!»

Своим горением на работе, своим огромным энтузиазмом Ф. Э. Дзержинский заражал всех работников транспорта — от рабочих до крупных специалистов, благодаря чему в короткое время в восстановлении транспорта были достигнуты большие успехи.

12 мая 1921 года по поручению ЦК РКП(б) Дзержинский поехал на юг Советской России для подготовки транспорта к предстоящим продовольственным и топливным перевозкам. Будучи в Харькове, Дзержинский получил телеграмму В. И. Ленина от 27 мая о необходимости принять экстренные меры по борьбе с мешочничеством на Украине, которое дезорганизовало транспорт и грозило подорвать заготовку хлеба для голодающих промышленных центров страны. Дзержинский в ответной телеграмме В. И. Ленину сообщил о принятых им мерах по борьбе с упомянутым злом. Из Харькова Феликс Эдмундович направился на юг и ознакомился с состоянием портов Черного моря: Одессы, Николаева, Новороссийска. В Николаеве, Херсоне и Одессе он выступал на собраниях портовых рабочих и моряков по вопросам о восстановлении портов и улучшении их работы. Он уделял большое внимание перевозке нефти, ремонту нефтеналивных барж, важнейшей проблеме организации судоподъема, обеспечению портов рабочей силой, требовал укрепления тру-

довой дисциплины и указывал на необходимость улучшения снабжения портовых рабочих и служащих.

В конце того же 1921 года Дзержинский ездил в Петроград, где также изучал состояние железнодорожного узла и порта и выступил 13 декабря 1921 года с докладом о транспорте на заседании Петроградского Совета.

В конце 1922 г., будучи на отдыхе в Сухуми, Дзержинский ознакомился с состоянием портов Батуми и Сухуми и принял необходимые меры для их восстановления. Он проявлял также заботу о развитии морского флота на Белом и Каспийском морях.

Уже в первые годы своей работы на транспорте Дзержинский понимал огромное значение морского флота и 3 октября 1922 года в докладе на II съезде работников транспорта сказал, что водный транспорт, особенно морской, приобретает не только чисто русское значение, но и значение международного фактора.

Транспорт играл большую роль в борьбе с последствиями небывалого неурожая 1921 года и вызванным им голодом. Дзержинский принял ряд мер по привлечению к этой борьбе транспортников. Коллегией НКПС и ЦК профсоюза транспортников была создана Центральная транспортная комиссия по борьбе с голодом. Такие же комиссии были потом созданы на местах; они проводили сборы денег, продуктов питания и предметов широкого потребления для голодающих.

В Обращении к железнодорожникам и водникам, напечатанном в органе НКПС «Гудок» от 30 июля того же года, Дзержинский писал: «...от вас зависит *усиленный выпуск из ремонта паровозов и вагонов для перевозки семян и хлеба голодающим*. Только вы можете без малейшей задержки продвигать продовольствие и семена на поддержку умирающих».

22 сентября 1921 года В. И. Ленин и Дзержинский направили телеграмму всем губисполкомам, начальникам железнодорожных округов и начальникам дорог о задачах транспорта в борьбе с голодом. В этой телеграмме указывалось на необходимость совместными усилиями ускорить ремонт паровозов и вагонов для более быстрого продвижения продовольственных грузов в голодающие города и районы.

31 декабря 1921 года ЦК РКП(б) назначил Дзержинского членом комиссии ЦК по наблюдению за вывозом продовольственных и семенных грузов из Сибири, Укра-

ны и из-за границы. 2 января 1922 года Дзержинский был назначен особоуполномоченным ВЦИК, а 4 января уполномоченным СТО, и 5 числа этого же месяца выехал в Сибирь во главе экспедиции из 40 человек для принятия чрезвычайных мер по продвижению продовольственных грузов из Сибири в Москву, Петроград и голодающие районы Поволжья.

В состав экспедиции входили сотрудники ВЧК и транспортного отдела ВЧК, Наркомпрода, представители Военно-транспортной коллегии Верховного трибунала и других ведомств, а также ответственные работники Центрального комитета профсоюза транспортников.

Состояние железных дорог Сибири было тогда очень тяжелое, и, как выяснила экспедиция на месте, они были совсем не подготовлены к выполнению предстоящей ответственной задачи.

Между тем за 1921 год Сибирский округ путей сообщения обследовало немалое количество специально направленных туда комиссий, но проведенные ими обследования носили поверхностно-бюрократический характер, не вскрывали истинного положения дел и сообщали о полной готовности сибирских железных дорог к продперевозкам.

Кроме того, в Сибири продолжали орудовать остатки кулацко-колчаковских банд, эсеры и агенты Японии, производились поджоги, готовились взрывы железнодорожных мастерских, станций, поездов.

Прибыв в Омск, Дзержинский издал 10 января 1922 года приказ № 6, в котором было сказано: «...жизнь важнейших наших промышленных предприятий, нашей крупной промышленности... зависит теперь от того, будут ли своевременно доставлены заготовленные в Сибири хлеб и мясо; движение на железных дорогах Республики зависит от того же; засев яровых хлебов в голодающих местностях зависит также от того, будет ли подвезено зерно для посева из Сибири, хлеб для голодающих. От этого зависит, следовательно, и самое существование Республики Советов...

Но задание Республики по вывозке продовольствия из Сибири не выполняется...

...Я обращаюсь ко всем вам, от рядового чернорабочего до ответственного работника включительно, и требую, чтобы немедленно, объединенными усилиями, на железных дорогах Сибири создан был образцовый революционный порядок, чтобы задания и требования Республи-

ки по ремонту дороги и подвижного состава, по нагрузке и вывозу продмаршрутов были выполнены на все 100%».

Свою работу в Сибири Дзержинский проводил в тесном контакте с партийными и советскими организациями Сибири и телеграфно информировал ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленина о ходе работы по вывозу продовольствия из Сибири.

Железные дороги Сибири наряду с другими трудностями испытывали тогда колоссальные затруднения с топливом, что тормозило их работу и вывоз продовольствия. Дзержинский потребовал от инженеров-специалистов представить ему норму расхода угля на маневровых паровозах. Эти нормы показали Феликсу Эдмундовичу завышенными. Он поручил одному из машинистов произвести тщательную проверку расхода топлива. Машинист в течение почти 48 часов производил маневровую работу, отмечая расход топлива и принимая все меры к его экономии. Полученные данные опровергли вычисления специалистов, считавшиеся непреложными, но оказавшиеся значительно преувеличенными. Узнав результаты проверки, Дзержинский созвал общее собрание железнодорожников Омской железной дороги и Сибирского округа путей сообщения, на котором предложил уменьшенную против прежней норму потребления топлива, что и было принято.

4 февраля 1922 года Дзержинский выступил в Омске на заседании губернского экономического совещания с докладом о положении сибирского транспорта и мерах к его поднятию.

Налаживание работы транспорта в Сибири было очень трудным делом и потребовало от Феликса большого напряжения сил. Об этом свидетельствует ряд писем, написанных им из Сибири.

Еще по пути в Сибирь из Екатеринбурга (ныне Свердловск) 7 января 1922 года он писал мне: «...мы остаемся здесь на сутки для выполнения ряда дел, связанных с моей миссией... последнее время в Москве — ты видела это — я работал уже из последних сил. Предполагаю, что здесь в Сибири, несмотря на ожидающую меня огромную работу, я обрету прежнее равновесие. А в Москве при выкнут и без меня справляться в ВЧК и в комиссариате путей сообщения...»

22 января он мне прислал письмо из Ново-Николаевска (ныне Новосибирск): «...здесь работы очень много, и идет

она с большим трудом. Она не дает тех результатов, которых мы ожидали и к которым я стремлюсь. Чувствую, что там, в Москве, не могут быть нами довольны. Но работа здесь была так запущена, что, для того чтобы наладить все, нужно более продолжительное время, а Республика ожидать так долго не может. Итак, работаем мрачные, напрягая все силы, чтобы устоять и чтобы преодолеть все новые трудности. Конечно, вина наша — НКПС. Мы не предвидели, не обратили внимания месяца 3—4 тому назад. Правда, сюда приезжал Емшанов, но ничего здесь не сделал... Я вижу, что, для того чтобы быть комиссаром путей сообщения, недостаточно хороших намерений. Лишь сейчас, зимой, я ясно понимаю, что летом нужно готовиться к зиме. А летом я был еще желторотым, а мои помощники не умели предвидеть.

...Видишь, невеселое у меня настроение... Как долго я здесь останусь — не знаю. Думаю, что до марта... Я здесь нужен, и хотя не видно непосредственных результатов, но мы проводим большую работу, и она даст свои результаты, она приостановила развал, она начинает сплачивать усилия всех в одном направлении и дает уверенность, что трудности будут преодолены. Это меня поддерживает и придает сил, несмотря ни на что...»

В следующем письме ко мне из Омска, от 7 февраля 1922 года, Феликс писал: «Тебя пугает, что я так долго вынужден буду находиться здесь... но я должен с отчаянной энергией работать здесь, чтобы наладить дело, за которое я был и остаюсь ответствен. Адский, сизифов труд. Я должен сосредоточить всю свою силу воли, чтобы не отступить, чтобы устоять и не обмануть ожиданий Республики. Сибирский хлеб и семена для весеннего сева — это наше спасение и наша опора в Генуе¹.

¹ Ф. Э. Держинский имеет в виду Генуэзскую конференцию. Она состоялась 10 апреля — 19 мая 1922 года в Генуе (Италия) с участием представителей Советской России, Англии, Франции, Италии, Бельгии, Японии, Германии и других государств. Представитель США присутствовал в качестве «наблюдателя». Империалистические державы пытались на конференции использовать хозяйственные затруднения Советской России, чтобы навязать ей кабальные условия соглашения. Они требовали уплаты всех царских долгов, включая и довоенные, возвращения иностранным владельцам национализированных предприятий и др. Советская делегация отвергла наглые притязания империалистов, внесла предложение о всеобщем разоружении и аннулировании всех военных долгов. Переговоры в Генуе (и их продолжение в июне — июле 1922 года в Гааге) закончились безрезультатно.

Не раз я доходил здесь до такого состояния, что почти не мог спать — бессильный гнев наводил меня на мысль о мести по отношению к этим негодяям и дуракам, которые здесь сидят (Дзержинский имел в виду местных работников путей сообщения.— С. Д.). Они нас обманывали — здесь было совершенно пустое место. А среди масс, даже партийных, было равнодушие и непонимание того, какой грозный период мы переживаем. Нам самим нужно было заняться всем — связать между собой и с округом разрозненные части вытянутой нити сибирских дорог. Необходимо наблюдать за каждым распоряжением, чтобы оно не осталось на бумаге, необходимо было всех поднять, чтобы приняли участие в выполнении поставленной перед нами боевой задачи. Я вынужден сдерживать свой гнев, чтобы окончательно не разрушить организацию. К тому же и в политическом отношении здесь неблагоприятно. Дает себя знать рука эсэров и агентов Японии. В такой атмосфере я должен здесь работать. Правда, я имею с собой дельных помощников — партийных товарищей и спецов — и в конечном счете надеюсь, что мы свою задачу выполним. Но так выехать отсюда я не могу, несмотря на то что здесь очень тяжело... и я хотел бы вернуться скорее.

Я не мог бы никому смотреть в глаза, и это было бы для меня невыносимой мукой, и она отравила бы нам жизнь. Сегодня Герсон в большой тайне от меня по поручению Ленина спрашивал Беленького о состоянии моего здоровья, смогу ли я еще оставаться здесь, в Сибири, без ущерба для моего здоровья. Несомненно, что моя работа здесь не благоприятствует здоровью. В зеркало вижу злое, нахмуренное, постаревшее лицо с опухшими глазами. Но если бы меня отозвали раньше, чем я сам мог бы сказать себе, что моя миссия в значительной степени выполнена, — я думаю, что мое здоровье ухудшилось бы. Меня должны отозвать лишь в том случае, если оценивают мое пребывание здесь как отрицательное или бесполезное, если хотят меня осудить как наркомпутти, который является ответственным за то, что не знал, в каком состоянии находится его хозяйство. Этот месяц моего пребывания и работы в Сибири научил меня больше, чем весь предыдущий год, и я внес в ЦК ряд предложений.

И если удастся в результате адской работы палатить дело, вывезти все продовольствие, то я буду рад, так как

и я и Республика воспользуемся уроком, и мы упростим наши аппараты, устраним централизацию, которая убивает живое дело, устраним излишний и вредный аппарат комиссаров на транспорте и обратим больше внимания на места, на культурную работу, перебросим своих работников из московских кабинетов на живую работу на местах...»

20 февраля 1922 года по пути из Омска в Ново-Николаевск (Новосибирск), где 22-го на заседании Сиббюро ЦК РКП(б) Держинский делал доклад о положении сибирского транспорта и мерах по вывозу продовольствия, он мне писал:

«...Почту за две недели я получил уже в поезде. Уже поздняя ночь — только сейчас я закончил чтение писем из Москвы. Я хочу сейчас же написать тебе, так как завтра у меня не будет времени. Я еду всего на один день в Ново-Николаевск — обсудить дела с Ревкомом. У нас огромные трудности. Когда работа округа (имеется в виду округ железных дорог. — С. Д.), казалось, начинала входить в норму, метели и снежные бураны опять дезорганизовали работу. А в недалекой перспективе новая угроза — продовольствия, оказывается, меньше, чем предполагалось. Я не могу разорваться на части и все предвидеть, а заменить знания и опыт энергией нельзя. Я только лишь учусь... Я не могу вернуться прежде, чем выяснится ситуация. Хлеб из Сибири для Республики — спасение. А когда я вернусь то мне не хотелось бы, чтобы текущие дела, как обычно, поглотили меня целиком — взяли меня в плен. Ибо сибирский опыт показал мне основные недостатки в нашей системе управления — их необходимо устранить. Без длительной борьбы это не удастся... Я пришел к неопровержимому выводу, что главная работа не в Москве, а на местах, что $\frac{2}{3}$ ответственных товарищей и спецов из всех партийных (включая и ЦК), советских и профсоюзных учреждений необходимо перебросить из Москвы на места. И не надо бояться, что центральные учреждения развалятся. Необходимо все силы бросить на фабрики, заводы и в деревню, чтобы действительно поднять производительность труда, а не работу перьев и канцелярий. Иначе не вылезем. Самые лучшие замыслы и указания из Москвы даже не доходят сюда и повисают в воздухе. Я только теперь глубже погрузился в жизнь и хочу бороться за эту жизнь... Среди моих товарищей и сотрудников заметно желание вернуться но-

скорее. Их измучила непрерывная работа и оторванность от семей. Я должен был обратиться к ним с напоминанием, что Москва ожидает не нас, а хлеб от нас. Они восприняли эти слова и работают самоотверженно. Даже «специалисты» и те, насколько могут, напрягают силы. Мы жились друг с другом... И я вижу, как здесь без комиссаров и специалисты становятся иными. Институт комиссаров у нас в НКПС уже изжил себя, и надо будет ликвидировать его поскорее... Но довольно об этом. Я живу теперь лихорадочно. Силу плохо, все время беспокоят меня мысли — я ищу выхода, решения задач. Однако я здоров...» Последние слова Феликс написал для моего успокоения, ибо здоровье его было не в порядке и он был страшно переутомлен.

Несмотря на перегруженность работой, Феликс нашел время, правда поздней ночью, написать несколько слов сыну, притом в шутливом тоне, и послать ему газету «Сибирский гудок» с напечатанной в ней остроумной сатирической задачей. Вот отрывок из этого письма:

«Дорогой мой Ясик! Поезд везет меня из Омска в Ново-Николаевск, трясет, поэтому буквы моего письма становятся похожими на твои. Они качаются в различные стороны и шлют тебе поцелуй и привет. Я чувствую себя хорошо — работы у меня много... А ты что делаешь? Хорошо ли учишься и играешь ли?.. Поцелуй от меня маму 14 с половиной раз, а сам будь здоров. Целую тебя крепко. До свиданья.

*Твой папа»*¹.

В течение всего пребывания в Сибири Дзержинский вместе со своими сотрудниками жил и работал в поезде.

В годы нэпа была разрешена частная торговля, за исключением продажи спиртных напитков; однако практиковалась незаконная продажа их из-под полы. В связи с этим Феликс Эдмундович обратился ко всему личному составу экспедиции с предписанием соблюдать революционный порядок и в ночь с 12 на 13 февраля в Омске передал своему помощнику следующий приказ:

¹ Ян Феликсович Дзержинский (1911—1960), член КПСС с 1939 года, окончил Военно-инженерную Академию. Несколько лет работал по специальности. Затем был направлен на работу в Коминтерн. С 1945 года и до конца жизни находился на ответственной работе в аппарате ЦК КПСС. Скончался 2 октября 1960 года, похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

«Прошу находящееся в нашем поезде у кого бы то ни было, в каком бы то ни было количестве и какого бы сорта вино или спиртной напиток уничтожить, поскольку нет предписания врача. Прошу вместе с тем сообщить всем, кому следует, что за нахождение вина в моем поезде буду карать самым беспощадным образом.

Наркомпутъ и Наркомвнудел
Ф. Дзержинский».

Несмотря на огромные трудности, задачи возглавляемой Дзержинским специальной экспедиции по восстановлению сибирского транспорта были выполнены. Все семенные и мясные погрузки транспорт выполнил на 100% и в заданный срок.

По мнению Дзержинского, основными причинами неподготовленности сибирского транспорта к продовольственным перевозкам были: развал административного аппарата Сибирского округа путей сообщения, отсутствие связи его с местными хозяйственными органами, полная необеспеченность топливом. Самой же главной причиной плохой работы сибирского транспорта Дзержинский считал отвратительную постановку дела со снабжением рабочих.

Экспедиция урегулировала ряд больных вопросов.

На основании опыта, приобретенного в Сибири, Дзержинский сделал ряд выводов о реорганизации транспортного дела. Он считал необходимым провести децентрализацию управления транспортом и предоставить больше права местам, установить более тесную связь транспорта с местными органами, создать внутри самого транспорта органы, которые ведали бы хозяйственно-коммерческой стороной дела, урегулировать вопрос снабжения рабочих.

После возвращения в Москву Дзержинский сделал на заседании Политбюро ЦК РКП(б) в марте 1922 года доклад о состоянии транспорта и о политическом положении в Сибири, а также внес ряд предложений, направленных на улучшение работы транспорта. В скором времени была проведена реформа системы управления транспортом, была ликвидирована чрезмерная его централизация, созданы правления железных дорог, был отменен институт комиссаров на транспорте. Был упрощен и сокращен центральный аппарат НКПС. Личный состав аппарата НКПС был уменьшен почти на 50%.

По инициативе Дзержинского были созданы органы общественной самодеятельности хозяйственников и инженерно-технического персонала: Бюро правлений железнодорожного транспорта и Клуб транспорта. Эти организации способствовали развитию инициативы и самодеятельности хозяйственных и технических работников транспорта, а также обмену опытом их работы. Бюро правлений сыграло большую роль в увязке работы Наркомпути с местными правлениями железных дорог.

Ф. Э. Дзержинский направлял всемерные усилия на подготовку новых специалистов из среды рабочего класса и трудового крестьянства, овладевших сложной транспортной техникой.

В своей работе на транспорте Дзержинский опирался на партийные организации, с которыми поддерживал непосредственную связь, придавая огромное значение ведущей роли коммунистов на железных дорогах. В то же время он считал необходимым вовлечение широких масс железнодорожников, в том числе рабочих от станка, в борьбу за улучшение работы транспорта, за технические усовершенствования и изобретения. Указывая, что на транспорте царит неслыханное рутинерство, Дзержинский подчеркивал, что необходимо «ввести дух новаторства и в техническую область», разбудить творческую инициативу рабочих масс, особенно рабочих от станка, и создать для изобретателей соответствующие материальные и общественные условия.

«У капиталистов,— говорил он,— изобретения были делом чисто коммерческим, у нас — они должны стать проявлением воли пролетариата к победе».

По инициативе Дзержинского был организован при техническом комитете НКПС специальный орган, ведающий изобретениями на транспорте. Дзержинский лично интересовался изобретениями и оказывал их авторам всемерное содействие и поддержку. «...Советский транспорт восстановить и поставить на крепкие ноги,— говорил Дзержинский,— без использования изобретений рабочих, работающих у станков, без их воодушевления в этой области, по-моему, немисливо...» Эти изобретения, по мнению Дзержинского, должны иметь своей целью поднять наш рабочий транспорт технически выше, чем при буржуазном режиме.

С негодованием Дзержинский говорил о «неслыханных мытарствах» рабочих-изобретателей и дал конкретные

указания для поощрения изобретательства на транспорте и привлечения к нему широких масс железнодорожников.

Рабочий-железнодорожник Трегер изобрел электрожезловый аппарат, превосходивший по своим качествам английские жезлы, которые применялись тогда на советских железных дорогах. Но вместо поддержки со стороны работников транспорта Трегер подвергся увольнению с работы. Дзержинский взял его под свою защиту, потребовал у компетентных лиц оценки жезлового аппарата Трегера. В результате аппарат был признан ценным изобретением в финансовом и техническом отношении и широко использовался на советском транспорте.

Оказал помощь Ф. Э. Дзержинский изобретателю Ф. Г. Матросову, изобретателям тепловоза профессорам А. И. Шелесту и Я. М. Гаккелю и многим другим.

Огромную работу Феликс Эдмундович провел по борьбе со взяточничеством и массовыми хищениями. Корни этих позорных явлений были в общем расстройстве хозяйства, в падении дисциплины работников транспорта, их материальной необеспеченности. Дзержинский со всей энергией принялся за ликвидацию этого зла. Он выступил с обращением к железнодорожникам 6 декабря 1921 года, в котором заклеил позором взяточников и призвал всех честных граждан прийти на помощь для того, чтобы обнаружить и изобличить преступников. В листовке «Хищникам и ворам народного достоинства нет пощады» за подписью председателя ВЧК и Наркомпути Дзержинский призвал всех честных транспортных работников бороться с ворами и бандитами, разрушающими благосостояние Республики.

«Суровые кары, — говорилось в этой листовке, — вплоть до высшей меры наказания — расстрела, будут применяться не только к непосредственным участникам в хищениях на транспорте, но и пособникам и скупщикам краденого». По инициативе Дзержинского были организованы специальные комиссии по борьбе со взяточничеством и хищениями в центре и на местах. Одновременно были приняты меры по повышению ответственности и дисциплины среди железнодорожников, по улучшению материального положения транспортников. Все это привело к резкому сокращению уже в 1923 году указанных преступлений на транспорте.

Целый ряд чрезвычайно важных и сложных вопросов пришлось разрешать Дзержинскому, чтобы вывести транспорт из разрухи и полностью восстановить его. В связи с переходом в начале 1922 года железных дорог на хозрасчет и их большой дефицитностью необходимо было провести огромную работу по ликвидации бесхозяйственности, по экономии топлива, по снижению себестоимости перевозок, по увеличению грузооборота и т. д. В 1923 году дефицитность железных дорог была уже ликвидирована, и в дальнейшем они стали давать государству доход.

Дзержинский постоянно заботился об улучшении материального положения транспортников — рабочих, служащих и специалистов. К 1924 году заработная плата транспортников была увеличена более чем на 50% без дополнительных ассигнований государства.

Подъем транспорта был немислим без улучшения и удешевления продукции металлургической и топливной промышленности, и Дзержинский, не ограничиваясь рамками своего ведомства, занялся изучением состояния этих отраслей индустрии. 20 ноября 1923 года он направил в СТО обширную докладную записку о металлопромышленности, в которой наметил ряд мер по упорядочению ее работы, а также работы топливной промышленности.

Во всей своей деятельности на транспорте Дзержинский исходил не из ведомственных, а из общегосударственных интересов и считал необходимым постоянное единство усилий всех трех отраслей народного хозяйства.

Особо хочется мне сказать о том огромном внимании, с которым Феликс относился к вопросу о культурно-просветительной работе среди транспортников и их детей. Он считал, что «без просвещения не может быть транспорта... Там... где нет культуры, там нет пролетарской власти, там будет взяточничество, шкурничество, но не будет сознания той миссии, которую пролетариат выполняет». По инициативе Дзержинского между НКПС и Наркомпросом было заключено соглашение, по которому клубы, библиотеки для железнодорожников и школы для их детей были изъяты в административном отношении из Наркомпроса и переданы в ведение НКПС. С тех пор Наркомпутъ взял на себя материальное обеспечение этих учреждений, финансирование и снабжение их всем

необходимым. Лишь педагогическое руководство осталось за Наркомпросом.

А. В. Луначарский в своей статье о Дзержинском приводит горячую аргументацию последнего в коллегии Наркомпроса в пользу такого временного решения вопроса о школах для детей железнодорожников. «Я не ведомственник и вам не советую ими быть,— сказал Дзержинский.— Руководство — пожалуйста... Обеспечьте за собой руководство полностью... Вам п книги в руки. Но администрировать, но финансировать — дайте нам. В чем дело? У нас есть какая-то лишняя копейка. Мы можем прибавлять какие-то гроши к каждому билету. И вот возможность несколько тысяч детей учить немного лучше, чем остальных... Ведь мы же общий уровень поднять не можем? Эти наши деньги мы вам отдать на все дело образования не можем? Зачем же вы хотите помешать, чтобы дети рабочих хоть одной категории имели эту, скажем, «привилегию» — учиться немножко лучше? Придет время, и это совсем не нужно будет... Что хотите, какие условия, только без вреда для самих детей».

Благодаря одобрению Советским правительством предложения Дзержинского и переходу в административном отношении школ для детей железнодорожников в ведение НКПС эти школы и другие культурно-просветительные учреждения на транспорте оказались в более благоприятных материальных условиях и смогли лучше развернуть свою работу.

Позднее, в связи с ростом народного хозяйства СССР и огромным увеличением государственных ассигнований на нужды народного образования железнодорожные школы перешли полностью в ведение Министерства просвещения.

XIII Всероссийская конференция РКП(б), оценивая в январе 1924 года результаты почти трехлетней работы Дзержинского на посту наркома путей сообщения, констатировала, что «транспорт находится в таком состоянии, когда он без особых затруднений способен удовлетворить все предъявляемые к нему народным хозяйством требования».

9 февраля 1924 года, накануне перехода Дзержинского из НКПС на работу в ВСНХ, состоялось собрание Президиума Бюро правления железных дорог и Правления Клуба транспорта, на котором работники транспорта прощались со своим руководителем.

От имени транспортников выступал член коллегии НКПС В. И. Межлаук. Охарактеризовав методы работы Дзержинского, позволившие транспорту под его руководством достигнуть огромных успехов, В. И. Межлаук отметил, что политика Дзержинского по отношению к специалистам-транспортникам вовлекла их полностью в дело социалистического строительства и что и в центре, и на линии коммунисты и специалисты плечом к плечу работают над воссозданием советского транспорта. Свою речь В. И. Межлаук закончил следующими словами: «С глубоким сожалением встречая уход уважаемого руководителя и любимого старшего товарища от непосредственной работы на транспорте, мы уверены, что расширение поля Вашей деятельности на всю необъятную область народного хозяйства Республики позволит выдвинутый Вами лозунг единства хозяйства транспорта превратить в реальное осуществление единства всего народного хозяйства — промышленности, сельского хозяйства и транспорта — и тем создать несокрушимую базу пролетарской диктатуры».

Смерть вождя

21 января 1924 года партию, советский народ и все трудовое человечество постигло великое несчастье: скончался Владимир Ильич Ленин.

В ночь с 21 на 22 января Феликс не приходил домой. Он был на ночном заседании ЦК Коммунистической партии, экстренно собравшегося в связи со смертью В. И. Ленина. Ф. Дзержинский был назначен председателем комиссии Президиума ЦИК СССР по организации похорон Владимира Ильича. Я никогда не видела Феликса таким убитым горем, как в эти скорбные дни. Он понимал, как трудно будет партии без Ленина. Но Феликс верил в силы пролетариата и его партии, в победу ленинизма.

Никогда не забуду тяжелых январских дней, когда непрерывно днем и ночью тысячи и тысячи людей стояли на трескучем морозе на улицах Москвы, согреваясь у костров, в ожидании доступа в Колонный зал Дома Союзов, чтобы взглянуть на дорогое лицо и отдать последний долг безвременно ушедшему от нас великому вождю, отцу и другу.

25 января 1924 года Дзержинский, как председатель комиссии по похоронам В. И. Ленина, разослал по радио всем республикам, областям, губисполкомам СССР, Реввоенсовету, ВСНХ и всем Наркоматам Союза распоряжение, согласно которому 27 января в 16 часов по московскому времени в момент опускания гроба В. И. Ленина был произведен одновременный военный салют по всей территории СССР. На фабриках и заводах СССР в течение трех минут раздавались траурные гудки; работа на всех предприятиях и движение на транспорте были приостановлены на 5 минут.

О смерти великого вождя вместе с советским народом скорбили трудящиеся всего мира; в день похорон рабочие многих капиталистических стран остановили на 5 минут работу.

Не забыть той минуты, когда боевые соратники и друзья под гром артиллерийских залпов внесли останки Владимира Ильича на вечный покой в Мавзолей.

По желанию народа правительство приняло решение о бальзамировании тела В. И. Ленина. Это было поручено группе ученых во главе с акад. В. П. Воробьевым. Дзержинский, являвшийся членом комиссии по увековечению памяти Ленина, всемерно помогал ученым в их трудной и ответственной работе. Об этом ярко написал принимавший непосредственное участие в сохранении тела В. И. Ленина проф. Б. И. Збарский в своей брошюре «Мавзолей Ленина».

Первые дни В. П. Воробьеву и Б. И. Збарскому пришлось круглые сутки непрерывно работать в Мавзолее. Без сна и отдыха они настолько переутомились, что едва держались на ногах. Узнав об этом, Дзержинский вызвал к себе проф. Збарского и взял с него слово, что он и акад. Воробьев будут поочередно отдыхать.

В тот же день Феликс Эдмундович распорядился положить к Мавзолею трамвайные рельсы и провода, что и было сделано в течение одной ночи. На следующий день возле Мавзолея появился специально оборудованный вагон трамвая с постелями, умывальными принадлежностями, электрическими плитами и т. д. В этом вагоне ученые отдыхали и получали горячую пищу.

После месяца трудной работы над консервацией тела В. И. Ленина акад. Воробьев уехал на несколько дней в Харьков. В его отсутствие проф. Збарскому показалось,

что на лице Владимира Ильича появились некоторые изменения.

В 2 часа ночи проф. Збарский направился в ОГПУ и из комнаты секретаря Дзержинского, срочно вызвав по телефону акад. Воробьева, потребовал его немедленного приезда. По словам Б. И. Збарского, он был крайне взволнован, разговаривая с В. П. Воробьевым. Когда разговор был окончен и Збарский повернулся, он с изумлением увидел перед собой Феликса Эдмундовича.

«Что с Вами? — спросил Дзержинский. — На Вас лица нет. Разве так можно волноваться?» Он пригласил проф. Збарского в свой кабинет и в течение двух часов разговаривал с ним, успокаивая его.

«Я ушел успокоенный, — рассказывает Збарский. — Вспоминая много раз ту ночь, я вижу перед собой чудесного Феликса Эдмундовича».

И в течение всей трудной работы ученых в Мавзолее Дзержинский продолжал оказывать им помощь. «Он это выполнял с такой чуткостью, — вспоминал Б. И. Збарский, — с таким тактом, что удачными результатами нашей работы мы во многом обязаны ему».

В траурные дни в партийные организации поступили от рабочих тысячи заявлений о приеме их в партию. ЦК объявил ленинский призыв, по которому вступили в партию свыше 240 тыс. рабочих. Ленин умер, но он живет в сердцах сотен миллионов трудящихся всего мира, и его идеи, воодушевляя эксплуатируемые и угнетенные массы на борьбу за свое освобождение, ведут их к новым и новым победам. Нам ленинские идеи указывают путь к коммунизму.

На посту председателя ВСНХ

2 февраля 1924 года, после смерти В. И. Ленина, партия поставила Дзержинского на еще более трудный пост — председателя Высшего Совета Народного Хозяйства. Это был орган, руководивший всей нашей социалистической промышленностью. В то же время Дзержинский продолжал возглавлять коллегию ОГПУ. Промышленность находилась тогда в чрезвычайно плачевном состоянии. Многие фабрики и заводы стояли. На других оборудование было изношено и требовало капитального ремонта. Лучшие кадры рабочих погибли в гражданской войне и в войне с интервентами. На их место пришли тысячи новых

рабочих из деревни, не переварившихся в пролетарском котле и не привыкших к трудовой дисциплине.

Нехватка и нерегулярный подвоз сырья и топлива вызывали частые простои, в связи с чем 8-часовой рабочий день — величайшее завоевание революции — фактически сводился к 4—5 часам полезной работы. В результате всего этого продукция промышленности не достигала тогда и половины уровня довоенного, 1913 года¹ и ее рост значительно отставал от роста потребностей страны. Наряду с этим к концу 1923 года насчитывалось около миллиона безработных. Существовали чрезвычайно высокие цены на промышленные товары, в частности на сельскохозяйственные орудия, при низких ценах на продукцию сельского хозяйства. Это вызвало кризис сбыта, мешало дальнейшему развитию промышленности, угрожало срывом смычки рабочего класса с крестьянством. Момент, когда Дзержинский стал председателем ВСНХ, был тяжелым и в том отношении, что тогда начала осуществляться денежная реформа, призванная дать стране устойчивую валюту и подвести надежную основу под торгово-промышленный оборот. Дзержинский горячо поддержал проведение денежной реформы и призвал все подведомственные ему организации всемерно содействовать успешному переходу промышленности на рельсы нового денежного обращения.

Работа Дзержинского в ВСНХ сильно осложнялась преступной деятельностью агентов буржуазии — троцкистов. Еще в октябре 1923 года Троцкий и группа его сторонников, пользуясь тяжелой болезнью В. И. Ленина и трудностями восстановительного периода, выступили против политики ЦК. Стремясь подорвать единство партии, они навязали ей дискуссию, пытались захватить руководство партией, свернуть страну с ленинского пути строительства социализма, что в конечном счете привело бы к восстановлению капитализма. В такой сложной обстановке работа председателя ВСНХ была чрезвычайно трудной. Дзержинский со всей твердостью и большевистской непримиримостью выступил против троцкистов в защиту линии партии и с присущей ему добросовестностью и революционным энтузиазмом взялся за новое, еще более трудное дело.

¹ 42—45%, по словам Ф. Э. Дзержинского.

Опять ему нужно было заново учиться. Еще накануне перехода в ВСНХ, прощаясь с товарищами по трехлетней работе на транспорте, Дзержинский сказал, что для работы в ВСНХ он так же не подготовлен, как это было тогда, когда он был назначен народным комиссаром путей сообщения. «...Но я имел тогда смелость... учиться и приобретать необходимые мне знания. Это может позволить себе только пролетарская советская республика назначать наркомам... людей, которые имеют твердую железную волю учиться и побеждать, не зная еще самого дела».

И он снова начал учиться. Учился у рабочих, мастеров, инженеров, ученых, знакомился с оборудованием, с технологическими процессами различных производств, вникая во все детали работы предприятий. Он целые ночи просиживал над докладами, цифрами, справками. Через 12 дней после своего назначения председателем ВСНХ в речи на пленуме Совета съездов государственной промышленности и торговли, обращаясь к присутствующим хозяйственникам, Дзержинский сказал: «Я сейчас должен учиться делу и должен учиться этому у вас. Если я научусь, то этим я оправдаю то доверие, которое выразило мне правительство». 9 марта 1924 года в письме к начальнику Грознефти И. Косиору он повторил: «Пока я должен учиться — поэтому моя просьба к Вам помнить об этом и помочь мне в этом. Смотреть глазами своего аппарата — это гибель для руководителя».

Учась, он работал не зная отдыха, зажигая своим примером и неистощимой энергией хозяйственников, специалистов, рабочих. Дзержинский сравнительно быстро вошел в детали сложного дела промышленного строительства, нащупал наиболее уязвимые места советской промышленности и со всей страстностью революционного борца взялся за их оздоровление. Он выдвинул ряд основных проблем, которые следовало решить в первую очередь, и мобилизовал на это работавших с ним товарищей.

Одной из таких проблем был вопрос о преодолении узковедомственного, местнического подхода советских хозяйственников к решению вопросов промышленности, транспорта и торговли. В своих выступлениях, служебных записках и письмах руководителям различных отраслей промышленности Дзержинский, как и раньше, будучи наркомом путей сообщения, подчеркивал вред местничества

и ведомственного подхода к решению хозяйственных задач, в результате чего часто противопоставлялись интересы транспорта и промышленности и отдельных ее отраслей друг другу. Это, указывал он, являлось последним недавнего прошлого, последним капиталистического строя. «Я, — говорил Дзержинский через две недели после его назначения председателем ВСНХ, — работая почти три года на транспорте, убедился, что нельзя восстановить транспорт и железные дороги, не разрешая проблем металла, топлива, не разрешая вопросов товарообмена между городом и деревней. Но это сознание, к сожалению, среди очень ответственных наших работников еще не является господствующим... В результате мы имеем неслыханно тяжелые затруднения для отдельных отраслей хозяйства...»

«Моя точка зрения, — писал И. Коспору Дзержинский, — такова, что мы должны всю нашу национализированную промышленность... особенно основную: топливную, металлургическую и всю тяжелую, а также и транспорт — рассматривать с точки зрения рабочего государства — как единую, органически связанную интересами своего развития...»

Я мечтаю о том, чтобы все наши руководители... представляли единое целое — единую государственную линию, единую государственную цель, единый блок во главе со мной, раз я назначен Председателем ВСНХ».

Работая в ВСНХ, Дзержинский, как и всегда и всюду, поддерживал тесную связь с массами, опирался на них, чутко прислушивался к их советам и учил тому же своих товарищей — хозяйственников. Он требовал, чтобы они развивали в рабочих творческую инициативу, ценили и использовали их опыт. *«Задачи, стоящие перед нами, — говорил он, — смогут быть успешно разрешены лишь при одном условии, если эти задачи станут задачами самых широких пролетарских масс...»*

Если хозяйственник не знает массы, не умеет стать ее вождем, не сумел завязать с ней постоянных живых связей — то он не может быть ни хорошим членом партии, ни хорошим хозяйственником».

Лучшей формой связи с рабочими массами Феликс Эдмундович считал производственные совещания. В одной из своих записок он перечислил круг вопросов, которые должны быть предметом обсуждения производственных совещаний: недочеты в производстве, производительность

труда, трудовая дисциплина и прогулы, режим экономии, себестоимость продукции, вопросы снабжения сырьем и топливом, правила внутреннего распорядка и т. д.

Огромное значение Дзержинский придавал широкому развитию соцсоревнования и всестороннему обсуждению его итогов на производственных совещаниях. «Нельзя ввести технические улучшения в настоящее время,— говорил он 8 мая 1926 года на Всеукраинском съезде горнорабочих,— без самой тесной спайки хозяйственников с рабочей массой и профессионалистами. Те хозяйственники, которые думают, что они в своих кабинетах могут сами, без рабочих замечать недостатки и устранять их, такие хозяйственники глубоко ошибаются... Какой орган может служить местом объединенных усилий хозяйственников и рабочих для разрешения производственных вопросов? Это — производственные совещания. Производственные совещания не должны быть говорилкой. Они должны детально изучать нужды производства, наметать мероприятия для улучшения его... Мы не должны бояться того, что рабочая масса на производственном совещании щелкнет нас по носу за что следует, а иногда и за что не следует».

Уже в самом начале своей работы в ВСНХ Дзержинский, знакомясь с работой различных предприятий, убедился в чрезвычайно низкой производительности труда при одновременном сравнительно быстром росте заработной платы. Помня указание В. И. Ленина, что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»¹, Дзержинский согласно директивам партии вместе с профсоюзами развернул широкую кампанию за повышение производительности труда.

В первую очередь он призвал рабочих и хозяйственников к борьбе за поднятие дисциплины труда, за уплотнение рабочего дня, за использование внутренних ресурсов. Неустанно заботясь об улучшении условий труда и жизни рабочих, он разъяснял им, что единственным путем для поднятия реальной заработной платы, для улучшения их быта является лишь повышение производительности труда. Он клеймил лодырей, пьяниц, прогульщиков, открыто критиковал отсталые настроения среди рабочих. Дзержинский указывал, что задача хозяйственников

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 21.

совместно с профессиональными союзами — находить меры для того, чтобы вновь влившиеся в производство рабочие массы получали соответствующее, достаточное и нужное воспитание, «чтобы они сроднились, органически спаялись и связались с фабрикой...».

Феликс ненавидел всякую демагогию и подобно В. И. Ленину со всей прямоотой говорил рабочим в тяжелое время восстановительного периода о трудностях, о невозможности повысить заработную плату и в то же время призывал их поднять дисциплину труда на предприятиях, напрячь все силы для увеличения производительности труда, чтобы по мере роста промышленной продукции обеспечить рост реальной заработной платы.

«Можем ли мы выбросить лозунг, что надо увеличивать сейчас зарплату?» — спросил Дзержинский в декабре 1925 года на XIV Московской губернской конференции РКП(б) и ответил: «Я, товарищи, перед вами должен прямо сказать: нет. Мы партия, мы авангард рабочего класса должны предупредить рабочий класс, что сейчас этого лозунга не можем выбрасывать. Почему? Потому, что перед нами стоит основной вопрос, вопрос нашего существования, вопрос нашего развития — проблема основного капитала».

Рабочие правильно восприняли его слова и, несмотря на недостаточную заработную плату, самоотверженно работали.

Глеб Максимилианович Кржижановский, хорошо знавший и очень любивший Дзержинского, работавший с ним в июне 1924 года в одной правительственной комиссии по выработке положений о нормировке и урегулированию заработной платы, в своих воспоминаниях о Феликсе рассказывал: «В разгар спора я написал ему маленькую записку, в которой предупреждал его относительно некоторого риска перенапрягать идеалистическую самоотверженность пролетариата. Вот что ответил он мне на мою записку: «Я помню мои молодые годы. Я был массовым агитатором. Я помню, как эти массы жертвовали всем, идя под расстрелы, как рабочие готовы были всем жертвовать, как их беспросветная жизнь приобретала красочность и радость именно благодаря идее, т. е. идеализму, не философскому, а рабочему». В этих словах весь Феликс Дзержинский и вся сущность его отношений к рабочему классу.

Д. Сверчков, являвшийся комиссаром Омской железной дороги в период пребывания Дзержинского в Сибири в начале 1922 года, так описывает влияние Фелiksa Эдмундовича на рабочих в тяжелые годы разрухи и голода.

«Я был свидетелем бесед Фелiksa Эдмундовича с железнодорожными рабочими в Сибири в начале 1922 года,— вспоминает Д. Сверчков.— Они приходили к нему с протестами против ничтожной заработной платы и против показавшихся им непосильными требований производственной программы. И нескольких минут разговора было достаточно, чтобы личные интересы их совсем исчезли из поля зрения и чтобы они превратились незаметно для себя в его собеседников, занятых вместе с ним одной задачей: как при нищенской заработной плате и полуразрушенных орудиях производства осуществить в наискорейший срок преподаанные задания, как их даже увеличить в той или иной части...»

Кампания за поднятие производительности труда, дружные усилия хозяйственников и рабочих, меры по улучшению организации труда привели уже к весне 1925 года к значительному повышению производительности труда на наших фабриках и заводах. В докладе на III Всесоюзном съезде Советов 15 мая 1925 года Дзержинский говорил:

«Так называемая кампания за поднятие производительности труда и есть выражение того неслыханного героизма, который проявил рабочий класс, чтобы сделать нашу промышленность источником развития всего народного хозяйства Союза ССР...»

...Успехом в отношении производительности труда мы обязаны почти исключительно... сознательности и воле рабочего класса».

Но для дальнейшего роста производительности труда, полного восстановления и развития промышленности недостаточно было одной лишь сознательности и героизма рабочих. Для этого необходимы были также усовершенствование технического оборудования, оснащение предприятий новыми машинами, рационализация всего производства и строительство новых заводов. Поэтому Дзержинский уделял огромное внимание науке, технике и изобретениям.

Он организовывал научно-исследовательские институты, всеми силами поддерживал преданных делу со-

циалистического строительства специалистов, заботился о подготовке молодых технических и хозяйственных кадров из числа рабочих и крестьян, призывал коммунистов овладевать техническими и экономическими знаниями.

Выступая на XIV Всероссийской конференции РКП (б) 29 апреля 1925 года с докладом «О металлопромышленности», Дзержинский говорил, что «без поддержки науки, которая именно имеет целью поднять нашу промышленность и подвести научную базу под производственные процессы, мы без этого не сможем выполнить той задачи по поднятию производительности труда, которая перед нами поставлена...».

В докладе на III Всесоюзном съезде Советов Дзержинский подчеркивал огромное значение науки и техники для СССР. «На нашей необъятной территории, — говорил он, — имеются несметные богатства и растительного царства, и ископаемых, и минералов, и металлов, которые ждут научных методов для того, чтобы быть использованными...».

Когда мы, крепкие своим союзом рабочих и крестьян и наций, населяющих наш Союз, будем опираться на науку, тогда только мы сможем выполнить безболезненно те цели и те задачи, которые мы ставим перед собой».

Дзержинский посещал научно-исследовательские учреждения и лично знакомился с их работой. В июне 1925 года Феликс Эдмундович поехал в Ленинград, где посетил Институт прикладной химии (ИХО — ВСНХ) и его горно-металлургическую лабораторию. Там он беседовал с акад. Н. С. Курпаковым и другими научными работниками, ставя перед ними задачи, связанные с восстановлением и развитием промышленности.

Из Ленинграда он направился на Волховстрой, подробно ознакомился со строительством этой первой в СССР гидроэлектростанции, долго разговаривал с руководителем этой стройки инженером Графтио.

Дзержинский высоко ценил старые кадры честных специалистов, заботливо относился к условиям их работы, к их нуждам, оказывал им доверие и призывал членов партии — хозяйственников с таким же вниманием и чуткостью относиться к ним. «Нам необходимо, — говорил он, — создать для технической мысли, для технической науки, для технического персонала такие товарищеские и материальные условия, в которых знания могли бы

найти почву для произрастания, в которых они могли бы видеть успехи своих работ».

Редактор «Торгово-промышленной газеты» (органа ВСНХ) М. А. Савельев в своей статье о Дзержинском писал, что в результате его чуткого, внимательного отношения к специалистам, к их пугдам и условиям работы постепенно таял лед замкнутости в кругах специалистов, росло громадное уважение к личности Дзержинского.

В народном хозяйстве СССР, в том числе в промышленности, ощущался большой недостаток технических кадров. Дзержинский глубоко верил в силы подрастающего поколения, в его энтузиазм и заботился о подготовке новых кадров путем привлечения рабоче-крестьянской вузовской молодежи к практической работе. В октябре 1924 года по согласованию с ЦК РКП(б) он организовал при ВСНХ институт практикантов из числа студентов-партийцев, главным образом старших курсов. На работе в ВСНХ они должны были проводить около 15 часов в неделю, за что получали по 50 рублей в месяц. Студенты пользовались библиотекой ВСНХ, имели право посещать заседания Президиума ВСНХ, главных управлений и т. д. В ВСНХ попали 75 студентов, из них 40 человек были направлены в комиссии по поднятию производительности труда, 35 человек — в различные отделы ВСНХ.

В своем письме заведующим отделами ВСНХ и председателям комиссий Дзержинский указывал, что вузовцев надо «не только распределить, но каждого из них узнать, проинструктировать и давать указания уже в процессе самой работы». Главную задачу практикантов Феликс Эдмундович определял так: «...учиться делу самим, учиться видеть и анализировать, учиться выпскивать все то, что способно поднять производительность, достигнуть и перешагнуть границу, имея всегда в перспективе великую цель и великие задачи».

Если наша молодежь, говорил он, кроме своей собственной учебы поможет нам в первое время выявить недочеты, то и тогда это будет большим достижением.

Дзержинский подчеркивал, что надо обращать внимание на борьбу с комчванством среди практикантов и «на поддержку молодого оптимизма и энтузиазма — остальное приложится».

Он указывал руководителям управлений ВСНХ, что при посылке студентов на заводы необходимо обеспечи-

вать им внимательное и дружелюбное отношение со стороны администрации и рабочих.

Феликс Эдмундович лично следил за работой студентов, обсуждал с руководителями отделов и комиссий методы лучшего использования практикантов и выправлял обнаруженные недочеты, лично общался со студентами, периодически созывая их на совещания, заслушивая их отчеты о проделанной работе, спрашивал о трудностях. На одном из таких совещаний студенты жаловались на тяжелые условия и препятствия в работе. Тогда он обратился к ним с горячей речью, в которой напомнил об огромной роли молодежи, ее активности и энтузиазме в решительные моменты борьбы русского пролетариата в царское время, на подпольной работе, в период Февральской и Октябрьской революций, во время гражданской войны и советского строительства.

Дзержинский разъяснил им важность и значение их практики для подготовки новых кадров промышленных специалистов, ободрил их и, прощаясь, сказал: «А разочаровываться не следует — большие трудности нужно преодолевать с удесятенной энергией». В то же время Дзержинский считал, что через студентов-практикантов надо завязать прочную связь с вузами и обеспечить влияние на их жизнь и работу¹.

Феликс Эдмундович горячо приветствовал выпускников технических вузов, которые шли работать на производство, и стыдил тех, кто отказывался ехать на места и цеплялся за канцелярскую работу. Студенческая молодежь видела в Феликсе Эдмундовиче своего большого друга. Когда в феврале 1926 года он приехал в Ленинград для участия в XXIII Чрезвычайной Ленинградской губпартконференции, студенты Ленинградского политехникума путей сообщения, которому присвоено было имя Ф. Э. Дзержинского, пригласили его посетить это учебное заведение, хотя он уже давно не был руководителем транспорта. «Ваше присутствие, — писали ему они, — вложит в нас еще более энергии, и мы приложим все силы в строительстве пролетарского государства, и в частности нашего учебного заведения, носящего столь дорогое для нас имя».

Дзержинский заботился не только о подготовке новых кадров для промышленности из молодежи, но и о под-

¹ ЦПА ИМЛ.

нятии квалификации рабочих масс, об их профессиональном образовании. Это требовалось особенно в связи с тем, что процесс восстановления промышленности и начало строительства новых заводов вызывали ежегодно прилив сотен тысяч совсем не подготовленных рабочих, преимущественно от сохи.

Дзержинский считал, что профессиональное образование рабочих должно быть «делом хозяйственным и войти в производственную программу». Ввиду того что фабрично-заводское ученичество не удовлетворяло растущих потребностей промышленности в квалифицированной рабочей силе, Дзержинский ставил вопрос об организации наряду с фабзавучем «бригадного индивидуального ученичества» и о привлечении к обучению работников Центрального института труда.

В своей работе на хозяйственном фронте Дзержинский всегда глубоко интересовался вопросами технического и организационного улучшения производства. На Всесоюзном совещании по рационализации он призывал использовать громадный производственный опыт заграницы и высмеивал тех хозяйственников, которые говорили: «Зачем нам заграница, шапками ее закидаем». В то же время он придавал колоссальное значение изобретательству советских специалистов и особенно рабочих.

В своем приказе № 34 по ВСНХ от 11 апреля 1925 года «О рабочем изобретательстве» Дзержинский говорил, что «с переходом средств производства в руки Советского рабоче-крестьянского правительства перед рабочим у станка открылись совершенно новые возможности использования изобретательских способностей, которые таятся в нем...

Рабочий,— продолжал он,— знает в настоящее время, что он работает не для усиления превосходства своего классового врага — капиталиста, что он не дает ему новых средств для усиления эксплуатации и угнетения рабочих, но, наоборот, дает *своему* же государству, *своему* же классу возможность повысить производительность труда... улучшить положение трудящихся. Это сознание создает сильный стимул к творческой изобретательской работе рабочих и техников».

И Дзержинский призывал хозяйственников и специалистов *«помочь рабочему-изобретателю преодолеть те трудности, которые стоят перед ним на пути к осуществлению его изобретения, вследствие недостатка научно-тех-*

нических знаний». Кроме того, в целях поощрения широкого коллективного творчества рабочих у станка — премировать их за каждое усовершенствование, предложенное и разработанное ими на заводе. Дзержинский обязывал хозяйственные органы всемерно содействовать продвижению всяких усовершенствований, деловых предложений, новых приспособлений и изобретений.

Лишь таким путем, говорил он, «...мы сумеем достичь высокой производительности труда, снизить себестоимость наших промышленных изделий, оставляя за собой довоенные и приближаясь к заграничным нормам».

Наряду с этим Дзержинский указывал, что часто изобретение или усовершенствование, произведенное на каком-нибудь отдельном предприятии, не применяется на других фабриках и заводах той же отрасли, и в специальном циркуляре (№ 76 от 4 августа 1925 года) требовал использования и самого широкого распространения полезных изобретений. Дзержинский был глубоко убежден, что «коллективная мысль, воля и коллективное творчество самих рабочих, будучи поддержаны руководящими лицами, могут сделаться новым фактором небывалого гигантского роста промышленности и транспорта».

Дзержинский был пламенным сторонником ленинской линии партии на социалистическую индустриализацию страны, на превращение СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование, в страну индустриальную, оснащенную новейшей техникой. Только индустриализация СССР могла обеспечить обороноспособность страны и ее независимость от капиталистических государств.

За социалистическую индустриализацию СССР Дзержинский боролся с присущим ему энтузиазмом, со всей своей неутомимой энергией, отдавая этому делу все свои силы и организаторские способности. С исключительной непримиримостью он отстаивал эту линию в борьбе с ее противниками — троцкистами и зиновьевцами. Для индустриализации страны необходимо было развернуть строительство тяжелой промышленности.

Еще работая на транспорте, Дзержинский уделял большое внимание улучшению состояния угольной промышленности. Став председателем ВСНХ, он создал при ВСНХ Центральный комитет содействия Донбассу и добивался увеличения добычи и расширения потребления угля.

Ввиду достигнутых к весне 1924 года успехов в угольной промышленности и на транспорте первоочередной задачей явилось поднятие металлургии и машиностроения, без чего нельзя было развивать ни легкой промышленности, ни транспорта, ни сельского хозяйства, ни выполнить ленинский план электрификации СССР, ни обеспечить обороноспособность страны.

Выполняя директиву состоявшегося в мае 1924 года XIII съезда РКП(б) о необходимости развернуть борьбу за металл, за подъем тяжелой промышленности, за налаживание внутри страны производства средств производства, Дзержинский огромное внимание уделял восстановлению и развитию тяжелой промышленности, и в первую очередь металлургии и производству средств производства. Будучи еще наркомом путей сообщения, выступая на заседании Президиума Госплана 17 ноября 1923 года по вопросу о пересмотре программы вагоно- и паровозостроения, он говорил: «Если мы теперь деревянная, лапотная Россия, то мы должны стать металлической Россией, металлургия — все наше будущее». В выступлении на IV пленуме ЦК союза металлистов 21 июня 1924 года о значении металлопромышленности Дзержинский подчеркивал, что на ней покоится мощь всего государства. В рабочем государстве, говорил он, значение металлопромышленности увеличивается еще потому, что металлисты являются основными кадрами пролетариата и изделия металлопромышленности играют огромную роль в деле смычки рабочего класса с крестьянством.

Вскоре Дзержинский взял на себя непосредственное руководство металлопромышленностью, которая стала его любимым детищем. Он глубоко изучил состояние металлопромышленности, выдвинул задачи поднятия производительности труда металлистов, снижения себестоимости продукции, внедрения на предприятиях хозяйственного расчета и разработал конкретный план развития металлопромышленности в целом и ее отдельных отраслей.

Дзержинский лично ознакомился с работой металлургических и машиностроительных заводов на местах. В июне 1925 года он посетил ленинградские промышленные предприятия и выступил на совещании хозяйственников с речью о положении и задачах ленинградской промышленности.

Получив весной 1926 г. кратковременный отпуск, Дзержинский не использовал его полностью и поехал в

Харьков для ознакомления с состоянием украинской промышленности и для помощи в устранении имеющихся недостатков. Там он провел ряд совещаний с хозяйственниками по вопросам режима экономии и сдерживания розничных цен, а также выступил с речью на всеукраинском съезде союза горнорабочих.

Вернувшись в Москву, Дзержинский вскоре узнал из доклада специальной комиссии, обследовавшей заводы Югостали и Южного машиностроительного треста, о их неудовлетворительной работе и финансовых затруднениях. Он снова уехал в Харьков и вместе с украинскими хозяйственниками провел большую работу по устранению имевшихся недостатков на этих предприятиях; при его содействии на заводах Югостали и Южмаштреста был введен хозяйственный расчет, сыгравший большую роль в оздоровлении предприятий этих трестов. Во время второй поездки в 1926 году в Харьков Феликс Эдмундович написал мне 20 мая:

«...Я нахожусь здесь второй день...

Выеду отсюда в Екатеринослав и Донбасс... Я вижу здесь новых людей, проблемы здесь ближе к земле и приобретают больше черт конкретности, к моим мыслям больше прислушиваются и откликаются на них... Я охотно переехал бы в провинцию на постоянную работу...»

Однако ему не удалось тогда выполнить своего намерения выехать в Екатеринослав и Донбасс. Пришлось вернуться в Москву для оказания помощи Югостали и Южмаштресту по линии центральных учреждений.

Уделяя особое внимание развитию тяжелой промышленности как основы индустриализации страны и лично руководя металлопромышленностью, Дзержинский заботился о всех других отраслях промышленности, изучая их состояние и нужды и принимая меры для их восстановления и улучшения работы. В Центральном партийном архиве ИМЛ имеется много материалов, свидетельствующих о том, что Дзержинский занимался вопросами текстильной промышленности, имевшей большое значение для смычки рабочего класса с крестьянством, а также вопросами хлопководства, снабжавшего эту промышленность сырьем, способствовал развитию химической промышленности, резиновой, кожевенной, лесной и лесохимической, спичечной промышленности, сахарной и вино-

куренной, стекольной и фарфоровой, кустарной промышленности и промысловой кооперации.

Дзержинский придавал большое значение геологоразведочным работам по добыче нефти, цветных металлов, платины, золота и других полезных ископаемых. Его глубоко интересовали вопросы строительной промышленности. Знаменательно, что он выступил с предложением организации опытного дела по строительству¹.

К весне 1925 года перед ВСНХ встал во весь рост вопрос о необходимости постройки новых заводов по всем почти отраслям металлопромышленности.

Дзержинский, выступая с докладом «О металлопромышленности» на XIV партийной конференции, указал на растущие потребности транспорта, легкой промышленности, сельского хозяйства в металле и внес предложение о строительстве новых металлургических и машиностроительных заводов.

В принятой по его докладу резолюции XIV конференция РКП(б) признала необходимым в том же 1924/25 хозяйственном году разработать и утвердить трехлетний план постройки новых металлзаводов и признать постройку таких заводов первоочередной задачей. Дзержинский со всей энергией принялся за осуществление этого решения. Еще 28 июля 1924 года он обратился в Политбюро ЦК с протестом против решения СТО о закупке тракторов за границей вместо разрешения вопроса о строительстве тракторов на своих заводах².

Еще в 1923/24 году было начато строительство своих тракторов на заводе «Красный путиловец» (ныне Кировский завод), на Коломенском и Харьковском паровозостроительных заводах.

Там же велась подготовка кадров для новых тракторных заводов.

Вскоре после XIV партийной конференции Дзержинский поручил своему заместителю В. И. Межлауку организовать проектирование постройки новых тракторных заводов и расширение существующих заводов сельскохозяйственного машиностроения. И еще при жизни Феликса было начато строительство гигантов-первенцев Ростовского завода сельхозмашиностроения и Сталинградского (ныне Волгоградского) тракторного завода, которому впоследствии было присвоено имя Дзержинского.

¹ ЦПА ИМЛ.

² Там же.

В этом же хозяйственном году было начато строительство автомобилей на заводе АМО в Москве и продолжено давным-давно прерванное строительство торговых судов. Успешно выполнялся план ГОЭЛРО, были построены Кизеловская, Шатурская, Кашпирская электростанции, а также Нижегородская, в 1925 году закапчивалось строительство Волховской и Штеровской электростанций.

Проводя ленинскую национальную политику, Дзержинский считал, что новые заводы надо строить в национальных республиках, где в результате царской политики не было пролетариата и пролетарских центров, а также ближе к источникам сырья и топлива. По его инициативе в план ВСНХ было включено строительство текстильных фабрик в Узбекистане и Туркменистане. Металлургические заводы, по мнению Дзержинского, следовало строить на Урале и на Украине, а заводы сельхозмашиностроения — на юго-востоке и в Сибири. Дзержинский считал, что ВСНХ должен уделить особое внимание развитию промышленности в Закавказье, чтобы связать кавказские народы экономически со всей Советской страной, «чтобы для всего населения была очевидной польза в принадлежности к Союзу ССР».

Еще при жизни Дзержинского наряду с тракторостроением и судостроением было положено начало созданию и других новых отраслей промышленности: турбиностроения и дизелестроения, авиа- и моторостроения и радиопромышленности.

В августе 1924 года в письме к В. Н. Манцеву по вопросу о создании авиатреста и составе его правления Дзержинский указывал, что в состав правления этого треста должны войти «живые, любящие и болеющие за дело работники, умеющие подойти и воодушевить великими задачами авиации всех рабочих и работников...»¹.

В служебной записке в авиатрест от 25 апреля 1925 года Дзержинский со всей силой подчеркнул, что «сейчас нужна... кропотливая, внутренняя работа. Дело авиастроения надо во что бы то ни стало поставить на крепкие ноги»².

Дзержинский придавал огромное значение развитию в СССР радиопромышленности и радиовещания как мо-

¹ ЦПА ИМЛ.

² Там же.

гучего средства воспитания широчайших народных масс. 13 июня 1925 года он посетил выставку советской радиотехники и в книге записей отметил большие успехи в области радиопромышленности, добавив: «Эти успехи и темп достижения их вселяют нам полную уверенность, что через немного лет мы догоним и обгоним капиталистические страны в этой области».

Когда по инициативе партии в СССР создавалось Общество друзей советской кинематографии (ОДСК) и в ноябре 1925 года было создано в Москве учредительное собрание этого общества, Дзержинский прислал ему приветственное письмо: «Кинематограф может и должен стать могучим орудием культурного подъема нашей рабоче-крестьянской страны...

Первые успехи развития нашего хозяйства и перспектива дальнейшего быстрого подъема нашей промышленности подводят крепкую базу под общекультурный подъем рабочих и крестьянских масс.

В этом деле кинематограф должен будет сыграть немаловажную роль».

Приветствуя учредительное собрание ОДСК и желая ему всяческого успеха в работе, Дзержинский закончил: «Кино и радио в деревню и рабочие кварталы, — пусть это будет нашим лозунгом, пусть кино и радио помогут скорейшему преодолению нашей некультурности».

Дзержинский был избран председателем ОДСК и 3 апреля 1926 года на пленуме Совета ОДСК, подытожив первые результаты деятельности Общества и подвергнув критике отдельные стороны проделанной Обществом работы, указал на главные его задачи: «практическое, а не только словесное содействие строительству кино, кинофикация окраин, сел и рабочих районов, планомерная материальная помощь кинопромышленности».

Характерно, что Дзержинский интересовался и занимался и таким вопросом, как проблема межпланетных полетов. Когда в 1924 году было организовано Общество изучения межпланетных сообщений, то в число членов президиума этого общества наряду с К. Э. Циолковским, Ф. А. Цандером и другими был избран и Ф. Э. Дзержинский.

В связи с задачей индустриализации страны, строительства новых и переоборудования старых заводов возник серьезнейший и трудный вопрос о том, откуда взять средства на это великое важное дело.

Советский Союз был тогда единственной социалистической страной в море окружающих его капиталистических государств. От всего капиталистического мира не только нельзя было ждать какой-либо помощи в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР, но, наоборот, капиталисты всего мира и их правительства делали все, чтобы помешать социалистическому строительству, и готовились к повой войне против СССР, чтобы ликвидировать Советскую власть.

«Перед самой своей смертью т. Дзержинский вплотную занялся вопросами обороны нашего государства,— писал К. Е. Ворошилов,— ибо, по его мнению, мы вступаем в такой период нашей истории, когда опасности новых попыток интервенции снова нависают над нашим Союзом. Феликс Эдмундович перед самой своей смертью об этом говорил определенно и четко»¹.

На займы в капиталистических странах Советская власть рассчитывать не могла, ибо в них капиталистические государства отказывали. Кроме того, капиталистические займы, если бы их удалось получить, были бы возможны лишь на таких кабальных условиях, которые поставили бы Советскую страну в зависимость от иностранного капитала.

Следовательно, средства для индустриализации надо было искать лишь внутри Страны Советов. Троцкисты предлагали осуществить индустриализацию страны за счет крестьянства, путем увеличения сельскохозяйственного налога на крестьян и повышения цен на промышленные товары. Но такое решение было бы в корне неправильно, ибо подорвало бы союз рабочего класса с трудовым крестьянством — основу диктатуры пролетариата, незыблемую основу Советской власти.

Источники средств на социалистическую индустриализацию таились в существующем в Советской стране в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции социально-экономическом строе: в общенародной собственности на землю, ее недра, средства производства, транспорт и банки, в государственной внешней и внутренней торговле. Прибыль от всего этого, которая раньше оставалась в руках эксплуататоров, теперь принадлежала Советскому государству, и оно использовало ее для великого дела индустриализации страны.

¹ К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. М., 1936, стр. 68.

Таким образом, в условиях советского строя единственным и надежным средством для осуществления социалистической индустриализации был труд рабочих и крестьян и повышение его производительности.

Но накапливаемые средства надо было уметь использовать. Для этого необходим был строжайший режим экономии и ликвидация всех непроеводительных расходов. Руководствуясь указаниями, содержащимися в последних статьях В. И. Ленина, в частности в статье «Лучше меньше, да лучше», Феликс Эдмундович выступил инициатором проведения режима экономии, бережного, истинного пролетарского подхода к расходованию государственных средств. Он развернул в ВСНХ широкую кампанию за режим экономии, привлек к ней орган ВСНХ — «Торгово-промышленную газету» и другие печатные органы. Дзержинский указывал при этом, что сама кампания за режим экономии должна быть «экономной», что «не нужно больших дорогостоящих комиссий и какой-либо излишней шумихи» вокруг этого вопроса.

Борьба за режим экономии, говорил Феликс Эдмундович в беседе с представителями печати 4 марта 1926 года, «должна стать основной руководящей директивой для повседневной будничной работы каждого хозяйственника и всей промышленности в целом».

...Экономия — это одна из важнейших партийных директив в области нашего хозяйственного строительства».

Дзержинский подчеркивал необходимость строжайшей экономии и в области торговли, ибо уменьшение накладных расходов в торговле снизит розничные цены.

«Режим экономии, таким образом, есть борьба за смычку с крестьянством, есть борьба за действительное социалистическое строительство». Позже, 16 апреля 1926 года, в докладе на совещании руководителей московской печати Дзержинский отметил, что «начатая со стороны ВСНХ кампания за режим величайшей экономии и бережливости, распространившаяся ныне на все области народного хозяйства, должна быть подхвачена и проведена всей нашей партией и советской общественностью».

В одной из своих служебных записок от 19 марта 1926 года Русанову, Савельеву и Самсонову Дзержинский указал пути борьбы за экономию, а именно: сокращение и улучшение хозяйственного аппарата, сокращение накладных расходов, отмена торжеств, запрещенные юбилеев, реклам, объявлений, всяких незаконных поборов

и обложенный, ликвидация ненужных организаций и других излишеств (излишний транспорт, свои совхозы, убыточные ремонты, роскошная обстановка и т. д.).

За экономию государственных средств Феликс боролся с момента создания Советской власти во всех учреждениях, в которых он работал, и в быту, уделяя внимание даже мелочам. Так, вернувшись однажды поздно ночью в ВЧК, Феликс обнаружил в одном из пустых помещений ВЧК горящий электрический свет. В эту же ночь он оставил своему секретарю В. Герсону записку о наложении взыскания на одного из сотрудников ВЧК за оставление в помещении света после работы¹.

В апреле 1922 года, занимаясь хозяйственными вопросами ВЧК, Феликс Эдмундович указал своему заместителю по линии ВЧК И. С. Уншлихту и всем членам коллегии: «Наше (Республики) финансовое положение катастрофично, и надо проявить скупость во всем. Мелочи в совокупности вырастают в колоссальные цифры».

Упрощение хозяйственного аппарата и улучшение его работы занимало внимание Дзержинского в течение всего времени его руководства промышленностью. Но особенно сильно волновал его этот вопрос в последние месяцы жизни.

В докладах, в служебных записках и в личных беседах со своими помощниками по работе в ВСНХ и даже в разговорах со мной он постоянно затрагивал вопрос о болезнях хозяйственного аппарата и указывал пути его оздоровления. Первоочередной задачей Дзержинский считал сокращение слишком разбухших штатов ВСНХ, всех подчиненных ему аппаратов на местах, трестов и предприятий. Незадолго до смерти в одной из своих речей он указывал, что в одном крупнейшем тресте расходы на содержание управленческого аппарата составляли до 40% общей суммы заработной платы рабочих, занятых на предприятиях этого треста. А в другой речи, критикуя чрезмерный рост хозяйственных аппаратов, Феликс Эдмундович сказал: *«В стране пролетарской никоим образом нельзя терпеть, чтобы труд непроизводительный, т. е. такой, который не создает ценности, настолько развивался»*. Дзержинский считал, что упрощение хозяйственного аппарата может дать дополнительные средства для индустриализации страны и для удовлетворения потребностей рабочих.

¹ ЦПА ИМЛ.

Особенно резко выступал Дзержинский против господствовавшего тогда в хозяйственном аппарате бюрократизма и волокиты, являвшихся последним проклятого капиталистического прошлого. Он с ужасом говорил об отчетном, справочном, бухгалтерском, статистическом, контрольном потоке, заливающим работников ВСНХ.

«Доклады, доклады. Отчеты, отчеты. Цифры, таблицы, бесконечный ряд цифр,— возмущался он... Нет при этой системе времени изучить вопрос. Знают дело не люди, а справки, доклады. Пишутся горы бумаги. Читать их некому и нет физической возможности».

Чтобы устранить эти недостатки, Дзержинский предлагал максимально сократить отчетность, заменить систему бумажной переписки системой личного общения (приемы, выезды на места, на заводы, в клубы), запретить писать большие доклады, перейти в деле рационализации управления к «системе доверия».

«Нельзя управлять промышленностью,— говорил он,— иначе, как доверяя тем, кому ты сам вручаешь данное дело, уча их и участь от них...

...Из этого вытекает: побольше личного общения по линии главк — завод, сведение переписки и бумажной отчетности до необходимого минимума, замена в органах управления чиновников-бюрократов людьми, лично знающими дело и умеющими учиться ему; частые выезды руководящих работников на места, на заводы...»

Наряду с «системой доверия» к работникам Дзержинский считал необходимым ввести личную ответственность каждого из них за выполняемую работу. Нужно, чтобы было известно, кто чем занимается, что изучает и за что отвечает. Он требовал, чтобы представляемые ему доклады подписывались теми, кто лично их составлял.

«Возьмите доклады, которые мной формально подписываются, — казалось бы, не может быть на свете более умного и всезнающего человека, чем Дзержинский. Он пишет доклады о спичках, о золоте, о недрах, он пишет абсолютно обо всем, нет такого вопроса... по которому бы Дзержинский не писал, и доклада, под которым бы не подписывался. А это ведь и есть выражение нашей бюрократической, никуда не годной системы, ибо тот, кто фактически работает, кто прорабатывает вопрос, его не видно нигде, он скрыт. И поэтому нам надо внимательно подойти к нашему аппарату, чтобы он работал четко и ясно, чтобы была полная ответственность всех».

Дзержинский считал, что слишком много ценного времени уходит на совещания, комиссии, согласование различных вопросов, и требовал максимально их сократить. Понимая, что главное в улучшении хозяйственного аппарата — это правильный подбор работников и их воспитание, Дзержинский во многих своих речах и беседах со своими помощниками говорил о том, какими чертами должен обладать советский хозяйственник.

Так, еще будучи народным комиссаром путей сообщения, Дзержинский сказал 6 декабря 1923 года: «Самый скромный труженик — практик должен иметь цель перед собой и в себе. Значит надо быть борцом в самом малом деле — торговли и производства, иначе ничего не выйдет. А это значит — быть честным прежде всего и уметь подбирать честных людей, готовых в «малом» деле служить великому делу».

В Центральном партийном архиве ИМЛ сохранились написанные рукой Феликса тезисы на тему: «Каким должен быть и что помнить и знать должен каждый хозяйственный работник Советского государства, коммунист в особенности». (Тезисы эти без даты.)

В этих тезисах мы, между прочим, читаем: «От труда и руководства хозяйственника зависит все будущее нашего Союза. Это накладывает на него огромную ответственность и требует от него критического отношения к себе и к своей работе, осознания своих недостатков, мешающих выполнению его «миссии», и ожесточенной борьбы с этими недостатками». Дзержинский указывает, что советский хозяйственник прежде всего должен осознавать, что цель каждого хозяйственного дела в СССР — это «создание и укрепление мощного рабоче-крестьянского государства, а не хозяйственное дело само по себе».

Каждое советское хозяйственное дело, говорится дальше в тезисах, «не должно жить за счет государства, а, наоборот, должно давать прибыль государству на содержание армии, школ, больниц, государственного аппарата... Отсюда вытекает главнейшая задача — борьба с убыточностью, дефицитом. Но прибыль не должна получаться от вздувания цен — такая прибыль убыточная, так как делает изделия недоступными и сокращает сбыт. Прибыль должна быть в результате улучшения организации производства, уменьшения расходов, увеличения производительности и производства». Руководители предприятий, дающих прибыль, должны помнить, что вся она пойд-

дет государству, а также на те отрасли промышленности, которые еще не восстановлены и не могут давать прибыль.

Далее в тезисах перечислены основные недостатки, вредящие делу хозяйственного развития страны, с которыми каждый хозяйственник должен постоянно вести непримиримую борьбу. Привожу основные из них:

«Местничество и ведомственность. Слишком быстрый темп восстановления одних — смерть других; слишком большое нетерпение из-за медленного темпа роста заработной платы. Разнобой в уровне заработной платы в тех же квалификациях; обман в калькуляциях, чтобы урвать; комчанство, не учатся; невниманье к мелочам; прикрытие недостатков и даже преступлений; отрыв от партии и от масс»¹.

Дзержинский неоднократно указывал на вредность практики подлаживания хозяйственников к рабочим массам. Так, обращаясь к правлениям синдикатов, трестов и красным директорам, 18 июня 1924 года он писал: «Каждый хозяйственник должен вести борьбу за завоевание авторитета и доверия рабочих масс, но борьба за это доверие никоим образом не должна пользоваться орудием демагогии, подлаживания к массам, удовлетворения их в ущерб и за счет государства, за счет интересов союза с крестьянством, местных требований. Этот путь демагогии самый, пожалуй, вредный путь, усыпляющий массы, отталкивающий их от основных задач рабочего класса в производстве».

Как настоящий ленинец, Дзержинский был непримирим ко всяким недостаткам в партийной, государственной и хозяйственной работе и неуклонно проводил директиву партии о критике и самокритике.

«Вся сила нашей пролетарской власти, — писал он 3 сентября 1924 года, — именно в том, что мы не скрываем своих ошибок и недостатков — наоборот, сами их вскрываем и гласно анализируем и, опираясь на сознание и волю миллионов, вовлекая в творчество эти миллионы, преодолеваем эти ошибки и недостатки и выходим победителями, идем вперед быстрым темпом, в то время как враги наши все более и более разлагаются, как смердящий труп».

Несколько раньше, в июне 1924 года, указав, что некоторые хозяйственники боятся критики рабочих масс,

¹ ЦПА ИМЛ.

ошибочно думая, что она подрывает их авторитет и разлагает производство, Дзержинский сказал: «Не надо бояться критики, не надо затушевывать недостатки — наоборот, надо облегчать их выявление и не видеть во всем дискредитирования. Дискредитирован может быть только тот, кто скрывает свои недостатки, кто со злом не желает бороться, т. е. тот, кто и должен быть дискредитирован. Надо уметь видеть правду и воспринимать ее от масс и от всех участников производства. Нет ничего хуже самопохвалы и самодовольства».

И позднее, в своем заключительном слове на XXIII Чрезвычайной Ленинградской конференции ВКП(б) 12 февраля 1926 года, Дзержинский сказал: «Мы ошибок не должны бояться, но под одним условием — если у нас нет комчанства, «шапками закидаем» и проч., если мы знаем самих себя, знаем свои силы, знаем свои ошибки и не боимся их открывать».

А. И. Микоян в своей речи о Дзержинском в десятую годовщину со дня его смерти вспоминал: «Дзержинский беспощадно вскрывал недостатки работы аппарата, которым он руководил, недостатки того дела, которое было ему поручено. Он умел пользоваться оружием большевистской самокритики, без которой нельзя побеждать».

Он умел призывать на помощь миллионы людей для ликвидации прорыва, для обеспечения успеха дела, смело вскрывая перед ними недостатки и слабости, указывая ясный путь для их преодоления.

Он никогда не боялся говорить массам правду, зная, что большевистская правда всегда побеждает».

В апреле 1925 года в своей речи о проблемах советской торговли, критикуя серьезные недостатки в этой отрасли хозяйственной работы, Дзержинский отметил, что белогвардейцы и западноевропейские капиталисты именно его, который выявлял в металлопромышленности и в других отраслях промышленности болячки, «провозглашали в белогвардейской прессе своим союзником, думаю, — добавил он, — что от таких союзников им не поздоровится... То, «что советскому строю здорово, то буржуазному каюк», — и мы эту роскошь выявления недочетов позволить себе можем».

В октябре 1925 года Дзержинский, выполняя решение ЦК РКП(б), развернул широкую кампанию по борьбе за снижение розничных цен на промышленные изделия и по борьбе с широко развившейся на почве существовав-

шего тогда товарного голода спекуляцией. Промышленные товары, вместо того чтобы идти кратчайшим путем к потребителю — рабочему и крестьянину, попадали в руки посредников-спекулянтов, которые взвинчивали розничные цены. Спекуляция проникла также и в торговые органы ВСНХ, и в потребительскую кооперацию, которые, закупаая товары по твердым отпускным ценам, перепродавали их с целью барыша спекулянтам втридорога. Эта спекуляция в розницу понижала реальную зарплату рабочих и служащих, ущемляла интересы крестьян-покупателей, вбивая клин между ними и рабочими, вела к повышению цен на хлеб и на сельскохозяйственные продукты, срывала советскую экспортную и импортную программу, угрожала советской валюте и вела к дезорганизации всего народного хозяйства. Развернутая по инициативе Дзержинского кампания за снижение розничных цен велась под лозунгом: «Долой спекулянтов и спекуляцию как посредников между госпромышленностью и широким потребителем — рабочим и крестьянином».

«Вакханалии роста розничных цен, — говорил Дзержинский, — должен быть положен конец». Он отдал по ВСНХ приказ обследовать деятельность государственных торговых органов, очистить их от всякой спекуляции и спекулянтов и привлечь виновных к судебной ответственности, а также организовать государственную мелкую оптовую и розничную торговлю ближе к непосредственному потребителю. Дзержинский считал необходимым использовать для борьбы со спекуляцией печать, профсоюзы, производственные совещания, вовлечь в эту кампанию широкие рабочие массы. В то же время Дзержинский поручил Экономическому управлению ОГПУ усилить наблюдение за злоупотреблениями и преступлениями в области торговли и еженедельно представлять доклады об этом ему лично. Трестам, производящим недостающие на рынке изделия, Дзержинский дал указание принять все меры для расширения своего производства. Руководство всей кампанией по борьбе со спекуляцией он поручил своему заместителю по ВСНХ В. Н. Манцеву.

Напряженная работа рабочих, специалистов, хозяйственников под руководством партии давала огромные результаты. За два с половиной года деятельности Дзержинского в ВСНХ советская промышленность повысила свою продукцию в 2—3 раза. Целый ряд отраслей нашей промышленности перешагнул к середине 1926 года рамки

довоенного уровня производства. Металлопромышленность поднялась на 350—400%, приближаясь к довоенному уровню. Оптовые цены, неизменно вздутые в конце 1923 года, постепенно снижались. Производительность труда рабочих в общем и целом выросла почти на 50%; приблизительно на 50—60% выросла и заработная плата. Промышленный экспорт вырос не менее чем в 3 раза. К 1926 году в целом заканчивался восстановительный период народного хозяйства.

А. И. Микоян в упомянутой выше речи констатировал, что Дзержинский под руководством партии «успел не только восстановить промышленность до довоенного уровня, но заложил своей рукой первые гиганты нашей современной индустрии... Надо было иметь железную волю, действительно большевистские сознание и выдержку, чтобы преодолеть трудности восстановления и реконструкции народного хозяйства в обстановке ожесточенной классовой борьбы, при колебаниях середняка и отсталой части рабочих».

* * *

В апреле 1925 года состоялась XIV конференция РКП(б), которая решительно и единодушно осудила капитулянтскую позицию троцкистов, утверждавших, что построение социализма в СССР невозможно без государственной поддержки победившего западноевропейского пролетариата.

Однако вскоре после XIV партийной конференции оказалось, что члены Политбюро ЦК Зиновьев и Каменев, двурушнически голосовавшие на этой конференции за резолюцию, осудившую троцкизм, сами скатились на его позиции. Осенью 1925 года они стали утверждать, что без социалистической революции на Западе построить социализм в СССР нельзя.

Это был рецидив капитулянтской позиции Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года, когда они выступили против социалистического переворота, не веря в силы пролетариата и его возможность повести за собой трудовое крестьянство.

Эта «новая оппозиция» выступала против курса партии на индустриализацию страны, отрицала социалистический характер советской государственной промышленности, называя ее государственно-капиталистической. Она боролась против ленинской линии партии, направленной

на союз рабочего класса с середняком. Линия оппозиции вела к подрыву устоев диктатуры пролетариата. «Новая оппозиция» клеветнически обвиняла партию в перерождении.

Дзержинский, возмущенный двурушничеством Зиновьева и Каменева и их раскольнической работой, гневно обрушился на них на собрании членов ЦК осенью 1925 года.

Емельян Ярославский в своих воспоминаниях о Дзержинском писал: «...он был одним из тех, кто наиболее резко боролся против оппозиции. Он не боялся называть вещи своими именами. Выступление оппозиции на XIV съезде он иначе не мог квалифицировать, как измену интересам партии».

XIV съезд партии разоблачил и осудил троцкистско-меньшевистскую сущность «новой оппозиции». В резолюции по отчету ЦК съезд констатировал, что Советская страна имеет «все необходимое для построения полного социалистического общества» (*Ленин*) и что «борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии».

В той же резолюции съезд осудил два уклона по крестьянскому вопросу: «уклон, состоящий в недооценке дифференциации в деревне, не видящий опасностей, связанных с ростом кулачества», и другой уклон, пытавшийся «затушевать основной вопрос коммунистической политики в деревне, вопрос о борьбе за середняка, как центральную фигуру земледелия, и о кооперации, как основной организационной форме движения деревни к социализму». Съезд подчеркнул особую важность борьбы с последним уклоном.

«Новая оппозиция» заявила о своем неподчинении решениям XIV партийного съезда и развернула антипартийную деятельность в Ленинграде, где Зиновьев имел сторонников своей антипартийной позиции.

ЦК направил в Ленинград ряд виднейших деятелей партии, которые разоблачили антипартийную раскольническую деятельность «новой оппозиции»; в результате этого 97% ленинградских коммунистов одобрили решения съезда и осудили «новую оппозицию».

В феврале 1926 года состоялась XXIII Чрезвычайная Ленинградская губернская конференция, которая отстранила зиновьевское руководство и избрала новый губернский комитет партии во главе с С. М. Кировым.

На этой конференции с докладом «О хозяйственном строительстве СССР» выступил Дзержинский. Он говорил о больших успехах в области восстановления и развития советской промышленности, достигнутых без всякой посторонней помощи благодаря правильной политике партии и героическим усилиям рабочего класса. Он указал также на огромные трудности, которые пришлось преодолеть, равно как и на трудности, которые в дальнейшем встретятся на пути индустриализации страны и строительства социализма. «...Разрешение стоящих перед нами задач требует,— сказал Дзержинский,— величайших усилий. Этого мы сможем достигнуть лишь при стальном единстве. Поэтому ваша XIII Чрезвычайная конференция должна вбить основной кол в попытки разбить стальное ленинское единство. Эта конференция должна быть ...началом борьбы, жестокой борьбы за преодоление трудностей, в полосу которых мы вошли и которые стараются использовать наши заграничные враги».

Но троцкисты и зиновьевцы не унимались и продолжали вести антипартийную работу, мешая созидательной деятельности партии.

Последние месяцы жизни Феликса протекали в напряженной работе в чрезвычайно трудных условиях борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией.

Феликс Дзержинский и Коммунистическая партия Польши

Всю свою жизнь Дзержинский был тесно связан с польским рабочим движением. Несмотря на огромную загруженность работой на ответственных партийных и правительственных постах в Советском Союзе, он всегда был сердцем и мыслью связан с польским народом, глубоко интересуясь делами Коммунистической партии Польши, стараясь передать ей опыт партии Ленина.

Осенью 1922 года на IV конгрессе Коммунистического Интернационала Дзержинский был членом делегации КРПП, а в июне и июле 1924 года он участвовал на V конгрессе Коминтерна в работах польской комиссии.

Вместе с Адольфом Варским и Кларой Цеткин он входил в комиссию, которая должна была издать собрание сочинений Розы Люксембург¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 1556, л. 1.

Внимательно следя за развитием революционного движения в Польше, Дзержинский в то же время придавал большое значение приобретению польскими коммунистами и польскими трудящимися опыта строительства основ социализма в СССР. Руководя Народным комиссариатом путей сообщения, а потом ВСНХ, он привлекал в эти учреждения известных ему товарищей-поляков, считая, что хозяйственная работа в Советской стране будет хорошей подготовкой для их будущей деятельности в Народной Польше.

В ВСНХ работали видный деятель КПП Генрих Ляуэр (Бранд), бывший член Главного Правления СДКПиЛ Здислав Ледер, опытный специалист по теплофикации Ян Таненбаум (Таннер). В НКПС Дзержинский пригласил бывшего члена СДКПиЛ Пренткого (Адамского) и члена КПП Казимпра Ляуэра. В письме Адамскому от 24 сентября (по-видимому, 1923 года) Дзержинский писал:

«Вы инженер-электротехник и поистине грешно не работать в своей отрасли... Участие в созидательной хозяйственной работе в РСФСР — это лучшая подготовка к работе в будущей Польской республике Советов».

В 1924—1925 годах польское буржуазное правительство Владислава Грабского усилило репрессии против революционного движения рабочих и крестьян, а также против национально-освободительного движения народов Западной Украины и Западной Белоруссии.

Оно жестоко преследовало массовые революционные организации, в первую очередь коммунистическую партию; распускало левые профсоюзы, закрывая их помещения, арестовывая руководителей, широко применяло систему провокаций, засылая своих агентов, шпииков и провокаторов в ряды КПП и в связанные с нею рабоче-крестьянские организации; применяло зверские пытки по отношению к арестованным, подозреваемым в коммунистических убеждениях. Коммунисты содержались в столь невыносимых условиях, что вынуждены были прибегать к голодовкам. Только лишь с марта по сентябрь 1924 года в разных тюрьмах Польши было 28 случаев голодовок коммунистов, что иногда приводило к смертельному исходу.

Весной 1925 года полиция арестовала тысячи революционных рабочих и крестьян в Западной Белоруссии и Западной Украине и глумилась над ними.

Правительство Грабского стало выносить смертные приговоры коммунистам и комсомольцам. Так, в июне 1924 года по приговору военно-полевого суда в Лодзи за убийство провокатора был расстрелян девятнадцатилетний комсомолец Самуил Энгель. Расстрел молодого революционера вызвал большое возмущение как в Польше, так и за ее пределами.

По приказу польских буржуазных властей были убиты два польских революционно настроенных офицера Валерий Багинский и Станислав Вечоркевич, которых по договору с Советским Союзом должны были обменять на польских контрреволюционеров, заключенных в одной из советских тюрем. По пути в СССР Багинский и Вечоркевич были застрелены сопровождающими их польскими жандармами на станции Столбцы, недалеко от советской границы.

В январе 1925 года Феликс Дзержинский обратился к представителю КПП в Исполкоме Коминтерна Вацлаву Богуцкому. Ф. Дзержинский писал, что представительница Польского Красного Креста в СССР Екатерина Павловна Пешкова (жена Максима Горького.— С. Д.) считает необходимым приезд в Москву представительницы Советского Красного Креста в Польше Стефании Семполовской для обсуждения вопроса об оказании помощи политзаключенным в польских тюрьмах «в связи с обстановкой после убийства товарищей Багинского и Вечоркевича»¹.

Два молодых коммуниста — Мечислав Гайчик и Францишек Пилярчик привели в исполнение приговор партии над провокатором Каминским. 6 февраля 1925 года, спасаясь от преследований полиции, они в Домброве Гурипчей вступили в схватку с преследователями. Семь часов отважные коммунисты героически сопротивлялись. Тогда полиция применила ядовитые газы. М. Гайчик и Ф. Пилярчик погибли.

Возмущенный и обеспокоенный разгулом террора в Польше против революционных масс, Феликс 6 марта 1925 года обратился с письмом к Вацлаву Богуцкому и в Польское бюро агитпропа ЦК ВКП (б), в котором писал: «Необходимо поднять мопровскую кампанию против условий в польских тюрьмах. Товарищи, которые в последнее время были обменены (на заключенных в СССР польских

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 1556, л. 1.

контрреволюционеров. — С. Д.), могли бы, наверное, дать очень ценный достоверный материал. Необходимо заняться этим вопросом, собрать этот материал, обязать всех подробно описать, помочь им, если сами не сумеют сделать, и т. д. Одновременно следовало бы привести статистику политических арестов и описание политического террора. Думаю, что Вам следовало бы заняться этим вместе с Польским бюро и МОПРом. Ваш Ф. Дзержинский»¹.

В июле 1925 года три польских революционера: член Исполкома Варшавского Комитета КПП Владислав Гибнер и два видных работника Коммунистического Союза Молодежи Польши — Генрих Рутковский и Владислав Киевский — были задержаны полицией в день, когда они должны были привести в исполнение приговор партии над злостным провокатором Цехновским, который вкрался в ряды КПП и выдавал полиции коммунистов. Вырвавшись из рук агентов полиции, эти товарищи пытались убежать и, отстреливаясь от полиции и жандармов, убили двух агентов полиции. Они были преданы военно-полевому суду по обвинению в убийстве двух и в попытке убийства 14 жандармов и полицейских.

Всем троим угрожала смертная казнь. Узнав об этом, Феликс пытался их спасти.

Екатерина Павловна Пешкова, являвшаяся тогда представительницей Польского Красного Креста в СССР, рассказала мне, что в начале августа 1925 года Феликс Эдмундович позвонил ей на квартиру, сообщил об угрозе смертного приговора Гибнеру, Рутковскому и Киевскому и предложил ей поехать в Варшаву, чтобы принять меры для предотвращения смертного приговора.

Поезда в Варшаву ходили тогда через 2 дня, но времени терять было нельзя. Поэтому Екатерина Павловна в тот же день вечером выехала через Ригу.

На Варшавском вокзале ее встретила Стефания Семполовская, которая посоветовала Екатерине Павловне обратиться к премьер-министру Владиславу Грабскому.

При содействии секретаря Польского Красного Креста Анны Пашковской Екатерина Павловна была на следующий день принята Грабским. Пешкова просила Грабского повлиять на смягчение приговора Гибнеру, Рутковскому и Киевскому. Грабский ответил, что на решение военно-полевого суда повлиять он не в состоянии, но в случае

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 1144.

вынесения смертного приговора он, Грабский, делает все, что в его силах, чтобы приговор был смягчен.

Считая, что ее миссия выполнена, Екатерина Павловна вернулась в Москву. Однако Грабский ничего не сделал. 21 августа в 5 часов утра Гибнер, Рутковский и Киевский были расстреляны на склонах Варшавской цитадели. Они все трое погибли мужественно, не дав завязать себе глаза, с возгласами: «Да здравствует социальная революция!», «Да здравствует польская республика Советов!»

Еще до суда над Гибнером, Рутковским и Киевским провокатор Цехновский был убит молодым польским комсомольцем Нафталием Ботвином, расстрелянным по приговору военно-полевого суда во Львове 6 августа 1925 года.

Получив сообщение о казни Ботвина, Гибнера, Рутковского и Киевского, Феликс писал мне 25 августа 1925 года из Кисловодска: «В Польше для наших (для коммунистов. — С. Д.) пришли тяжелые времена. Я был уверен, что их расстреляют. Боюсь, что это начало неслыханного террора. Наши, к сожалению, не сумели занять правильной позиции».

Последние слова относятся к ультралевой, сектантской позиции избранного на III съезде КПП в марте 1925 года Центрального Комитета во главе с Л. Домским (Генрих Штейн-Каменский).

Ошибки руководства КПП привели к новому кризису в польской партии, который был ликвидирован IV конференцией КПП в ноябре — декабре 1925 года, осудившей политическую линию Домского и других и избравшей Центральный Комитет в новом составе, без Домского.

Беспокойство Дзержинского особенно усилилось, когда 10 мая 1926 года к власти в Польше пришло правительство «сильной руки» во главе с вожаком кулацкой партии «Пяст» — Витосом.

Это вызвало еще большее недовольство масс. Воспользовавшийся этим недовольством Пилсудский в середине мая при активной поддержке ППС и крестьянских партий «Вызволенье» и «Стронництво Хлопске» совершил государственный переворот. Широкие массы рабочих, крестьян и интеллигенции, обманутые социальной демагогией руководителей ППС и «Вызволенье», которые создали Пилсудскому репутацию «спасителя отечества», «де-

мократы», даже «социалиста», не увидели в его лице своего врага и поддержали его в борьбе против правительства Витоса.

В момент переворота руководство КПП и партийный актив не разобрались в характере этого переворота и также поддержали его.

В июне 1926 года ЦК КПП в своем решении осудил поддержку, оказанную в мае Пилсудскому, и отметил, что ошибка партии заключалась в том, что она не увидела реакционной сущности политики Пилсудского, считая его представителем интересов мелкобуржуазных масс, и в ходе переворота не разоблачила его.

В обращении ЦК КПП в июне 1926 г. Пилсудский был уже охарактеризован как «польский Муссолини», а созданный им режим как «фашистская диктатура».

Дзержинский еще до переворота не питал никаких иллюзий относительно Пилсудского и считал, что в случае прихода Пилсудского к власти он станет польским Носке¹, т. е. палачом трудящихся масс Польши.

О том, насколько близки были Феликсу вопросы польского революционного движения, свидетельствует его письмо в КПП от 20 января 1925 года:

«Наши традиции славные, — писал он, — это традиции революционных боев, без компромиссов, польского пролетариата рука об руку с революционным русским пролетариатом, борющимся под руководством партии большевиков. Совершала ли наша партия ошибки? Разумеется. Ни одна партия не могла быть безошибочной.

Преодолевая ошибки, мы двигались вперед, и эти ошибки нам следует сейчас осознать, понять, чтобы их не совершать. Необходимо действительно запясться восставшим своим собственным прошлым, разобраться в своей собственной истории. Эта задача, как одна из серьезнейших задач, весьма актуальна и этой работой необходимо безотлагательно заняться... Мы шаг за шагом шли к большевизму и по его линии... Ни одна живая, развивающаяся и идущая к власти партия не является сектой. Ее развитие заключается в преодолении своих ошибок, в созидательном движении вперед, т. е. в преодолении консерватизма формул и задач, которые отжили. Тради-

¹ Носке — немецкий правый социал-демократ, который в 1919 году был членом правительства Шейдемана и с ведома которого были убиты Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

ции партии и их сила основаны не на формулах, не на лозунгах, а на движении, неустойчивом революционном движении к осуществлению окончательной цели — коммунизму»¹.

Смерть на боевом посту

В июле 1926 года состоялся пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Феликс был болен. Еще в конце 1924 года у него был первый приступ грудной жабы. Врачи требовали, чтобы он ограничил свою работу до четырех часов в день, но он категорически отверг это требование и по-прежнему продолжал работать 16—18 часов в сутки.

За несколько недель перед пленумом ЦК и ЦКК он начал тщательно готовиться к нему, подбирая материалы и цифры для опровержения лживых данных о положении народного хозяйства, распространяемых троцкистско-зиновьевской оппозицией.

По воскресеньям, будучи на даче за городом, вместо отдыха он сидел над бумагами, проверял представляемые ему отделами ВСНХ таблицы данных, лично подсчитывал целые столбцы цифр (он, как и раньше, не чурался никакой черной работы). Я помогала ему в этом.

В последнее воскресенье перед смертью Феликс сразу после обеда вернулся с дачи в Москву и работал в ОГПУ до поздней ночи, готовясь к своему выступлению на пленуме. В понедельник, как и всегда, в 9 часов утра он был уже на работе, а потом на заседании президиума ВСНХ, где выступил с речью по вопросу о контрольных цифрах промышленности на 1926/27 год. В этот день я увиделась с ним лишь в 2—3 часа ночи, когда он страшно усталый вернулся домой.

На следующий день, 20 июля 1926 года, он встал в обычное время и к 9 часам утра уехал в ОГПУ, чтобы взять недостающие ему материалы. Он ушел из дома без завтрака, не выпив даже стакана чаю. Обеспокоенная этим, я позвонила в ОГПУ секретарю Феликса В. Герсону и попросила его организовать для Феликса завтрак, но его самочувствие было, по-видимому, настолько плохое, что он отказался что-либо взять в рот. И так, совсем натошак, он направился в Большой Кремлевский дворец на очередное заседание пленума.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 1, ед. хр. 1549, л. 1—2.

В 12 часов он выступил на пленуме с большой пламенной речью, посвященной исключительно хозяйственным вопросам. Но как раз по этим вопросам троцкистско-зиновьевская оппозиция направляла свои нападки на ленинское руководство Центрального Комитета. Это была его последняя речь. В ней он резко критиковал троцкистов и зиновьевцев, мешавших партии в ее созидательной работе. Дзержинский горячо отстаивал линию партии, которая была единственно правильной. Оппозиционеры прерывали его, бросали реплики, пытаясь вывести из равновесия, но Феликс, приводя факты, продолжал разоблачать их антиленинскую линию, изобличать их антипартийную деятельность.

В этой речи он произнес знаменательные слова, правдиво характеризующие его: «...вы знаете отлично, моя сила заключается в чем? Я не щажу себя... никогда. И поэтому вы здесь все меня любите, потому что вы мне верите. Я никогда не кривлю своей душой; если я вижу, что у нас непорядки, я со всей силой обрушиваюсь на них».

Этим словами он невольно дал не только верную характеристику себе, но и отношения к нему партии. Речь свою Феликс закончил словами, направленными против оппозиции: «...все те данные и все те доводы, которые здесь приводила наша оппозиция, основаны не на фактических данных, а на желании во что бы то ни стало помешать той творческой работе, которую Политбюро и пленум ведут».

Присутствовавший на июльском пленуме ЦК и ЦКК член ЦК Чехословацкой компартии Б. Шмераль так описал эту последнюю речь Феликса Эдмундовича: «Он говорил с большой энергией, абсолютно деловито, но со страстной горячностью, когда он в своей речи касался интересов партии. Последнюю фразу... он произнес твердо и почти с торжественной серьезностью. На поверхностного наблюдателя он мог произвести впечатление крепкого, здорового человека. Но от тех, которые особенно внимательно присматривались, не ускользнуло, что он часто судорожно прижимал левую руку к сердцу. Позже он обе руки начал прижимать к груди... Мы знаем, что свою последнюю большую речь он произнес, несмотря на тяжелые физические страдания. Это прижатие обеих рук к сердцу было сознательным жестом сильного человека, который всю свою жизнь считал слабость позором и который перед самой смертью не хотел, пока он не

закончит своей последней речью, показать, что физически страдает, не хотел казаться слабым».

Я со своей стороны думаю, что главной причиной того, что Феликс, несмотря на сильную физическую боль, довел свою речь до конца, было чувство партийного долга, стремление высказать все, что он считал необходимым для разоблачения оппозиции.

Еще за несколько дней до выступления на пленуме ЦК и ЦКК у Феликса было несколько сердечных приступов, о которых он, однако, никому ничего не говорил.

Об этом стало известно лишь после смерти Феликса из сделанных им в блокноте записей. Эти записи он сделал, по-видимому, потому, что после пленума хотел показать профессору. До пленума он избегал врачей, боясь, что они запретят ему выступить.

Во время речи на пленуме ЦК и ЦКК у Феликса повторился тяжелый приступ грудной жабы. Он с трудом закончил свою речь, вышел в соседнюю комнату и прилег на диван.

Здесь он оставался несколько часов, отсылая врачей и вызывая к себе из зала заседания товарищей, расспрашивая их о дальнейшем ходе прений и выдвигая новые факты и аргументы против оппозиции, которые сам не успел привести.

Спустя три часа, когда закончилось заседание и сердечный приступ у Феликса прошел, он с разрешения врачей поднялся и медленно по кремлевским коридорам пошел в свою квартиру, находившуюся в корпусе против Большого Кремлевского дворца рядом с Оружейной палатой.

Я в это время работала в агитпропе ЦК ВКП(б), где руководила Польским бюро. Надеюсь встретиться с Феликсом в кремлевской столовой во время перерыва в заседаниях пленума ЦК и ЦКК, я раньше обычного пошла в столовую, находившуюся тогда в Кремле в несуществующем уже сейчас так называемом кавалерском корпусе. (Сын наш был тогда на даче.) Феликса там не было, и мне сказали, что обедать он еще не приходил. Вскоре в столовую пришел Я. Долецкий (руководитель ТАССа) и сказал мне, что Феликс во время речи почувствовал себя плохо; где он находится в данный момент, Долецкий не знал. Обеспокоенная, я побежала домой, думая, что Феликс уже вернулся на нашу квартиру.

Но и здесь его не было. Я позвонила в ОГПУ секретарю Феликса В. Герсону и узнала от него, что у Феликса

был тяжелый приступ грудной жабы и что он лежит еще в одной из комнат Большого Кремлевского дворца. Не успела я закончить разговор с Герсоном, как открылась дверь в пашу квартиру и в столовую, в которой я в углу у окна говорила по телефону, вошел Феликс, а в нескольких шагах за ним сопровождавшие его А. Я. Белецкий и секретарь Феликса по ВСНХ С. Реденс. Я быстро положила трубку телефона и пошла навстречу Феликсу. Он крепко пожал мне руку и, не произнося ни слова, через столовую направился в прилегающую к ней спальню. Я побежала за ним, чтобы опередить его и приготовить ему постель, но он остановил меня обычными для него словами: «Я сам». Не желая его раздражать, я остановилась и стала здороваться с сопровождавшим его товарищами. В этот момент Феликс нагнулся над своей кроватью, и тут же послышался необычный звук: Феликс упал без сознания на пол между двумя кроватями.

Белецкий и Реденс подбежали к нему, подняли и положили на кровать. Я бросилась к телефону, чтобы вызвать врача из находившейся в Кремле амбулатории, но от волнения не могла произнести ни слова. В этот момент вошел в комнату живший в нашем коридоре Адольф Варский и, увидев лежащего без сознания Феликса, вызвал по другому телефону врача. Почти моментально пришел кремлевский врач Л. А. Вульман, сделал Феликсу инъекцию камфары, но было уже слишком поздно. Феликс был уже мертв. Это произошло 20 июля 1926 года в 16 часов 40 минут. Ему не исполнилось еще 49 лет.

В обращении ЦК и ЦКК ВКП(б) «Ко всем членам партии. Ко всем рабочим. Ко всем трудящимся. К Красной армии и флоту» от 20 июля 1926 года говорилось:

«Товарищи!

Сегодня партию постиг новый тяжелый удар. Скоропостижно скончался от разрыва сердца товарищ Держинский, гроза буржуазии, верный рыцарь пролетариата, благороднейший борец коммунистической революции, неутомимый строитель нашей промышленности, вечный труженник и бесстрашный солдат великих боев.

Товарищ Держинский умер внезапно, придя домой после своей речи — как всегда страстной — на пленуме Центрального Комитета. Его большое, в конце перетруженное сердце отказалось работать, и смерть сразила его мгновенно. Славная смерть на передовом посту!

Наша партия в лице товарища Дзержинского теряет одного из самых выдающихся и самых героических своих вождей. В застенках царской России, в сибирской ссылке, в нескончаемо долгие годы каторжной тюрьмы, в кандалах и на свободе, в подполье и на государственном посту, в Чека и на строительной работе — всегда, везде, всюду Феликс Дзержинский был на передовой линии огня. Он строил с беззаветным героизмом пролетарскую партию Польши и Литвы, в самые ужасные годы был неустрашимым подпольным революционером и, как только великая революция расковала его кандалы, сразу стал в боевую большевистскую шеренгу. Герой Октябрьского восстания и один из его руководителей, Дзержинский вскоре стал на самый тяжелый и мучительно-трудный пост. Под его руководством отражала Чека натиски врагов. В самые тяжелые времена, времена бесконечных заговоров и контрреволюционных восстаний, когда советская земля пылала в огне и кровавое кольцо врагов окружало бившихся за свое освобождение пролетариев, Дзержинский проявлял нечеловеческую энергию, дни и ночи, ночи и дни, без сна, без еды, без малейшего отдыха работая на своем сторожевом посту. Ненавидимый врагами рабочих, он пользовался громадным уважением даже среди них. Его рыцарская фигура, его личная отвага, его глубочайшая принципиальность, его прямота, его исключительное благородство создали ему громадный авторитет. Его заслуги громадны. Переоценить их нельзя.

Но вот кончилось время гражданских боев. И тов. Дзержинский посылается на новую передовую позицию. Он собирается в поход против разрухи, с нечеловеческой энергией борется за наш транспорт, а потом за нашу промышленность.

«Мирная полоса», которая для других стала временем отдыха, для Дзержинского этого отдыха не дала. И теперь он работал и днем и ночью. И теперь он не знал «праздников». И теперь он все силы своей личности, своего огромного темперамента, своего ума и своей воли отдавал делу, за которое сражался всю жизнь. Его дело было прекрасно. Прекрасной была его замечательная жизнь. Прекрасна его смерть на боевом посту.

Мы склоняем свои боевые знамена над твоим телом, бесстрашный наш друг! Мы призываем всех трудящихся, всех пролетариев отдать свой последний долг бойцу, имя которого незабвенно, дело которого завоеует мир.

Да здравствует коммунизм!

Да здравствует наша партия!»

В связи со смертью Дзержинского Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала обратился «Ко всем коммунистам. Рабочим всех стран» со следующими словами:

«20 июля 1926 года внезапно умер от разрыва сердца Феликс Дзержинский. В его лице российская и мировая революция теряет одного из наиболее храбрых, решительных борцов, одного из величайших организаторов, одного из крупнейших вождей.

С ранней молодости до своего последнего вздоха Дзержинский стоял в рядах большевиков на фронте пролетарской революции. Жизнь Дзержинского — это десятилетия подпольной работы, десятилетия беспрестанных жертв, десятилетия незабвенных подвигов в деле освобождения рабочего класса.

Как член и вождь социал-демократической партии Польши и Литвы — впоследствии Коммунистической партии Польши, Дзержинский в период подпольной работы при царизме явил живой пример упорного партийного работника, презирающего смерть. Он прошел тюрьму и каторгу. Он прошел сибирскую ссылку. Он извечал эмиграцию в Австрии и Германии. Он стоял перед судом и с невозмутимым спокойствием встречал самые суровые приговоры. Много раз арестованный, сосланный, осужденный и изгнанный, Дзержинский ни на минуту не прерывал своей революционной работы. Он бежал из тюрьмы, из Сибири, он спешил из эмиграции, чтобы броситься в самые опасные места фронта пролетарской классовой борьбы.

Освобожденный из тюрьмы российской Февральской революцией, Дзержинский принимал самое активное участие в подготовке и проведении большевистской революции. Как член Центрального Комитета партии большевиков и Военно-Революционного Комитета Петроградского Совета, он был одним из величайших военных вождей победы в Октябре 1917 года.

В борьбе за защиту пролетарской диктатуры Дзержинский создал и руководил ВЧК, этим неотразимым, метким, смертоносным оружием против всех врагов трудящихся.

С тех пор с именем Дзержинского неразрывно связаны бессильная ненависть всех предателей, палачей и белогвардейцев, слепая злоба разбитой контрреволюции, но вместе с тем и гордость, уважение и любовь трудящихся всех стран.

По окончании гражданской войны Дзержинский посвятил все свои силы восстановлению Советской страны, восстановлению и развитию ее хозяйства. Как народный комиссар путей сообщения, он добился подъема разрушенного транспорта. Как председатель Высшего Совета Народного Хозяйства, он стоял в первых рядах в борьбе за строительство социализма.

Его последние слова, произнесенные им за несколько часов до смерти, были посвящены заветам Ленина — победе социализма, делу международной пролетарской революции.

Феликс Дзержинский, самый близкий боевой товарищ Розы Люксембург, верный ученик и соратник Ленина, принадлежит не только русским, польским и литовским рабочим, но всему международному пролетариату.

Его неутомимая, бесконечно разнообразная энергия, его организаторский гений, его храбрость, его непоколебимая верность партии, его образцовая, полная борьбы жизнь должны сохраниться в памяти всех коммунистов, всех рабочих, всех трудящихся. После Ленина и Фрунзе мы потеряли Дзержинского. Незаменимые утраты! Но дело революции живет и будет жить. Ленинизм непобедим.

Да здравствует партия большевиков!

Да здравствует международная пролетарская революция!»

Горе народа, понесшего тяжелую утрату, выразил пролетарский поэт Демьян Бедный, хорошо знавший и ценивший Феликса. Он посвятил ему после смерти следующие строки:

ПАМЯТИ РЫЦАРЯ НАШЕЙ ПАРТИИ

Сердце щемит от известья, бессмысленно злого.
Рыцарь рядов героических пал в неустанной борьбе.
Сердца последний удар и свое последнее слово,
Партия наша стальная, он отдал тебе.

Феликс Дзержинский был символом братства и дружбы польского и советского народов.

ЦК компартии Польши в письме в ЦК ВКП(б) по поводу смерти Дзержинского писал: «Партия ваша и ее ЦК понесли громадную потерю. Но такую же громадную потерю понесла и наша партия, партия пролетариата Польши. В кругу создателей нашей партии, в маленькой группе польских марксистов, которые под руководством Розы Люксембург закладывали основы социал-демократии

Польши и Литвы, Юзеф занимал совершенно исключительное место... Тем, кто главным образом способствовал тому, что эта идеология (идеология марксизма и пролетарского интернационализма.— *С. Д.*), овладев массами, стала силой, тем, кто построил фундаменты организации этих масс, был тов. Юзеф.

...После разгрома остатков организаций Социал-Демократии Королевства Польского товарищ Юзеф ценой неслыханных усилий, неутомимой энергии собрал вокруг себя цвет польского пролетариата, восстановил его организацию (в 1899 г.— *С. Д.*) и был бессменным вождем и душой этой организации в годы перед революцией 1905 г., в период революции, в годы черной реакции 1907—1908 гг. и в годы нового подъема рабочего движения 1910—1912 гг. ...

Вырванный в последний раз в 1912 г. царскими жандармами из рядов польской партии, Юзеф после нескольких лет каторги перешел целиком на службу российской революции и уже больше не возвращался к непосредственной работе в польской партии. Но за все это время, до самой смерти Юзефа, вся наша партия считала его своим естественным вождем. В переломные моменты, как в 1920 г., в процессе идеологической борьбы, переживаемой партией в ее стремлении стать партией подлинно большевистской, при изживании программных и тактических разногласий, отделявших партию польского пролетариата от ленинизма, в своей работе над слиянием отдельных составных частей партии в единый большевистский монолит — партия наша получала бесценные советы и помощь со стороны тов. Дзержинского. Его громаднейший авторитет, его пронизательность, изжитие им самим фракционной и групповой пристрастности, вытекающей из исторических делений нашей партии, использование уроков и опыта польского рабочего движения — все это облегчило нашей партии изживание наиболее тяжелых идеологических и организационных кризисов.

Партия наша потеряла теперь этого своего вождя и мудрого советника...»

Настоящий коммунист, настоящий человек

Феликс был образцом высокоидейного коммуниста, политическим деятелем ленинского типа, безгранично преданным делу партии и рабочего класса. Для него не было

жизни вне борьбы за счастье народа и всего человечества. Глубочайшая партийность, внутренняя потребность отдавать всего себя революционному делу, полное подчинение личных интересов интересам партии — вот что являлось главной чертой характера Дзержинского. Он был верным учеником Ленина, одним из ближайших его соратников.

Отношение Дзержинского к Ленину, огромную любовь и уважение, заботу о нем характеризуют многие факты. Когда, преследуемый ищущими Временного правительства, В. И. Ленин скрывался у рабочего-большевика Н. А. Емельянова близ станции Разлив, в числе других товарищей его несколько раз навещал Дзержинский. Емельянов рассказывал, что однажды, когда Феликс вместе с сыном Емельянова возвращался от Ленина через озеро в непогоду, сильный ветер опрокинул лодку. Вымокший до нитки, уставший и продрогший, Дзержинский отказался вернуться назад, чтобы высушить одежду и обогреться, так как он спешил выполнить поручение Ленина. Когда Владимир Ильич узнал об этом, он очень беспокоился о здоровье Дзержинского.

Емельянов добавил, что Ленин говорил ему тогда о Феликсе как о вернейшем человеке, прошедшем тяжелую школу революционной борьбы.

И позже, в советский период, когда Феликс Эдмундович находился на руководящей государственной работе, В. И. Ленин высоко ценил его. Старый большевик, крупный советский хозяйственник И. И. Радченко вспоминает свою встречу с Владимиром Ильичем, на которой присутствовал Феликс Эдмундович.

Когда Феликс вышел из кабинета, Ленин дал Дзержинскому блестящую характеристику как работнику, говоря о нем как-то радостно, как о верном и надежном товарище. Позже, продолжает И. И. Радченко, В. И. Ленин в затруднительных случаях, когда, бывало, какое-нибудь дело не клеилось, говаривал: «Ну, надо, значит, поручить Дзержинскому — он сделает»¹.

В. Д. Бонч-Бруевич пишет в своих воспоминаниях о В. И. Ленине: «Характерен отзыв Владимира Ильича о Дзержинском, который мне пришлось слышать:

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 2, ед. хр. 79, л. 24. Цит. по: С. С. Хромов. По заданию Ленина. М., 1964, стр. 8.

— Дзержинский не только нравится рабочим, его глубоко любят и ценят рабочие...

А кто знал Владимира Ильича, тот понимал, сколь высока была в его устах похвала товарищу, которого «глубоко любят» рабочие. Владимир Ильич относился к Ф. Э. Дзержинскому с величайшей симпатией и предупредительностью¹.

С огромным вниманием и глубокой верой в гениальность В. И. Ленина Дзержинский всегда прислушивался к его советам, читал и перечитывал его произведения, искал в них ответа на сложнейшие вопросы, выдвигаемые жизнью. Когда Феликс разговаривал с Владимиром Ильичем по телефону, то я, хотя и не знала, с кем он говорит, сразу догадывалась — огромная любовь и уважение к Ильичу звучали в голосе Феликса.

Феликс был исключительно дисциплинированным членом партии и воспитывал своих подчиненных в духе строгой партийной и советской государственной дисциплины. Случалось, что при обсуждении важных вопросов, как, например, вопроса о Брестском мире, Феликс расходился с Лениным, но он никогда не голосовал против позиции Ленина и после принятия Центральным Комитетом решения по данному вопросу неуклонно проводил в жизнь партийную линию.

* * *

Борясь за рабочее дело, Феликс постоянно преследовался царскими властями, шесть раз был арестован, одиннадцать лет — почти четверть своей жизни — провел в тюрьмах, в ссылке, на каторге, три раза бежал из ссылки, чтобы немедленно продолжить свою революционную работу. Тюрьмы, ссылки, каторга и чрезмерная работа в тяжелых условиях подполья рано подорвали здоровье Феликса, но ничто не могло сломить его воли к борьбе. Еще юношей в ноябре 1898 года Феликс писал сестре из первой своей ссылки из Нолинска, Вятской губернии (ныне Кировской области):

«...теперь, как мне кажется, я могу уже назвать себя взрослым, с установившимися взглядами человеком, и жизнь может меня лишь уничтожить, подобно тому, как буря валит столетние дубы, но никогда не изме-

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1965, стр. 138.

нит меня. Я не могу ни изменить себя, ни измениться. Мне уже невозможно вернуться назад. Условия жизни дали мне такое направление, что то течение, которое захватило меня, для того только выкинуло меня на некоторое время на безлюдный берег, чтобы затем с новой силой захватить меня и нести с собой все дальше и дальше, пока я до конца не изношусь в борьбе, то есть пределом моей борьбы может быть лишь могила...»

Родные, обеспокоенные тяжелой участью вторично арестованного Феликса, пытались в письмах уговорить его отойти от революционной работы, но получили от него из Седлецкой тюрьмы твердый ответ в ноябре 1901 года: «...путь мой остался все тот же; как раньше я ненавидел зло, так и теперь ненавижу; как и раньше, я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши... угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды... Я хотел бы обнять своей любовью все человечество, согреть его и очистить от грязи современной жизни...»

В 1902 году после очередного побега из сибирской ссылки Феликс был болен туберкулезом, но в письме из Берлина к члену СДКПпЛ Цезарине Войнаровской¹ он писал, что хотел бы возможно скорее вернуться в Польшу на подпольную работу и отдать «уже последние свои силы» борьбе за дело социализма.

И каждый раз, когда Феликсу удавалось вырваться из лап царских тюремщиков, он немедленно возвращался к партийной работе.

Молодой Дзержинский, рассказывал мне А. Варский, с первых дней вызвал к себе величайшую симпатию и восхищение Розы Люксембург. Для нее он был воплощением революционных достоинств; больше всего Роза ценила в нем отсутствие какого бы то ни было налета интеллигентщины, его полное слияние с рабочим классом.

«У него большевистское сердце», — говорила она.

Другой видный деятель СДКПпЛ, работавший в последние годы жизни Феликса Эдмундовича в Москве под его непосредственным руководством в ВСНХ, Э. Ледер, писал о нем: «Мы, старые товарищи Юзефа по подполью знали, как упорно и неутомимо работал он тогда, когда

¹ В то время представитель СДКПпЛ в Международном социалистическом бюро.

в его распоряжении не было секретарей и аппарата, когда он сам был секретарем и «аппаратом», когда в своей голове и сердце он хранил все партийные связи, все нити работы. И как же чуден был Юзеф, когда на заседании вытаскивал из жилетного кармана или бумажника маленькие клочки бумаги, на которых бисерными знаками были сделаны десятки пометок, и лишь он один мог расшифровать их. Они давали ему ключ для нахождения пути в нашем революционном лабиринте»¹.

Уже после смерти Феликса А. Варский о нем писал: «Юзефу никогда не хватало времени и сил, чтобы согласовать «веру» (в торжество коммунизма. — С. Д.) с «делами», день был для него слишком коротким, сутки слишком малы, человеческие силы слишком ограничены. Но по мере роста движения и приближения 1905 года Юзеф вырастал в какого-то гиганта воли и энергии, а когда наступили январские дни и он сразу же в январе переехал на постоянную работу в Варшаву, силы его как-то удесятились, он был вездесущий, полон свежей инициативы и энергии, неутомимый, заражающий других своей волей и энтузиазмом. В наступившем разливе революционной стихии, на этом все расширяющемся поле действия Юзеф жил всеми фибрами души, это была его стихия, его жизнь, кипучая, полная, богатая радостями партийных успехов в нарастающем движении.

Таков был молодой революционер Юзеф, таким он вступил в ряды Великой Октябрьской революции, умудренный мучениями многих лет тюрьмы и борьбы, и таким он по существу своей личности остался до конца короткой, но богатой жизни.

И не удивительно, что именно этот бесстрашный и благороднейший рыцарь пролетарской революции, в котором никогда не было ни тени позы, у которого каждое слово, каждое движение, каждый жест выражал лишь правдивость и чистоту души, призван был стать во главе ВЧК, стать спасающим мечом революции и грозой буржуазии».

Феликс всегда и везде, как в дооктябрьский период, так и после победы социалистической революции в России, брал на себя самую трудную и опасную работу и готов был жертвовать собой для дела партии и рабочего класса.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, оп. 2, ед. хр. 79.

Е. П. Пешкова вспоминает, как однажды она в период работы Феликса в ВЧК спросила его:

— Почему Вы взяли на себя такую тяжелую работу? Ведь с Вашими способностями Вы могли бы выполнять любую работу.

— Партия поручила мне эту работу. Она очень трудна. Но почему же эту трудную работу должен исполнять кто-то другой, а не я?

В этих словах весь Феликс.

Он отличался также необыкновенным мужеством.

Г. М. Кржижановский в своих воспоминаниях о Феликсе писал: «...он стоял с таким беззаветным мужеством на передовых постах лицом к лицу с заклятыми врагами революции, что личность его еще при его жизни приобрела своеобразный легендарный характер».

Широко известно его героическое поведение летом 1918 года в плену у левых эсеров, убивших германского посла Мирбаха с целью срыва мирного договора с Германией и свержения Советской власти. Смелость и мужество Феликса Эдмундовича вызывали восхищение советских трудящихся. Видный польский коммунист Станислав Бобинский рассказывает о появлении вырвавшегося из логова мятежников Дзержинского на заседании большевистской фракции V съезда Советов.

«Вся коммунистическая Москва в течение нескольких часов с затаенным дыханием ожидала известий о Дзержинском. Вдруг... в президиуме собрания появился Феликс. Зал содрогался в течение десяти минут от неумолкавшего урагана рукоплесканий и возгласов необыкновенного энтузиазма...» Когда с трибуны послышались слова, характеризовавшие героический поступок Дзержинского «как проявление чувства ответственности, как пример неустрашимости и заботы об интересах революции», Юзеф, по словам Бобинского, слушая эти похвалы, «чувствовал себя неловко, он был прямо удручен».

«Наконец, — продолжал Бобинский, — Юзеф взял слово для отчета и информирования фракции съезда о положении у «левых» эсеров.

Это был... солдатский рапорт, сухой и краткий.

Он был произнесен в таком тоне, как будто бы то, что он совершил, должен был сделать каждый порядочный и честный партиец.

О своем беспримерном героизме он говорил как о выполнении каких-нибудь будничных дел.

О своих ошеломляющих, прямо-таки неправдоподобных поступках он говорил не только не хвалясь ими, но даже не гордясь хорошо выполненным долгом.

Наоборот, его речь была сплошным актом самообвинения. Сухим тоном рапорта он рассказывал, как его предали те, которым он неосторожно доверял; как он пошел без охраны в штаб мятежников, чтобы «призвать взбунтовавшихся предателей к порядку...»; как он третировал левых эсеров в их собственном логове, называя их изменниками... Заканчивая речь, Дзержинский сказал, что моральная сила бунтовщиков уже сломлена, что сами они перестали верить в свою победу, что мятеж не может расширяться и вскоре будет ликвидирован.

Героическое поведение Дзержинского,— писал далее С. Бобинский,— взволновало людей во всех уголках республики и каждую воинскую часть. Трудно сейчас установить, для какого количества героев гражданской войны эти его действия послужили стимулом к, казалось бы, самым невозможным подвигам».

Никогда и нигде не щадя самого себя, рискуя неоднократно своей жизнью, Феликс в то же время всегда и везде проявлял заботу о других, о людях близких и далеких. Сидя в 1900—1902 годах в Седлецкой тюрьме, Феликс, сам больной туберкулезом, заботился о своем тяжелобольном товарище, который уже не мог самостоятельно ходить, молодом рабочем Антеке Росоле и выносил его каждый день на руках на прогулку.

Летом 1905 года, не боясь каторги, Феликс взял на себя ответственность за все нелегальные вещи, найденные у арестованных вместе с ним товарищей, чтобы спасти их от длительного тюремного заключения.

Когда Феликс осенью 1909 года был сослан в Сибирь на вечное поселение, по пути в ссылку он встретился в Красноярской тюрьме с ссыльнопоселенцем М. Траценко, который был незаконно закован в ножные кандалы.

Возмущенный этим, Феликс энергично поддержал требование Траценко расковать его. Но безрезультатно. Тогда, придя на кухню за обедом, он тайно унес оттуда под полой тюремного халата топор для рубки дров и сам пытался разбить им кандалные кольца на погах Траценко. Но царские кандалы были крепки, кольцогнулось и грозило размозжить ногу Траценко.

Дзержинский боролся с беззаконием тюремщиков до тех пор, пока они не сняли с Траценко кандалы.

Прибыв в назначенное ему место поселения — волостное село Тасеево, Канского уезда, Енисейской губернии, Феликс узнал, что одному из ссыльных угрожает арест, каторга или смертная казнь за то, что он, защищая свою жизнь, убил напавшего на него бандита.

Необходимо было помочь этому ссыльному немедленно бежать. Феликс, решив еще в Варшаве бежать из ссылки при первой же возможности, запасся паспортом на чужое имя и деньгами на проезд, которые он умело спрятал в одежду.

Желая помочь товарищу, он, не задумываясь, отдал ему этот паспорт и часть своих денег, сам же, не дожидаясь, пока сможет получить от товарищей новый документ, спустя несколько дней бежал из Тасеева без всякого паспорта, что было связано с большой опасностью, и благополучно прибыл в Варшаву, а затем за границу.

В советский период Феликс постоянно заботился о своих товарищах по работе, в том числе и о рядовых работниках учреждений, которыми он руководил.

Возвращаясь однажды в ВЧК, Дзержинский увидел, что пожилая уборщица, согнувшись, моет тряпкой пол. Придя в свой кабинет, он оставил помощнику записку с указанием на необходимость приобрести для всех уборщиц ВЧК швабры, чтобы облегчить их тяжелый труд.

Когда в 1925 году В. Р. Менжинский — заместитель Дзержинского по ОГПУ — заболел, Феликс 6 июля написал одному из своих помощников следующую записку: «На здоровье и лечение тов. Менжинского надо обратить серьезное внимание. Прошу организовать консилиум по специальности, для того чтобы наметить лечение, где, при каких условиях, на сколько времени и т. д. О решении консилиума прошу мне сообщить»¹.

В. Р. Менжинский был тогда направлен для лечения в Кисловодск; когда срок лечения его истекал, а здоровье не поправилось в достаточной степени, Феликс обратился 25 августа в ЦК РКП(б) с просьбой разрешить Вячеславу Рудольфовичу продолжить свое лечение до октября. ЦК поддержал просьбу Ф. Э. Дзержинского и разрешил продлить отпуск В. Р. Менжинскому.

Еще раньше, в период работы Феликса в НКПС, одному из его заместителей врачи предписали вследствие болезни сердца работать не более 4 часов в сутки. Фе-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 3734.

ликс, который сам был болен, но работал по 16—18 часов, звонил ему ежедневно в 2 часа, папомпная, что пора уходить с работы.

Когда в 1924 году заместитель Дзержинского по ВСНХ Владимиров был по болезни направлен на лечение в Германию, Феликс просил советского посла в Берлине следить за тем, чтобы Владимиров, отличавшийся исключительной скромностью, не нуждался в деньгах. Феликс просил в случае надобности выдать Владимирову необходимые средства, а также сообщать ему, Феликсу, о ходе лечения¹.

В годы больших продовольственных затруднений многие сотрудники ВЧК, работая днями и ночами, плохо питались, сильно изнуряли себя и расшатывали свое здоровье. Узнав о плохом состоянии здоровья руководителя одного из отделов ВЧК Самсонова, Феликс дал своему секретарю В. Герсону указание позаботиться об улучшении его питания².

Когда Феликсу в октябре 1925 года сообщили, что талантливый поэт Сергей Есенин болен туберкулезом, Феликс позаботился о помещении его в санаторий³.

Е. П. Пешкова рассказала мне о том, какую помощь Дзержинский оказал далекому и незнакомому ему племени ламутов, кочевавшему по обеим сторонам Верхоянского хребта, на северо-востоке Якутии. Это было племя оленеводов и охотников, насчитывавшее всего 350 человек. Ламуты несли государственную службу, поддерживая почтовое сообщение через Верхоянский хребет, перевоза государственные грузы и обслуживая предприятия по добыче свинца в Верхоянском уезде.

В период гражданской войны было запрещено продавать населению свинец. Это было распространено и на ламутов, живших главным образом за счет охоты и оленеводства. Не имея возможности приобретать свинец для охоты и для защиты оленей от волков, ламуты потеряли значительную часть своего стада, были лишены питания и средств к жизни, в результате чего это маленькое племя начало вымирать.

Видный хозяйственный и общественный деятель Якутии А. А. Семенов, ходатай по материальным и культурным делам якутского народа, написал в феврале 1921 года

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 671.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 635.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 571.

лично знакомому ему А. М. Горькому о бедственном положении ламутов.

Позднее жена Семенова Наталья Петровна, приехав в Москву, передала Е. П. Пешковой заявление ламутов с просьбой о помощи. Е. П. Пешкова вручила это заявление Дзержинскому. Феликс немедленно поручил своему секретарю С. Редеспу проверить правильность фактов, изложенных в заявлении. Получив подтверждение, Дзержинский отменил запрет на продажу ламутам свинца.

Как подлинный ленинец, Феликс был образцом скромности. И в годы Советской власти, занимая высокие государственные посты, он оставался таким же скромным в личной жизни, каким он был во времена подполья.

«Мы, коммунисты,— говорил он мне неоднократно,— должны жить так, чтобы широчайшие массы трудящихся видели, что мы слуги народа, что победой революции и властью мы пользуемся не для себя, а для блага и счастья народа». Эти слова он говорил не только мне, но и своим помощникам — чекистам.

В те годы был большой недостаток товаров широкого потребления, и у Феликса был один-единственный полувоенный костюм, но он не разрешал шить ему новый и вообще покупать ему что-либо лишнее из одежды. Он одевался в скромную военную гимнастерку и красноармейскую (кавалерийскую) шинель.

Однажды близкий его товарищ Стефан Братман-Бродовский, работавший в то время секретарем советского посольства в Германии, прислал ему из Берлина прекрасный шерстяной свитер. У Феликса был старенький, заштопанный и мало уже гревший свитер. Но он не мог позволить себе иметь два свитера, когда у многих товарищей не было ни одного. В тот же день он отдал новый свитер одному из своих помощников.

Феликс был также скромен в пище и не позволял, чтобы ему давали лучшую еду. Чтобы заставить его съесть что-нибудь попитательнее или повкуснее, приходилось прибегать к хитрости, но это не так легко удавалось.

В Кремле Феликс не раз ходил сам в кубовую за кипятком, не позволяя мне это делать. До конца своих дней он сам чистил себе обувь и стелил постель, запрещая это делать другим. «Так приучила меня мать», — говорил он, когда я пыталась это сделать за него.

В 1920 году в день 25-летия революционной деятельности Феликса товарищи по работе подарили ему на

память массивный серебряный портсигар с сердечной надписью и многочисленными своими подписями. Он никогда не пользовался им, считая это излишней роскошью, и отдал его А. Я. Беленькому для передачи в фонд помощи голодающим. Но Беленький без ведома Феликса сохранил этот портсигар и после его смерти передал мне. Сейчас он находится в московском Государственном музее Революции. Точно так же в фонд голодающим Феликс передал подаренный ему в 1922 году рабочими Главных гомельских железнодорожных мастерских серебряный чернильный прибор, считая для себя невозможным пользоваться такой дорогостоящей вещью.

Когда в январе 1921 года председатель Азербайджанской ЧК Хандалов прислал Феликсу «для поправки здоровья» посылку (несколько бутылок вина и 3 банки икры), он передал ее в Санитарный отдел ВЧК для больных. Хандалову, поблагодарив его, написал: «Должен Вам, однако, как товарищу, сообщить, что не следует Вам, как предчека и коммунисту, ни мне, ни кому бы то ни было другому посылать такие подарки»¹.

Скромность Феликса характеризуют следующие факты: увидев на стене одного из помещений ВЧК свой портрет, он в записке от 5 декабря (кажется, 1919 года) своему заместителю категорически потребовал немедленно снять его портреты во всех подведомственных ему помещениях, оставив лишь групповые снимки. «Неприлично это»², — писал он в этой записке.

Узнав, что туркестанские товарищи без его согласия назвали его именем Семиреченскую железную дорогу, Феликс послал им телеграмму с возражением и написал в Совнарком записку с требованием отмены этого решения³.

В октябре 1925 года в связи с восстановлением и пуском Ивотского стекольного завода в Брянской области коллектив этого завода решил присвоить ему имя Ф. Э. Дзержинского. Феликс в письме к рабочим и служащим Ивотского завода поблагодарил их, но предложил назвать завод «именем какого-либо передового борца рабочего из стекольщиков, так как возрождение промышленности... обязано прежде всего усилиям рабочего класса и его партии...».

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 350.

² ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 4019.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 4244.

Феликс был исключительно цельной натурой, как бы вылитой из одного куска. Все его мысли, желания, стремления были направлены к одной цели — к борьбе за дело коммунизма. Этой борьбе он отдавал всего себя, все свои силы и время, работая и в дореволюционное время, и после Великого Октября с раннего утра и до поздней ночи, а когда надо было, проводя без сна по несколько суток. Он совсем не заботился о себе, о своем здоровье. Я уже упоминала выше, что, даже находясь в эмиграции, он не отдыхал и по воскресеньям. В советское время, находясь на ответственной государственной работе, он также трудился без отдыха. Его отпуска очень часто превращались в поездки для обследования транспорта или промышленных предприятий и новостроек или использовались им для партийной работы. Случилось, что, будучи больным и чрезвычайно усталым, он отказывался от давно неиспользованного отпуска. Когда на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 3 октября 1923 года был поставлен вопрос об очередном отпуске, он просил снять этот вопрос с повестки дня, мотивируя тем, что его отпуск был бы в данный момент вреден для дела, а следовательно, и для него лично. Он ссылался на положение дел в ОГПУ и в НКПС, требующее его присутствия, на неликвидированный еще вопрос о «рабочей оппозиции» и на международную обстановку. Все это вызывало необходимость величайшего темпа работы и напряжения всех партийных сил. «В такой критический момент, — писал Феликс, — покидать мне Москву и работу было бы преступно... Уходить в отпуск мне сейчас и психологически было бы очень трудно — и отпуск не дал бы мне того, что требуется от отпуска».

Зато когда партия заставляла его отдыхать и он уезжал на несколько недель в Крым, на Кавказ или в Подмосковье, то всей душой наслаждался красотой природы, морем, горами, лесом, цветами, звездным небом, совершенная многочасовые прогулки. При этом он любил ходить не по проторенным дорогам и тропинкам, а продираться сквозь лесную чащу, бродить по каменистому берегу Черного моря, взбираться на горы. Он очень любил купаться в море, кататься на лодке, увлекался греблей, упражнялся в метком бросании камешков с берега в торчащие из моря скалистые выступы. Любил он и хорошо умел ездить верхом, по это удавалось ему очень редко.

Поздней осенью 1922 года, отдыхая в Сухуми, Феликс восхищался его окрестностями и чудесными видами.

Он писал мне оттуда 10 ноября: «Тут солнце, тепло, море безбрежное и вечно живое, цветы, виноградники, красиво как в сказке... Кругом пальмы, мimosы, эвкалипты, кактусы, оливковые, апельсиновые и лимонные деревья, цветущие розы, камелии, магнолии — повсюду буйная растительность, вдали же цепи покрытых снегом гор, а ниже огромные леса».

Находясь в 1924 году в Крыму, мы из Мухалатки совершали длительные прогулки по берегу моря или через горы в Кастрополь, а также в противоположную сторону. Однажды мы поднялись на вершину горы и шли по хребту до Байдарских ворот, любясь осенними красками леса, покрывающего горные склоны, и восхищаясь живописной картиной Байдарской долины.

В августе — сентябре 1925 года Феликс после болезни провел месяц в Кисловодске на небольшой даче «Карс». Часть его отпуска я провела там вместе с ним. Мы ходили к «Храму воздуха», наслаждаясь чистым горным воздухом, который Феликс называл «вкусным». Только один раз поднялись мы к «Красному солнышку», любясь раскрывшимся перед нами видом на Кисловодск, его окрестности и хребет Кавказских гор. Совершали мы экскурсии также к Медовому водопаду, к Кольцо-горе, в Пятигорск. Особенно нравился Феликсу вид на покрытый вечным снегом Эльбрус, озаренный заходящим солнцем.

Но и во время своего пребывания в Крыму и на Кавказе Феликс не отрывался полностью от работы. Он встречался с местными руководящими товарищами и обсуждал с ними волнующие, актуальные вопросы.

Несмотря на слабое здоровье, Феликс отличался необыкновенным трудолюбием и трудоспособностью, которая всегда поражала сотрудничавших с ним товарищей. Мало кто мог бы подобно ему руководить одновременно несколькими важнейшими государственными учреждениями и в то же время возглавлять разные комиссии и участвовать в работе ЦК партии, Оргбюро и Политбюро.

* * *

Партийные и советские законы были для Дзержинского святы, и он так же строго применял их к себе, как и к другим.

В первом своем письме сестре Альдопе после Великой Октябрьской социалистической революции Феликс писал 15 апреля 1919 года: «Посылаю тебе вещи из Дзержинова.

Очень массивные ценности были конфискованы, согласно нашим законам... Я знаю, что эта конфискация фамильных ценностей огорчит тебя, но я не мог иначе поступить — таков у нас закон о золоте...»

Феликс органически не выносил даже малейших признаков лести и подхалимства.

Был такой случай. Один ответственный работник железнодорожного транспорта, желая угодить Дзержинскому, являвшемуся тогда наркомом путей сообщения, перевел сестру Феликса Ядвигу Эдмундовну на значительно лучше оплачиваемую работу, для выполнения которой у нее не было никакой квалификации. Феликс возмущался этим, распорядился не принимать его сестру на эту ответственную работу, а работника транспорта — подхалима, по словам Ядвиги Эдмундовны, — снял с занимаемой им должности.

Феликс не выносил никакой фальши и сам отличался необыкновенной душевной чистотой, честностью и правдивостью.

Бывали случаи, когда Феликс ошибался, обвиняя кого-нибудь из товарищей в упущении или неправильном действии, но, убедившись в своей ошибке, он не стыдился признаться в этом и немедленно извинялся перед данным товарищем.

Л. А. Фотиева рассказывает, что однажды на заседании Совета Народных Комиссаров при обсуждении вопроса, поставленного Феликсом Эдмундовичем, оказалось, что нет подготовленных для обсуждения этого вопроса материалов. Дзержинский вспылил и упрекнул в этом Фотиюву, сказав, что материалы из ВЧК отправлены, а секретариат Совнаркома их затерял. Когда же Феликс убедился, что материалы из ВЧК только отправляются, но еще не доставлены, он попросил на заседании СНК внеочередное слово и извинился перед Фотиевой, заявив: «Виноват не секретариат СНК, а секретариат ВЧК». Л. А. Фотиева добавляет: «Этот маленький эпизод прибавляет лишнюю черту для характеристики щепетильной правдивости Феликса Эдмундовича».

Убедившись в своей неправоте по отношению к председателю Югвостпромбюро т. Иванову, Феликс в июле 1924 года написал ему: «Я, безусловно, ошибся и несправедливо отнесся. Прошу извинения»¹.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 76, ед. хр. 4222.

Все, кто знал Феликса Эдмундовича, отмечали его чуткость и большую справедливость.

Е. П. Пешкова, будучи представительницей Польского Красного Креста в СССР, неоднократно обращалась к Феликсу по поводу лиц, арестованных ВЧК и потом ГПУ по политическим мотивам. Когда Екатерина Павловна выражала свои сомнения насчет виновности какого-либо арестованного, Феликс внимательно выслушивал ее и всегда распоряжался доследовать дело. По словам Екатерины Павловны, он проявлял заботу о семьях арестованных, особенно о детях, расспрашивал об условиях их жизни. Она привела следующий пример.

Однажды к ней обратилась жена одного из арестованных членов ЦК правых эсеров и пожаловалась на то, что в связи с арестом мужа ее сняли с работы детврача, а двоих детей школьного возраста не принимают в школу, и сказала, что хотела бы лично говорить с Дзержинским.

Она была принята Феликсом Эдмундовичем и после разговора с ним пришла к Е. П. Пешковой. Разрыдавшись от волнения, она сказала, что впервые встретила такое внимательное и чуткое отношение. Феликс Эдмундович расспросил ее о положении и был страшно возмущен тем, что детей не приняли в школу. Он сам позвонил в Наркомпрос. Дети были приняты в школу.

Впоследствии каждый раз, когда эта женщина встречалась с Екатериной Павловной, она тепло вспоминала о Феликсе.

О глубокой справедливости Феликса хорошо знали товарищи по партии и широкие массы трудящихся.

Старый польский революционер Феликс Кон рассказал о следующем факте: «На Украине в разгар петлюровщины и денкининщины кто-то был приговорен к расстрелу. Уже после приговора ему удалось бежать. Он не скрылся, а явился в Москву, в Чека, к Дзержинскому и просил о пересмотре дела, уверенный, что Дзержинский не допустит расстрела невинного. Вера его в Дзержинского доходила до того, что он не поколебался уже приговоренный явиться к нему»¹.

¹ Писатель Ю. Герман установил, что это был коммунист Спидоренко. Дзержинский снял с него необоснованное обвинение и отпустил в родной город.

Алексей Максимович Горький, узнав от Екатерины Павловны Пешковой о смерти Дзержинского, писал из Италии: «Совершенно ошеломлен кончиной Феликса Эдмундовича. Впервые я его видел в 9—10 годах, и уже тогда сразу же он вызвал у меня незабываемое впечатление душевной чистоты и твердости. В 18—21 годах я узнал его довольно близко, несколько раз беседовал с ним на очень щекотливую тему, часто обременял различными хлопотами, благодаря его душевной чуткости и справедливости было сделано много хорошего. Он заставил меня и любить и уважать его. И мне так понятно трагическое письмо Екат. Павловны, которая пишет мне о нем: «Нет больше прекрасного человека, бесконечно дорогого каждому, кто знал его»... Нет, как неожиданна и несвоевременна и бессмысленна смерть Феликса Эдмундовича!»

Феликс глубоко любил людей, верил людям. Неоднократно говорил он о том, что нет плохих от природы людей, что такими их делает несправедливый капиталистический строй, угнетение и эксплуатация. Он считал, что у каждого, даже самого плохого, человека сохранилась хотя бы небольшая крупица добра, совести и душевной красоты, которую можно пробудить и оживить.

Не раз Феликс говорил мне о том, что вообще относится к людям с доверием и лишь когда замечает в ком-нибудь хоть малейшую фальшь или узнает о нем что-то нехорошее, настаивается и принимает меры к тщательному выяснению подлинного лица этого человека.

Если он знал кого-нибудь хорошо как честного человека, то верил ему.

Е. П. Пешкова рассказывает такой случай. В период работы Феликса Эдмундовича в ВЧК был арестован один эсер, которого Дзержинский хорошо знал по Вятской ссылке как честного, прямого человека и искреннего, хотя и идущего по ложному пути, революционера.

Узнав об его аресте, Феликс Эдмундович через своего помощника пригласил его к себе в кабинет. Но тот сказал:

— Если на допрос, то пойду, а если для разговора, то не пойду.

Когда эти слова были переданы Дзержинскому, он рассмеялся и велел допросить этого эсера, заявив, что, судя по ответу, он остался таким же, каким был; поэтому, если он скажет, что не виновен в том, в чем его обви-

няют, надо ему верить. В результате допроса он был освобожден.

Глубоким пониманием интересов трудящихся, своей заботливостью, вниманием к их нуждам, простотой обращения и сердечностью Феликс завоевывал их сердца с первого разговора. Большой любовью и доверием платил ему за это народ.

В издаваемой в Сочи «Курортной газете» от 5 октября 1937 года помещена «Легенда о Дзержинском», записанная Львом Метелевым со слов 79-летнего колхозника Алексея Дмитриевича Винокурова (колхоз имени Дзержинского Кайского района, бывшей Вятской, ныне Кировской, области, где Феликс в 1898—1899 годах находился первый раз в ссылке).

В этой «легенде» в простых бесхитростных словах рассказано о том, какое впечатление произвел Феликс на кайгородских крестьян, о том, как он умел понять их нужды, заботы, чаяния и как пробуждал в них волю к борьбе за свободу.

...И приехал Феликс Эдмундович,
К нам в лесные болота приехал он.
Просиял наш край, просветлел наш Кай.
Будто солнце взошло выше прежнего,
Будто ель, сосна расступились.
Веселей поют стахи певчие.
Повстречаемся — улыбнется он,
Остановится побалакати —
Молодеет кровь, радость слышится,
Говорить начнет — голова свежей.
Ой, ходили мы по лесной глуши
Порыбатничать, поохотничать;
Заведем костер, затрещит костер,
Искры красные так и прыскают.
И начнет Феликс под трескучий шум
Речи ясные проповедовать,
Будто смолоду в твоей горнице
Он живет с тобой, все проведавши.
И расскажет он — душу тайную
Мужиковскую словно вывернет.
А в глазах его тепло стелется,
Будто жгут они ярче солнышка.
Слово вымолвит — словно молния.
Он поведал нам про свободушку,
Он зажег сердца ясным пламенем.

* * *

Во всей своей жизни и деятельности Феликс руководствовался пламенной любовью к людям, ко всему человечеству, особенно к трудящимся. Это была не абстракт-

ная, а действенная любовь, вдохновлявшая его и помогавшая ему преодолевать все трудности и стойко переносить все страдания.

В письме к сестре Альдоне от 15 апреля 1919 года Феликс, грозный председатель ВЧК, писал: «...я остался таким же, каким и был, хотя для многих нет имени страшнее моего.

Любовь сегодня, как и раньше, она все для меня, я слышу и чувствую в душе ее песнь. Песнь эта зовет к борьбе, к несгибаемой воле, к неутомимой работе. И сегодня помимо идеи, помимо стремления к справедливости — ничто не определяет моих действий».

Во всей своей тяжелой, самоотверженной революционной работе Феликс, по его словам, «искал опоры и источника для новых усилий в сознании того, что эта работа служит делу освобождения рабочих масс и ведет к коммунизму. И эта моя работа,— говорил он,— была плодотворной постольку, поскольку мне удавалось найти связи с этой рабочей массой...». Неутомимый труд, лишения и страдания, перенесенные во имя счастья народных масс, были его великим личным счастьем. «Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека, какого он только может достигнуть. Тогда человек не боится ни страданий, ни боли, ни горя, ни нужды. Тогда человек перестает бояться смерти, хотя только тогда он научится по-настоящему любить жизнь», — писал он еще в 1913 году из тюрьмы своей сестре Альдоне.

20 июля 1936 года на общегородском собрании московского партактива и работников НКВД, посвященном десятой годовщине со дня смерти Ф. Э. Дзержинского, с большой речью выступил А. И. Микоян. Он сказал:

«Наша партия и трудящиеся массы Советского Союза в течение 10 лет, которые прошли со дня смерти Феликса Эдмундовича Дзержинского, ежегодно склоняют свои революционные знамена в память об этом пламенном революционере-большевике, светлый образ которого всегда живет в наших сердцах.

С каждым годом, чем дальше в прошлое уходит день его смерти, тем более ярко вырастает его фигура в сознании всего человечества. Но лишь после детального изучения всей жизни Феликса Эдмундовича его образ встает во всем своем величии.

Приложение

Краткие биографические сведения о лицах, упомянутых в книге

Аванесов, Варлам Александрович (настоящее имя и фамилия Сурен Мартиросян) (1884—1930) — член РСДРП с 1903 года. Активно участвовал в революции 1905—1907 годов на Северном Кавказе. Подвергался постоянным преследованиям царских властей; после очередного ареста партийные товарищи добились для него заграничный паспорт на имя персидского подданного Варлама Аванесова и он уехал в Швейцарию. В Цюрихе Аванесов учился в университете на медицинском факультете и длительное время был секретарем объединенной группы РСДРП. В 1914 году вернулся в Россию и примкнул к большевикам.

После Февральской революции 1917 года Аванесов — член президиума Московского Совета (большевистская фракция). На II Всероссийском съезде Советов был избран в состав ВЦИК и стал его первым секретарем. В декабре 1917 года был назначен членом коллегии ВЧК. В 1919 — начале 1920 года — член коллегии Госконтроля, а с 1920 по 1924 год — заместитель наркома РКИ, затем — заместитель наркома внешней торговли. С 1925 года — член президиума ВСНХ СССР. Аванесова многие годы связывала личная дружба с Ф. Э. Дзержинским.

Антонов-Овсеенко, Владимир Александрович (1884—1938), профессиональный революционер, член РСДРП с 1902 года. Партийная кличка «Штык», литературный псевдоним А. Гальский. В 1904 году он — один из основателей военно-революционной организации (ВРО) РСДРП в Варшаве. В 1905 году — один из организаторов военного восстания в Новой Александрии (в Королевстве Польском). Неоднократно арестовывался царскими властями. За организацию военного восстания в Севастополе в 1906 году был приговорен к смертной казни с заменой 20 годами каторги. После побега продолжал вести нелегальную партийную деятельность в Финляндии и Петербурге. В 1910 году эмигрировал во Францию, примкнул к меньшевикам, от которых отошел в 1915 году. После Февральской революции 1917 года вернулся в Петроград и вступил в большевистскую партию. В июльские дни 1917 года был арестован Временным правительством и заключен в «Кресты». В Октябрьские дни — член Военно-революционного комитета, активно участвовал во взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства. В годы гражданской войны занимал ряд ответственных командных постов. Позднее был на руководящей государственной и на дипломатической работе.

Ашкенази, Мария (Манька), в 1905 году партийный техник СДКПиЛ в Варшаве. В 1906 году эмигрировала в Америку.

Багоцкий, Сергей Юстинович (1879—1953) — активный участник революционного движения, по профессии врач. В 1900—1904 годах участвовал в студенческом и рабочем движении в Петербурге и Киеве. В 1904—1905 годах — член Комитета военно-революционной организации РСДРП в Варшаве. Партийная кличка «Александр». Дважды подвергался аресту, отбывал каторгу в Иркутской губернии, бежал в 1910 году с поселения в Краков, где вступил в ряды Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Был инициатором и одним из организаторов Краковского Союза помощи политзаключенным и ссыльнопоселенцам в России в 1910 году и фактически его руководителем до Февральской революции 1917 года. В 1912—1917 годах в Кракове, Поронине, затем в Швейцарии находился в близком контакте с В. И. Лениным. В 1917 году принимал активное участие в организации возвращения В. И. Ленина в Россию. После Октябрьской революции — один из организаторов советского здравоохранения. В 1918—1937 годах — представитель Советского Красного Креста при Международном комитете Красного Креста в Женеве. С 1937 года работал консультантом в Исполкоме Красного Креста в Москве. В 1950—1951 годах был старшим научным редактором медицинского отдела Большой Советской Энциклопедии.

Беленький, Абрам Яковлевич (1883—1941) — член РСДРП с 1902 года. 31 марта 1903 года был арестован на нелегальной партийной сходке в Харькове. Пробыл в заключении до 31 июля 1903 года, затем находился под особым надзором полиции в Орше, откуда скрылся в ноябре 1904 года за границу. Находился в эмиграции во Франции, жил в Париже и входил в местную большевистскую группу. После Февральской революции 1917 года вернулся в Россию. В Петрограде заведовал типографией ЦК РСДРП(б). Активно участвовал в Октябрьской социалистической революции. Работал в ВЧК-ОГПУ, с 1919 по 1924 год был начальником охраны В. И. Ленина, в последующие годы находился на оперативной и хозяйственной работе в НКВД СССР.

Бем, Антон Густав (1848—1902) — историк польской литературы, автор многочисленных публикаций в польских журналах.

Бобинский, Станислав (1882—1937) — профессиональный революционер, член СДКПиЛ с 1903 года, а затем РКП(б), доктор философии и инженер лесного хозяйства. Участник революции 1905—1907 годов в Королевстве Польском (в Варшаве, Лодзи, Ченстохове, Домбровском угольном бассейне). Партийные клички: «Рафал», «Козел», «Ян». Пять раз арестовывался царскими властями. С 1907 по 1912 год находился в эмиграции. Арестованный в 1915 году, был вывезен в Петроград и заключен в «Кресты». После Февральской революции 1917 года активно работал среди польского населения как член группы СДКПиЛ в России. Член Исполкома Моссовета (большевистская фракция). Активный участник Октябрьской социалистической революции. В 1918 году — комиссар польских воинских частей в штабе Московского военного округа, комиссар революционного Варшавского красного полка, в 1919 году — член Реввоенсовета Запад-

ного фронта, с 1920 года — член Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б), лектор, преподаватель диалектического и исторического материализма в Коммунистическом университете им. Свердлова в Москве, а также на курсах красных командиров в Смоленске и ряде городов Белоруссии, организатор и ректор Уральского Коммунистического университета. С 1926 года — работник польской секции Коминтерна, участник III съезда и IV конференции Коммунистической партии Польши, делегат VI, VII, X и XII съездов РКП(б) и III конгресса Коминтерна. В 1929—1931 годах — директор Политехнического музея в Москве. С 1932 года — председатель научно-технического совета Центрального управления путей сообщения, затем председатель методической редакции объединенного совета научно-технических издательств. Автор многих научных статей и исследований.

Богуцкий, Вацлав (1884—1937) — слесарь-механик в Белостоке, член СДКПиЛ с 1904 года. Партийные клички: «Вацек», «Александр», «Шпак». Участник V (1906) съезда СДКПиЛ. Неоднократно подвергался арестам. С 1909 по 1911 год находился в эмиграции в США. В годы первой мировой войны был в царской армии. После Февральской революции 1917 года — организатор Совета солдатских депутатов в тифлисском гарнизоне и член тифлиского Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918 году — председатель комитета СДКПиЛ в Белостоке и один из организаторов Коммунистической партии. В 1919—1920 гг. — председатель особого отдела НКВД Литовско-Белорусской республики и член ЦК Компартии Литвы и Белоруссии. С 1921 года на руководящей партийной и государственной работе в Советской Белоруссии, затем в Москве. Делегат многих съездов ВКП(б), член ЦИК СССР, участник съездов компартии Польши, ее представитель в Исполкоме Коминтерна, член ЦК КПП в 1925—1930 годах. Был на руководящей профсоюзной работе, в том числе в Профинтерне, а также в РКИ.

Братман, Игнацы — профессиональный революционер, член СДКПиЛ, партийная кличка «Повольный», способный агитатор и пропагандист, хороший организатор. После раскола в СДКПиЛ — один из руководителей варшавской организации, признававшей Главное Правление. После второй мировой войны был членом Польской Объединенной Рабочей партии (ПОРП).

Братман (Бродовский), Стефан (1880—1937) инженер-электрик, член СДКПиЛ с 1903 года. Призванный в 1904 году в царскую армию, дезертировал в 1905 году в Краков, где работал в Заграничном комитете СДКПиЛ. Партийная кличка «Флориан». Несколько раз был арестован царскими властями. В 1912—1914 годах — секретарь Главного Правления СДКПиЛ. Во время первой мировой войны находился в Швейцарии. После приезда туда летом 1918 года Советской дипломатической миссии Стефан Братман работал секретарем этой миссии. Когда в ноябре этого же года швейцарское правительство заставило миссию покинуть пределы страны, он влезал вместе с членами миссии в Советскую Россию. Работал некоторое время среди польского населения как секретарь Польского бюро агитпропа ЦК РКП(б). В 1920 году был членом Реввоенсовета 16-й армии Западного фронта. Позд-

нее под фамилией Бродовский был советским дипломатом — секретарем посольства СССР в Германии, затем советским послом в Латвии.

«Бродач» (фамилия неизвестна) — член СДКПиЛ, представитель партийной организации железнодорожников в Мокотовском районе Варшавы.

Бронский (Варшавский), *Мечислав* (1882—1941) родился в Лодзи в буржуазной семье. Окончил Политехнический институт в Мюнхене, учился также в берлинском университете. Член СДКПиЛ с 1902 года. Партийная кличка «Малый». Агитатор мокотовской районной партийной организации в Варшаве. В 1905 году — секретарь Комитета СДКПиЛ Домбровского угольного бассейна. Несколько раз был арестован царскими властями. В 1907 году эмигрировал в Швейцарию. Там получил звание доктора экономических наук, был секретарем Цюрихской секции СДКПиЛ. Участник Кинтальской международной социалистической конференции 1916 года. Один из участников подготовки переезда В. И. Ленина из Швейцарии через Германию в Россию после Февральской революции 1917 года. Активный деятель РСДРП(б), делегат II Всероссийского съезда советов, член ВЦИК, редактор газет «Экономическая жизнь», «Социалистическое хозяйство», «Финансовая газета», профессор Московского государственного университета, автор многих научных трудов. В своих публицистических статьях пользовался псевдонимами: М. Браун, В. Мечинский, Познер.

Будзынский, Станислав (1894—1937) — рабочий, член СДКПиЛ с 1912 года, партийные клички: «Традиция», «Мариан». В 1912—1915 годах член Варшавского Комитета СДКПиЛ. В 1915 году арестовывался. Участвовал в Февральской революции, а также в Октябрьской социалистической революции, будучи к тому времени командиром полка. Летом 1918 года он нелегально находился в Польше и Германии, где выступал с докладами об Октябрьской революции и Советской власти, участвовал в первом съезде Коммунистической Рабочей партии Польши (1918). В 1919 году был арестован польскими властями и заключен в Варшавскую цитадель. В мае 1920 года в порядке обмена политзаключенными Будзынский вернулся в РСФСР, участвовал в гражданской войне на польском фронте. В течение ряда лет был преподавателем КУНМЗа, редактором газет и партийных журналов в Москве и Минске. С 1930 года он — член Политбюро ЦК КП(б) Б, редактор центрального органа «Звезда», один из организаторов Коммунистического университета Белоруссии. С 1934 года — профессор, руководитель кафедры марксизма-ленинизма в партийной школе Коммунистического Интернационала в Москве. С. Будзынский автор многих научных и партийно-политических трудов, редактор перевода на польский язык произведений В. И. Ленина.

Будкевич, Станислав (1887—1937). Еще будучи гимназистом, был арестован в Лодзи в 1905 году за участие в школьной забастовке. Был организатором социалистической молодежи в Лодзи. С 1906 года — член ППС-левицы. С 1907 по 1910 год находился в Брюсселе, учился на экономическом факультете. С 1912 года —

в Петербурге. После Февральской революции 1917 года — член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, руководитель польского демократического клуба. После Октябрьской социалистической революции вел работу среди польского населения в России. В 1919 году — преподаватель на курсах красных командиров в Москве, член Центрального Исполнительного Комитета групп Коммунистической Рабочей партии Польши (КРПП) в России. В 1920 году — комиссар в штабе Западного фронта, член Реввоенсовета Западного фронта и уполномоченный Польского бюро ЦК РКП(б) там же. С 1921 года — преподаватель партийной школы при Польском бюро ЦК РКП(б) и на курсах красных командиров. Затем на командных должностях во II Управлении штаба Красной Армии и Народного комиссариата обороны СССР.

Валецкий, Генрик (настоящие имя и фамилия — Максимилан Горвиц) (1877—1937) — видный деятель польского и международного рабочего движения. С 1895 года — член ППС, с 1906 года — один из руководителей ППС-левицы. В 1914 году принимал участие в освобождении В. И. Ленина из галицийской тюрьмы в Новом Тарге. В 1915 году Валецкий участвовал в Циммервальдской международной социалистической конференции и редактировал орган левых «Фольксрехт». В 1918 году при слиянии ППС-левицы с СДКПиЛ и образовании при этом Коммунистической Рабочей партии Польши, был избран членом ЦК КРПП. Впоследствии один из ответственных работников Исполкома Коммунистического Интернационала.

Варский, Адольф Ежи (Варшавский) (1868—1937) — один из старейших деятелей марксистского крыла польского рабочего движения, один из основателей СДКП. В 1893 году эмигрировал из Королевства Польского в Швейцарию. Вместе с Розой Люксембург, Юлианом Мархлевским и Яном Тышкой издавал газету «Справа роботничча», а затем журнал «Пшеглэнд социаль-демократычны». Член Главного Правления СДКПиЛ, делегат от СДКПиЛ на IV съезде РСДРП, участвовал в подготовке объединения СДКПиЛ с РСДРП. На V съезде РСДРП был избран членом ЦК партии. В 1909—1910 годах — член редакции ЦО РСДРП, вместе с В. И. Лениным вел борьбу против ликвидаторов. С начала войны занял интернационалистскую, хотя и не вполне последовательную позицию. В 1916 году вернулся в Королевство Польское из эмиграции, где был арестован немецкими оккупационными властями и заключен в концлагерь в Германии. Освобожден в ноябре 1917 года. Варский — один из основателей Коммунистической Рабочей партии Польши (КРПП), член ЦК и политбюро ЦК КРПП. С 1925 года депутат сейма и председатель коммунистической фракции сейма, участник III, IV и V конгрессов Коминтерна, избирался в члены Исполкома Коминтерна. В 1929 году приехал в СССР, работал в Институте Маркса—Энгельса.

Венява-Длугошовский, Тадеуш (1890—1942) — публицист, поэт, член ППС. Арестованный осенью 1913 года, в течение 6 месяцев сидел в одной камере с Ф. Э. Дзержинским в X павильоне Варшавской цитадели. Затем отбывал заключение в тюрьмах Варшавы, Орла, Москвы. Был приговорен к ссылке в Сибирь на веч-

ное поселение. После Октябрьской революции 1917 года некоторое время находился в Москве, затем вернулся в Польшу. Там издавал газету «Валька» («Борьба»), в которой поместил часть «Дневника заключенного», написанного в 1908—1909 годах Ф. Э. Дзержинским в X павильоне Варшавской цитадели. Погиб во время немецко-фашистской оккупации в варшавской тюрьме Павнак в 1942 году.

Весоловский, Бронислав (1870—1919) — один из основателей СДКП в 1893 году, руководил первым съездом партии. Партийная кличка «Смутный». Арестованный осенью 1894 года и сосланный в 1896 году в Сибирь, после возвращения поселился в 1904 году в Киеве. Работал по своей специальности инженера-электрика и занимался партийной деятельностью в рядах РСДРП. Летом 1905 года Весоловский нелегально приехал в Варшаву, активно участвовал в партийной работе под партийной кличкой «Ян из Киева», возглавляя Варшавский комитет СДКПиЛ. В ноябре 1906 года был снова арестован, но освобожден под залог. В 1907 году участвовал на V (Лондонском) съезде РСДРП под псевдонимом «Заборовский». В 1908 г. его опять арестовали и приговорили к 6 годам каторги. Освобожден после Февральской революции 1917 года. С весны по ноябрь 1917 г. был одним из секретарей ЦК РСДРП(б), затем находился на ответственной работе во ВЦИК и Верховном трибунале. В декабре 1918 года, возглавляя делегацию Советского Красного Креста, Весоловский выехал в Варшаву для переговоров об обмене военнопленными. На обратном пути в ночь с 1-го на 2-е января 1919 года вместе с другими членами делегации был зверски убит агентами Пилсудского неподалеку от советской границы.

Витоэ, Винценты (1874—1945) — польский политический и государственный деятель, организатор и руководитель кулацкой партии «Пяст», блокировавшейся с крайне правыми буржуазно-националистическими партиями Польши. Возглавлял буржуазно-помещичье правительство в период польско-советской войны 1920 года и до сентября 1921 года, а также в 1923 и в мае 1926 года, непосредственно перед государственным переворотом Пилсудского. В дальнейшем возглавлял объединенную крестьянскую партию «Стронництво людове». В 1933—1939 годах находился в эмиграции. Во время немецко-фашистской оккупации был в заключении. В 1945 году являлся вице-президентом Крайовой Рады Народовой.

Гаккель, Яков Модестович (1874—1945) — советский ученый и конструктор в области самолетостроения и тепловозостроения, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. В 1897 году окончил Петербургский электротехнический институт. За участие в студенческих революционных организациях был сослан на 5 лет в Сибирь, где до 1903 года служил в г. Бодайбо на Ленских припесках, руководил постройкой, а затем эксплуатацией одной из перьев в России гидроэлектростанций. Вернувшись в Петербург, работал по проектированию, постройке и эксплуатации петербургского трамвая и преподавал курс электрической тяги в электротехническом институте. С 1921 года — профессор этого института. В 1920—1921 годах разработал проект тепловоза с дизелем, соединенным с генератором. Проект был одобрен Лениным и после

перелетки самим Гаккелем осуществлен в 1924 году. Построенный на ленинградских заводах тепловоз был одним из первых в мире мощных работоспособных тепловозов.

Ганецкий (Фюрстенберг), *Яков* (1879—1937) — видный деятель польского и русского революционного движения, член партии с 1896 года. Один из организаторов берлинской конференции СДКПиЛ в 1902 году, участник многих съездов этой партии. Активный участник революции 1905—1907 годов в Королевстве Польском. Делегат IV и V съездов РСДРП, один из организаторов подготовки объединения СДКПиЛ с РСДРП. На V (Лондонском) съезде РСДРП был избран заочно кандидатом в члены ЦК партии. С 1903 по 1909 год бессменный член Главного Правления СДКПиЛ. Партийные клички: «Генрих», «Куба», «Миколай», «Машинист», «Францешек», «Борель», «Чеслав». В 1911 году — один из организаторов и руководителей «розламовцев» (раскола) в СДКПиЛ, член Краевого правления «розламовцев», действовавшего в тесном контакте с В. И. Лениным. Яков Ганецкий неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам. В 1912 году принимал участие в Базельском конгрессе II Интернационала. Во время первой мировой войны занимал интернационалистскую позицию. В 1914 году участвовал в Поронинском совещании партийных работников. Принимал деятельное участие в освобождении В. И. Ленина из галицийской тюрьмы в августе 1914 года. После Февральской революции 1917 года — член Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. После Великой Октябрьской революции — на руководящей советской и партийной работе.

Гемборек, Юлиан (1881—1943) — профессиональный революционер, член СДКПиЛ с 1904 года. Партийные клички: «Бронислав», «Янек», «Пщеляж», «Зарембский». Один из основателей партийной организации в Домбровском угольном бассейне. В 1907 году участвовал в работах III конференции РСДРП в Котке (Финляндия). Был делегатом VI съезда СДКПиЛ (1908 г.). С 1907 по 1909 год находился в эмиграции в Швейцарии, в Берне. В 1909 году был направлен в Королевство Польское в качестве доверенного лица Главного Правления СДКПиЛ. Осенью 1910 года, арестованный царскими властями (в третий раз), был в 1911 году приговорен к ссылке на вечное поселение в Восточной Сибири (Киренский уезд, Иркутской губернии). Летом 1912 года бежал за границу. Еще находясь в ссылке, объявил себя сторонником «розламовцев». Империалистическая война 1914—1918 годов застала его в Восточной Галиции. После занятия русскими войсками Галиции Гемборек был арестован и сослан в город Троицк на Урале. После Февральской революции 1917 года — член Троицкого горкома РСДРП(б). Активный участник Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, затем — член Челябинского губкома РКП(б). В течение ряда лет работал прокурором в Челябинске, Кургане, во Владимире. В 1926—1928 годах прокурор Наркомата юстиции в Москве. Был делегатом X и XI съездов партии.

Герсон, Вениамин Леонардович (1891—1941) — член большевистской партии с 1917 года. С августа 1918 до 1937 года работал в ВЧК-НКВД СССР, был секретарем Ф. Э. Дзержинского до 1926 года.

Гольденберг, Яков — один из старейших членов СДКПиЛ. Партийные клички: «Тур», «Турский», «Станислав». Участник берлинской конференции СДКПиЛ в 1902 году, делегат IV съезда (1903 г.), член Заграничного Комитета СДКПиЛ в 1902—1904 годах. На IV съезде был избран в состав делегации СДКПиЛ для переговоров с РСДРП по вопросу объединения. В 1904—1905 гг. — член Варшавского комитета СДКПиЛ, организатор межрайонной партийной конференции в дни всеобщей политической забастовки в Варшаве в октябре 1905 года. Активно сотрудничал в нелегальном партийном журнале «Пшегледнд социаль-демократычны». После Октябрьской социалистической революции работал в Москве, член ВКП(б). Умер в 1936 году.

Гольденберг, Софья — профессиональная революционерка, член СДКПиЛ. Партийные клички: «Броня», «Станислава». В 1902 году — член Заграничного Комитета СДКПиЛ в Кракове. Делегат IV съезда партии в 1903 году. По отчету Заграничного Комитета IV съезд СДКПиЛ единогласно вынес решение: «...особо отметить энергичную и плодотворную для партии деятельность товарищей: Брони, Турского и Юзефа». В 1904—1906 гг. С. Гольденберг активно работала в Варшавской организации СДКПиЛ, была членом Военно-революционной организации (ВРО) РСДРП, руководила также работой среди женщин. Арестованная в 1906 году, обвинялась в том, что вела революционную агитацию среди солдат варшавского гарнизона. После освобождения под залог (из-за болезни) до суда эмигрировала за границу. В годы реакции С. Гольденберг входила в состав Заграничного бюро ЦК РСДРП как представительница СДКПиЛ. После Октябрьской социалистической революции вместе с мужем приехала в Советскую Россию. Работала в Москве в редакции Большой Советской Энциклопедии.

Гольдман, Мария — член СДКПиЛ, партийная кличка «Кристина». В период революции 1905—1907 годов была агитатором и пропагандистом в Повонковском и Дольном районах варшавской организации СДКПиЛ. Во время реакции отошла от революционного движения.

Горский, Францишек (1885—1937) — конторский служащий, член СДКПиЛ с 1905 года, агитатор и пропагандист. Партийная кличка «Тадеуш». С 1906 года — член районного правления Мокотовской организации СДКПиЛ в Варшаве. Арестованный осенью 1906 года, был предан военному суду и приговорен к четырем годам каторги, после отбытия оставлен на вечное поселение в Иркутской губернии. После Февральской революции 1917 года остался в Сибири. Но в 1918—1920 годах при колчаковцах потерял связь с партией. Вновь вступил в РКП(б) в сентябре 1920 года. С 1927 года жил и работал в Москве.

Гжельцак, Францишек (1881—1937) — рабочий-металлист, член СДКПиЛ с 1904 года, партийная кличка «Механик». В 1905—1907 гг. — член Мокотовского и Вольского районных правлений СДКПиЛ в Варшаве, делегат V (Лондонского) съезда РСДРП. Неоднократно подвергался арестам. В 1914 году был призван в царскую армию. После Февральской революции 1917 года — член ар-

мейского комитета 2-й армии на Западном фронте, большевик. Участник Великой Октябрьской революции. Делегат II и III Всероссийских съездов Советов, член ВЦИК. Вместе с Енукидзе руководил военным отделом ВЦИК, работал также некоторое время секретарем ВЧК и в Польском комиссариате Наркомата по делам национальностей. Вернулся в Польшу в 1918 году. В течение многих лет был членом ЦК Коммунистической партии Польши, начиная с ее I съезда (1918 г.). В КПП выступал под партийными кличками: «Гржегожевский», «Марцин». Был делегатом четырех конгрессов Коминтерна, избирался членом Исполкома Коммунистического Интернационала. Арестованный польскими буржуазными властями, был в порядке обмена политзаключенными возвращен в 1928 году в Советский Союз. В Москве работал в ЦКК ВКП(б), затем в Исполкоме Коминтерна.

Громковский, Владислав — портной, член СДКПиЛ, партийная кличка «Законник». В 1910 году находился в эмиграции в Кракове.

Грушковский, Игнацы (1864—1918) — каменщик, член СДКПиЛ с 1898 года. Партийные клички: «Груха», «Грушка». Один из организаторов знаменитой забастовки варшавских каменщиков в 1904 году. Активный участник революции 1905 года. Неоднократно арестовывался царскими властями, был сослан в Сибирь. После Февральской революции 1917 года приехал в Москву, выступал как агитатор РСДРП(б) в Московской области, организатор и начальник московской милиции. Активно участвовал в Великой Октябрьской революции и гражданской войне. Погиб в ноябре 1918 года в бою с контрреволюционными чешскими частями под Сызранью.

Гузовская, Владислава (по мужу Сломчинская) родилась в 1886 году в Варшаве в многодетной семье сапожника. С 10 лет стала работать в белошвейной мастерской. С 15-летнего возраста вместе со старшим братом начала принимать участие в революционном движении. Член СДКПиЛ с 1905 года. Партийная кличка «Хардянка». Во время революции 1905—1907 годов входила в Военно-революционную организацию (ВРО) РСДРП и вела агитацию среди солдат, распространяла нелегальную партийную литературу. Неоднократно по поручению Юзефа (Ф. Дзержинского) перевозила через границу из Кракова в Варшаву партийную литературу и оружие. Летом 1905 года участвовала в Варшавской конференции СДКПиЛ в лесу в Дембах Вельких и была вместе с другими делегатами арестована. Сидела в варшавской тюрьме Павиак до амнистии в октябре 1905 года. Вторично была арестована в 1907 году и снова брошена в Павиак. Приговорена к ссылке в Восточную Сибирь на вечное поселение. После Февральской революции 1917 года вместе с мужем, также ссылкойнопоселенцем Станиславом Сломчинским осталась работать в Сибири. Во время колчаковщины принимала активное участие в партийном подполье и партизанском движении. В 1919 году была схвачена колчаковцами и приговорена к расстрелу, от которого удалось спастись бегством.

В настоящее время Владислава Павловна Сломчинская — персональная пенсионерка, живет в Новокузнецке Кемеровской

области. За заслуги перед Родиной награждена орденом «Знак Почета» и медалью «За доблестный труд».

Дашинский, Игнацы (1866—1936) — один из организаторов и руководителей социально-демократической партии Галиции и Силезии, входившей в состав социал-демократической партии Австрии. В январе 1906 года Дашинский публично выступил со статьей «Открытое письмо», в котором осуждал участие польских рабочих во всеобщей политической забастовке в знак поддержки декабрьского вооруженного восстания 1905 г. московских рабочих. В ответ на это в «Червоном Штандаре» была помещена статья Розы Люксембург ««Открытое письмо» господина Дашинского, или ППС на распутье». Р. Люксембург клеймила «Открытое письмо» как измену революции и социализму. После падения монархий в Германии и Австро-Венгрии Дашинский в течение недели (с 7 по 14 ноября 1918 года) был премьером так называемого народного правительства в оккупированном австрийцами Люблине, в действительности буржуазного правительства, враждебного к возникшим тогда под влиянием СДКПил Советам рабочих депутатов в Польше и к социалистической России. Начиная с 1919 года, Дашинский был видным деятелем националистическо-реформистской ППС, образовавшейся тогда в результате объединения так называемой революционной фракции ППС и социально-демократической партии Галиции и Силезии. В 1920 году, во время нападения буржуазно-помещичьей Польши на Советскую Россию, Дашинский был заместителем премьер-министра Польши. При Пилсудском был вице-маршалком, а затем маршалком сейма.

Добраицкий, Мечислав (1882—1937) — деятель СДКПил с 1901 года в Лодзи и Варшаве. Партийная кличка «Казимир». Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП. Многие годы провел в эмиграции. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, был членом военной секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, член РСДРП. Делегат первых четырех Всероссийских съездов Советов. Вступил в РКП(б) в 1923 году. Советский дипломат. В 1930—1936 годах — директор Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Доброчинский, Леопольд (1865—1933) — саножник, с 1885 года — член социально-революционной партии «Пролетарнат», с 1893 года член СДКП. Много лет работал в нелегальных партийных типографиях. Партийная кличка «Ойцез». Неоднократно арестовывался царскими властями, впервые в 1885 году. После ареста в 1902 году был административно выслан в Якутск, освобожден по амнистии 1905 года. В 1907 году приговорен к 4 годам каторги, после отбытия которой был сослан в Киренский уезд Иркутской губернии. После Октябрьской революции работал в Белоруссии, потом в Вильнюсе заместителем председателя ЧК. В 1920 году был мобилизован на польский фронт и как уполномоченный Наркомзема РСФСР вел работу по организации батрацких комитетов на освобождаемой Красной Армией территории. С 1921 до 1923 года был на хозяйственной работе в Советском посольстве в Латвии, с 1923 года — персональный пенсионер, жил в Москве.

Долецкий (Фенигштейн), *Яков* (1888—1937) — профессиональный революционер, член СДКПиЛ с 1904 года, член Варшавского и Лодзинского комитетов партии. Арестованный в 1912 году, находился два с половиной года в тюрьме и полтора года в ссылке. В 1916—1917 годах активно работал в Саратовской организации РСДРП(б). После Февральской революции — член Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов, его исполнительного комитета, председатель большевистской фракции. С апреля 1917 года — в Петрограде, участник VI съезда партии, II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. Позднее участвовал во всех съездах Советов, был делегатом всех съездов партии по XVII съезд включительно. Во время гражданской войны — член Реввоенсовета дивизии на Западном фронте и преподаватель на курсах красных командиров в Минске. С 1921 года и до смерти был руководителем РОСТА, ТАСС.

Емельянов, Николай Александрович (1871—1958) — рабочий Сестрорецкого завода, член большевистской партии с 1904 года. Активный участник революции 1905—1907 годов и Февральской революции 1917 года. В июле — августе 1917 года по заданию партии укрывал В. И. Ленина от ищек Временного правительства в Разливе. После Октябрьской социалистической революции был военным комиссаром, с 1919 года — председатель Сестрорецкого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. С 1921 года по заданию В. И. Ленина работал по линии внешней торговли, был затем на других ответственных работах. Последние годы жизни — персональный пенсионер.

Емишанов, Александр Иванович (1891—1941) — член большевистской партии с 1917 года, работник железнодорожного транспорта. В 1917—1920 гг. был председателем дорожного комитета Союза управления Пермской железной дороги, затем начальником этой дороги. В 1920—1921 гг. — нарком путей сообщения. В 1921—1922 гг. — заместитель наркома путей сообщения. В дальнейшем работал в системе НКПС.

Енукидзе, Авель Софронович (1887—1937) — видный советский государственный деятель, член партии с 1898 года, большевик. Партийную работу вел в Тифлисе, Баку, Ростове-на-Дону, Петербурге и других городах. Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. После Октябрьской социалистической революции работал в Военном отделе ВЦИК. С 1918 по 1922 год — член президиума и секретарь ВЦИК, с 1923 по 1935 год — секретарь ЦИК СССР.

Забойсца, Антони — сапожник, член СДКПиЛ в Варшаве. Партийная кличка «Вёслаж». В 1904 году был арестован по делу Каспшака. Вторично арестован летом 1905 года на партийной конференции в Дембах Вельких, освобожден после октябрьской амнистии 1905 года. В декабре 1908 года был делегатом VI съезда СДКПиЛ. В последние годы реакции отошел от революционного движения.

Закс, Бернард (1888—1937) — член СДКПиЛ с 1903 года. Партийные клички: «Стах» и «Нервовы». Активно участвовал в под-

польной работе в Лодзи, несколько раз арестовывался царскими властями. В 1907 году эмигрировал в Германию, затем во Францию. Все эти годы был связан с Главным Правлением СДКПиЛ. В 1912—1913 годах — член Варшавского комитета СДКПиЛ. В 1913 году был арестован. Освобожден после Февральской революции. Активно участвовал в Октябрьской социалистической революции. В 1920 году заведовал промышленным отделом Временного Польского революционного правительства (Польревком). В 1921—1923 годах работал в Совете Труда и Оборона РСФСР, затем преподавателем в КУНМЗе. В 1925 году уехал в Польшу для работы в Коммунистической партии Польши. Находился там под кличками: «Нерски», «Стах», «Беккер». В 1928 году был арестован польскими властями и приговорен к 8 годам каторжных работ. В 1932 году в порядке обмена политзаключенными вернулся в СССР. Был представителем КПП в Исполкоме Коминтерна, затем работал в Госбанке СССР. Умер в Москве в апреле 1937 года.

Каспшак, Марцин (1860—1905) — выдающийся деятель польского рабочего движения. В начале 80-х годов вступил в нелегальную польскую рабочую организацию в Берлине. Под его руководством в 1890 году была организована и проведена первая первомайская демонстрация в Польше. В том же году, преследуемый царской полицией, Каспшак уехал за границу. Вернувшись в 1892 году в Королевство Польское, был схвачен жандармами и два с половиной года просидел в тюрьме, бежал во Вроцлав, где был арестован германской полицией и полгода находился в немецкой тюрьме. В 1901 году польские социалисты-интернационалисты и немецкие социал-демократы выдвинули кандидатуру Каспшака в рейхстаг. С 1904 года — член СДКПиЛ, вел нелегальную партийную работу в Королевстве Польском. 27 апреля 1904 года при нападении жандармов на нелегальную партийную типографию в Варшаве Каспшак оказал вооруженное сопротивление, убив при этом четырех жандармов. Был схвачен и приговорен к казни через повешение. Казнь состоялась 8 сентября 1905 года.

Квятковская, Францишка — фабричная работница, одна из старейших членов СДКПиЛ, член Варшавского комитета партии. Партийная кличка «Дзика». В августе 1900 года была арестована и сослана на три года в Архангельскую губернию. После возвращения в Варшаву снова принимала активное участие в партийной работе. В известной демонстрации 2 ноября 1905 года на Театральной площади в Варшаве она попала под копыта казачьих лошадей. Выздоровев, занялась организацией помощи политзаключенным. Умерла в 1909 году.

Кедров, Михаил Сергеевич (1878—1941) — член РСДРП с 1901 года, большевик. В период первой русской революции — один из руководителей Костромской организации партии. В 1908 году по заданию партии возглавил книжное издательство «Зерно», которое выпустило ряд произведений В. И. Ленина. С мая 1917 года — член Военной организации при ЦК РСДРП(б), в июне участвовал в подготовке Всероссийской конференции фронтовых и тыловых

организаций большевиков. После Великой Октябрьской революции активно участвовал в формировании частей Красной Армии. С началом иностранной интервенции против Советской республики Кедров был назначен командующим Северным фронтом. В ноябре 1918 г. его направили на работу в ВЧК, где он возглавил военный отдел, с января 1919 года — начальник особого отдела, а с марта того же года — член коллегии ВЧК. С осени 1919 года Кедров — председатель Всероссийской комиссии по борьбе с тифом, с 1921 года — член коллегии ВЧК, затем ОГПУ. В 1924—1925 годах он работал в ВСНХ СССР, затем в Наркомздраве. В 1926—1927 годах — помощник прокурора Верховного Суда СССР, в 1927—1931 гг. — секретарь Исполкома Красного Спортинтерна. В 1931—1934 гг. — член президиума Госплана СССР. За заслуги перед Родиной М. С. Кедров был награжден орденом Красного Знамени и знаком «Почетный чекист».

Ковальский, Владислав (1881—1937) — рабочий-литейщик, позднее зубной техник. Активный деятель СДКПиЛ с 1900 года. Партийные клички: «Пробец», «Эдвард», «Пшерата». Был членом правления Мокотовской районной партийной организации в Варшаве. Вел затем партийную работу среди рабочих и крестьян в разных городах и местностях Королевства Польского. Несколько раз был арестован. В 1908 году сидел в Брестской крепости, был приговорен к 5 годам ссылки, с этапа бежал и до 1910 года находился в эмиграции в Кракове, Вене, Париже. В 1910 году нелегально вернулся в Королевство Польское. С 1914 по 1917 год был членом киевской организации РСДРП(б). После Февральской революции — член Киевского комитета РСДРП(б). Участник гражданской войны, в том числе в партизанских отрядах Белоруссии. До 1924 года — на руководящей партийной работе в ряде городов Белоруссии и Украины, возглавлял также орготдел Сибирского бюро ЦК РКП(б). С 1924 до 1928 года — прокурор окружного суда в Киеве и член коллегии Верховного суда Украины. Затем до 1937 года — на руководящей хозяйственной работе на промышленных и строительных предприятиях Украины.

Козловский, Мечислав (1876—1927) — один из организаторов рабочих кружков в 1893 году в Вильно. Окончил Московский университет. За участие в студенческих выступлениях был в 1894 году заключен в Бутырки. С 1897 года возглавлял Рабочий Союз Литвы, издавал в Вильно журнал «Пшеглэнд социаль-демократычны». С 1899 года — член Главного правления социал-демократии Литвы, принимал участие в 1900 году в объединительном съезде СДКПиЛ, член Главного Правления и Виленского комитета партии. Партийная кличка «Виктор». Активно участвовал в революции 1905 года, был членом Военно-революционной организации, вел работу среди солдат. В ноябре 1905 года был арестован и летом 1906 года выслан за пределы Российской империи. Делегат V съезда СДКПиЛ (1906) и V (Лондонского) съезда РСДРП (1907). Находился в Петербурге, где с 1909 по 1915 год был под гласным надзором полиции. Как юрист выступал защитником на политических процессах. После Февральской революции 1917 года — член первого Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле был арестован Временным правительством. После освобождения в начале октября руководил

военным отделом Петроградского Совета. После победы Октября — член, а затем председатель следственной Комиссии Военно-революционного Комитета. Сыграл видную роль в организации советского судопроизводства. В 1918—1920 годах — председатель Малого Совнаркома. Занимал затем ряд видных государственных должностей. Умер в Москве 3 марта 1927 года.

Коляж (фамилия неизвестна) — член СДКПиЛ, представитель партийной организации железнодорожников в Мокотовском районе Варшавы.

Комета (фамилия неизвестна) — представительница партийной организации СДКПиЛ ленточной фабрики Шенвитца в Варшаве в 1905—1906 годах.

Кон, Феликс (1864—1941) — видный деятель революционного рабочего движения с 1882 года. Арестованный в 1884 году царскими властями, был приговорен к 10 годам и 8 месяцам каторги, которую отбывал на Каре (Восточная Сибирь). Вернувшись в 1904 году в Варшаву, играл руководящую роль в левом крыле ППС. С 1907 года находился в эмиграции. В мае 1917 года вернулся в Россию. В 1918 году вступил в РКП(б). Работал в Наркомпросе РСФСР. В 1920 году вместе с Ю. Мархлевским и Ф. Дзержинским входил в состав Временного революционного комитета Польши (Польревком). Принимал деятельное участие в работах Коммунистического Интернационала, был секретарем Исполкома Коминтерна, членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. Был ответственным редактором ряда газет и журналов («Красная Звезда», «Рабочая газета», «Трибуна Радзетка», «Наши достижения» и другие), а также автором многих статей, брошюр и книг.

Корчак, Януш (Генрик Гольдшмит) (1878—1942) — врач и выдающийся педагог в Варшаве. Применял на практике передовые методы воспитания, глубокий знаток детской психологии. Автор как научных трудов в области педагогики, так и произведений художественной литературы для детей. Во время немецко-фашистской оккупации был одним из организаторов и руководителей детского дома для осиротевших еврейских детей в Варшаве. Погиб, добровольно сопровождая детей, отправленных гитлеровцами в лагерь смерти в Тремблинке.

Косиор, Иосиф Викентьевич (1893—1937) — член РСДРП(б) с 1908 года, рабочий металлургических заводов в Донбассе. За активную революционную работу арестовывался царскими властями. В 1911 году сослан в Енисейскую губернию. После Февральской революции приехал в Москву. Работал в МК большевиков, во время Октябрьской социалистической революции — председатель Замоскворецкого Совета рабочих и солдатских депутатов. Участник гражданской войны. Награжден орденом Красного Знамени. В 1923—1926 годах руководил нефтяной промышленностью в г. Грозном. С 1927 по 1931 год заместитель председателя ВСНХ СССР. С 1927 года член ЦК ВКП(б). С 1931 по 1933 год заместитель наркома тяжелой промышленности и начальник Главугля. С 1933 года на Дальнем Востоке на руководящих хозяйственных

работал. Делегат XIV, XV, XVI, XVII съездов партии, с 1927 по 1937 год член ЦИК СССР. Умер в 1937 году.

Кошутская, Мария (Костшева Вера) (1877—1940) — видная деятельница польского революционного рабочего движения, возглавляла левое течение в ППС. В 1903 году была арестована и сослана в Архангельскую губернию. Освобождена по амнистии в 1905 году. После раскола ППС в 1906 году была бессменно членом Центрального Комитета ППС-левицы. До начала первой мировой войны находилась в Вене и в Кракове. В августе 1914 года вместе с Валецким принимала участие в освобождении В. И. Ленина из галицийской тюрьмы. Во время войны возглавляла партийную организацию ППС-левицы в Домбровском угольном бассейне, затем в Варшаве. Выступала за слияние с СДКПиЛ. С момента образования в 1918 году Коммунистической Рабочей партии Польши она — член ЦК, а затем член политбюро ЦК КРПП. Кошутская сыграла большую роль в разработке программных документов Коммунистической партии Польши по аграрному и национальному вопросам. Она участница V и VI конгрессов Коммунистического Интернационала.

Краевский, Антон (Владислав Штейн) (1886—1937) — профессиональный революционер. Активный деятель СДКПиЛ с 1904 года. Партийные клички: «Верный», «Фелициан». Был неоднократно арестован царскими властями. В июле 1905 года вместе с Ф. Дзержинским и другими делегатами Варшавской межрайонной конференции СДКПиЛ был арестован в лесу в Дембах Вельких. Освобожден по октябрьской амнистии 1905 года. В 1907 году участвовал на V (Лондонском) съезде РСДРП. С 1908 по 1910 год находился в эмиграции в Берлине, затем в Швейцарии. В октябре 1910 года поехал на подпольную партийную работу в Лодзь, где в декабре того же года был арестован и приговорен к вечному поселению в Сибири, а в октябре 1912 года сослан в Енисейскую губернию. Весной 1914 года бежал за границу, примкнул к «розламовцам». В 1916 году вернулся в Польшу, работал секретарем Варшавского комитета СДКПиЛ, а затем до 1920 года — в Коммунистической партии Польши. С 1920 по 1930 год — он член ЦК КРПП. С 1930 года в Москве, был членом редакции польского перевода сочинений В. И. Ленина, выпущенных издательством «Товарищество иностранных рабочих». В 1930—1937 годах — на ответственной работе в Исполкоме Коминтерна.

Красный, Юзеф (настоящая фамилия — Ротштат) (1877—1932) — член СДКПиЛ с 1905 года. Профессиональный революционер, прекрасный пропагандист, автор пламенных листовок-прокламаций. В 1905—1906 годах организовал печатание в Варшаве нелегальной газеты СДКПиЛ «Червоны Штандар» и легальной «Трибуна людова». Неоднократно подвергался арестам. В 1907 году был приговорен к каторге, после отбытия которой — к вечному поселению в Сибири. В 1914 году бежал за границу. В 1915 году вернулся в Варшаву для нелегальной партийной работы. В 1922 году приехал в СССР, работал в Москве. Был организатором польского коммунистического архива, инициатором создания

Красовская (по мужу Пекарж), *Янина* (1884—1919) — работница в Варшаве, член СДКПНП с 1903 года, партийные клички: «Бабыя», «Гайна», «Янка». Член районного правления СДКПНП района Повонзки в Варшаве в 1905 году, член правления Союза работников пглы. Участница варшавской первомайской демонстрации 1905 года, была ранена при расстреле этой демонстрации царскими войсками. В 1906 году — член Люблинского комитета СДКПНП под кличкой «Ольга». Арестованная в 1906 году в Варшаве, была в 1907 году выслана за границу. Вернулась нелегально и работала в Лодзинском комитете СДКПНП под кличкой «Стефа». Вместе с мужем отправилась в сибирскую ссылку в Усолье Иркутской губернии. После Февральской революции 1917 года работала в Иркутске, затем в Красноярске, где участвовала в установлении Советской власти. В 1917—1918 годах — казначей Центрального Сибирского бюро РСДРП(б). В 1918 году была вместе с мужем арестована колчаковцами и зверски замучена в Красноярске в тюрьме в 1919 году.

Ксенофонтос, Иван Ксенофонович (1884—1926) родился в Москве, большевик с 1903 года. Партийную работу вел в Москве, во время первой мировой войны — в Риге и на Западном фронте. После Февральской революции 1917 года активно участвовал в установлении Советской власти на территории Белоруссии в районе Западного фронта, был председателем Несвежского, затем Слуцкого Советов рабочих и солдатских депутатов. И. К. Ксенофонтос — один из первых чекистов, член коллегии ВЧК. Вплоть до смерти на партийной и советской работе. Член ВЦИК со второго по шестой созыв включительно.

Кульчицкий, Людвиг (литературный псевдоним — Мечислав Мазовецкий) (1866—1941) — социолог, один из организаторов партии «II Пролетариат» в 1887 году. Был арестован в 1888 году и сослан в Сибирь. В 1900 году — основатель партии «ППС-Пролетариат» (так паз. «III Пролетариат»). После революции 1905—1907 годов отошел от рабочего движения. После первой мировой войны — один из ведущих деятелей националистической организации «Национальный рабочий союз» в Варшаве.

Кшивицкий, Людвиг (литературные псевдонимы: К. Р. Живицкий, Воеводский) (1859—1941) — выдающийся польский ученый (антрополог-социолог, экономист) и общественный деятель. Один из переводчиков на польский язык первого издания I тома «Капитала» К. Маркса. В 1918—1919 годах — профессор Варшавского университета, Свободного Польского университета, организатор Главного статистического управления и один из создателей Института общественного хозяйства в Польше, автор многих выдающихся научных трудов.

Лазоверт, Самуил (1885—1937) — член СДКПНП с 1904 года, член Варшавского комитета в 1910—1912 годах, член Главного

Правления партии в 1912—1914 годах. Партийные клички: «Подпалач», «Роман», «Феликс». Неоднократно арестовывался царскими властями. После ареста в 1915 году был вывезен в Петроград, где в 1916 году освобожден под залог. В 1917 году активно участвовал в Октябрьской социалистической революции в рядах РСДРП(б). В 1918 году в Москве — член президиума Совета рабочих и солдатских депутатов Басманного района. С конца 1918 года до 1921 года — на фронтах гражданской войны, член Реввоенсовета, комиссар дивизии на Западном фронте. В 1921—1922 годах в Москве в Наркомпросе, затем на Украине на ответственных партийных, государственных и хозяйственных постах, член ЦК КП(б)У, кандидат в члены ВУЦИК.

Лацис, Мартин Янович (Судрабс Ян Фридрихович) (1888—1938) — сын латышского батрака, большевик с 1905 года. Окончил Московский университет, работал учителем. В 1917 году — член Петроградского комитета РСДРП(б), делегат VI съезда партии. Член Военно-революционного комитета Петрограда, активный участник Октябрьской социалистической революции. С 1918 года — член коллегии ВЧК, был председателем Чрезвычайной комиссии и Военного трибунала 5-й армии на Восточном фронте. Председатель Всеукраинского ЧК. Позднее работал в горной промышленности, в Наркомземе РСФСР. В 1932—1937 годах — директор Московского института народного хозяйства имени Плеханова.

Ледер, Эдзислав (Владислав Файнштейн) (1882—1938) — член СДКПиЛ с 1903 года. В течение долгого времени был членом Главного Правления СДКПиЛ. В апреле 1904 года во время нападения полиции на подпольную типографию СДКПиЛ в Варшаве находился там вместе с Каспшаком. Бежал за границу. В 1905 году находился нелегально в Королевстве Польском. В годы реакции был за границей, работал в Берлине, а с конца 1910 года и в 1911 году — в Париже как представитель СДКПиЛ в ЦО РСДРП «Социал-демократ». После июньского совещания 1911 года членов ЦК РСДРП вместе с Я. Тышкой поддерживал группу «большевиков-примиренцев». С 1921 года — в Советской России, член ВКП(б), работал в ВСНХ СССР.

Лесневский, Ян (1875—1939) — рабочий-сапожник, член СДКП с 1899 года. Активно участвовал в работе партийной организации сапожников в Варшаве, член Варшавского комитета СДКП, организатор Лодзинского комитета партии в 1901 году. Партийная кличка «Боев». В 1901 году был арестован и просидел в тюрьме год. После освобождения находился под надзором полиции. Продолжал партийную деятельность как член Варшавского комитета СДКПиЛ под кличкой «Бурак». В декабре 1903 года его снова арестовали и на четыре года сослали в Якутию. После октябрьской амнистии 1905 года вернулся в Варшаву. Был делегатом V съезда СДКПиЛ (1906) и V (Лондонского) съезда РСДРП (1907). Арестованный в 1909 году, был осужден на каторгу, а затем в ссылку на вечное поселение в Сибири. После Февральской революции 1917 года — он член Енисейского комитета большевиков. Во время колчаковщины активно работал в большевистском подполье. В Красноярске был членом губкома партии большевиков и депутатом Совета рабочих и крестьянских депутатов. В 1924 году рабо-

тал в Москве на хозяйственных должностях. С 1925 по 1935 год — секретарь Польского бюро агитпропа МК ВКП(б). С 1935 года был на пенсии.

Лещинский (Ленский), *Юлиан* (1889—1939) — видный деятель польского рабочего движения, член СДКПиЛ с 1905 года. В 1906 году — член Плоцкого комитета СДКПиЛ. В 1909—1912 гг. — студент Краковского университета, член молодежной социалистической организации «Спуйня», с 1910 года ее председатель. С 1912 года — член Варшавского комитета СДКПиЛ «розламовцев». Участник расширенного совещания ЦК РСДРП(б) в Поронине в 1913 году. Неоднократно арестовывался в 1913—1914 годах. В начале первой мировой войны вместе с другими политзаключенными был вывезен из Варшавы в Орловскую, затем Мценскую тюрьму. Освобожденный под залог, работал учителем в Москве. После Февральской революции 1917 года он в Петрограде, где на первой конференции групп СДКПиЛ в России был избран в Центральный Исполнительный Комитет и являлся редактором газеты СДКПиЛ «Трибуна». Лещинский — делегат VI съезда РСДРП(б), активный участник Великой Октябрьской социалистической революции. На II Всероссийском съезде Советов был избран кандидатом в члены ВЦИК. С ноября 1917 года руководит Польским комиссариатом при Наркомате по делам национальностей. Во время гражданской войны — редактор ряда газет на Украине, в Белоруссии, член редакционно-издательской комиссии Польского бюро ЦК РКП(б). В 1920 году — советский эксперт во время советско-польских мирных переговоров в Риге. Затем — преподаватель на курсах Красных командиров и в КУНМЗе. В 1924 году уехал в Польшу на партийную работу, был избран членом секретариата ЦК КПП. С 1929 года по 1937 год Генеральный секретарь ЦК КПП и член президиума Исполкома Коминтерна.

Лонгва, Роман (1894—1938) — член ППС-левицы с 1910 года. В 1912—1913 годах — в царской тюрьме. С 1914 года — офицер царской армии. Участвовал в боях против Корнилова, затем был командантом почты и телеграфа в Петрограде. Во время Октябрьского вооруженного восстания оказал помощь большевикам в захвате почты и телеграфа. Вел большую агитационную и пропагандистскую работу среди солдат-поляков, был автором многих листовок и воззваний, распространяемых в контрреволюционных воинских частях, особенно среди солдат польского корпуса Довбур-Муслицкого. В конце 1917 года — начале 1918 года добился перехода Первого польского дивизиона тяжелой артиллерии в Витебске на сторону Советской власти, принимал участие в разоружении частей Довбур-Муслицкого. В 1918 году вступил в РКП(б). В 1920 году был награжден орденом Красного Знамени. С 1918 по 1937 год занимал ряд командных должностей в Вооруженных силах СССР. В 1935—1937 годах — начальник Управления связи Красной Армии. Член Московского и Харьковского губкомов ВКП(б).

Люксембург, Роза (1871—1919) — выдающаяся деятельница польского и международного рабочего движения. Одна из основа-

тельниц в 1893 году Социал-демократии Королевства Польского, ее теоретик и идеолог. Родилась в Польше. С 1897 года жила в Германии, где активно участвовала в деятельности германской социал-демократии, возглавляя ее левое крыло. В конце 1905 года приехала нелегально в Варшаву, но вскоре была арестована. Участвовала в работе V (Лондонского) съезда РСДРП. На Штутгартском конгрессе II Интернационала (1907) вместе с В. И. Лениным внесла поправку в резолюцию о милитаризме и войне, о том, что в случае, если не удастся помешать возникновению войны, рабочие должны использовать порождаемый войной кризис для ускорения свержения буржуазии. В борьбе большевиков с ликвидаторами заняла примиренческую позицию. Когда началась первая мировая война, Роза Люксембург оказалась одной из немногих в Германии, кто поднял свой голос против предательства правых и центристских лидеров германской социал-демократии и приложила немало сил, чтобы сплотить германских левых на борьбу против империалистической войны. Вместе с Ф. Мерингом она предприняла издание боевого революционного журнала «Интернационал» (1915). Была арестована германскими властями 18 февраля 1915 года. В тюрьме написала брошюру «Кризис социал-демократии», вышедшую в 1916 году под псевдонимом Юниус. Освобожденная из тюрьмы в феврале 1916 года, она вместе с К. Либкнехтом и К. Цеткин (группа «Спартак») вела энергичную революционную деятельность в массах. В июле того же года была снова арестована и пробыла в тюрьме до ноябрьской буржуазной революции 1918 года в Германии. После освобождения явилась одним из организаторов Коммунистической партии Германии. 15 января 1919 года, после поражения в январских боях берлинских рабочих, при попустительстве правых социал-демократов было организовано зверское убийство руководителей коммунистической партии — Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Ляндау, Францишка (1878—1950) — член СДКПиЛ с 1900 года, профессиональная революционерка, опытный пропагандист. Партийная кличка «Юлия». После Октябрьской социалистической революции 1917 года — в Москве, член РКП(б), вела культурно-просветительную и политико-воспитательную работу среди польского населения в Советской России. Несколько лет заведовала польским детским домом имени Розы Люксембург в Москве, была членом редколлегии детского журнала на польском языке «Бондзь готув!». Затем заведовала польским сектором Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ) им. Мархлевского. Впоследствии работала в Главном Политуправлении Красной Армии референтом.

Ляуэр (Бранд) Генрик (1890—1939) — родился в Варшаве, по профессии учитель. С 1908 года — член социалистического общества студенческой молодежи, связанного с СДКПиЛ. В 1910—1912 годах учился в Политехническом институте в Цюрихе, затем в университете в Париже. Доктор математических наук. В 1918 году входил в социал-демократическую партию Швейцарии. Вернувшись в 1919 году в Варшаву, вступил в Коммунистическую Рабочую партию Польши и являлся одним из ее руководящих деятелей. Дважды был арестован польскими буржуазно-поме-

щичьими властями — в 1920 и 1923 годах. Приехал в СССР в порядке обмена политзаключенными в 1923 году. Член РКП(б) с 1923 года. Работал на руководящих постах в металлопромышленности и в органах Госплана, участвовал в международном коммунистическом движении.

Магжик, Томаш (1877—1919) — рабочий-сапожник, член СДКПиЛ с 1900 года, партийная кличка «Мужин». Участник II и V съездов СДКПиЛ, а также V (Лондонского) съезда РСДРП. Арестованный в 1903 году, был на три года сослан в Восточную Сибирь. После октябрьской амнистии 1905 года вернулся в Королевство Польское и сразу же включился в активную партийную работу. В 1907—1908 годах — член Варшавского комитета СДКПиЛ. В 1908 году был снова арестован и приговорен к каторге, после отбытия которой с поселения бежал. В 1914 году — он член Лодзинского комитета СДКПиЛ. В том же году был арестован и сослан в Енисейскую губернию. После Февральской революции 1917 года работал в Красноярске, затем в Москве, был председателем Комитета польских беженцев, член Исполкома групп СДКПиЛ в России. Активно участвовал в Октябрьской революции в Москве. В 1918 году ЦК РКП(б) направил его для работы в Красноярск. Во время гражданской войны Магжик был схвачен колчаковцами. Умер в тюрьме в Спасском на Дальнем Востоке в 1919 году.

Малицкий, Кароль — металлист из Прушковки, член СДКПиЛ по кличке «Млот». В 1905—1907 годах — постоянный представитель пружковской организации СДКПиЛ в Мокотовском районе Варшавы, член мокотовского районного правления партии, секретарь пружковской организации СДКПиЛ.

Малэцкий, Александр (А. Рубинштейн) (1879—1940) — профессиональный революционер, деятель СДКПиЛ с 1904 года в Лодзи и в Варшаве. Партийная кличка «Ксендз». Был делегатом V и VI съездов СДКПиЛ, на которых избирался членом Главного Правления партии. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП. Один из организаторов раскола в СДКПиЛ, член Краевого правления («розламовцев»). Участник Штутгартского и Базельского конгрессов II Интернационала. В годы первой мировой войны занимал оборонческую позицию. В 1921 году приехал в Советскую Россию, вступил в РКП(б). Работал в Наркоминделе, затем в Исполкоме Коминтерна. Был преподавателем комвузов.

Манцев, Василий Николаевич (1888—1939) — член РСДРП с 1906 года, большевик, партийная кличка «Глеб». Активный участник революции 1905—1907 годов. Подвергался преследованиям царских властей, неоднократно был арестован. В 1911 году его выслали в село Никольское Владимирской губернии, откуда бежал за границу в Париж. Там ему посчастливилось учиться в школе Ленина в Лонжюмо и помогать в работе Н. К. Крупской по организации связи и в переписке с большевистскими организациями в России. После окончания партийной школы в Лонжюмо и университетского курса в Гренобле Манцев в 1913 году вернулся в Россию. Работал в Московском областном бюро РСДРП(б). Активный участник Февральской и Великой Октябрьской революций

1917 года. В 1918 году — председатель МЧК, член коллегии ВЧК. С 1923 года — на руководящей партийной и советской работе. За заслуги перед Советским государством В. И. Манцев был награжден орденом Красного Знамени и знаком «Почетный чекист».

Мархлевский, Юлиан (1866—1925) — видный деятель польского и международного рабочего движения. Начал революционную деятельность в 80-х годах как член первой революционной партии польского рабочего класса «Пролетариат». Один из организаторов и руководителей образованного в 1889 году «Союза польских рабочих». После ареста в 1891 году и годичного тюремного заключения эмигрировал в Швейцарию, где вместе с Р. Люксембург, Я. Тышкой и А. Варским издавал газету «Справа роботнича» и журнал «Пшеглэнд социаль-демократычны». Один из основателей в 1893 году и руководителей СДКП. Окончив в 1895 году Цюрихский университет, переехал в Германию, где участвовал в деятельности германской социал-демократии. В 1905 году Мархлевский приехал в Варшаву и принял активное участие в первой русской революции. Партийные клички: «Карский», «Куявский». В 1906 году был арестован. После освобождения в 1907 году был делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП, где избран кандидатом в члены ЦК партии. Участник Цюрихского и Штутгартского конгрессов II Интернационала. С 1909 года являлся одним из руководителей левого крыла германской социал-демократии. Во время первой мировой войны вместе с Р. Люксембург и К. Либкнехтом участвовал в создании «Союза Спартака» в Германии. В 1916 году был арестован германскими властями и заключен в концлагерь. Только по настоянию Советского правительства в 1918 году был освобожден в обмен на немецких военнопленных в России. В 1918 году Мархлевский был избран членом ВЦИК, участвовал в создании Коммунистического Интернационала. В 1920 году возглавил Временный Польский Революционный Комитет. С 1922 года — ректор КУНМЗа, профессор Московского государственного университета. В 1923 году был избран председателем ЦК МОПР. Мархлевский был автором многих научных работ по экономическим вопросам, а также по вопросам международной политики и истории Польши.

Матушевский, Винценты (1870—1918) — по профессии портной, организатор, а затем председатель нелегального Союза портных в Варшаве в 1899 году. Член СДКПиЛ с 1900 года. Член Варшавского комитета партии с 1900 года. Неоднократно подвергался арестам. Профессиональный революционер. Партийные клички: «Наполеон», «Бомба», «Енкала», «Мартин». Участник многих съездов СДКПиЛ и V (Лондонского) съезда РСДРП. Активный участник революции 1905—1907 годов. Один из организаторов раскола в СДКПиЛ в декабре 1911 года, член Варшавского комитета «розламовцев». Арестованный в октябре 1912 года, был Варшавской судебной палатой приговорен в 1913 году к ссылке в Сибирь на вечное поселение и в 1914 году отправлен в Верхотенский уезд Иркутской губернии. После Февральской революции 1917 года — член горкома РСДРП(б) в Иркутске. С августа 1917 года в Красноярске — член группы СДКПиЛ при горкоме РСДРП(б). Борец за власть Советов в Сибири. После Октябрьской

социалистической революции — член Красноярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, один из организаторов и заведующий редакцией партийного органа «Красноярский рабочий». Был организатором нелегального комитета РКП(б) и партийной типографии в Красноярске. Арестованный колчаковцами в конце сентября 1918 года, был ими зверски замучен в октябре 1918 года в Красноярске.

Межлаук, Валерий Иванович (1893—1938) — окончил историко-филологический и юридический факультеты Харьковского университета. С юных лет находился в революционном движении. Член большевистской партии с июля 1917 года. С сентября 1917 г. — член Харьковского комитета РСДРП(б). Один из организаторов Красной Гвардии на Украине, активный участник Октябрьской социалистической революции, являлся членом Военно-революционного Комитета, одним из руководителей Харьковского губернского штаба по борьбе с контрреволюцией. В 1920—1924 годах он заместитель Главного комиссара путей сообщения, член коллегии НКПС, ближайший помощник Ф. Э. Дзержинского в проведении реформ на транспорте. В 1926—1931 годах — начальник Главметалла, заместитель председателя ВСНХ СССР. В 1931—1934 годах — первый заместитель председателя Госплана СССР. В 1934—1937 годах — заместитель председателя Совнаркома СССР, заместитель председателя Совета Труда и Оборона (СТО) СССР и председатель Госплана СССР. Был членом ВУЦИК, ВЦИК и ЦИК СССР, избирался в состав ЦК ВКП(б). В. И. Межлаук — автор многих работ по вопросам военного строительства, индустриализации страны, социалистической экономики.

Менжинский, Вячеслав Рудольфович (1874—1934) — видный деятель коммунистической партии и Советского государства. В РСДРП вступил в 1902 году, вел партийную работу в Ярославле и Петербурге. Во время первой русской революции вел партийную работу в армии, являлся одним из редакторов большевистской газеты «Казарма». В 1906 году был арестован и заключен в тюрьму. В 1907 году бежал за границу. Вернувшись в июле 1917 года в Россию, работал в большевистской военной организации, принимал деятельное участие в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После победы революции — первый нарком финансов Советской республики, затем генеральный консул РСФСР в Берлине. С 1919 года работал в ВЧК, в 1922—1926 годах был заместителем председателя ОГПУ. После смерти Ф. Э. Дзержинского — председатель ОГПУ. На XV и XVI съездах ВКП(б) избирался членом ЦК партии.

Мессинг, Станислав (1890—1946) — член СДКПиЛ с 1908 года, партийная кличка «Кани». Арестованный царскими властями в конце 1908 года, был в 1910 году административно выслан за границу. В Бельгии находился в социал-демократической группе. Вернувшись в 1911 году в Варшаву, снова подвергся аресту в 1912 году. После освобождения был призван в 1913 году в царскую армию. С марта 1917 года он член полкового комитета, большевик. Один из организаторов Сокольниковского Совета рабочих и солдатских депутатов в Москве, командир отряда Красной Гвардии в Сокольниковском районе в октябрьские дни 1917 года.

С 1920 года — председатель МЧК, член Московского комитета РКП(б), затем председатель ГПУ в Ленинграде (1922—1929 годы), заместитель председателя ОГПУ (1929—1931). Член коллегии Наркомвнешторга в 1932—1934 годах, а до 1937 года — председатель Советско-Монгольско-Тувинской торговой палаты. С. Мессинг был награжден двумя орденами Красного Знамени. Делегат XV, XVI и XVII съездов и XVII конференции ВКП(б), член ЦКК ВКП(б), член ЦИК СССР.

Миллер, Вацлав (1887—1938) — член СДКПиЛ с 1905 года, активист Мокотовской организации партии в Варшаве, член боевой дружины. Партийная кличка «Юрек». В 1907—1908 годах находился в Швейцарии, студент университета в Женеве, потом студент Института путей сообщения в Петербурге. Активный участник Февральской, а затем Октябрьской социалистической революции. Был заместителем начальника артиллерии Красной Гвардии и комиссаром арсенала Петропавловской крепости, членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, ответственным редактором органа СДКПиЛ «Трибуна», делегатом II Всероссийского съезда Советов. После Октября — активный член РКП(б), вел партийно-воспитательную работу среди польского населения в России, член коллегии Наркомата по делам национальностей с 1918 по 1920 год и редактор журнала «Жизнь национальностей». Во время польско-советской войны в 1920 году — редактор газеты «Штандар коммунизму» в Минске. Эксперт советской делегации во время советско-польских мирных переговоров в Риге. После гражданской войны В. Миллер работал в Наркомате просвещения РСФСР. Позднее — на хозяйственной работе в нефтяной промышленности. С 1931 года — директор научно-исследовательского института по нефтеразведке в Москве, а с 1934 года — уполномоченный Наркомтяжпрома СССР по нефтяным вопросам на Дальнем Востоке.

Миних, Феликс (ок. 1870—1912) — рабочий-сапожник, член СДКПиЛ с 1900 года, партийная кличка «Вир». Арестованный в ноябре 1901 года, был сослан на 5 лет в Сибирь. Вернулся в Варшаву в 1905 году после октябрьской амнистии. Сразу же включился в активную партийную работу и был избран в районное правление Мокотовской организации в Варшаве. После ареста осенью 1906 года и нескольких месяцев тяжелого одиночного заключения в форте Варшавской крепости был освобожден с условием немедленного выезда за пределы Российской империи. Уехал в Краков. Через год нелегально вернулся в Королевство Польское и снова целиком отдался партийной работе. В 1910 году заболел чахоткой. Умер в 1912 году в Варшаве.

Мицкевич-Капсукас (Мицкявичюс-Капсукас), *Винцас* (1880—1935) — один из руководителей Коммунистической партии Литвы. Член литовской социал-демократии с 1903 года, активный участник революции 1905—1907 годов. В 1907 году был арестован и приговорен к 8 годам каторги, в 1913 году сослан в Сибирь на вечное поселение. В начале 1914 года бежал за границу. В 1915—1917 годах он в Англии, затем в США редактировал литовские социал-демократические газеты: «Раикпельнис», «Социал-демократас», «Кова» и другие, в которых пропагандировал больше-

вистские лозунги отношения к империалистической войне. В 1917 году вернулся в Петроград и в июне вступил в РСДРП(б), редактировал первую литовскую большевистскую газету «Тiesa» («Правда»), был участником VI съезда РСДРП(б), II Всероссийского съезда Советов. В декабре 1917 года — комиссар Советского правительства по литовским делам. Принимал участие в создании Коммунистической партии Литвы. Постоянный член ЦК КПЛ со дня ее основания (1918). В конце 1918 — начале 1919 года возглавил первое Советское правительство Литвы. На V конгрессе Коминтерна (1924) был избран кандидатом в члены, а на VI конгрессе (1928) — членом Исполкома Коминтерна. Мицкявичюс-Капсукас — один из литовских пролетарских писателей и литературных критиков, автор около 40 книг и брошюр по историческим, политическим, экономическим и философским вопросам.

Морачевский, Енджей (1870—1944) — польский политический деятель. В 1907—1918 годах — депутат австрийского рейхстага, один из руководителей польской Социально-демократической партии Галиции. Во время первой империалистической войны 1914—1918 годов находился в «польском легионе», был связан с Пилсудским. После образования в 1918 году Польского буржуазно-помещичьего государства Морачевский — глава правительства, развернувшего борьбу против революционного движения. Проводил политику раскола рабочего класса, боролся против Коммунистической партии, поддерживал фашистский режим «санации». Входил в состав правительства также после захвата власти в 1926 году пилсудчиками.

Налковский, Вацлав (1851—1911) — профессор, известный географ, педагог и публицист. Отражал взгляды польской радикальной интеллигенции конца XIX — начала XX веков.

Пакош, Марцин (1874—1930) — родом из Галиции, рабочий-гравер. С 1903 года стал участвовать в революционном рабочем движении, сначала в кружке ППС, затем в рядах СДКПиЛ. Вскоре становится профессиональным революционером. Партийные клички: «Краевский» и «Заграничный». Неоднократно подвергался арестам. В 1905 году — член районного правления Мокотовской организации СДКПиЛ в Варшаве. В 1905—1908 годах — член Варшавского, а затем Лодзинского комитетов СДКПиЛ. Делегат V съезда СДКПиЛ (1906) в Закопане. В начале 1908 года партия направила его для работы в Домбровский угольный бассейн, где он был арестован (в пятый раз) и приговорен к ссылке в Оренбургскую губернию, но вскоре бежал оттуда и занимался в рядах РСДРП партийной деятельностью в Самаре, Баку, затем в Тифлисе. Вернувшись нелегально в Варшаву, был в 1912—1913 годах уполномоченным Главного Правления СДКПиЛ по работе в Королевстве Польском. В 1913 году его арестовали. Освобожден после Февральской революции 1917 года. Пакош был активным участником Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, политкомиссаром Красной Армии, неутомимым партийным работником в рядах РКП(б) и КП(б)У. В 1923—1930 годах он — секретарь Мархлевского райкома КП(б)У (гор. Довбыш). Умер в Харькове в 1930 году.

Пекарж, Юзеф — рабочий-маляр. Организатор и руководитель цеховой организации СДКП рабочих-лакокрасочников в 1900 году в Варшаве. В том же году был арестован и на 5 лет сослан в Якутию. Вернувшись после октябрьской амнистии 1905 года в Варшаву, сразу же активно включился в партийную работу, являлся членом Варшавского комитета СДКПиЛ. Партийные клички: «Владислав», «Гржегож». Арестованный в 1907 году, был приговорен к 5 годам каторжной тюрьмы, сидел в Брестской крепости. Освобожденный под залог, с 1910 по 1911 год скрывался в Риге, затем нелегально вернулся в Варшаву, где снова был арестован в 1914 году и сослан в Сибирь. После Февральской революции 1917 года остался в Сибири, активно участвовал в установлении Советской власти в Красноярске. В 1918 году был схвачен колчаковцами и расстрелян в Красноярске в 1919 году.

Перковский, Францишек (1880—1937) — рабочий-столяр, член СДКПиЛ с 1900 года. Партийные клички: «Кмициц», «Володыевский». Был трижды арестован царскими властями. Один из организаторов социал-демократического профсоюза деревообделочников, член правления этого союза. В 1905 году вел работу среди батраков и малоземельных крестьян в окрестностях Варшавы. В 1911 году руководил забастовкой на заводе швейных машин «Зингер». В 1913 году уехал в Белосток, где работал на заводе Бернадзинкевича и Свицерского и в 1915 году вместе с заводом эвакуировался в Россию в город Ковров. Февральская революция застала его в гор. Чугуеве Харьковской губернии. Там он активно участвовал в организации Совета рабочих и солдатских депутатов, был членом президиума Совета, уполномоченным по организации Красной Гвардии. В октябрьские дни он — член Ревкома в Чугуеве, участвовал в национализации завода Барковского, на котором работал. В 1918 году Перковский вернулся в Польшу, работал там в железнодорожных мастерских на станции Лапы, был арестован за большевистскую агитацию, но по требованию рабочих освобожден. В 1920 году он покинул Польшу вместе с отходящими частями Красной Армии. В 1920 году был избран в Польское бюро агитпропа Московского комитета РКП(б), где работал инструктором до 1925 года, затем до 1929 года был дипломатическим курьером в Народном комиссариате иностранных дел СССР, потом перешел на пенсию.

Пестковский, Станислав (1882—1943) — член СДКПиЛ с 1902 года, пропагандист и партийный организатор. В 1905—1906 годах был членом Лодзинского, Ченстоховского, затем Варшавского комитетов партии, делегат V (1906) съезда СДКПиЛ. Партийные клички: «Анджей», «Филип», «Боровский». Не раз подвергался арестам. В 1907 году был приговорен к четырем годам каторги, после отбытия которой в 1911 году был сослан на вечное поселение в Верховенский уезд Иркутской губернии. Работал нелегально в Иркутской организации большевиков. В 1913 году бежал из ссылки за границу, находился в Кракове, где познакомился с В. И. Лениным, затем был в Бельгии, Голландии и Англии, состоял членом Лондонской секции РСДРП большевиков. После раскола в СДКПиЛ — сторонник Главного Правления. В июне 1917 года приехал в Петроград. Член Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, делегат VI съезда РСДРП,

член секретариата ЦК партии. Принимал активное участие в Октябрьской социалистической революции. Был первым народным комиссаром почты и телеграфа, потом — членом коллегии Наркомата по делам национальностей, заместителем наркома, член ВЦИК многих созывов. В 1920 году находился на польском фронте. На IX съезде РКП(б) (1920) примкнул к так называемой группе демократического централизма, оппозиции, осужденной партией. Делегат ряда конгрессов Коминтерна. В 1922—1923 годах — полномочный представитель Исполкома Коминтерна в Греции. В 1923—1924 годах — Генеральный секретарь ЦК МОПР. В 1924—1926 годах — посол СССР в Мексике, затем работал в издательстве Большой Советской Энциклопедии, в Красном Профинтерне. В 1934—1935 гг. отв. редактор журнала «Иностранная книга», затем работал в Исполкоме Коминтерна.

Петерс, Яков Христофорович (1886—1938) — член Латышской социал-демократии с 1904 года, большевик. Активный участник революции 1905—1907 годов в Либаве (Ллепая) и Риге. После Февральской революции 1917 года — член ЦК Латышской социал-демократии. В Октябрьские дни — член Военно-революционного комитета в Петрограде, член ВЦИК, затем член коллегии ВЧК и заместитель председателя ВЧК. В 1919—1920 годах — комендант Петроградского и Киевского укрепленных районов. В 1920—1922 годах — полномочный представитель ВЧК в Ташкенте, член Туркестанского бюро ЦК РКП(б), затем член коллегии ОГПУ. В 1923—1927 годах — член президиума ЦКК ВКП(б) и Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции. В 1927—1934 годах — председатель Московской городской и областной Контрольной комиссии ВКП(б). В 1934—1937 годах — член бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Делегат XV и XVII съездов партии.

Петерсон, Карл (1877—1926) — член РСДРП с 1898 года. Большевик. Революционную работу вел в Либаве, Риге, Петербурге и других городах. Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. После Февральской революции 1917 года входил в большевистскую фракцию ВЦИК. В период Октябрьской социалистической революции он член Военно-революционного комитета, затем член президиума ВЦИК и революционного трибунала при ВЦИК, военный комиссар Латышской стрелковой дивизии. С декабря 1918 года — народный комиссар по военным делам в Советской Латвии. Позднее был военным комиссаром Енисейской губернии, затем уполномоченным Наркоминдела в Новороссийске.

Пешкова, Екатерина Павловна (1878—1965) — общественная деятельница, жена и друг А. М. Горького. В 1895 году была корректором «Самарской газеты». В годы первой мировой войны Е. П. Пешкова работала в обществе «Помощь жертвам войны». После Октябрьской социалистической революции участвовала в деятельности Художественного просветительного союза рабочих организаций и Политического Красного Креста. По просьбе Ф. Э. Дзержинского была с 1920 года представительницей Польского Красного Креста в Советской России. После смерти Горького она участвовала в подготовке изданий его сочинений, проводила огромную работу в Институте мировой литературы им. Горького, в Музее и Архиве А. М. Горького. В годы Великой

Отечественной войны много сделала для оказания помощи эвакуированным и пострадавшим от войны детям.

В 1958 году за многолетнюю общественную и литературную деятельность Советское правительство наградило Е. П. Пешкову орденом Трудового Красного Знамени. Была она награждена также орденом Польской Народной Республики за деятельность в Польском Красном Кресте.

Пилсудский, Юзеф (1867—1935) — политический и государственный деятель Польши, диктатор ее в 1926—1935 годах. Входил в Польскую социалистическую партию (ППС). В 1905—1907 годах стал создавать террористические «боевые группы», имевшие целью отвлечь польский рабочий класс от революционной борьбы и помешать крепнувшему союзу польского пролетариата с русским рабочим классом. В 1906 году под давлением рабочих Пилсудский и его «боевая организация» были исключены из ППС. В 1907 году Пилсудский со своими единомышленниками создал буржуазно-националистическую ППС-революционную фракцию (фраки). В 1908 году, связавшись с австро-венгерским генеральным штабом, он образовал в Галиции диверсионно-террористическую организацию «Стрелец». Во время первой мировой войны был на стороне австрийского империализма, возглавил польские легионы и создал тайную террористическую группировку «Польскую военную организацию» (ПОВ). В ноябре 1918 года при поддержке правых лидеров ППС и кулацких руководителей крестьянских партий, а также ПОВ, польских легионов и иностранных империалистов Пилсудский был провозглашен «Начальником государства» в Польше. В 1920 году он сыграл решающую роль в организации военного нападения на Советское государство. До 1922 года Пилсудский оставался главой польского государства, жестоко преследовал революционное движение трудящихся Польши. В мае 1926 года был одним из организаторов государственного переворота и создателем режима «санации», до конца жизни оставаясь диктатором Польши.

Плохоцкий, Мариан (1878—1937) — рабочий-пекарь, член ППС с 1896 года, член СДКПиЛ с 1900 года, партийная кличка «Ольбжимек». Арестованный в 1900 году, был в 1901 году сослан на шесть лет в Восточную Сибирь. После октябрьской амнистии 1905 года вернулся в Варшаву и работал секретарем социал-демократического профсоюза работников мукомольной промышленности. С 1906 года — член Центральной комиссии социал-демократических профсоюзов. Участвовал во II и V съездах СДКПиЛ. Неоднократно подвергался арестам. С 1917 года жил в Советской России, работал в Москве в Исполкоме МОПР. Его обширная, документальная статья о жизни трудящихся в дореволюционной Польше, о деятельности революционных партий и отдельных членов СДКПиЛ под названием «Воспоминания старого рабочего», а также «Хронология событий революции 1905 года в Королевстве Польском» публиковались из номера в номер в журнале «С поля вальки» — («С поля борьбы») — органа Института Ленина при ЦК ВКП(б) за 1927—1931 годы в Москве.

Прелгаускас, Игнас (1871—1956) — преподаватель, позднее профессор Варшавской консерватории. После первой мировой войны — директор Клайпедской консерватории.

Прухняк, Эдвард (1888—1937) — видный деятель польского рабочего движения, член СДКПиЛ с 1903 года, профессиональный революционер. Партийные клички: «Сэвар», «Люциан», «Олек». Руководил комитетами СДКПиЛ Домбровского угольного бассейна, Радома, Лодзи. Неоднократно арестовывался царскими властями. Арестованный в 1906 году, был в 1907 году сослан на вечное поселение в Туруханский край. Бежал из ссылки в Краков, где в 1909 году был секретарем Заграничной секции СДКПиЛ. Затем снова на нелегальной работе в разных городах Королевства Польского. В 1911 году он — слушатель организованной В. И. Лениным партийной школы в Лонжюмо под Парижем. Вернувшись на родину, работал секретарем Лодзинского комитета СДКПиЛ. В июле 1912 года был снова арестован и приговорен к восьми годам каторги. Освободила его Февральская революция 1917 года. Остался в Москве и по заданию московской организации большевиков работал в Лефортово-Благушенском районе. Активный участник Октябрьской революции в Москве. В 1918 году работал в штабе Московского военного округа, в ВЧК, делегат VI Всероссийского съезда Советов, кандидат в члены ВЦИК. В 1920 году — член Временного Революционного Комитета Польши (Польревком). Участник почти всех конгрессов Коминтерна, член президиума Исполкома Коминтерна. С 1925 по 1937 год член ЦК и член Политбюро ЦК Коммунистической партии Польши под партийной кличкой «Вебер» и «Сэвар». В 1926—1935 годах находился в Германии, Дании, Франции.

Пшедецкая, Стефания (1879—1937) — модистка шляпной мастерской в Варшаве, член СДКПиЛ с 1904 года. Партийные клички: «Марыся», «Зофья», «Виктория», «Марнаньска». Энергичный партийный организатор, участница первомайской демонстрации 1905 года в Варшаве. Одна из основательниц и руководительниц социал-демократического профсоюза работников иглы. Руководила всеобщей забастовкой портных в Варшаве в конце 1906 — начале 1907 года. Была арестована в конце 1907 года и выслана за пределы Российской империи. Находилась в эмиграции в Швейцарии с 1908 по 1910 год, была членом Цюрихской секции СДКПиЛ. Вернувшись в Королевство Польское снова активно работала в Варшаве и Лодзи, была членом Варшавского комитета СДКПиЛ «розламовцев». Арестованная в Лодзи в 1913 году, была сослана на вечное поселение в Иркутскую губернию. После Февральской революции жила и работала в Москве, явилась одним из организаторов польского архива революции. Член ВЦИК с 1919 г. В 1920 году уехала в Польшу для работы в КРПП. В 1921 году была там арестована и приговорена к пяти годам тюремного заключения. В 1923 году вместе с Прухняком, Будзынским и другими коммунистами в порядке обмена на польских военнопленных и заключенных вернулась в Советский Союз, где работала в Польбюро агитпропа ЦК Белоруссии, затем ЦК ВКП(б). До 1937 года заведовала польским архивом в ИМЭЛ.

Радванский, Тадеуш Антони (1884—1960) — член СДКПиЛ с 1900 года, профессиональный революционер. Партийные клички: «Витольд», «Лукаш», литературные псевдонимы: Т. Равский, Стах, Рокита, Енджей и др. Еще студентом Варшавского университета был арестован в 1905 году за участие в забастовке.

В 1907 году окончили физико-математический факультет Одесского университета. Затем в эмиграции в университетах Лейпцига, Кракова, Львова изучал политэкономию и философию. За нелегальную партийную работу в Королевстве Польском неоднократно подвергался арестам. Во время первой мировой войны был в царской армии на австрийском фронте. Член РКП(б) с 1918 года, участник гражданской войны. С 1920 года работал в Особом отделе ВЧК. Был руководителем отдела агитации и пропаганды Временного Польского Революционного Комитета в 1920 году. Сотрудничал в коммунистических изданиях на польском языке в Москве, Минске, Вильнюсе. С 1921 года находился в Германии, а с 1922 по 1946 год — в США, где активно работал в польской секции Компартии США и был редактором ряда газет и журналов. Вернулся в Народную Польшу в 1946 году. Член ПОРП в Варшаве, был редактором журнала «Хлопские дроги», затем переводчиком Министерства иностранных дел. С 1954 года находился на пенсии.

Радченко, Иван Иванович (1874—1942) — видный советский хозяйственник, член большевистской партии с 1898 года, профессиональный революционер. Участвовал в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», сыграл большую роль в распространении ленинской «Искры» в России. В 1902 году входил в состав Организационного Комитета по созыву II съезда РСДРП. В период революции 1905—1907 годов и нового революционного подъема вел партийную работу в ряде городов России. В 1918 году — один из организаторов и руководителей торфяной промышленности РСФСР. В 1921—1922 годах состоял членом коллегии Наркомвнешторга. Был ответственным редактором журнала «Торфяное дело». В 1927—1930 и 1934—1935 годах — директор научно-исследовательского торфяного института.

Реденс, Станислав (1892—1938) — член РСДРП(б) с 1914 года. В царской армии находился с 1914 до 1915 года, затем работал на Днепропетровском металлургическом заводе, был в 1916 году уволен как член стачечного комитета, после чего вторично мобилизован в царскую армию. После Февральской революции 1917 года он агитатор РСДРП(б) и член Совета рабочих и солдатских депутатов в Екатеринославе. В июле 1917 года снова вернулся на Днепропетровский металлургический завод, где был членом Комитета РСДРП(б), затем работал в Каменке. С 1918 года в Москве, секретарь председателя МЧК до 1919 года. В последующие годы работал на руководящих должностях в ЧК Киева, Одессы и в Крыму. В 1924—1926 годах — секретарь председателя ВСНХ СССР. Затем работал в Наркомате РКИ и в ЦКК ВКП(б) и снова в органах Госбезопасности. Участник XV, XVI и XVII съездов и ряда конференций партии, член ЦИК СССР. В 1937 году был награжден орденом Ленина. В 1938 году был народным комиссаром внутренних дел Казахской ССР.

Решке (Анчак), *Юлиан* (1888—1937) — рабочий, член СДКПиЛ с 1904 года. Работал в партийной организации Домбровского угольного бассейна под партийной кличкой «Леон», а с 1906 года в Варшаве под кличкой «Щербаты». Несколько раз подвергался арестам, в 1909 году был приговорен к четырем годам каторги. После от-

бытия срока сослан в Сибирь в Канский уезд Енисейской губернии на вечное поселение. В 1914—1915 годах — он один из организаторов группы РСДРП(б) политссыльных в Канском уезде. Под фамилией Герасима Лактенова работал слесарем на заводах в Иркутске до 1917 года. После Февральской революции работал на заводах Белоруссии и Украины, где был организатором Красной Гвардии. Активный участник Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. В 1923—1925 годах учился в КУНМЗе в Москве, работал инструктором Сокольнического райкома ВКП(б) по вопросам национальных меньшинств. Позднее работал в Одессе в Управлении городского транспорта. Затем жил и работал в Москве.

Росол, Ян — один из старейших польских рабочих-революционеров, член партии «Великий пролетариат» — первой социалистической партии польского рабочего класса. В 1889 году Ян Росол — один из организаторов Союза польских рабочих, участник первого съезда Социал-демократии Королевства Польского (СДКП) в 1894 году. Был арестован в 1895 году и сослан на три года в Архангельскую губернию. Вернувшись в Варшаву в 1898 году, организовал кружок рабочих, получивший название «Росоловцы». В 1899 году помогал Ф. Дзержинскому восстанавливать разгромленную варшавскую организацию СДКП. Был снова арестован в конце 1900 года и после трех лет тюремного заключения сослан на пять лет в Восточную Сибирь, откуда вернулся в Варшаву после октябрьской амнистии 1905 года. Умер в 1912 году.

Росол, Антон (1884—1902) — сын Яна Росола, талантливый молодой рабочий. Активно помогал Ф. Дзержинскому в 1899—1900 годах писать, гектографировать и распространять партийные листовки, проводить собрания рабочих, вовлекать их в СДКП. Арестованный вслед за Дзержинским в ночь с 4 на 5 февраля 1900 года, был брошен в X павильон Варшавской цитадели, где заболел туберкулезом. В марте 1901 года тяжелобольного Антека перевели в Седлецкую тюрьму. В июле 1901 года Антека Росола выпустили из тюрьмы и отправили к матери в Каунас, куда в день его ареста она была выслана под надзор полиции. Там он в июне 1902 года и умер. Ф. Дзержинский написал статью-воспоминание «Антон Росол» (см. *Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения*, т. I. М., 1967, стр. 29—33).

Рубенский (Рубинштейн), *Генрих* (1883—1970) — член СДКПиЛ с 1904 года, профессиональный революционер. Партийная кличка «Рубишек». В 1905—1906 годах ведал партийной техникой, принимал одновременно участие в нелегальном социал-демократическом профсоюзном движении. Арестованный в 1906 году, после двухлетнего заключения, был административно выслан в Астраханскую губернию, откуда бежал в 1908 году за границу. Во время эмиграции состоял членом Заграничных секций СДКПиЛ в Берлине, Цюрихе, потом в Кракове. В 1914 году, незадолго до начала первой мировой войны, он нелегально вернулся в Россию и жил по паспорту германского подданного Грюнеталля в Петербурге. В начале войны царские власти арестовали его и выслали в Вологду. После Февральской революции 1917 года приехал в Москву, активно участвовал в Октябрьской социалистической

революции, затем работал в Харькове заместителем народного комиссара социального обеспечения Украины, в Москве в Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). Последние годы жизни был персональным пенсионером.

Рыбацкий, Щепан (1887—1941) — рабочий-каменщик, профессиональный революционер-публицист, талантливый партийный организатор и оратор, активный участник революции 1905—1907 годов, член СДКП(П) с 1906 года. Партийная кличка «Надзень». В период реакции был арестован и сослан в Сибирь на вечное поселение. Из ссылки бежал. Во время немецкой оккупации Королевства Польского в годы первой мировой войны Рыбацкий находился в Варшаве и был вместе с Варским арестован, отправлен в концлагерь в Германию, где находился с 1916 по ноябрь 1917 года, затем вернулся в Варшаву. В 1918 году он один из организаторов Совета рабочих депутатов в Домбровском угольном бассейне. С 1918 по 1923 год — член ЦК Коммунистической партии Польши, депутат сейма. Делегат III конгресса Коминтерна (1921 год, в Москве), на котором выступал с поддержкой ленинской тактики РКП(б). В 1923 году был брошен в тюрьму польскими буржуазными властями. В 1924 году эмигрировал во Францию, откуда приехал в СССР под фамилией Мацевский, работал редактором газеты «Серп», выходившей на польском языке в Киеве, был членом Польского бюро агитпропа ЦК ВКП(б).

Семполовская, Стефания (1870—1944) — выдающаяся польская левая общественная деятельница, просветительница, литератор и педагог. Была связана с радикальным крылом учительского движения. Многолетняя покровительница политических заключенных в царское время. После первой мировой войны продолжала в Польше оказывать помощь политзаключенным через Красный Крест. Одна из организаторов кампании за амнистию. Представительница Советского Красного Креста в Польше до 1938 года. Редактор молодежных журналов. Автор книг: «На помощь», «Варшава вчера и сегодня».

Скарбек-Шацкий, Болеслав (1888—1933) — будучи студентом Киевского политехнического института, вступил в 1906 году в партию ППС-революционная фракция (фраки). С 1910 года — председатель этой организации в Киеве. В 1912 году был арестован и два года находился под гласным надзором полиции. С 1916 года — член Харьковской группы ППС-левицы, ее председатель, с 1917 года член Харьковского, затем Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1917—1919 гг. — сотрудник Польского бюро ЦК КП(б)У, редактор газеты «Глос коммунисты», ответственный редактор газеты «Штандар коммунизму». С 1919 по 1921 год — начальник польского отдела Реввоенсовета Западного фронта. В 20-е годы сотрудничал в ряде газет.

Смоленский, Владислав (1851—1926) — известный историк, профессор Варшавского университета, член Польской академии наук.

Смолинская, Наталья — член первой группы СДКП в Варшаве, партийная кличка «Марта». Арестованная в 1900 году и высланная на три года за пределы Королевства Польского, неле-

гально вернулась в Америке — работала в партии до 1909 или 1910 года, затем эмигрировала в Америку.

Собесак, Антони — каменщик, член СДКПиЛ, партийная кличка «Цюс», один из замечательных рабочих ораторов. Руководил всеобщей забастовкой варшавских каменщиков в 1904 году. Один из основателей социал-демократического профсоюза каменщиков. Делегат V съезда СДКПиЛ (1906). В период реакции покончил с собой.

Собкович, Ян — пекарь. Еще в 1898 году его арестовали за принадлежность к ППС. Выйдя на свободу, приехал в Варшаву, связавшись с партийной организацией пекарей, которая к тому времени порвала уже с ППС и примкнула к СДКП. Он активно включился в партийную работу под кличкой «Собек». В 1900 году его снова арестовали и выслали на три года в глубь России, но вскоре он нелегально вернулся и продолжал активно работать в рядах СДКПиЛ вплоть до нового ареста в 1901 году. Сосланный на пять лет в Восточную Сибирь, он после октябрьской амнистии 1905 года приехал в Варшаву для партийной работы, участвовал в работе V съезда СДКПиЛ и V (Лондонского) съезда РСДРП. В 1907 или в 1908 году его опять арестовали и приговорили к каторжным работам, а после отбытия каторги — к вечному поселению в Сибири. Освобожденный Февральской революцией 1917 года, он остался в Сибири, но участия в партийной работе не принимал.

Соколовский, Эдвард (1878—1932) — по образованию агроном, профессиональный революционер. С 1894 года — член кружка Социалистической молодежи в Вильно, с 1896 года — член Литовской социал-демократической партии. Участник объединения с Социал-демократией Королевства Польского и создания СДКПиЛ в 1899 году. Партийные клички: «Томаш», «Стах», позднее также «Малиновский». Член Главного Правления СДКПиЛ в 1900—1901 годах. В 1905 году — член Виленского комитета СДКПиЛ и редактор газеты «Валька работнича» и «Солдатская памятка». Неоднократно арестовывался, был сослан в Астраханскую губернию. После ссылки — в Петрограде, участник Февральской и Октябрьской революций (меньшевик-интернационалист). В 1918 году уехал в Вильно, затем в Варшаву, в 1919 году вступил в КРПП и несколько лет руководил сельхозотделом ЦК Компартии Польши. В 1926 году приехал в СССР, был принят в члены ВКП(б). Работал агрономом.

Тарвацкий, Ян (1879—1918) — слесарь-механик в Варшаве, член СДКП с 1898 года. Партийные клички: «Пытляс», «Пытлясинский». В 1900 году после второго ареста был сослан в Одессу, где находился до 1903 года, затем до 1905 года — в Архангельской губернии. После возвращения в Варшаву активно участвовал в работе СДКПиЛ, руководил первой партийной организацией Дольного района Варшавы, затем районными организациями Воля и Повонзки. В 1905—1907 годах — член Варшавского комитета СДКПиЛ, делегат V (Лондонского) съезда РСДРП. В годы реакции подвергался преследованиям царских властей, неоднократно арестам. Арестованный в 1915 году в Варшаве, был вывезен в Тверь, затем приговорен к восьми годам ссылки в Восточную

Сибирь. Работал слесарем-механиком в механической мастерской в Енисейске. Тарвацкий — один из участников создания енисейской организации РСДРП(б). После Февральской революции 1917 года — член ревкома и городского Совета в Енисейске (большевицкая фракция). Затем уехал в Москву, а в сентябре 1917 года — в Крым, где активно участвовал как член Симферопольского комитета РСДРП(б) в Великой Октябрьской революции и возглавил первое революционное правительство в Крыму. В 1918 году Тарвацкий председатель Губкома РКП(б) Тавриды. Во время захвата белогвардейцами Крыма он был ими зверски убит 24 апреля 1918 года вблизи Алушты.

Трегер, Даниил Самойлович — советский изобретатель в области железнодорожного транспорта. Член КПСС с 1931 года. С 1910 года работал механиком на железных дорогах России. В 1923—1924 годах закончил разработку конструкции изобретенного им электрожелезнодорожного аппарата, применяемого на железных дорогах СССР. Трегер является также автором систем автоматических указателей уровня воды в резервуарах водокачек и ряда других изобретений. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Трусевич, Станислав (Казимир Залевский) (1870—1918) — член Союза польских рабочих с 1890 года. Один из организаторов «Союза рабочих Литвы» в 1896 году. Партийные клички: «Окулярник», «Адам», «Адамовский», «Астроном». В 1897 году был сослан в Сибирь, откуда бежал в 1899 году. Деятель СДКПиЛ в Варшаве, один из организаторов II (1900) и III (1901) съездов партии. Член Главного Правления СДКПиЛ в 1900—1901 годах. Выступал за федеративную программу в решении национального вопроса. Арестованный в 1901 году, был сослан в Енисейскую губернию. В 1905 году находился в Литве. В 1909 году был отстранен от работы в СДКПиЛ, а в 1911 году опубликовал открытое письмо о своем выходе из СДКПиЛ. В 1909—1910 годах издавал в Париже, затем в Кракове газету «Солидарность рабочих» («Рабочая солидарность»), в которой критиковал СДКПиЛ за сектанство и призывал объединиться с ППС-левицей. В годы первой мировой войны занимал интернационалистскую позицию. После Февральской революции 1917 года приехал в Россию, вступил в большевистскую партию, работал в редакции органа ВЦИК РСФСР «Вестник жизни», был также сотрудником газеты «Известия ВЦИК». Умер в 1918 году в Можайске.

Тышка, Ян (Леон Иогихес) (1867—1919) — видный деятель польского и германского рабочего движения. Начал революционную работу в Вильно в конце 80-х годов. После кратковременного ареста эмигрировал в Швейцарию, был связан с группой «Освобождение труда», участвовал в ее изданиях под литературным псевдонимом Л. Грозовский. Был одним из организаторов Социал-демократии Королевства Польского (СДКП) в 1893 году и являлся затем бессменным членом ее Главного Правления. Вместе с Розой Люксембург принимал участие в издании газеты «Справы рабочих» и журнала «Шпеглэнд социаль-демократичны». Осенью 1905 года приехал в Королевство Польское, где в марте 1906 года был арестован и приговорен к восьми годам

катории, но бежал из тюрьмы в Германию. Участник IV, V и VI съездов СДКПиЛ и V (Лондонского) съезда РСДРП. В годы реакции занимал примиренческую позицию по отношению к меньшевикам и ликвидаторам в РСДРП. Вместе с Р. Люксембург и Ф. Мериингом принимал участие в немецком социал-демократическом движении, находясь во главе левого крыла. Был одним из организаторов «Союза Спартака». В 1916—1918 годах находился в заключении. Освобожденный из тюрьмы ноябрьской 1918 года революцией в Германии, был одним из организаторов Германской компартии. После убийства в январе 1919 года Р. Люксембург и К. Либкнехта возглавил борьбу Компартии Германии против нарастающей реакции. В марте 1919 года был арестован и убит в тюрьме.

Уейский, Корнелий (1823—1897) — польский поэт-демократ, в творчестве которого были сильны национально-освободительные мотивы.

Ульяновский, Владислав (1893—1937) — деятель польского рабочего движения. В 1912—1914 годах входил в ППС, затем вступил в СДКПиЛ и был членом ее Главного Правления. В 1918 году участвовал в первом съезде Коммунистической рабочей партии Польши (КРП). Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства, немецких оккупантов в годы первой мировой войны, а затем и буржуазно-помещичьих властей Польши. В 1920 году был представителем Компартии Польши на IX Всероссийской конференции РКП(б), выступал с докладом о положении в Польше. Позднее был членом комитета КПП Верхней Силезии, затем руководил Краковской окружной организацией Компартии Польши. С 1925 года — проживал в СССР, состоял членом польской секции Коминтерна, находился на руководящей хозяйственной работе до 1937 года.

Унилихт, Юзеф (1879—1938) — окончил техническое училище в Варшаве, принимал участие в революционном движении с 1896 года. Член СДКПиЛ с 1900 года. Партийные клички: «Темный», «Техник», «Леон», «Ян», «Юровский». В 1905 году — член Лодзинского комитета, затем в 1905—1907 годах — Варшавского комитета СДКПиЛ и районного правления Мокотовского района Варшавы. Делегат V и VI съездов СДКПиЛ и V (Лондонского) съезда РСДРП. Неоднократно подвергался арестам. Один из организаторов раскола в СДКПиЛ и один из руководителей организации «розламовцев». В 1913 году был приговорен к вечному поселению в Сибири. После Февральской революции 1917 года приехал в Петроград, активно участвовал в Великой Октябрьской революции как член Военно-революционного Комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Был членом ВЦИК, ЦИК группы СДКПиЛ в России и председателем Центрального плена (Организация по делам военнопленных и беженцев первой мировой войны). В 1919 году он — член Реввоенсовета 16-й армии Западного фронта. В 1920 году — член Временного Польского Революционного Комитета (Польревком). С 1921 по 1923 год — заместитель председателя ВЧК. В 1923—1927 годах — член коллегии Реввоенсовета, потом заместитель наркома по военным и морским делам СССР, заместитель председателя Госплана

СССР. В 1933—1937 годах — начальник Главного управления гражданского воздушного флота. Постоянный член ЦИК СССР. Начиная с XI съезда партии и до 1937 года — кандидат в члены ЦК ВКП(б).

Уралов, Сергей Герасимович (настоящая фамилия Кисляков) (1893—1969) — член РСДРП(б) с 1914 года. Вел партийную работу в Саратове и на Урале. В 1917 году после июльских дней переехал в Петроград и был направлен Центральным комитетом партии на работу в Центральный Совет фабрично-заводских комитетов. В дни Октябрьского вооруженного восстания по поручению Военно-революционного Комитета возглавил отряд Красной Гвардии, занявший типографию «Русской воли», где впоследствии стала печататься большевистская «Правда». Затем был назначен помощником комиссара, ведавшего типографиями Петрограда. В 1918 году С. Г. Уралов был направлен на работу в ВЧК, с марта 1919 года — он член коллегии ВЧК. В конце декабря 1919 года — председатель Омского ЧК и полномочный представитель ВЧК в Сибири. Затем на ответственной хозяйственной работе в ВСНХ СССР и Наркомземе. Избирался членом ЦК ВКП(б) и Комиссии советского контроля. Участник Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. В последние годы жизни — персональный пенсионер. За заслуги перед Родиной С. Г. Уралов награжден орденом Ленина, знаком «Почетный чекист» и юбилейным знаком «50 лет ВЧК-КГБ».

Файнштейн, Михалина — учительница, активная участница варшавской организации СДКПиЛ в 1904—1905 годах. Партийная кличка «Зофья». Член Мокотовского районного правления и Варшавского комитета СДКПиЛ в 1905—1906 годах. Арестованная в декабре 1906 года, после освобождения под залог эмигрировала за границу, где осенью 1909 года покончила жизнь самоубийством.

Фальковский, Болеслав Миколай (1878—1937) — рабочий-металлист, активный член СДКП с 1898 года. Партийные клички: «Игнась» и «Сибиряк». Член Мокотовского районного правления СДКПиЛ, один из организаторов и многолетний член правления социал-демократического профсоюза металлистов. Неоднократно подвергался арестам. В 1909 году Варшавской судебной палатой был приговорен к вечному поселению в Сибири и сослан в Иркутскую губернию. Из ссылки бежал, нелегально жил и работал в Сибири, в том числе в 1915—1917 гг. в Иркутске под фамилией Насецкий. С марта 1917 года — член РСДРП(б). Принимал активное участие в борьбе за власть Советов в Сибири. После Октябрьской революции — член Судебной коллегии, начальник следственного отдела в Иркутске. Участвовал в разоружении двух поездов контрреволюционных чешских частей в июле 1918 года. После захвата белогвардейцами Иркутска был арестован ими, отправлен в Киренск, откуда бежал в октябре 1918 года. Участвовал в партизанском движении под именем Ян Рогозинский. Был связным на трассе Иркутск—Красноярск—Томск. Делегат нелегальной конференции РКП(б) в Томске в 1919 году. Арестован колчаковцами на Красноярской конференции РКП(б) в июне 1919 года, подвергся пыткам, после которых стал инвалидом. В 1920 году вернулся в Иркутск, где работал секретарем Поль-

ского бюро в губкоме РКП(б). С 1923 года находился на пенсии. Умер в Москве в 1937 году.

Фидлер, Францишек (Трускер) (1880—1956) — видный деятель польского революционного рабочего движения. Член СДКПиЛ с 1905 года. Партийные клички: «Перент», «Джек». Был членом Главного Правления СДКПиЛ, редактором газет: «Трибуна», «Млот», затем «Нова Трибуна». С 1918 по 1924 год — член ЦК Коммунистической партии Польши. С 1925 года в СССР, сотрудник Исполкома Коминтерна, в 1926—1937 годах участвовал в издании политической литературы для Коммунистической партии Польши. С 1938 по 1945 год находился во Франции, занимался литературно-публицистической деятельностью. В военные годы участвовал во французском движении Сопротивления. В 1945 году вернулся в Польшу, стал членом Польской рабочей партии, а с 1948 по 1956 год — членом ЦК Польской объединенной рабочей партии. До 1951 года был главным редактором партийного теоретического журнала «Нове дроги», затем работал в Польской академии наук. Умер в Варшаве.

Фиялек, Ипполит (1875—1935) — рабочий-шорник, член СДКПиЛ с 1900 года, член Мокотовского районного правления партии в Варшаве, некоторое время также член Варшавского комитета. Партийная кличка «Кораль». Много раз подвергался арестам. В 1907 году был выслан за пределы Российской империи. Эмигрировал в США, организовал в Нью-Йорке секцию СДКПиЛ. В 1910 году вернулся в Варшаву. В 1911 году снова был брошен в тюрьму, из которой освобожден в 1912 году. В годы первой мировой войны работал в Бресте, затем Гомеле, а с 1916 года в киевском Арсенале, где был членом группы РСДРП(б). После Февральской революции — красногвардеец, активный участник Октябрьской социалистической революции на Украине, один из руководителей восстания рабочих киевского Арсенала против контрреволюционной украинской Центральной Рады. Отличался мужеством и героизмом. С 1918 по 1926 год находился в Польше, где вел активную партийную деятельность в условиях подполья. В марте 1927 года вернулся в Киев и продолжал работать в Арсенале. С 1932 года Фиялек — сотрудник редакции газеты «Коммунист». Умер в 1935 году в Одессе.

Фиялковская, Софья (по мужу Громковская) — член СДКПиЛ, профессиональная революционерка. Партийная кличка «Клара». Активная участница революции 1905—1907 годов. Была арестована за убийство провокатора, бежала из тюрьмы за границу, в Краков. В Польской Народной Республике активно работала в рядах ПОРП, была секретарем партийной организации города Закопане. Умерла в Польше в начале 1958 года.

Фиялковский — член СДКПиЛ. Партийные клички: «Фаяля», «Брат Клары». В 1905 году — член боевой дружины. Искренне преданный партии, но слишком горячий, применил в 1905 году вопреки отрицательному отношению партии к террору экономический террор во время забастовки портных в Варшаве. Был тяжело ранен полицией и через несколько дней умер в больнице Святого духа в Варшаве.

Фомин, Василий Васильевич (1884—1942) — член РСДРП с 1910 года, большевик. Партийную работу вел в Оренбурге. Неоднократно подвергался арестам и ссылке. После Февральской революции 1917 года редактировал фронтовую газету «Звезда». В 1918—1920 годах — член коллегии ВЧК, военный комиссар на железнодорожном транспорте. В 1921—1922 гг. — заведующий отделом ВЧК, в 1923 году — комиссар Главного управления путей сообщения. В 1924 году — заместитель наркома путей сообщения. В 1925 году — член ЦКК ВКП(б). В 1926—1930 годах работал в Наркомвнуторге, затем был назначен заместителем наркома водного транспорта. В 1938 году — управляющий Всесоюзной конторой «Союзтекстильшвейторг».

Цукер-Керчинская, Мелания (1888—1962) — литератор, активный член СДКПиЛ с 1906 года в Варшаве. За революционную деятельность подвергалась арестам. Член Коммунистической партии Польши с 1919 года. До 1939 года работала в Белостоке. В 1940—1941 годах — во Львове. Во время Великой Отечественной войны работала в Советском Союзе. После войны вернулась в Народную Польшу, была активным членом Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Умерла в Варшаве в 1962 году.

Цукервар — активный участник революции 1905—1907 годов, агитатор и пропагандист СДКПиЛ в Варшаве. Партийная кличка «Бялы». После Октябрьской революции 1917 года — в Советской России под фамилией Елич, член ВКП(б), преподаватель в польском секторе Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), потом профессор политэкономии Московского государственного университета. Умер в Москве в 1952 или в 1953 году.

Чапинский, Кароль (Казимир) (1882—1941) — польский литератор-публицист. В 1910—1912 годах находился в Кракове, склонялся в сторону меньшевизма. Позднее в буржуазно-помещичьей Польше состоял в правом крыле ППС, выступал против коммунистов и писал в газету «Роботник» грязные, клеветнические статьи об СССР.

Шары (фамилия неизвестна) — металлист, представитель организации СДКПиЛ завода Ярнишкевича в Мокотовском районном правлении партии в 1905—1906 годах.

Шелест, Алексей Нестерович (1878—1954) — советский теплотехник и машиностроитель. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1933), член КПСС с 1951 года. В 1915 году окончил Московское Высшее техническое училище и был оставлен там преподавателем (с 1932 года — профессор). Основные труды А. Н. Шелеста посвящены тепло-, паро- и электровозостроению, а также двигателям внутреннего сгорания и компрессорам. А. Н. Шелест был награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Шер, Наталья (по мужу Семковская) (1889—1970), активный член варшавской организации СДКПиЛ с 1905 года. Партийная

кличка «Ирена Изольская». В 1907 году была арестована, затем находилась в эмиграции. Работала в зарубежных секциях СДКПиЛ. Была тесно связана с Розой Люксембург. В годы реакции приложила много усилий, чтобы активизировать политическую деятельность секции СДКПиЛ в Вене. После раскола в 1911 году в СДКПиЛ примкнула к «розламовцам». В 1915—1917 годах была одной из самых активных членов секретариата Краковского Союза помощи политзаключенным и ссыльнопоселенцам в России, который во время первой мировой войны находился в Швейцарии. Высокую оценку ее деятельности дал организатор и руководитель этого Союза Сергей Багоцкий в своей отчетной статье в журнале «Каторга и ссылка». После Февральской революции 1917 года Наталья Семковская вместе с мужем (позднее известным академиком на Украине) вернулась в Россию. Работала в Народном комиссариате просвещения Украины как литератор и переводчик с иностранных языков и как педагог. Последние годы жизни была персональной пенсионеркой.

Шеринский, Эдзислав (1888—1936) — член СДКПиЛ с 1904 года. Партийная кличка «Пиорун». В 1908 году — один из руководителей Повислинской районной партийной организации Варшавы. Дважды был арестован. В 1915 году мобилизован в царскую армию. В 1917 году был избран в Псковский Совет рабочих и солдатских депутатов, член Псковского комитета РСДРП(б). В 1918 году — организатор частей Красной Армии в районах Луги и Пскова. Первый комиссар 4-й Петроградской дивизии Красной Армии, затем комиссар Польской революционной военной школы в Минске. Участник гражданской войны. По окончании Военной академии работал в Главном управлении военных училищ в Москве, а с 1933 по 1935 год — директор Центрального архива Красной Армии и преподаватель военных дисциплин в высших учебных заведениях.

Штейн-Каменский, Генрих (Домский) (1883—1937) — по профессии журналист, член СДКПиЛ с 1904 года, партийная кличка «Крагус», позднее троцкист. С 1918 года — в руководстве Коммунистической Рабочей партии Польши занимал ультралевые позиции.

Эльбаум, Даниель (1884—1937) — по профессии учитель, окончил Политехнический институт в Варшаве. Член СДКПиЛ с 1903 года, пропагандист, профессиональный революционер. Партийные клички: «Вицек», «Ежи», «Болек», «Казик». В разное время член Варшавского комитета СДКПиЛ и комитета Домбровского угольного бассейна. В 1905—1907 годах, а также в 1910 году — доверенное лицо Главного Правления СДКПиЛ и член Лодзинского комитета партии. Неоднократно подвергался арестам. В 1910 году был приговорен к пожизненному поселению в Восточной Сибири. Из ссылки бежал в 1913 году за границу и по заданию Главного Правления СДКПиЛ уехал в Америку для партийной работы среди польского населения США. В 1919 году участвовал в работе съезда американской компартии. В том же году Эльбаум был арестован в США как один из организаторов компартии. До 1920 года находился в Америке, затем работал в Германии в качестве уполномоченного Коммунистической партии Польши. В 1921 году

приехал в Советскую Россию. Работал в Москве в Наркомате иностранных дел, член ВКП(б).

Ягодзинский, Адам (1874—1937) — рабочий-пекарь, один из руководителей первой забастовки пекарей в 1897 году в Варшаве. Осенью 1899 года под влиянием агитации Дзержинского Ягодзинский привел весь цех пекарей Варшавы в ряды восстановленной организации СДКП. В 1905—1907 годах — член Мокотовского районного правления СДКПиЛ. Партийные клички: «Руды», «Адам», «Леон», «Кароль», «Стефан». Неоднократно подвергался арестам. Из Варшавской тюрьмы был в 1915 году эвакуирован в Москву и сослан в Нижнеудинск Иркутской губернии. После Февральской революции 1917 года он в Москве в рядах большевистской партии. Активный участник Великой Октябрьской революции и гражданской войны. В 1923—1927 годах учился в КУНМЗе, после окончания которого работал на Украине среди польского населения, затем — на кооперативной работе в Харькове. С 1930 года — работник Харьковского губисполкома, потом до 1937 года заведовал польским клубом в Харькове.

Якобсон, Анна (по мужу Мессинг) (1890—1967) — работница-модистка в Варшаве, член СДКПиЛ с 1906 года. Партийная кличка «Анка». Дважды была арестована царскими властями — в 1907 и в 1912 годах. Находилась три года в ссылке во Владимирской губернии. После Февральской революции жила и работала в Москве. В 1917 году работала в Сокольническом районном Совете рабочих и солдатских депутатов. В 1918—1919 годах — сотрудница МЧК и ВЧК. Затем в течение многих лет активно участвовала в работе польской секции Коммунистического Интернационала. В последние десять лет жизни была персональной пенсионеркой.

Оглавление

Предисловие	3
Детство и юность	5
Моя первая встреча с социал-демократами и начало революционного пути	17
Знакомство с Юзефом	23
Январские события 1905 года	27
Первое мая 1905 года. Июньское вооруженное вос- стание в Лодзи	30
Провал конференции в Дембах Вельких	35
Моя первая партийная работа	41
Всеобщая Октябрьская политическая забастовка	49
В Мокотовской организации	56
В период Московского вооруженного восстания	58
Слияние СДКПиЛ с РСДРП	62
Моя пропагандистская работа	63
V съезд СДКПиЛ в Закопанэ	68
Мой первый арест	69
В Прушкове	80
СДКПиЛ на V съезде РСДРП	82
В Варшавском подполье (1907—1908 годы)	83
VI съезд СДКПиЛ	88
Снова в тюрьме	93
В эмиграции (1910 год)	94
Мой отъезд в Варшаву и третий арест	140
В X павильоне Варшавской цитадели	152
В женской тюрьме «Сербия»	158
Внутрипартийные вопросы в РСДРП и СДКПиЛ	168
В женской тюрьме «Сербия» (продолжение)	176
Суд	183
В ожидании ссылки в Сибирь	185
По этапу в Сибирь	194
В Орлине	203
Побег	211
В эмиграции в Галиции	219

Чудесные письма Феликса	230
Первая встреча с В. И. Лениным. Начало первой мировой войны	237
В Закопанэ и в Вене	242
В Швейцарии	244
После Февральской революции	266
После Великого Октября	278
Встреча после долгой разлуки	283
События в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Польше	287
Наш выезд в Москву	291
В первом в мире социалистическом государстве	293
Ф. Э. Дзержинский на страже завоеваний Октября	301
Короткая передышка	330
Третий поход Антанты	334
Дзержинский на Юго-Западном фронте	339
Контрнаступление Красной Армии на Западном фронте и Временный польский революционный комитет	343
Большой друг детей	362
Народный комиссар путей сообщения	384
Смерть вождя	401
На посту председателя ВСНХ	403
Феликс Дзержинский и Коммунистическая партия Польши	430
Смерть на боевом посту	436
Настоящий коммунист, настоящий человек	443
Приложение. Краткие биографические сведения о лицах, упоминаемых в книге	462

Дзержинская С. С.

Д 43 В годы великих боев. Изд. 2-е, испр. и доп. Пер. с польск. М., «Мысль», 1975.

502 с.; 1 л. портр.; 8 л. ил. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР).

Воспоминания жены, друга и соратника Ф. Э. Дзержинского С. С. Дзержинской написаны с привлечением богатого документального материала. Они воссоздают яркие страницы из истории польского и русского революционного движения. В книге сделаны живые зарисовки, даны портреты выдающихся революционных деятелей. Главное место в ней занимают страницы, посвященные жизни и революционной деятельности Ф. Э. Дзержинского.

Дзержинская, Софья Сигизмундовна

В ГОДЫ ВЕЛИКИХ БОЕВ

Издание второе, исправленное
и дополненное

Редактор *А. П. Тарасова*

Младший редактор *А. П. Осипова*

Оформление художника *А. Ф. Сергеева*

Художественный редактор *В. А. Захарченко*

Технический редактор *В. Н. Корнилова*

Корректор *В. С. Матвеева*

Сдано в набор 24 сентября 1974 г. Подписано в печать 14 февраля 1975 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Усл. печатных листов 27,4 с вкл. Учетно-издательских листов 29,96 с вкл. Тираж 50000 экз. А 10028. Заказ № 1660. Цена 1 р. 24 к.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.